Вестник
Европы
№ 2, 1911 г

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ФЕВРАЛЬ

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

4460

Михаилъ Матвѣевичъ СТАСЮЛЕВИЧЪ †

28 августа 1826 — 23 января 1911.

Интересъ къ наукѣ, къ которому постепенно присоединяется интересъ къ государственной и общественной жизни; растущее съ годами желанье и умѣнье соприкасаться съ дѣйствительностью не только словомъ, но и дѣломъ; стремленіе окружать себя постоянно мѣняющеюся, но всегда одинаково близкою сердцу дѣтскою толпою—вотъ главныя черты человѣка, котораго оплакиваетъ теперь, вмѣстѣ съ бывшими товарищами его и друзьями, значительная часть русскаго общества.

Послѣдніе годы ученья Михаила Матвѣевича Стасюлевича не даромъ совпали съ тѣмъ короткимъ моментомъ, когда русская мысль, оставаясь сдавленною и заподозрѣнною, переживала если не реальность, то иллюзію надежды. Совершался расцвѣтъ литературы и науки; на сцену выступали люди сороковыхъ годовъ. Этого не могла не чувствовать учащаяся молодежь, къ которой тогда принадлежалъ Михаилъ Матвѣевичъ. Едва онъ успѣлъ окончить университетскій курсъ, какъ все измѣнилось: реакція 1848-го года остановила на много лѣтъ ростъ только что зарождавшихся теченій. Въ научной области работа не прекратилась, но, по необходимости, сосредоточилась на далекихъ эпохахъ и такъ называемыхъ невинныхъ темахъ. Спеціальностью Михаила Матвѣевича надолго стала исторія древней Греціи, занятія которою, начатыя подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ, М. С. Куторги, развили въ немъ привычку къ строго научному мышленію. Когда онъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, возвратился изъ заграничной командировки, онъ засталъ новое общество, новый составъ учащихъ, новое настроеніе среди студентовъ. Двери университета были открыты для широкой

публики, и она входила въ нихъ, движимая не однимъ только любопытствомъ. Волной разлилась жажда знанія, и притомъ не только теоретическаго, но прямо примѣнимаго къ жизни. Ее старались удовлетворить такіе профессора, какъ Кавелинъ, Костомаровъ, Утинъ, Пыпинъ, Благовѣщенскій, Спасовичъ, Сухомлиновъ. Среди нихъ сразу занялъ выдающееся мѣсто Стасюлевичъ. И въ своихъ университетскихъ курсахъ, и въ публичныхъ лекціяхъ онъ старался касаться предметовъ, которые возбуждали бы не одну лишь любознательность. Студентамъ онъ читалъ о первыхъ вѣкахъ христіанства; публичныя лекціи онъ посвящалъ то французскому провинціальному управленію при Людовикѣ XIV-мъ, дававшему поводъ для параллелей съ русской до-реформенной администраціей, то Марку Аврелію, какъ учителю истинной гуманности и государственной мудрости. Успѣхъ его былъ большой — и тѣмъ замѣчательнѣе его рѣшимость сойти съ дороги, много обѣщавшей, вполнѣ соотвѣтствовавшей его наклонностямъ и вкусамъ. Отставка пяти профессоровъ (кромѣ Михаила Матвѣевича, это были К. Д. Кавелинъ, А. Н. Пыпинъ, В. Д. Спасовичъ и Б. И. Утинъ), вызванная, въ 1861-мъ году, студенческими волненіями—или, точнѣе, образомъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, подавшимъ поводъ къ этимъ волненіямъ,—была настоящимъ подвигомъ. И не только потому, что, какъ первое проявленіе коллективнаго протеста, она грозила преслѣдованіями со стороны правительства; еще важнѣе было то, что она влекла за собою разрывъ съ тѣмъ, что было призваніемъ, могло и должно было стать дѣломъ цѣлой жизни. Не одинакова была внѣшняя судьба *пяти* — но потерю каѳедры они всѣ чувствовали одинаково живо. Блестящіе тріумфы Спасовича на адвокатскомъ поприщѣ не поколебали его убѣжденія, что настоящимъ его назначеніемъ была профессура. Выдающійся писатель, глубоко уважаемый общественный дѣятель, Кавелинъ нашелъ душевное спокойствіе только на склонѣ лѣтъ, въ скромной аудиторіи военно-юридической академіи. Утинъ, рано умершій, тяготился дѣятельностью судьи; для Пыпина поздно полученное академическое кресло едва ли было эквивалентомъ каѳедры. И какъ ни подходилъ Михаилъ Матвѣевичъ къ роли руководителя періодическаго изданія, и ему не были чужды сожалѣнія о профессурѣ. Весьма можетъ быть, что въ „Вѣстникѣ Европы", задуманномъ и осуществленномъ имъ въ формѣ трехмѣсячника, съ научнымъ, преимущественно историческимъ содержаніемъ, онъ видѣлъ сначала именно какъ бы продолженіе или суррогатъ профессорской работы.

Чѣмъ былъ „Вѣстникъ Европы" въ теченіе сорока трехъ лѣтъ (1866—1908) изданія и редактированія его М. М. Стасюлевичемъ—

объ этомъ судить не бывшимъ его сотрудникамъ [1]). Я отмѣчу здѣсь только нѣкоторыя черты, особенно характерныя для Михаила Матвѣевича. Всегда сдержанный, всегда, по видимому, спокойный, онъ оставался такимъ и въ объясненіяхъ своихъ съ цензурными властями, столь частыхъ—и столь тягостныхъ—при прежнемъ режимѣ. Этимъ онъ импонировалъ своимъ собесѣдникамъ и сравнительно удачно, во многихъ случаяхъ, выходилъ изъ создававшихся ими затрудненій; но какъ мало внутреннее его состояніе соотвѣтствовало его кажущемуся хладнокровію! Онъ очень близко принималъ къ сердцу всякую невзгоду, постигавшую журналъ или грозившую ему, волновался передъ каждымъ оффиціальнымъ объясненіемъ, упорно отстаивалъ каждую строчку и долго не забывалъ о сдѣланныхъ по необходимости уступкахъ. Тяжелы были для него каждый разъ четыре дня, предшествовавшіе выходу книжки—дни цензурнаго плѣненія ея. Особенно тяжелы они были тогда, когда надъ журналомъ собирались тучи, когда носились зловѣщіе слухи объ опасностяхъ, ему грозящихъ. Такихъ моментовъ въ жизни журнала было немало: однимъ изъ нихъ было лѣто 1873-го года, когда „Вѣстнику Европы" было объявлено второе предостереженіе и какъ враги, такъ и друзья его ожидали—конечно, съ прямо противоположными чувствами — пріостановки его или совершеннаго прекращенія. Большую тревогу возбудило и предостереженіе 1890-го года, хотя оно было по порядку первымъ (послѣ сложенія предшествовавшихъ): слишкомъ ясно обнаруживалось въ немъ неудовольствіе общимъ направленіемъ журнала. Но какъ ни мучительны были для Михаила Матвѣевича минуты, которыя онъ проводилъ подъ опускавшимся иногда весьма низко Дамокловымъ мечомъ, на его образѣ дѣйствій это отражалось весьма слабо. Если онъ когда-либо и просилъ своихъ сотрудниковъ, при наступленіи кризиса, нѣсколько умѣрить ходъ и убрать часть парусовъ, то только на самое короткое время, пока не прояснѣетъ горизонтъ. Мѣра предосторожности, которую онъ рекомендовалъ, всегда была минимальной—и никогда не доходила до перемѣны курса, хотя бы легкой; все сводилось къ замедленію движенія. Смотря со стороны, можно было думать, что судьба журнала мало занимаетъ редактора-издателя, что ему нетрудно будетъ примириться даже съ запрещеніемъ изданія. На самомъ дѣлѣ это было бы для него тягчайшимъ ударомъ—и именно потому нельзя было не цѣнить очень высоко его вѣрность однажды избранной дорогѣ и однажды установленному способу дѣйствій. Забота о „Вѣст-

---

[1]) Нѣкоторыя, чисто фактическія данныя по исторіи журнала приведены въ статьѣ: „Взглядъ на прошлое Вѣстника Европы", помѣщенной въ январьской книжкѣ 1909-го года.

никѣ Европы" была существенною составною частью жизни Михаила Матвѣевича, даже въ послѣдніе годы, когда журналъ двигался отчасти силою инерціи, а вниманіе его руководителя часто отвлекалось въ другую сторону.

Достигнувъ, послѣ пятнадцати лѣтъ журнальной работы, большой опытности въ этомъ дѣлѣ и отдавъ ему всѣ свои, находившіяся тогда въ полномъ расцвѣтѣ, силы, Михаилъ Матвѣевичъ рѣшился расширить свое поле дѣятельности и воспользовался первымъ просвѣтомъ въ нашей политической жизни, начавъ издавать, съ 1881 г., газету „Порядокъ". Обязанная своимъ появленіемъ эпохѣ „новыхъ вѣяній", она пережила ее лишь нѣсколькими мѣсяцами и прекратилась въ началѣ 1882 г. — не потому, чтобы она не имѣла успѣха среди читателей, а потому, что была поставлена въ невозможныя условія: почти все время она была лишена права розничной продажи, а въ первые же январьскіе дни 1882 г. была пріостановлена на шесть недѣль. Избытокъ энергіи Михаила Матвѣевича нашелъ тогда другое примѣненіе. Избранный въ томъ же 1881-мъ году гласнымъ с.-петербургской думы, онъ скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ ея дѣятелей и въ 1883 г. былъ избранъ товарищемъ городского головы. Чрезвычайно большой потерей для города было неутвержденіе его въ этой должности (министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда гр. Д. А. Толстой, съ которымъ, какъ съ министромъ народнаго просвѣщенія, „Вѣстникъ Европы" десять лѣтъ сряду велъ упорную борьбу); многое могло бы, благодаря ему, измѣниться къ лучшему въ городскомъ общественномъ управленіи. Услугъ, очень большихъ (и, конечно, безвозмездныхъ), онъ и теперь оказалъ городу очень много, сначала въ качествѣ предсѣдателя водопроводной коммиссіи и повѣреннаго города въ процессѣ съ бывшимъ обществомъ водопроводовъ (рѣчь шла о понужденіи общества къ устройству фильтровъ), потомъ въ качествѣ члена и предсѣдателя коммиссіи по народному образованію. Сколько нужно было имѣть дарованій, твердости духа и своеобразнаго мужества, чтобы, почти въ шестьдесятъ лѣтъ, выступить на совершенно новое, незнакомое поприще и, ведя судебное дѣло рядомъ съ профессіональными юристами, внести въ него отнюдь не меньшую, сравнительно съ ними, долю умѣнья и труда, способствовать отнюдь не меньше, чѣмъ они, выигрышу процесса! По этому образцу нетрудно составить себѣ понятіе о томъ, что̀ могъ бы сдѣлать Михаилъ Матвѣевичъ, стоя во главѣ городского хозяйства. Чѣмъ онъ былъ, до самой своей смерти, для городскихъ училищъ—это хорошо извѣстно русскому обществу; объ этомъ еще недавно (осенью 1909-го года) вспоминалось по поводу двадцатипятилѣтія дѣятельности М. М. въ училищной коммиссіи. Но чѣмъ онъ былъ для дѣтей,

непосредственно находившихся подъ его попеченіемъ — объ этомъ знаютъ только немногіе очевидцы.

Бракъ Михаила Матвѣевича и Любови Исакіевны, сестры Б. И. и Е. И. Утиныхъ, былъ вполнѣ счастливый (два года тому назадъ они праздновали, въ тѣсномъ кругу друзей, свою золотую свадьбу), но бездѣтный. Между тѣмъ, въ сердцѣ Михаила Матвѣевича таился громадный запасъ нѣжности къ дѣтямъ — и именно это служило источникомъ удивительной его популярности среди школьнаго населенія. Настоящимъ наслажденіемъ было видѣть его въ классѣ, оживленно, весело распрашивающимъ ребятишекъ, бесѣдующимъ съ ними, какъ съ друзьями, довѣрчиво относящимся къ нимъ и съ ихъ стороны встрѣчающимъ такое же довѣріе — или въ большой рекреаціонной залѣ (василеостровскаго двѣнадцатикласснаго училища, въ церкви котораго совершено, 25-го января, отпѣваніе его тѣла), окруженнымъ дѣтьми, отдыхающими послѣ классныхъ занятій. На Рождествѣ въ этой залѣ устраивалась елка—и когда дѣти (въ числѣ шестисотъ и болѣе) входили туда стройными рядами, при звукахъ оркестра, когда начинались представленія, устроенныя общимъ трудомъ учительницъ, учениковъ и ученицъ, тогда нельзя было не любоваться одинаково дѣтворой—и старикомъ, радовавшимся ея радости. Само собою разумѣется, что если въ городскихъ школахъ Петербурга господствовали до сихъ поръ—за будущее, къ несчастію, теперь ручаться нельзя — добрыя, нормальныя отношенія между учащими и учащимися, если дисциплина не обращалась въ муштровку, если на первомъ планѣ стояло развитіе дѣтей, а не механическая выучка, это было дѣломъ не одного Михаила Матвѣевича; много, очень много способствовали тому и предшественники его по предсѣдательству въ коммиссіи (Ѳ. Ѳ. Эвальдъ и А. А. Краевскій), и его преемникъ (П. А. Потѣхинъ), и всѣ тѣ, далеко не малочисленные члены коммиссіи, которые работали въ ней съ искренней любовью къ дѣтямъ, и Дума, рѣдко отказывавшая коммиссіи въ расширеніи и усовершенствованіи школьнаго дѣла, и, наконецъ—last not least — громадное большинство преподавательскаго персонала. Но доля вліянія Михаила Матвѣевича во всякомъ случаѣ была здѣсь очень велика; неопредѣлимая въ точности, она слагается, быть можетъ, не столько изъ дѣйствій, распоряженій, мѣръ, которыя занесены въ исторію петербургской городской школы, сколько изъ *настроенія*, которое создавалъ и распространялъ вокругъ себя этотъ истинный, прирожденный „другъ дѣтей". И нужно сказать, что школа не осталась въ долгу передъ М. М. Стасюлевичемъ. Всегда скрашивавшая его трудовую жизнь, она была истиннымъ утѣшеніемъ его послѣднихъ лѣтъ, когда онъ, почти потерявъ зрѣніе, лишившись возможности читать и писать, оставшись

безъ обычныхъ занятій по журналу, почти ежедневно посѣщалъ свои любимыя училища. Окруженный дѣтьми, онъ лежалъ въ гробу; окруженный дѣтьми, онъ опущенъ въ могилу.

Отцовскимъ чувствомъ покойный былъ связанъ и съ „Вѣстникомъ Европы“, который не разъ еще будетъ возвращаться къ чистой, честной памяти своего основателя, долголѣтняго руководителя и друга.

К. Арсеньевъ.

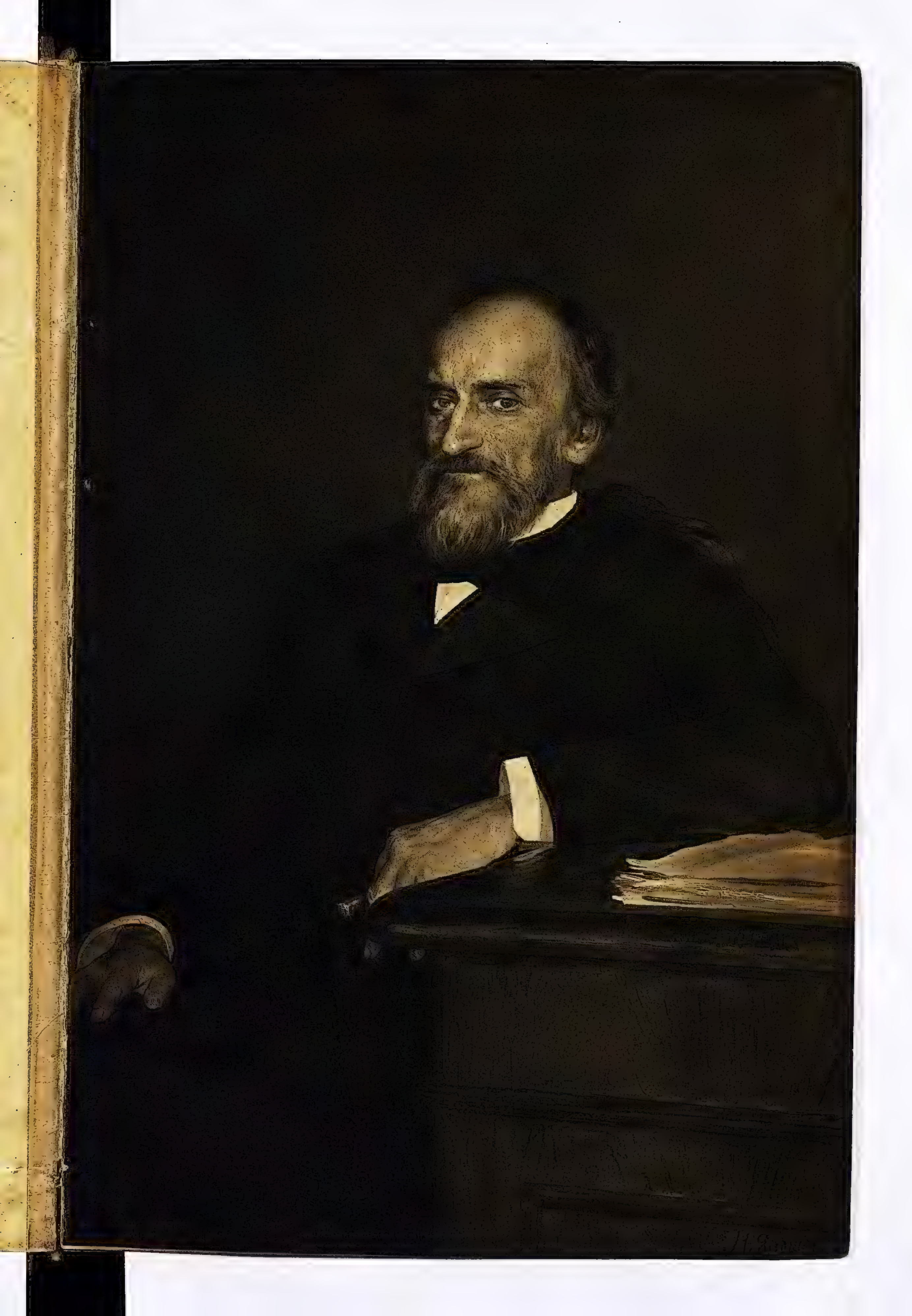
25 января 1911.

Алексѣй Михайловичъ Унковскій.

Съ портрета, писаннаго Н. А. Ярошенко. 1888.

(Съ любезнаго разрѣшенія М. П. Ярошенко).

«Вѣстникъ Европы», 1911 г.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

(25 фев. 1814 г.—26 фев. 1861 г.)

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ, 1871 г.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

«Вѣстникъ Европы», 1911 г.

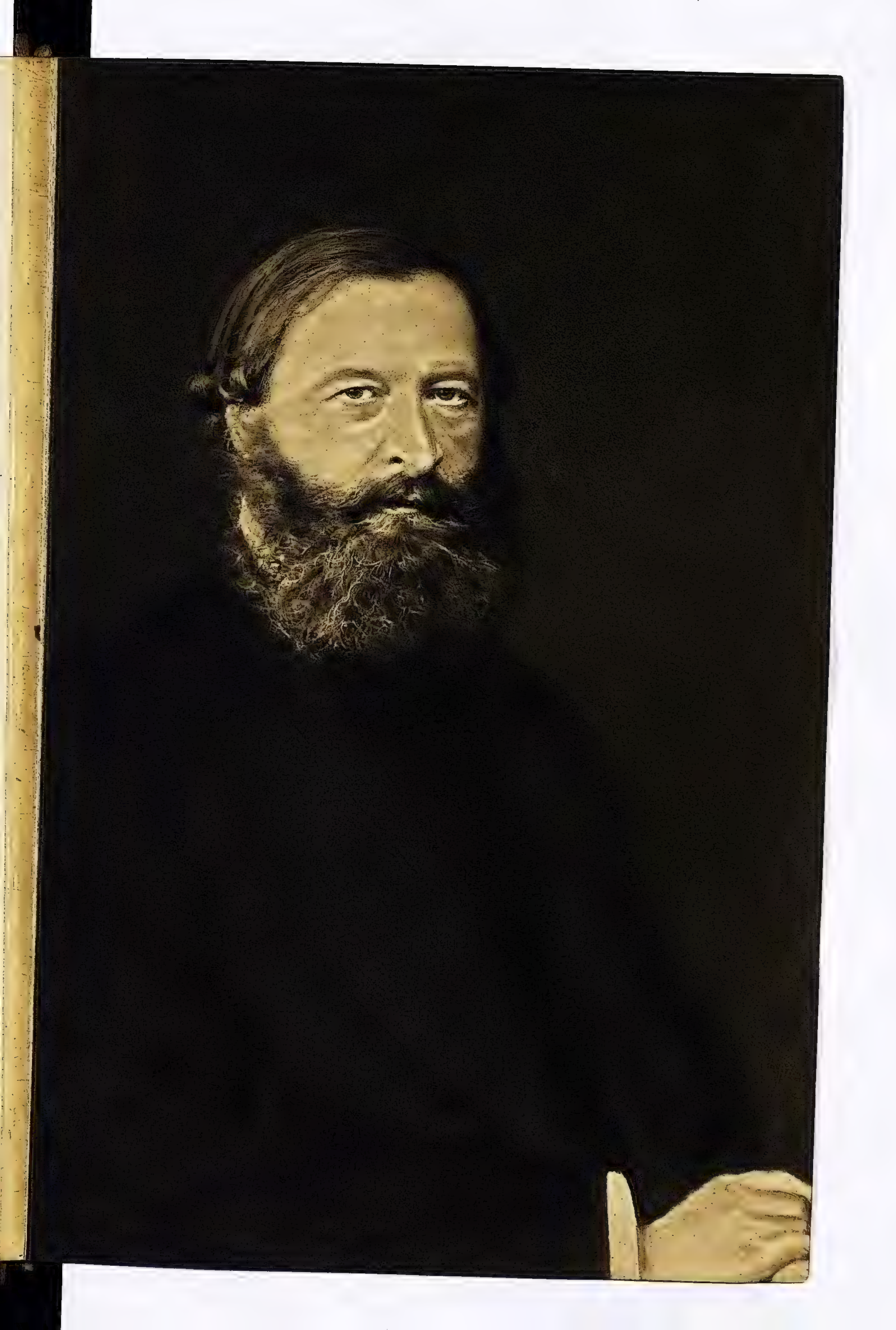

Юрій Өедоровичъ Самаринъ.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

«Вѣстникъ Европы», 1911 г.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Съ портрета, писаннаго художникомъ Шпревичъ.

(Съ любезнаго разрѣшенія Ю. Н. Милютина въ С.-Петербургѣ).

«Вѣстникъ Европы», 1911 г.

НАЧАЛО ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Изъ воспоминаній послѣдняго оставшагося въ живыхъ участника законодательныхъ работъ этой эпохи *).

Глава I.

Возвратившись въ Петербургъ изъ своего путешествія въ Центральную Азію (1856—57) въ послѣднихъ числахъ ноября 1857 г., нѣсколько дней послѣ обнародованія знаменитаго рескрипта императора Александра II-го виленскому генералъ-губернатору отъ 20 ноября 1857 г., съ восторгомъ прочелъ я этотъ первый рѣшительный актъ, относящійся къ вопросу, бывшему въ теченіе многихъ лѣтъ предметомъ самыхъ завѣтныхъ моихъ думъ и стремленій. Никакихъ сомнѣній относительно принятаго Царемъ-Освободителемъ рѣшенія уже быть не могло.

Первымъ моимъ дѣломъ по возвращеніи въ Петербургъ было, разумѣется, появленіе въ Русское Географическое Общество для представленія краткаго отчета о моемъ путешествіи и сдачи собранныхъ мною матеріаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я представилъ вице-предсѣдателю Общества, графу Ѳ. П. Литке, составленный мною, еще во время моего пребыванія въ Барнаулѣ и Омскѣ,

*) Почтенный авторъ этихъ воспоминаній, приготовляемыхъ имъ къ напечатанію на правахъ рукописи, любезно разрѣшилъ редакціи „Вѣстника Европы" довести отрывокъ изъ нихъ до свѣдѣнія широкой публики. — *Ред.*

проектъ новаго путешествія въ Центральную Азію для полнаго изслѣдованія Тянъ-Шанской горной системы, такъ какъ я считалъ свое путешествіе 1856—57 гг. не болѣе, какъ предварительной рекогносцировкой никому еще не вѣдомой обширной страны, постепенно подпадавшей подъ русское владычество.

Возвратясь въ дорогое и родное мнѣ Географическое Общество, я снова очутился въ той средѣ, въ которой съ самаго его учрежденія теплилась, вмѣстѣ съ глубокимъ патріотизмомъ, самая сильная и сознательная любовь къ русскому народу, а со времени окончанія доблестной, но несчастной для Россіи крымской войны—глубокое сознаніе, что Россія нуждается для своего дальнѣйшаго и, притомъ, самостоятельнаго развитія въ полномъ обновленіи своего общественнаго и государственнаго строя, чему главнымъ препятствіемъ служило то, что весь русскій народъ былъ скованъ крѣпостною зависимостью, все болѣе и болѣе принимавшею за послѣднее столѣтіе характеръ рабства.

Къ этому убѣжденію привело лучшихъ дѣятелей Русскаго Географическаго Общества многолѣтнее, внимательное, добросовѣстное и умѣлое изученіе русскаго народнаго быта и живое, непосредственное общеніе съ народомъ тѣхъ членовъ общества, которые, по своей принадлежности къ дворянскому или духовному сословію, имѣли глубокіе корни въ русской землѣ разныхъ губерній имперіи, гдѣ они были или уроженцами, или помѣщиками, а въ постоянныхъ или временныхъ жителей столицы превратились только по своему воспитанію или по состоянію на государственной службѣ [1]).

Конецъ ноября и весь декабрь 1857 г. я посвятилъ обстоятельному ознакомленію съ положеніемъ дѣла освобожденія крестьянъ и съ настроеніемъ по этому предмету всей столичной интеллигенціи. При всемъ разнообразіи высказываемыхъ взглядовъ, для меня, однакожъ, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что большинство этой интеллигенціи, принадлежавшей въ это время, главнымъ образомъ, къ служилому и только отчасти къ помѣстному дворянству (такъ какъ совершенно „свободныхъ профессій" въ то время среди столичной интеллигенціи почти не существовало),

[1]) Приступая къ редакціи своихъ воспоминаній, относящихся къ періоду великой реформы освобожденія крестьянъ (1857—1861 г.), я составилъ для себя полный списокъ тѣхъ дѣятелей, которые играли болѣе или менѣе видную роль въ дѣлѣ великой реформы Царя-Освободителя, въ эпоху 1857—61 г. При этомъ оказалось, что изъ 50 внесенныхъ мною въ списокъ именъ, не менѣе 20 были до того времени болѣе или менѣе видными научными или общественными дѣятелями въ средѣ Русскаго Географическаго Общества.

относилось съ сочувствіемъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ, въ полномъ сознаніи, что, при доказанной крымскою войною несостоятельности русскаго государственнаго и общественнаго строя и необходимости полнаго его обновленія, на первой очереди стоитъ вопросъ объ освобожденіи русскаго народа изъ крѣпостной зависимости. Хотя во главѣ большей части министерствъ, также какъ и въ составѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, находились люди или не сочувствующіе предпринятой Государемъ реформѣ, или индифферентные къ ней, однакожъ въ каждомъ министерствѣ и вѣдомствѣ можно было набрать хотя небольшія ополченія изъ должностныхъ лицъ, готовыхъ отдать всѣ свои силы великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Въ провинціи этихъ лицъ клеймили названіемъ „бюрократовъ" и упрекали ихъ въ незнакомствѣ съ мѣстными условіями русской жизни. Но упреки эти имѣли въ себѣ много несправедливаго. Въ департаментахъ министерствъ, также какъ и въ гвардейскихъ полкахъ, былъ собранъ цвѣтъ русскаго дворянства. Большинство этого служилаго дворянства родилось не въ Петербургѣ, а въ помѣстьяхъ своихъ родителей въ провинціи и принадлежало Петербургу только по своему воспитанію и служебному положенію. Большинство ихъ сохранило связи съ деревней и имѣло по своему землевладѣнію глубокіе корни въ русской землѣ, дававшей всегда лучшихъ своихъ представителей столицамъ.

Главнымъ центромъ дѣятельности и сношеній со всей Россіей по крестьянскому дѣлу было, конечно, министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго, къ счастью, стоялъ уже въ это время человѣкъ высокой честности и искренно сочувствовавшій великодушнымъ намѣреніямъ своего государя по дѣлу освобожденія крестьянъ—Сергѣй Степановичъ Ланской.

Родившійся еще въ 1787 г. и получившій домашнее воспитаніе въ изысканно культурной средѣ вѣка Екатерины II, С. С. Ланской получилъ окончательное развитіе въ началѣ царствованія Александра I-го, въ то самое время, когда молодой императоръ старался, по собственному выраженію его манифеста, „управлять Богомъ ввѣреннымъ ему народомъ по закону и по сердцу покойной Государыни" (Екатерины II-й), и направлялъ всѣ свои усилія къ гуманитарнымъ преобразованіямъ. Когда же, послѣ окончанія славной отечественной войны (1812—1815 гг.), преобразовательная дѣятельность императора Александра I-го прекратилась, а развившееся, отчасти подъ вліяніемъ гуманныхъ намѣреній государя, а отчасти подъ вліяніемъ болѣе близкаго ознакомленія съ цивилизаціей западной Европы, стремленіе

русской интеллигенціи приняло новое направленіе, Ланской не остался чуждымъ этому движенію. Въ это время онъ уже былъ сначала мастеромъ провинціальной масонской ложи, а въ 1818 г. былъ введенъ А. Н. Муравьевымъ въ „союзъ благоденствія". Пока союзъ этотъ оставался вѣрнымъ своей первоначальной цѣли: „подвизаться всѣми силами на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства, препятствовать всякому злу и обличать злоупотребленія чиновниковъ и безчестные поступки частныхъ лицъ, а самимъ быть людьми безъ страха и упрека", Ланской съ увлеченіемъ сталъ въ ряды этого тайнаго общества; но когда, послѣ 1821 г., онъ замѣтилъ, что оно перешло на политическую почву и стало задумывать государственный переворотъ путемъ революціи, онъ вышелъ изъ этого союза. Въ царствованіе императора Николая I-го Ланской прошелъ всѣ степени высшей служебной іерархіи, былъ губернаторомъ въ двухъ центральныхъ губерніяхъ (Владимірской и Костромской), а въ 1850 г. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Замѣчательно, что пережитая Ланскимъ въ двадцатипятилѣтіе, предшествовавшее его назначенію въ государственный совѣтъ, эпоха косности и обскурантизма не заглушила въ немъ ни его просвѣщенныхъ воззрѣній, ни его гуманныхъ стремленій, и что при этомъ онъ въ своихъ дѣйствіяхъ оставался дѣйствительно человѣкомъ „безъ страха и упрека". Не смотря на совершенное отсутствіе сильной воли въ проведеніи усвоенныхъ имъ государственныхъ соображеній, Ланской обнаруживалъ большую стойкость въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ и своихъ отношеніяхъ къ людямъ, заслужившимъ полное его довѣріе. Такою устойчивостью въ своихъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ взглядахъ во все время своей служебной дѣятельности въ высшихъ чинахъ Ланской былъ, конечно, обязанъ, между прочимъ, близкому и почти ежедневному общенію съ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и гуманныхъ людей этого періода, княземъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Одоевскимъ, который былъ женатъ на родной сестрѣ Сергѣя Степановича. Дѣятельность князя Одоевскаго, какъ ученаго и какъ мецената въ самомъ лучшемъ и обширномъ смыслѣ этого термина, какъ друга лучшихъ и талантливѣйшихъ людей русской земли и какъ активнаго ревнителя просвѣщенія русскаго народа, пріобрѣла себѣ всеобщую извѣстность, и мнѣ остается замѣтить здѣсь только то, что хотя Одоевскій и не принималъ никакого участія въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, но во всю великую эпоху этого освобожденія (1857—1861) былъ неизмѣннымъ другомъ и союзникомъ лицъ, работавшихъ по этому

дѣлу, а послѣ 19 февраля 1861 г.—восторженнымъ поклонникомъ великой реформы.

Возвращаясь къ характеристикѣ одного изъ главныхъ дѣятелей великой эпохи, С. С. Ланского, я долженъ однакоже замѣтить, что достигавшій въ то время 70-лѣтняго возраста Ланской не обладалъ многими изъ качествъ, необходимыхъ для той роли, на которую онъ былъ призванъ волею Царя-Освободителя еще нѣсколько ранѣе того, какъ рѣшимость освободить крестьянъ окончательно созрѣла въ душѣ самого Государя. Это было, когда по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1855 г., императоръ Александръ II-й смѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова, по личному къ нему нерасположенію, хотя Бибиковъ имѣлъ большія заслуги по крестьянскому дѣлу. Еще въ царствованіе Николая I-го онъ ввелъ ограничивавшія крѣпостную зависимость инвентарныя правила въ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ, и по своей энергіи и личнымъ качествамъ могъ бы быть полезнымъ сотрудникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Послѣ отставки Бибикова, императоръ Александръ II-й назначилъ временно управляющимъ министерствомъ С. С. Ланского, какъ одного изъ наиболѣе почтенныхъ и заслуженныхъ членовъ государственнаго совѣта, но окончательно удержалъ его на этомъ мѣстѣ, когда убѣдился въ глубокомъ сочувствіи его дѣлу освобожденія крестьянъ и въ стойкой честности его убѣжденій. Однако, самъ Государь сознавалъ, что Ланскому недоставало многаго для той роли, къ которой онъ былъ призванъ. Ни творчествомъ мысли, ни ясностью и опредѣленностью взглядовъ государственнаго человѣка, ни твердостью воли въ исполненіи принятыхъ имъ рѣшеній Ланской не обладалъ, и при такихъ условіяхъ онъ не могъ быть не только самостоятельнымъ руководителемъ предпринимаемой Государемъ великой реформы, но даже и могущественнымъ проводникомъ началъ или положеній, выработанныхъ болѣе способными государственными дѣятелями ввѣреннаго ему министерства. Такъ же мало могъ Ланской провести хорошо усвоенные имъ взгляды въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и вообще въ высшихъ сферахъ, такъ какъ не обладалъ ни даромъ слова, ни ясностью мысли, вслѣдствіе чего и не пользовался достаточнымъ авторитетомъ въ средѣ своихъ коллегъ [1]).

[1]) Мое личное знакомство съ Ланскимъ началось только съ начала 1859 г., вслѣдствіе частыхъ личныхъ съ нимъ сношеній въ качествѣ члена завѣдывающаго дѣлами Редакціонныхъ Коммиссій; но дѣятельность его по крестьянскому дѣлу была мнѣ уже хорошо извѣстна съ начала 1858 г. изъ отзывовъ о немъ Я. И. Ростов-

Вотъ почему министерство внутреннихъ дѣлъ нуждалось въ эту эпоху въ такомъ человѣкѣ, который могъ бы быть дѣйствительно руководителемъ всей предпринятой реформы и вынести на своихъ плечахъ все тяжелое бремя, возложенное Александромъ II-мъ на министерство внутреннихъ дѣлъ. Казалось, съ перваго взгляда, что такую роль можетъ выполнить назначенный въ началѣ 1857 г., въ этихъ видахъ, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, бывшій въ министерствѣ графа Киселева директоромъ департамента сельскаго хозяйства и хорошо знакомый съ экономическимъ бытомъ крестьянъ, Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ.

А. И. Левшинъ былъ дѣйствительно однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Родившись въ послѣднемъ году XVIII-го вѣка, онъ, окончивъ высшее образованіе въ Харьковскомъ университетѣ и поступивъ на службу въ управленіе государственныхъ имуществъ, уже съ молодыхъ лѣтъ сдѣлался основательнымъ изслѣдователемъ южной и въ особенности юго-восточной Россіи, и составилъ себѣ имя въ русской научной литературѣ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, имѣвшихъ серьезный научный характеръ [1]). Административныя свои способности онъ проявилъ съ 1830 г. на должности одесскаго градоначальника (до 1837 г.), гдѣ ему пришлось съ перваго же года своего управленія выдержать тяжелую борьбу съ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ—знаменитой холерой 1831 г., надвинувшейся на всю Россію чрезъ ввѣренный его управленію городъ. По окончаніи холеры Левшинъ обнаружилъ свою просвѣтительную дѣятельность основаніемъ въ Одессѣ журнала „Одесскій Вѣстникъ" и публичной библіотеки. По окончаніи своей службы въ Одессѣ, онъ переѣхалъ въ Петербургъ и въ 1845 г. былъ однимъ изъ учреди-

---

цова и Н. А. Милютина. Весь же нравственный его обликъ выяснился мнѣ послѣ его увольненія отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ (съ возведеніемъ въ графское достоинство) въ 1861 г., когда графъ Ланской пожелалъ сблизиться со мною съ тѣмъ, чтобы въ рядѣ бесѣдъ передать мнѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для освѣщенія той роли, которую онъ сыгралъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Но я въ то время уклонился отъ принятія на себя какихъ бы то ни было обязательствъ по разработкѣ исторіи крестьянскаго дѣла, чувствуя, что разностороннія запросы на мою дѣятельность поглотятъ все мое время, а когда, на закатѣ моихъ дней, въ будущихъ своихъ запискахъ я захочу изложить свои воспоминанія о великой эпохѣ освобожденія, я не долженъ быть нравственно связанъ въ своихъ сужденіяхъ о дѣятельности главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой эпохи.

[1]) Его „Письма изъ Малороссіи" были напечатаны въ 1816 г., „Статистическое Обозрѣніе Уральскихъ казаковъ"—въ 1823 г., а классическое сочиненіе—„Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей"—въ 1834 г.

телей Русскаго Географическаго Общества и въ то же время однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ графа Киселева, въ качествѣ директора департамента сельскаго хозяйства, въ томъ самомъ министерствѣ, которое, по шутливому выраженію императора Николая I-го, должно было служить ему, подъ начальствомъ Киселева, „главнымъ штабомъ" по крестьянской части [1]).

Хотя предпринятая императоромъ Николаемъ I-мъ война противъ крѣпостного права, по выраженію одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей его штаба, т.-е. министерства государственныхъ имуществъ (А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго), совершавшаяся не по одному общему заранѣе обдуманному плану, имѣла характеръ „партизанской войны" и кончилась безуспѣшно, а самый штабъ съ начала послѣдующаго царствованія былъ расформированъ, въ особенности послѣ назначенія въ 1857 г. министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, все же многолѣтняя дѣятельность графа Киселева во главѣ министерства дала великой эпохѣ 1857—61 гг. не мало самыхъ полезныхъ дѣятелей.

Одинъ изъ нихъ, А. И. Левшинъ, призванный въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ товарища министра Ланского, въ началѣ 1857 г., принялся за дѣло по новой своей должности сначала, повидимому, съ большей энергіей. Прежде всего онъ составилъ для Государя краткій историческій обзоръ крѣпостного права въ Россіи, а затѣмъ много способствовалъ, черезъ посредство Ланского, учрежденію (подъ предсѣдательствомъ самого Государя) Секретнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, въ началѣ 1858 г. превращеннаго въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Вообще вліяніе Левшина на весь ходъ крестьянскаго дѣла по министерству внутреннихъ дѣлъ въ теченіе 1857 г. было очень велико, и ко времени обнародованія знаменитаго манифеста Царя-Освободителя, отъ 20-го ноября 1857-го года, достигло своего апогея. Но въ этотъ рѣшительный моментъ А. И. Левшинъ обнаружилъ справедливость французской поговорки: „telle étoile, qui brille au second rang, s'éclipse au premier". Онъ показалъ свою неспособность къ творчеству въ великомъ государственномъ дѣлѣ и къ первой роли

[1]) Близкія мои отношенія къ А. И. Левшину начались уже съ 1854 г., когда онъ былъ избранъ помощникомъ предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества. Къ характеристикѣ благородной личности А. И. Левшина и его отношенія къ Географическому Обществу я могу привести то, что когда въ 1873 г. я былъ избранъ вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества, Левшинъ не оставилъ своей скромной должности и продолжалъ свою работу въ качествѣ моего помощника, не смотря на свое высокое положеніе въ служебной іерархіи и преклонные годы.

въ предстоящей реформѣ. Не было у него ни смѣлости мышленія, ни опредѣленности въ воззрѣніяхъ, ни стойкости въ убѣжденіяхъ. Съ одной стороны онъ опасался смутъ между крестьянами, съ другой—неудовольствія помѣщиковъ, а съ третьей—боялся вступать въ борьбу съ вліятельными лицами, окружавшими Государя.

Естественно, что по обнародованіи перваго рескрипта, когда отъ руководителя министерства внутреннихъ дѣлъ требовалось болѣе рѣшительности и опредѣленности въ направленіи, вліяніе Левшина на министра внутреннихъ дѣлъ падало съ каждымъ днемъ, и должно было уступить мѣсто вліянію другого дѣятеля министерства, несомнѣнно обладавшаго болѣе сильною волею и самыми блестящими качествами государственнаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ беззавѣтно преданнаго великодушнымъ намѣреніямъ Государя.

Лицомъ этимъ былъ директоръ хозяйственнаго департамента Н. А. Милютинъ, котораго его высокія дарованія и вся исторія его развитія должны были неминуемо привести къ первой роли въ созданіи, въ періодъ 1858—61 гг., законопроекта объ освобожденіи крестьянъ.

Н. А. Милютинъ родился въ 1818 г. и получилъ прекрасное воспитаніе въ очень культурной дворянской семьѣ своихъ родителей, жившей въ Москвѣ. Предокъ его отца былъ возведенъ въ дворянское достоинство Петромъ Великимъ за устройство въ Москвѣ первой шелковой фабрики. Она обогатила семейство Милютиныхъ, построившихъ въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, нѣсколько домовъ, въ которыхъ они устроили цѣлый рядъ лавокъ, отдаваемыхъ въ наймы и сохранившихъ еще и донынѣ названіе „Милютиныхъ лавокъ". Но богатство Милютиныхъ, какъ это часто случается въ семьяхъ русскихъ людей, удержалось только въ немногихъ поколѣніяхъ, и уже дѣдъ Николая Алексѣевича оказался сильно раззорившимся. Онъ, однакоже, успѣлъ дать своему сыну прекрасное образованіе и опредѣлить его на гражданскую службу въ самое модное изъ тогдашнихъ государственныхъ учрежденій—„иностранную коллегію", гдѣ Алексѣй Михайловичъ Милютинъ довольно рано дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Мать Дмитрія и Николая Алексѣевичей, рожденная Киселева, родная сестра графа Павла Дмитріевича, была женщиною выдающеюся по своему уму и образованію. Она вступила въ бракъ въ 1815 г., когда А. М. Милютинъ былъ уже, бездѣтнымъ впрочемъ, вдовцомъ [1]). Ро-

[1]) Первою женою А. М. Милютина была Л. П. Бланкъ, старшая сестра моей матери.

дители Николая Алексѣевича очень заботились о воспитаніи своихъ пятерыхъ дѣтей и, по свидѣтельству самого Николая Алексѣевича, имѣли на нихъ самое благотворное вліяніе, хотя только самый старшій изъ нихъ (Дмитрій) оказался человѣкомъ вполнѣ уравновѣшеннымъ. Два старшіе сына (которые лѣтъ отъ восьми до десяти были старше третьяго) были помѣщены родителями въ лучшее въ то время въ Москвѣ среднее учебное заведеніе—Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ они сразу обнаружили свои необыкновенно блестящія дарованія. Въ то время способнѣйшіе изъ воспитанниковъ пансіона оканчивали въ немъ полный курсъ наукъ въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, и родители обыкновенно, довольствуясь полученнымъ ихъ дѣтьми среднимъ образованіемъ, спѣшили опредѣлить ихъ на государственную службу, для того, чтобы они, въ погонѣ за чинами, не потеряли ни одного служебнаго года. Иначе не могли поступить и родители Милютиныхъ, хотя и по другой причинѣ. Обладая очень скромнымъ состояніемъ и имѣя на рукахъ еще троихъ дѣтей, уже достигавшихъ учебнаго возраста, они вынуждены были стремиться къ тому, чтобы ихъ старшіе сыновья достигли скорѣе такого служебнаго положенія, въ которомъ бы уже не нуждались въ матеріальной помощи родителей. Вотъ почему Д. А. Милютинъ, родившійся въ 1816 г., уже въ 1834 г. поступилъ вольноопредѣляющимся въ гвардейскую артиллерію, а Н. А. въ 1835 г.—въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Первые годы прохожденія низшихъ ступеней служебной іерархіи были очень тягостны для обоихъ братьевъ. Они должны были пробивать себѣ жизненный путь исключительно своей трудоспособностью и талантливостью. Чуждый по принципу всякаго непотизма, ихъ высокопоставленный дядя, П. Д. Киселевъ, исключительно преданный высокому служенію государственнымъ интересамъ, не обладалъ душевною теплотою и стоялъ очень далеко отъ семейныхъ интересовъ ближайшихъ своихъ родныхъ, вслѣдствіе чего онъ приблизилъ къ себѣ своихъ племянниковъ не ранѣе начала 1850-хъ годовъ, когда Дмитрій Алексѣевичъ, будучи уже профессоромъ Военной Академіи, прославилъ себя нѣсколькими прекрасными сочиненіями по военной исторіи и статистикѣ, а Николай Алексѣевичъ, уже въ должности директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, сдѣлался извѣстнымъ своими умными и смѣлыми реформами въ городскомъ управленіи.

Первыя пять лѣтъ служебной дѣятельности Николая Алексѣевича въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ были самымъ тя-

желымъ и безотраднымъ періодомъ его жизни. Служебная дѣятельность выдающагося своими талантами молодого человѣка ограничивалась въ это время канцелярскою перепискою, не шедшею далѣе сочиненія малосодержательныхъ бумагъ, по указанію начальниковъ отдѣленій министерства. Съ этою „канцелярскою хріею", какъ ее называлъ Н. А. Милютинъ, онъ ознакомился очень скоро и проявилъ въ ней не только ясность, но и виртуозность изложенія, и даже нѣкоторое творчество, которое обратило на себя, въ 1841 г., вниманіе тогдашняго просвѣщеннаго министра, графа А. С. Строганова, въ дошедшей до него запискѣ Милютина о голодѣ. Но канцелярская дѣятельность не могла удовлетворить высокимъ стремленіямъ Николая Алексѣевича. Онъ употреблялъ свои досуги на пополненіе своего еще недостаточнаго образованія чтеніемъ серьезныхъ иностранныхъ сочиненій, которое облегчалось даннымъ ему тщательнымъ домашнимъ образованіемъ и знаніемъ двухъ иностранныхъ языковъ. Всего болѣе интересовали его книги, относящіяся къ новѣйшей французской исторіи, политической экономіи, статистикѣ и соціологіи. Чтеніе этихъ книгъ выработало изъ него ревностнаго поклонника общественной и политической свободы государствъ западной Европы и тонкаго знатока ихъ государственнаго устройства.

Но одна кабинетная дѣятельность не могла еще удовлетворить пылкой и страстной природы Николая Алексѣевича. Живой и общительный по своему характеру, онъ быстро сближался съ даровитыми людьми и легко дѣлался душою всякой дружеской бесѣды, увлекая своихъ собесѣдниковъ своею живостью и остроуміемъ. Да и порывовъ „юности мятежной" онъ не въ силахъ былъ сдерживать въ эти годы, и одинаково увлекалъ не только своихъ серьезныхъ идейныхъ союзниковъ, но и веселыхъ своихъ собутыльниковъ. Однакоже замѣчательно, что и между послѣдними онъ всегда умѣлъ подобрать людей, выдающихся своей тонкой культурностью и талантливостью. Достаточно назвать между ними В. П. Боткина, съ которымъ онъ даже совершилъ въ 1846 г. поѣздку въ Испанію, дозволившую ему взглянуть на европейскую цивилизацію, съ которой онъ имѣлъ до того времени только книжное знакомство; Н. А. Некрасова, съ которымъ его сблизила ихъ общая любовь къ народу; высококультурнаго И. П. Арапетова, который сдѣлался впослѣдствіи самымъ преданнымъ ему другомъ; очень распространеннаго въ самомъ высшемъ петербургскомъ обществѣ М. Н. Лонгинова, не чуждаго, впрочемъ, и серьезнымъ научнымъ работамъ; извѣст-

наго своими литературными работами И. И. Панаева, и, наконецъ, выдававшагося своею остроумною веселостью М. А. Языкова, бывшаго другомъ Бѣлинскаго до самой его кончины.

Возвращаясь постоянно отъ порывовъ мятежной юности къ своимъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ, Н. А. Милютинъ въ особенности сочувствовалъ великимъ государственнымъ планамъ своего знаменитаго дяди, графа Киселева, относительно освобожденія крестьянъ, но, не имѣя еще личныхъ съ нимъ сношеній, старался ознакомиться съ ними чрезъ посредство его близкихъ сотрудниковъ и, въ особенности, чрезъ ближайшаго изъ нихъ—А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, уже бывшаго въ началѣ 40-хъ годовъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ братьями Милютиными, а въ 1841 г. совершившаго, по секретному порученію графа Киселева, объѣздъ разныхъ губерній Россіи съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ великороссійскихъ губерній. Въ этомъ объѣздѣ принялъ негласное участіе и Н. А. Милютинъ, безъ сомнѣнія—не безъ вѣдома графа Киселева, который, впрочемъ, не входилъ по этому поводу ни въ какія личныя сношенія съ своимъ племянникомъ.

Эта первая поѣздка Милютина по Россіи, совершенная подъ руководствомъ такого умнаго и опытнаго изслѣдователя, какимъ былъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, чрезвычайно расширила кругозоръ Николая Алексѣевича и окончательно сдѣлала его страстнымъ сторонникомъ высокой идеи его дяди объ освобожденіи крестьянъ, а его сотрудничество съ такимъ опытнымъ редакторомъ, который впослѣдствіи, въ бытность уже статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта, былъ всѣми признаваемъ обладающимъ государственнымъ перомъ, значительно усовершенствовало Н. А. Милютина въ ясности изложенія предметовъ государственнаго значенія. И дѣйствительно, когда въ 1841-мъ году министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ А. Г. Строгановъ, поручилъ ему составить для него записку по поводу предположеній о проведеніи въ Россіи первыхъ желѣзныхъ дорогъ, Милютинъ блистательно исполнилъ это порученіе, хотя задача была нелегкая, такъ какъ Строгановъ былъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ, и Милютину пришлось подбирать доводы о вредѣ, отъ нихъ ожидаемомъ. Милютинъ справился съ этой задачей, при всей ея парадоксальности, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ Жанъ-Жакъ Руссо въ подборѣ своихъ доказательствъ о вредѣ народнаго образованія въ сочиненіи, увѣнчанномъ, не смотря на парадоксальность вывода, присужденіемъ установленной Дижонской Академіей Наукъ преміи.

Записка Николая Алексѣевича о желѣзныхъ дорогахъ вывела его на болѣе широкій путь государственной дѣятельности. Онъ былъ назначенъ начальникомъ городского отдѣленія хозяйственнаго департамента министерства, и на этомъ мѣстѣ могъ уже самостоятельно предпринять смѣлую реформу городского управленія и хозяйства на почвѣ общественнаго самоуправленія, которое въ теченіе немногихъ лѣтъ провелъ съ замѣчательною умѣлостью и полнымъ успѣхомъ.

Съ 1845 г., по учрежденіи Русскаго Географическаго Общества, братья Милютины явились оба въ рядахъ самыхъ раннихъ его дѣятелей. Отдавшись, какъ и всегда, страстно этой новой дѣятельности, особливо въ періодъ 1845—52 гг., Н. А. Милютинъ въ значительной мѣрѣ пополнилъ здѣсь недостаточныя еще свои научныя знанія не только серьезными занятіями въ богатой библіотекѣ Общества, но и сближеніемъ со многими свѣтилами русской науки, сгруппированными въ Обществѣ. Обладая необыкновенною живостью и общительностью, онъ очень скоро успѣлъ сгруппировать вокругъ себя юныхъ дѣятелей русской науки, которые, съ развитіемъ своихъ умственныхъ силъ и знаній, начинали уже тяготиться зависимостью отъ своихъ нѣмецкихъ учителей, стоявшихъ въ это время во главѣ Общества. Всѣ эти молодые русскіе люди жаждали не только сближенія съ русскимъ народомъ и изученія его быта и національныхъ особенностей, но и освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. Необыкновенныя способности оказалъ Николай Алексѣевичъ въ созданной имъ роли настоящаго лидера антинѣмецкой партіи, которую онъ успѣлъ организовать въ обществѣ и дисциплинировать на борьбу, окончившуюся трудно достигнутою побѣдою. На мѣсто должностныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ нѣмецкой національности, были избраны русскіе кандидаты на должность вице-предсѣдателя (М. Н. Муравьевъ, на мѣсто графа Литке) и предсѣдателей отдѣленій: физической географіи (А. Д. Озерскій, на мѣсто Г. П. Гельмерсена), этнографіи (Н. И. Надеждинъ, на мѣсто К. М. Бэра) и статистики (А. П. Заблоцкій-Десятовскій, на мѣсто П. И. Кеппена).

Семилѣтняя кипучая дѣятельность Милютина въ Географическомъ Обществѣ была для него, можно сказать, эквивалентомъ высшаго академическаго образованія. Цѣлый рядъ слышанныхъ имъ въ Обществѣ научныхъ бесѣдъ и сообщеній, личныя сношенія съ первоклассными русскими учеными и пользованіе обширной библіотекой вполнѣ замѣнили ему чтеніе профессорскихъ лекцій, а предпринятыя имъ собственныя научныя

работы помогли ему усвоить строгіе научные методы изслѣдованій. Наконецъ, лидерство, стремящееся къ опредѣленной партійной цѣли, дало ему крылья для предстоящей ему въ будущемъ политической борьбы въ интересахъ русскаго народа, разумѣя подъ народомъ совокупность всѣхъ сословій русскаго государства [1]).

Въ 1852 г. Милютинъ былъ уже назначенъ на еще болѣе самостоятельную должность директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 1856 г., по за-

[1]) Первое мое сближеніе съ Н. А. Милютинымъ произошло именно въ эту эпоху на почвѣ совмѣстной дѣятельности по Географическому Обществу, гдѣ я, благодаря произведенному имъ перевороту, сдѣлался уже однимъ изъ видныхъ дѣятелей, въ качествѣ помощника предсѣдателя отдѣленія физической географіи. Но въ особенности расположился ко мнѣ Н. А. Милютинъ ко времени возвращенія моего, въ 1855 г., изъ трехлѣтняго пребыванія за границей, гдѣ я находился въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ его такъ рано умершимъ, чрезвычайно талантливымъ братомъ, Вл. Ал. Милютинымъ, бывшимъ секретаремъ Географическаго Общества и профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Отъ него Н. А. зналъ о моемъ глубокомъ сочувствіи дѣлу освобожденія крестьянъ и о томъ, что я дѣятельно готовился за границей къ участію въ этомъ дѣлѣ. Еще болѣе близкія и даже дружескія отношенія возникли между нами во время нашихъ почти трехлѣтнихъ ежедневныхъ работъ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился, что я служу надежною живою связью между руководимою имъ главною лабораторіею Коммиссій—хозяйственнымъ ихъ отдѣленіемъ — и предсѣдателемъ Я. И. Ростовцовымъ, который, по своимъ неизмѣннымъ отношеніямъ къ Царю-Освободителю, служилъ главнымъ проводникомъ выработанныхъ, благодаря Милютину, основаній предстоящей реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милютинъ считалъ меня полезнымъ цементомъ и въ самой средѣ сгруппировавшагося около него большинства Коммиссій. Послѣ кончины Ростовцова, Милютинъ, крайне взволнованный назначеніемъ предсѣдателемъ графа Панина, былъ, однакоже, чрезвычайно признателенъ мнѣ за содѣйствіе, оказанное мною устройству отношеній между новымъ предсѣдателемъ и большинствомъ Коммиссій, на которое Царь-Освободитель возложилъ окончаніе законопроекта, совершенно независимо отъ новаго предсѣдателя. Вслѣдствіе установившихся между нами отношеній, Милютинъ возлагалъ на меня большія надежды въ то время, когда онъ еще разсчитывалъ, что приведеніе въ исполненіе Положенія 19 февраля 1861 г. не уйдетъ изъ его рукъ. Когда же, послѣ обнародованія Положенія, всѣ участники въ его составленіи сдѣлались уже ветеранами крестьянскаго дѣла, никто такъ отъ души не радовался моему вступленію въ бракъ съ юною дочерью старѣйшаго изъ этихъ ветерановъ, Е. А. Заблоцкою-Десятовскою, такъ какъ этотъ бракъ въ его глазахъ былъ союзомъ, совершившимся какъ бы въ семьѣ участниковъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Когда въ послѣдующіе годы мы свято хранили нашъ завѣтъ дружбы на ежегодныхъ празднествахъ въ память 19 февраля 1861 г., то онъ, предчувствуя почему-то, что я переживу всѣхъ нашихъ связанныхъ тѣсною дружбой товарищей, по соглашенію съ ними поручилъ мнѣ, когда я останусь однимъ изъ нихъ, поднимать все-таки въ этотъ дорогой намъ день свой бокалъ за великое дѣло освобожденія крестьянъ, въ память Царя-Освободителя и всѣхъ его сподвижниковъ въ этомъ дѣлѣ, а также за благоденствіе Россіи и всего русскаго народа.

ключеніи Парижскаго мира, онъ уже, какъ истинно государственный человѣкъ, пришелъ къ глубокому убѣжденію, что при доказанной несчастнымъ окончаніемъ крымской войны несостоятельности общественнаго и государственнаго строя Россіи, наступила пора его полнаго обновленія, и первымъ актомъ этого обновленія должно было быть освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Въ эту-то эпоху Н. А. Милютину, при его государственномъ умѣ и обаятельныхъ общественныхъ качествахъ, не трудно было сдѣлаться настоящимъ лидеромъ собиравшейся около него партіи, которая стремилась къ освобожденію крестьянъ и состояла не только изъ лучшихъ дѣятелей Географическаго Общества, но и изъ лицъ, бывшихъ на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ разныхъ другихъ министерствахъ и государственныхъ учрежденіяхъ, а также и при двухъ великокняжескихъ дворахъ (великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича).

Между этими лицами высокое мѣсто по своимъ блестящимъ дарованіямъ, глубокому знанію бытовой исторіи русскаго народа и пламенной, страстной и полной самоотверженія преданности идеѣ освобожденія крестьянъ занималъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, связанный тѣсною и неизмѣнною дружбою не только съ Н. А. Милютинымъ, но и со старѣйшимъ его другомъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ. Хотя Кавелинъ и не принималъ непосредственнаго и, такъ сказать, оффиціальнаго участія въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, но услуга, оказанная имъ этому великому дѣлу, такъ велика, что она дѣлаетъ его имя незабвеннымъ въ исторіи этой эпохи. Вотъ почему разъясненіе этой услуги и характеристика его личности, заслужившей всеобщія симпатіи современниковъ, представляются мнѣ здѣсь какъ нельзя болѣе умѣстными.

К. Д. Кавелинъ родился, какъ и Милютинъ, въ 1818 г., принадлежалъ къ древней дворянской фамиліи и выросъ въ помѣстьѣ своихъ родителей, посреди тяжелыхъ условій крѣпостного права. Уже въ юношескіе годы пылкая душа Константина Дмитріевича и пытливый его умъ, на развитіе котораго повліялъ одинъ изъ раннихъ его учителей, В. Г. Бѣлинскій, представили ему окружающее его крѣпостное право въ самомъ неприглядномъ видѣ и выработали изъ него страстнаго его противника. Окончилъ онъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ въ 1839 г., подъ руководствомъ цѣлой плеяды бывшихъ тамъ въ его время блестящихъ профессоровъ, по юридическому

факультету, получивъ золотую медаль за первую ученую работу о римскомъ землевладѣніи, написанную, очевидно, подъ вліяніемъ его высокоталантливаго учителя, профессора Крылова, и напечатанную въ 1841 г. Въ 1844 г. Кавелинъ, будучи уже магистромъ, получилъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ по исторіи русскаго законодательства. Его воодушевленныя и изящныя лекціи и бесѣды о юридическомъ бытѣ древней Руси привлекали къ нему многочисленныхъ слушателей и почитателей, но въ 1848 г. его страстный характеръ вызвалъ рѣзкое столкновеніе съ его знаменитымъ учителемъ, профессоромъ Крыловымъ, и заставилъ его оставить университетъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ искалъ здѣсь средствъ къ существованію, такъ какъ въ это время уже былъ семейнымъ человѣкомъ. Въ Петербургѣ онъ возвратился въ среду любимыхъ друзей, пріобрѣтенныхъ имъ во время его прежняго пребыванія въ Петербургѣ (1841—43 г.). Старѣйшій изъ нихъ, В. Г. Бѣлинскій, въ то время былъ уже близокъ къ смерти; остальные не только привѣтливо встрѣтили Кавелина, но и доставили ему новыхъ друзей, съ которыми онъ быстро и близко сошелся на дорогой имъ идеѣ освобожденія крестьянъ, въ то время еще не принявшей опредѣленнаго характера.

Введенный своими новыми друзьями въ составъ Русскаго Географическаго Общества, онъ принялъ живое участіе въ затѣянной въ то время подъ вліяніемъ Милютина борьбѣ русской партіи противъ нѣмецкой и много способствовалъ побѣдѣ, одержанной этой партіей и повлекшей за собой замѣну нѣмецкихъ руководителей Общества русскими [1]). Переворотъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ то, что новые дѣятели Общества обратили усиленное вниманіе на изученіе русскаго народнаго быта и аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, несомнѣнно подготовившее великую реформу послѣдующаго царствованія. Самъ Кавелинъ принялъ, конечно, живое участіе въ этихъ работахъ.

Послѣ сближенія Кавелина съ Милютинымъ, и въ особенности въ концѣ крымской войны, всѣ помыслы обоихъ были направлены на дѣло освобожденія крестьянъ, которое они оба считали первою и самою необходимою реформою при обновленіи русскаго государственнаго строя. При обсужденіи этого вопроса въ кругу сочувствующихъ ему лучшихъ людей столичной

[1]) М. Н. Муравьевъ, К. И. Арсеньевъ, А. Д. Озерскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій и Н. И. Надеждинъ.

интеллигенціи, Кавелину безспорно принадлежитъ первенство въ установленіи принципа земельнаго, а не безземельнаго освобожденія крестьянъ. Указаніе на то, что это можетъ быть достигнуто только путемъ правительственнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, принадлежитъ К. Д. Кавелину и составляетъ его безсмертную заслугу въ исторіи великой эпохи.

Идеи свои по этому предмету Кавелинъ выразилъ впервые въ запискѣ, написанной имъ еще въ мартѣ 1855 г., ходившей по рукамъ въ началѣ царствованія императора Александра II, сблизившей его съ лучшими дѣятелями эпохи освобожденія (въ особенности съ Н. А. Милютинымъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ и княземъ В. А. Черкасскимъ) и приблизившей его къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Послѣдняя поручила ему вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ составить положеніе для освобождаемыхъ великой княгиней изъ крѣпостной зависимости собственныхъ ея крестьянъ помѣстья Карловки, Константиноградскаго уѣзда Полтавской губ., что и было имъ исполнено въ 1857 г. Будучи уже профессоромъ С.-Петербургскаго университета, онъ былъ приглашенъ къ преподаванію правовѣдѣнія Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу.

Наибольшій контингентъ лицъ, способныхъ для служенія великому дѣлу освобожденія крестьянъ, приготовило, конечно, изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій то министерство, которое императоръ Николай I-й называлъ своимъ „главнымъ штабомъ“ по крестьянскому дѣлу, а именно министерство государственныхъ имуществъ. И дѣйствительно, хотя „партизанская война“, которую императоръ Николай I-й велъ противъ крѣпостного права со времени учрежденія министерства (1837—1848 г.г.), прекратилась вслѣдствіе того, что государь отказался отъ своего великодушнаго намѣренія, но на министерствѣ осталась еще забота объ улучшеніи быта государственныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого, когда графъ П. Д. Киселевъ покидалъ свое министерство въ 1856-мъ году, онъ оставилъ послѣ себя цѣлую плеяду сравнительно молодыхъ дѣятелей, прекрасно подготовленныхъ для активнаго участія въ великихъ реформахъ царствованія императора Александра II-го.

Безспорно, самымъ талантливымъ и самымъ опытнымъ между ними былъ ближайшій сотрудникъ Киселева именно въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Этотъ дѣйствительно выдающійся по своему уму и талантамъ человѣкъ родился въ 1807 г. въ Сѣверской Руси (Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Черниговской губерніи). Фамилія его принадлежала къ

древнему малороссійскому дворянскому роду. Его отецъ, получившій высшее образованіе въ лучшемъ въ то время высшемъ учебномъ заведеніи въ Малороссіи—Кіевской духовной академіи, остался, вслѣдствіе полнаго разоренія своей осиротѣвшей родительской семьи, какъ старшій братъ, во главѣ ея и долженъ былъ со своей учебной скамьи непосредственно обратиться къ земледѣльческимъ занятіямъ. Выработавъ изъ себя очень скоро дѣльнаго агронома, онъ занялъ мѣсто управляющаго обширнымъ имѣніемъ въ одномъ изъ богатѣйшихъ помѣстій Черниговской губерніи. Это обстоятельство поставило его въ близкія ежедневныя отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ и дало возможность его дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ непосредственно знакомиться съ бытомъ малороссійскихъ крестьянъ. Старшій изъ его сыновей, Андрей Парѳеновичъ, окончивъ среднее образованіе въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, поступилъ, по желанію отца, въ Московскій университетъ, гдѣ его замѣчательныя дарованія обратили на себя особенное вниманіе профессоровъ и дали ему возможность окончить высшее образованіе въ 1831 г. съ дипломомъ магистра математическихъ наукъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, Заблоцкій-Десятовскій поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ очень скоро его математическія и въ особенности замѣчательныя редакторскія способности обратили на него вниманіе начальства, и на него были возложены сначала первыя самостоятельныя работы по статистикѣ населенія всей имперіи, а затѣмъ редакція журнала министерства внутреннихъ дѣлъ.

По учрежденіи въ 1837-мъ году министерства государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ привлекъ его въ свое министерство уже въ качествѣ опытнаго редактора и очень скоро оцѣнилъ его замѣчательныя редакторскія способности въ такой степени, что кромѣ возложенной на него редакціи журнала министерства государственныхъ имуществъ, Заблоцкій-Десятовскій сдѣлался „перомъ“ графа Киселева во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось ясное и отчетливое изложеніе по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Такой близкій сотрудникъ былъ тѣмъ необходимѣе для графа Киселева, что, при необыкновенной ясности и опредѣленности своего истинно-государственнаго ума, графъ всегда любилъ самъ набрасывать сжатый конспектъ того, что онъ желалъ высказать по существу дѣла въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами и въ особенности въ своихъ предписаніяхъ и распоряженіяхъ; между тѣмъ онъ, при менѣе совершенномъ владѣніи (какъ это зачастую случалось въ

то время въ высшихъ сферахъ) русскимъ, чѣмъ французскимъ языкомъ, нѣсколько затруднялся въ правильномъ изложеніи своихъ мнѣній и намѣреній на родномъ языкѣ. При возникшихъ вслѣдствіе того частыхъ и близкихъ сношеніяхъ графа Киселева съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ, послѣдній сдѣлался постепенно ближайшимъ его конфидентомъ и совѣтчикомъ по живо интересовавшему не только ихъ обоихъ, но и императора Николая I-го вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Вотъ почему, когда былъ учрежденъ еще въ 1839 г., подъ предсѣдательствомъ самого Государя, Секретный Комитетъ для разсмотрѣнія предположеній Киселева объ ограниченіи крѣпостного права, которыя встрѣчали постоянный и сильный отпоръ со стороны ближайшихъ совѣтчиковъ Государя, графъ Киселевъ поручилъ Заблоцкому-Десятовскому въ 1841 г. объѣхать внутреннія губерніи Россіи для собранія необходимыхъ ему свѣдѣній не только объ экономическомъ положеніи государственныхъ крестьянъ, но, попутно, и о положеніи крестьянъ помѣщичьихъ.

Результатомъ этой командировки была замѣчательная записка Заблоцкаго-Десятовскаго: „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи", законченная и представленная графу Киселеву въ 1842-мъ году. Записка эта впервые затронула глубоко и разносторонне (со стороны сельскохозяйственной, политической и нравственной) вопросъ о необходимости будущаго освобожденія крестьянъ. Къ сожалѣнію, противодѣйствіе, встрѣченное графомъ Киселевымъ въ Секретномъ Комитетѣ со стороны всѣхъ остальныхъ совѣтчиковъ Государя по дѣлу освобожденія крестьянъ, было такъ велико, что графъ не рѣшился представить государю записку Заблоцкаго-Десятовскаго. Къ концу 1840-хъ годовъ государь окончательно отказался отъ своихъ благихъ намѣреній, и графу Киселеву оставалось ограничиться заботами объ улучшеніи быта состоявшихъ въ исключительномъ вѣдѣніи его министерства государственныхъ крестьянъ. Въ этомъ дѣлѣ Заблоцкій-Десятовскій оказался самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ, облекая въ ясную и опредѣленную редакціонную форму всѣ инструкціи и распоряженія министра государственныхъ имуществъ и даже вносимые на разсмотрѣніе государственнаго совѣта законопроекты, относящіеся къ государственнымъ крестьянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Заблоцкій-Десятовскій много заботился объ открытіи сельскихъ школъ и о распространеніи просвѣщенія между государственными крестьянами, а когда сильно началъ чувствоваться недостатокъ книгъ для народнаго чтенія, то Заблоцкій-Десятовскій, вмѣстѣ съ своимъ просвѣщеннымъ другомъ, княземъ В. Ө. Одоевскимъ, издалъ въ

1843 г., подъ названіемъ „Сельское Чтеніе“, первую популярную книгу для крестьянъ, которая такъ удовлетворила тогдашнимъ потребностямъ народа, что разошлась въ первые два года своего изданія въ 30.000 экземплярахъ.

Впослѣдствіи Заблоцкій-Десятовскій въ теченіе многихъ лѣтъ редактировалъ другое популярное изданіе по сельскому хозяйству—„Земледѣльческую газету“. Въ то же самое время Андрей Парѳеновичъ, избранный въ 1848 г. въ предсѣдатели статистическаго отдѣленія Русскаго Географическаго Общества, явился не только прекраснымъ изслѣдователемъ русскаго народнаго быта, но и руководителемъ другихъ изслѣдователей. Нѣтъ сомнѣнія, что многолѣтнее общеніе съ такимъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ графъ Киселевъ, вмѣстѣ съ научными занятіями по изслѣдованію русскаго народа въ Географическомъ Обществѣ, выработали изъ Заблоцкаго-Десятовскаго истинно-государственнаго человѣка.

Будучи, послѣ назначенія А. И. Левшина товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, избранъ графомъ Киселевымъ на должность директора департамента земледѣлія, Заблоцкій-Десятовскій не только въ этой должности, но и вообще въ теченіе своей двадцати-лѣтней дѣятельности въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и Географическомъ Обществѣ (1838—1858 гг.), оказалъ громадное вліяніе, въ качествѣ самаго талантливаго инструктора, на подготовку полезнѣйшихъ дѣятелей для великой эпохи реформъ императора Александра II-го [1]). Достаточно на-

[1]) Къ этому времени относится мое первое знакомство съ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ. Онъ постоянно привлекалъ меня къ обсужденію въ отдѣленіяхъ статистики и этнографіи Географическаго Общества различныхъ вопросовъ, относящихся къ изученію быта и экономическаго положенія русскаго народа въ разныхъ частяхъ имперіи и подготовлявшихъ разрѣшеніе великаго вопроса освобожденія крестьянъ. Онъ также сильно способствовалъ порученію мнѣ Обществомъ, совмѣстно съ Н. В. Ханыковымъ и В. В. Григорьевымъ, перевода Риттеровой „Азіи“ и составленія къ ней обширныхъ дополненій. Затѣмъ А. П. Заблоцкій еще болѣе сблизился со мною по возвращеніи моемъ въ 1855 г. изъ трехлѣтняго пребыванія за границею и горячо поддерживалъ осуществленіе завѣтной моей мечты о снаряженіи, подъ покровительствомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, смѣло задуманной мною экспедиціи во внутреннюю Азію для изслѣдованія невѣдомой Тянь-Шанской горной системы, долженствующей подпасть подъ русское владычество. Послѣ возвращенія моего въ 1857 г. изъ этой экспедиціи, сношенія мои съ А. П. Заблоцкимъ получили уже совершенно дружескій характеръ, на почвѣ совмѣстныхъ нашихъ работъ въ средѣ Редакціонныхъ Коммиссій и связанныхъ съ ними почти ежедневныхъ сношеній, которыя завершились, по счастливомъ окончаніи ихъ въ началѣ 1861 г., моимъ бракомъ съ 18-лѣтнею его дочерью и вступленіемъ въ его семейство. Съ тѣхъ поръ вся остальная, въ высшей степени полезная для Россіи общественная и государственная дѣятельность А. П. Заблоцкаго (въ качествѣ сна-

звать между ними Н. А. Милютина, И. П. Арапетова, Я. А. Соловьева и К. И. Домонтовича по крестьянскому дѣлу, К. С. Веселовскаго и В. П. Безобразова по статистикѣ и политической экономіи, по которымъ они оба были избраны въ члены Академіи Наукъ (а первый изъ нихъ, какъ отличный редакторъ— и въ непремѣнные секретари Академіи), В. И. Вешнякова и братьевъ Щепкиныхъ по сельскому хозяйству, Е. И. Ламанскаго, А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Куломзина, С. А. Ольхина и многихъ другихъ по государственнымъ финансамъ. Съ назначеніемъ Заблоцкаго-Десятовскаго директоромъ хозяйственнаго департамента на мѣсто А. И. Левшина, особенное значеніе было придано въ министерствѣ государственныхъ имуществъ работамъ кадастровымъ въ различныхъ губерніяхъ Россіи. Между чиновниками, работавшими по этой части подъ руководствомъ А. П. Заблоцкаго, самыя большія услуги оказалъ впослѣдствіи дѣлу освобожденія крестьянъ Я. А. Соловьевъ.

Я. А. Соловьевъ родился въ 1820 г., въ Петербургѣ, въ дворянской семьѣ, принадлежавшей не къ помѣстному провинціальному, а къ городскому служилому дворянству, окончилъ высшее образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ 1843-мъ году поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ замѣчательная его трудоспособность была оцѣнена очень скоро. Случай пополнить то, чего ему болѣе всего недоставало, а именно знакомство съ русскою землею, въ которой онъ не имѣлъ корней, скоро представился. Послѣ канцелярскихъ работъ въ департаментѣ земледѣлія, дѣятельность Соловьева была обращена на кадастровыя работы, подъ руководствомъ А. П. Заблоцкаго, сначала во Владимірской, а потомъ въ Смоленской губерніяхъ. Результатомъ этихъ работъ, занявшихъ нѣсколько лѣтъ, была „Сельскохозяйственная статистика Смоленской губерніи“, сочиненіе, обратившее на себя вниманіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, удостоившаго автора одной изъ своихъ высшихъ наградъ—„Жуковской преміи“. Что еще важнѣе, кадастровыя работы Соловьева въ Смоленской губерніи ознакомили его съ экономическимъ положеніемъ какъ государственныхъ, такъ, попутно, и помѣщичьихъ крестьянъ этой губерніи, еще не успѣвшихъ даже и въ то время оправиться отъ

чала статсъ-секретаря, затѣмъ члена государственнаго совѣта, а также чрезвычайно вліятельнаго гласнаго городской думы и предсѣдателя приходскаго благотворительнаго общества) проходила на моихъ глазахъ до самой кончины этого признаваемаго всѣми истиннаго мудреца, принадлежавшаго къ блестящей плеядѣ дѣятелей великой эпохи 1857 — 1861 гг.

постигшаго ихъ разоренія послѣ отечественной войны 1812-го года.

Въ 1857 г. Я. А. Соловьевъ, уже какъ знатокъ экономическаго быта крестьянъ, былъ приглашенъ А. И. Левшинымъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду разроставшейся переписки по крестьянскому дѣлу со всею Россіею. Дѣлопроизводство всего министерства по крестьянскому дѣлу было возложено на особый отдѣлъ Центральнаго статистическаго комитета, во главѣ котораго былъ поставленъ Я. А. Соловьевъ, сдѣлавшійся, такимъ образомъ, главнымъ оффиціальнымъ докладчикомъ министра по крестьянскимъ дѣламъ.

Выборъ Соловьева нельзя было признать неудачнымъ: онъ соединялъ въ себѣ нѣкоторыя неоцѣнимыя качества для предстоявшей ему роли правителя дѣлъ исполнительной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ по быстро развивающемуся крестьянскому вопросу, а именно — необыкновенную трудоспособность, стойкость въ неуклонномъ исполненіи ясно формулированныхъ ему предначертаній правительства и практическое знакомство, если не съ обычнымъ правомъ, регулировавшимъ въ то время отношенія между крѣпостными крестьянами и ихъ помѣщиками, то, по крайней мѣрѣ, съ экономическимъ бытомъ крестьянскаго сословія (особливо государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерній Россіи). Но для роли болѣе или менѣе самостоятельнаго вершителя судебъ крестьянскаго сословія или законодателя по крестьянскому дѣлу, Соловьеву недоставало многихъ качествъ и, прежде всего, широкаго взгляда государственнаго человѣка и творческаго генія. Высоко честный, прямолинейный и даже радикальный въ своихъ убѣжденіяхъ, беззавѣтно преданный великому дѣлу освобожденія крестьянъ, Соловьевъ въ своихъ сношеніяхъ съ равными себѣ часто обнаруживалъ самое мелочное самолюбіе и упрямство, а въ своихъ сношеніяхъ съ подчиненными — высокомѣріе, излишнюю и притомъ мелочную требовательность, раздражительность, иногда и сухой формализмъ, а слѣдовательно совершенную неспособность воодушевить своихъ сотрудниковъ къ выпадавшему на ихъ долю тяжелому труду, подобно тому, какъ это умѣлъ дѣлать Милютинъ [1]).

---

[1]) Я познакомился впервые съ Я. А. Соловьевымъ только въ 1855 г., участвуя въ присужденіи ему Географическимъ Обществомъ Жуковской преміи за его замѣчательное для того времени сочиненіе по сельскохозяйственной статистикѣ Смоленской губерніи. Полное же наше сближеніе произошло въ 1859 г., по открытіи дѣйствій Редакціонныхъ Коммиссій, когда намъ пришлось дружески размежевать между собою обширный и тяжелый трудъ по разработкѣ необходимаго для соста-

При такихъ свойствахъ Соловьевъ могъ быть, однакоже, крайне полезнымъ въ данное время дѣятелемъ, но не иначе, какъ подъ руководствомъ человѣка, обладающаго всѣми тѣми качествами, которыхъ онъ не имѣлъ, и въ особенности государственнымъ умомъ и творческимъ геніемъ. Такого человѣка Соловьевъ не имѣлъ ни въ своемъ министрѣ С. С. Ланскомъ, ни въ его товарищѣ А. И. Левшинѣ. Но, къ счастью, всѣ эти качества, необходимыя для твердаго руководителя крестьянскаго дѣла, нашлись въ Н. А. Милютинѣ, обаятельному вліянію котораго Соловьевъ подчинился очень скоро, не смотря на то, что не состоялъ къ нему ни въ какомъ служебномъ подчиненіи; въ немъ онъ нашелъ твердую точку опору передъ слабымъ и колеблющимся министромъ внутреннихъ дѣлъ. Къ чести Соловьева должно замѣтить, что преданность его дѣлу освобожденія крестьянъ была такъ велика, что она исключала въ немъ всякую зависть къ вліянію Милютина, которое онъ при своихъ личныхъ докладахъ министру старался не только не подрывать, а напротивъ, поддерживать. Это было тѣмъ болѣе полезно и даже необходимо, что Милютинъ, со свойственною ему ясностью государственнаго ума, понялъ (какъ разъ въ это время), что дѣло освобожденія крестьянъ не было такъ просто, какъ оно представлялось въ то время въ высшихъ сферахъ, и что за вопросомъ о личной свободѣ, неразрывно связанной съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости и освобожде-

вленія нашего законопроекта матеріала, стекавшагося къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи. Такъ какъ мы находились оба въ совершенно независимомъ другъ отъ друга положеніи, то между нами, при нашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ, никакихъ столкновеній не произошло, не смотря на тяжелый и раздражительный характеръ Соловьева; этому способствовала правильная постановка раздѣленія между нами труда и взаимное сознаніе той пользы, которую каждый изъ насъ приносилъ одинаково намъ дорогому дѣлу освобожденія крестьянъ. По обнародованіи Положенія 19-го февраля 1861 г., Соловьевъ былъ однимъ изъ немногихъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, оставшихся „у своего дѣла". Съ 1864 г. я былъ, въ качествѣ ближайшаго его коллеги, какъ директоръ Центральнаго статистическаго комитета, свидѣтелемъ его полезной дѣятельности по приведенію въ исполненіе новаго закона. Онъ дѣйствительно стоялъ на стражѣ правильнаго осуществленія закона 19 февраля 1861 г. Но цѣльность его характера и стойкость убѣжденій не позволили ему долго сохранить свое выдающееся положеніе. Уже въ 1864 г. онъ не согласился подписать представленіе въ Главный Комитетъ министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣланное въ угоду одному изъ великихъ міра сего. Соловьевъ, усматривая въ этомъ представленіи несогласіе съ закономъ, сообщилъ частнымъ образомъ въ Главный Комитетъ справки, необходимыя для того, чтобы отвергнуть представленіе министра, и вслѣдствіе того былъ вынужденъ подать въ отставку. Къ счастью, уже въ томъ же 1864-мъ году онъ былъ назначенъ членомъ учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, и ему было поручено управленіе крестьянскимъ дѣломъ во всемъ Царствѣ, а въ 1867 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи дожилъ до 1876-го года.

ніемъ народнаго труда, стоитъ болѣе грозный *аграрный вопросъ*: вопросъ о необходимости обезпеченія быта и существованія крестьянъ земельнымъ пользованіемъ, — вопросъ, во имя котораго крестьяне и помѣщики были связаны въ каждомъ помѣстьѣ неразрывными узами выработавшагося вѣками обычнаго права, дѣлавшаго крестьянъ крѣпкими землѣ, на которую они всегда сохраняли безспорное право пользованія при полномъ личномъ подчиненіи помѣщику. Разрубить эти вѣковыя узы безъ правильнаго разграниченія правъ помѣщика и крестьянъ на землю ихъ кондоминіума, называемаго помѣстьемъ, было невозможно, и это сознаніе привело большинство столичной интеллигенціи, группировавшейся около Н. А. Милютина, какъ около своего лидера, къ глубокому убѣжденію о необходимости земельнаго, а не безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ была написана уже въ концѣ 1856 г., по иниціативѣ Милютина, другомъ его К. Д. Кавелинымъ замѣчательно талантливая записка, которая ходила по рукамъ въ 1857 г. между лицами, сочувствовавшими великому дѣлу, и извлеченіе изъ которой онъ имѣлъ мужество напечатать въ началѣ 1858 г., что навлекло на него цѣлый рядъ гоненій и непріятностей.

Во всякомъ случаѣ, когда я рѣшился, въ январѣ 1858-го года, отправиться на родину для изученія положенія крестьянскаго дѣла въ черноземныхъ губерніяхъ Россіи, послѣ обнародованія Высочайшихъ рескриптовъ, побѣда идеи, усвоенной Кавелинымъ, Заблоцкимъ-Десятовскимъ и Милютинымъ о земельномъ освобожденіи крестьянъ, въ средѣ столичной интеллигенціи была уже вполнѣ подготовлена.

Глава II.

Пользуясь рождественскими праздниками и будучи уже совершенно au courant того, что происходило въ средѣ столичной интеллигенціи, я поспѣшилъ въ родныя мнѣ губерніи—Рязанскую, Тамбовскую и Тульскую,—съ цѣлью, послѣ двухлѣтняго отсутствія, ознакомиться съ настроеніемъ не только родственнаго мнѣ дворянства этихъ губерній, но и со взглядами на это дѣло крестьянскаго сословія черноземныхъ губерній.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію этихъ взглядовъ, я считаю умѣстнымъ разсказать здѣсь на немногихъ страницахъ о томъ, какія исключительныя обстоятельства моей юности способ-

ствовали моей собственной подготовкѣ къ участію въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Родился и выросъ я въ деревнѣ, посреди крѣпостного права, въ помѣстьѣ очень культурной дворянской семьи южной, черноземной части Рязанской губерніи. Отецъ мой, совершивъ съ Измайловскимъ полкомъ, въ составѣ котораго находился, весь походъ 1812—1815 г.г., послѣ Кульмскаго сраженія попалъ въ плѣнъ къ французамъ и, пройдя пѣшкомъ часть Германіи и всю южную Францію, вернулся въ свое отечество уже послѣ взятія нашими войсками Парижа. Въ южной Франціи онъ близко ознакомился съ бытомъ французскихъ земледѣльцевъ и аграрными отношеніями, установившимися между ними и дворянами-землевладѣльцами послѣ революціи. Знакомство это пополнило въ значительной мѣрѣ все его міровоззрѣніе, и онъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ улучшенія быта крестьянъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ уже въ 1817-мъ году вступилъ въ „союзъ благоденствія“ и другія тайныя общества, имѣвшія цѣлью поддерживать благія мѣры императора Александра I-го, направленныя къ развитію благосостоянія русскаго народа.

Выйдя въ отставку въ 1822 г., отецъ мой поселился въ деревнѣ ранѣе того времени, когда „союзъ благоденствія“ началъ задумывать насильственный государственный переворотъ.

Во время десятилѣтняго управленія своимъ помѣстьемъ (1823—1832), отецъ посвятилъ всю свою дѣятельность заботамъ объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ и старался упорядочить аграрныя отношенія между собою и крестьянами, на строгомъ основаніи завѣщаннаго ему традиціями предковъ „обычнаго права“.

Послѣ преждевременной и внезапной кончины отца, помѣстья его перешли въ пожизненное владѣніе матери—женщины высокаго ума, образованія и гуманности, но, къ сожалѣнію, пораженной со дня кончины отца психическимъ недугомъ, принимавшимъ иногда удручающіе размѣры. Особенно ухудшилось положеніе больной послѣ того какъ она, помѣстивъ двухъ старшихъ дѣтей въ столичныя учебныя заведенія, уединилась вмѣстѣ со мною для безвыѣзднаго пребыванія въ нашемъ родовомъ помѣстьѣ на пять лѣтъ (1836—1842 гг.).

Здѣсь, въ годы самой нѣжной моей юности (съ 10-ти до 15-ти-лѣтняго возраста), вмѣсто гимназическаго образованія, сила судьбы натолкнула меня на такую дѣятельность, которая послужила мнѣ лучшимъ подготовленіемъ къ участію въ святомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Съ перваго же года моего полнаго оди-

ночества въ родномъ помѣстьѣ выяснилось мое предназначеніе быть единственнымъ посредникомъ между безумнымъ произволомъ психически больной женщины и полнымъ по закону безправіемъ крѣпкаго землѣ крестьянскаго населенія. Я почувствовалъ, что при условіяхъ, въ которыхъ находилось наше помѣстье, непосредственная зависимость крестьянъ отъ произвола помѣщичьей власти сдѣлалась бы скоро совершенно невыносимою для всего крѣпостного населенія помѣстья и могла бы ежедневно повести къ какой-нибудь ужасной катастрофѣ. Роль моя, какъ посредника между неразумными проявленіями помѣщичьей власти и здравымъ смысломъ долготерпѣливаго народа, указана была мнѣ самою судьбою и къ счастію облегчалась, съ одной стороны, никогда не покидавшимъ мою мать чувствомъ любви къ своему отроку и юношѣ-сыну, уже способному окружать ее нѣжными заботами о ней самой, а съ другой стороны—довѣріемъ и преданностью молодому „барченку" крестьянъ, которыхъ онъ всегда являлся неизмѣннымъ и находчивымъ заступникомъ. Я чувствовалъ, что мое нравственное вліяніе, одинаково необходимое для обѣихъ сторонъ, увеличивалось съ каждымъ годомъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ послѣ ухода отъ насъ опытнаго стараго управляющаго (изъ крѣпостныхъ), я очутился единственнымъ вершителемъ судебъ крѣпостного населенія нашего помѣстья.

Мнѣ приходилось не только умиротворять порывы моей матери и необузданное раздраженіе ея противъ всѣхъ крѣпостныхъ людей, попадавшихся ей на глаза во время ея припадковъ, но и отмѣнять на свой страхъ всѣ ея рѣшенія, не согласовавшіяся съ тѣмъ „обычнымъ правомъ", которое неизмѣнно признавалось моими отцомъ и дѣдомъ и крѣпко жило въ понятіяхъ крестьянскаго „суда стариковъ". Съ этимъ „обычнымъ правомъ" я быстро ознакомился на практикѣ, при помощи оставшагося, послѣ ухода стараго управляющаго, посредникомъ между мною и крестьянами сельскаго старосты Платона, одного изъ самыхъ опытныхъ и умныхъ крестьянъ помѣстья, по своему положенію одинаково близкаго какъ интересамъ помѣщика, такъ и интересамъ крестьянъ, его односельцевъ.

Къ концу своей, небывалой для мальчика въ возрастѣ отъ 11-ти до 15-ти лѣтъ, дѣятельности, я уже могъ очень ясно для себя формулировать, изъ чего, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, слагалось то „обычное право", на которомъ были основаны въ нашей мѣстности аграрныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, т.-е. не писанная, но вѣрно хранимая въ нашихъ сердцахъ и

преданіяхъ конституція помѣстья. Вотъ какъ я и мои предки понимали эту конституцію.

Очевидно, первоначально земля наша не знала другихъ хозяевъ, кромѣ первыхъ ея насельниковъ, преимущественно славянскаго племени, занимавшихся исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Никто никогда не думалъ оспаривать ни исконной связи крестьянъ съ землею, на которой они распространились вдоль теченія рѣкъ, ни исконныхъ ихъ правъ на землю, ими обрабатываемую на свое прокормленіе. Съ развитіемъ государственности водворилась сначала верховная власть князей, пребывавшихъ въ городахъ со своими дружинами, а затѣмъ явилась и потребность обложенія первоначальныхъ насельниковъ страны, свободныхъ еще земледѣльцевъ, нѣкоторыми повинностями, необходимыми для обороны государства и поддержанія административной и судебной власти князей. Повинности эти были отчасти натуральныя, отчасти денежныя. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія государственныхъ потребностей, въ особенности послѣ возникновенія Московской Руси, постепенно поглотившей всѣ другія независимыя русскія княжества и даже переставшей признавать вотчинныя права медіатизированныхъ русскихъ удѣльныхъ князей, московскіе государи стали превращать болѣе или менѣе обширныя населенныя земли въ „помѣстья“, передавая служилымъ дворянамъ свои права на населенныя земли, взамѣнъ жалованья за ихъ службу государству. Но само собой разумѣется, что московскіе государи не думали передавать создаваемымъ ими помѣщикамъ тѣхъ правъ на земли помѣстій, какихъ они сами не признавали за собой, а именно правъ фактическаго пользованія и эксплоатаціи тѣхъ земель, которыя всегда безспорно принадлежали первымъ земледѣльческимъ ихъ насельникамъ. Московскіе государи передавали своимъ боярамъ и дворянамъ только свои права на взиманіе съ крестьянъ, въ предѣлахъ ихъ помѣстій, натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Такимъ образомъ каждое помѣстье, по переходѣ его во владѣніе служилаго дворянства, оказывалось состоящимъ изъ трехъ элементовъ: а) строго ограниченнаго пространства земли; б) населяющихъ эту землю крестьянъ, эксплоатирующихъ въ свою пользу необходимую для ихъ прокормленія часть земли помѣстья, и в) дворянина-помѣщика, собирающаго въ свою пользу, за свою службу государству, тѣ повинности, права на которыя признавалъ за собою самъ государь.

Въ обширной, безпредѣльной Сарматской равнинѣ, постоянно опустошаемой набѣгами кочевниковъ во весь Днѣпровскій и Московскій періодъ русской исторіи, въ землѣ недостатка не

было, а наоборотъ, ощущался большой недостатокъ въ рабочихъ силахъ, т.-е. въ людяхъ, нещадно истребляемыхъ то набѣгами иноплеменниковъ, то народными бѣдствіями. Поэтому всѣ усилія помѣщиковъ были направлены не столько къ эксплоатаціи свободныхъ и еще пустопорожнихъ земель своихъ помѣстій, сколько на удержаніе въ ихъ предѣлахъ и привлеченіе къ нимъ земледѣльческаго населенія, постоянно стремившагося уйти туда, гдѣ оно находило болѣе приволья, простора и свободы. Вотъ почему главная стоимость помѣстья состояла не въ землѣ, которая не горѣла и не тонула, а въ рабочихъ рукахъ, которыя гибли или исчезали при всякихъ иноземныхъ вторженіяхъ и народныхъ бѣдствіяхъ.

Московскіе государи также были заинтересованы въ сохраненіи въ предѣлахъ созданныхъ ими помѣстій земледѣльческаго населенія, которое, въ случаѣ своего ухода за предѣлы государства, вступало въ свободныя общины „казаковъ“ и дѣлалось врагами отечества и его разорителями,—а потому не только старались прикрѣпить крестьянъ къ помѣстьямъ, но и наконецъ сдѣлали ихъ крѣпкими къ землѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне помѣстій сдѣлались окончательно *крѣпостными* (особливо послѣ отмѣны Юрьева дня), помѣщики уже старались и со своей стороны ввести въ свои аграрныя отношенія къ крестьянамъ такіе порядки, которые были выработаны и завѣщаны намъ нашими предками и составили признаваемое во всѣхъ помѣстьяхъ „обычное право“.

Основою этого права было безспорное владѣніе крестьянъ тѣмъ количествомъ земли помѣстья, какое было по общему сознанію необходимо для прокормленія крестьянъ и обезпеченія ихъ повинностей передъ помѣщикомъ и государствомъ.

Повинности эти, кромѣ личной службы помѣщику, а вмѣстѣ съ нимъ и государству, взятыхъ во дворъ людей, состояли въ томъ, что крестьянинъ-земледѣлецъ долженъ былъ обрабатывать въ пользу помѣщика столько же пахатной земли, сколько самъ получалъ въ свое пользованіе. Отсюда и произошелъ, внесенный впослѣдствіи въ письменное законодательство императоромъ Павломъ I, *законъ о трехдневной барщинѣ.* Три дня въ недѣлю для работъ на себя, три дня для работъ на помѣщика, а седьмой день Господу Богу. Отсюда проистекала для насъ, помѣщиковъ, обязанность давать всѣмъ вновь возникающимъ рабочимъ единицамъ (тягламъ) столько земли, на сколько мы, помѣщики, хотѣли увеличить свою запашку. Такимъ образомъ, подъ крестьянскими и помѣщичьими посѣвами было всегда одинаковое количе-

ство земли, сверхъ которой крестьянамъ еще отводились земли подъ ихъ постройки, огороды, выгоны и покосы, а изъ помѣщичьихъ лѣсовъ отпускалось то количество строительнаго матеріала, которое было необходимо для постройки новыхъ зданій или возобновленія и починки старыхъ. Вся же остальная земля помѣстья представляла собою запасъ, изъ котораго должны были надѣляться прибылыя души и тягла и увеличиваться помѣщичья запашка въ размѣрѣ, равномъ увеличенію крестьянской пашни. Когда же запасъ земель помѣстья истощался, помѣщикъ или выселялъ часть своихъ крестьянъ въ свое другое, болѣе многоземельное помѣстье, или переселялъ ихъ на вновь пріобрѣтаемыя имъ пустопорожнія земли, или продавалъ крестьянъ, какъ рабочую силу, „на своз" такимъ дворянамъ-помѣщикамъ, въ помѣстьяхъ которыхъ было еще много свободныхъ земель, съ условіемъ, чтобы новый помѣщикъ, переселивъ купленныхъ, всегда за дешевую цѣну, крестьянъ въ свое помѣстье, принималъ на себя относительно ихъ всѣ обязанности прежняго помѣщика. Обязанности эти заключались въ снабженіи прибылыхъ душъ землею, въ прокормленіи всѣхъ крестьянъ во время голода, въ снабженіи ихъ строительными матеріалами, рабочимъ инвентаремъ и т. д.

Но были также случаи, когда помѣщикъ, истощивъ свободные запасы земель своего помѣстья, но не желая лишаться своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, продолжалъ надѣлять прибылыя души землею уже изъ собственныхъ пахатныхъ земель, и въ такомъ случаѣ уменьшалъ свои запашки и замѣнялъ причитающіяся съ крестьянъ натуральныя повинности (барщину) денежнымъ оброкомъ.

Только во время отправленія барщины помѣщикъ признавалъ за собою неограниченную дисциплинарную власть надъ крестьянами, и кромѣ того пользовался обычнымъ правомъ брать людей изъ крестьянскихъ семей на барскій дворъ въ личное услуженіе, которое собственно соотвѣтствовало рекрутской повинности населенія по отношенію къ государю.

Помѣщикамъ принадлежала еще нѣкоторая административная и судебная власть надъ крестьянами въ помѣстьѣ, но этой властью помѣщики рѣдко пользовались и охотно передавали ее народному „суду стариковъ", т.-е. затяглыхъ крестьянъ, получившихъ, по своему возрасту, свободу отъ всякихъ обязательныхъ работъ, умудренныхъ опытомъ и вѣрныхъ хранителей „обычнаго права" и бытовыхъ народныхъ воззрѣній. Къ такимъ „старикамъ" относился и мой мудрый совѣтчикъ, сельскій ста-

роста Платонъ, при помощи котораго я, въ возрастѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, могъ не только справиться со своимъ положеніемъ рабовладѣльца, котораго сила Провидѣнія поставила вершителемъ судебъ нѣсколькихъ сотъ христіанскихъ душъ, но могъ и ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что было *ужаснаго* въ положеніи помѣстныхъ крестьянъ, признаваемыхъ письменнымъ закономъ, по мѣткому выраженію императора Николая I, только за „вещь, принадлежащую другому".

Въ 1842 г. я покинулъ наше дворянское гнѣздо для того, чтобы посвятить себя всецѣло своему образованію, ограничивавшемуся до тѣхъ поръ только основательнымъ знаніемъ русской грамоты, ариѳметики и свободнымъ владѣніемъ тремя иностранными языками, при помощи котораго я въ длинные осенніе и зимніе вечера перечитывалъ не разъ всѣ книги нашей довольно обширной библіотеки, сначала русскія и французскія, а потомъ нѣмецкія и англійскія, начиная отъ Ломоносова, Державина, Пушкина, Карамзина, Расина, Корнеля, Мольера и Вольтера, и кончая Шиллеромъ, Гёте, Байрономъ и даже Шекспиромъ, котораго я любилъ перечитывать и вникать въ особенности въ историческое содержаніе его трагедій. Уѣзжая въ Петербургъ для поступленія въ военно-учебное заведеніе, къ обученію въ которомъ я былъ предназначенъ съ дѣтства, я вынесъ, съ чрезвычайнымъ развитіемъ силы воли и чувства независимости, еще глубокое несочувствіе къ крѣпостному праву, темныя стороны котораго такъ поразили мою воспріимчивую душу.

Въ три года я кончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ наиболѣе привилегированныхъ въ то время военно-учебныхъ заведеній; въ слѣдующіе три года выдержалъ сначала пріемный экзаменъ, затѣмъ прошелъ полный курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а на восьмомъ году своего уже вполнѣ систематическаго обученія получилъ дипломъ на званіе магистра физико-математическаго факультета. Служебными правами своими я не воспользовался: душевный инстинктъ тянулъ меня къ сельской жизни и къ изученію отечества, его природы и русскаго народа. Значительную часть года я проводилъ въ провинціи и тутъ управлялъ уже совершенно самостоятельно наслѣдованнымъ мною послѣ кончины матери (съ 1846 г.) помѣстьемъ. Въ особенности въ это время я присмотрѣлся еще ближе ко всѣмъ темнымъ сторонамъ и злоупотребленіямъ крѣпостного права въ средѣ своихъ сосѣдей и родныхъ и сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Но теплое юношеское сочувствіе и состраданіе къ бѣдствіямъ русскаго народа приняло форму глу-

бокаго убѣжденія во время крымской войны, когда я пробылъ три года за границей для завершенія своего разносторонняго образованія.

Враждебное къ намъ отношеніе всей Западной Европы, въ разгаръ крымской войны, пробудило во мнѣ самыя пылкія патріотическія чувства. Сначала я хотѣлъ возвратиться въ составъ хорошо знакомой мнѣ русской арміи. Но прослушавъ мимоходомъ, въ самомъ началѣ своего пребыванія за границей, нѣсколько прекрасныхъ лекцій по военнымъ наукамъ въ средѣ общегерманскихъ войскъ первоклассной крѣпости германскаго союза—Майнца, я убѣдился въ томъ, что мы страшно отстали отъ Западной Европы не только въ нашемъ государственномъ устройствѣ, но и въ воинскомъ строѣ, и что это исключало всякую надежду на нашу побѣду надъ врагомъ, не смотря на геройство русскихъ воиновъ. Единственнымъ средствомъ возвратить Россіи ея прежнее могущество былъ, по моему убѣжденію, цѣлый рядъ самыхъ коренныхъ преобразованій, изъ которыхъ впереди всѣхъ стояло на очереди освобожденіе русскаго народа отъ крѣпостной зависимости, которой была объявлена еще императоромъ Николаемъ I-мъ война, не имѣвшая пока, къ сожалѣнію, никакого успѣха.

Вотъ этой-то борьбѣ противъ рабства русскаго народа, а не безнадежной войнѣ крѣпостной Россіи противъ цивилизованной Европы я рѣшился посвятить свои силы во время трехлѣтняго пребыванія за границей, и рядомъ со спеціальнымъ приготовленіемъ къ задуманному мною путешествію въ невѣдомыя страны Центральной Азіи я принялся и за свое приготовленіе къ участію въ самомъ настоятельномъ патріотическомъ дѣлѣ—освобожденіи крестьянъ.

Для такого приготовленія я въ теченіе моего пребыванія въ разныхъ странахъ Западной Европы изучилъ не только книжнымъ путемъ исторію освобожденія крестьянъ въ Пруссіи и Франціи, но и на практикѣ экономическій и сельскохозяйственный бытъ сельскаго населенія Пруссіи, средней и южной Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи и условія входившаго тогда въ моду хуторского интенсивнаго хозяйства въ обѣихъ его формахъ: собственнаго крестьянскаго владѣнія и арендаторства.

Когда я вернулся въ Россію въ 1855 г., уже послѣ кончины императора Николая I-го, я нашелъ, что необходимость возрожденія Россіи и обновленія всего ея государственнаго строя входила уже въ глубокое сознаніе русской интеллигенціи. Но время для первой реформы, стоявшей на очереди, а именно осво-

божденія крестьянъ, еще не наступило, такъ какъ все вниманіе молодого Государя было направлено пока исключительно на необходимое умиротвореніе отечества.

Времени до непосредственнаго участія въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ оставалось еще довольно, и я поспѣшилъ выполнить сначала первую половину задуманной мною во время пребыванія за границей программы и предпринялъ свое путешествіе вглубь Тянъ-Шаня.

Когда же, по возвращеніи моемъ, я засталъ уже великое дѣло въ полномъ ходу и быстро ознакомился съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ средѣ столичной интеллигенціи, то вслѣдъ за этимъ я поспѣшилъ изучить это настроеніе и на моей родинѣ, гдѣ я имѣлъ глубокіе корни въ землѣ, а затѣмъ уже почувствовалъ себя окончательно готовымъ для того, чтобы стать въ ряду дѣятелей, столь необходимыхъ для разрѣшенія труднаго вопроса освобожденія крестьянъ.

Хотя я пробылъ въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ не болѣе трехъ недѣль, въ январѣ 1858 г., но этого времени было достаточно для того, чтобы, при моемъ знакомствѣ съ экономическимъ положеніемъ и народнымъ бытомъ этого края, составить себѣ полное понятіе о настроеніи, въ пламенно интересовавшемъ меня вопросѣ, какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословія этихъ губерній.

Дворянство было въ это время сильно возбуждено, и большинство его не только не сочувствовало поднятому по манію Царя нѣкоторыми передовыми дворянами вопросу объ освобожденіи крестьянъ, но даже прямо относилось къ этому дѣлу враждебно, а на сторонѣ освобожденія было сначала только небольшое число наиболѣе просвѣщенныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Но, по мѣрѣ выясненія вопроса, число это постепенно возрастало, такъ какъ дворянство съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сознавало, что послѣ инициативы, принятой на себя нижегородскимъ и московскимъ дворянствами, и послѣ рескриптовъ Государя отъ 25-го декабря 1857-го и 17-го января 1858 года, дѣло освобожденія крестьянъ въ глазахъ ихъ самихъ и всей Россіи было уже рѣшено безповоротно. Оставалось только опредѣлить условія освобожденія крестьянъ съ наименьшими потерями для помѣщиковъ. Большое успокоеніе между послѣдними вносило порученіе составить законопроекты по этому предмету, возложенное Государемъ на губернскіе комитеты, составленные *исключительно* изъ дворянъ этихъ губерній. Первоначальное раздраженіе дворянства было обращено на всѣхъ тѣхъ, кого они разумѣли

подъ именемъ правительства, но потомъ оно перешло на такъ называемую „петербургскую бюрократію", а затѣмъ и на то либеральное меньшинство дворянскаго сословія, которое было обвиняемо враждебнымъ освобожденію большинствомъ въ революціонныхъ стремленіяхъ и клеймилось прозваніемъ *красныхъ*. Но когда дворянство само пришло къ убѣжденію, что дѣло освобожденія крестьянъ неизбѣжно, оно перешло на практическую почву и устремилось къ осуществленію этого освобожденія на наиболѣе выгодныхъ для дворянства условіяхъ, при чемъ во мнѣніяхъ самого дворянства явились разныя теченія, обусловленныя не только различіемъ личныхъ взглядовъ, но и различіемъ мѣстныхъ условій даже въ предѣлахъ каждой губерніи. Такъ какъ въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ двѣ южныя трети ихъ пространства принадлежатъ къ черноземной области Россіи, а одна (сѣверная) треть къ нечерноземной, то это различіе имѣло послѣдствіемъ то, что въ сѣверной трети обѣихъ губерній помѣщики почти совсѣмъ не занимались земледѣліемъ и держали своихъ крестьянъ на оброкѣ, а въ южныхъ двухъ третяхъ губерній, наоборотъ, они извлекали всѣ свои доходы изъ собственныхъ запашекъ, обрабатываемыхъ обязательнымъ трудомъ ихъ крестьянъ (барщиною).

Понятно, что помѣщикамъ оброчныхъ имѣній не особенно трудно было разстаться съ крѣпостнымъ трудомъ. Ихъ крестьяне пользовались и безъ того достаточною свободою, располагая своимъ трудомъ, направленнымъ только отчасти на земледѣліе, для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, а гораздо болѣе на промыслы, изъ которыхъ они извлекали для себя доходы и прибыли, дававшіе имъ возможность платить довольно высокіе оброки своимъ помѣщикамъ. Для этихъ же помѣщиковъ, рѣдко пользовавшихся обязательнымъ трудомъ крестьянъ (барщиною), весь вопросъ при уничтоженіи крѣпостного права сводился къ тому, чтобы не потерять ничего изъ своихъ оброчныхъ доходовъ, и сверхъ того удержать за собою всю ту землю помѣстья, которой не эксплоатировали крестьяне. Самымъ выгоднымъ разрѣшеніемъ вопроса казались помѣщикамъ оброчныхъ имѣній: немедленный выкупъ правительствомъ крестьянскихъ оброковъ, скорѣйшее личное освобожденіе крестьянъ, съ оставленіемъ за ними ихъ усадебъ и обрабатываемыхъ ими пахатныхъ земель, а за помѣщиками—всѣхъ остальныхъ земель помѣстья, не состоявшихъ непосредственно въ пользованіи крестьянъ и, въ особенности, цѣнныхъ поемныхъ луговъ (по Окѣ и ея притокамъ), лѣсовъ и пустопорожнихъ, никогда не обрабатывавшихся залежей. При

такихъ условіяхъ помѣщики оброчныхъ имѣній были готовы свести на самые короткіе сроки временно-обязанныя отношенія къ нимъ крестьянъ.

Совершенно иначе относились къ вопросу освобожденія крестьянъ помѣщики издѣльныхъ (барщинныхъ) имѣній. Помѣщики эти привыкли жить въ своихъ помѣстьяхъ и заниматься сами эксплоатаціей земли въ свою пользу, при помощи обязательнаго труда своихъ крестьянъ, и, въ качествѣ помѣстныхъ дворянъ, считали, можно сказать, самихъ себя крѣпкими своимъ помѣстьямъ. Лучшіе изъ помѣщиковъ этого типа, оставаясь вѣрными свято соблюдаемому ими „обычному праву", признавали жалованныя имъ московскими царями за ихъ службу государству и населенныя съ давнихъ временъ крѣпкими землѣ крестьянами земли не за личную собственность, а за кондоминіумъ, неразрывно связывающій ихъ съ крѣпостными ихъ крестьянами; права послѣднихъ на обрабатываемую ими на свои нужды землю всегда признавались, какъ государями, такъ и помѣщиками, которымъ московскіе цари передали свои права на эти помѣстья и въ особенности на обязательный трудъ закрѣпленныхъ на нихъ крестьянъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ помѣщикамъ барщинныхъ имѣній было тяжело добровольно разстаться съ тѣми правопорядками, съ которыми они свыклись. Возможность извлекать для себя доходъ изъ жалованныхъ имъ помѣстій безъ обязательнаго труда (барщины) казалась многимъ изъ нихъ немыслимою. Такіе помѣщики, конечно, подходили подъ данное имъ въ то время прозваніе *крѣпостниковъ*, но въ ихъ крѣпостничество входило не только признаніе ими своихъ правъ на крѣпостной трудъ крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшія традиціи крѣпостного права, а именно—признаніе правъ крестьянъ на пользованіе землею помѣстья (кондоминіума) въ одинаковомъ размѣрѣ съ землею помѣщичьихъ пашенъ, на что указывала узаконенная трехдневная барщина.

Поэтому, придя къ убѣжденію, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ рѣшенъ уже окончательно, большинство дворянъ-помѣщиковъ барщинныхъ имѣній Тамбовской и Рязанской губерній, въ сознаніи, что разорвать вѣковую связь крестьянъ съ землею невозможно, пришло къ нижеслѣдующему способу рѣшенія аграрнаго вопроса.

1) Продлить сколь возможно долго крѣпостной трудъ крестьянъ (барщину) и во все время его существованія сохранить дисциплинарную власть помѣщика, въ формѣ предоставленія ему права на вотчинную полицію.

2) По прекращеніи обязательнаго труда и признаніи полной личной свободы крестьянъ, дать имъ, уступая требованію правительственной программы, право на выкупъ ихъ усадебной осѣдлости по такой цѣнѣ, которая вознаградила бы помѣщика за утрату имъ права на крѣпостной трудъ крестьянъ.

3) Признать право крестьянъ на безсрочное пользованіе ими только такимъ небольшимъ количествомъ пахатной земли помѣстья, которое было бы необходимо для ихъ прокормленія „только впроголодь“ (нищенскій надѣлъ), для того, чтобы поставить крестьянъ въ экономическую зависимость отъ помѣщика и заставить ихъ наниматься на работы на помѣщичьихъ поляхъ за предложенную имъ цѣну, и

4) Всѣ остальныя земли помѣстья признать *полною собственностью* помѣщиковъ, снявъ съ нихъ всѣ лежавшія на нихъ, въ силу обычнаго права, обязанности, а именно: а) снабженіе крестьянъ строительными матеріалами и отчасти топливомъ изъ лѣсовъ помѣстій; б) возобновленіе крестьянскихъ построекъ въ случаѣ пожаровъ и рабочаго инвентаря въ случаѣ его утраты; в) прокормленіе крестьянъ и снабженіе ихъ посѣвными сѣменами въ голодные годы; г) надѣленіе всѣхъ вновь возникающихъ тяглъ (вслѣдствіе естественнаго прироста населенія) земельными надѣлами изъ земельныхъ запасовъ помѣстья и д) отвѣтственность за отправленіе крестьянами ихъ повинностей въ пользу государства.

Однакоже, въ средѣ дворянства двухъ губерній было немало такихъ просвѣщенныхъ и великодушныхъ помѣщиковъ, которые, будучи проникнуты глубокимъ патріотизмомъ, убѣдились, по окончаніи крымской войны, въ полной несостоятельности существовавшаго государственнаго и общественнаго строя и въ крайней необходимости радикальныхъ въ немъ реформъ. Исходною точкою этихъ реформъ они считали освобожденіе всего русскаго народа отъ крѣпостной зависимости, все болѣе и болѣе принимавшей характеръ рабства, и замѣну тягостной для крестьянъ и ненавистной имъ барщины свободнымъ трудомъ, при непремѣнномъ условіи обезпеченія имъ ихъ земельнаго пользованія.

Входившіе въ составъ этого меньшинства высоко просвѣщенные и зажиточные помѣщики горячо стояли за земельное освобожденіе крестьянъ и за скорѣйшій переходъ ихъ къ свободному труду. Самые выдающіеся изъ этихъ помѣщиковъ— А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ, братья Самарины и А. Н. Поповъ—были тѣсно связаны между собою принадлежностью къ московской славянофильской партіи.

А. С. Хомяковъ, одинъ изъ главныхъ вождей этой партіи, глубоко проникнутый патріотическимъ убѣжденіемъ въ необходимости земельнаго освобожденія крестьянъ, представилъ впослѣдствіи, по открытіи Редакціонныхъ Коммиссій (въ началѣ 1859 г.), Я. И. Ростовцову записку, въ которой предлагалъ скорое и полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа во всей Россіи части крестьянскихъ надѣловъ. Не менѣе горячимъ, но еще болѣе радикальнымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ былъ А. И. Кошелевъ, проводившій свои взгляды въ своихъ изданіяхъ—славянофильской „Русской Бесѣды“ и болѣе популярномъ „Сельскомъ Благоустройствѣ“, и выразившій особенно ярко свои воззрѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „скорѣе рѣка пойдетъ противъ своего обычнаго теченія, чѣмъ русскій крестьянинъ согласится оторваться отъ земли, орошенной его потомъ“.

Не менѣе горячими сторонниками земельнаго освобожденія крестьянъ изъ рязанскихъ дворянъ-помѣщиковъ были Д. Ѳ. Самаринъ (младшій братъ незабвеннаго героя эпохи освобожденія, Юрія Ѳедоровича) и А. Н. Поповъ. Изъ нихъ А. С. Хомяковъ, къ сожалѣнію, не дожилъ до великаго дня 19 февраля 1861 г.: онъ скончался въ сентябрѣ 1860 г. А. И. Кошелевъ и Д. Ѳ. Самаринъ горячо ратовали за земельное освобожденіе въ рязанскомъ губернскомъ комитетѣ, гдѣ они состояли въ 1859 г. членами отъ правительства, а А. Н. Поповъ былъ приглашенъ впослѣдствіи въ члены Редакціонной Коммиссіи и принималъ видное участіе въ редакціи проекта Положенія 19 февраля 1861 г.

Горячо и непоколебимо убѣжденнымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ изъ коренныхъ дворянъ-помѣщиковъ Рязанской губерніи былъ также бывшій секретаремъ Русскаго Географическаго Общества съ самаго его основанія Александръ Васильевичъ Головнинъ. Уроженецъ Пронскаго уѣзда (род. въ 1820 г.), сынъ извѣстнаго всей Россіи адмирала, прославившаго себя описаніемъ своего плѣна въ Японіи и первыми любопытными свѣдѣніями объ этой въ то время совершенно недоступной для иностранцевъ странѣ, А. В. Головнинъ, окончивъ, уже послѣ кончины своего отца, блистательно курсъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, своимъ развитіемъ былъ обязанъ въ особенности своей дѣятельности въ средѣ Географическаго Общества. Въ 1857 г. онъ былъ уже лицомъ очень близкимъ великому князю Константину Николаевичу, котораго сопровождалъ въ его путешествіяхъ въ качествѣ секретаря. Это обстоятельство воспрепятствовало Головнину при-

нять какое-либо непосредственное участіе въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ и работахъ дворянъ-помѣщиковъ Рязанской губерніи по крестьянскому дѣлу; оно же не позволило ему и впослѣдствіи оффиціально принять участіе въ законодательныхъ работахъ Редакціонныхъ Коммиссій по составленію законопроекта объ освобожденіи крестьянъ; но зато А. В. Головнинъ, связанный тѣсною дружбою съ Н. А. Милютинымъ и другими членами Географическаго Общества, ставшими въ ряды самыхъ видныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, игралъ крупную, хотя невидимую роль въ великую эпоху 1857—1861 гг. и сослужилъ незабвенную службу дѣлу, будучи ближайшимъ соратникомъ великаго князя Константина Николаевича въ той борьбѣ за освобожденіе, которую великому князю приходилось вести впослѣдствіи въ председательствуемомъ имъ Главномъ Комитетѣ.

Изъ другихъ дворянъ-помѣщиковъ Рязанской губерніи, сочувствовавшихъ земельному освобожденію крестьянъ, можно назвать почтеннаго Н. П. Шишкова, имѣвшаго громкую извѣстность въ качествѣ одного изъ лучшихъ агрономовъ губерніи; мнѣніе его было тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ, при своемъ преклонномъ возрастѣ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ велъ свое образцовое хозяйство, при крѣпостномъ трудѣ своихъ крестьянъ, въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи (Данковскомъ)—и тѣмъ не менѣе высказывалъ убѣжденіе о необходимости *земельнаго* освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе чего и былъ впослѣдствіи приглашенъ къ участію въ работахъ Редакціонныхъ Коммиссій.

Ревностнымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ явился также въ то время дворянинъ-помѣщикъ самаго промысловаго уѣзда Рязанской губерніи (Егорьевскаго)—въ которомъ обязательнаго труда (барщины), также какъ и въ сосѣдней Московской губерніи, почти не существовало,—А. Афанасьевъ, впослѣдствіи избранный представителемъ Егорьевскаго уѣзда въ рязанскій губернскій комитетъ. Въ качествѣ представителя онъ энергично доказывалъ рязанскому дворянству, что самый важный источникъ благосостоянія крестьянъ есть *свободный трудъ*, и что обязательныя работы крестьянъ, какъ начало и источникъ крѣпостной ихъ зависимости, „должны быть уничтожены, елико возможно скорѣе, и замѣнены денежнымъ оброкомъ, при оставленіи за крестьянами состоящихъ въ ихъ пользованіи земельныхъ угодій“; оброки же эти должны быть выкуплены государствомъ. Способы этого выкупа, безо всякаго предрѣшенія ихъ и безконтрольно, онъ предоставлялъ самому правительству.

Независимо отъ поименованныхъ лицъ, примыкали къ земельному освобожденію крестьянъ еще нѣкоторые помѣщики издѣльныхъ имѣній, долго ими владѣвшіе и извлекавшіе изъ нихъ хорошіе доходы, при помощи обязательнаго труда своихъ крестьянъ, а потому считавшіеся въ прежнее время энергическими „крѣпостниками". При всемъ томъ, руководимые многолѣтнею опытностью и своимъ несомнѣннымъ здравымъ смысломъ, они пришли къ глубокому убѣжденію, что прежняя барщина, поддерживаемая неумолимыми дисциплинарными взысканіями (розгами), совершенно несовмѣстима съ провозглашенною съ высоты Престола личною свободою крестьянъ и можетъ только поставить оба сословія въ самыя опасныя для государства враждебныя отношенія между собой. Поэтому они желали скорѣйшаго прекращенія обязательнаго труда путемъ немедленнаго выкупа у помѣщиковъ не только крестьянской усадебной осѣдлости, но и небольшого количества пахатныхъ земель лишь въ томъ размѣрѣ, который могъ бы скудно обезпечивать существованіе крестьянъ и вынуждалъ бы ихъ наниматься на обработку помѣщичьихъ запашекъ за возможно низкую цѣну. Къ такимъ предусмотрительнымъ помѣщикамъ принадлежали избранные въ рязанскій губернскій комитетъ раненбургскимъ дворянствомъ князь С. В. Волконскій [1]) и В. М. Сафоновъ, которые остались такъ же, какъ и А. Афанасьевъ, при составленіи проекта положенія рязанскаго комитета, при особыхъ мнѣніяхъ.

Въ средѣ дворянства Тамбовской губерніи было еще меньше лицъ, сознававшихъ желательность и необходимость не только оставленія за освобожденными крестьянами земельныхъ ихъ надѣловъ, но даже вообще освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Среди убѣжденныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ изъ дворянъ-помѣщиковъ Тамбовской губерніи самымъ просвѣщеннымъ и талантливымъ былъ безспорно Б. Н. Чичеринъ (род. въ 1829 г.), пользовавшійся въ то время уже большою извѣстностью, какъ юристъ-историкъ и какъ блестящій представитель обще-европейской мысли. Онъ занималъ каѳедру госу-

---

[1]) За два года до освобожденія крестьянъ неумолимая требовательность князя Волконскаго на крестьянскихъ работахъ, превышавшая даже порядки обычнаго права, чуть не довела крестьянъ до убійства своего помѣщика. Въ критическую минуту крестьяне, однакоже, пощадили его, взявъ съ него слово, что онъ не будетъ преслѣдовать ихъ самоуправства, а тѣмъ болѣе мстить главнымъ виновникамъ бунта. Князь Волконскій не только сдержалъ свое княжеское слово, но сдѣлался полезнымъ дѣятелемъ въ исторіи освобожденія крестьянъ.

дарственнаго права въ Московскомъ университетѣ и при своихъ частыхъ пріѣздахъ въ Петербургъ примкнулъ къ кружку лицъ столичной интеллигенціи, наиболѣе сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ и находившихъ себѣ самую живую поддержку во дворцѣ великой княгини Елены Павловны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщая ежегодно въ лѣтнее время имѣніе своихъ родителей въ Кирсановскомъ уѣздѣ, онъ имѣлъ глубокіе корни въ родной землѣ и былъ знакомъ не только съ бытомъ, но и съ экономическимъ и нравственнымъ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ своей родины. Не управлявъ еще никогда родительскимъ помѣстьемъ, Б. Н. Чичеринъ, при всей своей обширной эрудиціи въ исторіи русскаго права, не былъ еще въ то время достаточно знакомъ съ тѣми традиціями обычнаго народнаго права, которыя, при переходѣ помѣстій по наслѣдству, передавались на практикѣ отъ отца къ сыну и одинаково соблюдались какъ крестьянами, такъ и помѣщиками.

Казалось бы, что при высокихъ качествахъ и талантахъ Б. Н. Чичерина и его пламенномъ сочувствіи великому дѣлу освобожденія крестьянъ онъ не могъ быть обойденъ при подборѣ дѣятелей по крестьянскому вопросу и долженъ былъ попасть въ первые ихъ ряды на своей родинѣ или въ Петербургѣ. Дворянство губерніи должно было оцѣнить въ немъ самаго умнаго защитника дворянскихъ правъ на земельную собственность и энергическаго противника какого бы то ни было ея отчужденія; правительство же должно было видѣть въ немъ самаго убѣжденнаго сторонника личной свободы всего русскаго народа и самаго рѣшительнаго противника обязательнаго труда (барщины), считавшаго позоромъ для дворянства не только требованіе выкупа личности крѣпостныхъ крестьянъ, но даже и какого бы то ни было вознагражденія (прямого или косвеннаго) за потерю барщины. Между тѣмъ ни одна изъ сторонъ, готовившихся войти между собою въ рѣшительную борьбу, при вступленіи своемъ въ тамбовскій губернскій комитетъ, не захотѣла избрать Б. Н. Чичерина въ члены комитета. Большинство дворянства губерніи, стремившееся къ обезземеленію крестьянъ по прошествіи срочно-обязаннаго періода, но желавшее сохранить за собою какъ можно долѣе обязательный трудъ крестьянъ, не могло помириться съ слишкомъ радикальными воззрѣніями Б. Н. Чичерина на человѣческую свободу. Со своей стороны министерство внутреннихъ дѣлъ, при назначеніи двухъ членовъ отъ правительства въ тамбовскій комитетъ, не рѣшилось назначить Чичерина однимъ изъ нихъ, опасаясь, что оно встрѣтитъ въ немъ противника земельнаго осво-

божденія крестьянъ, такъ какъ онъ признавалъ въ то время за помѣщиками права полной собственности на земли помѣстья, а все, что нарушало и ограничивало эти права, въ особенности обязательное отчужденіе въ пользу крестьянъ—за актъ несправедливости и насилія. Вообще Б. Н. Чичеринъ, по самому складу своего ума, не могъ быть признанъ, по крайней мѣрѣ въ то время, удобнымъ дѣятелемъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Его мышленіе отличалось крайнимъ доктринерствомъ и необыкновенною догматичностью. Признавая, вмѣстѣ съ Гегелемъ, что мысль не можетъ создавать вещей, а создаетъ только образы, онъ въ своемъ мышленіи не хотѣлъ идти далѣе этихъ образовъ, т.-е. отвлеченныхъ принциповъ, на которые онъ смотрѣлъ уже какъ на догматы, не допуская въ нихъ никакихъ отступленій, необходимыхъ для созданія вещей, т.-е. конкретныхъ предметовъ, и не шелъ ни на какіе компромиссы съ мнѣніями другихъ лицъ. Вотъ почему онъ не былъ и не могъ быть ни лидеромъ, ни сторонникомъ какой бы то ни было партіи, и вообще не имѣлъ достаточнаго вліянія на людей, ему сочувствовавшихъ, но не согласныхъ съ его слишкомъ догматическими убѣжденіями, которымъ не доставало практической почвы. Такимъ только образомъ и можно объяснить, почему одинъ изъ самыхъ талантливыхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ могъ остаться за флагомъ не только въ періодъ обсужденія крестьянскаго дѣла въ губернскихъ комитетахъ, но и въ періодъ окончательнаго разрѣшенія вопроса въ центральныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Среди убѣжденныхъ сторонниковъ земельнаго освобожденія крестьянъ самымъ выдающимся по своей энергіи и общественному положенію изъ дворянъ-помѣщиковъ Тамбовской губ. былъ П. А. Булгаковъ, который еще въ концѣ 40-хъ годовъ, во время своего многолѣтняго управленія губерніею, основательно ознакомился съ экономическимъ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ и отношеніемъ къ нимъ помѣщиковъ. Въ совѣщаніяхъ дворянскихъ съѣздовъ въ 1857—58 гг. онъ не могъ принимать участія, такъ какъ занималъ въ это время высокое служебное положеніе въ Петербургѣ въ качествѣ генералъ-провіантмейстера и статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества; но, будучи впослѣдствіи привлеченъ въ члены редакціонной коммиссіи для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, онъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей великой эпохи 1858—1861 годовъ.

Что же касается меньшинства тамбовскихъ дворянъ-помѣщи-

ковъ, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ, то такія лица встрѣчались во всѣхъ уѣздахъ губерніи [1]), но, къ сожалѣнію, только немногія изъ нихъ попали въ тамбовскій губернскій комитетъ, такъ какъ крѣпостническое большинство дворянства клеймило ихъ названіемъ „красныхъ“ и не выбирало въ члены комитета.

Изъ числа немногихъ дворянъ-помѣщиковъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ и попавшихъ, однакоже, въ губернскій комитетъ, самымъ виднымъ по своему положенію былъ тамбовскій губернскій предводитель дворянства С. М. Ліонъ, сдѣлавшійся, въ силу своего положенія, предсѣдателемъ комитета, но потерявшій впослѣдствіи всякое вліяніе на дворянство своей губерніи, вслѣдствіе нѣсколько легкомысленнаго отношенія къ управленію своимъ собственнымъ хозяйствомъ и дѣлами ему ввѣренными, которое привело его къ полному разоренію. Кромѣ него, изъ дворянъ, стремившихся по своимъ убѣжденіямъ къ освобожденію крестьянъ, попали еще въ составъ комитета избранный дворянствомъ Кирсановскаго уѣзда Григорій Ѳед. Петрово-Соловово, а также дворяне Ѳ. А. Хвощинскій и А. И. Трофимовъ, назначенные членами комитета отъ правительства министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по рекомендаціи губернатора Данзаса, какъ наиболѣе сочувствовавшіе дѣлу освобожденія крестьянъ. Вообще, во время моего посѣщенія Тамбовской губерніи въ январѣ 1858-го года, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, при сильномъ разномысліи въ средѣ дворянства, находился еще въ очень неопредѣленномъ и невыясненномъ положеніи. Послѣ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго Высочайшими рескриптами, вызванными иниціативою нижегородскаго и московскаго дворянствъ, тамбовское дворянство, подъ вліяніемъ своего губернскаго предводителя и нѣкоторыхъ передовыхъ дворянъ, уже готовилось къ представленію всеподданнѣйшаго адреса объ учрежденіи тамбовскаго губернскаго комитета.

Вполнѣ ознакомившись съ настроеніемъ, въ началѣ 1858-го

[1]) Сюда принадлежалъ еще изъ южныхъ черноземныхъ уѣздовъ губерніи престарѣлый И. А. Павловъ, который, сознавая возможность и желательность освобожденія крестьянъ еще въ царствованіе императора Николая I-го, вмѣстѣ со своимъ шуриномъ, умнымъ и дальновиднымъ Н. А. Бунинымъ, былъ вѣрнымъ и разумнымъ проводникомъ въ Тамбовской губерніи идей графа П. Д. Киселева. Изъ сѣверныхъ же оброчныхъ уѣздовъ—это былъ Эм. Дм. Нарышкинъ, который, при своей преданности родному ему царскому дому, послѣдовалъ манію царя и, признавая, что noblesse oblige, заявлялъ, что дворянство не должно останавливаться ни передъ какими жертвами для того, чтобы осуществить великодушное намѣреніе Царя-Освободителя.

года, дворянствъ двухъ губерній моего края по животрепещущему и безповоротно поставленному императоромъ Александромъ II-мъ вопросу объ освобожденіи крестьянъ всей имперіи изъ крѣпостной зависимости, я немедленно обратился къ уясненію для себя отношенія къ этому дѣлу и тогдашняго настроенія самихъ крестьянъ центральныхъ черноземныхъ губерній.

Прежде всего меня поразило ихъ полное спокойствіе и замѣчательная сдержанность, ими обнаруживаемая. Вмѣсто волненій, которыхъ такъ сильно опасались въ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ помѣстныхъ дворянствъ, оказалось, что съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне прониклись убѣжденіемъ, что самъ царь желаетъ дать имъ волю, они отнеслись съ самымъ полнымъ довѣріемъ къ Царю-Освободителю, которому вручали беззавѣтно свою судьбу, а съ другой стороны обнаруживали необыкновенную сдержанность въ своихъ отношеніяхъ даже къ самымъ нелюбимымъ изъ своихъ помѣщиковъ. Повторявшіяся изъ года въ годъ, въ послѣднее десятилѣтіе, убійства помѣщиковъ совершенно прекратились, такъ же какъ и случаи неповиновенія и, тѣмъ болѣе, бунта противъ помѣщиковъ. Со свойственнымъ русскому народу здравымъ смысломъ, помѣщичьи крестьяне поняли, что они не могутъ быть призваны наравнѣ со своими господами, уже согласившимися на ихъ освобожденіе, къ обсужденію вопроса объ условіяхъ этого освобожденія ни въ губернскіе комитеты, ни въ центральныя правительственныя учрежденія. Поэтому они съ глубокимъ довѣріемъ вручили свою судьбу Царю-Освободителю, въ увѣренности, что избранные имъ въ качествѣ народныхъ трибуновъ „господа" будутъ въ этихъ учрежденіяхъ лучшими защитниками интересовъ народа, чѣмъ какіе бы то ни было малоопытные и малограмотные ихъ избранники.

Но при этомъ сущность своего воззрѣнія на условія своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости крестьяне выражали съ необыкновенной ясностью и твердостью въ своихъ бесѣдахъ съ тѣми изъ помѣщиковъ, отъ которыхъ они не терпѣли никакихъ обидъ и къ которымъ относились съ истинною любовью и патріархальною преданностью.

Вотъ въ какихъ словахъ они выражали свои взгляды на прошедшія и будущія свои отношенія къ помѣщикамъ и ихъ помѣстьямъ, съ которыми они были связаны крѣпостными узами. „Мы — *ваши*, а земля, которая кормила нашихъ предковъ и которой мы всегда были крѣпки — *наша*. Мы, по волѣ царя, можемъ быть или *барскими*, или *царскими*, но земля, наша кормилица, отъ насъ отойти не можетъ".

И это простое убѣжденіе крестьянъ, на которое они смотрѣли какъ на незыблемую аксіому, не требующую дальнѣйшихъ доказательствъ, было гораздо яснѣе и убѣдительнѣе всѣхъ высказываемыхъ большинствомъ дворянъ-помѣщиковъ притязаній на право *полной* собственности на всю землю помѣстій, пожалованныхъ московскими царями, въ качествѣ населенныхъ земель, со всѣми опредѣленными обычнымъ правомъ обязанностями и сервитутами по отношенію къ крѣпкому землѣ исконному населенію, права котораго на пользованіе землею сами цари всегда признавали въ то время, когда крестьяне были еще „царскими“.

Такимъ образомъ положеніе крестьянскаго вопроса въ центральныхъ великороссійскихъ губерніяхъ въ началѣ 1858 г. представлялось мнѣ въ полной ясности. Дворяне великороссійскихъ губерній, сочувствовали ли они, или не сочувствовали великодушнымъ намѣреніямъ Царя-Освободителя, *вполнѣ убѣдились*, что послѣ царскихъ рескриптовъ нижегородскому и московскому дворянствамъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ глазахъ всего русскаго народа рѣшено было безповоротно, и только обсужденіе условій этого освобожденія передано было пока всецѣло въ руки помѣстныхъ дворянствъ каждой губерніи, безъ всякаго участія въ этомъ обсужденіи какихъ бы то ни было представителей интересовъ крестьянскаго сословія, охрану которыхъ правительство удерживало исключительно за собою.

При этомъ нельзя было не предвидѣть, что интересы дворянства въ губернскихъ комитетахъ будутъ охраняемы весьма сильно выборными исключительно отъ этого сословія, а что, наоборотъ, интересы крестьянъ будутъ весьма слабо защищаемы двумя только голосами (изъ 20—30) членовъ отъ правительства, назначенныхъ имъ изъ тѣхъ же помѣстныхъ дворянъ по указанію губернаторовъ, большинство которыхъ также принадлежало къ числу дворянъ-помѣщиковъ тѣхъ же или другихъ губерній имперіи.

Между тѣмъ, самые дальновидные изъ дворянъ-помѣщиковъ великороссійскихъ губерній очень хорошо понимали, что центръ тяжести отданнаго на ихъ обсужденіе дѣла состоялъ не въ опредѣленіи личныхъ и юридическихъ правъ переходящихъ въ свободное сословіе крестьянъ, такъ какъ права эти, по уничтоженіи крѣпостной зависимости, будучи опредѣляемы общими законами имперіи, могутъ быть ограничены только на сравнительно непродолжительный періодъ переходнаго времени; что этотъ центръ тяжести находился также не въ административномъ устройствѣ

уже существовавшихъ крестьянскихъ обществъ, которыя могли лишь до нѣкоторой степени, и притомъ временно, оставаться еще въ зависимости отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ. Наоборотъ, весь центръ тяжести крестьянскаго дѣла находился, въ глазахъ дворянъ-помѣщиковъ и самихъ крестьянъ, въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, а именно въ опредѣленіи правъ обоихъ, доселѣ неразрывно связанныхъ между собою крѣпостными узами сословій на земли ихъ кондоминіума, называемаго помѣстьемъ, на которыя оба эти сословія заявляли свои неотъемлемыя, по ихъ мнѣнію, права.

Заранѣе можно было предвидѣть, что губернскіе комитеты, по крайней мѣрѣ большинствомъ своихъ членовъ, выскажутся за признаніе ихъ полными собственниками всѣхъ земель кондоминіума, и только въ случаѣ такого признанія откажутся отъ вознагражденія за личность ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Если же правительство не согласится на такое полное обезземеленіе крестьянъ, то дворяне-помѣщики будутъ настаивать на такомъ раздѣлѣ земли помѣстій между обоими сословіями, при которомъ за крестьянами было бы признано право на земельный надѣлъ изъ состава помѣстья только въ необходимомъ для обезпеченія ихъ существованія, самомъ минимальномъ размѣрѣ, прозванномъ крестьянами „нищенскимъ надѣломъ“, а вся остальная „львиная доля“ земли помѣстья была бы признана полною собственностью дворянъ-помѣщиковъ. При этомъ они желали еще получить, въ той или иной формѣ, вознагражденіе и за потерю крѣпостного труда (барщины), при чемъ самою удобною для того формою правительственная программа подсказала имъ отдѣльный и притомъ обязательный для крестьянъ выкупъ крестьянской усадебной осѣдлости по возможно высокой оцѣнкѣ.

Для наиболѣе дальновидныхъ помѣщиковъ было однакоже очевидно, что правительство, считая себя блюстителемъ интересовъ неправоспособнаго еще крестьянскаго сословія, также какъ и вообще государственныхъ интересовъ всего русскаго народа, не согласится на утвержденіе мѣстныхъ законопроектовъ по крестьянскому дѣлу, составленныхъ исключительно въ интересахъ дворянскаго сословія, и перенесетъ весь аграрный вопросъ въ центральныя государственныя учрежденія, гдѣ и будетъ окончательно разрѣшенъ возникающій и могущій принять опасный для государственнаго спокойствія характеръ конфликтъ во взглядахъ и притязаніяхъ обоихъ главныхъ сословій государства на земельныя ихъ права въ составѣ каждаго изъ помѣстій. Поэтому оба сословія, со страхомъ и надеждою, лихорадочно

старались слѣдить за тѣмъ, что происходило въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и разгадать, при чьемъ содѣйствіи и подъ чьимъ вліяніемъ будетъ выработано окончательно положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

Дворянство центральныхъ губерній считало самыми главными врагами своихъ интересовъ министерство государственныхъ имуществъ, призванное еще императоромъ Николаемъ I-ымъ къ борьбѣ противъ крѣпостного права, а также и министерство внутреннихъ дѣлъ, уже обнаружившее стремленіе къ земельному освобожденію крестьянъ со времени обнародованія перваго манифеста Царя-Освободителя виленскому генералъ-губернатору. Въ значительной мѣрѣ помѣстныя дворянства были успокоены сначала почетнымъ удаленіемъ (въ 1857 г.) изъ Петербурга стоявшаго такъ долго, еще въ прошлое царствованіе, во главѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, графа П. Д. Киселева, а въ началѣ 1858 г.—слухами о томъ, что министерство Ланского потеряло въ послѣднее время свой кредитъ по крестьянскому дѣлу въ глазахъ самого Государя. Всѣ надежды дворянъ-помѣщиковъ, группировавшихся въ губернскіе комитеты для того, чтобы при разработкѣ крестьянскаго вопроса отстоять интересы своего сословія, возлагались на высшихъ сановниковъ государства, наиболѣе близкихъ престолу и, какъ хорошо было извѣстно мѣстнымъ поборникамъ крѣпостного права, въ большинствѣ своемъ готовыхъ свести на нѣтъ всѣ благія намѣренія Государя, уже направляемыя къ земельному освобожденію крестьянъ. Изъ нихъ особенною популярностью въ средѣ дворянъ-помѣщиковъ трехъ мною посѣщенныхъ губерній пользовались князь А. Ф. Орловъ, князь А. С. Меньшиковъ, князь П. П. Гагаринъ, гр. Клейнмихель, гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, гр. С. Г. Строгановъ и сенаторъ А. М. Безобразовъ, а изъ министровъ и главноуправляющихъ—графъ В. Ф. Адлербергъ, князь В. А. Долгоруковъ, графъ В. Н. Панинъ и недавно назначенный министромъ М. Н. Муравьевъ.

Но на всѣхъ устахъ въ началѣ 1858 г. появилось новое имя—имя Я. И. Ростовцова, признаваемаго всѣми за новое свѣтило, показавшееся на горизонтѣ исторіи крестьянскаго дѣла. Впрочемъ, никто не брался опредѣлить, должно ли это свѣтило сдѣлаться постоянною звѣздою, или только мимолетною кометою. Тѣмъ менѣе могли предвидѣть, въ провинціальныхъ кружкахъ, какое направленіе приметъ Я. И. Ростовцовъ, вліяніе котораго на крестьянское дѣло уже начало обнаруживаться, но казалось еще совершенно загадочнымъ, тѣмъ болѣе, что никто не могъ

усмотрѣть никакой связи между его прежней, хорошо извѣстной всей Россіи, многолѣтней дѣятельностью въ качествѣ начальника военно-учебныхъ заведеній и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ.

Хотя личный характеръ, а также свойства и воззрѣнія Я. И. Ростовцова не были для меня загадкой, такъ какъ я зналъ его съ моего дѣтства и пользовался его вниманіемъ и расположеніемъ въ юношескіе годы, я все-таки на вопросъ любопытныхъ и близкихъ мнѣ дворянъ-помѣщиковъ нашего края о томъ, какое можетъ, по моему мнѣнію, направленіе принять Я. И. Ростовцовъ по крестьянскому дѣлу, могъ только отвѣтить, что я увѣренъ, что направленіе это будетъ только логическимъ развитіемъ намѣреній императора Александра II-го, которому всецѣло принадлежитъ иниціатива освобожденія крестьянъ, совершаемаго дворянствомъ добровольно, „по манію Царя“.

П. Семеновъ Тянъ-Шанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТЪ

ВЪ ДѢЛѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

О дѣятельности Секретнаго Комитета по крестьянскому дѣлу (съ 3-го января 1857 г. по 16-е февраля 1858 г.) въ нашей литературѣ имѣются очень скудныя и неточныя свѣдѣнія, источникомъ которыхъ служатъ „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи“ (Берлинъ, 1860—1862). Отсюда черпали данныя о дѣятельности комитета всѣ писавшіе о немъ, даже сенаторъ Я. А. Соловьевъ, въ своихъ „Запискахъ о крестьянскомъ дѣлѣ“ („Русская Старина“, 1880—1884 г.). Между тѣмъ, эти „Матеріалы“, на сколько они касаются Секретнаго Комитета (т. I, стр. 121—137 и 262—272), страдаютъ существенною неполнотою, отражающеюся и на трудахъ по исторіи упраздненія крѣпостного права (гг. Иванюкова, Энгельмана, Корнилова и другихъ). Только на основаніи журналовъ Секретнаго Комитета и его дѣлопроизводствъ возможно дать фактически полный и точный обзоръ дѣятельности этого учрежденія. Въ основу нашей работы положены именно вышеупомянутые первоисточники.

29-го декабря 1856 г. предсѣдатель Государственнаго Совѣта, князь Орловъ, представилъ императору Александру II-му докладъ о лицахъ, имѣющихъ участвовать въ разсмотрѣніи 3-го января 1857 г., въ присутствіи государя, особой секретной

записки по крестьянскому дѣлу [1]). Это были, кромѣ кн. Орлова, гр. Блудовъ, кн. Гагаринъ, бар. Корфъ, шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ, гр. Адлербергъ, м-ръ внутр. дѣлъ Ланской и ген.-адъют. Чевкинъ и Ростовцовъ. „Для избѣжанія разныхъ толковъ“, приглашенія на 3-е января были разосланы только наканунѣ этого дня.

Открывая собраніе, государь „изъявилъ свою непремѣнную волю, дабы всѣ разсужденія, какія будутъ происходить въ этомъ собраніи, были сохранены въ строгой тайнѣ“. Засимъ онъ объяснилъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи давно занимаетъ правительство. Введенное сначала неточными и неясными постановленіями и распоряженіями правительства, впослѣдствіи же получившее настоящіе размѣры и свойство въ силу недоразумѣній, неправильныхъ толкованій закона и злоупотребленій власти, крѣпостное у насъ состояніе почти отжило свой вѣкъ. Предшественники императора постоянно старались объ уничтоженіи или по крайней мѣрѣ улучшеніи этого состоянія; но, къ сожалѣнію, старанія ихъ не имѣли и, по обстоятельствамъ времени, не могли имѣть полнаго ими желаемаго успѣха. Слѣдя за ходомъ и развитіемъ всѣхъ касавшихся даннаго вопроса мѣръ въ продолженіе царствованія Николая Павловича, государь, со времени вступленія своего на престолъ, обратилъ особое вниманіе на этотъ важный предметъ. Съ этою цѣлью было поручено м-ру внутр. дѣлъ составить общее обозрѣніе всѣхъ мѣръ, какія были предположены въ разное время правительствомъ къ уничтоженію крѣпостного состоянія въ Россіи. Составленную вслѣдствіе этого министромъ записку государь предложилъ на обсужденіе собранія и затѣмъ поставилъ вопросъ: *слѣдуетъ ли приступить теперь къ какимъ-либо мѣрамъ для освобожденія крѣпостныхъ людей?*

Собраніе признало единогласно, что въ настоящее время умы и помѣщиковъ, и принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей, особенно крестьянъ, находятся въ какомъ-то ожиданіи. Помѣщики знаютъ или предполагаютъ, что правительство думаетъ объ освобожденіи ихъ крестьянъ, но не имѣя свѣдѣній о томъ, на какихъ основаніяхъ и когда совершится это освобожденіе и получатъ ли они, или не получатъ, какое-либо, болѣе или менѣе соразмѣрное за свои права вознагражденіе, видимо и

[1]) Это была „Историческая записка о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, составленная тов. мин. внутр. дѣлъ Левшинымъ съ цѣлью ознакомить государя съ совокупностью и послѣдовательностью мѣръ, какія принимало русское правительство на пути освобожденія крестьянъ, особенно въ предыдущія два царствованія. См. Левшинъ, „Достопамятныя минуты въ моей жизни“ („Русскій Архивъ“, 1885 г., № 8).

сильно безпокоятся. Крестьяне, предугадывая желаніе правительства освободить ихъ, думаютъ, что одни помѣщики препятствуютъ исполненію его видовъ. Конечно, такое ожиданіе и самое волненіе умовъ не ново; оно бываетъ почти всегда при началѣ каждаго царствованія и при другихъ важныхъ событіяхъ; но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что если оно теперь и не сильнѣе бывшихъ въ другое время, то все-таки существуетъ и, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ имѣть послѣдствія болѣе или менѣе вредныя, даже опасныя. Притомъ и само по себѣ крѣпостное состояніе есть зло, требующее исправленія. Надо признаться, что всѣ мѣры до сихъ поръ принятыя къ уничтоженію у насъ крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ, не имѣли почти никакого успѣха. Это были, такъ сказать, однѣ мысли безъ тѣла. Законъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, дѣйствуя болѣе пятидесяти лѣтъ, имѣлъ такъ мало успѣха, что въ теченіе этого долгаго времени уволено въ свободные хлѣбопашцы только 138.000 душъ. Законъ 1842 г. объ обязанныхъ поселянахъ, дѣйствуя почти пятнадцать лѣтъ, также не имѣлъ почти никакого примѣненія; въ это время обращены въ обязанные только три имѣнія, съ 26.000 крестьянъ. Между тѣмъ, послѣдній законъ, какъ выразился Николай Павловичъ при разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ, изданъ былъ именно съ тою цѣлью, чтобы служить мѣрою переходною, которая безъ всякихъ переворотовъ, безъ вида даже нововведенія, дала бы каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе крестьянъ, и, не принуждая его къ тому и не стѣсняя его правъ собственности, предоставляла все доброй его волѣ и влеченію собственнаго сердца. При такомъ неуспѣхѣ всѣхъ мѣръ, до того принятыхъ или указанныхъ правительствомъ къ постепенному освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, всѣ участники собранія вполнѣ убѣждены, что въ настоящее время и для успокоенія умовъ, и для упроченія будущаго благосостоянія государства, необходимо приступить безотлагательно къ подробному пересмотру какъ всѣхъ донынѣ изданныхъ постановленій о крѣпостныхъ людяхъ, такъ и всѣхъ бывшихъ и имѣющихся въ виду предположеній по сему предмету, указаніемъ началъ, на которыхъ можетъ быть приступлено къ освобожденію у насъ крестьянъ — освобожденію постепенному, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ, по плану, тщательно и зрѣло обдуманному во всѣхъ подробностяхъ.

Выслушавъ эти разсужденія, государь вполнѣ ихъ одобрилъ и замѣтилъ, что въ послѣднее время было представлено много

предположеній о способахъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Особое вниманіе государя обратила на себя довольно пространная записка, которая и была прочтена въ собраніи [1]). По окончаніи чтенія ея государь объявилъ собранію, что, одобряя мысль о приступѣ теперь же къ пересмотру постановленій и къ указанію началъ, на которыхъ можетъ и должно быть совершено постепенное освобожденіе въ Россіи крѣпостныхъ крестьянъ, онъ учреждаетъ для того, въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи, особый, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, кн. Орлова, комитетъ изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ состояло настоящее собраніе, съ тѣмъ, чтобы на его разсмотрѣніе были переданы какъ всѣ находящіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ бумаги о предположеніяхъ, относящихся до сего предмета, такъ и записка о мѣрахъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, прочитанная въ собраніи. Въ важныхъ случаяхъ комитетъ будетъ собираться въ личномъ присутствіи государя.

Въ засѣданіи Секретнаго Комитета 17 января 1857 г. признано было необходимымъ прежде всего опредѣлить порядокъ производства работъ, Комитету порученныхъ, и способъ совершенія ихъ.

По первому предмету Комитетъ призналъ удобнѣйшимъ прежде всего приступить къ пересмотру и соглашенію двухъ законоположеній: объ обязанныхъ поселянахъ и о свободныхъ хлѣбопашцахъ, получившихъ впослѣдствіи названіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Кромѣ того, Комитетъ долженъ обсудить разные другіе способы освобожденія крестьянъ, прежде предложенные и вновь предлагаемые. Въ результатѣ этихъ работъ Комитету „откроется большая удобность составить подробный планъ освобожденія крѣпостныхъ людей,— освобожденія постепеннаго, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ и безъ мѣръ насильственныхъ“.

По второму предмету предсѣдатель Комитета объяснилъ, что изъ всѣхъ собранныхъ Комитетомъ матеріаловъ будутъ составлены въ государственной канцеляріи подробныя и обстоятельныя записки объ историческомъ ходѣ и существѣ законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (1803) и объ обязанныхъ крестьянахъ (1842), а также о всѣхъ вообще бывшихъ и имѣвшихся въ виду спосо-

---

[1]) Это — записка тайнаго совѣтника Позена: „О мѣрахъ освобожденія крестьянъ“, напечатанная имъ въ его „Бумагахъ по крестьянскому дѣлу“ (Дрезденъ, 1864).

бахъ прекращенія крѣпостного состоянія для внесенія ихъ на окончательное разсмотрѣніе Комитета.

Для развитія всѣхъ подробностей и составленія проектовъ на основаніи началъ, Комитетомъ указанныхъ, рѣшено образовать особую приготовительную коммиссію изъ трехъ членовъ Комитета: кн. Гагарина, бар. Корфа и г.-ад. Ростовцова [1]). Занятія этой коммиссіи должны состоять въ обработкѣ предположеній по тѣмъ началамъ, какія будутъ одобрены собраніемъ всѣхъ членовъ Комитета. Въ засѣданія коммиссіи могли быть приглашаемы посторонній лица, опытныя въ сельскомъ хозяйствѣ, преимущественно изъ помѣщиковъ, извѣстныхъ хорошимъ управленіемъ своими крестьянами и принадлежащихъ, притомъ, къ различнымъ полосамъ имперіи.

Въ томъ же засѣданіи 17 января 1857 г. Секретный Комитетъ обсуждалъ проектъ именного указа правительствующему сенату, предложенный г.-ад. Ростовцовымъ, какъ средство успокоить встревоженные умы и крестьянъ и помѣщиковъ. Предсѣдатель Комитета, принимая во вниманіе постепенно усиливавшееся тревожное состояніе умовъ въ публикѣ и находя, что при этомъ едвали удобно сохранять въ тайнѣ существованіе Комитета, предложилъ къ обсужденію вопросъ: не слѣдуетъ ли принять какія-либо по этому предмету мѣры? Нѣкоторые изъ членовъ, принявъ въ соображеніе броженіе умовъ, которое могло дѣйствительно еще усилиться, когда сдѣлается извѣстнымъ въ народѣ существованіе Комитета, полагали не только полезнымъ, но даже необходимымъ придать занятіямъ Комитета нѣкоторую гласность и откровеннымъ изложеніемъ видовъ правительства успокоить умы. Вѣрнѣйшею мѣрою для достиженія этой цѣли послужилъ бы высочайшій именной указъ правительствующему сенату. По выслушаніи проекта указа, возникъ вопросъ, есть ли надобность въ его изданіи. По этому предмету произошло въ Комитетѣ разногласіе. Гр. Блудовъ не признавалъ нужнымъ ни издавать указъ, ни даже принимать какія-либо мѣры къ прекращенію существовавшаго броженія умовъ. Шефъ жандармовъ, кн. Долгоруковъ, нарисовавъ яркими красками бро-

---

[1]) Бар. Корфъ и г.-ад. Ростовцовъ отказывались отъ участія въ этой коммиссіи, заявляя, что не имѣютъ ни одного крестьянина, никогда не живали въ деревнѣ и нужды сельскаго быта, никогда не составлявшія предмета ихъ спеціальнаго изученія, извѣстны имъ лишь поверхностно, изъ слышаннаго отъ другихъ. Они считали долгомъ совѣсти заявить, что страшатся не отвѣчать тому монаршему довѣрію, въ силу котораго они предназначены членами приготовительной коммиссіи. По желанію государя они, однако, остались въ составѣ ея.

женіе умовъ и страхи помѣщиковъ въ ожиданіи измѣненій въ положеніи крестьянъ, высказалъ, что „въ подобныхъ дѣлахъ необходимо дѣйствовать со всею осторожностью и давать всѣмъ обсуждаемымъ мѣрамъ какъ можно менѣе гласности“. Въ настоящее время, по его мнѣнію, „должно дѣйствовать съ большею настойчивостью, нежели когда-либо, дабы остановить ядъ, разливаемый въ народѣ неблагонамѣренными людьми или мыслителями“, а потому, вмѣсто изданія указа, онъ предлагалъ „расширить власть мѣстныхъ начальствъ для предупрежденія и прекращенія волненій“. Напротивъ, семь членовъ [1]) признавали существенно необходимымъ немедленно издать предложенный Комитету указъ, для успокоенія какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, по слѣдующимъ мотивамъ: броженіе между крестьянами довольно сильное, и волненіе весьма замѣтно въ самихъ помѣщикахъ; помѣщики знаютъ, или по крайней мѣрѣ догадываются, что правительство имѣетъ виды на освобожденіе крестьянъ, но безпокоятся, потому что не знаютъ, будутъ ли при этомъ сохранены помѣщичьи права и собственность, и какія основанія будутъ приняты къ освобожденію крестьянъ. Для успокоенія помѣщиковъ нужно, чтобы они знали, что правительство вовсе не посягаетъ на ихъ права и собственность и что оно предположило дѣйствовать въ вопросѣ освобожденія крестьянъ мѣрами постепенными и притомъ тѣми, которыя опредѣлены въ законахъ, нынѣ дѣйствующихъ. По мнѣнію семи членовъ, послѣдствія указа будутъ весьма важны, если онъ успокоитъ помѣщиковъ. Но указъ необходимъ и для успокоенія крестьянъ: въ распространенной между ними надеждѣ на свободу они убѣждены, что царь желаетъ ея, но противятся тому помѣщики. Изъ царскаго слова (въ указѣ) они увидятъ, что ожиданія ими полной свободы, какъ они ее разумѣютъ, несбыточны, что они могутъ быть освобождены только въ порядкѣ, законами указываемомъ, и что царь именно въ заботливости объ обоюдныхъ пользахъ ихъ и помѣщиковъ велѣлъ пересмотрѣть эти законы. А потому необходимо объявить указомъ, что правительство, въ видахъ освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями, пересматриваетъ законы о свободныхъ хлѣбопашцахъ и объ обязанныхъ крестьянахъ. Пересмотръ именно этихъ двухъ законовъ указанъ Комитету, какъ главная цѣль его учрежденія, государемъ императоромъ въ собраніи, бывшемъ въ высочайшемъ присутствіи 3 января 1857 г. Всѣмъ извѣстны

---

[1]) Кн. Орловъ, гр. Адлербергъ, Ланской, бар. Корфъ, Чевкинъ, Ростовцовъ и Брокъ.

недостатки означенныхъ двухъ законоположеній, но именно для отвращенія этихъ недостатковъ и указанъ государемъ императоромъ пересмотръ, имѣющій главною цѣлью опредѣлить тѣ мѣры, которыя необходимы, дабы законы сіи имѣли на будущее время надлежащее дѣйствіе. Указывать же теперь на какіе-нибудь другіе виды или же принять въ основаніе своихъ дѣйствій какія-нибудь другія предположенія, по мнѣнію семи членовъ, будетъ несогласно съ волею государя императора, опредѣлившаго цѣль и порядокъ дѣйствій Комитета. Неудобно открывать намѣренія, которыя могутъ впослѣдствіи не осуществиться. Посему семь членовъ полагали составленный указъ, „для избѣжанія ложныхъ или преждевременныхъ разглашеній, сколько возможно скорѣе напечатать въ сенатской типографіи и разослать въ самомъ большомъ числѣ экземпляровъ ко всѣмъ губернаторамъ и во всѣ губернскія правленія“ [1]). Съ мнѣніемъ семи членовъ, въ существѣ его, согласился и кн. Гагаринъ, но полагалъ отложить окончательное сужденіе объ указѣ до опредѣленія тѣхъ началъ, которыя будутъ указаны для постепеннаго прекращенія крѣпостного состоянія.

На журналѣ Секретнаго Комитета государь написалъ: „исполнить, относительно же возникшаго разномыслія согласенъ съ кн. Гагаринымъ“. По поводу этой резолюціи предсѣдатель Комитета кн. Орловъ доводилъ до свѣдѣнія государя, что въ журналѣ Секретнаго Комитета 17-го января 1857 г., кромѣ

---

[1]) Проектъ указа, составленнаго ген.-ад. Ростовцовымъ, настолько характеренъ, какъ показатель взглядовъ членовъ Секретнаго Комитета, что мы считаемъ нелишнимъ привести въ сокращеніи его содержаніе. „Съ нѣкотораго времени начали въ народѣ распространяться разные слухи о томъ, будто бы въ состояніи помѣщичьихъ крестьянъ сдѣланы какія-то перемѣны. Слухи эти распускаются людьми недобрыми, чтобы обманывать крестьянъ и тревожить помѣщиковъ. Поставляя священною обязанностью заботиться, чтобы каждый изъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ спокойно жилъ въ томъ состояніи, въ которомъ Богъ и законъ его поставили, повелѣваемъ объявить повсемѣстно: 1) что въ законахъ о помѣщичьихъ крестьянахъ не сдѣлано никакой перемѣны; 2) что помѣщичьи крестьяне должны повиноваться своимъ помѣщикамъ и быть въ ихъ распоряженіи по прежнему на точномъ основаніи существующихъ законовъ; 3) что помѣщики, пользуясь своимъ правомъ, какъ законами постановлено, не имѣютъ причины опасаться за свою собственность, тѣми же законами охраняемую; 4) что отъ помѣщиковъ зависитъ выпускать крѣпостныхъ людей на волю по одиночкѣ или семействами на прежнемъ основаніи, и 5) что цѣлыми селеніями крестьяне не могутъ быть выпускаемы на волю иначе, какъ по договорамъ съ помѣщиками, на правилахъ, предписанныхъ въ законахъ для крестьянъ обязанныхъ и для крестьянъ государственныхъ на собственныхъ земляхъ водворенныхъ; къ большему же еще обезпеченію обоюдныхъ пользъ и помѣщиковъ, и крестьянъ, повелѣно правила сіи вновь пересмотрѣть и въ чемъ нужно дополнить и исправить“.

мнѣнія семи членовъ, полагавшихъ издать особый указъ для успокоенія и помѣщиковъ и крестьянъ, имѣются отдѣльныя мнѣнія трехъ членовъ—кн. Гагарина, кн. Долгорукова и гр. Блудова — и испрашивалъ разрѣшенія государя: мнѣніе кого изъ сихъ членовъ государю угодно было принять? Отвѣта на это не послѣдовало.

Кромѣ разсужденій по поводу изданія указа, Секретный Комитетъ разсматривалъ, въ засѣданіи 17-го января 1857 г., переданную ему по высочайшему повелѣнію *Записку неизвѣстнаго*, съ отмѣткою государя: „вотъ противное мнѣніе отъ неизвѣстнаго. Можно также прочесть въ вашемъ Комитетѣ". *Неизвѣстный*, говоря о вредѣ, происходящемъ отъ разныхъ распускаемыхъ между помѣщиками и крестьянами слуховъ, сообщалъ, что „дворяне, неувѣренные уже въ неприкосновеніи къ ихъ собственности, находятся въ недоумѣніи, продаютъ земли свои на удачу или пріостанавливаютъ преднамѣренныя улучшенія, въ опасеніи, что плоды ихъ достанутся въ руки крестьянъ — будущихъ похитителей. Крестьяне, слыша нашептыванья двусмысленныя, начинаютъ думать о свободѣ, не зная еще, что такое свобода". Возражая противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ, неизвѣстный совѣтовалъ ограничиться введеніемъ во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ инвентарей, подобно введеннымъ передъ тѣмъ въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Комитетъ положилъ принять эту записку къ обсужденію при дальнѣйшемъ ходѣ порученныхъ ему работъ.

Къ концу февраля 1857 г. поступилъ изъ государственной канцеляріи въ Секретный Комитетъ рядъ записокъ по главнымъ предметамъ, подлежавшимъ его разсмотрѣнію: о разныхъ предположеніяхъ касательно освобожденія крѣпостныхъ людей, о дворовыхъ людяхъ, объ обязанныхъ крестьянахъ, о свободныхъ хлѣбопашцахъ, о правѣ собственности крѣпостныхъ людей и т. п. Разборъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, а также записокъ, проектовъ и предположеній частныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, переданныхъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Секретный Комитетъ поручилъ приготовительной коммиссіи, съ тѣмъ, чтобы она опредѣлила основанія предстоявшихъ Комитету работъ и соображенія свои внесла на окончательное разсмотрѣніе Комитета. Приготовительная коммиссія, „по тщательному—какъ сказано въ докладной ея запискѣ, — во всѣхъ подробностяхъ обсужденію всѣхъ бывшихъ въ ея виду проектовъ и предположеній, убѣдилась, что хотя въ сихъ бумагахъ и заключаются частію весьма справедливыя замѣчанія о неудобствахъ существующихъ отно-

шеній между помѣщиками и крестьянами, а нѣкоторые изъ проектовъ содержатъ и полезныя указанія для исправленія относящихся до этого предмета законовъ, но изъ всѣхъ поступившихъ проектовъ рѣшительно ни одинъ не представляетъ полнаго и удобоисполнимаго плана, по которому можно было бы приступить къ общему измѣненію отношеній между помѣщиками и крѣпостными людьми" [1]). Переходя къ опредѣленію основаній предстоявшихъ Комитету работъ, коммиссія, „послѣ многихъ и продолжительныхъ разсужденій, не могла придти къ общему заключенію, согласясь лишь въ томъ, что измѣненіе и упрощеніе законоположеній о вольныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ могутъ быть опредѣлены и представлены не прежде, какъ по утвержденіи началъ, которыя будутъ для того приняты въ полномъ собраніи Секретнаго Комитета и удостоены высочайшаго утвержденія". Затѣмъ каждый изъ трехъ членовъ коммиссіи изложилъ свое особое по этому предмету мнѣніе, и всѣ мнѣнія представлены были въ общее собраніе Комитета.

Представленныя въ апрѣлѣ и маѣ 1857 г. членами коммиссіи по крестьянскому дѣлу записки хотя и не привели къ указанію началъ, на которыхъ могло быть приступлено къ освобожденію крестьянъ, но, доведенныя до свѣдѣнія государя, въ іюнѣ того же года, кн. Орловымъ, онѣ вызвали со стороны государя резолюцію, не оставшуюся безъ вліянія на дѣятельность Комитета. Онѣ должны, поэтому, занять мѣсто въ исторіи движенія крестьянскаго вопроса.

Ген.-ад. *Ростовцовъ* отправляется въ своей запискѣ отъ „убѣжденія людей мыслящихъ, просвѣщенныхъ и любящихъ отечество въ томъ, что человѣкъ человѣку не долженъ принадлежать, что человѣкъ не долженъ быть вещью, а потому въ необходимости освобожденія крестьянъ сказывается требованіе правды, справедливости и благоразумія". Но какъ это убѣжденіе „обратить въ существенность" безъ государственнаго переворота и безъ нарушенія правъ собственности, узаконенныхъ почти тремя вѣками? Имѣя въ виду уже указанный государемъ путь — не основывать ничего на крутыхъ и насильственныхъ мѣрахъ и охранять права собственности,—Ростовцовъ находилъ полезнымъ „поддерживать въ чемъ только до нельзя возможно

[1]) Изъ всѣхъ проектовъ г.-ад. Ростовцовъ дѣлалъ исключеніе для проекта тайнаго совѣтника Позена, находя его „вполнѣ практическимъ, умѣряющимъ всѣ опасенія, обильнымъ въ благихъ послѣдствіяхъ, введеніемъ ипотечной системы. Онъ былъ бы превосходенъ, если бы указалъ финансовыя для осуществленія своего средства и былъ бы окончательно развитъ въ административномъ отношеніи".

дѣйствія прежнихъ государей", а потому предлагалъ для разрѣшенія трудной задачи искать указаній въ законоположеніяхъ двухъ предыдущихъ царствованій. По его мнѣнію, исправленныя положенія объ обязанныхъ крестьянахъ и о свободныхъ хлѣбопашцахъ открыли бы широкіе выходы изъ крѣпостного состоянія и сдѣлали бы выгоднымъ для самихъ помѣщиковъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ правительству. Перебросить же крестьянъ изъ вѣкового крѣпостного состоянія прямо къ полной свободѣ невозможно: народъ врядъ-ли бы съумѣлъ воспользоваться такою внезапною свободою, къ которой онъ ни историческимъ своимъ воспитаніемъ, ни государственными предварительными постановленіями вовсе не приготовленъ. Самая необходимость указываетъ на мѣры переходныя, т.-е. „крѣпостныхъ слѣдуетъ подготовить къ свободѣ постепенно, не усиливая въ нихъ желанія освобожденія, но открывая всѣ возможные для того пути". Освобожденіе крестьянъ, по мнѣнію Ростовцова, требуетъ трехъ періодовъ: 1) безотлагательнаго умягченія крѣпостного права, 2) постепеннаго перехода крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные и наконецъ 3) полной свободы всѣхъ крестьянъ въ Россіи: и помѣщичьихъ, и государственныхъ, и удѣльныхъ, и заводскихъ. На возраженіе, что народъ потребуетъ, не ожидая этихъ мѣръ, свободы и самъ освободитъ себя, Ростовцовъ отвѣчаетъ: „если правительство будетъ продолжать волновать умы, ничего не пересоздавая, то можетъ разразиться народная революція. Кто дерзнетъ поручиться за будущее? Но еслибы подобный переворотъ со временемъ и дѣйствительно произошелъ, какими же немедленными и, такъ сказать, математическими мѣрами, съ полною надеждою на успѣхъ, можно отвратить это? А если правительство, опасаясь предполагаемой революціи, мѣрою отважною, крутою и, къ несчастію Россіи, неотгаданною, само, такъ сказать, добровольно революцію вызоветъ? Правительству идти впередъ необходимо, но идти спокойно и справедливо, настойчиво и религіозно; остальное во власти Божіей".

Имѣя въ виду тогдашнее броженіе умовъ, которое могло еще усилиться, когда въ народѣ сдѣлается извѣстнымъ существованіе Секретнаго Комитета, Ростовцовъ, прежде всѣхъ другихъ мѣръ, полагалъ необходимымъ придать занятіямъ Комитета нѣкоторую гласность и откровеннымъ изложеніемъ видовъ правительства по крестьянскому дѣлу успокоить умы и крестьянъ, и помѣщиковъ. Для достиженія этой цѣли могъ бы послужить высочайшій успокоительный указъ Правительствующему Сенату, проектъ котораго Ростовцовымъ уже раньше былъ предложенъ. Это, по его мысли, дало бы возможность обсуждать, не торопясь

и спокойно, важные вопросы крестьянскаго дѣла, на что может и должно потребоваться немало времени. Свою обширную записку „о средствахъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ [1]) Ростовцовъ закончилъ выраженіемъ увѣренности, что „еслибы государя Богъ сподобилъ хотя двинуть съ мѣста этотъ полувѣковой вопросъ не словомъ, а дѣломъ, то онъ совершилъ бы много добра и Россіи, и человѣчеству, не колебля никакихъ основъ и ничьихъ правъ. Остальное пусть довершатъ другіе, какъ ходъ времени, съ благословеніемъ Божіимъ, ихъ умудритъ и научитъ“.

Князь Гагаринъ въ своей запискѣ „о средствахъ къ добровольному измѣненію отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ“ объяснилъ, что „при избраніи мѣръ къ утвержденію правильности въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами должны быть приняты во вниманіе всѣ сословные интересы, образовавшіеся отъ законныхъ правъ, освященныхъ давними постановленіями, а потому осуществленіе средствъ, которыя для этой цѣли будутъ установлены, должно быть предоставлено непринужденному начинанію дворянства: помѣщики, какъ поземельные собственники, составляютъ собою твердую опору престола и государства, слѣдовательно всякое стѣсненіе ихъ интересовъ и владѣльческихъ правъ не можетъ оставаться безъ вліянія на бытъ имперіи“. Критикуя проекты устройства быта крестьянъ, представляемые частными лицами, кн. Гагаринъ останавливается на предположеніи объ обязательномъ вознагражденіи помѣщиковъ за ту часть земли, которой признается возможнымъ ихъ лишить, находя, что право помѣщиковъ на поземельную собственность было бы разрушено возлагаемою на нихъ обязанностью подчиниться не ими назначенному возмездію; этимъ уничтожалась бы существенная принадлежность права вообще. „Простыя соображенія и правильный взглядъ на историческія права крестьянъ и помѣщиковъ—по мнѣнію кн. Гагарина—приводятъ къ заключенію, что въ самодержавной имперіи нашей свобода можетъ только быть лично дарована крестьянамъ, безъ правъ на землю, и должна состоять въ

---

[1]) Въ кн. IX дѣла Секретн. и Главн. Ком. эта записка занимаетъ около 50 полулистовъ (276—325). Характерно для исторіи развитія взглядовъ Ростовцова по крестьянскому дѣлу его признаніе, выраженное въ концѣ этой записки: „на эту святую работу—писалъ онъ—я не вызывался, мало для нея способный и мало для нея приготовленный. Я даже просилъ меня отъ нея уволить, но Государь отклонилъ мою просьбу, и я какъ могъ, какъ съумѣлъ, высказалъ свои убѣжденія, хотя и съ малымъ знаніемъ дѣла, но съ полною любовью и къ человѣчеству, и къ отечеству, и къ Государю“.

личномъ ихъ огражденіи отъ притѣсненій землевладѣльца. Въ этой формѣ свободы заключается единственно вѣрный путь къ уничтоженію рабства и къ удержанію между землепахаремъ и землевладѣльцемъ той связи, отъ которой образуется мощность Россіи". Перебирая „стези къ освобожденію", указанныя въ нашихъ законахъ, кн. Гагаринъ указываетъ, что „дарованіе помѣщикамъ права освобождать крестьянъ цѣлыми селеніями *безъ условій и безъ земли* есть мѣра самая благодѣтельная, такъ какъ она упрочиваетъ за помѣщиками право поземельной собственности и оставляетъ крестьянъ подъ тѣмъ вліяніемъ, съ которымъ они свыклись и которое охраняло общій порядокъ въ государствѣ, но допускаетъ при этомъ нѣкоторыя ограниченія во власти дворянъ въ отношеніи личности крестьянъ, разрѣшеніемъ имъ приносить жалобы на помѣщика, какъ на агента правительства, уѣздному предводителю дворянства, въ качествѣ мирового судьи". Для упроченія осѣдлости крестьянъ кн. Гагаринъ предлагалъ постановить, чтобы при ихъ освобожденіи помѣщики отдавали имъ въ пользованіе усадебныя мѣста съ домами, каждой семьѣ отдѣльно, и оставляли въ полномъ ихъ распоряженіи, доколѣ сами они или ихъ потомство останутся на земляхъ прежняго господина. На возможныя возраженія, что предлагаемое освобожденіе крестьянъ безъ земли должно породить пролетаріатъ въ Россіи, кн. Гагаринъ отвѣчалъ, что „сельскаго пролетаріата нигдѣ не было и быть не могло, а въ Россіи количество земли такъ значительно, что землепахарь не можетъ опасаться не имѣть работы".

Бар. М. Корфъ, не входя въ подробности будущаго устройства крестьянъ, прежде всего предлагалъ для успѣха новыхъ мѣръ по устройству крестьянъ, чтобы „они спущены были не сверху, а выросли снизу, отъ указаній опыта", — разослать отъ мин. вн. дѣлъ всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства циркуляръ о предоставленіи „опытности и добрымъ намѣреніямъ дворянства" разрѣшенія вопросовъ о средствахъ исполненія и о порядкѣ примѣненія къ различію мѣстностей обширной имперіи дѣла объ измѣненіи положенія крестьянъ, на началахъ, болѣе соотвѣтственныхъ видамъ человѣколюбія, справедливости и взаимныхъ пользъ, „съ охраненіемъ при этомъ трехъ главныхъ началъ: 1) избѣжанія всякихъ средствъ крутыхъ и насильственныхъ, 2) отстраненія всякихъ мѣръ такого рода, которыхъ выгоды одной сторонѣ обращались бы, прямо или косвенно, въ отягощеніе другой и 3) отстраненія также всего того, что потребовало бы со стороны государственнаго казначейства пожертвованій, могущихъ воспрепятствовать окончанію дѣла". Боязнь,

что изданіе предполагаемаго циркуляра можетъ дать поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ внушить крестьянамъ о дарованіи имъ уже свободы и что это вызоветъ волненія, не должна, по мнѣнію бар. Корфа, удерживать правительство отъ осуществленія его намѣреній, ибо „пища къ неудовольствію и превратнымъ толкамъ, а можетъ-быть и къ преходящимъ волненіямъ, всегда была и будетъ, какой бы ни избрать путь дѣйствія, но въ предлагаемомъ имъ едвали не менѣе, чѣмъ въ другихъ, такъ какъ крестьяне убѣждены, что правительство желаетъ ихъ освобожденія, а противятся ему лишь помѣщики, съ изданіемъ же циркуляра они увидятъ, что и помѣщики тому способствуютъ, или что, по крайней мѣрѣ, это поставлено имъ въ обязанность правительствомъ".

Въ заключеніе своей записки баронъ Корфъ объяснилъ, что „и воля Государя Императора, и сила обстоятельствъ, и собственное единодушное наше убѣжденіе указываютъ на необходимость исцѣлить Россію отъ той язвы, которая, не говоря уже о видахъ человѣколюбія, вездѣ, во всякомъ добромъ начинаніи, во всякомъ полезномъ предположеніи, является останавливающимъ страшилищемъ. Создадимъ если еще не тотчасъ что-нибудь положительное и окончательное, то по крайней мѣрѣ полный къ тому планъ; бросимъ полумѣры и призраки мѣръ, хотя бы для того, чтобы не повторились слова одного умнаго человѣка, что правительство, дѣлая по крестьянскому дѣлу одинъ шагъ впередъ, въ то же время всегда дѣлаетъ два шага назадъ. Цѣль же эта можетъ быть достигнута только чрезъ мысль Государя Императора, выраженную въ рескриптѣ в. кн. Еленѣ Павловнѣ 26 октября 1856 г., т.-е. черезъ подготовку матеріаловъ по дѣлу освобожденія крестьянъ изъ совѣтовъ и наставленій опыта. Иначе самыя лучшія намѣренія произведутъ опять что-нибудь подобное прежнимъ указамъ, и спустя годъ или два, когда перерастетъ насъ естественный ходъ вещей, придется переначинать съизнова, а Комитетъ нашъ—причислить къ историческому ряду прежнихъ восьми комитетовъ (съ 1826 по 1848 г.), обсуждавшихъ крестьянскій вопросъ".

Объ изложенныхъ мнѣніяхъ трехъ членовъ Секретнаго Комитета далъ свое заключеніе министръ вн. д. Ланской. Въ запискѣ отъ 13 іюня 1857 г. онъ прежде всего отмѣтилъ, что кн. Гагаринымъ обращено вниманіе на одинъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: *вопросъ о землѣ*. Изъ этого вопроса должны истекать и на немъ основываться всѣ прочія мѣропріятія по освобожденію крестьянъ, и до окончательнаго его разрѣшенія было бы излишне входить въ раз-

смотрѣніе будущихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Въ мнѣніи г.-ад. Ростовцова поземельный вопросъ не затрагивается и предлагаются многія измѣненія и улучшенія въ законахъ *для облегченія* участи крестьянъ; между тѣмъ, по мнѣнію Ланского, Комитету предлежало прежде всего заняться опредѣленіемъ общихъ основаній, на которыхъ долженъ совершиться постепенный переходъ крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные. Мысль Ростовцова объ изданіи манифеста или указа, въ которомъ было бы сказано, что никто не имѣетъ причины опасаться за свою собственность и что въ законахъ о помѣщичьихъ крестьянахъ не сдѣлано никакой перемѣны, вызвала со стороны Ланского возраженіе. Онъ находилъ, что осуществленіе ея могло бы возбудить негодованіе и порицаніе съ разныхъ сторонъ: крестьяне, не понимая цѣли предложеннаго объявленія, но руководствуясь уже пробужденнымъ чувствомъ нетерпѣнія, истолковали бы указъ въ свою пользу и потребовали бы отъ помѣщиковъ перевода ихъ въ свободные хлѣбопашцы или въ обязанные поселяне; помѣщики, зная, что правительство ищетъ измѣненія и улучшенія въ положеніи ихъ крестьянъ, увидѣли бы въ указѣ только прикрытіе намѣреній, противоположныхъ ихъ выгодамъ; слѣдовательно, правительство, вмѣсто успокоенія помѣщиковъ, только усугубило бы ихъ подозрѣніе.

О предложеніи бар. Корфа пригласить дворянство по губерніямъ высказать свое мнѣніе о средствахъ къ достиженію цѣли, предположенной государемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, м. в. д. Ланской высказался какъ о самомъ основательномъ и надежномъ. Обращеніе такого рода, не возбуждая никакихъ толкованій въ низшихъ слояхъ народа, будучи направлено къ дворянству, успокоитъ его, указавъ мѣру пожертвованій, къ которымъ оно должно готовиться, польститъ самолюбію его, показавъ, что государь съ довѣріемъ приглашаетъ его къ участію въ великомъ дѣлѣ, и наложитъ печать молчанія на тѣхъ, которые желали бы выказать свое неудовольствіе или ропотъ. Наконецъ, еслибы помѣщичьи крестьяне какимъ-либо способомъ и узнали, что правительство занимается улучшеніемъ ихъ участи, то и тогда мысль о томъ, что дворяне помогаютъ въ этомъ дѣлѣ, смягчитъ, если не уничтожитъ, подозрѣнія ихъ противъ помѣщиковъ. Но при воззваніи къ дворянству необходимо, по мнѣнію Ланского, указать, какихъ главныхъ началъ должно оно придерживаться въ сужденіяхъ своихъ, безъ чего выйдетъ пестрота и такое разнообразіе, изъ котораго трудно будетъ создать что-либо общее. Основанія эти не должны быть

многочисленны и подробны, но необходимо разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) остается ли земля по прежнему во владѣніи помѣщиковъ? 2) если остается за помѣщикомъ право владѣнія, то должно ли быть ограждено право пользованія крестьянъ землею, имъ отведенною, т.-е. можетъ ли помѣщикъ безусловно согнать съ своей земли освобожденныхъ поселянъ, или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ, и 3) могутъ ли помѣщики ожидать отъ правительства какого-либо вознагражденія за личность крестьянина и за землю, если законъ обяжетъ надѣлять ею освобожденныхъ крестьянъ.

„Трудно предположить—говорилъ Ланской,—чтобы большинство дворянства рѣшило указанные вопросы противъ себя, а какъ другая сторона—крестьяне—къ обсужденію сихъ вопросовъ призваны быть не могутъ, то и слѣдуетъ прежде всего эти вопросы рѣшить въ Петербургѣ; все остальное выльется изъ нихъ само собою и будетъ обсуждено въ губерніяхъ основательнѣе и лучше, за правительствомъ же, во всякомъ случаѣ, останется право пересмотра, отмѣны и новаго указанія мѣръ, соотвѣтствующихъ его намѣреніямъ“.

Хотя приготовительная коммиссія и исполнила возложенное на нее порученіе и въ виду Секретнаго Комитета были уже достаточные матеріалы для ожидавшихся отъ него заключеній, но Комитетъ не спѣшилъ, и только требованіе государя, передъ отъѣздомъ его, въ іюнѣ 1857 г., за границу, чтобы кн. Орловъ прислалъ ему, при журналѣ или безъ журнала Секретнаго Комитета, мнѣнія трехъ членовъ приготовительной коммиссіи, сообщило дѣлу нѣкоторое движеніе. Кн. Орловъ, представляя мнѣнія трехъ членовъ и заключеніе по нимъ м. в. д. Ланского, во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 21 іюня 1857 г. объяснялъ: „прочитавъ мнѣніе г.-ад. Ростовцова, кн. Гагарина и бар. Корфа, Комитетъ не могъ, по чрезвычайной важности дѣла, тотчасъ приступить къ разсмотрѣнію его подробностей, но, согласно общему требованію членовъ, положилъ мнѣнія сіи препроводить ко всѣмъ членамъ, съ тѣмъ, чтобы они прочитали ихъ и сообщили свои замѣчанія. При слушаніи мнѣнія бар. Корфа о порученіи губернскимъ предводителямъ дворянства, при содѣйствіи уѣздныхъ предводителей и дворянъ, извѣстныхъ своею опытностію, составить соображеніе объ устройствѣ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, многіе члены Комитета выразили свое опасеніе, что порученіе дворянству каждой губерніи составить соображенія о будущихъ отношеніяхъ къ нимъ крестьянъ безъ сомнѣнія взволнуетъ умы и помѣщиковъ, и крестьянъ, возбудитъ много толковъ и даже мо-

жетъ быть причиною разныхъ между помѣщичьими крестьянами безпокойствъ и волненій. Такое порученіе не можетъ остаться въ тайнѣ; оно безъ сомнѣнія сдѣлается извѣстнымъ крестьянамъ, кои послѣ возбужденныхъ между ними слуховъ, конечно, будутъ съ нетерпѣніемъ ожидать свободы. Между тѣмъ, ожиданіе ихъ едвали можетъ осуществиться въ скоромъ времени. Поэтому, мѣра, предложенная бар. Корфомъ, возбудитъ во всей Россіи новое, можетъ быть болѣе сильное и болѣе опасное волненіе въ умахъ, чѣмъ было прежде". Раздѣляя это опасеніе, князь Орловъ полагалъ, что дворяне каждой губерніи, если имъ не будутъ ясно и положительно указаны принятыя и утвержденныя уже правительствомъ главныя основанія будущихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, постоянно стремясь къ одной и той же цѣли—сохранить свои права и свои теперешнія отношенія къ крестьянамъ,—составятъ предположенія, сходныя съ тѣми, которыя со ставлены дворянами Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ Петер бургской губерніи. „Въ сихъ предположеніяхъ нѣтъ ничего похожаго на освобожденіе крестьянъ, а есть только болѣе или менѣе опредѣлительное указаніе тѣхъ повинностей, которыя крестьяне обязаны отбывать помѣщику въ крѣпостномъ состояніи. Можно сказать почти утвердительно, что дворяне названныхъ уѣздовъ представили свои предположенія въ тѣхъ именно видахъ, что, опредѣляя съ большею точностью обязанности крестьянъ и примѣняя къ нимъ болѣе или менѣе правила, изданныя въ 1855 г. для помѣщичьихъ крестьянъ Витебской и Могилевской губ., они заставятъ правительство не заботиться объ освобожденіи крестьянъ, а ограничиться утвержденіемъ сихъ предположеній". Поэтому князь Орловъ полагалъ, что только указаніе правительствомъ главныхъ основаній будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ принесетъ пользу дѣлу, при обращеніи къ дворянству каждой губерніи. Комитету остается въ ближайшемъ времени приступить къ опредѣленію этихъ основаній и способовъ, которые необходимы для освобожденія крестьянъ, согласно съ мыслью государя, „постепеннаго, безъ мѣръ и переворотовъ крутыхъ, рѣзкихъ и насильственныхъ, дѣйствуя въ семъ важномъ государственномъ дѣлѣ осторожно и благоразумно".

Ознакомившись съ доставленными въ Киссингенъ при докладѣ кн. Орлова записками по крестьянскому дѣлу, государь положилъ слѣдующую резолюцію: „*Я прочелъ всѣ бумаги съ большимъ вниманіемъ и воспользовался пребываніемъ гр. Киселева въ Кисингенѣ, чтобы, ознакомивъ его съ теперешнимъ ходомъ сего дѣла, узнать его мнѣніе, изложенное въ приложенной здѣсь запискѣ.*

Вы найдете также здѣсь довольно замѣчательную записку, представленную кн. Горчакову Гакстгаузеномъ. Изъ чтенія всѣхъ сихъ бумагъ я еще больше убѣдился, какъ дѣло это трудно и сложно. Но при всемъ томъ *желаю* и *требую* отъ вашего комитета *общаго заключенія, какъ къ сему дѣлу приступить, не откладывая онаго подъ разными предлогами въ долгій ящикъ.* Гакстгаузенъ отгадалъ мое главное опасеніе, чтобы дѣло не началось само собою снизу" [1]).

Такъ какъ мнѣніе г.-ад. гр. Киселева и записка Гакстгаузена были впослѣдствіи внесены, по высочайшему повелѣнію, въ Секретный Комитетъ, то мы считаемъ нужнымъ ознакомить съ содержаніемъ ихъ.

Къ мнѣніямъ г.-ад. Ростовцова и кн. Гагарина гр. Киселевъ относится отрицательно, признавая значеніе лишь за мнѣніемъ м-ра внутр. дѣлъ, такъ какъ въ немъ кратко и правильно объяснено настоящее положеніе дѣла и отвергается способъ освобожденія крестьянъ безъ земли, предложенный кн. Гагаринымъ. По существу вопроса гр. Киселевъ высказался такъ: „я полагаю, что даровать полную свободу 22 мил. крѣпостныхъ людей обоего пола не должно и невозможно. Не должно, потому что эта огромная масса людей не подготовлена къ законной полной свободѣ; невозможно, потому что хлѣбопашцы безъ земли перешли бы въ тягостнѣйшую зависимость землевладѣльцевъ и были бы ихъ полными рабами или составили пролетаріатъ, невыгодный для нихъ самихъ и опасный для государства. Надѣлъ крестьянъ землею или сохраненіе за ними той, которую они имѣютъ отъ помѣщиковъ, невозможенъ безъ вознагражденія, а вознагражденіе едвали доступно въ финансовомъ отношеніи. Посему я полагаю, что вопросъ о дарованіи полной свободы подымать не слѣдуетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю необходимымъ и должнымъ приступить немедленно къ пересмотру всѣхъ статей свода законовъ о крѣпостномъ состояніи и замѣнить всѣ тѣ, которыя обращаютъ человѣка въ вещь, оградить его личность и собственность. Не имѣя къ общему обзору сего важнаго дѣла достаточныхъ данныхъ, я ограничиваюсь представленіемъ всегдашней моей мысли о необходимости достигнуть желаемой цѣли переходными мѣрами".

Въ письмѣ кн. Горчакову, при которомъ была препровождена „условленная записка", Гакстгаузенъ писалъ: „опасность, противъ которой я бы желалъ предостеречь—это опасность общихъ мѣръ.

---

[1]) Курсивомъ напечатаны слова, подчеркнутыя государемъ.

Раздѣляй и повелѣвай (divide et impera)! Вопросъ освобожденія, будучи спеціальнымъ вопросомъ для Россіи, есть вмѣстѣ и политическій, и притомъ самый важный не только въ отношеніи Россіи, но и для всей Европы. Я убѣждаюсь въ этомъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что радикальная партія Мадзини и братіи въ Англіи возлагаетъ теперь главную надежду свою на соціальную революцію въ Россіи. Опытъ указываетъ намъ, что предводители этой партіи—не пустые мечтатели, но люди вѣрно расчитывающіе и проницательные".

Въ самой запискѣ Гакстгаузенъ, говоря о замѣтномъ волненіи умовъ среди крестьянъ и неспокойномъ ихъ ожиданіи, усиливающемся все болѣе и болѣе, констатируетъ преобладающее убѣжденіе между людьми наиболѣе образованными въ Россіи, что положеніе вещей невыносимо и что, подъ страхомъ самыхъ пагубныхъ послѣдствій, должно совершиться преобразованіе крѣпостного состоянія. „Крѣпостные крестьяне—говорилъ онъ—имѣютъ самое глубокое и ясно выраженное ими убѣжденіе, что они съ семействами принадлежатъ помѣщику, но земля укрѣплена имъ, и никакіе юридическіе выводы, никакая законодательная мѣра не превозмогутъ этого глубоко укоренившагося въ народѣ преданія и не введутъ въ область права противоположное положеніе". Упомянувъ о выраженномъ въ законѣ 1842-го года намѣреніи сдѣлать изъ крѣпостныхъ крестьянъ людей подвластныхъ закону, Гакстгаузенъ утверждалъ, что нельзя останавливаться на полпути и предоставлять важнѣйшіе вопросы народнаго существованія собственному ихъ развитію. Правительство обязано принять въ нихъ участіе обдуманное и дѣятельное, чтобы событія, опередивъ его, не вырвали отъ него уступокъ, которыя повели бы къ паденію или погибели [1]). Съ своей стороны Гакстгаузенъ находилъ необходимымъ, чтобы государство старалось сколько возможно менѣе дѣйствовать непосредственно на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ. Оно должно, избѣгая общихъ законодательныхъ мѣръ, поручить дворянству устройство этихъ отношеній, посредствомъ законныхъ собраній въ каждой губерніи. По его мнѣнію, крѣпостное право не должно быть уничтожаемо закономъ противъ воли помѣщиковъ. Вопросъ о возможности подчинить освобожденіе крестьянъ и размѣръ выкупа постояннымъ правиламъ весьма труденъ и долженъ быть предоставленъ исключительному и особому обсужденію.

[1]) Это мѣсто записки Государь отчеркнулъ, написавъ: „Совершенно справедливо и въ этомъ моя главная забота".

По выслушаніи вышеприведенной резолюціи государя на докладѣ кн. Орлова, а также записки м. в. дѣлъ Ланского и переданныхъ въ Секретный Комитетъ записокъ гр. Киселева и Гакстгаузена, Комитетъ призналъ необходимымъ исполнить волю государя о представленіи общаго заключенія, какъ приступить къ дѣлу, „не откладывая его подъ разными предлогами вдаль"; но, по обширности, многосложности и разнообразію предметовъ, до этого дѣла относившихся, онъ счелъ нужнымъ прежде всего установить главные вопросы, подлежавшіе его обсужденію. Отвѣты на эти вопросы должны быть доставлены членами къ 14-му августа 1857 г., и, по соглашеніи ихъ, должно быть составлено заключеніе по каждому вопросу. Составленные восемь вопросовъ, требовавшихъ обсужденія Секретнаго Комитета, 30 іюля были представлены государю, написавшему на докладѣ: „дай Богъ, чтобы мы этимъ путемъ достигли какого-нибудь практическаго результата".

Вопросы эти обнимали крестьянскій вопросъ во всемъ его объемѣ, и мнѣнія по нимъ членовъ Комитета представляютъ интересный матеріалъ для характеристики лицъ, по особому довѣрію государя призванныхъ выработать планъ общаго освобожденія крестьянъ. Эти мнѣнія легли въ основу первоначальнаго плана дѣйствій правительства, изложеннаго въ высочайше утвержденномъ журналѣ Комитета 18-го августа 1857 г. По четыремъ кардинальнымъ вопросамъ мы сгруппируемъ отвѣты членовъ, лучше всего показывающіе, въ чьи руки попало сначала дѣло освобожденія крестьянъ.

I. *Должно ли теперь приступить къ общимъ мѣрамъ освобожденія крѣпостного сословія или слѣдуетъ ограничиться одными частными и переходными мѣрами?*

По этому вопросу члены Комитета отвѣчали такъ. *М. в. д. Ланской:* къ полному и безусловному освобожденію нынѣ же крѣпостного сословія приступать не слѣдуетъ, а необходимо опредѣлить коренныя начала, которыя послужатъ основаніемъ для послѣдовательныхъ переходныхъ мѣръ.—*Великій князь Константинъ Николаевичъ:* освободить крестьянъ можно только постепенно и примѣняясь въ способѣ исполненія къ разнымъ условіямъ разныхъ мѣстностей. Онъ согласенъ съ м. в. д. Ланскимъ, который въ докладѣ государю 20 декабря 1856 г. выразилъ, что „нельзя во всѣхъ концахъ Россіи одновременно и однообразно освободить помѣщичьихъ крестьянъ". — *Гр. Адлербергъ:* слѣдуетъ ограничиться переходными мѣрами, постановивъ теперь же положительно, къ чему и какъ постепенно придти должно. — *Кн. Гагаринъ:* правительство не должно въ настоящее время заботиться о пріисканіи

одной общей для государства стези освобожденія, но ограничиться установленіемъ различныхъ частныхъ мѣръ перехода къ вольности, дабы имѣть возможность сообразно съ дѣйствительнымъ ихъ приложеніемъ опредѣлить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій.— *Бар. Корфъ:* въ настоящемъ положеніи дѣлъ всякая общая мѣра не только опасна, но и невозможна, почему до времени слѣдуетъ ограничиться однѣми переходными и частными мѣрами.— *Г.-ад. Ростовцовъ:* непремѣнно ограничиться частными и переходными мѣрами.—*Г.-ад. Чевкинъ:* освобожденіе крестьянъ можетъ исполниться лишь постепенно и переходными мѣрами, но необходимо теперь же постановить общія главныя основанія для этого.—Управлявшій III-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи *г.-м. Тимашевъ:* освобожденіе крестьянъ не должно совершаться разомъ и преобразованіе слѣдуетъ вводить періодами, для чего онъ предлагаетъ три періода, въ теченіе которыхъ крестьяне приготовляются стать самостоятельными. — *Гр. Блудовъ:* нельзя, конечно, и думать теперь же приступить къ общимъ, окончательнымъ мѣрамъ для освобожденія крестьянъ и привести ихъ въ дѣйствіе однимъ почеркомъ пера, но съ другой стороны нельзя и ограничиваться однѣми частными и переходными мѣрами.

II. *Если будетъ разрѣшено приступить къ общимъ мѣрамъ, то слѣдуетъ ли при этомъ сохранить помѣщикамъ право полной собственности на землю, или же отдать крестьянамъ тѣ земли, коими они пользуются, или только земли усадебныя и огородныя, съ вознагражденіемъ, или безъ вознагражденія помѣщика?*

На этотъ вопросъ отвѣчали. *М. в. д. Ланской:* помѣщики обязаны отдавать во временное пользованіе крестьянамъ часть земли за условленную повинность.—*В. кн. Константинъ Николаевичъ:* слѣдуетъ отдать въ полную собственность крестьянъ усадьбу съ огородами и общимъ выгономъ за весьма умѣренное вознагражденіе, и во временное пользованіе, въ продолженіе только переходнаго періода, часть пашенной земли, которую вообще предоставить въ полную собственность помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне и будутъ ее нанимать. — *Гр. Адлербергъ:* слѣдуетъ теперь же постановить начала (principes) постепеннаго освобожденія крестьянъ и разрѣшить два вопроса—о землѣ и вознагражденіи, отмѣнивъ барщину, за которую вознаградить помѣщика. — *Кн. Гагаринъ:* вопросъ о правѣ собственности окончательно разрѣшенъ полувѣковыми и самыми справедливыми увѣреніями правительства, основанными на томъ, что право помѣ-

щиковъ на землю непосредственно вытекаетъ изъ пожалованія оной за заслуги, или ея пріобрѣтенія за деньги, и вновь имѣть мѣста въ законодательныхъ мѣрахъ не долженъ; но его слѣдуетъ подтвердить положительнымъ разрѣшеніемъ помѣщикамъ располагать землею по своему усмотрѣнію.—*Бар. Корфъ:* послѣ разнесшихся въ послѣднее время слуховъ новое подтвержденіе о правѣ помѣщиковъ на землю, т.-е. о принадлежности ея помѣщику, нельзя признать излишнимъ для успокоенія помѣщиковъ.—*Г.-ад. Ростовцовъ:* помѣщикамъ во всякомъ случаѣ сохранить право полной собственности на землю.—*Г.-ад. Чевкинъ:* сохранить право собственности помѣщикамъ на ихъ земли желательно и нужно, но только не въ той полнотѣ, какъ нынѣ. Уволить крестьянъ безъ земли не должно, да и невозможно. Прямая выгода помѣщиковъ требуетъ, чтобы они уступили часть земель для надежнаго сохраненія остальныхъ. Вознагражденіе за землю должно быть весьма умѣреннымъ и опредѣлено деньгами или работою. Земли, сѣнокосы и другія угодья уволенные крестьяне должны будутъ нанимать у помѣщиковъ по добровольному соглашенію.—*Г.-м. Тимашевъ:* одна земля есть единственная и прочная собственность дворянъ, одно управленіе населенными имѣніями есть занятіе приличное служащему и неслужащему дворянину. Хотя крестьяне, по нашимъ законамъ, также составляютъ правильную собственность владѣльца, но тутъ встрѣчается законъ высшій человѣческаго, законъ природы и религіи, по которому крѣпостнымъ людямъ слѣдуетъ дать свободу и предъ которымъ должны умолкнуть всѣ другія права, при чемъ необходимо надѣлить ихъ землею.—*Гр. Блудовъ:* часть земли, принадлежащая въ личную собственность помѣщиковъ, можетъ быть отдана крестьянамъ во временное пользованіе или эмфитевтическое владѣніе, т.-е. въ вѣчное наслѣдственное арендованіе, съ платежемъ половиннаго оброка.

III. *Если будетъ рѣшено приступить къ мѣрамъ переходнымъ, то слѣдуетъ ли сверхъ нынѣшнихъ способовъ освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями или частями селеній (въ свободные хлѣбопашцы и обязанные крестьяне) даровать помѣщикамъ право освобождать крестьянъ ихъ цѣлыми селеніями безъ условій и безъ земли?*

По этому вопросу отвѣчали. *М. в. д. Ланской:* даровать помѣщикамъ право освобождать безусловно и безъ земли цѣлыми селеніями, но непремѣнно — съ полнаго согласія самихъ крестьянъ.—*В. кн. Константинъ Николаевичъ:* освобожденіе многочисленныхъ крестьянскихъ общинъ безъ земли и безъ усадьбы

нельзя даже назвать освобожденіемъ. Это есть, правильнѣе, изгнаніе общины съ мѣста, гдѣ жили предки нынѣшнихъ крестьянъ. Съ исторической и юридической точки зрѣнія подобное изгнаніе слѣдуетъ признать явною несправедливостью, ибо если нельзя признать за крестьянами права на часть пашенной земли, признанной уже закономъ собственностью дворянства, то, съ другой стороны, нельзя не признать права крестьянъ на осѣдлость, въ той мѣстности, гдѣ жили ихъ отцы и предки. Признать подобное освобожденіе крестьянъ за общее правило невозможно, ибо это значило бы совершить самую явную несправедливость въ отношеніи 22 милліоновъ подданныхъ и подвергнуть государство всѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ такого освобожденія.— *Графъ Адлербергъ*: освобожденіе крестьянъ безъ условій и безъ земли весьма вредно. — *Князь Гагаринъ*: помѣщикамъ слѣдуетъ даровать право отпускать цѣлыми селеніями безъ условій и безъ земли, съ предоставленіемъ каждому крестьянскому семейству усадебъ и огородовъ. Дарованіе такого права помѣщикамъ убѣдитъ ихъ, что правительство признаетъ ихъ землю собственностью на самомъ дѣлѣ. — *Бар. Корфъ*: въ предполагаемомъ образѣ увольненія крестьянъ усматривается лишь средство къ освобожденію себя отъ крѣпостныхъ, средство для самихъ помѣщиковъ сбывать съ рукъ негодныхъ людей, съ обращеніемъ ихъ въ тягость правительства, съ открытіемъ повсемѣстнаго кочеванія и бродяжества и съ введеніемъ неизвѣстнаго у насъ до сихъ поръ пролетаріата. Согласіе самихъ крестьянъ на увольненіе необходимо, иначе получится призракъ свободы.—*Ген.-ад. Ростовцовъ*: увольненіе крестьянъ безъ условій и безъ земли допустимо не иначе, какъ по согласію самихъ крестьянъ. — *Ген.-ад. Чевкинъ*: освобождать крестьянъ вовсе безъ земли цѣлыми селеніями невозможно; это значило бы дать поводъ къ образованію сословія безпріютнаго, на бродяжество обреченнаго и обществу не только безполезнаго, но и вреднаго.—*Графъ Блудовъ*: установить существующее въ западныхъ губерніяхъ сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ, кромѣ тѣхъ, которые водворены на собственныхъ земляхъ и именуются просто вольными людьми.

IV. *Какимъ порядкомъ приступить къ обработкѣ тѣхъ законоположеній, которыя должны быть составлены объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами: предоставить ли это дворянству каждой губерніи, или же оставить на обязанности самого правительства?*

Въ этомъ отношеніи высказались. *М. в. д. Ланской:* возложить это на обязанность самого правительства. — *В. кн. Кон-*

стантинъ Николаевичъ: необходимо воспользоваться познаніями помѣщиковъ и получить отъ нихъ разныя практическія свѣдѣнія, узнать ихъ мнѣніе о наилучшемъ способѣ достигнуть предположенной правительствомъ цѣли, новыя же законоположенія о крестьянахъ составить въ Петербургѣ.—*Гр. Адлербергъ*: новыя начала должны быть постановлены высшимъ правительствомъ.— *Кн. Гагаринъ*: не приступать къ подробной обработкѣ узаконеній по крестьянскому дѣлу ни въ дворянскихъ комитетахъ, ни въ Петербургѣ, доколѣ добровольное помѣщиками осуществленіе установленныхъ началъ не раскроетъ на практикѣ ихъ хорошую и худую стороны и фактами не разъяснитъ на самомъ дѣлѣ, въ чемъ должны состоять дальнѣйшія дѣйствія и обязанности правительства. — *Бар. Корфъ*: если ограничиться только мѣрами частными, переходными, т.-е. не уничтожать крѣпостного состоянія, а только его облегчить и умягчить, то „въ такомъ пространствѣ вопроса" истребованіе предварительныхъ мнѣній дворянства становится ненужнымъ. — *Ген.-ад. Чевкинъ*: постановить главныя основанія къ достиженію опредѣленной цѣли, предоставивъ предводителямъ дворянства каждой губерніи обще съ губернаторами составить проекты исполнительныхъ правилъ. — *Ген. Тимашевъ:* основанія устройства крестьянъ выработать въ Петербургѣ, передавъ въ частные комитеты по губерніямъ и даже по уѣздамъ этотъ проектъ. Проводить новое положеніе не разомъ, повсемѣстно, но по губерніямъ и районамъ. — *Гр. Блудовъ:* составить правила для устройства крестьянъ съ участіемъ дворянства, но основанія для договоровъ между помѣщиками и крестьянами должны быть выработаны правительствомъ [1].

Алексѣй Попельницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

[1]) Членъ комитета министръ госуд. имуществъ Муравьевъ, совершившій лѣтомъ 1857 г. объѣздъ внутреннихъ губерній, представилъ въ октябрѣ того же года свои „замѣчанія о порядкѣ освобожденія крестьянъ", о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАДѢЛЪ КРЕСТЬЯНЪ

(Памяти 19-го февраля 1861 г.)

19-го февраля исполнится пятьдесятъ лѣтъ со времени изданія „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости", этого великаго законодательнаго акта, который знаменуетъ поворотный пунктъ въ исторіи нашей гражданственности. Отмѣна крѣпостного права, освобожденіе милліоновъ людей отъ безконтрольной власти помѣщиковъ, фактически имѣвшихъ право жизни и смерти надъ своими подвластными, несомнѣнно, одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ событій во всемірной исторіи. Современному поколѣнію, конечно, трудно представить себѣ съ полною ясностью тяжесть и унизительность положенія, которое испытывалъ крѣпостной человѣкъ на Руси; но оно все же можетъ получить нѣкоторое понятіе объ этомъ, а также о пагубномъ вліяніи крѣпостного права,—этой „мерзости", по выраженію декабриста Якушкина,—изъ лучшихъ произведеній нашей литературы, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить, безспорно, „Пошехонскую старину".

Манифестъ, провозглашавшій, что крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей, отмѣняется навсегда и что имъ предоставляются права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей,—оговаривалъ, что въ пользованіе этими правами они вступаютъ не сразу, а въ томъ порядкѣ и въ тѣ сроки, которые указаны въ прави-

лахъ о приведеніи въ дѣйствіе Положеній. Но послѣ того какъ исключительно по волѣ помѣщика заключались, да и расторгались, брачныя узы, и по его прихоти, въ каждый данный моментъ могъ быть прекращенъ семейный союзъ, великою милостью являлось объявленіе, что на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Тому, чей трудъ и имущество принадлежали помѣщику, было, разумѣется, радостно услышать, что онъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать ихъ, отдавать въ залогъ и вообще распоряжаться ими.

Освобождаясь отъ жестокой, ненавистной ему власти помѣщика, бывшій крѣпостной, однако, и послѣ завершенія временно обязанныхъ отношеній далеко не уравнивался съ своимъ бывшимъ владѣльцемъ и, получая отдѣльное, строго сословное управленіе, долженъ былъ входить въ составъ низшаго слоя въ государствѣ — въ разрядъ гражданъ неполноправныхъ. Время не приносило никакихъ улучшеній въ его положеніе; напротивъ, разница въ правахъ крестьянскаго сословія и сословій привилегированныхъ постепенно увеличивалась и достигла своего апогея по изданіи закона 12 іюля 1889 г. о земскихъ участковыхъ начальникахъ, который, по характерному выраженію нашего народа, установилъ „маленькое крѣпостное право“. Весьма естественно, что при первыхъ признакахъ нашего политическаго обновленія было неизбѣжно обратить вниманіе на униженное положеніе многомилліонной массы русскаго населенія. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить, прежде всего, указа 12-го декабря 1904-го года, который повелѣвалъ—по прошествіи слишкомъ сорока лѣтъ послѣ освобожденія, — „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи, облегчивъ задачу обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ сельскихъ обывателей“. Но—какъ удостовѣряется въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ къ проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“ 20 февраля 1907 г.,—„еще болѣе обнаружилась необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ этомъ направленіи послѣ изданія высочайшаго манифеста 17 октября 1905 г., которымъ крестьяне уравнены въ политическихъ правахъ съ остальными классами населенія“. И министерство увѣряло тогда, будто правительство пришло къ заключенію, что, послѣ изданія этого манифеста, „представляется необходимымъ принять всѣ мѣры къ возможно

полному уравненію крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и къ распространенію на нихъ дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, а также объ управленіи и судѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, предположено совершенно упразднить особое сословное управленіе крестьянъ и установленія, завѣдывающія крестьянскими дѣлами".

Однако, упраздненія сословнаго устройства не послѣдовало. Обособленное, приниженное состояніе крестьянъ грозитъ быть увѣковѣченнымъ, и въ проектѣ новаго „Положенія о крестьянахъ" земскій начальникъ, подъ именемъ „участковаго комиссара", является тѣмъ же безконтрольнымъ опекуномъ надъ крестьянскимъ населеніемъ, какимъ былъ до сихъ поръ. Участвуя лишь для формы въ мѣстномъ хозяйствѣ земства, крестьянинъ не имѣетъ никакого значенія также въ Государственной Думѣ, выражающей исключительно вожделѣнія привилегированнаго класса, главнымъ образомъ—сословія дворянъ. Къ сожалѣнію, и въ наши дни вполнѣ умѣстенъ вопросъ, поставленный нѣкогда авторомъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву": „можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частью въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ"? Какой отвѣтъ дать также на вопросъ его: „можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи"? ....Если однако, не смотря на крайне приниженное современное положеніе крестьянъ, приближающееся 19-ое февраля является днемъ народнаго торжества, то, конечно, потому, что въ этотъ день пятьдесятъ лѣтъ назадъ крестьянинъ объявленъ освобожденнымъ отъ возмутительной и жестокой власти помѣщика.

Отмѣняя личную зависимость крестьянъ, Положеніе 19 февраля устанавливало подробныя условія ликвидаціи хозяйственныхъ отношеній между помѣщикомъ и бывшими его подвластными. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ вопросъ о землѣ. Указаніе на то, что освобожденіе должно совершиться съ надѣленіемъ крестьянъ землей, мы встрѣчаемъ уже въ первомъ правительственномъ актѣ, касающемся отмѣны крѣпостного права: въ рескриптѣ 20 ноября 1857 г. генералъ-губернатору Назимову. Въ отвѣтъ на представленное черезъ него всеподданнѣйшее прошеніе дворянъ виленской, гродненской и ковенской губерній объ освобожденіи принадлежащихъ имъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости подъ условіемъ *сохраненія неприкосновенными правъ помѣщиковъ на земли*, рескриптъ указываетъ, что освобождаемымъ крестьянамъ

оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, *для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ*, количество земли.

Изъ приведенныхъ словъ нельзя было вывести точныхъ заключеній о правѣ освобождаемыхъ крестьянъ на землю, которая отводилась имъ въ видѣ усадебной осѣдлости и полевой земли. Каждый могъ толковать это центральное мѣсто рескрипта по-своему, смотря по тому, былъ ли онъ защитникомъ освобожденія съ надѣленіемъ землей или безъ такого надѣленія. Дополнительное разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, посланное генералъ-адъютанту Назимову вслѣдъ за высочайшимъ рескриптомъ, не разрѣшало возникшихъ недоразумѣній. Въ немъ указывалось, что уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно быть совершено не вдругъ, а *постепенно*. Для этого крестьяне обязаны находиться сначала въ состояніи *переходномъ*, должны быть болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, съ надлежащими ограниченіями и условіями. Затѣмъ, министръ утверждаетъ, что помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая ими въ собственность, какъ сказано выше, путемъ выкупа, и кромѣ того— надлежащее количество земли полевой. Опредѣливъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ усадебной осѣдлостью, министерское разъясненіе указываетъ, что вся остальная, затѣмъ, земля имѣнія должна быть раздѣлена на господскую и на отведенную въ пользованіе крестьянамъ. Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянамъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна постоянно оставаться въ пользованіи крестьянъ вообще.

Такимъ образомъ, эти дополненія не давали отвѣта на самые главные вопросы: обязаны ли крестьяне выкупить отводимыя имъ усадьбы въ теченіе переходнаго времени и прекращается ли ихъ пользованіе усадьбами, если они не смогутъ выкупить таковыхъ въ теченіе этого срока; должна ли полевая земля отводиться въ безсрочное или лишь временное пользованіе крестьянъ? И вотъ, лица, стоявшія за освобожденіе безъ земли, агитируютъ, опираясь

на высочайшую волю, и въ губернскихъ комитетахъ, и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, доказывая, что намѣреніе верховной власти состояло въ обезпеченіи крестьянъ землею въ теченіе лишь одного переходнаго времени, когда, въ видахъ предотвращенія бродяжничества, они должны быть болѣе или менѣе крѣпки землѣ. Борьба между двумя партіями, — съ одной стороны, стоявшей за освобожденіе съ землей, а съ другой—за освобожденіе безъ земли,—была упорная и исходъ ея, поскольку онъ выразился въ окончательныхъ размѣрахъ надѣла, свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой мѣрѣ трудно было побѣдить сопротивленіе защищавшихъ интересы помѣстнаго дворянства. Уже въ первомъ ходатайствѣ, съ которымъ обратилось къ правительству, подъ давленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, петербургское дворянство послѣ опубликованія рескрипта генералъ-адъютанту Назимову, видна попытка внести нѣкоторую поправку начатаго верховною властью великаго дѣла. Дворяне ходайствуютъ не о разрѣшеніи приступить къ обсужденію вопроса объ „*уничтоженіи крѣпостной зависимости* крестьянъ“, на которое прямо указывалось въ дополнительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-адъютанту Назимову, а объ „*улучшеніи* и *упроченіи быта* своихъ крестьянъ, точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ“. Попытка такого коренного измѣненія задуманной реформы не осталась безъ вліянія, и уже въ томъ разъясненіи, съ которымъ министръ Ланской обратился къ петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву, слова: „*уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ* должно быть совершено не вдругъ, а постепенно“, помѣщенныя въ его дополнительномъ отношеніи генералъ-адъютанту Назимову, замѣняются слѣдующими: „*будущее*, на основаніяхъ, въ высочайшемъ рескриптѣ изложенныхъ, *устройство сословія помѣщичьихъ крестьянъ* должно быть приведено въ дѣйствіе не вдругъ, а постепенно“.

Открытыя 4-го марта 1859-го года редакціонныя коммиссіи „для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ и дворянскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“, должны были съ самаго начала руководствоваться такъ называемыми высочайше преподанными началами (два журнала Главнаго Комитета, высочайше утвержденные 26 октября и 4 декабря 1858 г.) и вышеупомянутыми рескриптами. Въ вопросѣ о надѣленіи крестьянъ землей они обязаны были считаться съ тѣмъ пунктомъ I рескриптовъ, въ которомъ указывалось,

что *помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю*, и они должны были выяснить, дѣйствительно ли имѣлось въ виду обезпечить крестьянъ землей лишь въ теченіе только одного переходнаго времени. Въ засѣданіи 12-го августа 1859-го года М. П. Позенъ,—членъ коммиссій, горячо стоявшій за интересы помѣщиковъ,—возражая на одинъ изъ пунктовъ доклада, составленнаго кн. Черкасскимъ: „О правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ", выражалъ общее убѣжденіе крѣпостниковъ въ томъ, „что само правительство, давая программу губернскимъ комитетамъ, намѣревалось обезпечить крестьянъ землею, за опредѣленныя повинности, только на двѣнадцатилѣтній періодъ срочно-обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, т.-е. на періодъ переходный, что въ теченіе этого періода предоставлено крестьянамъ право на выкупъ только своей усадебной осѣдлости; что же касается до полевой земли, то по истеченіи переходнаго періода она, какъ неотъемлемая собственность помѣщика, должна возвратиться въ его свободное распоряженіе и можетъ быть имъ отдаваема и въ пользованіе крестьянъ, и на выкупъ, по его усмотрѣнію, вслѣдствіе чего право крестьянъ на пользованіе отведенными имъ на переходное время надѣлами не можетъ быть ни постояннымъ, ни безсрочнымъ" (Н. П. Семеновъ. „Освобожденіе крестьянъ", т. I, стр. 542). Отвѣчая на претензіи подобнаго рода, коммиссіи признаются, что онѣ „должны были убѣдиться изъ множества ими разсмотрѣнныхъ рукописныхъ проектовъ и мнѣній, что еще и донынѣ нѣкоторыя лица продолжаютъ поддерживать мнѣніе по крестьянскому вопросу, прямо противорѣчащее высочайше указаннымъ началамъ и клонящееся, въ той или другой формѣ, къ окончательному освобожденію крестьянъ безъ земли и къ болѣе или менѣе постепенному образованію изъ нихъ класса свободныхъ, но бездомныхъ и безземельныхъ работниковъ. Эта послѣдняя цѣль, не всегда ясно выраженная, не всегда равно сознаваемая даже тѣми, кто ее преслѣдуетъ, можетъ достигаться различнымъ образомъ: нѣкоторые предлагаютъ прямо освобожденіе крестьянъ безъ земли, другіе указываютъ на косвенныя мѣры, которыя неизбѣжно приведутъ къ тому же" (А. Скребицкій. „Крестьянское дѣло", т. I, стр. XCIII).

Но усилія лицъ, стоявшихъ за освобожденіе безъ земли, оказались тщетными, благодаря отпору, встрѣченному со стороны высшаго правительства и большинства членовъ редакціонныхъ коммиссій. Пользуясь поддержкой печати и опираясь на мнѣнія, которыя высказывались въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ, члены редакціонныхъ коммиссій, за немногими печальными исклю-

ченіями, отстаивали идею освобожденія крестьянъ съ землей. Эта идея была довольно распространена въ нашемъ обществѣ и находила защитниковъ въ кругахъ очень различнаго направленія—какъ среди западниковъ, такъ и славянофиловъ. Идею земельнаго надѣла крестьянъ, выстраданную Радищевымъ, завѣщали самые выдающіеся представители декабристовъ—Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ и Якушкинъ; она пропагандировалась петрашевцами и, не смотря на строгость цензуры, ее распространяла тогдашняя повременная печать, особенно „Современникъ", „Сельское Благоустройство" и „Атеней"; ее защищалъ изъ чужого далека въ высокой степени успѣшно Герценъ, являвшійся, по собственному его выраженію, „безцензурной рѣчью", „свободнымъ органомъ" всѣхъ близкихъ ему единомышленниковъ, вынужденныхъ молчать на родинѣ. И дѣйствительно, по справедливому мнѣнію В. И. Семевскаго, на сказанное авторомъ „Крещеной собственности" въ первой половинѣ 1850-хъ годовъ по крестьянскому вопросу можно смотрѣть какъ на коллективное заявленіе самыхъ передовыхъ людей русскаго общества наканунѣ новаго царствованія" („Крестьянскій вопросъ", т. II, стр. 614). Они вѣрили вмѣстѣ съ нимъ, что „полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ", что „должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ"; по ихъ убѣжденію, „освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе какъ съ надѣленіемъ ихъ землей", при чемъ—они полагали—„необходимо сохранить за крестьянами всю ту *землю, которою они теперь пользуются*". Эти мысли выражались въ разной формѣ—и въ формѣ циркулировавшихъ въ нашемъ обществѣ проектовъ объ освобожденіи, и въ видѣ записокъ, въ числѣ которыхъ стали особенно извѣстны записка Ю. Ѳ. Самарина: „О крѣпостномъ состояніи и переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ", переработанная имъ и пущенная „въ ходъ" въ 1856 г., и „Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи" (1855 г.) К. Д. Кавелина, въ которой онъ доказывалъ, что „крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить вполнѣ, совершенно изъ-подъ зависимости отъ ихъ господъ" и что „ихъ надлежало бы освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землей".

Раздѣляя въ общемъ тѣ же идеи, члены редакціонныхъ коммиссій возражаютъ успѣшно на всѣ домогательства защитниковъ помѣщичьихъ интересовъ. Они высказываются за обязательное надѣленіе крестьянъ землей и приступаютъ къ рѣшенію вопроса о его размѣрахъ. Устанавливая, что, кромѣ усадебной осѣдлости,

освобождаемымъ крестьянамъ должна отводиться и полевая земля, коммиссіи склонны въ началѣ отстаивать существующіе надѣлы. За этотъ размѣръ надѣленія высказывались также нѣкоторые комитеты (тверской, калужскій) и даже оффиціальныя лица (между прочимъ губернаторы петербургскій, казанскій, орловскій, псковскій, симбирскій), которые, вмѣстѣ съ оренбургскимъ губернаторомъ Барановскимъ, полагали, „что по неточности свѣдѣній, представленныхъ помѣщиками, и сознательному уменьшенію въ нихъ количества земли, выведенные комитетомъ средніе надѣлы по уѣздамъ окажутся вездѣ менѣе существующихъ и, слѣдовательно, не поведутъ къ улучшенію крестьянскаго быта“. За существующій надѣлъ стоялъ также Земскій Отдѣлъ, который въ замѣчаніяхъ на разные проекты Положеній, объяснялъ: „уменьшенные надѣлы не достигаютъ цѣли обезпеченія крестьянскаго быта и не представляютъ достаточныхъ средствъ къ исполненію обязанностей, не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ обстоятельствамъ и не согласны съ обычаями. Вообще... не настоитъ надобности входить въ соображеніе, сколько нужно надѣлить крестьянамъ земли для обезпеченія ихъ быта, когда есть уже готовый надѣлъ—нынѣ существующій. Его опредѣлилъ самъ помѣщикъ, когда, съ одной стороны, власть его была неограничена, а съ другой—у него не могло быть побужденія уменьшить его. Измѣнять его вслѣдствіе новаго устройства нѣтъ основанія“ (Скребицкій, т. II, 1 стр. 8).

Редакціонныя коммиссіи, съ своей стороны, указывали, что „искусственное опредѣленіе нормы надѣла въ каждой мѣстности представляетъ чрезвычайныя трудности и можетъ считаться дѣломъ совершенно несбыточнымъ. Несбыточность эта, кромѣ многихъ другихъ причинъ, обусловливается, главнымъ образомъ, тройственною невозможностью: опредѣлить съ надлежащею точностью самыя нужды крестьянина въ каждой мѣстности, исчислить дѣйствительную производительность поземельнаго надѣла въ каждой отдѣльной полосѣ Россіи, наконецъ оцѣнить, даже съ приблизительною достовѣрностью, степень выгоды, извлекаемой каждымъ крестьяниномъ изъ главныхъ и въ особенности вспомогательныхъ промысловъ, служащихъ восполненіемъ дохода, получаемаго отъ земли“ (Ibidem, стр. 32). При разсмотрѣніи въ коммиссіяхъ относящагося къ этому вопросу доклада Хозяйственнаго Отдѣленія, составленнаго княземъ Черкасскимъ—„Основаніе и размѣръ надѣла“,—были приведены, между прочимъ, слѣдующія соображенія. Я. А. Соловьевъ замѣтилъ, что „количество земли именно для крестьянъ очень дорого, и потому согласиться

на отрѣзку (отъ существующихъ надѣловъ) вообще я не могу ни въ какомъ случаѣ. Въ высочайшихъ рескриптахъ повелѣно дворянству улучшить бытъ крестьянъ, и редакціонныя коммиссіи должны принять это за основаніе своихъ положеній; поэтому именно уменьшать надѣлъ крестьянъ онѣ не имѣютъ никакого права" (Семеновъ, т. I, стр. 293). При этомъ онъ высказалъ въ высокой степени важную и вполнѣ справедливую мысль, что „*земля, которою пользовались крестьяне, принадлежала имъ*, такъ какъ помѣщикъ и при крѣпостномъ правѣ не могъ лишить ихъ надѣла земли; что, поэтому, тѣмъ менѣе можно предоставить ему это право послѣ ихъ освобожденія" (Ibidem, стр. 294). По мнѣнію другого члена коммиссій, Ю. Ѳ. Самарина, „существующій надѣлъ не есть случайность, а фактъ историческій, имѣющій огромное значеніе въ жизни русскаго крестьянства; не слѣдуетъ допускать ни наибольшаго, ни наименьшаго размѣра надѣла и вообще никакой отрѣзки земли у крестьянъ" (Ibid., стр. 296).

Но, отстаивая преимущества отвода существующихъ надѣловъ, коммиссіи, подъ давленіемъ помѣщичьей партіи, постепенно склоняются къ признанію ихъ какъ бы величиной исходной и считаютъ необходимымъ опредѣлять, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ своихъ членовъ, наибольшій и наименьшій размѣръ надѣленія. Они устанавливаютъ maximum, въ виду указаній на то, что сохраненіе существующихъ надѣловъ было бы несправедливостью въ отношеніи помѣщиковъ, которые щедро надѣляли своихъ крестьянъ землей; установленіемъ же minimum'а коммиссіи намѣрены исправить зло, созданное тамъ, гдѣ владѣльцы чрезмѣрно сокращали владѣнія крестьянъ. Они опредѣляютъ, что „въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ нынѣ существующій крестьянскій надѣлъ превышаетъ наибольшій размѣръ, тамъ помѣщику предоставляется отрѣзать этотъ излишекъ въ свое непосредственное владѣніе". Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ „крестьяне теперь пользуются меньшимъ противу установленнаго для ихъ мѣстности наименьшаго надѣла, тамъ помѣщикъ прирѣзываетъ къ крестьянскому надѣлу недостающее количество (если крестьяне согласятся принять оное за повинности) изъ угодій того же имѣнія, находящихся въ непосредственномъ владѣніи помѣщика" (Скребицкій, т. II, стр. 1). При опредѣленіи размѣра высшихъ нормъ коммиссіи стараются о томъ, чтобы „отрѣзки" излишней земли могли имѣть мѣсто только какъ исключенія. Установленіе minimum'а имѣло цѣлью не освящать несправедливость тѣхъ помѣщиковъ, которые заранѣе отобрали всѣ земли своихъ крестьянъ или значительно сократили

ихъ надѣлы; но при этомъ, для избѣжанія слишкомъ значительныхъ отрѣзокъ земли у помѣщиковъ, коммиссіи старались опредѣлить размѣръ minimum'а такъ, чтобы не приходилось прирѣзывать къ крестьянскому надѣлу слишкомъ часто, а только въ видѣ исключенія.

Однако, на этомъ дѣло не остановилось, и уже во второмъ періодѣ работъ коммиссій вопросъ о размѣрѣ надѣла поднимается снова. Когда прибыли въ Петербургъ депутаты второго призыва, тамъ упорно держался слухъ о недовольствѣ высшаго правительства демократическимъ характеромъ трудовъ редакціонной коммиссіи и объ измѣненіи взгляда правительства на крестьянскую реформу въ пользу помѣщичьихъ интересовъ. Слухъ этотъ получилъ особенную силу вслѣдствіе назначенія гр. Панина предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій (И. Иванюковъ, „Паденіе крѣпостного права", изд. 2, стр. 216).

Характеръ настроенія депутатовъ второго призыва ясенъ изъ слѣдующаго образчика. Выступая противъ отвода существующихъ надѣловъ, представитель большинства черниговскаго комитета высказывался такъ: „если опредѣленіе нормальныхъ надѣловъ, необходимыхъ для обезпеченія быта крестьянъ, и представляетъ безспорно нѣкоторыя затрудненія, то эти затрудненія преувеличены въ докладѣ Хозяйственнаго Отдѣленія; многимъ изъ комитетовъ удалось опредѣлить нормы надѣловъ, достаточно обезпечивающія бытъ крестьянъ". Онъ находилъ также, что „уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ совсѣмъ не представляется столь вреднымъ для крестьянъ, какъ полагаютъ коммиссіи. Съ уменьшеніемъ надѣловъ уменьшается работная повинность; крестьянинъ пріобрѣтаетъ тогда свободное время, которое дороже всего. Трудъ есть главный капиталъ человѣка. Вѣрнаго обезпеченія нѣтъ ни въ чемъ; но трудъ обезпечиваетъ крестьянина не менѣе, чѣмъ пользованіе землей". Изъ возраженій, послѣдовавшихъ со стороны членовъ коммиссіи, выяснилось, что трудность опредѣленія нормальныхъ размѣровъ надѣла доказывается тѣмъ, что происходило въ самомъ черниговскомъ губернскомъ комитетѣ, гдѣ большинство нашло достаточными нормы надѣловъ въ однихъ уѣздахъ въ $1^1/_4$ дес., въ другихъ въ $1^1/_2$, а въ третьихъ—въ 2 десятины на душу. Меньшинство же признавало эти надѣлы совершенно недостаточными и даже примѣненіе къ цѣлымъ уѣздамъ однѣхъ и тѣхъ же нормъ находило неправильнымъ, такъ какъ въ разныхъ частяхъ однихъ и тѣхъ же уѣздовъ губерніи почвы представляются крайне разнородными. „А потому, во избѣжаніе затруднительныхъ и даже неразрѣшимыхъ

для правительства споровъ о размѣрѣ нормальныхъ надѣловъ, оставленіе существующихъ и не превышающихъ установленныхъ закономъ предѣловъ представляется системой болѣе удовлетворительною, чѣмъ опредѣленіе нормальныхъ надѣловъ. Наконецъ, оставленіемъ существующихъ надѣловъ избѣгается во всякомъ случаѣ ломка во всѣхъ безъ исключенія имѣніяхъ установившихся между крестьянами хозяйственныхъ порядковъ, а подобная ломка, совпадающая какъ-разъ съ громаднымъ и безъ того экономическимъ переворотомъ въ жизни сельскаго населенія, никоимъ образомъ не можетъ быть желательною" (Семеновъ, т. II, стр. 72 и 73).

Какіе бы, однако, мотивы ни руководили рѣшеніемъ редакціонныхъ коммиссій, надо имѣть въ виду, что, отмѣняя крѣпостное право и регулируя поземельныя отношенія сторонъ, законодатель, кромѣ вопроса о цѣлесообразности надѣленія крестьянъ землей, обязательно *долженъ былъ считаться и съ правомъ ихъ на землю;* онъ не могъ игнорировать того, что крестьяне пользовались ею въ теченіе столѣтій, и что такое пользованіе являлось условіемъ самаго крѣпостного состоянія. Совершенно правильно полагалъ Я. А. Соловьевъ, что земля, находившаяся во владѣніи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, „принадлежала имъ", и это сказывалось, между прочимъ, въ томъ, что „помѣщикъ и при крѣпостномъ правѣ не могъ лишить ихъ надѣла земли". Ту же самую мысль, въ одномъ изъ засѣданій редакціонной коммиссіи, высказалъ Н. В. Калачовъ. Онъ говорилъ: „и исторія, и дѣйствующее русское законодательство указываютъ намъ, что помѣщикъ, какъ собственникъ земли, можетъ подлежать въ отношеніи къ ней ограниченіямъ... Въ законахъ гражданскихъ обозначено съ совершенною точностью, какою землею въ своемъ имѣніи помѣщикъ можетъ распоряжаться по праву собственности, безъ нарушенія правъ на нее крестьянъ, именно: къ ней отнесена вся та земля, которая превышаетъ количество $4^1/_2$ десятинъ на душу состоящаго при имѣніи населенія мужескаго пола по послѣдней ревизіи... Доселѣ это коренное постановленіе нашего законодательства, не подвергалось никакимъ другимъ ограниченіямъ; напротивъ того, возникшій вопросъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и надѣленіи ихъ землей послужилъ министру юстиціи, гр. Панину, основаніемъ къ циркулярному предписанію отъ 16 ноября 1858 г., за № 20302, о томъ, что помѣщики не должны продавать свою землю отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, если земли въ имѣніи окажется менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу" (Скребицкій, т. II, 2, стр. 1076).

И редакціонныя коммиссіи, съ своей стороны, защищали существующій надѣлъ „потому, что онъ не былъ явленіемъ произвольнымъ и лишеннымъ разумнаго основанія: онъ установился самъ собою, путемъ самымъ естественнымъ, въ силу вѣковыхъ отношеній и взаимныхъ выгодъ того и другого сословія" (II, 1, стр. 32). Правда, коммиссіи, — какъ указано выше, — вынуждены были уступить и, въ угоду помѣщичьей партіи, установили maximum и minimum. Съ этимъ не могли согласиться, однако, члены коммиссій, проникнутые мыслью, которая такъ прекрасно выражена въ письмѣ К. С. Аксакова къ Хомякову (1857 г.): „крестьянину при освобожденіи нужно не уничтоженіе названія крѣпостного... не возвращеніе только его личной свободы: ему нуженъ бытъ свободный, самостоятельный, обезпеченіе этого быта... ему нужна земля, обезпеченіе земли, которую онъ считаетъ *своею* и которою владѣетъ онъ и при помѣщичьей власти, по его твердому убѣжденію, какъ *своею*. Ему необходима земля, безъ которой ему этотъ бытъ невозможенъ. Пока вопросъ о собственности не рѣшался, помѣщикъ могъ считать землю своею, а крестьянинъ своею, и на дѣлѣ жить мирно, оставаясь каждый при своемъ убѣжденіи и взаимно пользуясь землей. Но какъ скоро подымется рѣшительный вопросъ: чья земля?—крестьянинъ скажетъ: *моя*,— *и будетъ правъ, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ помѣщикъ*" (Семевскій, II, стр. 418). Склонныя вначалѣ исходить изъ тѣхъ же основаній, редакціонныя коммиссіи, подъ напоромъ противниковъ реформы, дѣлаютъ новую уступку и во второмъ періодѣ работъ производятъ пониженіе первоначально установленныхъ высшихъ нормъ во всѣхъ трехъ полосахъ, на которыя были раздѣлены губерніи, согласно хозяйственнымъ условіямъ и размѣрамъ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ. Послѣ такого пониженія „коммиссіи выразили опасеніе, что принятые ими размѣры наибольшихъ надѣловъ малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ, и признавали, что они только обезпечиваютъ существованіе крестьянъ".

Не смотря на такое категорическое заявленіе, въ третьемъ періодѣ работъ коммиссій, послѣ повѣрки проектированныхъ надѣловъ на мѣстахъ и разбора возраженій депутатовъ, дѣлается новое распредѣленіе губерній, соединенное съ новымъ пониженіемъ нормъ. Пониженіе коснулось 42-хъ уѣздовъ черноземной полосы, гдѣ, вмѣсто 6-ти, образовалось теперь 10 мѣстностей; въ нечерноземной полосѣ пониженіе произведено въ 73 уѣздахъ, при чемъ, вмѣсто 7, получилось 13 мѣстностей. Нормы понижены въ малороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, а также

въ новороссійскомъ краѣ. Такимъ пониженіемъ коммиссія явно нарушила ею же установленное основаніе надѣленія крестьянъ. По ея словамъ, она „приняла систему существующихъ надѣловъ, потому что такіе надѣлы, за немногими исключеніями, представляютъ лучшее и даже единственное правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина“. Отсюда логически слѣдовало и другое первоначальное постановленіе коммиссіи, что „отрѣзки земли у крестьянъ должны имѣть характеръ лишь исключенія, а никакъ не общаго правила“. Но можно ли назвать исключеніемъ такое уменьшеніе надѣловъ, при которомъ подвергается ему въ уѣздѣ болѣе половины населенія и когда число такихъ уѣздовъ весьма значительно? (И. Иванюковъ, стр. 260). Дѣло, однако, не становилось и на томъ: убавленныя въ третьемъ періодѣ нормы были еще понижены Государственнымъ Совѣтомъ при заключительной редакціи „Положеній“.

Окончательно установленный надѣлъ этотъ, даже въ высшихъ нормахъ, не могъ быть пригоденъ для истиннаго „обезпеченія быта“ крестьянъ и совсѣмъ не удовлетворялъ ихъ справедливымъ претензіямъ. Но если высшія нормы не соотвѣтствовали ожиданіямъ крестьянъ, и если „отрѣзки“ отъ существующихъ надѣловъ являлись безспорной несправедливостью, то все же положеніе надѣленныхъ по такимъ нормамъ, оказывалось много лучше положенія тѣхъ, которые получили надѣлъ по нормамъ низшимъ. Возможность отводить землю въ уменьшенномъ размѣрѣ открывалась довольно легко. Это достигалось съ помощью ст. 20 Мѣстн. Великор. Пол. и ст. 14 Мѣстн. Малоросс. Пол., которыя предоставляли помѣщику важное право оставить въ своемъ распоряженіи 1/3 имѣнія или даже 1/2 его въ степной полосѣ. На основаніи этихъ статей помѣщикъ имѣлъ полную возможность сокращать существовавшіе до освобожденія размѣры надѣла до низшей нормы и даже до предѣловъ еще болѣе низкихъ, „отрѣзая“ излишки въ свою пользу. Затѣмъ, надо помнить тѣ поистинѣ несправедливыя „отрѣзки“, которыя совершались въ силу ст. 121, 122 и особенно въ силу прославленной ст. 123 Мѣстн. Великор. Пол., подъ покровомъ которой совершались вопіющія „добровольныя соглашенія“ къ полученію даровыхъ и „нищенскихъ“ надѣловъ. Какое могли имѣть значеніе для крестьянъ эти жалкіе клочки земли, если и высшія-то нормы отнюдь не служили дѣйствительнымъ „обезпеченіемъ“ для

нихъ. Отводъ надѣловъ уменьшенныхъ, особенно же четвертныхъ, нищенскихъ, въ сущности только прикрѣплялъ крестьянъ къ землѣ и обезпечивалъ помѣщикамъ обязательныхъ съемщиковъ ихъ земли и необходимыя рабочія руки, о чемъ такъ усиленно хлопотали въ губернскихъ комитетахъ, а также представители партіи крѣпостниковъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Въ этихъ послѣднихъ, напримѣръ, депутаты рязанскаго комитета Офросимовъ и кн. Волконскій, возражая противъ отвода существующихъ надѣловъ, высказывали: „оставить и послѣ упраздненія крѣпостного права эти размѣры крестьянскихъ надѣловъ, значитъ лишить произвольно и безвозмездно большинство помѣщиковъ не только части ихъ земель, но и возможности продолжать свои хозяйства. *Не пойдутъ работать по найму тѣ крестьяне, у которыхъ на своихъ поляхъ работы вдоволь*... Въ число нынѣшнихъ надѣловъ входятъ еще часто отводимыя крестьянамъ подъ покосъ степи... Крестьянинъ распашетъ эти степи, и тогда не только не пойдетъ работать къ помѣщику, но часто еще самъ будетъ нуждаться въ работникахъ“ (Скребицкій, II, 1, стр. 85 и 86). Вполнѣ откровенно высказывается о томъ же и членъ нижегородскаго комитета Русиновъ. Чѣмъ менѣе, говоритъ онъ, будетъ земли у крестьянъ, „тѣмъ скорѣе будетъ развиваться хлѣбопашество на болѣе раціональныхъ правилахъ, потому что оставшіяся земли отъ прежняго надѣла крестьянскаго, конечно, помѣщиками будутъ сдаваться хорошимъ и надежнѣйшимъ хлѣбопашцамъ, на добровольныхъ условіяхъ; *вотъ уже начало фермерства*... У крестьянъ, за обработкой своихъ участковъ, останется свободное время, которымъ они воспользуются, получая по вольнымъ цѣнамъ плату за обработку помѣщичьихъ полей. Въ вольномъ трудѣ надо искать дѣйствительнаго улучшенія быта крестьянскаго“ (Ibidem, стр. 129; о томъ же стр. 90, 91, 98, 113, 114, 116 и т. д.).

Разбирая возраженія этого рода и остановясь на „самыхъ полныхъ и тщательныхъ“ изъ нихъ,—на мнѣніяхъ Офросимова и кн. Волконскаго, а также на общемъ мнѣніи 34 членовъ второго приглашенія, — редакціонныя коммиссіи высказали свѣдующее совершенно правильное заключеніе. Онѣ полагали, что противники надѣленія крестьянъ землею стремятся доказать „необходимость искусственнымъ образомъ уменьшить степень нынѣшняго вещественнаго обезпеченія освобождаемыхъ крестьянъ, дабы немедленнымъ ограниченіемъ ихъ земельнаго надѣла поставить ихъ въ бóльшую зависимость отъ капитала и землевладѣльца“. Пожеланія эти, къ сожалѣнью, осуществились въ дѣй-

ствительности: благодаря, главнымъ образомъ, вышеуказаннымъ статьямъ Положенія 19-го февраля, разрѣшавшимъ отводъ надѣловъ въ низшемъ размѣрѣ, въ значительной части нашего отечества, и въ части земледѣльческой по преимуществу, крестьяне, послѣ отмѣны крѣпостной зависимости, были вынуждены самыми условіями надѣла превратиться или въ обязательныхъ съемщиковъ помѣщичьей земли, или въ батраковъ.

Въ такомъ же положеніи, впрочемъ, оказались во многихъ мѣстахъ и крестьяне, получившіе земельный надѣлъ по высшимъ нормамъ. Печальный результатъ этотъ произошелъ вслѣдствіе того, что при опредѣленіи нормъ надѣла не было обращено должнаго вниманія на его составъ—на соотношеніе отдѣльныхъ угодій, правильная комбинація которыхъ безусловно необходима для успѣшнаго веденія хозяйства. Редакціонныя коммиссіи пытались остановиться на этомъ вопросѣ, но встрѣтились съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ постановленій губернскихъ комитетовъ, которое оказалось „даже между мнѣніями большинства и меньшинства однихъ и тѣхъ же комитетовъ". Трудность разрѣшенія этой задачи, по мнѣнію коммиссій, состояла въ слѣдующемъ: „если искусственное опредѣленіе общаго количества угодій, нужныхъ для обезпеченія крестьянина, вообще признано дѣломъ слишкомъ затруднительнымъ, то тѣмъ труднѣе еще на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній, при совершенномъ отсутствіи точныхъ статистическихъ данныхъ для каждой мѣстности, изобрѣтать тѣ новыя соотношенія, въ которыхъ могутъ быть поставлены, въ каждой полосѣ, различные виды угодьевъ" (Скребицкій, II, 1, стр. 229). Кромѣ того, видно еще стремленіе, „клонящееся къ ограниченію крестьянскаго надѣла почти исключительно однимъ видомъ угодій", напримѣръ одною пахатною землей, при чемъ вовсе отстраняется или, по крайней мѣрѣ, сокращается до послѣднихъ предѣловъ пользованіе другого рода угодьями, напримѣръ лѣсомъ, лугами и проч., даже тамъ, гдѣ эти угодья почти столько же необходимы для крестьянина, какъ и самая пашня" (стр. 230). Коммиссіи полагали возможнымъ выйти изъ всѣхъ этихъ затрудненій при помощи отвода крестьянамъ существующихъ надѣловъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ „правительству не предстояло нужды искать невозможнаго опредѣленія, для каждой отдѣльной мѣстности или полосы Россіи, нормальнаго соотношенія между различными видами угодій въ крестьянскомъ надѣлѣ; ибо это соотношеніе всякій разъ укажется ему фактомъ, дѣйствительно въ жизни существующимъ и

выработавшимся постепенно, съ развитіемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій" (Ibidem).

Къ сожалѣнію, ожиданія коммиссій не оправдались; и въ этомъ случаѣ оказался болѣе предусмотрительнымъ гр. Шуваловъ, видный защитникъ дворянскихъ интересовъ. Онъ полагалъ, что „при сознаваемой самими коммиссіями необходимости подвергнуть крестьянскій надѣлъ новому разграниченію, нельзя признать, чтобы и существующимъ надѣломъ достигалось сохраненіе за крестьянами тѣхъ угодій, которыя на самомъ дѣлѣ обезпечивали ихъ существованіе (Ibid., стр. 34). Именно такъ это и произошло въ дѣйствительности. Крестьянамъ были отведены недостаточные и самые жалкіе покосы и, какъ общее правило, они не получили лѣсныхъ угодій. Отсюда — недостатокъ корма для скота и необходимость аренды покосовъ; отсюда же — необходимость пріобрѣтать топливо, не говоря уже о строительномъ матеріалѣ. Еще бо̀льшая зависимость крестьянъ отъ бывшаго своего владѣльца возникала, однако, изъ того, что при отводѣ земли въ надѣлъ не было принято во вниманіе очень важное право, которымъ пользовались крестьяне въ крѣпостномъ состояніи: право свободнаго прогона и пастьбы скота на владѣльческой землѣ. Съ момента освобожденія крестьяне лишились этого права и вынуждены были, за разрѣшеніе прогнать и пасти скотъ на помѣщичьихъ угодьяхъ, заключать весьма тяжелыя условія, въ большинствѣ случаевъ обязываясь исполнять разнообразныя работы въ пользу помѣщика. Эти такъ называемые „отработки", въ сущности тотъ же крѣпостной трудъ, и возникли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что крестьяне были вынуждены пользоваться выпасомъ для скота или „привольемъ" на сосѣдней землѣ. Если недостатокъ собственныхъ покосовъ вынуждалъ крестьянъ къ арендованію таковыхъ, то они, по крайней мѣрѣ, могли искать болѣе выгодныхъ покосовъ на сравнительно обширномъ районѣ и часто косили для себя въ разстояніи десятковъ верстъ отъ своего селенія. Но, по условіямъ всего хозяйственнаго уклада, крестьяне должны обязательно пасти скотъ вблизи своего мѣстожительства и, слѣдовательно, вынуждены вступать въ соглашеніе о пастьбѣ непремѣнно съ сосѣднимъ землевладѣльцемъ. Понятно, въ какой зависимости они принуждены находиться отъ этого послѣдняго. Къ тѣмъ же послѣдствіямъ вели и пріемы отвода надѣльной земли въ натурѣ. Крестьяне ставились въ подневольныя отношенія вслѣдствіе того, что границы, отдѣляющія ихъ владѣнія отъ земли бывшаго помѣщика, проводились часто въ высшей степени неудобно и со-

здавали такъ называемыя „ловушки", разсчитанныя на полученіе установленнаго штрафа за то, что крестьянскій скотъ попадется на владѣльческой землѣ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какое отчаянное положеніе создавалось для крестьянъ вслѣдствіе проведенія невыгодныхъ границъ и отвода надѣла кусочками въ разныхъ мѣстахъ, достаточно ознакомиться съ прекраснымъ изданіемъ статистическаго отдѣленія московской губ. зем. управы, составленнымъ подъ руководствомъ П. Вихляева: „Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг.", т. IV, вып. 1, и съ трудомъ проф. А. А. Мануилова: „Планы арендныхъ угодій въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской губерніи" („Труды Высочайше учрежд. особаго совѣщанія"). По этому поводу проф. Мануиловъ высказывается въ своемъ сочиненіи „Аренда земли въ Россіи" такъ: „неудобное расположеніе крестьянскихъ земель относительно частновладѣльческихъ имѣетъ настолько важное значеніе, что иногда крестьяне оказываются вынужденными изъ-за этого отдавать свой трудъ совершенно даромъ, не получая взамѣнъ его ни клочка земли въ аренду" (стр. 40, 41).

Крестьяне вынуждены были мириться съ такими тяжелыми условіями и въ теченіе долгаго времени послѣ освобожденія даже были лишены права переселяться на свободныя, незанятыя земли. „Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за освобожденіемъ крестьянъ",—свидѣтельствуетъ оффиціальный источникъ,—„какъ въ правительственныхъ кругахъ, такъ и въ широкихъ кругахъ помѣстнаго дворянства, господствовало, *по соображеніямъ экономическаго характера*, рѣзко выраженное неблагопріятное для переселенческаго движенія настроеніе, вызвавшее даже рядъ репрессивныхъ по отношенію къ нему мѣропріятій" („Современное положеніе переселенческаго дѣла и его нужды. Справка для членовъ Госуд. Думы. 1907 г.", стр. 6). Доказательствомъ этому служитъ отрицательное, по словамъ другого оффиціальнаго изданія, отношеніе законодательства „къ вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ, въ значительной степени вызывавшееся опасеніемъ, чтобы дарованіе освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ права переселенія на свободныя, казенныя земли не привело къ развитію въ ихъ средѣ излишней „подвижности" и „бродяжничества" и не возбудило среди нихъ несбыточныхъ ожиданій общаго дополнительнаго надѣленія ихъ землей"... („Сибирская желѣзная дорога въ ея прошломъ и настоящемъ", стр. 294).

Не имѣя возможности измѣнить условій существованія пу-

темъ переселенія въ болѣе привольныя мѣста, крестьяне не въ состояніи были улучшить свое положеніе и покупкою земли. Отдѣльные, болѣе состоятельные изъ нихъ, конечно, пріобрѣтали ее; но крестьянство въ цѣломъ, лишенное собственныхъ покупательныхъ средствъ, не находило и соотвѣтствующаго кредита для покупки земли. Въ теченіе почти четверти столѣтія со времени освобожденія крестьянъ правительство не только не принимало никакихъ мѣръ къ организаціи спеціальнаго кредита для этой цѣли, но, подъ вліяніемъ господствующаго настроенія, было явно противъ всякихъ мѣръ, облегчающихъ крестьянамъ пріобрѣтеніе земли. Крестьянскій поземельный банкъ учрежденъ только въ 1882 г. и ему указаны весьма скромныя рамки дѣятельности. Установивъ несообразно высокій процентъ за ссуды (чуть не на одну треть выше того, который взимался въ Дворянскомъ банкѣ) при низкихъ оцѣнкахъ земли, и потребовавъ, вслѣдствіе того, значительныхъ доплатъ изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ, банкъ сдѣлался вскорѣ органомъ кредита для болѣе состоятельныхъ изъ крестьянъ. Результатъ его дѣятельности со времени открытія за двадцать лѣтъ весьма незначителенъ: съ помощью его крестьяне пріобрѣли до декабря 1903 г. всего лишь около 3½ милліоновъ десятинъ.

Понятно, при такихъ условіяхъ зависимыя отношенія крестьянъ къ бывшимъ ихъ владѣльцамъ усиливались безпрепятственно. Фактъ этотъ свидѣтельствовалъ, прежде всего, о томъ, что когда рѣшался вопросъ о надѣленіи, интересы освобождаемыхъ были приняты во вниманіе далеко недостаточно; иначе говоря, при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній права крестьянъ не были учтены какъ слѣдовало бы и принесены въ жертву землевладѣльцамъ. Это вполнѣ очевидно тамъ, гдѣ крестьяне вынуждались удовольствоваться надѣлами низшихъ нормъ, тамъ, гдѣ помѣщикъ прямо и просто отрѣзалъ въ свою пользу бо́льшую часть той земли, которая находилась въ обладаніи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ. Здѣсь правонарушеніе являлось совершенно безспорнымъ и столь же безспорно было прямое отступленіе отъ основной идеи высочайшихъ рескриптовъ—предоставить въ пользованіе крестьянъ „надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли“. Но несомнѣнно, что нарушеніе крестьянскихъ интересовъ произошло и тамъ, гдѣ они получили надѣлъ хотя и по высшимъ нормамъ, но составъ котораго былъ невыгоденъ, или гдѣ границы крестьянской земли оказывались неудобными.

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, такимъ образомъ, желаніе помѣщичьей партіи осуществилось: по недостатку или по неудобству отведенныхъ надѣловъ, крестьяне принуждены стать обязательными арендаторами помѣщичьей земли и подневольными батраками. Оправдалось также предсказаніе земскаго отдѣла и редакціонныхъ коммиссій, предусматривавшихъ, что „если крестьяне не будутъ обезпечены достаточнымъ количествомъ земли, то могутъ впасть въ матеріальную зависимость отъ прежнихъ владѣльцевъ, иногда еще болѣе тяжкую, чѣмъ крѣпостное состояніе“ (Ю. Янсонъ, „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, стр. 127). Дѣйствительно, „благодаря отработкамъ, частный землевладѣлецъ получаетъ возможность вести собственную запашку, дѣлая притомъ очень незначительныя затраты. Отработки даютъ возможность не только обходиться безъ найма работниковъ въ страдную пору, но даже не держать у себя сельско-хозяйственныхъ орудій и скота. Они обнимаютъ собою весь циклъ работъ деревенскаго обихода: посредствомъ отработковъ производятся всѣ сельско-хозяйственныя работы по обработкѣ полей и уборкѣ хлѣба и сѣна, запасаются дровами, перевозятъ грузы, набиваютъ льдомъ погреба, чинятъ мосты, дороги, чистятъ сады, огороды и проч.“ (А. А. Мануиловъ. „Аренда земли въ Россіи“, стр. 41).

Тяжелое положеніе крестьянъ останавливало вниманіе изслѣдователей уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Развитіе вынужденной аренды, аренды такъ называемаго продовольственнаго типа, и быстрый подъемъ наемной цѣны за землю констатируются кн. Васильчиковымъ: „въ окрестностяхъ имѣній, перешедшихъ на такъ называемый даровой или нищенскій надѣлъ, наемная плата на земли установляется почти произвольно немногими богатѣйшими собственниками-землевладѣльцами, и крестьяне нанимаютъ свои прежнія пашни по цѣнѣ, возрастающей съ каждымъ годомъ“ („Землевладѣніе и земледѣліе“, т. I, стр. 513). Съ тѣхъ поръ условія найма земли у насъ выяснены съ большой подробностью въ земскихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ,— данныя которыхъ подтверждаются и въ трудахъ „Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“. Матеріалы этихъ изслѣдованій свидѣтельствуютъ не только о распространенности аренды, но и о неизбѣжности ея для веденія крестьянскаго хозяйства: если бы крестьянинъ лишился аренды, то его хозяйство „станетъ невозможнымъ, потому что изъ состава хозяйственной организаціи вы-

падутъ необходимые элементы — будь то недостающіе въ крестьянскомъ надѣлѣ покосы, выгоны или попасы (паръ, ржище, овсянье), или просто прогоны для скота, клинья, разъединяющія крестьянскія угодья и проч." („Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ". „Аренда", стр. 5).

Весьма понятно, что съ первыхъ дней нашего политическаго пробужденія, какъ только зародились у насъ политическія партіи, въ ихъ программы вносится вопросъ о настоятельныхъ нуждахъ деревни и о мѣрахъ къ подъему хозяйственнаго положенія крестьянъ. Исходя изъ точно установленныхъ фактовъ, программы прогрессивныхъ партій останавливаютъ вниманіе на больныхъ мѣстахъ нашего аграрнаго строя и предлагаютъ средства для ихъ исцѣленія, большею частью уже давно намѣченныя нашею печатью: расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, пересмотръ постановленій объ арендѣ, реформа Крестьянскаго банка, правильная организація переселеній и т. д. Но ни одному изъ перечисленныхъ предложеній не суждено было осуществиться, и послѣ роспуска первой Государственной Думы правительство принимаетъ рядъ мѣръ, частью въ порядкѣ ст. 87 осн. зак., которыми опредѣляется новое направленіе въ нашей земельной политикѣ, совершенно противоположное началамъ Положеній 19-го февраля. Отмѣняя общинное землевладѣніе и устанавливая, вмѣсто него, личную собственность крестьянъ на надѣльную землю, правительство стремится разселить обитателей деревень по хуторамъ и хлопочетъ объ округленіи крестьянскихъ владѣній; разрѣшая свободу мобилизаціи крестьянской земельной собственности, оно надѣется создать въ средѣ крестьянъ сильныхъ хозяевъ, которые, посредствомъ скупки надѣловъ у маломощныхъ односельчанъ, будутъ основывать свое благополучіе на разореніи большинства. Такая политика встрѣчаетъ, какъ извѣстно, полнѣйшее одобреніе въ третьей Думѣ, въ программу которой совсѣмъ не входитъ забота о благополучіи деревни.

Порождая полчища бездомныхъ, о появленіи которыхъ такъ хлопотали въ періодъ освобожденія защитники помѣщичьихъ интересовъ, политика эта способствуетъ болѣе быстрому развитію вынужденной аренды; она ведетъ къ широкому распространенію у насъ земельныхъ съемщиковъ, на подобіе тѣхъ, которые извѣстны на нашемъ Югѣ подъ именемъ „десятинщиковъ". Нельзя допустить, конечно, чтобы прогрессирующее государство могло въ теченіе продолжительнаго времени относиться безучастно къ явленіямъ такого рода, и нѣтъ сомнѣнія, что, какъ бы ни противились правящія сферы, въ задачи нашихъ законодательныхъ

учрежденій долженъ во всякомъ случаѣ войти пересмотръ постановленій о земельной арендѣ и регулированіе ея согласно требованіямъ современной доктрины.

Съ точки зрѣнія послѣдней, господствующая у насъ аренда, аренда продовольственная—явленіе крайне болѣзненное и весьма серьезное. Возникшая изъ условій освобожденія крестьянъ, она, какъ и обязательный трудъ, укоренившійся подъ видомъ разныхъ „отработковъ“, свидѣтельствуетъ, прежде всего, о недостаточномъ надѣленіи крестьянъ землей. Существуя и развиваясь въ теченіе полустолѣтія, продовольственная аренда и „отработки“ *служатъ показателемъ размѣра земельной нужды крестьянъ*; кромѣ того эта аренда и вынужденный трудъ, въ большинствѣ случаевъ установивъ тѣсную связь земледѣльца съ обрабатываемой землей, *дали прочное основаніе его праву на землю*, которое такъ вѣрно формулировано Радищевымъ: „*кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея*“? Признаніе этого права было бы несомнѣннымъ продолженіемъ реформы 61-го года, вполнѣ соотвѣтствующимъ ея духу, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ такое признаніе явилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ справедливымъ возмѣщеніемъ за то, что законные интересы крестьянъ были несправедливо нарушены при регулированіи отношеній крѣпостныхъ къ ихъ бывшимъ владѣльцамъ.

А. Посниковъ.

ВОЕННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Война 1877-го года.

Послѣ осады Парижа сначала нѣмецкими, а потомъ верееальскими войсками, я полагалъ, что покончилъ навсегда свою военную карьеру. Вдругъ вспыхнула русско-турецкая война, сколько помнится—такъ же для всѣхъ неожиданно, во всякомъ случаѣ такъ же безцѣльно, какъ и франко-прусская 1870 г. Идти за нѣсколько тысячъ верстъ „освобождать" полудикихъ болгаръ и, притомъ, съ разстроенными финансами и неорганизованной еще арміей—это было смѣлое предпріятіе, которое никакая логика не позволяла предвидѣть. У нѣмцевъ въ 1870-мъ году еще была нѣкоторая практическая подкладка: съ одной стороны, забота объ упроченіи династіи Гогенцоллерновъ, съ другой—намѣреніе объединить Германію и пріобрѣсти двѣ богатыхъ французскихъ провинціи. А тутъ, кромѣ неопредѣленно сентиментальныхъ, филантропическихъ стремленій, ничего не было, и въ самомъ благопріятномъ случаѣ для обѣихъ сторонъ дѣло могло привести только къ отрицательнымъ результатамъ. Для меня, привыкшаго судить о политикѣ съ положительной точки зрѣнія, такая война не могла быть симпатичной, и при другихъ обстоятельствахъ я конечно не принялъ бы въ ней участія. Но за мной былъ мой грѣхъ 1870-го года: не будучи еще французскимъ гражданиномъ, я сталъ въ ряды защитниковъ Парижа; отсюда прямо вытекала для меня обязанность предложить свои посильныя услуги отечественной арміи.

Пока я переписывался съ друзьями и размышлялъ о томъ, какъ и гдѣ могъ бы я быть полезнымъ, въ серединѣ іюня по-

лучилъ я изъ Тифлиса приглашеніе вступить въ Красный Крестъ. Я поспѣшилъ принять это приглашеніе, которое совершенно соотвѣтствовало моимъ намѣреніямъ; съ моимъ опытомъ въ дѣлѣ помощи раненымъ я могъ дѣйствительно въ этой сферѣ принести пользу. Не долго думая, отправился я изъ Парижа прямо на Востокъ, захвативъ съ собой пріятеля Шварца, молодого доктора, также принимавшаго участіе въ оборонѣ Парижа и желавшаго воспользоваться случаемъ сдѣлать любопытное путешествіе.

Путешествіе наше было и долго, и скучно, и утомительно. Не знаю, какъ теперь, но въ то время на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ скорыхъ поѣздовъ не было; изъ Ростова во Владикавказъ, т.-е. 500 верстъ, ѣхали мы цѣлыя сутки; международнаго прямого сообщенія не существовало, много разъ надо было останавливаться на нѣсколько часовъ, а то и на цѣлый день или цѣлую ночь. Для людей, привыкшихъ къ западнымъ порядкамъ, это было настоящее мученье. Когда я выѣзжалъ изъ Парижа, меня озабочивала мысль о томъ, что я опоздаю и что предпринятое мною странствованіе окажется совершенно ненужнымъ. Дѣйствительно, въ то время побѣды слѣдовали за побѣдами. Ардаганъ взятъ, Баязетъ нами занятъ, Карсъ обложенъ. Казалось, что вотъ, вотъ турецкая армія будетъ разсѣяна и война кончена. Но уже во время моего восьмидневнаго путешествія отъ береговъ Сены до подножія Кавказскаго хребта дѣла сильно измѣнились: Тергукасовъ, шедшій на соединеніе съ корпусомъ, осаждавшимъ Карсъ, долженъ былъ отступить; Гейманъ потерпѣлъ пораженіе подъ Зевинымъ, Баязетъ съ оставленнымъ въ немъ слабымъ гарнизономъ былъ окруженъ непріятелемъ... Нужно было, слѣдовательно, торопиться попасть въ дѣйствующую армію.

Во Владикавказѣ снабдили меня какой-то спеціальной подорожной, съ которой, какъ меня увѣряли, я вездѣ найду лошадей. И мы дѣйствительно благополучно проѣхали, оставляя за собой на каждой станціи цѣлый рядъ экипажей, давно уже стоявшихъ безъ лошадей. Въ пять часовъ утра сѣли мы на перекладныя и помчались по военно-грузинской дорогѣ. Мой спутникъ, докторъ Шварцъ — милѣйшій человѣкъ, умный, образованный и веселый, былъ, не смотря на свою нѣмецкую фамилію, одинъ изъ тѣхъ истыхъ парижанъ, которые никогда не переступали границы Сенскаго департамента. Все казалось ему новымъ, но на все онъ смотрѣлъ крайне скептически: его бока никакъ не могли приспособиться къ необычайно тряской телѣгѣ; его желудокъ никакъ не могъ переваривать дѣйствительно не со-

всѣмъ удобоваримую пищу станціонныхъ буфетовъ. Очевидно было, что онъ къ этимъ нѣсколько первобытнымъ способамъ путешествія не привыкнетъ; дѣйствительно, онъ не выдержалъ и двухъ недѣль и вернулся въ Европу совсѣмъ больной. До Тифлиса добрались мы скоро, безъ особыхъ приключеній, кромѣ того, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города мы попали въ тучу летѣвшей саранчи, которая толстымъ слоемъ покрыла насъ и нашу телѣгу.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ тѣхъ красотъ природы, которыми столь любовался въ прекрасной прозѣ и безподобныхъ стихахъ Лермонтова. Проза и стихи оказались, однако—по крайней мѣрѣ на мой взглядъ,—гораздо лучше дѣйствительности. Не то чтобы Терекъ и Дарьялъ, Казбекъ и Эльборусъ не были живописны, и очень понятно, что люди, привыкшіе къ степямъ и равнинамъ, были поражены этимъ новымъ для нихъ зрѣлищемъ; но я на своемъ вѣку видѣлъ столько горъ и ущелій, столько скалъ и ледниковъ, что у меня невольно возникали сравненія, въ памяти возникали одна за другой картины еще живописнѣе тѣхъ, какія представляла военно-грузинская дорога.

О Тифлисѣ говорить не стоитъ. Это одинъ изъ тѣхъ городовъ въ родѣ Смирны, Александріи, Туниса, Алжира, въ которыхъ уживаются, не особенно мѣшая другъ другу, нѣсколько просвѣтившійся дикій Востокъ и сильно одичалая западная цивилизація. Эта смѣсь самыхъ разнообразныхъ, враждебныхъ между собой національностей и русскаго чиновничества, которое становилось, неизвѣстно по какимъ причинамъ, на сторону то одной, то другой изъ нихъ, представлялась мнѣ совершенно безпорядочной мозаикой. Не смотря на то, что въ Тифлисѣ я нашелъ все свое семейство — мать, брата и замужнюю сестру, пробылъ я въ немъ не долго: очень ужъ я спѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій. Я, конечно, сейчасъ же представился своимъ будущимъ начальникамъ; но оказалось, что главное начальство было не тутъ. Предсѣдательницей кавказскаго Краснаго Креста была жена намѣстника, великая княгиня Ольга Ѳеодоровна, которая очень ревностно исполняла свои обязанности и находилась въ то время въ Александрополѣ, гдѣ было много госпиталей и, между прочимъ, образцовый госпиталь, устроенный на средства Краснаго Креста. Пришлось ѣхать въ Александрополь. Это грязный, дрянной городишко, замѣчательный развѣ тѣмъ, что при немъ находится совсѣмъ ненужная „крѣпость“, которую скорѣе можно бы было назвать „слабостью“: она годилась развѣ противъ кремневыхъ ружей и мѣдныхъ пушекъ, а между тѣмъ

занимала много мѣста и требовала постояннаго, дорого стоющаго ремонта.

Великая княгиня приняла меня очень любезно, безъ всякихъ придворныхъ церемоній; онѣ впрочемъ вовсе не шли бы къ той скромной обстановкѣ, въ которой волею обстоятельствъ ей приходилось жить. Какъ умная женщина, она приноравливалась ко всѣмъ случайностямъ походной жизни и дѣлала свое дѣло просто, безъ всякихъ излишнихъ затѣй. Я ей высказалъ откровенно свои взгляды, радикально отличные отъ тѣхъ, которые тогда практиковались, просилъ назначить меня на мѣсто, гдѣ я могъ бы ихъ безпрепятственно приложить на практикѣ, и поддержать меня, если то понадобится. Она послала меня въ Эриванскій отрядъ, гдѣ, по ея словамъ, Красный Крестъ былъ въ страшномъ безпорядкѣ, не принося никакой пользы, и обѣщала устранять могущія встрѣтиться препятствія. Обѣщаніе свое она исполнила, и я сохраняю о моихъ сношеніяхъ съ ней не только пріятное, но и благодарное воспоминаніе.

Опять поскакали мы съ Шварцемъ на перекладной по горамъ, хотя ужъ не столь высокимъ, и доламъ, не столь живописнымъ. Пріѣхали мы въ Эривань поздно вечеромъ, я—до крайности голодный, мой товарищъ—до того разбитый, что, не дождавшись ужина, не раздѣваясь, легъ на диванъ и проспалъ десять часовъ кряду. На другой день, посѣтивъ разныя мѣстныя власти,—губернатора, полиціймейстера, прокурора,—которые всѣ имѣли такъ или иначе касательство къ Красному Кресту, совершили мы свой послѣдній переѣздъ изъ Эривани въ Игдырь, гдѣ находился Тергукасовъ со всѣмъ своимъ штабомъ. Хотя тутъ было всего не болѣе семидесяти верстъ, это была самая ужасная часть нашего путешествія. До сихъ поръ мы катили по отлично содержимому шоссе, а тутъ передъ нами было то, что въ Россіи называется „большой дорогой“, т.-е. путь, созданный не умѣлой рукой человѣка, а безхитростной природой, необычайно грязный, когда идетъ дождь, и сверхъестественно пыльный, когда грѣетъ солнце. Тотъ, кто не имѣлъ случая проѣзжать въ лѣтнее время по долинѣ Аракса, не можетъ себѣ представить, что̀ такое тамошняя пыль; хотя я объѣхалъ много самыхъ разнообразныхъ странъ, но такой пыли я нигдѣ не видалъ. Она до того тонка, что въ самое короткое время проходитъ сквозь одежду, какая бы она ни была, и проникаетъ въ кожу, такъ что отъ нея трудно и отчиститься, и отмыться.

Дѣло было въ самыхъ первыхъ числахъ русскаго іюля. Эриванскій отрядъ только-что вернулся въ Игдырь, освободивъ

несчастный гарнизонъ, оставленный имъ недѣли три назадъ нѣсколько легкомысленно въ Баязетѣ, безъ достаточныхъ запасовъ. Объ этомъ военномъ инцидентѣ составилась потомъ, какъ это часто бываетъ во время войны, цѣлая легенда, противъ которой никто не протестовалъ, потому что она была для всѣхъ очень выгодна. Тергукасова представляли какъ искуснаго, чуть не геніальнаго полководца, который ловкой военной хитростью обманулъ противника. Видя его отступленіе за предѣлы Турціи, Измаилъ-паша остановился въ долинѣ Мысуна и разбилъ свой лагерь; а между тѣмъ Тергукасовъ, дойдя до своего исходнаго пункта, Игдыря, въ немъ долго не оставался и, перейдя черезъ другой перевалъ Агри-дага, въ двадцати верстахъ отъ непріятеля, быстро атаковалъ войска, окружавшія Баязетъ. Самая атака эта представлялась какъ нѣчто необыкновенно смѣлое, въ виду огромнаго превосходства непріятельскихъ силъ. Наконецъ, комендантъ Баязета, капитанъ Штоквичъ, съ своими приказами по крѣпости, выставлялся образцомъ патріотизма, рыцаремъ безъ страха и упрека; онъ сдѣлался во всей Россіи, какъ нѣкогда Щеголевъ, моднымъ героемъ. А между тѣмъ свѣдѣнія, собранныя по свѣжимъ слѣдамъ изъ совершенно вѣрныхъ источниковъ, представляли дѣло въ совсѣмъ иномъ, гораздо болѣе прозаическомъ видѣ.

Тергукасовъ, отстрѣливаясь въ продолженіе шести дней отъ насѣдавшаго на него непріятеля, истратилъ всѣ свои заряды и не могъ ничего предпринять, не возобновивъ свой боевой запасъ. Его маневры были вызваны крайней необходимостью и вовсе не были результатомъ стратегическихъ соображеній. Самое освобожденіе Баязета было дѣломъ самымъ легкимъ: мы потеряли при этомъ всего на всего убитыми и ранеными 22 человѣка и 4 лошади. Непріятельскій отрядъ, окружавшій городъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ батальоновъ регулярнаго войска, состоялъ изъ конныхъ курдовъ, вооруженныхъ пиками и кремневыми ружьями; достаточно было нѣсколькихъ гранатъ, чтобы разогнать эту нестройную толпу. Что касается Штоквича, то ему далеко было до Баярда; главная роль въ оборонѣ принадлежала подчиненнымъ ему офицерамъ. Его извѣстные „Приказы“, которыми такъ много восхищались и которые дышали такимъ воинственнымъ духомъ, были гораздо позже исправлены, или даже, какъ мнѣ лично достовѣрно извѣстно, цѣликомъ написаны, и притомъ не имъ, совсѣмъ необразованнымъ человѣкомъ, а умѣлой и опытной рукою. Но искусственное созданіе „героевъ“ при малѣйшихъ успѣхахъ, слѣдующихъ за цѣлымъ

рядомъ неудачъ—вещь обычная, и я ее не разъ видѣлъ въ Парижѣ въ 1870-мъ году.

Въ Игдырѣ нашелъ я дѣло помощи больнымъ и раненымъ въ самомъ плачевномъ, скажу даже — въ самомъ невѣроятномъ положеніи. Приходилось все создавать и, прежде всего, добрыя отношенія съ военно-медицинскимъ персоналомъ, которыя крайне обострились при моемъ предшественникѣ. Въ очень плохой книжонкѣ подъ заглавіемъ: „Кавказскій путевой дневникъ", въ которой кн. Мещерскій умудрился собрать цѣлый рядъ небылицъ и смѣшныхъ наивностей, есть одно совершенно вѣрное свѣдѣніе: военные врачи относились враждебно къ персоналу Краснаго Креста. Такія отношенія возбуждали сильное негодованіе почтеннаго князя, смотрѣвшаго на все окружающее глазами поверхностнаго журналиста; но они были совершенно естественны. Красный Крестъ не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ, кромѣ развѣ Германіи, сталъ въ какое-то обособленное, самостоятельное, ни отъ кого не зависящее положеніе. Онъ попалъ въ руки разныхъ великосвѣтскихъ барынь и придворныхъ, гражданскихъ и военныхъ чиновъ, которые занимаются имъ, какъ занимаются Обществомъ покровительства животнымъ или какими другими филантропическими и филозоическими затѣями. Въ мирное время такая организація вполнѣ допустима: она даетъ занятіе обыкновенно почти незанятымъ людямъ и позволяетъ собирать про черный день значительныя средства; но въ военное время она чрезвычайно вредна, потому что выдвигаетъ дѣятелей совершенно неподготовленныхъ и некомпетентныхъ въ военной администраціи и во врачебномъ дѣлѣ. Не смотря на ихъ несомнѣнную благонамѣренность и добрую волю, результатомъ такого полнаго невѣдѣнія условій жизни дѣйствующихъ армій является неизбѣжно безполезная трата громадныхъ денегъ и матеріальныхъ средствъ. Въ этомъ — главный, непростительный грѣхъ всѣхъ обществъ попеченія о больныхъ и раненыхъ въ военное время. Ихъ надо перестроить на совершенно другихъ началахъ.

Я постарался это сдѣлать въ скромной области Эриванскаго отряда; но то, что было съ успѣхомъ исполнено въ Игдырѣ, могло быть сдѣлано и въ другихъ мѣстахъ. Какъ только разобрался я нѣсколько въ огромномъ складѣ, гдѣ были накоплены безъ всякой описи самыя ненужныя вещи, изъ которыхъ многія уже давно были попорчены сыростью или съѣдены крысами, первымъ дѣломъ я отправился съ визитомъ къ военнымъ врачамъ, во главѣ которыхъ стоялъ отрядный врачъ Рымашевскій и отрядный

хирургъ Пашкевичъ. Первый былъ славный типъ стараго кавказца, безусловно честный, своему дѣлу преданный и очень храбрый; медицину, если ее когда и зналъ, онъ давно забылъ, но отъ отрядныхъ врачей такихъ знаній и не требуется: это—чистые администраторы, не имѣющіе никакого прямого соприкосновенія съ больными. Второй былъ человѣкъ недалекій, довольно впрочемъ дѣятельный и недурной операторъ; но у него была слабая сторона—несносная жена, которая не отходила отъ него ни на шагъ, во все вмѣшивалась, все путала и имѣла большія хирургическія претензіи, потому что не то слушала, не то собиралась слушать медицинскіе курсы. Странно было только то, что въ отрядѣ, въ которомъ насчитывалось 12.000, а впослѣдствіи и болѣе 20.000 войска, былъ только одинъ настоящій хирургъ; правда, было ихъ еще нѣсколько, но эти большею частью только что выпущенные изъ университетовъ юнцы были изъ рукъ вонъ плохи, да они и не отваживались на большія операціи, а призывали Пашкевича, который переходилъ изъ одного госпиталя въ другой.

Военнымъ врачамъ я категорически заявилъ, что считаю ихъ своими прямыми начальниками, такъ какъ они одни передъ военнымъ закономъ отвѣтственны; никакой иниціативы я на себя брать не намѣренъ, но буду по возможности точно и скоро исполнять ихъ приказанія. Этого было достаточно, чтобы установить между нами не только добрыя, но и дружескія отношенія. Они сознавали, что въ практическихъ военно-санитарныхъ вопросахъ я гораздо опытнѣе ихъ, и такъ какъ я имъ не навязывался съ своими совѣтами и имъ, слѣдовательно, не было никакой нужды охранять отъ меня свой авторитетъ, они охотно ко мнѣ обращались. Во все время моего пребыванія въ отрядѣ, мы всегда рѣшали сообща представлявшіяся затрудненія—а ихъ было немало, и иногда самаго непредвидѣннаго свойства.

Первое изъ этихъ затрудненій, и притомъ первостепенной важности, состояло въ томъ, что нашъ бѣдный отрядъ, и безъ того ужъ немногочисленный, незамѣтно таялъ, и можно было предвидѣть время, когда батальоны дойдутъ до половиннаго состава. Правда, заболѣваемость была значительна, но все это были болѣзни очень легкія: самыя обыкновенныя перемежающіяся лихорадки, которыми такъ щедра болотистая долина Аракса, и желудочно-кишечныя разстройства—результатъ непривычнаго для русскихъ очень жаркаго климата и не пригодной для такого климата слишкомъ азотистой пищи. Въ Игдырѣ было всего два временныхъ госпиталя, на 200 человѣкъ каждый; они быстро перепол-

нились и, при постоянномъ наплывѣ новыхъ больныхъ, необходимо было эвакуировать выздоравливающихъ въ госпиталь второй линіи, въ Эривани, который, наполнившись въ свою очередь, направлялъ ихъ далѣе. Такимъ образомъ, переходя изъ этапа въ этапъ, давно выздоровѣвшіе люди попадали куда-нибудь въ Саратовъ или Тамбовъ, а то и еще далѣе, и оттуда уже не возвращались въ войско, или, быть можетъ, возвращались послѣ войны. Какъ тутъ быть? Очень просто: устроить на мѣстѣ сколько нужно добавочныхъ временныхъ госпиталей, чтобы выдерживать больныхъ двѣ-три недѣли до ихъ полнаго выздоровленія. Это было тѣмъ проще, что при удивительной погодѣ, безъ капли дождя, можно было довольствоваться самыми обыкновенными палатками и самыми первобытными постельными принадлежностями. На эту чрезвычайно простую мѣру военные врачи легко согласились, но препятствія явились со стороны штаба.

— Помилуйте!—говорили мнѣ разные молодые штабные бюрократы.—По закону въ нашемъ отрядѣ болѣе двухъ госпиталей не полагается.

— По какому же закону вы стоите въ нездоровой мѣстности, и какой законъ позволяетъ вамъ, въ виду непріятеля, добровольно уменьшать чуть не на половину численность вашихъ войскъ? —Къ счастью, благодаря моему близкому знакомству съ начальникомъ штаба, дѣло устроилось, и мы прекратили этотъ странный, хотя и законный „исходъ“.

Другое затрудненіе совсѣмъ иного рода, но не менѣе важное, заключалось въ недостаточности или, вѣрнѣе, въ отсутствіи средствъ для вывоза раненыхъ съ поля сраженія. Въ отрядѣ былъ только одинъ полудивизіонный лазаретъ, съ тяжелыми, громоздкими фурами, которыя послѣ многократнаго странствованія по отвратительнымъ каменистымъ горнымъ проходамъ были до того попорчены, что не было никакой возможности ихъ исправить. Въ какомъ были бы мы положеніи, еслибы вдругъ пришлось столкнуться съ непріятелемъ? У меня было нѣсколько одноколокъ, чрезвычайно легкихъ и переносящихъ самыя невозможныя дороги; я предложилъ выписать какъ можно болѣе такихъ же изъ Тифлиса, гдѣ онѣ изготовлялись, съ тѣмъ, чтобы свободныя лошади изъ-подъ несуществовавшаго военнаго лазарета были даны въ мое распоряженіе. Такъ и было сдѣлано. Благодаря личному вмѣшательству великой княгини, я скоро получилъ эти удобные экипажи, правда не столько, сколько я просилъ, но достаточно для первыхъ безотлагательныхъ нуждъ.

Кажется, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Красный Крестъ, онъ шелъ рука объ руку съ военнымъ вѣдомствомъ, и притомъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ военное вѣдомство было кругомъ виновато и должно было желать скрыть отъ глазъ профана свои тяжкія прегрѣшенія.

Вопросъ о перевозкѣ раненыхъ и больныхъ приводитъ меня къ болѣе общему вопросу объ организаціи и дѣятельности Краснаго Креста. Въ его основаніи лежитъ, и не въ одной только Россіи, очень печальное недоразумѣніе: смѣшеніе мирнаго времени съ временемъ войны. Въ мирное время, какія бы ни были общественныя бѣдствія—пожары, наводненія, эпидеміи,—помогать можно самыми разнообразными способами, и всякая помощь—деньгами, одеждой, съѣстными припасами, филантропическая дѣятельность великосвѣтскихъ барынь или наемныхъ „сестеръ милосердія" — приноситъ извѣстную пользу. Не то бываетъ при международныхъ столкновеніяхъ, когда обычная гражданская жизнь уступаетъ мѣсто для большинства непривычной жизни военной, когда являются совершенно другія условія и выступаютъ совсѣмъ иныя задачи. А между тѣмъ заправила остаются тѣ же; тотъ же въ военномъ дѣлѣ некомпетентный персоналъ продолжаетъ, по старой привычкѣ, дѣлать то же, что дѣлалъ въ мирное время, не замѣчая, что прежнее „полезное" сдѣлалось „ненужнымъ" и что нужное стало не по силамъ. Въ военное время нѣтъ мѣста сентиментальнымъ изліяніямъ; вся задача войны—достигнуть желаемаго результата какъ можно скорѣе съ наименьшими средствами; та армія побѣждаетъ, которая лучше рѣшаетъ эту задачу. Какая польза отъ того, что раненымъ и больнымъ будетъ дано нѣсколько больше чая, сахара или махорки? Развѣ они скорѣе выздоровѣютъ отъ того, что у нихъ будетъ болѣе тонкое бѣлье или что имъ будутъ преподносить разныя развлеченія? Все это—чистѣйшія „ненужности", и я сейчасъ разскажу, до какой уродливости онѣ могутъ доходить.

Во время занятія французами Мадагаскара, одному молодому офицеру, сыну моего стараго пріятеля, командовавшему конвоемъ большого транспорта на вьючныхъ лошадяхъ, было особенно рекомендовано хранить нѣсколько ящиковъ, посланныхъ изъ Парижа сердобольными дамами Краснаго Креста. Одинъ изъ этихъ ящиковъ случайно сорвался съ сѣдла и упалъ въ глубокій ровъ. Боясь отвѣтственности, мой юный подпоручикъ спустился не безъ труда, чтобы посмотрѣть, нельзя ли какъ-нибудь спасти разбившійся ящикъ... Сколько бы вы ни напрягали воображеніе, вы никогда не отгадаете, что̀ въ немъ было: кол-

лекція всевозможныхъ формъ бильбокэ, для развлеченія больничнаго населенія! Вы, быть можетъ, мнѣ скажете, что это—парижскія затѣи. А вотъ вамъ образчикъ прямо съ Кавказа. Кн. Мещерскій сообщаетъ намъ наивно, вѣроятно полагая, что онъ дѣлалъ нужное дѣло, какъ онъ раздавалъ цѣлыми тюками Псалтири и Житія Святыхъ — для пріятнаго чтенія; это стоитъ мадагаскарскихъ бильбокэ! Да и у меня въ складѣ развѣ не было всякой всячины, которую ни на что нельзя было употребить: бутылки хлороформа, имѣвшагося въ изобиліи во всѣхъ госпиталяхъ, огромныя жестянки со всякими консервами, отчасти попорченными, цѣлые ящики съ какой-то кофейной эссенціей, которую не только больные, но и неприхотливые здоровые не рѣшались пить. Между тѣмъ и покупка, и перевозка всего этого въ военное время, въ полудикой странѣ, стоила денегъ, которыя можно было бы употребить съ бо́льшей пользой. Конечно, еслибы Красный Крестъ обладалъ неисчерпаемымъ кладомъ, онъ могъ бы безнаказанно позволять себѣ всякія излишества. Но не такова его доля. На Кавказѣ за все время войны въ его распоряженіи было не больше милліона рублей; въ Парижѣ въ 1870 г. у него было 19 милліоновъ франковъ. Кто имѣетъ хоть приблизительное понятіе о размѣрахъ военныхъ издержекъ арміи на военномъ положеніи, тотъ легко пойметъ, что съ такими суммами далеко не уѣдешь. Надобно, слѣдовательно, по необходимости сосредоточиваться на одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ, и притомъ на такомъ, въ которомъ помощь извнѣ особенно желательна.

Я видѣлъ три воюющія арміи: французскую, испанскую, во время карлистской войны 1873-го года, и русскую на Кавказѣ. Не смотря на племенныя различія, на разность темпераментовъ, традицій и климата, я вездѣ констатировалъ то же самое: за рѣдкими исключеніями, сравнительно очень удовлетворительное состояніе госпиталей и всегда, безъ всякаго исключенія, вопіющій недостатокъ въ устройствѣ перевязочныхъ пунктовъ и въ способахъ вывоза раненыхъ съ поля сраженія. Я этимъ никакъ не хочу сказать, что военные госпитали, не только въ военное, но и въ мирное время, даже въ Парижѣ были роскошно обставлены и снабжены тѣмъ комфортомъ, о которомъ мечтаютъ сентиментальные профаны. Военные госпитали предназначены вовсе не для того, чтобы нѣжить больныхъ, а для того, чтобы ихъ лѣчить и по возможности вылѣчивать; все, что не касается прямо и непосредственно необходимыхъ гигіеническихъ условій и медицинской или хирургической помощи, не только излишне, но осложняетъ и безъ того уже крайне сложный вопросъ военно-

санитарной организаціи. Близкое знакомство съ этимъ дѣломъ убѣждаетъ, что всѣ эти излишества, всѣ эти филантропическія затѣи не приносятъ никакой осязаемой пользы, а иногда причиняютъ положительный вредъ. Во-первыхъ, тратятся большія деньги, которыя можно было бы гораздо лучше употребить; во-вторыхъ, для доставки этой ненужной всякой всячины требуются значительныя перевозочныя средства, а въ нихъ во время войны, въ особенности въ такихъ горныхъ странахъ, какъ Испанія или Кавказъ, ощущается всегда недостатокъ даже для самыхъ неотлагательныхъ нуждъ.

Мнѣ могутъ возразить, что въ военныхъ госпиталяхъ, именно на Кавказѣ осенью, когда появились холодные дни и еще болѣе холодныя ночи, оказался прискорбный недостатокъ теплаго платья и теплыхъ одѣялъ, и что въ этомъ дѣлѣ Красный Крестъ принесъ посильную помощь. Совершенно вѣрно. Но это происходило отъ особенныхъ и, притомъ, легко устранимыхъ причинъ. Въ маѣ и іюнѣ русскіе военные, старые и молодые, громогласно утверждали, что мы турокъ „шапками забросаемъ"; они серьезно вѣрили, что вся кампанія будетъ простой военной прогулкой, что Карсъ сейчасъ падетъ, что Эрзерумъ будетъ немедленно взятъ, вся Малая Азія завоевана при звукахъ полковой музыки, и все дѣло быстро кончится блистательнымъ миромъ. Еслибы не было этого черезъ-чуръ крайняго шовинизма, и французы вѣроятно не начали бы несчастной войны 1870 г., и русскіе предусмотрѣли бы зимнюю кампанію и запаслись бы вò-время теплой одеждой. Когда спохватились, было слишкомъ поздно; пришлось вдругъ все создавать — и вещи, и способы ихъ доставки по ужаснымъ, едва проходимымъ дорогамъ. Что касается помощи, которая оказана была въ этомъ случаѣ Краснымъ Крестомъ и о которой въ газетахъ печатались такіе диѳирамбы, то она заключалась въ двухъ-трехъ сотняхъ полушубковъ, тогда какъ ихъ требовалось нѣсколько тысячъ.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется вопросъ о перевозкѣ раненыхъ. Какъ я уже сказалъ, она представляетъ слабую сторону всѣхъ армій, не исключая и нѣмецкой. Это зависитъ отъ разнообразныхъ условій. Съ одной стороны военные, по самой своей профессіи люди мало чувствительные, не особенно склонны заботиться о судьбѣ по той или другой причинѣ отставшихъ и, слѣдовательно, въ дѣло уже не годныхъ. Въ старыхъ арміяхъ временъ Наполеона I-го, да даже полвѣка позже, временъ севастопольскихъ, на это дѣло обращалось мало вниманія, и мы теперь съ ужасомъ читаемъ описанія тогдашнихъ сани-

тарныхъ условій. Раненыхъ поднимали, когда могли; перевязывали, какъ могли, и то когда встрѣчались такіе люди, какъ Larrey или Пироговъ; при отступленіи оставляли больныхъ на попеченіе непріятеля, у котораго часто не было средствъ помогать своимъ собственнымъ больнымъ, какъ это случилось въ Вильнѣ, въ 1812-мъ году. Надо признаться однако, что такое пренебреженіе къ выбывшимъ изъ строя не только коренится въ историческихъ традиціяхъ, но и вполнѣ раціонально съ военной точки зрѣнія: армія, при своихъ передвиженіяхъ оставляющая за собою всѣхъ неспособныхъ носить оружіе, неизмѣримо подвижнѣе, а слѣдовательно и сильнѣе болѣе человѣколюбивой арміи. Но есть и другія, болѣе непосредственныя причины. Медицинскій персоналъ, которому поручено завѣдываніе патологической стороной военнаго дѣла, за немногими, иногда очень блестящими исключеніями, изъ рукъ вонъ плохъ. Какой же въ самомъ дѣлѣ маломальски талантливый молодой врачъ пойдетъ въ военное вѣдомство, гдѣ ему приходится въ продолженіе многихъ лѣтъ проживать въ разныхъ гарнизонахъ безъ практики и безъ всякой возможности пріобрѣтать клиническую опытность. Военный врачъ скоро забываетъ то, чему выучился на школьной скамьѣ, обращается въ чистаго администратора и пріобрѣтаетъ мало-по-малу то равнодушное отношеніе къ больнымъ, которое характеризуетъ окружающую его военную среду. При такихъ условіяхъ какая же возможна раціональная организація? Это до того очевидно, что во время войны военная администрація, столь недолюбливающая „рябчиковъ“, должна призывать на помощь гражданскихъ врачей, которые не всегда подчиняются многосложнымъ и разнообразнымъ „регламентамъ“, и потому не всегда живутъ въ согласіи съ врачами военными.

Въ русской арміи къ этимъ недостаткамъ, общимъ всѣмъ странамъ, прибавлялся еще, по крайней мѣрѣ въ 1877-мъ году, свой особенный изъянъ: манія статистики. На полѣ сраженія несчастный врачъ не столько перевязывалъ, сколько записывалъ въ свою книжку и на особыхъ разграфленныхъ листочкахъ, которые пришпиливались къ мундиру раненаго, всякія біографическія о немъ подробности: какъ зовутъ, гдѣ родился, имя отца и матери и т. д. Изъ этого „двойного счетоводства“ выходили иногда очень забавныя исторіи. Разъ какъ-то меня обвиняли въ томъ, что я по дорогѣ „потерялъ“ раненаго, и чуть было не нарядили слѣдствіе. — Что за диковинка? Какъ можно потерять человѣка? Вѣдь это не иголка. Да и какъ онъ могъ выпасть изъ повозки, совершенно закрытой, принадлежащей

длинному поѣзду, въ хвостѣ котораго шло нѣсколько десятковъ санитаровъ? Оказалось, что у одного изъ раненыхъ оторвался и пропалъ его біографическій листокъ; такимъ образомъ число листковъ, полученныхъ въ госпиталяхъ, не соотвѣтствовало числу, помѣченному въ записныхъ книжкахъ врачей. Никому не пришло въ голову сосчитать людей,—считали только ярлыки. Вотъ до какого безобразія могутъ доходить бюрократическія затѣи!

А между тѣмъ скорая помощь раненымъ, о которой такъ мало заботятся всѣ военныя администраціи—дѣло первостепенной важности. Во-время положенная повязка на раздробленную кость часто позволяетъ избѣгнуть ампутаціи; быстро перевязанная разорванная пулей артерія, которая въ первые часы обыкновенно не даетъ кровотеченія, можетъ спасти жизнь. Сколько я видѣлъ раненыхъ, которые, повидимому, обречены были на вѣрную смерть и которые выздоровѣли только потому, что были скоро подняты и перенесены въ госпитальную обстановку. Да и продолжительное лежаніе на жарѣ или на холодѣ не можетъ не отзываться вредно на организмахъ, ослабленныхъ походною жизнью и подвергшихся болѣе или менѣе серьезному травматизму.

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и соображеній прямо вытекаетъ очень опредѣленное заключеніе. Красный Крестъ, который въ военное время представляетъ гражданскій, болѣе человѣколюбивый элементъ,—что явствуетъ изъ самой исторіи его основанія,—долженъ дополнять тѣ стороны санитарной организаціи, въ которыхъ элементъ военный, по своему характеру, не можетъ удовлетворять условіямъ современной цивилизаціи. Ему надо въ военное время отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ госпитальное дѣло и сосредоточить всѣ свои усилія на созданіи вполнѣ оборудованныхъ летучихъ отрядовъ, способныхъ идти въ линію огня и имѣющихъ достаточное число опытныхъ хирурговъ, тщательно выбранныхъ санитаровъ и удобныхъ повозокъ. Все это, конечно, очень дорого стоитъ, но эти деньги будутъ, по крайней мѣрѣ, употреблены съ пользой, а не брошены прямо въ печь, какъ это мы видѣли въ Парижѣ и на Кавказѣ.

Но это еще не все. Такіе отряды не должны ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать самостоятельно, повинуясь своему собственному, обыкновенно совершенно некомпетентному начальству: они должны быть оффиціально прикомандированы къ войсковымъ частямъ и зависѣть непосредственно отъ военачальниковъ. Конечно, такая организація не будетъ по вкусу тѣхъ свѣтскихъ господъ и барынь, которые подъ именемъ „уполномоченныхъ", „управляющихъ", „старшихъ сестеръ", „начальницъ" любятъ

играть роль на виду, хотя бы эта роль и была совсѣмъ безполезна. Я не хочу этимъ сказать, что они ни въ чемъ не помогали; но дѣло въ томъ, что безъ нихъ можно легко обойтись, и они, слѣдовательно, представляютъ лишнее осложненіе. Будемъ, однако, надѣяться, что опытъ прошедшаго пойдетъ въ прокъ и что въ будущихъ войнахъ не повторится то безплодное водотолченіе, при которомъ мнѣ два раза пришлось присутствовать.

Кромѣ ревниво охраняемаго духа независимости, у Краснаго Креста былъ другой недостатокъ: всеобщая постоянная склонность къ сепаратизму. Если единоначаліе гдѣ-либо абсолютно необходимо, такъ это въ военномъ дѣлѣ—а Красный Крестъ съ самаго начала распадается на части, живущія каждая своей самостоятельной и далеко не всегда удовлетворительной жизнью. Въ 1877-мъ году существовали разные другъ отъ друга независимые Красные Кресты: петербургскій, московскій, финляндскій, кавказскій. Были еще болѣе мелкія подраздѣленія: въ Москвѣ, напримѣръ, враждовали два лагеря, дворянскій и купеческій, соперничавшіе въ изобрѣтеніи разныхъ хитрыхъ затѣй и ненужныхъ приспособленій для своихъ походныхъ лазаретовъ.

Въ моемъ отрядѣ были два такихъ лазарета—„дворянскій", подъ начальствомъ доцента Московскаго университета Арсеньева, и „купеческій", гораздо болѣе роскошный и богатый, д-ра Бетлинга. Былъ еще превосходно организованный финляндскій лазаретъ, но онъ дѣйствовалъ какъ постоянный госпиталь и находился безвыходно въ Эривани. Говорю: въ моемъ отрядѣ, потому что я былъ единственнымъ оффиціальнымъ уполномоченнымъ и отъ меня долженъ былъ исходить exequatur всякому новому санитарному поѣзду, откуда бы онъ ни приходилъ. Мои отношенія къ штабу и военно-медицинскому персоналу позволяли мнѣ легко устранять всѣ затрудненія, часто замедлявшія дѣятельность этихъ сословныхъ делегатовъ древней русской столицы. Но, не смотря на наши очень пріятныя личныя отношенія, эти делегаты меня игнорировали съ іерархической точки зрѣнія и справляли сами свои дѣла, что̀ имъ стоило гораздо дороже и обыкновенно давало плохой результатъ. Какъ ни старался я смягчить эти тренія, очевидно вредныя для общаго дѣла, я ничего подѣлать не могъ: любовь къ своеволію всегда брала верхъ, и я наконецъ не безъ горести махнулъ рукой и предоставилъ имъ дѣйствовать какъ попало, на свой страхъ. Всего печальнѣе было то, что они и между собою не ладили: когда дворянство шло на лѣвый флангъ, купечество направлялось на

правый, а иногда и то, и другое были нужны въ центрѣ. Интересно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно было наблюдать психику этихъ москвичей, принесшихъ изъ Бѣлокаменной въ каменистую Арменію свои привычки и свою гигіену. Они вливали въ себя каждый день цѣлые ушаты чая; на мѣсто винограднаго вина пили водку; ѣли что попало и когда придется; сколько ни убѣждалъ я ихъ перемѣнить этотъ режимъ — ничто не помогло. Дорого же они за то поплатились! всѣ молодые врачи опасно переболѣли, и бѣдный Арсеньевъ умеръ въ походѣ къ Эрзеруму.

Не все обстояло благополучно и въ той части моего отряда, въ которой я былъ полнымъ хозяиномъ и, слѣдовательно, безусловно отвѣтственъ. Въ ней были два больныхъ мѣста, отъ которыхъ мнѣ, не смотря на всѣ старанія, такъ и не довелось ее вылѣчить: „сестры милосердія", въ числѣ тридцати, и сотня санитаровъ.

Сестеръ милосердія размѣстилъ я по дальнимъ госпиталямъ, поручая ихъ надзору главныхъ врачей, и не занимался дальнѣйшей ихъ судьбой, сожалѣя только всякій разъ при уплатѣ имъ жалованья — по 30 руб. въ мѣсяцъ, — что не могу на эти деньги увеличить ежемѣсячно на цѣлую дюжину число столь нужныхъ одноколокъ для перевозки раненыхъ (онѣ обходились по 75 рублей). Но великая княгиня очень заботилась о нравственности подвѣдомственнаго ей женскаго персонала и раза два, по доходившимъ до нея слухамъ, поручала мнѣ произвести немедленное и строжайшее разслѣдованіе. Приходилось откладывать всѣ дѣла, иногда очень спѣшныя, и скакать на перекладной туда и назадъ 300 верстъ. Какъ же я проклиналъ этихъ совсѣмъ ненужныхъ сестеръ милосердія! Такого рода поѣздки оканчивались, впрочемъ, всегда ничѣмъ. Хотя я и пріобрѣталъ увѣренность, что грѣшки были и, съ точки зрѣнія цѣломудрія, не все обстояло благополучно, но я ничего сдѣлать не могъ. Военные врачи стояли горой за моихъ подначальныхъ „сестеръ" и выдавали имъ самыя хвалебныя свидѣтельства; дѣло оканчивалось тѣмъ, что я, для успокоенія великой княгини, отсылалъ ей всѣ эти документы въ Тифлисъ.

Одна изъ такихъ поѣздокъ осталась мнѣ памятной, потому что сопровождалась особымъ, очень характернымъ обстоятельствомъ. Мы стояли тогда въ горахъ вблизи турецкой арміи, съ которой не сегодня, такъ завтра могли столкнуться. Получилъ я какъ-то поздно вечеромъ депешу изъ Тифлиса о томъ, что опять происходятъ какіе-то безпорядки въ моемъ женскомъ персоналѣ. Надо было ѣхать, не теряя времени, сейчасъ же, чтобы

поскорѣе вернуться къ своему дѣлу; но проѣзжать ночью съ двумя казаками верстъ тридцать по совершенно открытой равнинѣ, на которую безпрестанно спускались курды и башибузуки, вырѣзывая все, что попадалось имъ подъ руку, было крайне безразсудно. Я тотчасъ поѣхалъ просить себѣ необходимый конвой, но начальникъ штаба дать мнѣ конвоя не могъ, потому что предпринималъ на другой день усиленную кавалерійскую рекогносцировку, и направилъ меня къ полковнику Кухоренко, который командовалъ Курдинскимъ полкомъ. Насилу отыскалъ я его ставку.

— Помилуйте! моихъ курдовъ пускать однихъ по равнинѣ я никакъ не рѣшусь. Они васъ того и гляди зарѣжутъ, а вы намъ здѣсь въ отрядѣ нужны.

Нечего было дѣлать, приходилось пускаться въ путь съ двумя казаками. И тутъ мнѣ посчастливилось; доѣхалъ я до Игдыря совершенно благополучно—а нѣсколькими часами позже по дорогѣ стоявшій казацкій пикетъ былъ изрубленъ башибузуками.

Не странно ли это присутствіе въ нашемъ отрядѣ, да еще въ первой линіи, этихъ полудикарей, правда—очень живописныхъ съ своими пиками, ятаганами и кремневыми ружьями, достаточно вооруженныхъ, чтобы грабить мирныхъ жителей, но совершенно неспособныхъ сражаться съ непріятелемъ! Прибавьте къ этому, что между ними бывали безпрестанно дезертиры и что они, вѣроятно, съ одинаковою ревностью служили и нашимъ, и вашимъ. Отчего ихъ не распустили по домамъ или, по крайней мѣрѣ, не отослали куда-нибудь подальше нести гарнизонную службу? На эти вопросы я такъ и не могъ получить отвѣта.

Но не однѣ сестры милосердія осложняли мою задачу; много хлопотъ доставляли мнѣ мои санитары, набранные безъ всякаго разбора еще до моего пріѣзда въ отрядъ. Это была разноплеменная сволочь, среди которой были и пьяницы, и картежники, и воры, и въ особенности трусы: сколько разъ нужно было пускать въ ходъ нагайку, чтобы заставить ихъ идти поднимать раненыхъ въ сферѣ огня! Раза два они даже составляли заговоръ, чтобы избавиться отъ меня, и пришлось пригрозить имъ полевымъ судомъ, въ который, впрочемъ, я ихъ, конечно, не послалъ бы ни въ какомъ случаѣ. Вербованіе санитаровъ—дѣло очень серьезное, на которое обыкновенно не обращаютъ должнаго вниманія и которое надо бы было разъ навсегда регламентировать. Кстати о санитарахъ и какъ бы къ слову, приходитъ мнѣ на память довольно забавный инцидентъ.

Въ книжкѣ, о которой я уже упоминалъ, кн. Мещерскій

разсказываетъ съ нѣсколько театральнымъ негодованіемъ, что я, какъ „атеистъ", выгналъ всѣхъ поповъ изъ всѣхъ госпиталей, и внушаетъ Красному Кресту выпроводить меня за это съ Кавказа mit grossem Scandal. Я не буду упрекать автора въ томъ, что онъ смѣшалъ позитивиста съ атеистомъ, потому что это для него люди одинаково осужденные на всѣ муки ада и потому что такія подробности исторіи философіи очевидно не входятъ въ его умственный кругозоръ. Но какъ же не дошли до него свѣдѣнія о томъ, что представитель Краснаго Креста, какія бы ни были его убѣжденія, не имѣетъ рѣшительно никакой власти въ военныхъ учрежденіяхъ? Какъ же онъ, раздавая махорку и псалтири, не поинтересовался ознакомиться съ организаціей и жизнью такъ называемыхъ „временныхъ госпиталей", въ которыхъ Красный Крестъ не можетъ ни назначать, ни увольнять священниковъ? Однако безъ огня не бываетъ дыма, и надо признаться, что въ повѣствованіи почтеннаго князя есть маленькая, чуть-чуть свѣтящаяся искорка правды. Въ серединѣ августа пришелъ ко мнѣ монахъ лѣтъ пятидесяти, довольно благообразный и, противъ обыкновенія, не грязный; онъ выразилъ желаніе поступить въ мой отрядъ въ качествѣ санитара, показалъ свидѣтельство изъ какой-то фельдшерской школы и рекомендательное письмо отъ знакомаго моего въ Тифлисѣ. Все это показалось мнѣ нѣсколько страннымъ, но отказать ему въ просьбѣ не было никакихъ причинъ. Я ему только замѣтилъ, что больничныхъ служащихъ мнѣ не нужно, такъ какъ больницъ у меня нѣтъ, что мои санитары находятся въ летучемъ лазаретѣ, а поднимать и носить раненыхъ въ его длинной рясѣ и цилиндрической шапкѣ будетъ очень неудобно. Черезъ нѣсколько дней онъ опять явился, и тутъ выяснились его настоящіе виды: поступленіе его въ санитары было только предварительнымъ маневромъ, главная же его цѣль была пристроиться къ какому-нибудь госпиталю для небезвыгоднаго отправленія всякихъ „требъ". Я ему это сильно отсовѣтовалъ, и у меня были на то очень уважительныя причины. Въ Эриванскомъ отрядѣ было только два попа: одинъ кавалерійскій — славный, храбрый малый, постоянно разъѣзжавшій верхомъ съ своими полками на аванпостахъ; другой—пѣхотный, находившійся обыкновенно при штабѣ и прикомандированный къ госпиталямъ. Разъ какъ-то онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней, а во время его отсутствія умеръ офицеръ, котораго похоронилъ, за неимѣніемъ другого, армянскій священникъ. По возвращеніи нашъ попъ пришелъ въ негодованіе: причитающіяся за похороны деньги попали не въ его руки. Онъ послалъ въ штабъ оффиціальную

бумагу, которую я читалъ собственными глазами и въ которой онъ требовалъ „перехоронить“ офицера. Перехоронить! этотъ новый глаголъ могъ зародиться только въ головѣ алчнаго русскаго попа. Очевидно, что такой субъектъ не допустилъ бы никакого конкурента въ подвѣдомственную ему область. Однако, нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ на улицѣ моего монаха, я узналъ отъ него, что съ попомъ онъ сговорился и пристроился къ одному изъ госпиталей. Видно слишкомъ ужъ много было больныхъ: одинъ не могъ справиться, и новому коллегѣ предоставлены были нѣкія крохи съ роскошнаго пира. Таковъ былъ очень простой и крайне прозаическій фонъ, на которомъ кн. Мещерскій развелъ свои арабески. Пользуюсь случаемъ, чтобы его увѣрить, что этими измышленіями легкомысленнаго журналиста я ни въ какой мѣрѣ не обидѣлся.

Но довольно о Красномъ Крестѣ; пора вспомнить о военномъ мірѣ, среди котораго мнѣ приходилось жить. Главные его дѣятели того времени давно умерли, и о нихъ, слѣдовательно, можно говорить свободно, не боясь задѣть чье-либо самолюбіе.

Самый важный недостатокъ этого міра состоялъ въ полномъ разногласіи начальниковъ и чрезмѣрномъ развитіи скептицизма, въ военномъ дѣлѣ совершенно недопустимаго. Каждый тянулъ въ свою сторону; на всѣхъ ступеняхъ іерархіи всякій ожесточенно критиковалъ дѣйствія всѣхъ остальныхъ; никто не хотѣлъ безпрекословно повиноваться. Для меня это было повтореніемъ того, что я уже видѣлъ во французской арміи 1870-го года. Въ обоихъ случаяхъ причина была та же: отсутствіе военнаго духа,—съ той, быть-можетъ, разницей, что въ русскомъ народѣ, кажется, никогда военнаго духа и не было. Мнѣ скажутъ, что въ Россіи были въ былое время превосходныя арміи, которыя могли мѣряться съ лучшими арміями Европы; но онѣ были составлены изъ отборнаго меньшинства, весьма отличнаго отъ народныхъ массъ, и притомъ продолжительная служба мало-по-малу, по необходимости, пріучала въ военное время къ чувству долга, этой основной военной добродѣтели, и давала боевую опытность. Что въ русской арміи, съ которой мнѣ пришлось познакомиться въ 1877-мъ году, было много храбрыхъ, смѣлыхъ, безъ всякаго колебанія жертвующихъ своей жизнью—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но военная мудрость заключается не въ томъ, чтобы подставлять свой лобъ подъ пули, а въ томъ, чтобы какъ можно болѣе вредить непріятелю и какъ можно болѣе себя самого сохранять. Между двумя арміями было еще другое поразительное сходство: снизу до верху необыкновенно низкій уровень обра-

зованія. Генералы и субалтернъ-офицеры занимались только фронтовой службой; тактика, стратегія, исторія войнъ, практика походной жизни при тѣхъ или иныхъ условіяхъ существовали для нихъ только какъ отдаленное воспоминаніе о томъ, чему они учились на школьной скамьѣ. Разница была только въ томъ, что въ тогдашней французской арміи общее образованіе было все-таки неизмѣримо выше.

Особенно прискорбно было несогласіе на самыхъ верхахъ военной іерархіи. Начальникъ нашего отряда и его начальникъ штаба, вмѣсто того, чтобы представлять одну нераздѣльную единицу, являлись двумя противоположными полюсами. Старикъ Тергукасовъ, храбрый кавказецъ, послѣ освобожденія баязетскаго гарнизона получившій не только Георгія на шею, но и репутацію отличнаго генерала, бережно охранялъ эту репутацію. Онъ не шелъ ни на какое рискованное предпріятіе и на всѣ внушенія даже изъ главнаго штаба великаго князя отговаривался недостаточностью своихъ силъ. Сколько ему ни присылали подкрѣпленій — подъ конецъ у него было 25.000 войска при сотнѣ орудій—онъ вышелъ изъ своего выжидательнаго, пассивнаго положенія только тогда, когда турецкая армія была окончательно разбита подъ Карсомъ и отступала на Эрзерумъ. Полковникъ Филипповъ, совсѣмъ напротивъ, не получившій, но весьма желавшій получить Георгія, постоянно мечталъ о набѣгахъ, о стычкахъ, о сраженіяхъ. Сколько разъ приходилъ онъ въ мою палатку грустить о томъ, что „старикъ“ не соглашается съ его планами, на основаніи которыхъ мы должны были навѣрняка совершенно истребить стоявшаго передъ нами Измаила-пашу. Хотя я ему обыкновенно и поддакивалъ, но про себя долженъ былъ сознаться, что „старикъ“ правъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ этимъ стратегическимъ измышленіямъ. Филипповъ былъ чистый теоретикъ, да и то поверхностный; практическаго опыта у него не было и не могло быть: у него были черезчуръ ужъ не военные нервы и очень ужъ онъ недолюбливалъ свистъ пуль и шипѣніе гранатъ. На полѣ сраженія — я это не разъ видѣлъ — онъ совсѣмъ терялся и, какъ всѣ люди въ огнѣ не хладнокровные и вмѣстѣ съ тѣмъ самолюбивые, совершенно ненужно заносился впередъ, только чтобы показать, что ничего не боится. При такихъ психологическихъ условіяхъ, о какихъ же наступательныхъ планахъ могла быть рѣчь? Гораздо благоразумнѣе было дѣйствительно сидѣть покойно на мѣстѣ. Но и сидѣть не всегда было удобно. Мы стояли въ долинѣ, турки—противъ насъ на горахъ; какъ же мы не за-

няли и не укрѣпили эти горы? Это, признаюсь, меня немало удивляло, но Филипповъ объяснилъ мнѣ, что для постройки и вооруженія укрѣпленій на каменистыхъ высотахъ, на которыхъ надо было предварительно пролагать дороги, необходимо извѣстное время и извѣстное число саперовъ, а у насъ ихъ не было. Между тѣмъ въ началѣ сентября, въ нѣсколько дней, турки, работая скрытно по ночамъ, оборудовали тамъ цѣлый редутъ, и въ одно прекрасное утро мы проснулись подъ градомъ огромныхъ крупповскихъ гранатъ, подбившихъ у насъ нѣсколько полевыхъ орудій и заставившихъ нашу артиллерію отступить на нѣсколько верстъ. Значитъ, не въ недостаткѣ саперовъ было дѣло, а въ неумѣньѣ пользоваться имѣвшимися подъ рукой средствами.

Рядомъ съ главнымъ нашимъ штабомъ стояло, нѣсколько обособленно и враждебно, кавалерійское начальство, съ генераломъ Амилахвари во главѣ и полковникомъ Медвѣдовскимъ въ должности начальника штаба. Первый былъ чрезвычайно статный, атлетическаго сложенія грузинскій князь, очень добрый, очень храбрый, но совсѣмъ не культурный; въ военномъ искусствѣ онъ не шелъ далѣе полковыхъ маневровъ. Медвѣдовскій былъ довольно образованный штабный офицеръ, пріобрѣвшій нѣкоторую боевую опытность въ несчастную сербо-турецкую войну, во время которой онъ состоялъ при Черняевѣ. Оба они, по старой традиціи, несостоятельность которой ясно доказали всѣ послѣднія войны, смотрѣли нѣсколько свысока на всѣ другіе роды оружія; по ихъ мнѣнію ничто не могло устоять передъ кавалерійскимъ натискомъ. Но „натисковъ“ намъ вовсе не было нужно: на равнинѣ, на которой мы стояли, непріятель и не думалъ насъ тревожить, а въ горахъ кавалерійскія атаки, при современномъ вооруженіи, ведутъ только, какъ это мы не разъ испытали, къ безцѣльной потерѣ людей. Намъ нужна была постоянная, тщательная развѣдочная служба, а къ несчастью для нея наша очень многочисленная кавалерія была плохо приспособлена. Въ драгунскихъ полкахъ грузныя, рослыя лошади не выносили жаркаго климата, недостатка воды и необычайной пыли. Казаки, въ смыслѣ выносливости лошадей и ловкости людей, были превосходны, но они не умѣли „развѣдывать“; темпераментъ ли это, или искони пріобрѣтенныя привычки, они были необыкновенно стойки въ пикетахъ, отстрѣливаясь до послѣдней крайности, никогда не покидая порученный имъ постъ, но не умѣли ни разсматривать мѣстность, ни выслѣживать непріятеля. Не разъ приходилось мнѣ слышать самыя фантастическія донесенія о мѣстностяхъ мнѣ очень хорошо извѣстныхъ. Даже совершенно плоскую

долину Аракса съ нашей огромной кавалеріей (болѣе 2.000 лошадей) мы не могли охранять отъ постоянныхъ набѣговъ турецкой конницы, которая вырѣзывала цѣлыя деревни, уводила скотъ и преспокойно возвращалась домой. Наши эскадроны, какъ оффенбаховскіе карабинеры, являлись всегда слишкомъ поздно... Оба штаба, которые я посѣщалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, потому что и тутъ, и тамъ были добрые люди и потому что въ военное время привыкаешь быть не особенно разборчивымъ, были не въ ладу. Когда получалось приказаніе выступать, въ кавалеріи говорили громко и не стѣсняясь: „зачѣмъ это? и куда мы пойдемъ? нигдѣ нѣтъ шансовъ на успѣхъ“. Когда мы долго стояли на мѣстѣ, тѣ же люди проповѣдывали необходимость идти немедленно впередъ. Особенно разъѣдающимъ элементомъ былъ кавалерійскій бригадный командиръ кн. Щербатовъ. Полу-штатскій, полу-военный, онъ былъ сначала офицеромъ генеральнаго штаба, а потомъ губернаторомъ гдѣ-то въ Литвѣ. Это былъ очень милый, общительный, свѣтски образованный и по-своему умный человѣкъ, съ которымъ я очень любилъ встрѣчаться, что не помѣшало мнѣ сказать ему разъ: —Помилуйте, князь! васъ надо бы повѣсить на первой осинѣ, потому что еслибы было нѣсколько такихъ, какъ вы, никакая армія не была бы возможна.—Онъ все порицалъ и смѣялся, не безъ остроумія, надъ всѣми. Тергукасова считалъ онъ бездарностью, своего начальника Амилахвари не ставилъ ни въ грошъ и особенно презиралъ Филиппова, котораго почему-то называлъ Филипьевымъ. Онъ очень удачно передразнивалъ его въ самомъ дѣлѣ нѣсколько романтическую посадку на лошади, представлялъ, какъ у него дрожитъ въ рукахъ бинокль, когда онъ, находясь въ сферѣ огня, осматриваетъ поле сраженія, словомъ — выдѣлывалъ изъ него довольно забавную карикатуру, и притомъ при своихъ офицерахъ, отнимая у нихъ такимъ образомъ всякое довѣріе къ человѣку, отъ котораго все-таки въ значительной мѣрѣ зависѣли событія—а безъ довѣрія къ начальникамъ военныя предпріятія рѣдко удаются.

Рядомъ съ этими плохими военными, но все-же очень порядочными людьми, были совершенные уроды, и приходилось только удивляться, какъ благоустроенная армія могла ихъ терпѣть: отъ нихъ пахло самымъ сквернымъ, самымъ дикимъ Востокомъ. Вотъ, напримѣръ, флигель-адъютантъ персидскій принцъ Риза Кули Мирза. Хотя въ полковничьемъ чинѣ, онъ командовалъ бригадой, правда—иррегулярной кавалеріи. Оба его полка стояли далеко въ горахъ; онъ къ нимъ никогда не ѣздилъ, жилъ безвыѣздно въ Игдырѣ, окруженный разными „пажами“, имѣлъ

отличнаго повара и задавалъ очень вкусные обѣды, не смотря на трудность доставать какіе-либо припасы. Отправляясь разъ въ Кульпъ, гдѣ стоялъ одинъ изъ его полковъ, для осмотра знаменитыхъ и, дѣйствительно, очень интересныхъ копей каменной соли, я справился, нѣтъ ли у него какихъ порученій командиру полка. Онъ очень меня благодарилъ и далъ какой-то конвертъ. Командира—это былъ, если не ошибаюсь, кн. Баратовъ, тоже изъ полудикихъ—и нѣсколькихъ офицеровъ я нашелъ; всѣ они играли съ утра до ночи въ карты и весело закусывали, но полка не было: онъ дня три передъ этимъ почти весь разбѣжался. Повидимому это необычайное обстоятельство—замѣтьте, что полкъ стоялъ верстахъ въ десяти отъ непріятельскихъ аванпостовъ—нимало не смутило Баратова: онъ даже не счелъ нужнымъ донести объ этомъ своему бригадному командиру. Да и бригадный этимъ нимало не интересовался. Когда я вернулся въ Игдырь и разсказалъ ему о печальной участи его полка, онъ только вздохнулъ и сказалъ мнѣ:

— Теперь мнѣ будетъ меньше дѣла!

Многіе изъ моихъ читателей, пожалуй, подумаютъ, что этотъ эпизодъ—чистый вымыселъ, что ничего подобнаго случиться не могло: до того это кажется невѣроятнымъ. Смѣю увѣрить, что это—сущая и совсѣмъ не прикрашенная правда.

Съ другой стороны не могу не припомнить, съ нѣкоторою благодарностью, этого опереточнаго принца за услуги, которыя онъ не разъ, хотя бы и отрицательно, мнѣ оказывалъ. Когда было какое-нибудь дѣло съ непріятелемъ, малое или большое, онъ всегда выѣзжалъ на своей чрезвычайно красивой полу-арабской лошади. Бывало, въ горахъ трудно сразу разобраться, куда мнѣ ѣхать съ моими многочисленными повозками; но стоило мнѣ только посмотрѣть, гдѣ былъ зеленый значокъ Риза Кули Мирзы, чтобы знать съ достовѣрностью, куда ѣхать не стоитъ—тамъ раненыхъ не будетъ. Онъ, какъ и Филипповъ, перестрѣлки не любилъ, но, въ противоположность Филиппову, онъ не былъ самолюбивъ и впередъ не подавался.

Другой дикарь, но только во всѣхъ отношеніяхъ хуже, былъ генералъ Калбалай Нахичеванскій, командовавшій передовой линіей кавалеріи. Онъ жестоко колотилъ солдатъ, извлекалъ выгоды изъ своего положенія и о военномъ искусствѣ зналъ немного болѣе того, что зналъ въ свое время Чингисъ-ханъ. Съ нимъ случилась, во время моего пребыванія въ Игдырѣ, очень смѣшная и для нашего отряда пренепріятная исторія.

Приходитъ разъ ко мнѣ Филипповъ, весьма раздраженный,

и разсказываетъ, что за два дня передъ этимъ получилъ донесеніе отъ Калбалай-хана о лихомъ кавалерійскомъ дѣлѣ. Таборъ въ пятьсотъ курдовъ, прорвавшись черезъ наши пикеты, напалъ на армянскую деревню, изрубилъ много народа, но былъ встрѣченъ при выходѣ изъ нея казачьей сотней, которая ударила во флангъ, убила нѣсколько десятковъ непріятельскихъ всадниковъ и взяла въ плѣнъ тридцать человѣкъ. Объ этомъ было тотчасъ телеграфировано великому князю, который приказалъ считать этихъ плѣнныхъ простыми разбойниками, судить полевымъ судомъ и немедленно казнить. Филипповъ счелъ нужнымъ предупредить объ этомъ турецкаго военачальника, прибавивъ, что и впредь будетъ поступать такъ же. Надлежало написать письмо по-французски, какъ это всегда дѣлается въ международныхъ сношеніяхъ; но въ штабѣ никто не былъ достаточно увѣренъ во французской орѳографіи, и Филипповъ обратился ко мнѣ. Письмо было написано, переписано и отправлено въ тотъ же день начальнику штаба Измаила-паши съ особымъ парламентеромъ. Оставалось исполнить приказаніе великаго князя. Но тутъ-то и встрѣтились совершенно неожиданныя затрудненія: никакихъ плѣнныхъ курдовъ не оказалось, потому что вообще никакого кавалерійскаго дѣла не было; вѣрно было только то, что курды безнаказанно ограбили несчастную деревню; все остальное представлялось продуктомъ Калбалай-хановской фантазіи. Еслибъ эта странная исторія не вышла за предѣлы нашего отряда, все осталось бы шито да крыто; но, желая похвастаться, вмѣшали великаго князя—и дѣло осложнилось. Какъ изъ него выпутались, я не знаю; никто въ штабѣ о немъ ужъ не говорилъ, а я, изъ понятной деликатности, не спрашивалъ. Воображаю, какъ Измаилъ-паша съ своимъ начальникомъ штаба подсмѣивались лукаво надъ нашей наивностью! Во всемъ этомъ дѣлѣ выиграли восемь казаковъ, которые были представлены къ наградѣ и получили Георгія прежде чѣмъ открылась печальная истина.

Между этими плохими военными и совершенно никуда не годными людьми ярко выдѣлялся только одинъ человѣкъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ войны встрѣтился я въ Парижѣ съ Лорисъ-Меликовымъ и мы разговорились о тогдашнихъ событіяхъ.

— Скажите мнѣ откровенно,—спросилъ онъ меня,—какое ваше мнѣніе о военныхъ, видѣнныхъ вами въ Игдырѣ?

Я ему отвѣтилъ, что настоящаго военнаго видѣлъ только одного...

— И тотъ былъ нѣмецъ!—добавилъ Меликовъ.

Это былъ дѣйствительно бывшій лейтенантъ прусской гвар-

діи, перешедшій въ русскую службу и только что произведенный въ генералы, фонъ-Шакъ; онъ потомъ командовалъ корпусомъ въ Одессѣ и кончилъ необъясненнымъ самоубійствомъ. Человѣкъ высоко образованный и въ общечеловѣческомъ смыслѣ, и въ смыслѣ военной спеціальности, онъ обладалъ всѣми качествами военачальника: яснымъ взглядомъ на общее положеніе дѣлъ, быстротой соображенія на полѣ сраженія, организаторскимъ талантомъ, энергіей, настойчивостью. Еслибы я могъ выразить вполнѣ свою мысль, я сказалъ бы Меликову, что Шака надо было поставить не во главѣ бригады, или даже Эриванскаго отряда, а всѣхъ кавказскихъ войскъ; можно сказать навѣрное, что онъ не надѣлалъ бы тѣхъ колоссальныхъ ошибокъ, которыя характеризовали всю эту кампанію и повлекли за собою столько ненужныхъ жертвъ. Но въ странѣ чиновъ и чинопочитанія, гдѣ исканіе талантовъ ограничивается областью высшихъ ступеней іерархіи, это была, конечно, несбыточная химера.

Я часто ходилъ къ фонъ-Шаку отвести душу отъ тѣхъ вѣчныхъ сплетенъ, пререканій, злословій, которыми жилъ нашъ игдырскій лагерь. Его палатка была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ не слышно было упрековъ всѣмъ и всему, гдѣ раздавались благоразумныя и спокойныя рѣчи о совершившихся событіяхъ. Шакъ очевидно сознавалъ свое несомнѣнное превосходство надъ окружавшей его средой, но онъ слишкомъ былъ проникнутъ чувствомъ военнаго долга, слишкомъ былъ убѣжденъ въ необходимости умственной дисциплины, чтобы громогласно осуждать начальство. Онъ только давалъ совѣты, которые не разъ выводили нашъ отрядъ изъ неминуемой бѣды. Нечего говорить, что въ штабѣ его не любили, и при первой возможности выпроводили въ корпусъ Лорисъ-Меликова, гдѣ онъ въ послѣднюю часть кампаніи оказалъ огромныя услуги, умѣряя во-время излишній пылъ всѣхъ этихъ кавказскихъ генераловъ, въ родѣ Геймана и Лазарева, которые умѣли только лихо устилать поле сраженія трупами своихъ солдатъ.

Но не однимъ недостаткомъ въ подходящихъ начальникахъ страдалъ нашъ Эриванскій отрядъ; сама его организація никуда не годилась въ военномъ отношеніи. Это не была сплоченная однородная единица, а какая-то мозаика, которую безпрестанно передѣлывали. То пришлютъ бригаду или даже цѣлую дивизію, то возьмутъ вдругъ нѣсколько полковъ, подъ предлогомъ, что тутъ или тамъ предполагается наступательное движеніе. Но ни тамъ, ни тутъ никакихъ наступленій не происходило; все дѣло сводилось къ безцѣльнымъ и въ томъ краѣ крайне утомительнымъ

передвиженіямъ войскъ. Ясно было, что нигдѣ не существовало никакого общаго плана; все дѣлалось случайно, на удачу, и дѣлами заправляли не мы, а турки, заставляя насъ то подвигаться, то отступать, до тѣхъ поръ, пока, окончательно истощившись, они открыли намъ путь впередъ черезъ Саганлугъ къ Эрзеруму. При такихъ условіяхъ нечего удивляться нашимъ огромнымъ потерямъ деньгами и людьми. Я говорю здѣсь о томъ, что лично видѣлъ; но изъ разныхъ сочиненій о войнѣ 1877-го года я убѣдился, что и на другихъ театрахъ войны было то же самое. И на Дунаѣ было какое-то странное безначаліе; происходили постоянныя столкновенія между различными штабами, безпрестанная перетасовка войсковыхъ частей, которыя направлялись то въ одну сторону, то въ другую, вовсе не вслѣдствіе какихъ-либо общихъ соображеній, а подъ вліяніемъ минутныхъ вдохновеній тѣхъ или другихъ военачальниковъ. И тамъ не было никакого опредѣленнаго плана, никакой разъ навсегда установленной системы; и тамъ, какъ у насъ въ Эриванскомъ отрядѣ, все шло на-авось.

Когда я въ началѣ іюля пріѣхалъ въ Игдырь, погода стояла чудесная, по крайней мѣрѣ на вкусъ тѣхъ, кто, какъ я, любитъ жару. Нѣсколько утомительно было только въ первое время, съ непривычки, чрезмѣрное постоянство температуры: днемъ термометръ доходилъ до 36°, а ночью не спускался ниже 30°. Для моего лагеря любезно отвели очень удобное и тѣнистое мѣсто въ томъ самомъ саду, гдѣ помѣщался штабъ; тутъ я разбилъ свои палатки и прожилъ до тѣхъ поръ, пока дурная погода не заставила меня переѣхать въ мой складъ, помѣщавшійся въ необычайно грязной постройкѣ, которая имѣла претензію называться „домомъ". Изъ моей палатки виденъ былъ Араратъ, и, признаюсь, я не могъ имъ налюбоваться. На своемъ вѣку видѣлъ я много красивыхъ картинъ природы, но только три изъ нихъ остались глубоко врѣзанными въ память: Неаполитанскій заливъ при солнечномъ восходѣ, долина Нила съ лежащею за нею песчаной равниной и пирамидами, какъ она видна съ площадки мечети Магомета-Али въ Каирѣ, и Араратъ, при безконечно разнообразныхъ солнечныхъ или лунныхъ освѣщеніяхъ. Онъ великолѣпенъ не своей величиной—онъ только немногимъ выше Монъ-Блана и ниже Эльборуса,—а своей красивой, правильной формой и своимъ исключительнымъ положеніемъ на совершенно плоской долинѣ. Изъ Игдыря, откуда не замѣтенъ его придатокъ, малый Араратъ, онъ представляется въ видѣ

огромнаго приплюснутаго конуса темнаго, почти чернаго цвѣта, на которомъ ярко выдѣляется его снѣжная вершина. Этотъ контрастъ между широкой равниной и вершиной, достигающей 4.500 метровъ, производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Я никогда не любилъ лазить по горамъ, но на Араратъ стоило подняться, хотя бы для того, чтобы посмотрѣть его петрографическое строеніе, о которомъ всходившіе на него путешественники не сообщили никакихъ мало-мальски точныхъ свѣдѣній. Выѣзжая изъ Парижа въ полномъ убѣжденіи, что война скоро кончится, я захватилъ съ собой точный барометръ и тщательно вывѣренные термометры. Увы! война затянулась, и о такой экскурсіи не могло быть и рѣчи.

Странное дѣло! между армянами—и не только невѣжественными—глубоко укоренилось повѣрье, что со временъ старика Ноя и его ковчега ни одна человѣческая нога не ступала на вершину Арарата, что долженъ погибнуть тотъ человѣкъ, который попытается ея достигнуть. Какъ-то разъ изъ штаба послали меня въ Эчміадзинъ склонить „католикоса"—армянскаго папу—отдать подъ госпитали совсѣмъ ему ненужныя, довольно обширныя строенія. Разговорившись съ нимъ, я выразилъ ему сожалѣніе о томъ, что не могу предпринять свою экскурсію. Онъ только руками всплеснулъ.

— Какъ можно! Тамъ никогда никто не былъ, да и не могъ быть, потому что самъ Богъ запретилъ доходить до вершины Арарата.

Такъ мнѣ и не удалось его убѣдить, что тамъ были и Парротъ въ началѣ XIX вѣка, и Ходзько, когда производилъ тріангуляцію. Противъ слѣпой вѣры факты, какъ бы очевидны они ни были, совершенно безсильны.

Мой пріятель Шварцъ скоро меня покинулъ. Заѣденный мошками, которыя какъ-то особенно дѣйствовали на его нервную систему, разслабленный безсонницей и непривычной пищей, онъ покинулъ безъ сожалѣнія Арменію и пустился, не зная ни слова по-русски, въ обратный долгій путь изъ Игдыря въ Парижъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не пытался путешествовать въ странахъ, гдѣ нѣтъ экстренныхъ поѣздовъ и хорошихъ гостинницъ. Его скоро замѣстилъ только что пріѣхавшій въ нашъ отрядъ корреспондентъ парижской газеты „Temps" — Кутули. Я несказанно ему обрадовался: онъ принесъ клочокъ западной цивилизаціи въ некультурную среду, въ которой мнѣ приходилось вращаться. Хотя я съ нимъ прежде не встрѣчался, но у насъ было столько общихъ знакомыхъ, столько общихъ литературныхъ и

политическихъ интересовъ, что онъ сталъ для меня, съ перваго же дня, своимъ человѣкомъ. Талантливый, широко образованный, всегда веселый и всегда безропотно переносившій всѣ невзгоды походной жизни, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ идеальнымъ товарищемъ. Я тотчасъ же помѣстилъ его въ своемъ лагерѣ, и онъ былъ моимъ спутникомъ во всѣхъ моихъ перемѣщеніяхъ, до тѣхъ поръ, пока и его крѣпкая натура не сломилась въ этомъ лихорадочномъ климатѣ, при невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ, и онъ уѣхалъ лѣчиться въ Тифлисъ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ рѣдко встрѣчался; послѣ войны онъ посвятилъ себя консульской карьерѣ, перебывалъ въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ и живетъ теперь гдѣ-то въ провинціи, въ качествѣ отставного дипломата. Но добрую, благодарную память о немъ сохранилъ я до сихъ поръ; онъ внесъ тогда въ мою однообразную, скучную жизнь живой умственный и нравственный элементъ.

Крайне скучна была жизнь не только вслѣдствіе низкаго уровня культуры окружающей среды, но и потому, что большею частью нечего было дѣлать. Въ военное время, когда нѣтъ никакихъ боевыхъ стычекъ и той усиленной дѣятельности, которая имъ предшествуетъ и за ними слѣдуетъ, приходится томительно сидѣть сложа руки безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Кутули писалъ свои бойкія корреспонденціи, имѣвшія тогда большой успѣхъ; я писалъ письма Литтре, которыя были потомъ напечатаны въ нашемъ журналѣ; но за всѣмъ этимъ оставалось много свободныхъ часовъ, и мы вели безконечные разговоры о разныхъ гражданскихъ и военныхъ матеріяхъ.

А боевыхъ стычекъ въ іюлѣ и августѣ было мало, да и тѣ сводились большею частью на аванпостныя перестрѣлки. Нашему тогда еще 15-тысячному отряду поручена была совсѣмъ непосильная задача. Съ одной стороны, мы должны были охранять шестидесяти-верстную равнину отъ возможныхъ покушеній Измаила-паши, который могъ внезапно прорвать нашу слабую линію и напасть на Игдырь, гдѣ были всѣ наши артиллерійскіе и интендантскіе склады; съ другой — намъ предстояло воспользоваться удобнымъ случаемъ и сбить непріятеля съ занимаемыхъ имъ надъ нами господствующихъ высотъ. Ни того, ни другого выполнить было невозможно, и потому благоразумнѣе всего было стоять на мѣстѣ и ждать, не придетъ ли на выручку какое-нибудь благопріятное обстоятельство. Такъ мы и поступали, вопреки воинственнымъ совѣтамъ Филиппова: были мелкія столкновенія передовыхъ линій, почти всегда неудачныя погони за

курдами или башибузуками, которые, благодаря своимъ отличнымъ лошадямъ, обыкновенно успѣвали удрать; но настоящихъ „дѣлъ“ не было. Только въ самыхъ послѣднихъ числахъ августа, подкрѣпившись нѣсколькими полками, присланными намъ изъ подъ Карса, пошли мы впередъ, верстъ на сорокъ отъ Игдыря, въ горы, противъ лѣваго фланга турокъ. Зачѣмъ пошли мы туда? Не могли же мы разумно надѣяться, что собьемъ съ очень укрѣпленной позиціи несравненно сильнѣйшаго непріятеля, для котораго эта позиція, охранявшая его путь сообщенія съ арміей Мухтара-паши, была первостепенной важности? Въ штабѣ, обыкновенно столь многорѣчивомъ, сохраняли какое-то таинственное молчаніе. Я спросилъ у Щербатова.

— Ноги проминать — слишкомъ ужъ долго сидѣли мы на мѣстѣ, — отвѣчалъ онъ.

Это было, кажется, самое правдоподобное объясненіе.

Походъ этотъ мнѣ очень памятенъ. Чтобы скрыть по возможности наше движеніе, мы шли ночью; погода была въ долинѣ очень жаркая, пыль стояла такая, что въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Сопровождая лазаретныя повозки и фургоны, входившіе въ составъ общаго отряднаго обоза, я двѣ ночи подъ рядъ не слѣзалъ съ лошади и, признаюсь, довольно-таки измучился. Обозъ этотъ растягивался на нѣсколько верстъ, потому что надо было все нести съ собой; въ горахъ, куда мы шли, кромѣ камней ничего не было: ни подножнаго корма, ни воды, ни какихъ-либо припасовъ въ немногихъ встрѣчавшихся поселеніяхъ, давно покинутыхъ жителями. Временами безконечный обозъ вдругъ останавливался; я посылалъ казака узнать, не фура ли гдѣ поломалась, не упряжная ли лошадь пала; большею частью оказывалось, что въ головномъ экипажѣ командующій обозомъ маіоръ заснулъ, заснулъ тоже его кучеръ, заснули его лошади, а за ними какъ бы замеръ на мѣстѣ весь измученный обозъ. Наконецъ, я предложилъ маіору ѣхать рядомъ съ его таратайкой и прикрикивать, когда нужно, на его кучера; въ это время Кутули зорко слѣдилъ за судьбой моихъ повозокъ, находившихся почти въ хвостѣ транспорта. Особенныхъ усилій стоило мнѣ охранять бочки съ водой отъ покушенія мимо проходившихъ, жаждою страдавшихъ солдатъ. Но бочки эти были предназначены для раненыхъ, и сохранить ихъ надо было во что бы то ни стало въ этихъ безводныхъ краяхъ; пришлось приставить къ нимъ караулъ съ самыми строгими приказаніями.

Наконецъ достигли мы до конечнаго пункта нашего военнаго путешествія и расположились лагеремъ вокругъ дрянной дере-

вушки Мулла-Хамаръ. Въ горахъ погода рѣзко перемѣнилась; стало холодно и дождь шелъ ливнемъ. Деревушки, черезъ которыя мы проѣзжали, представляли чрезвычайно интересный типъ циклопическихъ построекъ: стѣны были сложены изъ плоскихъ плитъ, взятыхъ изъ окружающихъ скалъ и положенныхъ другъ на друга безъ всякаго цемента; плоская крыша состояла изъ нѣсколькихъ тонкихъ жердей, переплетенныхъ камышомъ, который покрывалъ слой глины. Такъ какъ эти искусственно сложенные камни не отличались ни цвѣтомъ, ни формой отъ вблизи лежавшихъ натуральныхъ камней, можно было и не замѣтить, что находишься въ селеніи, а то и попасть невзначай на крышу. Я раза два чуть не провалился, а д-ръ Бетлингъ провалился совсѣмъ и такъ неудачно, что пришлось разобрать саклю, чтобы высвободить его лошадь.

Простояли мы около Мулла-Хамара дней восемь, дѣлали чуть не каждый день усиленныя рекогносцировки, во время которыхъ штабные офицеры смотрѣли въ огромную подзорную трубу и считали турецкія палатки; собирали военные совѣты, на которыхъ наши мудрые начальники никакъ не могли между собою сговориться. Но изъ всего этого рѣшительно ничего не вышло—развѣ только то, что, благодаря скверной погодѣ, плохой пищѣ и недостатку воды, у насъ скоро оказалось огромное число больныхъ, которыхъ приходилось каждый день отправлять назадъ многими десятками. Во время этой безплодной стоянки пришло извѣстіе, что давно мною затребованныя и столь намъ нужныя одноколки наконецъ прибыли. Захвативъ съ собой пріятеля Кутули и двухъ казаковъ, я отправился за ними въ Игдырь. По дорогѣ съ нами случилось совершенно невѣроятное приключеніе, которое едва не кончилось самымъ непріятнымъ образомъ.

Мы какъ-то сбились съ пути, потеряли цѣлый часъ и были застигнуты ужасной грозою, быстро обратившею обычную пыль въ жидкую грязь, а потомъ окутавшею насъ непроницаемымъ мракомъ южной безлунной и облачной ночи. До Игдыря оставалось намъ еще верстъ шесть-семь, какъ вдругъ послышался грубый окрикъ: „стой! кто идетъ?“ и въ нѣсколькихъ шагахъ фырканье лошадей. Это былъ драгунскій разъѣздъ. Какимъ образомъ въ ночной тишинѣ никто изъ насъ не слыхалъ приближенія десяти всадниковъ тяжелой кавалеріи — это необычайное явленіе объясняется только особымъ свойствомъ тамошняго грунта. Не безъ содроганія подумали мы о томъ, что бы съ нами сталось, еслибы на мѣсто драгунъ мы встрѣтили такъ же неожиданно партію башибузуковъ; но и съ драгунами не такъ-то

легко было справиться. Слыша незнакомый ему языкъ, унтеръ-офицеръ принялъ насъ за турецкихъ шпіоновъ и потребовалъ у меня „бумаги“; никакихъ бумагъ у меня, разумѣется, не было, что показалось ему совсѣмъ подозрительнымъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ взять насъ въ плѣнъ и везти съ собой къ начальству, да не въ Игдырь, куда мы за нимъ съ удовольствіемъ послѣдовали бы, а назадъ на аванпостъ, куда направлялся разъѣздъ, что совсѣмъ уже не входило въ наши намѣренія. Къ счастью припомнилъ я, что у Кутули всегда въ карманѣ его оффиціальная карта корреспондента съ печатью штаба. Но тутъ представилось новое затрудненіе: фонаря не было, а подмоченныя спички отказывались зажигаться. Наконецъ раздобыли мы довольно свѣта, чтобы дать возможность нашему строгому драгуну убѣдиться въ достовѣрности представленнаго ему документа, и мы могли продолжать свой прерванный путь, встрѣтивъ, однако, еще окликъ пѣхотнаго часового; но на этотъ разъ солдатъ удовольствовался простымъ отвѣтомъ: „свой“! Направились мы прямо въ кавалерійскій штабъ, гдѣ не безъ нѣкотораго раздраженія разсказали о непріятномъ инцидентѣ нашего путешествія. Генералъ Амилахвари пришелъ въ совершенный восторгъ, узнавъ, что его кавалерія такъ усердно исполнила свою обязанность. Бѣдному Кутули только сильно взгрустнулось: оказалось, что во время нашей стычки съ драгунами онъ выронилъ свой бумажникъ, въ которомъ были всѣ его документы и, кромѣ того, пять сторублевыхъ ассигнацій. Найти его въ жидкой грязи на мѣстѣ, которое мы не могли указать даже приблизительно, не было никакого вѣроятія—однако казацкій разъѣздъ, посланный Амилахвари на поиски, какимъ-то необъяснимымъ чудомъ нашелъ бумажникъ въ полной сохранности.

Только что отрядъ нашъ вернулся въ Игдырь, какъ турки начали нападать то на тотъ, то на другой пунктъ нашей крайне растянутой линіи. Все это были аванпостные эпизоды, въ которыхъ наши потери были ничтожны и которые не могли имѣть никакого стратегическаго значенія; но 15 сентября завязалось, совершенно впрочемъ случайно, настоящее „дѣло“. Рано утромъ послышались гдѣ-то далеко на правомъ флангѣ пушечные выстрѣлы; я тотчасъ же велѣлъ запречь одноколки и собрать санитаровъ, а самъ поѣхалъ въ штабъ. Но штабъ уже уѣхалъ на „позицію“, верстахъ въ двухъ впереди, гдѣ былъ довольно высокій земляной валъ и откуда турецкій лагерь, стоящій противъ Игдыря, былъ хорошо виденъ. Оказалось, что въ штабѣ никто ничего не зналъ и что послана была для собиранія свѣдѣній казацкая сотня.

Прождавши безполезно цѣлый часъ, я рѣшился, съ соизволенія начальства, отправиться съ повозками напрямикъ въ Чарухчи— большое селеніе, въ которомъ были главныя силы нашего крайняго праваго фланга. Но тамъ я нашелъ только нѣсколько ротъ, оставленныхъ для прикрытія лагеря и обоза; вся колонна, подкрѣпленная еще войсками, вызванными изъ сосѣднихъ селеній, была давно впереди.

Вотъ что случилось. Утромъ рано нѣсколько турецкихъ батальоновъ спустились съ горъ и атаковали наши аванпосты. Атака была легко отбита, и мы преслѣдовали непріятеля по пятамъ до тѣхъ поръ, пока не натолкнулись на рядъ траншей. Первая изъ нихъ была взята, потомъ вторая и третья; непріятель не особенно упорно защищалъ ихъ, но, взобравшись на довольно обширное плато, на которое съ трудомъ можно было поднять нѣсколько орудій, мы должны были остановиться: ужасный пушечный и ружейный огонь поражалъ насъ съ фронта и съ фланговъ. Ясно было, что наши войска, преслѣдуя непріятеля, систематически отступавшаго на свою сильно укрѣпленную позицію, ненужно зарвались; общаго распоряженія не было, и батальоны дѣйствовали каждый по-своему, по вдохновенію своихъ командировъ. Прошибить лбомъ эту каменную стѣну, вооруженную орудіями большого калибра, не было никакой возможности, и единственной раціональной мѣрой было немедленное отступленіе. Наконецъ, появился бригадный командиръ, храбрый кавказецъ, старикъ генералъ Броневскій; онъ принялъ общее командованіе надъ разрозненными войсками и приказалъ идти впередъ. Это было очевидное безуміе.

Когда я около часу пополудни, оставивъ позади повозки, направлялся по горнымъ тропинкамъ къ полю сраженія, я встрѣтился съ семидесятилѣтнимъ генераломъ Девелемъ, который былъ только что контуженъ осколкомъ гранаты въ правое плечо.

— Зачѣмъ вы туда ѣздили?—спросилъ я его:—тамъ нѣтъ никакихъ частей вашей дивизіи.

— Да хотѣлось посмотрѣть, какъ тамъ дерутся.

Вотъ какіе были тогда „герои“. Храбрецами, сорви-головами они дѣйствительно были, но военнаго искусства совсѣмъ не знали. Хотя контузія была легкая, но въ старые годы и такой ушибъ можетъ быть опаснымъ. Девель пролежалъ двѣ недѣли въ постели, оставивъ свою дивизію безъ настоящаго начальника въ то время, когда для нашихъ военныхъ дѣлъ приближалась рѣшительная минута.

На перевязочномъ пунктѣ, совсѣмъ неудачно выбранномъ,

такъ какъ онъ съ одной стороны подвергался ружейному огню турокъ, засталъ я уже много раненыхъ, которыхъ очень усердно и хладнокровно, хотя и не очень умѣло, перевязывали и переписывали совсѣмъ молодые полковые врачи. Я посовѣтовалъ отнести перевязочный пунктъ нѣсколько назадъ и тотчасъ послалъ за повозками, которыя стали совершать рейсы въ Чарухчи, гдѣ былъ небольшой госпиталь, и обратно. Мои санитары, какъ плохи они ни были, помогали очень кстати совершенно недостаточному военному персоналу, и подъемъ раненыхъ и убитыхъ пошелъ быстро. Часовъ въ 5 встрѣчаю я Медвѣдовскаго, только что прибывшаго изъ Игдыря.

— Что мы тутъ дѣлаемъ?—спрашиваю я его.

— Глупости! Я пріѣхалъ съ приказаніемъ прекратить огонь и отступать.

— Наконецъ-то!

Въ 6 часовъ орудія смолкли, ружейная трескотня прекратилась, а въ 7 всѣ раненые—свыше двухсотъ—были уложены въ повозки и отправлены. Это было наглядное доказательство, что при достаточныхъ перевязочныхъ средствахъ и умѣломъ ихъ употребленіи помощь раненымъ можетъ быть и быстра, и дѣйствительна. Съ послѣднимъ транспортомъ отправился и я въ обратный путь.

Но каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ на полдорогѣ сначала отрядъ Арсеньева, а нѣсколько дальше и отрядъ Бетлинга, которые преспокойно останавливаютъ мои повозки, вынимаютъ изъ нихъ раненыхъ и вторично ихъ перевязываютъ—вѣроятно, для внесенія ихъ въ статистику. Это мнѣ напомнило „перехороненіе" игдырскаго попа; но на этотъ разъ это было совсѣмъ не смѣшно, и я не на шутку разсердился, грозя жаловаться въ штабъ и отослать оба отряда обратно въ Тифлисъ. Д-ръ Бетлингъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1878-мъ году, представляетъ свою дѣятельность въ такомъ видѣ, какъ будто въ Эриванскомъ отрядѣ только онъ, да отчасти Арсеньевъ, были представителями Краснаго Креста и помогали военно-санитарной организаціи. А между тѣмъ въ обоихъ ихъ отрядахъ было не болѣе дюжины конныхъ носилокъ и двѣ палатки, на десять раненыхъ каждая, съ совершенно неопытнымъ медицинскимъ персоналомъ. Такъ пишется иногда исторія, особенно въ военное время.

Послѣ этой несчастной и ненужной стычки наступилъ опять періодъ спокойствія, и только изрѣдка слышались аванпостныя перестрѣлки. Но 4-го октября послышалась вдругъ усиленная

канонада: это были холостые выстрѣлы, возвѣщавшіе побѣду, одержанную наканунѣ Карскимъ отрядомъ надъ арміей Мухтара. Въ зрительную трубу, которая у насъ, не знаю почему, называлась „телескопомъ“, хорошо было видно, какъ турки, стоявшіе лагеремъ на высотахъ, вышли изъ своихъ палатокъ и смотрѣли на эту ненужную пальбу. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ получили мы приказаніе немедленно атаковать Измаила-пашу и преслѣдовать его настойчиво, чтобы предупредить его соединеніе съ Мухтаромъ. Пока мы собирались, турки незамѣтно ушли, оставивъ пустыя палатки, которыя мы продолжали принимать за населенный лагерь. 6-го числа выступили мы тремя колоннами по направленію трехъ переваловъ, соединявшихъ долину Аракса съ долиной Мысуна; я шелъ съ средней колонной, при которой находился самъ Тергукасовъ. Первый день былъ неудаченъ. Непріятеля мы встрѣтили только подходя къ самой вершинѣ, но тутъ онъ защищался настолько упорно, что фронтальную атаку сочли невозможной, и рѣшено было сдѣлать на другой день обходное движеніе. На другой день, какъ только разсѣялся довольно густой ночной туманъ, посланный разъѣздъ принесъ извѣстіе, что никакихъ турокъ уже нѣтъ и что передъ нами наканунѣ было всего четыре батальона. Мы не только промахнули Измаила, но отпустили и его послѣдній арьергардъ. Турецкій генералъ еще разъ ловко обманулъ насъ; турки, какъ извѣстно, въ дѣлѣ военныхъ хитростей большіе мастера. Дальнѣйшее наше движеніе было столь же безуспѣшно. Подъ предлогомъ дурныхъ дорогъ и необходимости стягивать свои обозы, шли мы черепашьимъ шагомъ, вездѣ останавливаясь и постоянно опаздывая. Въ палатку Тергукасова безпрестанно созывались начальники колоннъ для совѣщаній; во всемъ чувствовалась нерѣшительность. А въ это время Измаилъ со всѣми своими обозами и по тѣмъ же дорогамъ быстро уходилъ отъ насъ и безпрепятственно соединился съ Мухтаромъ, чтобы преградить намъ дорогу къ Эрзеруму. Только двѣ недѣли позже, соединившись съ отрядомъ Геймана, мы могли атаковать и разбить турокъ, стоявшихъ лагеремъ у Деве-Бойна.

Я покинулъ Эриванскій отрядъ въ самомъ началѣ этого похода, 10-го октября. Лихорадка въ самой злѣйшей формѣ меня наконецъ сломила, пищеварительные органы отказались дѣйствовать; я едва могъ сидѣть на лошади и, слѣдовательно, былъ только лишнимъ грузомъ въ моемъ летучемъ лазаретѣ. Получивъ разрѣшеніе изъ Тифлиса, я, не безъ сожалѣнія, сдалъ свою должность К. Н. Лишину, состоявшему при штабѣ въ ка-

 committee дипломатическаго чиновника и не имѣвшему никакихъ опредѣленныхъ занятій. Это былъ очень энергичный, храбрый и расторопный молодой человѣкъ, который былъ потомъ консуломъ въ разныхъ восточныхъ городахъ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посланникомъ въ Абиссиніи. Позже узналъ я, что выборъ былъ очень удаченъ и что мой преемникъ старательно и умѣло исправлялъ свои обязанности.

Здѣсь кончается исторія моихъ военныхъ похожденій, среди которыхъ я все-таки оставался штатскимъ, сохранившимъ за собою право судить безпристрастно совершившіяся вокругъ меня событія. Изъ почти четырехмѣсячнаго пребыванія моего въ кавказской арміи вынесъ я самое грустное впечатлѣніе: общая неурядица, отсутствіе военныхъ дарованій, мелкія интриги умственно и нравственно ничтожныхъ личностей—все это мнѣ слишкомъ живо напоминало видѣнное въ 1870-мъ году: какъ тогда, мы не были подготовлены, какъ тогда — начали войну, очертя голову разсчитывая на какое-то проблематическое „авось“. Разница только въ томъ, что мы наконецъ побѣдили турокъ, но только потому, что забросали ихъ не „шапками“, какъ предполагали, а грудами труповъ нашихъ солдатъ.

Я весьма далекъ отъ мнѣнія тѣхъ, которые съ аббатомъ Сенъ-Пьеръ мечтаютъ о вѣчномъ мирѣ, о братствѣ народовъ и уничтоженіи національныхъ границъ. Я глубоко убѣжденъ, что до этихъ идеаловъ человѣчество никогда не доживетъ, да, быть-можетъ, оно и къ лучшему. Природная дикость, которая живетъ внутри каждаго изъ насъ, будетъ всегда имѣть своихъ блестящихъ представителей; всегда будутъ люди, предпочитающіе мирному труду разнообразныя приключенія и неожиданности походной жизни; для такихъ людей, вредныхъ, а иногда и опасныхъ въ нормальномъ общественномъ строѣ, военная профессія представляетъ необходимый предохранительный клапанъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ всего видѣннаго и испытаннаго на поляхъ сраженія на Западѣ и на Востокѣ, я громко возглашаю:—Да здравствуетъ миръ, если не вѣчный, то по возможности долгій!

Г. Н. Вырубовъ.

Парижъ.
Сентябрь, 1910 г.

ПРОРЫВЪ ВЪ ВѢЧНОСТЬ

ПОВѢСТЬ

„Geburt und Grab,
„Ein ewiges Meer,
„Ein wechselnd Weben,
„Ein glühend Leben...“
Göthe („Faust“).

„O, genus attonitum gelidae formidine mortis!“

. . . .

„Omnia mutantur, nihil interit“.
Овидій („Метаморфозы“, XV, 153, 165).

XV *).

Извозчикъ везъ Сумбулова далеко, черезъ весь городъ.

Но онъ зналъ, что та, кого онъ желалъ видѣть, навѣрно дома и ждетъ его.

Для нея онъ и отыскалъ репортера Никифорова и условился съ нимъ отправиться въ чайную на собесѣдованіе.

Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что для одного раза получилъ достаточную „порцію“ впечатлѣній и могъ поразсказать немало о томъ, что сейчасъ видѣлъ и слышалъ.

Его возмутило вмѣшательство полицейскаго „ока“; но внутри онъ былъ, пожалуй, доволенъ тѣмъ, что еслибы та, для которой собственно онъ и попалъ въ „Яму“, пожелала, въ слѣдующее воскресенье, отправиться съ нимъ туда—у него есть теперь пред-

---

*) См. январь, стр. 46.

логъ сказать ей, что, вѣроятно, больше собесѣдованій не будетъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ трактирѣ.

Для него это было связано съ личнымъ „интересомъ“—беря это слово въ дамскомъ смыслѣ.

Съ прошлаго лѣта онъ сталъ сближаться съ молодой дѣвушкой, жившей съ родными на дачѣ, около тѣхъ „выселокъ“, гдѣ у него постоянная квартира.

Клавдія Андреевна Бутова—курсистка-медичка, перешедшая на четвертый курсъ, умница и на его оцѣнку; а онъ очень строгъ къ женскому полу, особенно по части умственности, считаетъ даже громадный приливъ русскихъ дѣвушекъ на курсы болѣе повѣтріемъ, чѣмъ настоящей жаждой знанія, въ особенности точнаго знанія.

Когда они стали вести „обширные“ разговоры, гуляя по академическому парку, онъ сталъ ловить ее на томъ, что она, хоть и училась уже многимъ естественнымъ наукамъ, но все-таки не имѣетъ еще настоящаго „міропониманія“. Это ее немножко обидѣло; но она кончила тѣмъ, что согласилась съ нимъ и стала читать философскія книжки.

И вотъ, съ этого сезона—попавъ на публичную лекцію одного заѣзжаго „богоискателя“ —она стала интересоваться „потустороннимъ“ движеніемъ, правда, больше въ видѣ курьёза.

Онъ ее сразу же сталъ остерегать.

— Вы что же, Левъ Сергѣичъ, боитесь, что я вдамся въ мистицизмъ?

— Коли у васъ нѣтъ такой жилки, то ни въ какую блажь не впадете, Клавдія Андреевна; но толку большого нѣтъ въ томъ, чтобы терять много времени на всякую такую болтовню модныхъ искателей потустороннихъ міровъ.

Она первая прослышала или прочла про эти воскресныя бесѣды въ какомъ-то тамъ трактирѣ и просила его свезти ее туда.

Онъ сначала предложилъ себя въ чичероне и, отыскавъ репортера, отправился сегодня.

Вотъ и переулокъ того урочища, которое онъ всегда въ шутку переводилъ: „au diable, aux petits kouliki“.

Особнякъ въ пять оконъ стоитъ все такой же, чуть не „съ француза“, только немного подновленный, съ крылечкомъ, придѣланнымъ на углу, вмѣсто прежняго стариннаго крыльца на дворѣ.

Клавдія Андреевна живетъ у тетокъ своихъ, старыхъ, тихихъ дѣвицъ, и занимаетъ двѣ комнаты—съ особымъ ходомъ изъ маленькой прихожей.

— Барышня дома? — увѣренно спросилъ Сумбуловъ у пожилой горничной.

— Пожалуйте, баринъ, у себя онѣ.

Она встрѣтила его въ первой комнатѣ, служащей ей кабинетомъ, съ двумя книжными шкапами и письменнымъ столомъ. Два-три стула едва умѣщались въ сторонѣ.

— Вы прямо оттуда, Левъ Сергѣичъ?

Голосъ молодой дѣвушки приласкалъ его сразу. Рослая, съ прекрасной формы бюстомъ, съ густой косой, положенной на маковкѣ въ видѣ короны, и яснымъ лицомъ темной блондинки — она носила дома длинную сѣрую блузу, родъ фартука.

— Прозябли? Хотите кофею или чаю?

— Лучше чаю.

Она усадила его противъ себя, у письменнаго стола.

Сумбуловъ остановилъ на ней замедленный взглядъ. Онъ видался съ ней не такъ часто, какъ бы хотѣлъ того, и каждый разъ находилъ, что она дѣлается все краше.

Про себя онъ уже рѣшилъ, что если его сильно потянетъ къ брачной жизни, то не иначе, какъ вотъ съ такой дѣвушкой.

Вопроса о томъ, нравится ли онъ ей — онъ „категорически" еще не ставилъ себѣ.

Могла вѣдь быть и осѣчка.

— И вы только для меня ѣздили въ такую даль?

Ея шутливый возгласъ сейчасъ же „подвинтилъ" его; онъ протянулъ руку и спросилъ съ юморомъ:

— Можно облобызать?

Она, протягивая свою руку, слегка повела плечами.

И онъ сталъ ей тутъ же разсказывать про все, что̀ видѣлъ и слышалъ въ чайной, передавая не только содержаніе отдѣльныхъ рѣчей, но и самый языкъ, и интонаціи.

— Это очень интересно! — все повторяла она.

Онъ такъ и не узналъ, кто тотъ господинъ, который сталъ излагать свое credo — это былъ Степановъ, но для него такой „добровoлецъ-мистикъ" былъ характерный экземпляръ мистическаго повѣтрія.

И, подъ конецъ, онъ описалъ ей сцену вмѣшательства хозяина съ околоточнымъ.

— Ахъ, какъ жалко! — вырвался у нея возгласъ. — А я бы непремѣнно поѣхала!

Сумбуловъ поглядѣлъ на нее пристально и заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Хорошая моя... дщерь точнаго знанія! Вамъ не полагается дарить ваше вниманіе на все это!

— Почему же—разъ такое движеніе заявляетъ о себѣ?

— Но въ комъ и гдѣ, Клавдія Андреевна? Въ народѣ! Такъ это всегда было въ немъ. Только прежде находилось подъ спудомъ. Вонъ явились *братчики*, о которыхъ вы читаете въ газетахъ. Для мыслящаго человѣка это—разновидность народнаго піэтизма. А полицействующіе обличители кричатъ: тайная хлыстовщина! Но намъ-то съ вами какая объ этомъ сухота?—какъ тотъ же народъ выражается. А блаженненькіе изъ модернистовъ, пустившіеся въ богоискательство и въ проповѣдь звѣринаго числа—это пѣна, накипь на общемъ шатаньѣ новѣйшей интеллигенціи.

— Все-таки, Левъ Сергѣичъ, было бы любопытно уяснить причины этой, какъ вы называете, накипи.

— Причина есть, и я о ней сколько лѣтъ уже думаю, хорошая моя Клавдія Андреевна! Причина—въ мозговой организаціи всего нашего злосчастнаго арійскаго племени.

— Почему же злосчастнаго, Левъ Сергѣичъ? — остановила она его.

— Я вамъ давно собираюсь развить это... но не теперь. Скажу пока одно: если арійцы будутъ все глубже и глубже опускаться въ идеологическую гущу—раса эта пойдетъ прямымъ путемъ къ своему вырожденію.

Она подняла на него свои большіе свѣтло-сѣрые глаза съ богатыми рѣсницами.

— Къ вырожденію? Оттого только... Я не совсѣмъ понимаю.

— Продолженіе впредь! — воскликнулъ онъ, поднимаясь. — А пока позвольте согрѣться чайкомъ.

Въ эту минуту горничная внесла чай на подносѣ, и Сумбуловъ, принимая отъ нея стаканъ, поблагодарилъ ее ласковымъ кивкомъ головы.

Когда она ушла и онъ выпилъ половину своего чая, онъ присѣлъ поближе къ Клавдіи Андреевнѣ и, потирая руки, выговорилъ:

— Пока что... и вы услышите отъ меня мою теорію—махните ручкой на всѣ эти лекціи заѣзжихъ богоискателей, а если—когда будете женщиной-врачемъ—станете лечить народъ, тогда займитесь научно великой *истеріей*, какая сказывается и въ такомъ явленіи, какъ скопчество! Простите мнѣ мое учительство и пожалуйте еще разъ ручку!

XVI.

Всю недѣлю Кашинцевъ никуда не выходилъ по вечерамъ, работая надъ новой статьей. Его торопили изъ редакціи одного духовнаго журнала, гдѣ его сотрудничествомъ очень дорожили.

Въ немъ все крѣпла вѣра въ то, что его именно Высшая Воля выбрала поборникомъ просвѣщеннаго сліянія науки и откровенія.

Онъ ничего не боится, никакихъ нареканій, никакого печатнаго глумленія.

Все такъ же твердъ онъ въ положительныхъ выводахъ точнаго знанія. Но всѣ эти выводы, на болѣе свободный взглядъ—не даютъ душѣ человѣка, жаждущей непоколебимой истины, никакой увѣренности. Все это—круженіе на одномъ мѣстѣ, въ потьмахъ. А что есть въ наукѣ болѣе прочнаго—не противорѣчитъ вовсе тому, чѣмъ держится вѣра въ „живаго“ Бога.

Сегодня онъ засѣлъ за работу, послѣ ранняго обѣда, и приказалъ своей новой служанкѣ, чтобы ни подъ какимъ видомъ его не безпокоить, даже не подавать писемъ.

Около восьми часовъ она тихонько проникла къ нему и отъ двери вполголоса окликнула:

— Егоръ Иванычъ!

— Что такое? — сурово отозвался онъ, не оборачивая къ ней головы.

Захваченный работой, онъ не слыхалъ звонка въ передней.

— Гость къ вамъ.

— Я вамъ приказывалъ, Авдотья, что я никого принимать не могу.

— Говорила я имъ. Они нейдутъ. Вотъ карточку дали. Извольте посмотрѣть. Они ваши товарищи... и проѣздомъ... изъ-за границы что-ли...

Авдотья совала ему карточку.

На ней стояло: „Леонидъ Ильичъ Сурковъ“.

— Ахъ, Боже мой! Ну хорошо! Пустите.

Егоръ Ивановичъ быстро поднялся съ кресла и заходилъ по кабинету.

Сурковъ! Да, товарищъ... И не видались нѣсколько лѣтъ. Тотъ занимаетъ каѳедру въ одномъ провинціальномъ университетѣ. Нельзя же его не принять.

Но и радости онъ большой не ощущаетъ. Вѣдь этотъ Сур-

ковъ, можетъ, до сихъ поръ преклоняется передъ Геккелемъ. При немъ и не заикнись о Дарвинѣ! Навѣрно, каковъ былъ пять лѣтъ назадъ, таковъ и остался. Такимъ и умретъ, пришибленный своимъ узкимъ позитивнымъ направленствомъ.

Онъ стоялъ по срединѣ кабинета, прислушиваясь—какъ гость снимаетъ съ себя калоши и что-то такое говоритъ Авдотьѣ.

Вошелъ хорошаго роста мужчина, моложе видомъ, чѣмъ Кашинцевъ, съ порѣдѣлыми на лбу темнорусыми волосами и остроконечной бородой, въ темномъ пиджакѣ.

Походка у него быстрая и голову онъ держитъ немного въ бокъ и назадъ.

— Ты, братъ, точно какой фортъ Шаброль устроилъ. Бомбардировать тебя нужно. Ну, здравствуй!

Они обнялись.

— Извини пожалуйста. Я заперся для спѣшной работы.

— Ну, и ты извини, коли такъ; но какъ же мнѣ было не добиться, чтобы ты меня принялъ? Я ѣду изъ-за границы, проживу здѣсь всего два дня и у меня множество всякихъ дѣловыхъ визитовъ. Такъ еще бы на два, на три года.

— Ну садись, садись... вотъ на диванъ. Хочешь чаю?

— Выпью.

Егоръ Ивановичъ позвонилъ и, не дождавшись появленія Авдотьи, суетливо вышелъ.

Его гость привсталъ, оглянулся кругомъ и повелъ головой, точно отвѣчая этимъ жестомъ на какую-то свою мысль.

— Ну, присядь, разскажи! — торопливо заговорилъ Егоръ Ивановичъ.—Ты прямо изъ-за границы?

— Да ты развѣ не зналъ... у меня былъ годовой отпускъ. Наконецъ имя мое могъ прочесть. Я участвовалъ въ нѣсколькихъ конгрессахъ.

— Извини, братъ... я газетъ мало читаю, особенно иностранныхъ.

— И въ русскихъ было.

— Откуда же ты прямо?

Чувствовалось, что Кашинцеву трудно завязать такой разговоръ, который былъ бы умѣстенъ между двумя университетскими товарищами, не видавшимися нѣсколько лѣтъ.

— Я, по дорогѣ изъ Парижа, сдѣлалъ маленькій крюкъ и провелъ дня три-четыре у своего старца.

— У кого же это?

И, догадавшись, Кашинцевъ сдѣлалъ жестъ правой рукой.

— Разумѣется... у Геккеля?

— Какъ ты это произнесъ *разумѣется*!

— А какъ?

— Съ Сеничкинымъ ядомъ.

— Вовсе нѣтъ!

— Нѣчего, нѣчего! Еслибъ я не былъ всегда такимъ поклонникомъ и личности, и таланта, и стойкости этого бойца за научное міровоззрѣніе, то я нарочно бы заѣхалъ въ Іену на поклонъ автору...

— Чего?—не удержался Егоръ Ивановичъ.—„Загадокъ міра“?

— Да и „Загадокъ“, и всего того, къ чему онъ пришелъ своимъ долголѣтнимъ трудомъ.

— Объ этомъ надо говорить особо. И теперь было бы врядъ ли кстати, любезный другъ.

— Всегда кстати—воздавать должное такому человѣку, ученому и мыслителю.

— Ну, о мыслителѣ мы лучше умолчимъ.

Сурковъ снялся съ своего мѣста, отошелъ къ письменному столу и всталъ, спиной опершись на него.

— Ну да, ну да! — вскричалъ онъ и прошелся рукой по своей бородѣ.—Такъ вѣдь и вся мистическая клика травитъ его. И въ томъ самомъ городѣ, куда онъ одинъ такъ долго привлекалъ... отовсюду. И эта обструкція расползается точно какая плѣсень по всѣмъ нѣмецкимъ университетамъ.

— Плѣсень! Почему же плѣсень?

Кашинцевъ немного даже покраснѣлъ и, сидя на диванѣ, какъ-то все обдергивался.

— Да, плѣсень! Возвратъ къ самому закорузлому *дуализму* подъ прикрытіемъ разныхъ декадентскихъ темъ о прагматизмѣ, и цѣли жизни, и поискахъ счастья. Только тѣ хоть на чистоту громятъ все, что не ихъ міропониманіе... Это все-таки честнѣе!

— Съ какой же стати упрекать сейчасъ же въ безчестности тѣхъ, кто не одного толка съ нами?

— Есть, дружище, двоякаго рода честность. Одна—формальная, іезуитская, когда мы выставляемъ на показъ свою искренность, а сами сѣемъ только мракобѣсіе, и другая — настоящая, которая возмущается подвохами враговъ свѣта и бьетъ ихъ всячески, чѣмъ только можно.

— Никто тебѣ не мѣшаетъ!

Кашинцевъ всталъ на встрѣчу горничной, которая не знала, куда дѣться съ подносомъ, и помогъ поставить его на столикъ, около дивана.

— Рому не желаешь ли?—спросилъ онъ Суркова.

— Нѣтъ, спасибо.

— Лучше присядь... такъ стоя тебѣ будетъ неловко.

Чувствовалось, что они близки къ рѣшительному моменту ихъ бесѣды; но заѣзжій товарищъ, кажется, еще не былъ знакомъ съ тѣмъ поворотомъ, какой произошелъ въ душевной жизни Кашинцева.

Сурковъ положилъ себѣ въ стаканъ сахару, ломтикъ лимона и сдѣлалъ сразу нѣсколько глотковъ.

Потомъ онъ оглянулся на другой столикъ, стоявшій у него подъ рукой, и по своей привычкѣ сейчасъ же взялъ какую-то брошюру, лежавшую поверхъ цѣлой пачки, въ такой же обложкѣ.

XVII.

— Что это такое?

Онъ прочелъ заглавіе и удивленно взглянулъ на Кашинцева.

— Это твое?

Тотъ точно глотнулъ воздуху и отвѣтилъ беззвучно:

— Да, мое.

Сурковъ поглядѣлъ внизъ и увидалъ, изъ какого это журнала оттискъ и въ какой типографіи напечатано.

— Въ Сергіевскомъ Посадѣ! Ты тамъ теперь печатаешь? Егоръ Иванычъ! Что это? Своими ли вижу глазами?

И онъ сталъ жадно пробѣгать первую страницу текста.

— Такъ вотъ оно что!—выговорилъ онъ, со вздохомъ, послѣ того, какъ пробѣжалъ цѣлыхъ двѣ страницы, гдѣ тема статьи была уже вся на виду.

— И это ты — Кашинцевъ! Мой коллега! Тотъ, кто меня впервые заставилъ проштудировать „Систему положительной философіи“, кто поставилъ меня на путь трезвой мысли и неумолимаго закона природы?!

Сурковъ, рѣзкимъ жестомъ, опустилъ брошюру на столикъ и, обернувшись къ Кашинцеву, отодвинулся къ боковой ручкѣ дивана и сложилъ руки на груди.

— Значитъ, правда что мнѣ уже говорили, на дняхъ, въ Петербургѣ, про тебя?

— Какъ видишь, правда.

Голосъ Кашинцева звучалъ такъ же глухо, но онъ уже глядѣлъ прямо на товарища, безъ всякаго смущенія, и на его губахъ показалась тихая улыбка.

— И ты сталъ, по доброй волѣ, писать такія вещи?

Сурковъ схватилъ опять брошюру со столика и нервно ударилъ по обложкѣ два раза.

— Да, по доброй волѣ. Какъ же могло бы быть иначе, скажи на милость, любезный другъ?

— Ты, значитъ, призналъ ложью все то, что̀ до сихъ поръ считалъ единственной истиной, доступной нашему опыту и разумѣнію?..

— Неужели — остановилъ Кашинцевъ пылкую рѣчь товарища, — я стану малодушно изворачиваться? Во мнѣ, Сурковъ, произошелъ глубокій переворотъ, и я не испугаюсь, что ты — или кто бы то ни было — назовете меня отступникомъ, ренегатомъ.

— Я тебѣ ничего подобнаго не сказалъ.

— Ты могъ подумать это. Но скажи мнѣ, любезный другъ, отчего это переходъ отъ невѣрія къ вѣрѣ называется ренегатствомъ, а потеря вѣры и переходъ въ ряды ея лютыхъ отрицателей — ренегатствомъ не называется?

— Не знаю, почему, и въ данную минуту не желаю рѣшать этого вопроса. Ты долженъ вѣдь, каково бы ни было теперь въ тебѣ затменіе мистика, ты долженъ — Сурковъ поднялъ тонъ — уважать и въ каждомъ другомъ его исповѣданіе вѣры. А тѣмъ паче въ томъ, кто имѣетъ право и поводъ считать тебя своимъ единомышленникомъ! Такіе, братъ, удары нельзя переживать такъ... между прочимъ.

— Я самъ — остановилъ его Кашинцевъ тихимъ движеніемъ руки, — еслибъ ты такъ ex abrupto не возмутился, ничего отъ тебя бы не скрылъ.

Онъ придвинулся къ нему и протянулъ обѣ руки, и голосъ его дрогнулъ.

— Считай меня кѣмъ тебѣ угодно, но я отъ всего сердца желаю тебѣ пройти черезъ тотъ кризисъ, черезъ который я прошелъ.

— Избавь! — вырвалось у Суркова съ брезгливой миной.

— И ты не хочешь выслушать моей исповѣди?

Сурковъ всталъ и отошелъ къ столу.

— Не могу... сейчасъ вотъ... съ оника! Для меня довольно и того, что ты меня такъ огорошилъ. Да и что ты можешь мнѣ сказать такого, чего я самъ не придумалъ бы? Конспектъ, въ этихъ случаяхъ, всегда одинъ и тотъ же.

— Далеко не всегда!

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Допускаю то, что ты самъ — жертва атавизма. Въ тебѣ, значитъ, сидѣла такая закваска. Я вспоминаю, изъ своихъ студенческихъ годовъ, такой разговоръ... Это было у нашего общаго съ тобой учителя.

Онъ назвалъ фамилію извѣстнаго ученаго, уже покойнаго.

— И онъ мнѣ самъ говорилъ: „Могли ли бы вы представить себѣ, что я—естествоиспытатель—и вдругъ признаю спиритическую матеріализацію, и не считаю себя сумасшедшимъ"?!!

— Что-же! Не онъ одинъ! И за границей ученые съ такимъ же именемъ увѣровали въ медіумическія явленія.

— Но я къ чему веду? Въ немъ атавистическая сидѣла закваска... вѣры.

— Что-же! Признай хоть это... и не обличай, не казни! И не думай, что ты—въ твоемъ сухомъ, разсудочномъ credo—находишься на верху духовнаго благополучія, что ты разгадалъ тайну міра. Ничего ты не разгадалъ и не разгадаешь!—вскричалъ Кашинцевъ и поднялся съ дивана.—Ничего! Ты всегда и вездѣ будешь окруженъ *чудомъ*. И это чудо ты можешь понять только, почуявъ въ себѣ прямую связь съ тѣмъ... что...

— Знаю! Слышалъ! Не повторяй общихъ мѣстъ! Ты можешь жалѣть меня въ твоемъ теперешнемъ ослѣпленіи... Но чего я тебѣ не прощу и не могу простить—что ты, человѣкъ точнаго знанія, двадцать лѣтъ читавшій самую достовѣрную изъ наукъ, и вдругъ во что ты превратился!

Сурковъ подбѣжалъ къ столику, схватилъ брошюру, ударилъ ее по обложкѣ и встряхнулъ.

— Ты пособникъ... поповъ! Ты открываешь цѣлый походъ противъ науки!

— Ты клевещешь! Не противъ науки!

— Хуже того: ты желаешь пользоваться ея выводами для защиты, для апологіи того, что ты еще недавно считалъ выдумками, мракобѣсіемъ, постыднымъ для каждаго мыслящаго человѣка. Вотъ что я никогда тебѣ не прощу! Слышишь—никогда!

Онъ бросилъ брошюру на столъ и отошелъ къ двери.

Кашинцевъ сдѣлалъ два шага впередъ, блѣдный, съ полуопущенными глазами.

— И какой моментъ ты выбираешь! Когда и безъ того все, что есть гнилого, подняло голову, когда молодежь наша увлекается искательствомъ всякихъ гороховыхъ шутовъ! И ты выбираешь добровольно роль апологета! Ха, ха!

— А Паскаль не былъ математикомъ и глубокимъ мыслителемъ?—выговорилъ Кашинцевъ и поднялъ глаза на Суркова.

— Паскаль! Онъ родился мистикомъ. Для него смерть и загробная жизнь не переставали быть адскими жупелами его души!

Вернувшись къ письменному столу, Сурковъ взялъ на немъ свою шапку и прошелъ къ двери.

— Вотъ когда каждый изъ насъ можетъ всѣмъ своимъ нутромъ крикнуть: Ecrasez l'infâme! Сокрушайте изувѣрство! И, прежде всего, въ лицѣ тѣхъ, кто промѣнялъ безстрашную истину на чечевичную кашу своихъ страховъ и ужасовъ кающагося грѣшника!

— Постой!—окликнулъ его Кашинцевъ, приблизился къ нему и протянулъ руки. — Грѣшно такъ прощаться съ товарищемъ. Если я своимъ отступничествомъ—на твою оцѣнку—такъ огорчилъ тебя, прости меня по-братски.

— Не надо мнѣ этихъ благочестивыхъ гримасъ! Не всепрощеніе нужно, а нужна безпощадная борьба съ изувѣрствомъ и мракобѣсіемъ. Ecrasez l'infâme! Вотъ мой лозунгъ до самаго послѣдняго издыханія. Желаю тебѣ возложить на себя рясу чернеца и очутиться съ посохомъ владыки!

И онъ порывисто вышелъ.

XVIII.

Выступать публично было для Авенирова и мукой, и наслажденіемъ.

Онъ не ловилъ въ себѣ тайныхъ щекотаній тщеславія и славолюбія.

Какъ писателя, его любитъ молодая публика, быть-можетъ болѣе, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ.

И это онъ повторяетъ безъ всякаго лицемѣрнаго смиренія.

Но и ругаютъ „здорово". И смѣются въ прозѣ и стихахъ. И это его не смущаетъ.

Завистники и клеветники, пожалуй, увѣряютъ, что онъ ищетъ такой скандальной репутаціи, что всѣ эти каррикатуры и стишки—самый успѣшный видъ рекламы.

Пускай ихъ!

Ему можно было бы довольствоваться тѣмъ, съ чѣмъ онъ выступаетъ въ своихъ статьяхъ, книжкахъ, сборникахъ стихотвореній.

Но живое слово влечетъ его къ себѣ. Въ немъ часто загорается неудержимое желаніе излиться душой не въ келейной бесѣдѣ, хотя бы и съ трепетной почитательницей, а передъ цѣлой залой—какъ бы она ни была настроена.

Онъ вѣритъ, что только вдохновенное слово, какъ стрѣла, летитъ и воспламеняетъ... и можетъ сразу, въ одно мгновеніе, превратить фарисея Савла въ апостола Павла.

Но муки его начинаются, когда онъ готовится къ публичному выступленію передъ большой аудиторіей.

Цѣлую недѣлю у него—особая тревога, напоминающая ему тѣ дни, когда онъ готовился къ экзаменамъ.

Онъ знаетъ, что лекція пройдетъ благополучно, что черезъ двѣ-три минуты онъ уже забудетъ, гдѣ онъ, и то, что его слушаетъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Тогда онъ уже ничего не видитъ передъ собою и рѣчь его течетъ все пламеннѣе, подъ наитіемъ внутренняго голоса.

Прежде онъ, какъ жрецъ изящнаго слова, писалъ свои рефераты и лекціи и читалъ ихъ. Но это было гораздо тяжелѣе.

Онъ долженъ былъ прислушиваться къ самому себѣ, держать тонъ, поднимать и опускать его, дѣлаться рабомъ формы.

Вотъ уже вторую зиму—онъ импровизируетъ. Ему довольно листа бумаги, гдѣ онъ набросаетъ чередованіе идей и хорошо проникнется ими, такъ чтобы всегда помнить—въ какомъ порядкѣ говорить. А въ остальномъ онъ уже вольная птица. Мысли рѣютъ, образы создаются тутъ же. Ничего не боишься, ничѣмъ не связанъ... несешься на крыльяхъ своего вдохновенія. Онъ могъ бы даже говорить если не риѳмованной, то ритмической прозой. Но этого онъ еще не пробовалъ.

Вотъ и сегодня онъ—съ утра—волновался, мѣста себѣ не находилъ, ничѣмъ не могъ заняться: ни читать, ни писать. А ѣздить къ знакомымъ въ такіе дни онъ не въ состояніи—ему всякій разговоръ будетъ нестерпимъ.

Не можетъ онъ и отвѣчать на тѣ записки—больше отъ женщинъ, которыхъ онъ получилъ съ полдюжины, по поводу его сегодняшней лекціи.

Одна изъ нихъ была отъ той пріѣзжей барыни, съ которой онъ познакомился на вечерѣ у Семена Николаевича Бойцова.

Она ему нравится своей „непосредственностью". Кто-то уже замѣтилъ ему, что она на столько же равнодушна къ вѣроучительству своего мужа, насколько *не* равнодушна къ его обаянію, и какъ писателя съ поэтическимъ дарованіемъ, и какъ искателя связи съ „совокупностью бытія".

Онъ былъ у нихъ раза два. Къ проповѣди ея мужа онъ относится кротко-снисходительно, слушаетъ его, не возражаетъ и говоритъ ему:

— Мы оба, Глѣбъ Петровичъ, воины одной рати!

Но роскошною Надеждой Павловной богъ Діонисъ — могущество тѣла, жажда жизни и ея утѣхъ—владѣетъ еще всецѣло,

и она смотритъ на своего Глѣба Петровича немножко какъ на „блаженненькаго“.

Но онъ не считаетъ ее безнадежной.

Въ нее еще не запала та искра, которая озарила бы вдругъ все ея внутреннее существо.

Она спрашивала его въ своей запискѣ: можетъ ли она пройти на сцену, чтобы быть ближе къ нему—а билетъ у нея въ креслахъ. Но въ PS прибавила, что она сядетъ на сценѣ и чтобы онъ на нее за это „не сердился“.

Это его не смутило. Волнуетъ не та публика, которая скучивается тутъ, позади васъ, у стола, гдѣ сидятъ члены комитета, а та большая, уходящая въ глубь залы.

Онъ, до звонка, не показывался, сидѣлъ въ директорской комнатѣ. Оттуда онъ прямо прошелъ черезъ площадку, когда всѣ уже сидѣли на мѣстахъ, и черезъ заднюю дверку поднялся на сцену.

— Юрій Александровичъ! — окликнули его сбоку женскимъ шопотомъ.

Это была Степанова, сѣвшая у кулисы, но такъ, что ей, съ ея стула, видна будетъ вся его фигура за высокимъ пюпитромъ и вся голова его, въ три четверти.

Этотъ окликъ далъ теплую ноту. Волненіе этой еще „не пробужденной“ женской души не льстило ему, какъ интересному мужчинѣ, но давало ему чувство „вселенскаго“ единенія душъ.

Ему захлопали дружно въ центрѣ залы и гораздо слабѣе— въ первыхъ двухъ рядахъ и среди стоящей молодой публики, въ самой глубинѣ.

Въ положеніяхъ его бесѣды, послѣ которой должны произойти пренія—что̀ стояло въ листахъ программъ—ничего нѣтъ новаго для тѣхъ, кто знакомъ съ его писаніями; но онъ, въ самомъ началѣ лекціи, остановился на томъ „разбродѣ“, который теперь мертвитъ и въ молодой интеллигенціи всякую живую силу „соборности“.

Онъ долженъ былъ дать оцѣнку разнымъ „суесловамъ“ и „упразднителямъ“ высшихъ исканій.

И тутъ его подхватила волна вдохновенія. Онъ уже не владѣлъ разсудочнымъ анализомъ того, что̀ бросалъ залѣ, ничего и никого не боясь.

Надежда Павловна впилась въ него глазами. Его стройная фигура такъ живописно выдѣлялась на сѣроватомъ фонѣ боковой кулисы. Лицо блѣдное, съ горящимъ взглядомъ, имѣло въ себѣ

что-то „не отъ міра сего"; и голосъ, его переливы и раскаты—сладко щекотали ея слухъ и заставляли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, замирать сердце.

Она вся пылала и ей стоило большихъ усилій надъ собою, чтобы не кричать „браво" и даже чтобы не вскочить и не подбѣжать къ нему.

Въ смыслъ того, что̀ онъ говорилъ, она не могла углубляться. То же вѣдь—по другому—говоритъ и ея Глѣбъ Петровичъ, но развѣ въ этомъ дѣло? Вся сила въ томъ: *кто* говоритъ—ея мужъ или вотъ этотъ человѣкъ.

Ей было такъ отрадно то, что она здѣсь одна, что не нужно ей быть пришитой къ своему „благовѣрному", что она не будетъ слышать его „рацей", еслибъ вдругъ онъ поднялся во время преній и сталъ бы продолжать все тѣ же параграфы своего катехизиса.

Ему нездоровится со вчерашняго дня. А она, уѣзжая, сказала ему:

— Я, можетъ, и поздно вернусь. Пренія могутъ затянуться, и я тамъ поужинаю.

— Вотъ кто хочетъ убить въ молодыхъ душахъ всякій порывъ въ ту безплотную область!—раздался въ ея ушахъ возгласъ Авенирова.

— Вздоръ! Неправда!—крикнулъ кто-то изъ глубины залы.

Вышло замѣшательство. Одна часть публики стала шикать, другая—хлопать. Предсѣдатель началъ сильно звонить.

А лекторъ стоялъ съ блаженной улыбкой на губахъ, откинувъ голову немного назадъ и сложивъ на груди руки.

Надежда Павловна любовалась имъ и, не чувствуя никакого смущенія, начала порывисто апплодировать.

XIX.

Въ перерывъ Авенировъ — подъ апплодисменты съ нѣкоторымъ шиканьемъ—пробѣжалъ сквозь толпу опять въ ту директорскую комнату, гдѣ сидѣлъ до начала лекціи.

Надежда Павловна искала его; но онъ скрылся и она не рѣшилась спросить—гдѣ лекторская комната.

Она всегда очень смѣлая; да и чего стѣсняться молодой, красивой женщинѣ, какъ она? Но она сама себя не узнавала. Весь конецъ лекціи, послѣ той заминки, она сидѣла какъ на угольяхъ. Она боялась за Юрія Александровича. Вдругъ опять кто крик-

нетъ что-нибудь? Онъ съумѣлъ бы отвѣтить; но, можетъ, что-нибудь другое... Она жадно слѣдила за тѣмъ, что̀ дѣлалось съ его лицомъ. Онъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ... Могъ лишиться чувствъ.

Вѣдь такія натуры, какъ онъ—нѣжныя, чуткія, трепетныя—чувствуютъ все втрое, вчетверо сильнѣе. А тутъ такой грубый окрикъ! Какъ же это стерпѣть?

Проходивъ по всѣмъ боковымъ гостинымъ, Надежда Павловна хотѣла подняться наверхъ, въ столовыя. Но лакей, въ сѣромъ фракѣ, спросилъ ее у лѣстницы—членъ ли она клуба?

Она должна была вернуться въ залу.

А лекторъ сидѣлъ одинъ, въ директорской, съ полузакрытыми глазами, не дѣлая никакихъ движеній, стараясь ни о чемъ не думать.

Онъ зналъ, что пренія могутъ быть очень бурныя. Огромное большинство его аудиторіи сочувствуетъ ему. Но есть кучка непримиримыхъ противниковъ того, что̀ они называютъ „гнилой мистикой“ и даже „истеричной блажью“. Въ отдѣльности, онъ выступитъ противъ каждаго изъ нихъ; но публично, когда кто-нибудь броситъ ему въ лицо что-нибудь циническое, грубое — онъ не можетъ за себя ручаться. Сердце у него застучитъ, въ виски забьетъ кровь, и онъ тогда не знаетъ — какія слова вырвутся у него.

Ему противна всякая схватка, все грубое, личное, чѣмъ насыщенъ воздухъ вездѣ, въ каждомъ русскомъ сборищѣ; но развѣ легко бороться съ слабостью нервовъ, со всѣмъ своимъ психическимъ складомъ?

Раздался протяжный звонокъ. Онъ то густѣлъ, то дѣлался жиже и смутнѣе. И кажется это уже второй. Пора идти.

Бодрымъ шагомъ поднялся онъ по лѣсенкѣ, на подмостки. И опять сзади и сбоку ему прошептали:

— Юрій Александровичъ! Браво!

Онъ обернулся. Надежда Павловна беззвучно апплодировала кончиками пальцевъ.

И опять это его согрѣло.

Предсѣдатель прочелъ списокъ оппонентовъ. Стояло пять-шесть фамилій.

Къ сценѣ подошелъ неизвѣстный ему господинъ, въ очкахъ, лысый, плохо одѣтый; можетъ—учитель, можетъ—газетный сотрудникъ.

Онъ сталъ говорить тягуче, съ разными словечками, ста-

раясь вызвать смѣхъ и напирая на отдѣльныя фразы лектора, которыя считывалъ изъ записной книжки.

Этотъ пріемъ показался Авенирову слишкомъ избитымъ, и онъ долго молчалъ, стараясь пропускать многое мимо ушей.

Но до его слуха долетѣла фраза, гдѣ рядомъ съ личностью на его счетъ стояло презрительное трактованіе всего, что составляетъ его драгоцѣннѣйшее credo.

— Кто далъ вамъ право—остановилъ онъ оппонента—такъ трактовать міроразумѣніе, которое положено въ основу моей бесѣды?

— Кто? Ха, ха! Я у васъ позволенія не просилъ. Это—непростительная претензія всѣхъ такихъ прорицателей и чревовѣщателей потусторонникъ міровъ!

Кровь бросилась ему въ лицо, онъ схватился обѣими руками за борта пюпитра—въ глазахъ у него прошло облако... Но онъ выпрямился, отошелъ отъ пюпитра влѣво, на самый край сцены, и кинулъ своему оппоненту нѣсколько негодующихъ возгласовъ.

Что это были за слова и выраженія—онъ не отдавалъ себѣ въ томъ отчета. Онъ весь трясся и обѣ руки его дѣлали непроизвольные жесты по воздуху.

И вдругъ все исчезло... Онъ зашатался.

Первая полетѣла къ нему Надежда Павловна, потомъ еще двое мужчинъ.

Его повели со сцены. Предсѣдатель звонилъ и что-то выкрикивалъ публикѣ.

Авенировъ пришелъ въ себя на диванѣ, въ какой-то неизвѣстной ему комнатѣ... Около него хлопотали докторъ и кто-то изъ дирекціи.

Надежда Павловна сидѣла тутъ же, на стулѣ, наклонясь надъ нимъ.

Когда онъ раскрылъ глаза, онъ увидѣлъ ее первую.

— Что такое?—удивленно спросилъ онъ.

— Ничего, ничего!.. Пустяки!—успокоивалъ докторъ.—Вставайте и будете молодцомъ. Сердце у васъ слишкомъ нервозно. Только больше уже не извольте сегодня... воевать.

— Да публику отпустили!—сказалъ одинъ изъ членовъ дирекціи.

Онъ поднялся. Ему было немного стыдно. Точно барыня „съ нервами“—упалъ въ обморокъ.

Обращаясь больше къ Надеждѣ Павловнѣ, онъ сказалъ шутливо:

— Извините, ради Бога, за такой глупый инцидентъ!

— Что вы, что вы! Я была такъ возмущена... И всѣ кругомъ.

Она встала и протянула ему обѣ руки.

Одну изъ нихъ онъ поцѣловалъ.

— Ну-съ... мы можемъ удалиться, господа! — скомандовалъ докторъ, толстякъ, очень пестро одѣтый. — А вамъ, господинъ лекторъ, лучше всего — выпить добрую рюмку зубровки и закусить зернистой икрой.

Всѣ трое удалились. И этотъ быстрый уходъ похожъ былъ на то, что они желаютъ оставить его съ „дамой сердца“.

Надежда Павловна такъ это и поняла. И это ее еще болѣе смутило.

Ему могло не понравиться то, что она первая бросилась къ нему и повела его со сцены. Въ эту минуту онъ казался ей такимъ идеально-чистымъ существомъ; а она вѣдь и сюда-то прилетѣла не за тѣмъ, чтобы вбирать въ себя ту духовную манну, которая слетитъ съ его устъ, а для того, чтобы имъ любоваться и грѣшно мечтать.

— Простите и вы меня, Юрій Александровичъ! — смущенно выговорила она, не отнимая руки своей.

— За что же?

— Да вотъ за то, что я очутилась здѣсь.

Глаза ея стыдливо улыбались.

— Что вы!

— У васъ столько поклонницъ! И безъ меня. Имъ бы надо было окружить этого ругателя и вытолкать его изъ залы.

— Полноте... Забудемъ все это.

— Вамъ, можетъ, хочется еще полежать, Юрій Александровичъ?

— Нѣтъ. Я уже не чувствую никакой слабости.

— Пойдете ужинать?

— Туда? Наверхъ? Нѣтъ, я хочу на воздухъ.

Она вдругъ покраснѣла и вполголоса спросила:

— Вы позволите мнѣ проводить васъ?

— Зачѣмъ?

— Я прошу. Дорогой вамъ можетъ опять сдѣлаться не по себѣ.

— Вы меня трогаете!

Онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку. Она нагнулась и трепетно прикоснулась губами къ его блѣдному лбу.

XX.

Она ѣхала домой, въ поздній часъ ночи. Пушинки снѣга ложились на ея разгорѣвшіяся щеки.

Вотъ сейчасъ она увидитъ мужа. Онъ, навѣрно, еще не спитъ. Когда онъ и совсѣмъ здоровъ, то съ нимъ, то и дѣло, бываетъ безсонница: а теперь и подавно.

Какъ же быть? Во всемъ ему повиниться?

Но въ чемъ? Развѣ она—уже фактически преступная жена?

И въ томъ, что̀ случилось сейчасъ — она не отвѣтственна. Это былъ порывъ. Какой-то вихрь схватилъ ее въ ту минуту, когда онъ точно преобразился и его вдохновенная рѣчь вливала въ ея душу точно какой огненный потокъ.

Поняла ли она то, что̀ онъ говорилъ?

Можетъ, и не поняла настоящимъ образомъ; но развѣ въ этомъ дѣло?

И развѣ она все дѣлала какъ развратная бабенка? Никакого умысла у нея не было.

Она попросилась проводить его. Онъ сначала не согласился; но это его тронуло. Они доѣхали до его квартиры. Она сказала ему, опять-таки безъ всякой грѣшной мысли:

— Юрій Александровичъ, вы высоко живете?

— Да, въ четвертомъ.

— Навѣрно, все темно на лѣстницѣ. Позвольте васъ довести.

— Да вѣдь я совсѣмъ бодрый, Надежда Павловна, да и у меня есть восковыя спички, не безпокойтесь.

— Позвольте.

У подъѣзда имъ отворилъ снаружи дворникъ. Поднялисъ къ нему; и она, не раздѣваясь, вошла за нимъ въ его кабинетикъ.

Онъ живетъ одинъ. У него нѣтъ и прислуги — нанимаетъ двѣ комнаты, съ отдѣльнымъ ходомъ съ площадки. Никто не видалъ и не слыхалъ, когда они вошли къ нему.

— Присядьте, отдохните, Надежда Павловна. Вамъ будетъ жарко... позвольте снять вашу шубку.

И все это такъ мило, тихо, чисто. Его голосъ трепетно отдавался у нея въ груди. И она не спускала съ него глазъ.

— Сядьте, дайте на васъ полюбоваться, Юрій Александровичъ.

Онъ присѣлъ. Тутъ ее, въ первый разъ, потянуло къ нему. Въ глазахъ затуманилось.

Но онъ—точно что чуялъ—всталъ и заходилъ по комнатѣ, и сталъ говорить про себя и про то, что его считаютъ „блаженненькимъ“, чуть не идіотомъ, если не шутомъ гороховымъ.

— Да!—воскликнулъ онъ, остановившись передъ ней точно въ экстазѣ.—Мы—нищіе духомъ, мы—блаженные, мы сами по себѣ—немощны. Но наше безуміе свыше. Въ немъ только и есть свѣтъ.

Слезы текли по его блѣднымъ щекамъ. Ей показалось, что вокругъ его головы какое-то сіяніе.

Она, шатаясь, пододвинулась къ нему, схватила его за руку и, прильнувъ къ нему, вся обомлѣла и чуть не грохнулась о земь.

Онъ поддержалъ ее и наклонилъ къ ней лицо съ такимъ ангельскимъ выраженіемъ.

Тутъ она не въ силахъ была овладѣть собою. Она обняла его и поцѣловала.

— Простите меня, гадкую!—вырвалось у нея и она, совсѣмъ разбитая, протащилась къ дивану, гдѣ они сначала сидѣли.

Ей захотѣлось кинуться передъ нимъ на колѣни, схватить его руку и покрыть ее поцѣлуями.

Онъ молчалъ и его смущеніе все росло.

— Я уйду! Простите! Гоните меня!—шептала она внѣ себя.

И она теперь не помнитъ—какъ онъ помогъ ей надѣть шубку и свелъ внизъ, не помнитъ и того—какъ посадилъ ее на извозчика—того самаго, который привезъ ихъ.

Больше ничего и не было.

Но то, чтò было—не можетъ остаться такъ, безъ всякихъ послѣдствій! Вѣдь не убѣжитъ же она отсюда! Да и не хочетъ! Пускай между ними не будетъ никакого грѣшнаго сближенія—только бы смотрѣть на него, слушать его голосъ, испытывать чувство, какого она доселѣ никогда не знавала.

Извозчикъ довезъ ее. Надо подниматься къ себѣ. Она должна была звонить. Ей отворила заспанная горничная.

— Глѣбъ Петровичъ почиваетъ?

— Нѣтъ... Они сидятъ въ своей комнатѣ.

Спальни у нихъ давно—особыя.

Это все-таки лучше.

Она не прошла къ нему прямо, а раздѣлась и въ пеньюарѣ заглянула къ нему, въ полуотворенную дверь.

— Не спишь?—шопотомъ окликнула она его.

— Нѣтъ. Что такъ поздно?

Онъ сидѣлъ въ комнатѣ, у стола и писалъ.

Когда она вошла совсѣмъ, онъ поднялъ голову и оглянулъ ее.

— Неужели все на лекціи Авенирова?

Въ вопросѣ не было никакой нотки подозрительнаго мужа. Вѣдь онъ не только терпитъ. Къ женщинѣ онъ не чувствуетъ влеченія. Для него все это—грязь, хоть и узаконенная. Какая же, при этомъ, можетъ быть ревность?

— Я еще осталась.

— Какъ же прошла лекція? И что ты въ ней поняла?—прибавилъ онъ снисходительно, улыбнувшись.—Положенія его я прочелъ. Все это не то! Больше рисовки и самоуслажденія, чѣмъ настоящаго стремленія къ Богочеловѣческому.

Онъ протянулъ руку къ листку и взялъ его.

„Будетъ читать!—подумала она.—Пускай его".

Она опустилась на кушетку и припала головой къ спинкѣ.

Не то считывая, не то произнося наизусть, Глѣбъ Петровичъ сталъ говорить не громко, но своимъ „нутрянымъ" тономъ, безпрестанно проводя лѣвой рукой по воздуху.

— Надо создать въ себѣ новый организмъ. Этотъ нео-организмъ—какъ бы небесная амёба.

— Амёба—повторила Надежда Павловна и начала чувствовать сладкую дрему.

— Это и есть воплощенное чувство высшаго пониманія,—продолжалъ онъ, одушевляясь.—Нео-организмъ видитъ безъ глазъ, слышитъ безъ ушей, и обоняетъ, и осязаетъ. Онъ слышитъ музыку лучей свѣта и ощущаетъ ихъ благоуханіе.

Онъ отложилъ листокъ и сталъ какъ бы говорить подъ неслышный подсказъ суфлера. И глаза его все расширялись.

— Блаженъ развившій въ себѣ этотъ новый организмъ, который даетъ ему безсмертіе.

— Что̀?—встрепенулась Надежда Павловна и подняла голову.

— Блаженъ, говорю, кто сольется духомъ съ своимъ Отцомъ и Учителемъ, ибо Богъ—не грозный владыко, и человѣкъ—не рабъ Его. Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Человѣкъ—только ученикъ наимудрѣйшаго Учителя.

И, точно открывая какую тайну, онъ понизилъ звукъ голоса и произнесъ совсѣмъ другой интонаціей:

— Вотъ передъ тобою единый Богъ, но въ трехъ лицахъ: Богъ-Отецъ — начало всего сущаго; Богъ-Сынъ—Богочеловѣкъ, Богъ-Духъ—человѣческій разумъ, который воплощается въ безсмертный нео-организмъ.

Онъ оглянулся кругомъ, какъ бы ища чего-то своимъ внутреннимъ зрѣніемъ.

— Вотъ передъ тобою задача Бытія! Черезъ безконечное

самодробленіе выйти изъ хаоса безсмыслія къ свѣтлому торжеству свѣта разума.

Онъ оглянулся въ сторону кушетки, гдѣ жена его прикорнула, и услыхалъ ея ровное дыханіе.

Она спала, подложивъ ладонь подъ правую щеку.

XXI.

У озера, въ паркѣ, по боковой аллеѣ, прохаживались двое дачниковъ: дама и мужчина.

Это были Кашинцевъ и курсистка Бутова.

Они недавно познакомились—здѣсь, въ этомъ же паркѣ.

Егоръ Ивановичъ совсѣмъ отсталъ отъ женскаго общества; но когда-то—и еще не такъ давно, года два назадъ—онъ увлекался и послѣ одного, горькаго для него разрыва „поставилъ крестъ“ на всякія увлеченія.

Знакомство съ молодой курсисткой сначала выбило его изъ колеи; онъ даже, первые дни, избѣгалъ встрѣчъ съ нею. Но у нихъ неожиданно вышелъ принципіальный разговоръ.

Бутова сѣла на его скамью, въ той же аллеѣ, куда они и теперь зашли. Убѣжать отъ нея сразу было бы слишкомъ неловко.

Она пришла читать. Егоръ Ивановичъ спросилъ ее: что̀ она читаетъ.

Это была одна изъ книгъ Ницше, съ нѣмецкимъ текстомъ.

Заглавіе онъ самъ прочелъ, когда она ему подставила обертку книги и сказала:

— Вамъ, навѣрно, извѣстна эта вещь?

Съ этого и началось.

Ему стало глубоко жаль такую молодую, умненькую и красивую—и безъ всякаго хорошаго руководительства.

Нѣсколько деликатно поставленныхъ имъ вопросовъ сейчасъ же показали ему, что она, хоть и накидывается вотъ на такія книжки, но „грунта“ у нея нѣтъ и она еще въ усиленной полосѣ всякихъ исканій.

Онъ не сталъ возмущаться мертвящей проповѣдью автора „Заратуштры“, а началъ ходить вокругъ да около, зондируя ее очень искусно.

„Она еще не погибла“—рѣшилъ онъ послѣ двухъ бесѣдъ, и сегодня, когда они встрѣтились все въ той же боковой аллеѣ—они уже разговаривали не какъ простые дачники, а все на ту же тему.

Егоръ Ивановичъ предложилъ ей присѣсть на ту самую скамью, гдѣ у нихъ зашелъ разговоръ о книжкѣ Ницше.

Въ промежутокъ послѣднихъ двухъ бесѣдъ, онъ подарилъ ей оттискъ своей статьи—той самой, которая такъ взволновала его коллегу Суркова.

Когда они сѣли, онъ было-хотѣлъ спросить ее—прочла ли она его статью, но стѣснился. И, въ то же время, у него сегодня что-то такое есть въ душѣ новое. Какая-то теплая и тревожная жалость къ ней, давно заснувшая въ немъ потребность сближенія съ женскимъ существомъ, но не на такой почвѣ, какъ когда-то, когда и онъ отдавалъ дань мужскому „вожделѣнію“.

Бутова была сегодня особенно какъ-то свѣтла и полна красокъ: и цвѣтъ лица, и бантъ на соломенной шляпѣ, и рубашка съ шитьемъ ворота и рукавовъ.

Она сидѣла въ такой милой позѣ, съ вытянутыми ногами, обутыми въ бѣлыя ботинки. Солнца она не боялась и съ зонтикомъ не ходила.

— Егоръ Иванычъ—она оглянулась на него вбокъ—я вѣдь кончила вашу статью.

— Да?—почти смущенно окликнулъ онъ.

Изъ-подъ бортовъ ея шляпы онъ не видалъ ея глазъ. И половину его лица закрывали борта его, также соломенной, шляпы.

— Прочла... Я вѣдь не знала, что вы... такой...

Слово не сразу слетѣло съ ея языка.

— Какой же?

— Ортодоксальный... Вѣдь вы и здѣсь когда-то занимали каѳедру?

И она указала взадъ головой, по направленію къ главному зданію.

— Занималъ.

— Стало, вы были—какъ бы это сказать... научникъ...

— Я и теперь, Клавдія Андреевна, не врагъ науки... пользуюсь ея выводами во всемъ, что въ ней есть прочнаго. Но сколько же такъ называемыхъ служебныхъ гипотезъ, которыя не даютъ никакого прямого отвѣта на вѣчныя загадки міросозиданія.

— Всѣ загадки, Егоръ Иванычъ, будутъ разгаданы, въ иксъ-времени!—весело воскликнула она, и на ея розовыхъ, немного загорѣлыхъ щекахъ легло по двѣ ямочки, съ каждой стороны.

— Это вы по пресловутой книжкѣ Геккеля такъ говорите, Клавдія Андреевна, насчетъ „Загадокъ міра“.

— Я еще не читала.

— И не совѣтую.

Онъ поймалъ себя на неподходящемъ тонѣ.

Раздражать ее — недостойно его. Такая „юница“ должна видѣть въ немъ не задорнаго спорщика, а человѣческую душу, которая пришла наконецъ къ той пристани, гдѣ уже нѣтъ и не можетъ быть никакихъ колебаній и сомнѣній.

— Какъ это говорится по латыни... есть такое изреченіе... Audiatur...

— Et altera pars — договорилъ онъ. — Выбирайте сами путь, какой найдете самымъ прямымъ и вѣрнымъ...

— Это вы дозволяете? — шутливо спросила она.

— Какъ же я могу вамъ запретить? За кого вы меня принимаете, Клавдія Андреевна? Я не изувѣръ, не гасильникъ и не католическій патеръ. Никакого списка запрещенныхъ книгъ вамъ не предъявлю.

— Однако, считаете, кажется, меня чѣмъ-то въ родѣ заблудшей овцы...

По его лицу прошлась тѣнь.

— Оставьте, прошу васъ, Клавдія Андреевна, этотъ вышучивающій тонъ.

— Я вѣдь не васъ вышучиваю, Егоръ Иванычъ... а надъ самой собой прохаживаюсь.

— И этого не надо. Душа человѣческая — святыня.

— Значитъ, и я святая? Какъ моя нянька Настасья говорила поучительнымъ тономъ: „святая, съ полочки снятая!“

И, мѣняя тонъ и выраженіе лица, Бутова обернулась совсѣмъ къ Кашинцеву и протянула ему руку.

— Вы очень ужъ въ сурьёзъ, Егоръ Иванычъ. Я знаю и вижу — для васъ извѣстные вопросы составляютъ всю суть жизни.

— А для васъ нѣтъ? — остановилъ онъ и немного исподлобья поглядѣлъ на нее.

— Я, пожалуй, на распутьи... Но вѣдь и великіе философы не сразу вырабатывали себѣ то credo, на которомъ потомъ утверждались. А съ насъ, грѣшныхъ, этого не спросится. Вотъ и насчетъ статьи вашей... Если вы, человѣкъ науки — и науки самой точной — пережили такой кризисъ, понятно, это не было зря.

— Не зря, Клавдія Андреевна.

— Но на такіе кризисы бываютъ разныя причины. Всего чаще... совершенно интимныя.

— Въ родѣ чего же?

— Почемъ я знаю, Егоръ Иванычъ! Какой-нибудь сердечный ударъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ!

Онъ продолжительно покачалъ головой.

— Или вообще разочарованность. А то такъ ударъ... свыше! Въ родѣ обращенія фарисея Савла въ апостола Павла.

— Такое счастье выпадаетъ только избраннымъ...

— Простите, Егоръ Иванычъ—перебила его Бутова и быстро встала, завидѣвъ приближавшуюся изъ-за угла высокую мужскую фигуру, въ полотняной парѣ и черной мягкой шляпѣ.

Это былъ Сумбуловъ. Онъ прямо шелъ къ ней.

— Здѣсь, здѣсь я, Левъ Сергѣичъ!—крикнула она ему.

Кашинцевъ поглядѣлъ въ ту же сторону.

Онъ не сразу узналъ своего когда-то ученика.

— А! Вы вотъ гдѣ!—донесся голосъ Сумбулова.

Онъ подходилъ къ ихъ скамьѣ съ широко разставленными руками, и такая же широкая улыбка распустилась по его сильно загорѣлому лицу.

— Вы не за мной?—спросила его Бутова, когда онъ былъ отъ нихъ въ двухъ аршинахъ.

— За вами! И отче дьяконъ долженъ скоро пожаловать. Надѣется выудить важнаго подлещика!

Бутова только что хотѣла ихъ познакомить; но Сумбуловъ, воззрившись въ Кашинцева, остановилъ ее жестомъ.

— Да Егоръ Иванычъ меня знаетъ... И давненько!

Протягивая ему руку, онъ спросилъ:

— Небось не запамятовали? Сумбуловъ.

— Какъ же, какъ же!—торопливо проговорилъ Кашинцевъ.

— И вы здѣсь дачничаете?

— Какъ же, какъ же!

— Очень пріятно! Такъ мы васъ ждемъ, Клавдія Андреевна!

И, съ этими словами, онъ ускореннымъ шагомъ пошелъ къ озеру.

XXII.

Протянулась пауза.

— Это вашъ знакомый!—первый заговорилъ Кашинцевъ.

— Левъ Сергѣичъ? Какъ же!

— И близкій?

— Да, мы большіе пріятели.

— И давно?

— Уже больше года. А онъ — оказывается—былъ вашимъ слушателемъ?

Она при этомъ такъ посмотрѣла на него, хотя и очень быстро, что онъ почувствовалъ уколъ.

„Вотъ, молъ, ты какой старенькій—онъ у тебя учился... а и онъ уже не юноша“.

— Я его смутно помнилъ. Кажется, былъ очень способный.

— Очень—протянула она.—Онъ уже доцентъ. И получаетъ заграничную командировку.

— Вотъ какъ! Это онъ рекомендуетъ вамъ читать Ницше?

— Нѣтъ. Я сама! Но онъ повторяетъ все: „кушайте какой угодно умственной пищи... И чѣмъ скорѣе вы наживете отъ всего этого несвареніе пищи, тѣмъ скорѣе сбросите съ себя“...

— Что же?—заинтересованно остановилъ онъ.

— Это у него цѣлая... такая теорія. Вы не знаете?

— Не имѣю никакого понятія.

— Для него всѣ не только русскіе, но и всѣ арійцы...

— Арійское племя?

— Да, да! Онъ все это хочетъ записать и дать мнѣ... чтобы я выучила наизусть... Ха, ха!

— Значитъ... онъ—вашъ духовный руководитель?

— Я вѣдь сама по себѣ, Егоръ Иванычъ. Онъ никакого давленія на меня не производитъ. И даже, когда ему что и не по вкусу... и я попрошу объ этомъ—онъ сейчасъ же сдѣлаетъ. Вотъ напримѣръ... я заинтересовалась какъ-то, этой зимой, сборищами въ какой-то тамъ „Ямѣ“...

— Бесѣдами сектантовъ съ миссіонерами?—подсказалъ онъ.

— Вотъ, вотъ! И все порывалась туда. Онъ самъ мнѣ предложилъ побывать тамъ.

— Ну и что же?

— Былъ... Только тамъ вышла полицейская заминка... Говорилъ какой-то эсъ-эръ, а можетъ и анархистъ — и собранія эти... прекратились.

— Въ какомъ же духѣ онъ вамъ все это изложилъ?

— Сказалъ, что я мало потеряла. Самые интересные еще свободные христіане и еще какіе-то безсмертники.

Она вбокъ поглядѣла на него и съ юморомъ спросила:

— И такіе вѣдь теперь водятся? А? Егоръ Иванычъ?

— Можетъ-быть... Я съ сектантами никакихъ личныхъ сношеній не имѣю.

— А эти бесѣды... просто, кажется, ловушка. Тамъ первую

скрипку играли православные начетчики. И полиція смотрѣла на это сквозь пальцы.

— И вашъ интересъ охладѣлъ?—выговорилъ Кашинцевъ съ особой интонаціей, поглядѣвъ на нее пристально.

— Это богоискательство—вѣдь такъ оно называется?—зимой было еще въ модѣ.

— И вамъ хотѣлось примѣрить на себѣ этотъ новый фасонъ?

— Ха, ха! Егоръ Иванычъ! какъ вы это сказали! Какъ Сумбуловъ говоритъ: „съ каплей Сеничкина яда"!

— Простите... я, быть-можетъ, слишкомъ искренно отношусь ко всему этому...

— И хотите наставить меня на путь истины... Ха, ха! Видите, Сумбуловъ гораздо объективнѣе... Онъ ни отъ чего меня не остерегаетъ... И когда я отъ всего отвѣдаю...

— Тогда и произойдетъ опустошеніе души.

Онъ это сказалъ такимъ тономъ, что она немного отодвинулась.

— Зачѣмъ такъ мрачно, Егоръ Иванычъ? Опустошенная душа! Вы этакъ меня пожалуй прозовете?

— Я такими вещами не могу шутить, Клавдія Андреевна... Простите меня.

Поднимаясь съ мѣста, онъ добавилъ:

— Простите и за то, что я васъ задержалъ. Тамъ васъ ждетъ веселая компанія.

— Моя новая страсть — удить рыбу. Это очень полезно, чтобы думать. А то на настоящее охотницкое жданье у меня еще не хватаетъ терпѣнья.

— Желаю удачнаго лова. А если правду сказать, меня смущаетъ то, что вы—молодая дѣвушка—и предаетесь, простите!—хищническому аффекту.

— Какъ вы сказали?

— А какъ же? Ловить живое существо на крюкъ... и потомъ закалывать его, или—что еще хуже—жарить живымъ. Кухарки увѣряютъ, что и раки любятъ попадать въ кипятокъ.

— А вы развѣ рыбы не ѣдите? Значитъ, вы толстовецъ?

— Избавьте!—почти брезгливо вырвалось у него.

— Вы считаете, стало, толстовство ересью?

— Не ересью, хуже того—замаскированнымъ невѣріемъ.

— Милый Егоръ Иванычъ, не сердитесь на мое чисто женское любопытство. Вы, значитъ, вегетаріанецъ?

— Но не потому, что я толстовецъ, а потому, что желаю...

— Я знаю что̀ — желаете спасаться. Такъ вѣдь и монахи

ѣдятъ рыбу. И владыки! Да еще какую! Все стерляди! Да и въ Евангеліи есть чудо съ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Стало, Христосъ дозволялъ и рыбное.

— Положимъ.

— Я вотъ сейчасъ задамъ вопросъ насчетъ убоины нашему компаньону... Здѣшній дьяконъ.—Вы не встрѣчали его?

— Не встрѣчалъ.

— А за обѣдней? Развѣ вы не бываете въ церкви?

— Не считаю еще себя достойнымъ — присутствовать при таинствѣ святой евхаристіи.

— Вотъ оно что! А нашъ дьяконъ—типъ. Отецъ Исидоръ! Позволяетъ себя звать и просто Сидоръ! И фамилія одна чего стоитъ — Виѳлеемскій! Ха, ха! Прощайте, Егоръ Иванычъ! Не сердитесь на меня за мое легкомысліе! Я вѣдь прочла вашу статью. Можетъ, и еще предложите мнѣ что-нибудь, въ такомъ же родѣ?

— По рецепту вашего пріятеля Сумбулова. Для несваренія духовной пищи?

— Никто не знаетъ, что изъ чего будетъ! До свиданія, Егоръ Иванычъ! Завтра встрѣтимся?

— Буду безмѣрно радъ!

Она крѣпко пожала ему руку и пошла ускореннымъ шагомъ.

Кашинцевъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Ему стало вдругъ душно, и онъ снялъ шляпу.

Вотъ сейчасъ онъ сказалъ, что будетъ „безмѣрно радъ“ встрѣтиться съ нею.

Зачѣмъ? Какой интересъ влечетъ его къ этой дѣвушкѣ, полной самыхъ дерзновенныхъ вызововъ—какого сорта? Конечно, грѣховнаго, хотя, быть-можетъ, и безъ сознательной порочности! Уже и теперь онъ нѣтъ-нѣтъ да и почувствуетъ, точно его что обожжетъ, и внутри заноетъ.

Неужели прежнее мужское влеченіе?

А почему же не скорбь о томъ, что такое привлекательное созданье находится на опасномъ распутьи? Этотъ Сумбуловъ, навѣрно, не только невѣрующій, но и врагъ „живаго“ Бога, какой-нибудь новѣйшій, яко бы научный сектантъ, неофитъ ученія Маха или другого нѣмца, Оствальда—создателя „энергетики“. И онъ доведетъ ее до полной душевной „диспепсіи“, и она кончитъ мертвящимъ скепсисомъ, а потомъ и „а-моралью“. И онъ сорветъ этотъ цвѣтокъ, какъ холодный развратитель.

И онъ вполголоса проговорилъ:

„Когда изъ мрака заблужденья

„Горячимъ словомъ убѣжденья
„Я душу падшую...“

Дальше онъ не помнилъ. Лобъ его былъ влаженъ. И, поднявшись, онъ, не надѣвая шляпы, побрелъ къ себѣ на „Выселки“, гдѣ нанималъ маленькій домикъ.

XXIII.

Подъ густыми кустами примостилась ихъ компанія. Бутова сидѣла посрединѣ, на травѣ. Сумбуловъ — вправо отъ нея, на пнѣ, около котораго онъ поставилъ ведерко. А лѣвѣе отъ нея сидѣлъ на корточкахъ дьяконъ Виѳлеемскій.

На немъ глубоко сидѣла бѣлая холщевая шляпа съ огромными полями. Онъ называлъ ее „брыль“.

Его бѣлокурые, выцвѣтшіе отъ солнца волнистые волосы лежали по плечамъ его парусинной рясы.

Лицо отца Исидора—свѣжее, полное въ щекахъ, бородатое и сильно загорѣлое—все ушло въ тихую, сладкую улыбку широкаго рта. Глаза онъ щурилъ отъ солнца и глядѣлъ на конецъ своей лёсы съ самоуглубленіемъ истаго любителя удочки.

Онъ ее держалъ въ правой рукѣ, а лѣвой, въ эту минуту, заправлялъ прядь волосъ за ухо.

Онъ могъ такъ, на корточкахъ, просидѣть цѣлый часъ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія.

Радостный потокъ свѣта лился имъ въ глаза, смягченный деревьями противоположнаго берега. Въ воздухѣ пахло какими-то ароматными листьями; мошки роились надъ ихъ головами, въ травѣ жужжали насѣкомыя. Близился жаркій полдень.

Бутова и тутъ не могла долго молчать.

Она повернулась къ Виѳлеемскому и окликнула его вполголоса:

— Отецъ дьяконъ!

— Чего изволите?—раздался бархатный басъ изъ-подъ бортовъ его „брыля“.

— Вы не знаете, я сейчасъ тутъ говорила съ однимъ филозофомъ—произнесла она дурачливо—насчетъ убоины. Онъ находитъ это хищничествомъ. И даже на жареную рыбу смотритъ какъ на убоину.

— Убоину? Забавно! Ха, ха!

Смѣхъ дьякона заставилъ и Сумбулова повернуть голову и прислушаться къ ихъ разговору.

— Я ему напомнила, что и монахамъ разрѣшается.

— И весьма, я полагаю!

— А потомъ, чудо пяти хлѣбовъ и двухъ... вѣдь двухъ?..

— Доподлинно.

— Двухъ рыбъ. Какъ же это?

— И что же онъ на вашу аргументацію?

— Она его не смутила.

— Толстовецъ—надо полагать?

— Нѣтъ, онъ отъ всякаго сектантства открещивается.

— И въ вѣрѣ твердъ?—шутливо пробасилъ дьяконъ.

— И меня хочетъ поставить на путь...

— Спа́сенья?—особенно весело подсказалъ дьяконъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

Оба разомъ молодо и раскатисто засмѣялись.

— Да о комъ вы это, Клавдія Андреевна?—полюбопытствовалъ Сумбуловъ.

Онъ молчалъ, выжидая напряженно, не клюнетъ ли; но далъ осѣчку, слишкомъ рано выдернувъ уду.

— Я о Кашинцевѣ, Левъ Сергѣичъ. Онъ даже и удочку считаетъ чуть не дьявольской утѣхой.

Сумбуловъ пододвинулся къ ней и спросилъ ее потише, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ:

— Да вы развѣ давно его знаете?

— Здѣсь только познакомились.

— А мнѣ ни гу-гу...

Онъ погрозилъ ей пальцемъ свободной руки.

— Да вѣдь вы пропадали какъ разъ въ эти дни!

— То-то! И мнѣ показалось, что этотъ старѣющій холостякъ около васъ, нѣкоторымъ родомъ, млѣетъ.

— Ну, ужъ и млѣетъ!

— Я слышалъ отъ кого-то, что онъ вдался теперь въ благочестіе. И даже выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ статей по части утвержденія откровенныхъ истинъ на подпоркахъ науки. Однимъ словомъ, апологетъ-доброволецъ.

— Вотъ, вотъ! Онъ уже давалъ мнѣ одну такую статью.

— И вы что же?

— Прочла... И разсказала ему, какъ вы со мною поступаете.

— Въ какихъ смыслахъ?

— Чтобы я все поглощала, вплоть до полнаго несваренія духовной пищи.

— Ловко! Молодецъ Клавдія Андреевна!

— А скажите, Сумбуловъ, онъ, какъ профессоръ, былъ изъ выдающихся?

— Кто, Кашинцевъ?

— Да.

— Такъ себѣ. Предметъ зналъ, но читалъ скучно. Ходили къ нему мало, и на экзаменахъ любилъ прижать. Когда онъ ушелъ — не очень о немъ сожалѣли. А теперь вотъ... вотъ во что ударился.

— Я вотъ сейчасъ говорила отцу дьякону, что онъ и нашу охоту считаетъ богомерзкой.

Она досказала это, обернувшись въ сторону Виѳлеемскаго.

— Это вы, барышня, насчетъ того старца?

— Онъ еще не очень старъ.

— И навѣрно еще не безъ иллюзій насчетъ женскаго пола—откликнулся Сумбуловъ.

— Но все-таки не изъ старцевъ?

— Это въ нынѣшнемъ разумѣніи старецъ, хотя бы онъ былъ въ полномъ соку мужчина. И ему сорока лѣтъ отъ роду еще нѣтъ... Небось, изволили читать про одного такого старца... какіе онъ подвиги умерщвленія плоти совершалъ, ежели вѣрить газетнымъ сообщеніямъ.

Дьяконъ фыркнулъ въ руку и чего-то не досказалъ.

— Ну, а мы съ вами, отецъ дьяконъ, будемъ все-таки услаждать себя такимъ грѣховнымъ дѣломъ, какъ вотъ сидѣть съ удочкой и испытывать свое долготерпѣніе.

— Претерпѣвый до конца спасется... Ахъ ты... чтобъ тебѣ пусто было!—воскликнулъ онъ, чувствуя, что червяка что-то у него сдернуло.

Онъ вытянулъ пустую уду и еще разъ пустилъ свое басистое:

— Ахъ ты... чтобъ тебѣ пусто!..

Наладивъ прикормку, онъ перемѣнилъ мѣсто, но держался все такъ же на корточкахъ.

— Я, знаете, барышня—продолжалъ онъ, улыбаясь во весь ротъ, — насчетъ излишней святости имѣю свою теорію. И не огорчаюсь тѣмъ, что и у владыки не состою, такъ сказать, на золотой доскѣ. Всѣ люди—всѣ человѣки. Только прежде благочестіе-то практиковалось въ простотѣ сердца... А нынѣ пошли всякіе модные богоискатели. И съ Господомъ Богомъ они слишкомъ ужъ какъ бы это сказать... за панибрата... Самихъ себя въ богочеловѣковъ производятъ, вѣрятъ, что они не то что Маѳусаиловъ вѣкъ проживутъ, а такъ и очутятся въ безсмертныхъ.

И, наклонившись черезъ голову Бутовой, онъ окликнулъ Сумбулова:

— Вамъ вѣдь извѣстно, что у насъ здѣсь такіе безсмертники завелись, Левъ Сергѣичъ?

— Какъ же, какъ же... Съ однимъ простецомъ я въ знакомство вошелъ. Прекурьёзный малый...

— И изъ интеллигенціи есть. Вотъ здѣсь одинъ проживаетъ... На́ботъ... по фамиліи... И меня принимался обращать въ свое ученіе... Такъ и опредѣляетъ—такого-то, молъ, числа настанетъ для всѣхъ насъ безсмертіе.

— Да, можетъ, онъ страшнаго суда ждетъ? — спросила Бутова.

— Нѣтъ... Страшный судъ—то статья особая. А это—на основаніи его вычисленій. Все равно, что вотъ комета... Такого-то числа и въ такой-то часъ... Такъ та, пожалуй, своимъ хвостомъ смететъ нашу планету; а тутъ никакой катастрофы не произойдетъ... Ха, ха!

Басистый смѣхъ разнесся опять по воздуху, и Бутова даже почувствовала мягкую вибрацію.

— Знаете, барышня,—окликнулъ дьяконъ,—какъ меня владыка отмѣтилъ въ своемъ кондуитномъ спискѣ?

— Какъ, какъ?

И Сумбуловъ спросилъ жестомъ головы.

— „Діаконъ Исидоръ Виѳлеемскій—болѣе ловкій, чѣмъ благоговѣйный!“

И всѣ разомъ засмѣялись, а потомъ вдругъ смолкли и стали напряженно смотрѣть каждый на свою „лёсу“.

XXIV.

Они шли вдвоемъ по главной аллеѣ. Дьяконъ еще остался, въ надеждѣ выловить „знатнаго карася“. Сумбуловъ несъ небольшое ведерко, въ которомъ полоскались какія-то двѣ рыбишки.

Онъ же несъ и лёсу Бутовой.

Становилось жарко. Времени до обѣда оставалось имъ обоимъ довольно.

Густая тѣнь приглашала отдохнуть.

— Присядемъ — пригласила она. — Вы настоялись тамъ! Этакъ и судорогу въ ногахъ наживешь!

— Ничего... Выдержимъ!

Онъ закурилъ и, протягивая ей портсигаръ, спросилъ:

— А вамъ не угодно?

— Я хочу отставать.

— Что такъ? Или и вы въ толстовство ударитесь?

Онъ тихо разсмѣялся и ласково глядѣлъ на нее изъ-подъ бортовъ своей мягкой шляпы.

Ихъ была славная пара—что-то очень гармонирующее, и въ типѣ лица, и въ общемъ складѣ, и даже въ манерѣ говорить.

— Нѣтъ, Сумбуловъ, я ни въ какое сектантство не способна удариться.

— А почемъ знать?

Свои красивыя брови онъ немного сдвинулъ.

— Вы что же это... неужели не на шутку смутились тѣмъ, что я завязала знакомство съ этимъ... какъ вы его назвали?

— Апологетомъ изъ добровольцевъ.

— За меня нечего бояться. Все то, что я прочла въ его статьѣ—какая-то смѣсь учености съ лампаднымъ масломъ.

— Ловко! Прекрасное опредѣленіе, но...

— Но что? Знаете, Левъ Сергѣичъ, вы во мнѣ, я вижу, до сихъ поръ не увѣрены?

— А вы въ себѣ? — спросилъ онъ и остановилъ на ней пытливый взглядъ, наполовину улыбающійся.

— Нельзя все зондировать себя!—нервнѣе заговорила она, съ нѣсколько опущенной головой. — У васъ, Сумбуловъ, право, есть какой-то пунктикъ — всѣхъ „арійцевъ", по вашей теоріи, считать обреченными на вырожденіе, потому только, что они все ищутъ чего-то, а не хотятъ жить по велѣніямъ матери-природы. Сколько я васъ до сихъ поръ поняла—въ этомъ вѣдь суть вашего... какъ бы это сказать... ученія, что-ли?

— Пожалуй, но только вы до сихъ поръ, Клавдія Андреевна, не пожелали еще посвятить хоть одну настоящую бесѣду моей... положимъ, доморощенной, не доктринѣ, не вѣроученію, а просто—трезвому выводу.

— Неправда!—живо откликнулась она.—Я васъ объ этомъ просила.

— Такъ, между прочимъ...

— И доказательство, что это такъ — какимъ образомъ я могла бы, вотъ сейчасъ, резюмировать главную вашу идею? Вѣдь не сверху же мнѣ это свалилось, наитіемъ святого духа!

— У васъ голова—отличная, память чисто дѣвическая... вы сразу схватываете все превосходно.

— Благодарю васъ за аттестацію ученицы, достойной поощренія.

Они часто такъ пикировались; но ихъ уже съ зимы что-то влекло другъ къ другу. И каждый какъ бы выдерживалъ характеръ: ничѣмъ не проявить то, что уже шевелится тамъ, внутри.

Еслибъ она болѣе подробно была знакома съ его „конькомъ", она имѣла бы поводъ сказать ему вотъ сейчасъ:

„Какъ же это вы, Сумбуловъ, проповѣдуете спасительность инстинктовъ, а не даете ходу тому, что вы уже ко мнѣ чувствуете?"

Но ничего такого она бы ему не сказала, будь она и вполнѣ увѣрена въ томъ, какъ ее влечетъ къ нему.

Съ зимы они не подвинулись, въ своей интимности, ни на одинъ шагъ. Ихъ пріятельство получило уже чисто товарищескій оттѣнокъ, но и только. Она уговорила своихъ родственницъ провести лѣто здѣсь, а не въ другой какой дачной мѣстности, но это было сдѣлано безъ всякаго тайнаго уговора между ними.

Да и чего имъ и отъ кого что-либо усиленно скрывать?

Оба они — свободные люди. Она совершеннолѣтняя, имѣетъ свои небольшія средства. Онъ и подавно.

И до сихъ поръ у нихъ, ни въ городѣ, ни здѣсь, не зашелъ ни разу такой разговоръ, гдѣ они, хоть легкими намеками, подошли бы къ вопросу устройства своей судьбы, не дѣловой, не насчетъ ученья или мѣста, а того, что люди зовутъ „счастьемъ.

И это ихъ еще не щемило, не давало имъ настоящей тревоги. Можетъ-быть, оттого, что они чувствовали—какъ ихъ сближеніе идетъ своимъ неизбытнымъ ходомъ и должно ихъ привести къ желанной цѣли.

Но Сумбуловъ дѣйствительно не былъ увѣренъ въ томъ, что эта умная, способная, „нормальная" дѣвушка вполнѣ застрахована отъ заразы модныхъ исканій въ „потустороннемъ" мірѣ. Онъ ни отъ чего ее не отговаривалъ. Пускай всего попробуетъ. Кто ее знаетъ! Она—славянка, изъ того же арійскаго племени, правда, какъ всѣ русскіе, съ подмѣсью финно-монгольской крови. Но вѣдь и финно-монголы не свободны отъ всякихъ потустороннихъ исканій. И только желтая раса позитивна во всемъ, хотя и восприняла когда-то буддійскую вѣру.

Здѣсь они видятся почти каждый день. Но больше въ паркѣ, гуляютъ, катаются на лодкѣ, ходятъ въ лѣсъ. И у нея онъ бываетъ часто. Но къ нему, на „Выселки", она еще ни разу не пришла.

— Когда же вы удостоите меня, Клавдія Андреевна, по-

сѣщеніемъ, заглянете въ мою избушку? — вдругъ спросилъ онъ ее.

— Когда? Я не знаю. Да вы меня и не приглашали что-то.

— Будто соблаговолите?

— Почему же?

— А мнѣ сдается, что въ васъ сидитъ еще, какъ поляки называютъ, „обывательска цурка".

— Это что же значитъ?

— Помѣщичья дочь! Барышня...

— Съ какой стати! Вы сегодня все придираетесь, Сумбуловъ, и это къ вамъ совсѣмъ не идетъ. Ужъ не знаю—кто же проще меня?

И она поглядѣла на него своими большими свѣтлыми, чисто русскими глазами, болѣе съ игривой усмѣшкой, чѣмъ съ упрекомъ.

— Хорошо птица поетъ, гдѣ-то сядетъ.

— Вы что-же, хотите меня исповѣдывать... какъ католическій патеръ въ исповѣдальной будочкѣ? Тамъ у васъ, навѣрно, духота, шторъ нѣтъ...

— Да вы придите... вотъ чего не хватаетъ по моему холостячеству—подайте благой совѣтъ, я послушаюсь.

— Ну хорошо, ну хорошо!

„Боится!"—подумалъ онъ невольно.

Но это ему скорѣе понравилось.

— А вы лучше вотъ что сдѣлайте, многоуважаемый Левъ Сергѣичъ,—произнесла она дурачливо:—соберите цѣлое общество, на воздухѣ, здѣсь, въ паркѣ, или въ лѣсу, на укромной полянкѣ, и прочтите намъ лекцію.

— Съ какой стати?

— Почему же нѣтъ! Да вотъ перваго бы, такого апологета, Кашинцева, пригласили. Или я его сама бы привела. Если вамъ дорого ваше ученіе—надо его распространять. Апостолы-то какъ дѣлали? А? Вы можете не признавать ихъ вѣры; но дѣйствовали они правильно. Здѣсь и та дама... съ томнымъ видомъ... теософка... я фамилію все забываю. Вы вѣдь меня къ ней посылали на ихъ вечеринки.

— Развѣ она здѣсь?

— Здѣсь. Она бы привела кого-нибудь изъ своихъ.

— Въ родѣ, напримѣръ, поэта-символиста—Авенирова?—обронилъ онъ.

— А вы съ нимъ знакомы?

— Давно.

— Какъ же вы мнѣ никогда объ этомъ не говорили?

— Не приходилось.

— Не потому только...

— А почему же?

— Потому что онъ интересный мужчина. Я, до знакомства съ вами, бѣгала на его рефераты.

— И увлекались имъ?

— Онъ мнѣ даже во снѣ снился. Но потомъ сразу это отрѣзало... у меня вѣдь все такъ. А онъ здѣсь?

— Видѣлъ его на-дняхъ.

— Ну, вотъ и его тащите. А потомъ будутъ пренія. Подъ древнимъ дубомъ... какъ у друидовъ.

— А для васъ зрѣлище, потѣха! Эхъ вы, *гэдонистка*!

— Какъ, какъ?

— Гэдонистка, то-есть жуирка, со всего снимаете сливки.

— Ну, полноте ворчать.

Она протянула ему руку, милымъ жестомъ. Сумбуловъ придержалъ ее и у него вырвалось:

— Не будьте вы такимъ мозговикомъ... Отдавайтесь жизни!

И оба смолкли.

XXV.

— Господи! Сколько же такъ ждать?

Этотъ подавленный возгласъ вырвался изъ роскошной груди Надежды Павловны.

Она сидѣла — въ тотъ же день и въ томъ же паркѣ, но позднѣе, еще въ очень солнечное и душное послѣобѣда—въ березовой бесѣдкѣ.

„Вѣдь *онъ* обѣщалъ,—волновалась она, вся пылающая,—въ его запискѣ стояло: завтра—не позднѣе шести".

Она нарочно приказала подавать обѣдъ въ половинѣ пятаго, вмѣсто пяти.

И сѣла за столъ, не дожидаясь Глѣба Петровича. Онъ пришелъ, когда она кончала, и кротко спросилъ:

— Развѣ ты куда въ городъ спѣшишь, Надя?

— Нѣтъ... я въ городъ не ѣду, а мнѣ очень ѣсть захотѣлось.

Солгала гладко, безъ всякаго смущенія. Ей теперь уже въ привычку.

Да и какъ же иначе? А все-таки еще не дошла до того, чтобы потерять всякое „зазрѣніе".

Будь жива ея мать, купчиха строгихъ правилъ, она, еслибъ обо всемъ провѣдала, стала бы ей такъ говорить:

— Надежда! Бога ты не боишься!.. Мужъ у тебя—ровно младенецъ чистый. Прямо сказать—въ родѣ угодника... И хотя бы онъ и смахивалъ на блаженнаго, все-таки онъ передъ тобой ни въ чемъ не провинился. А ты себѣ любовника завела и такъ своего Глѣба Петровича безъ стыда, безъ совѣсти, обманываешь? Смотри, Надежда! Не ровёнъ часъ! И такой, какъ онъ, коли срамъ свой передъ нимъ всплыветъ... да хватитъ его прямо въ сердце—либо тебя зарѣжетъ, либо на себя руки наложитъ.—

Который разъ она себя спрашиваетъ, съ того дня, когда отдалась Юрію Александровичу: почему она сразу же во всемъ не повинилась мужу?

Такой, какъ онъ, не станетъ ни бить, ни изводить ее, да и на себя рукъ не наложитъ. Онъ *долженъ* простить, коли то, что онъ проповѣдуетъ, для него свято и ненарушимо...

Отчего же не повинилась, отчего?

Должно быть, въ ней, и до сей минуты, нѣтъ увѣренности въ томъ, что тотъ, кто ее такъ „прельстилъ", останется при ней „на вѣкъ".

Вѣдь она ему, первая, бросилась на шею, она довела его до „градуса". Онъ только позволялъ себя обожать... Да и то съ разными „сокращеніями", какъ она называетъ. У него, гораздо раньше, чѣмъ у нея, явились уколы совѣсти. Его надо было успокоивать и подбадривать.

Къ нимъ онъ ѣздитъ рѣдко, послѣ того, какъ она его познакомила съ мужемъ.

Чуть не каждый разъ, когда она—вся пламенѣющая—являлась на свиданіе, онъ говорилъ о томъ, какъ тяжко подчиняться „великому, но низменному инстинкту" и какъ унизительно носить личину и хоронить, точно что-то ворованное, то, что надо имѣть смѣлость брать, какъ свое право.

А самъ ни единымъ словомъ не проговорился, что онъ готовъ взять ее отъ мужа совсѣмъ, жить съ ней, какъ съ своей подругой, или жениться.

Вѣдь такой человѣкъ, какъ Глѣбъ Петровичъ, не будетъ держать ее взаперти или не давать развода.

Но она уже не въ силахъ стряхнуть съ себя обаяніе Авенирова... Какъ бы онъ ни велъ себя съ ней, что̀ бы ни говорилъ, она отъ него не уйдетъ.

И мужъ сталъ ей дѣлаться все постылѣе. Прежде она смотрѣла на него какъ на „блаженненькаго" и боялась только одного, чтобы онъ—на людяхъ—не очень срамилъ себя своими проповѣдями.

Онъ ей съ сокрушеніемъ сталъ говорить, что женщина теперь не имѣетъ никакой духовной жажды, той, которая давала, когда-то, мѵроносицъ и мученицъ.

— Вы всѣ въ вещахъ — повторяетъ онъ и теперь, — стали рабынями плоти и суетной самовлюбленности, какъ никогда!

Еще немножко, и онъ будетъ говорить то, что мужикъ давно сочинилъ про бабу—что у нея, „ровно у кошки, не душа, а паръ".

Чтожъ! Она знаетъ, и безъ него, что въ ней нѣтъ никакого нюха для всѣхъ этихъ нынѣшнихъ „восторженностей".

Мать ея была богомольна, хотѣла даже передъ смертью пойти въ монахини. Но тогда благочестіе практиковалось по просту, безъ всякихъ мудреныхъ „исканій", по-мужицки или по-купечески, на міру, или въ обители. Такъ оно ведется теперь и у раскольниковъ.

Останься она въ купеческомъ быту, вотъ съ такой же натурой, и поживи она сначала „въ свое удовольствіе"—можетъ-быть, къ старости, и она покаялась бы. Вѣдь раскольницы и теперь говорятъ: „коли не согрѣшишь, такъ и не покаешься". Тогда и она бы стала стараться „насчетъ души спасенья".

А теперь надо непремѣнно самой *искать*, поступать къ кому-нибудь въ учёбу, дѣлаться теософкой или какой-то еще тамъ „адвентинкой", или безсмертницей, или вотъ—какъ Юрій—держаться чего-то такого, что она, до сихъ поръ, не можетъ еще понять какъ слѣдуетъ.

Онъ и православный, и католикъ, и призываетъ бога-Діониса, и считаетъ себя кандидатомъ въ богочеловѣки, и дружитъ съ теософками; сегодня громитъ всякую „похоть" и мечтаетъ о подвигахъ схимника и столпника, а завтра возглашаетъ святость „плоти" и оправдываетъ всякій „сексуализмъ", вплоть до хоровыхъ „радѣній", въ „обнаженномъ видѣ", въ божественномъ экстазѣ.

Или найдетъ на него такой „стихъ", что онъ на все — и настоящее, и ближайшее будущее—смотритъ сквозь видѣнія Апокалипсиса.

И тогда онъ превращается въ „человѣка звѣринаго числа", какъ его недавно кто-то назвалъ въ одной газетѣ.

„Звѣриное число"... Развѣ ей было какое дѣло до него раньше, даже и по выходѣ замужъ за Глѣба Петровича? Она никогда не читала Апокалипсиса. И мужъ ей не давалъ читать. Для него звѣриное число—не страшно. Онъ вѣритъ, что человѣкъ въ себѣ самомъ носитъ свою божественность и можетъ достичь высшаго просвѣтленія одной внутренней работой.

А для Юрія эта цифра *666*—минутами—что-то такое дьявольское, всемогущее. И онъ точно самъ чувствуетъ, какъ нечистая сила хватаетъ его и трясетъ.

При ней случился съ нимъ такой припадокъ—сильнѣе того, когда она попала на его лекцію и потомъ повезла его домой.

Съ того вѣдь все и пошло.

Надежда Павловна оглянулась во всѣ стороны.

На дорожкахъ никого. Въ этотъ часъ если кто и гуляетъ, то тамъ, по главной аллеѣ, или вдоль воды.

Щеки ея стали менѣе красны, дышалось ей легче; но тревога ожиданія не пропадала.

Она оглянула свой туалетъ. Прозрачная ткань ея узкой туники выставляла на показъ всѣ ея формы. Руки были голы до сгиба локтей, и шея открыта съ длиннымъ вырѣзомъ.

Шляпы она не надѣла и зонтикъ лежалъ на скамьѣ. Она вынула изъ сафьянной модной сумки зеркальце и внимательно оглядѣла и лицо, и прическу, поправила прядь волосъ слѣва, потомъ достала металлическую коробочку съ пуховкой и слегка попудрила лицо.

— Господи!—воскликнула она опять шопотомъ:—неужели такъ и не придетъ?

XXVI.

— Юрій!.. Милый!.. Драгоцѣнный!

Ея руки обвились вокругъ его шеи и горячія губы искали его губъ.

Онъ отдавался молча ея бурнымъ ласкамъ—нынче какъ-то особенно блѣдный, съ прозрачной кожей, весь въ бѣломъ, стройный и худощавый.

— Прости... я заставилъ тебя ждать... Надя! Меня задержали... Когда ты у меня бываешь—это всегда вѣрнѣе.

— Милый! Я бы рада каждый день... но я не вольна.

Ея глаза говорили остальное.

Они присѣли на лавку.

— Что ты сегодня какой блѣдный, Юрій?

— Совсѣмъ не спалъ.

— Почему?

— Такъ... расписался... часовъ до двухъ; а потомъ уже не могъ заснуть.

— Зачѣмъ ты такъ переутомляешь себя?

На ея густыхъ рѣсницахъ мгновенно заблестѣли слезинки. Это дѣлало ее красивѣе; онъ улыбнулся ей глазами; но блеску въ нихъ не было.

— Ты скрываешь отъ меня, Юрій! У тебя должно быть жестокая мигрень.

— Да, немного вступило въ високъ.

Впечатлѣніе было такое, что этотъ интересный мужчина совсѣмъ не готовъ къ любовному свиданію — и это ее вдвойнѣ кольнуло.

Будь это у него или живи она одна, сейчасъ бы она его уложила и стала бы ухаживать за нимъ.

А такъ только маешься! Сюда она перетащила мужа только изъ-за того, конечно, чтобы жить въ одной мѣстности. А Глѣба Петровича тянуло въ усадьбу. Но Юрій живетъ въ двухъ верстахъ, въ деревнѣ Черкесовѣ. Тамъ тоже въ каждой избѣ дачники, все на юру, все видно. И безъ того уже должны идти сплетни. А какъ быть?

— Хочешь пойти къ намъ?

— Нѣтъ... зачѣмъ же... Здѣсь воздухъ... Мы пройдемся.

Ему противно бывать у нихъ—она это знаетъ.

А теперь, какъ разъ, Глѣба Петровича дома нѣтъ. Онъ водитъ теперь дружбу съ другимъ „старцемъ", съ которымъ свелъ его Бойцовъ, тотъ „искатель", въ домѣ котораго она въ первый разъ увидала Юрія.

Мужа Юрій всегда кротко выслушиваетъ и за глаза считаетъ его чѣмъ-то въ родѣ „праведника".

Оттого ему такъ и стыдно передъ нимъ.

А чтобы перестало быть стыдно—онъ, для этого, ничего не предприметъ: это ясно.

— Ты бы больше гулялъ, Юрій; у васъ тамъ ничего нѣтъ, кромѣ поля, да буераковъ какихъ-то. А здѣсь у тебя и еще знакомые есть.

— Кто же?

— А та теософка... Фамилію я все забываю. Дама—сѣдая... и еще барышня... По заграничному держится... черноватая.

— Дѣвица Дишъ?

— Вотъ, вотъ! Видишь, я тебя не ревную, Юрій. Только бы ты не углублялся... не наживалъ себѣ безсонницъ...

— Тебѣ бы съ этими двумя особами поближе познакомиться.

— Я готова... Мы будемъ чаще видаться... на людяхъ. Хоть это и не то... а все же лучше для меня—и она наивно поглядѣла на него.

— Не потому только, Надя. Мнѣ кажется, что тебѣ всего отраднѣе было бы войти въ ихъ разумѣніе міра.

— Господь съ ними!

— Постой, постой!.. Православіе не даетъ тебѣ ничего.

— То, что и прежде давало. Вѣдь и ты, Юрій, такой же православный, какъ и всякій россійскій обыватель?

— Нѣтъ, не такой!

— Для тебя, какъ я понимаю, всѣ вѣры равны.

— Если хочешь, да!

— Но ты вѣдь не считаешь себя теософомъ... завзятымъ?

— Нѣтъ, не считаю. Но вѣдь теософы ихъ толка... новѣйшаго, западнаго... не требуютъ совсѣмъ отреченія отъ вѣры отцовъ... Та госпожа...

— Сѣдая?

— Да, она не разрывала съ господствующей церковью, а дѣвица Дишъ, кажется, баптистка. Есть и лютеране, и изъ другихъ сектъ. Христіанство эта новѣйшая теософія ввела въ свое ученіе... только оно получаетъ другое, оккультное толкованіе.

— Оккультное — повторила Надежда Павловна и положила руку на его плечо.—Юрій! Оставимъ мы ихъ въ покоѣ! Знаешь, какъ Марина говоритъ въ сценѣ у фонтана. Я это еще гимназисткой учила:

„Часы бѣгутъ, и дорого намъ время!..“

— Ахъ, Надя... какая ты!..

— Ну, какая? Мы молоды, мы любимъ... Мы должны ловить моментъ...

— А потомъ что?

— А потомъ—уйдемъ, какъ и всѣ до насъ ушли.

— И тебя не смущаетъ никогда представленіе о томъ, что тамъ—по ту сторону нашего жалкаго, ограниченнаго міра...

— Нѣтъ, Юрій, не хочу притворяться и себя морочить: нѣтъ, не смущаетъ. Если наши души безсмертны — а я не отвергаю это—то мы съ тобою будемъ и тамъ—вмѣстѣ. Все въ любви... Не будетъ любви, не будетъ и безсмертія. Къ чему оно тогда?

— Ты это прекрасно сказала, Надя: *не будетъ любви, не будетъ и безсмертія!* Да, одна любовь превратитъ смертнаго въ человѣко-бога! Я въ это глубоко вѣрую.

— А если вѣруешь, то зачѣмъ же на тебя налетаютъ разныя мрачныя видѣнія? Что тебѣ за дѣло до какого-то тамъ „звѣринаго числа“ и до всѣхъ этихъ видѣній?

— О! Ты не понимаешь! Откровеніе патмосскаго узника— великій символъ! И каждый изъ насъ, кто удостоится ясновидѣнія, долженъ, еще при жизни, проникать въ грядущее. У теософовъ это—основной догматъ.

— Однако, ты къ нимъ нейдешь!

— Потому что страшусь утратить то, что даетъ только ученіе о Богочеловѣкѣ и трехъ ипостасяхъ божества... Боюсь ихъ кармы.

— Это что такое?

— Это браминское ученіе о томъ, что твое „я", съ его страстями и вожделѣніями, переходитъ, послѣ твоей кончины, въ другое существо и цѣлымъ рядомъ такихъ перевоплощеній ты, сначала мучительно, освобождаешься отъ всего грѣховнаго, прежде чѣмъ достичь пути блаженства. Но ихъ блаженство — все-таки языческое. Это—нирвана, небытіе. Небытіе не можетъ быть верхомъ блаженства.

— Но если оно такъ, то зачѣмъ же ты меня толкаешь къ этой самой теософіи? Юрій! Милый! Вѣдь если высшее блаженство—эта самая нирвана, то, значитъ, нашимъ душамъ не жить вмѣстѣ, не радоваться другъ на друга, а очутиться въ какой-то бездонной пропасти! Брр!..

Она закрыла лицо обѣими руками и ея плечи повела нервная дрожь.

Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— Тебѣ трудно, Надя, все это вмѣстить. Но нельзя уйти отъ рѣшенія великой загадки Бытія! Нельзя! Ты видишь, всѣ этимъ болѣютъ. Давно ли всѣ кидались въ революціонное движеніе?.. Теперь всѣ эти клички: эсъ-эры, эсъ-деки—все это уже позади!

Она глядѣла на него блаженными глазами; но онъ не ловилъ ея взгляда.

— Юрій! Безцѣнный мой! Не томи!.. Пойдемъ въ лѣсъ! Грѣхъ такъ бѣгать отъ того, что выше всего... Часы летятъ!.. А ты не дашь мнѣ насладиться тобой... только тобой... Мы не безплотные духи! Сердце жаждетъ одного!..

Она не договорила, взяла его за плечо и повела изъ бесѣдки.

XXVII.

Глѣбъ Петровичъ пошелъ гулять въ паркъ.

Ему здѣсь вообще не по себѣ. Онъ не любитъ этой дачной жизни съ ея шляньемъ и обязательнымъ ничегонедѣланьемъ.

Но Надежда Павловна довела его до согласія провести лѣто именно здѣсь.

Она повторяла, чуть не каждый день, что жизнь въ усадьбѣ— „чистая каторга“, что мужики, того и гляди, подожгутъ, и не проходитъ недѣли, чтобы что-нибудь не утащили, не порубили или не потравили въ полѣ.

Онъ отдаетъ имъ землю чуть не даромъ. Они раскусили сразу, что баринъ „блаженъ-мужъ“, и когда зимой, въ ихъ чудесномъ саду, вырубили воровскимъ способомъ до пятисотъ прекрасныхъ дубовъ и липъ, онъ имъ это простилъ и ходилъ все по избамъ поучать ихъ тому, какъ надо сдѣлаться „богочеловѣками“.

Онъ и собиралъ ихъ у себя, на дворѣ, въ вечерніе часы.

Мужики ходили до перваго отказа насчетъ земли, на которомъ настояла Надежда Павловна, резонно находившая, что лучше уже совсѣмъ имъ все подарить — и землю, и лѣсъ, и усадьбу.

Еслибъ у нея не было собственнаго капитала, который она не давала мужу тратить, то все давно пошло бы прахомъ.

Послѣ отказа, явился доносъ, и становой съ урядникомъ стали производить, на деревнѣ, дознаніе—зачѣмъ Степановъ собираетъ народъ и что-то ему такое „яко-бы божественное“ толкуетъ.

Мужики перестали ходить на эти поученія; жить стало еще хуже, и Надежда Павловна еле-еле дождалась зимы, чтобы не уѣхать, а „бѣжать“ изъ усадьбы.

Теперь, когда онъ объ этомъ вспоминаетъ, Глѣбъ Петровичъ находитъ малодушнымъ уходить отъ народа, который нуждается въ указаніи пути и, по-своему, ищетъ его, а не находитъ отзыва на свою духовную жажду въ церковномъ быту, взятомъ, точно на откупъ, служителями алтаря, погрязшими въ принижающихъ стяжаніяхъ и полнѣйшемъ равнодушіи къ духовнымъ благамъ паствы.

Одно здѣсь даетъ ему духовную поддержку — бесѣды съ Егоромъ Ивановичемъ Кашинцевымъ. Здѣсь они и сошлись; а въ городѣ видались рѣдко; ихъ познакомилъ Бойцовъ.

Въ Егорѣ Ивановичѣ онъ нашелъ настоящаго христіанина, ищущаго *живаго* Бога. Они оба вѣрятъ въ великую тайну Трехипостаснаго Бога, и когда онъ, впервые, сталъ говорить Кашинцеву — какъ онъ разумѣетъ каждую изъ этихъ ипостасей, тотъ сказалъ ему:

— Глубоко сочувствую вашему толкованію, Глѣбъ Петровичъ, хотя оно и отзывается обычными формулами катехизиса.

По мѣрѣ того, какъ они сходились, Кашинцевъ давалъ ему свои статьи, вплоть до самой послѣдней, явившейся въ печати этимъ лѣтомъ.

Духу его писаній онъ сочувствуетъ; но для него познаніе живаго Бога вовсе не нуждается въ мудреныхъ доказательствахъ, взятыхъ изъ точныхъ наукъ, изъ математики, механики, физики или химіи.

Человѣкъ самъ по себѣ „сосудъ милости Божіей", и если каждый воздѣлаетъ въ себѣ то, что онъ называетъ „новымъ организмомъ", преображеннымъ человѣческимъ естествомъ, тогда все сдѣлается ясно и лучезарно. Не нужно никакихъ защитъ, никакихъ апологій. Человѣкъ, достойный богочеловѣчества, стоитъ выше всякихъ такихъ доводовъ и доказательствъ.

Въ послѣднюю ихъ бесѣду, онъ высказалъ Егору Ивановичу свое чувство на эту именно тему. Тотъ не обидѣлся, не сталъ спорить, а сказалъ только, что это „не безполезно" для тѣхъ молодыхъ людей, которые получили высшее богословское образованіе, чтобы отвратить отъ нихъ тлетворное вліяніе „позитивизма" и „монизма".

Онъ не захотѣлъ съ нимъ спорить. Можетъ, тамъ, въ Академіи, это и нужно; но если юноша, полюбившій Христа, какъ первообразъ Богочеловѣчества, отдастся дѣлу своего просвѣтленія—ему не страшны будутъ никакіе соблазны свободомыслія. Онъ все это въ себѣ переработаетъ, какъ переработалъ онъ, Глѣбъ Петровичъ—и всѣ теоріи, всѣ завоеванія точной науки будутъ только усиливать его духовную мощь, только приближать къ Богочеловѣчеству.

Съ другимъ своимъ собесѣдникомъ — писателемъ Авенировымъ—Глѣбъ Петровичъ не находитъ особой отрады говорить въ своемъ обычномъ тонѣ исповѣданія вѣры, хотя тотъ всегда слушаетъ почтительно и выдаетъ себя за вѣрующаго.

Но его полеты въ „потусторонній" міръ отдаютъ какимъ-то холодкомъ, чѣмъ-то слишкомъ и туманнымъ, и фразистымъ, и подрисованнымъ. Это для него какая-то чудна̀я смѣсь декадентской литературы съ тѣмъ, что̀ онъ назвалъ бы „интеллигентной хлыстовщиной".

Когда Надежда Павловна стала принимать у себя этого Авенирова и видимо имъ очень заинтересовалась, Глѣбъ Петровичъ былъ доволенъ тѣмъ, что этотъ „искатель" чего-то „зарубежнаго" заставилъ ее—хотя бы для того, чтобы ему понравиться—уходить въ міръ чувствъ и стремленій менѣе низменнаго свойства, отъ того царства всякихъ „вещей" и „позывовъ", которые такъ владѣютъ ею.

Какъ будто это и пошло такъ. Она начала читать совсѣмъ другія книжки и статьи, ѣздила на лекціи вотъ такихъ „искателей“, слушала съ особымъ интересомъ все что Авенировъ, у нихъ, развивалъ на свои любимыя темы.

И такъ шло до весны и переѣзда сюда на дачу.

У нихъ Авенировъ бывалъ и днемъ, и вечеромъ, но не настолько часто, чтобы можно было что-нибудь подумать нехорошее.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женатъ, Глѣбъ Петровичъ никогда не имѣлъ никакихъ подозрѣній и считалъ ревность чисто животненнымъ инстинктомъ.

На все у него есть вѣчныя, точно на мраморѣ начертанныя изреченія, которыя онъ когда-то написалъ и теперь знаетъ наизусть. Это — его „книга живота“; отдѣльныя мѣста изъ нея дѣлаются—безповоротно и неудержимо—содержаніемъ его „проповѣдей“, какъ въ шутку называетъ его жена.

А что онъ считаетъ гласомъ божественной мудрости?

То, что богочеловѣкъ не долженъ быть аскетъ, изувѣрски умерщвляющій свою плоть. Ему надо имѣть подругу—жену и дѣтей, если Господь благословитъ его бракъ плодородіемъ. Но онъ сходится съ нею не для удовлетворенія похоти. Ихъ сліяніе „въ плоть едину“ есть высочайшій актъ созиданія новаго поколѣнія такихъ же богочеловѣковъ.

Если его жена, до сихъ поръ, еще не слилась съ нимъ духовно въ одно цѣлое, то это будетъ, это *должно* быть.

Онъ знаетъ, что имѣть жену—нравственно; а держать при себѣ только самку—безобразно и отвратительно.

Ихъ супружество съ Надеждой Павловной—въ послѣднее время—и безъ того стало совсѣмъ духовнымъ. Она не можетъ быть матерью. Онъ ее за это не укоряетъ; но не хочетъ и превращать ее въ любовницу. Да и онъ не желаетъ изображать изъ себя любовника... Избави, Боже!

XXVIII.

Глѣбъ Петровичъ тихо двигался по боковой аллеѣ и подходилъ къ перекрестку.

Поднялъ онъ голову и взглянулъ впередъ, какъ это всегда у него—безпредметно, въ пространство.

И остолбенѣлъ. Кровь бросилась ему въ глаза.

На поворотѣ другой аллеи стояли двѣ фигуры.

Это были жена его и Авенировъ.

И вдругъ ему показалось, что она оглянулась, потомъ взяла быстро-быстро его за шею и поцѣловала.

Это было почти мгновенно.

Потомъ она просунула ему свою руку и они пошли вправо, по аллеѣ, которая дѣлала кругъ и приводила къ тому мѣсту, гдѣ онъ остановился.

Ему стало нехорошо. Онъ оглянулся, ища глазами скамьи.

И еле добрелъ до нея, чувствуя въ головѣ что-то въ родѣ круженія.

Онъ снялъ шляпу. Лобъ былъ влажный.

— Неужели это такъ?—спросилъ онъ шопотомъ. Или только въ видѣніи?

Но какое же видѣніе? Это они оба. Солнце ихъ обливало свѣтомъ. Полуобнаженныя ея руки обвились такъ порывисто вокругъ его шеи.

Даже звукъ горячаго поцѣлуя долетѣлъ до его ушей.

Но если оно такъ, то что это? Первое любовное свиданіе или уже связь, которая длится еще съ зимы?

Такого вопроса онъ ни разу не задавалъ себѣ.

Его подруга—клятвопреступница?

Да, но какъ бы она ни была виновна, она виновна передъ судомъ своей совѣсти, передъ праведнымъ судомъ того Судьи, который ведетъ всѣхъ насъ отъ животненности къ просвѣтленію богочеловѣчества.

И сейчасъ онъ проговорилъ про себя то, что стоитъ въ его „книгѣ живота“:

„Достояніе истиннаго человѣка—мудрость.

„А она не гнѣвается и не караетъ, она никѣмъ не повелѣваетъ и никому не раболѣпствуетъ. Она смиряетъ и сама смиряется во имя торжества истины.

„Она все *прощаетъ*, все милуетъ, все согрѣваетъ своей любовью“.

Отъ сердца Глѣба Петровича вдругъ отлегло и блаженная улыбка засіяла на его обыкновенно строгомъ лицѣ.

И дальнѣйшія истины слышались ему:

„Богочеловѣкъ—господинъ своего *я*.

„Онъ ничего не презираетъ и не осуждаетъ.

„У него не должно быть враговъ и всякую злую волю онъ долженъ обезоружить незлобіемъ и любовью“.

Онъ надѣлъ шляпу, глубоко перевелъ дыханіе, всталъ и пошелъ по той же аллеѣ.

И на поворотѣ столкнулся съ женой.

Надежда Павловна шла уже одна, зонтикъ держала сложеннымъ, вся сіяющая, съ розовыми щеками и особымъ блескомъ въ ясныхъ глазахъ. Ея шея и полуобнаженныя руки бѣлѣлись, съ молочнымъ отливомъ тонкой кожи.

„Вся въ когтяхъ искушенія“ — подумалъ ея мужъ и тутъ только ощутилъ несомнѣнность того, что у нея связь съ „поэтомъ-искателемъ“, и не со вчерашняго дня.

Увидавъ его саженяхъ на двухъ разстоянія, она немножко остановилась, какъ будто смущенная, но сейчасъ же овладѣла собою и ускорила шаги ему на встрѣчу.

— Ты гуляешь, Глѣба? — спросила она его весело и спокойно.

— Да, пошелъ пройтись.

— А мнѣ пора домой. Ты къ чаю придешь?

— Приду.

Онъ было-остановилъ ее окликомъ и голосъ ему измѣнилъ.

„Нѣтъ, никакого допроса не будетъ“.

И только спросилъ ее:

— Одна гуляла или встрѣтила знакомыхъ?

— Встрѣтила.

И тутъ только какъ будто крошечку смутилась и пошла слишкомъ усиленнымъ шагомъ.

А онъ добрелъ до скамьи и безпомощно опустился на нее.

И внутри его кто-то произносилъ:

„Богочеловѣкъ никого не осуждаетъ, никого не клеймитъ, никого не презираетъ“.

Но въ голову опять вступило, на этотъ разъ гораздо сильнѣе.

Его начало душить. Онъ почти сорвалъ галстухъ и бросилъ шляпу на скамью.

Горечь приступила ему къ горлу, горечь и обида, не за себя, а за человѣческое существо, которое, живя съ нимъ цѣлые годы, имѣя полную возможность очистить всѣ свои помыслы и низкіе позывы, такъ чуждо было его душѣ, его сокровенному и просвѣтленному „я“.

Но если она нашла въ томъ символистѣ свой идеалъ, прельщена его внѣшностью, всякими приманками его франтоватой личности, то зачѣмъ же было хорониться и лгать—и такъ зaурядно... какъ первая попавшаяся блудливая бабенка?!

Неужели женщины всѣ рождены на соблазнъ, и свой, и чужой?

Онъ подавилъ въ себѣ приливъ негодующаго чувства и ему

сейчасъ же вспомнилось такое изреченіе изъ его „книги живота“.

„Долой все животное!“

„Все лежитъ въ тебѣ самомъ! Прощай другихъ и работай неустанно надъ твоимъ я“.

„Блудъ и прелюбодѣяніе—это неизбѣжные грѣхи переходной ступени человѣчества“.

„Будутъ взрывы и катастрофы—и тогда водворятся миръ и свѣтъ“.

„А пока—будь выше всего, прощай, люби, проливай свѣтъ“.

Онъ сидѣлъ съ опущенной головой, поглощенный своей внутренней работой.

Его кто-то окликнулъ:

— Глѣбъ Петровичъ!

Противъ него стоялъ Кашинцевъ.

— Ахъ, простите!

— Отдыхали?

— Нѣтъ... такъ задумался... Присядьте.

Его охватила почти неудержимая потребность излиться вотъ этому человѣку, связанному съ нимъ жаждой общенія съ живымъ Богомъ.

Но какъ же это сдѣлать, не обвинивъ жену въ паденіи и обманѣ?.. А быть-можетъ, ему только показалось?

Кашинцевъ уже сидѣлъ рядомъ съ нимъ; но самъ разговора не начиналъ.

— Скажите, Егоръ Иванычъ, неужели женщины... тѣ, которыя живутъ посреди насъ—въ общеніи съ нашими духовными запросами — не могутъ все-таки слиться съ нами въ одно я, стряхнуть съ себя гнетъ суетнаго, плотскаго? А?

Въ голосѣ его задрожали слезы.

Егоръ Ивановичъ поглядѣлъ на него вдумчиво и пожалъ плечами.

— Къ нимъ — отвѣтилъ онъ улыбнувшись — приставлено, должно быть, не по одному, а по семи духовъ тьмы.

— Вѣдь вотъ онѣ теперь кидаются же за всякими модными богоискателями... идутъ въ теософки и въ разныя другія секты... А нѣтъ въ нихъ того, что хоть бы въ насъ съ вами живетъ, какъ всеозаряющій свѣточъ!

— Ни мироносицами, ни вѣстницами благой вѣсти онѣ не будутъ... И лучше стоять отъ нихъ какъ можно дальше.

Въ тонѣ этихъ словъ заслышалась какая-то новая нотка го-

речи; но Глѣбъ Петровичъ не могъ бы ее ничѣмъ объяснить въ интимной жизни своего собесѣдника.

— Какъ можно дальше... — повторилъ онъ. — Тогда образуется пропасть между вами и ею? И чѣмъ ее наполнить?

— Ждать благодати Божіей, Глѣбъ Петровичъ.

— А до тѣхъ поръ терпѣть?

— И прощать—сказалъ съ вибраціей въ голосѣ Кашинцевъ, точно онъ угадалъ то, что̀ дѣлалось въ душѣ Степанова.

— И прощать... да...

Глѣбъ Петровичъ вынулъ платокъ и обмахнулся.

— Душно здѣсь что-то... Не пройтись ли туда, къ водѣ?

— Я въ вашемъ распоряженіи.

Они встали и побрели къ озеру. Бесѣда ихъ вдругъ оборвалась. Какъ будто одинъ сразу о чемъ-то догадался и ему жутко было какимъ-нибудь неловкимъ вопросомъ вызвать въ другомъ крикъ сердечной боли.

П. Боборыкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВИКТОРЪ СТОЙНИЦКІЙ

(Окончаніе.)

IX *).

Проходили недѣли за недѣлями, проходили мѣсяцы.

Уже оттаивалъ снѣгъ и иногда налетало весеннее тепло, а все оставалось по прежнему: еще не закончено было устройство Виктора, еще онъ жилъ у Степана, еще лежали купленныя вещи въ лавкахъ и не была нанята квартира.

Сегодня утромъ стало опять холодно. Солнце то выглядывало изъ-за тучъ, то скрывалось; выпалъ снова снѣгъ, пушистый, легкій, и зимнимъ уборомъ, непрочнымъ и талымъ на этотъ разъ, одѣлась снова природа.

Оживленный возвратомъ зимы, шелъ Викторъ со Степаномъ, направляясь въ больницу. Свѣжій воздухъ, порывы вѣтра бодрили его и онъ предложилъ Степану осмотрѣть одну квартиру, которая случайно теперь передавалась и которую имъ хвалили.

Взявъ извозчика, они подъѣхали къ дому, гдѣ она сдавалась. И когда квартира, дѣйствительно, показалась Виктору хорошей—веселая, большая, съ свѣтлыми комнатами и окнами, выходящими въ скверъ,—онъ нанялъ ее, недолго размышляя, въ какомъ-то особомъ приливѣ бодрости и надежды, что все еще перемѣнится и пойдетъ къ лучшему... Нанялъ ее и подписалъ контрактъ, несмотря на уговоры Степана погодить, не смотря на то, что въ сущности квартира эта была совсѣмъ не подходящей для врача и тамъ же, рядомъ, въ сосѣднемъ домѣ помѣщалась большая лечебница для приходящихъ.

---

*) См. январь, стр. 103.

— Вѣдь возможенъ и такой принципъ,—утѣшалъ онъ, смѣясь, недовольнаго Степана,—что врачу нужно селиться именно тамъ, гдѣ много конкуррентовъ.

А потомъ, днемъ, когда Викторъ возвращался домой къ обѣду, погода рѣзко измѣнилась, утихъ вѣтеръ и стало какъ-то особенно странно-темно, въ тепломъ воздухѣ, въ которомъ висѣли, летали, плясали снѣжинки, такія нѣжныя, хрупкія, послѣднія. И не вѣрилось, что онѣ приходятъ откуда-то изъ холодныхъ облаковъ, что сугробы, которые выросли за нѣсколько часовъ, могутъ быть холодны—такъ мягокъ былъ воздухъ, такъ пахло весной. Ребятишки въ садахъ и воробьи щебетали, не обращая вниманія на снѣгъ и встрѣчая весну, которая, скрываясь за бѣлой завѣсой, носилась ужъ гдѣ-то тутъ, близко.

И захотѣлось Виктору проститься съ зимой—еще разъ погулять въ нелюдныхъ паркахъ, за городомъ, когда бѣло вокругъ. Онъ пошелъ къ Вѣрѣ, но не засталъ ее дома, и вернувшись къ Степану, позвалъ съ собой гулять Лизочку.

„Какъ хорошо!—думаетъ Викторъ—какъ хорошо!"

Слушаетъ милый говоръ Лизочки, глядитъ на нее, на высокія ели въ снѣгу, и не думаетъ о себѣ. Созерцаніе красиваго всегда такъ дѣйствуетъ на него—не связывается съ размышленіями.

А Лизочка говоритъ обо всемъ, что̀ только попадается на глаза, говоритъ о жизни, о людяхъ, говоритъ то, что̀ можно сказать ему одному, потому что только онъ слушаетъ ее тихо и молчаливо, не удивляется ея рѣчамъ и не поднимаетъ бровей съ вопросомъ: откуда это у васъ?

— Вамъ я все могу разсказывать. Я не знаю почему. Я не люблю лгать и скрывать. Но ни Степану, ни Вѣрѣ, никому я не скажу такъ много, какъ вамъ.

И самое главное—то, что есть о чемъ разсказывать. Для Лизочки нѣтъ ничего ни неважнаго, ни неинтереснаго. Нѣтъ вещей, нѣтъ людей, къ которымъ она была бы равнодушна: она всегда любитъ—или не любитъ.

— Я люблю зиму,—говоритъ она, и вся бѣлѣетъ отъ снѣжнаго блеска.

— Я люблю дѣтей,—говоритъ она, глядя на играющихъ въ саду дѣтокъ, и ей нельзя не вѣрить—такъ глаза ея блестятъ, лицо покрывается румянцемъ и протягиваются руки, чтобъ взять ихъ, и качать, и баюкать.

Они гуляютъ по длинной аллеѣ и она разсказываетъ:

— Я не люблю своей комнаты. Тамъ синіе обои. Я сама ихъ выбрала, но когда ихъ наклеили и я проснулась утромъ, и былъ солнечный день, у меня отъ отвращенія закружилась голова. Съ тѣхъ поръ я не выношу ихъ, я страдаю... А Степа не вѣритъ мнѣ... „Лизочкины капризы". И всѣ знакомые говорятъ, что обои красивые, нѣжной окраски. Но я ихъ ненавижу! А вы?

— Я вѣрю вамъ.

— Самъ я ко многому уже равнодушенъ,—говоритъ онъ, спустя немного, задумчиво:—но вы еще маленькая...

И улыбается ей.

Но Лизочка не любитъ, когда онъ говоритъ о ея годахъ.

— Мнѣ столько же лѣтъ, сколько и вамъ. Мнѣ семнадцать, а вамъ двадцать восемь, но это одно и то же, разъ я все могу такъ же, какъ и вы. А можетъ-быть и больше, чѣмъ вы, и больше!—расхохоталась она и вдругъ отбѣжала въ сторону, бросила муфту на снѣгъ, распахнула пальто и, глубоко вздохнувъ, раздвинувъ руки, закинувъ голову назадъ, въ восторгѣ закричала:

— Можете ли вы такъ, какъ я, въ одномъ объятіи обнять все: и небо, и паркъ, и себя, и меня? Умѣете ли вы такъ много любить, какъ я, такъ сильно любить!?

Со смѣхомъ, дрожа отъ волненія, она возвратилась, заглядывая ему въ лицо своими счастливыми глазами, и онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не могу. Застегните пальто, вотъ ваша муфта! Скорѣе, вы простудитесь.

— Мнѣ жарко.

Сегодня ночью Виктору пришла вдругъ въ голову мысль: что было бы, еслибы онъ любилъ Лизочку, а не Вѣру? Не случилось ли бы такъ, что, въ своемъ избыткѣ жизненности и радости, она съумѣла бы и его щедро надѣлить ими?

Но смѣшнымъ показалось любить эту дѣвушку, почти ребенка. „Я—и Лизочка", примѣрилъ онъ мысленно ее къ себѣ—и разсмѣялся.

На утро Лизочка ему сказала:

— Сегодня я все время думаю о томъ, что еще немного, еще нѣсколько дней, и вы не будете съ нами... Вы спокойно заживете у себя, займетесь дѣлами, и мы васъ не будемъ часто видѣть. Сегодня я почувствовала, какъ сильно я привязалась къ вамъ... и если я васъ не буду видѣть...

— Но, Лизочка, я еще, покамѣсть, у васъ, а потомъ, когда я съѣду, вы придете ко мнѣ, я къ вамъ, и мы такимъ образомъ два раза на день будемъ встрѣчаться.

Она грустно качала головой:

— Нѣтъ, это не то, не то.

— Какъ, вы не захотите со мной встрѣчаться? — смѣялся Викторъ.

— Когда я думаю, что вы не будете у насъ, мнѣ такъ же тоскливо, какъ еслибы вы уѣхали обратно въ Парижъ. Вѣдь для меня все равно... Нѣтъ, Викторъ, еслибы вы уѣхали, вы писали бы мнѣ письма. Какія письма писали бы вы?

И глаза ея заблестѣли.

— Полныя нравоученій, конечно!

— Писали ли бы вы, что вамъ тоже скучно безъ меня?

Степанъ былъ тутъ же въ комнатѣ и, слушая Лизочку, думалъ о томъ, что и онъ привыкъ къ Виктору, привязался къ нему въ своемъ одиночествѣ.

— Да, братъ, — сказалъ онъ, — привыкли мы къ тебѣ: это правда. Даже очень. Привычка, знаешь, она дѣйствуетъ страшно. Такъ изо дня въ день долбитъ!..

И всѣ втроемъ вдругъ почувствовали эту силу привычки, и стало жутко подумать, что скоро Виктора здѣсь не будетъ, что, уложивъ свои чемоданы, онъ уйдетъ изъ ихъ гнѣзда.

— Подумай только,—продолжалъ задумчиво Степанъ, — къ чему мы привыкли, живя вмѣстѣ? Въ сущности—къ пустякамъ... Но какъ тяжело будетъ безъ нихъ... Привыкли по утрамъ, еще лежа въ постели, перекликаться и судачить о вчерашнихъ дѣлахъ... Вѣдь ложимся мы поздно и, закрывъ за послѣднимъ гостемъ двери, расходимся сейчасъ же по своимъ комнатамъ, уставшіе, сонные, и кидаемся въ постели... Привыкли по утрамъ пить вмѣстѣ чай, потомъ расходиться и опять встрѣчаться за обѣдомъ... Привыкли вмѣстѣ отправляться къ знакомымъ и принимать ихъ у себя... Лизочка къ тебѣ привыкла... Вотъ этимъ и страшна потеря, смерть. Страсть можно побороть, осилить, но привычку...

Глядя на Виктора добрыми, кроткими глазами, онъ говорилъ:

— Тебѣ, голубчикъ, этого не понять...

И будто впервые увидѣлъ Викторъ его глаза—такъ сжалось сердце, такъ поразила вдругъ ихъ ясность и глубина.

„Глаза ребенка и старика. Ясные, невинные, уже не затуманенные желаніями, глаза, страшные глубиной и прозрачностью,

откуда глядятъ забвеніе и отрѣшеніе отъ жажды и голода, отъ страстей..."

Этотъ день провели они вмѣстѣ, и Викторъ даже не пошелъ къ Вѣрѣ, такъ жутко было оставлять однихъ Степана и Лизочку.

„Вѣдь для нихъ я связь,—думалъ онъ.—Любящіе, но чуждые другъ другу... Она—начинающая, а онъ—кончающій, оба они нашли во мнѣ что-то, что придаетъ сладость жизни... Во мнѣ!.."

А потомъ пришла Вѣра и въ своемъ тѣсномъ кругу сидѣли они, вчетверомъ. Грустные, нѣжные, какъ теплая, мягкая ладонь женской руки, и въ разговорахъ, въ движеніяхъ, такъ осторожно внимательные...

Когда же вечеромъ, по обыкновенію, собрались знакомые, и шутки, смѣхъ, сначала дѣланные, перешли въ серьезный споръ, Викторъ ушелъ съ Вѣрой.

Ушелъ, такъ какъ не любилъ теперь бывать со своими старыми друзьями.

„Скрытные—думалъ онъ — и притворно довольные собой, будто то, чего я ищу, они давно нашли и успокоились. И всегда, повсюду, такъ мало говорящіе о себѣ и такъ много о другомъ: о политикѣ, обществѣ, наукѣ и литературѣ... Будто все у нихъ есть въ избыткѣ и для себя они ни въ чемъ ужъ не нуждаются... Но сѣрыя лица безъ словъ разсказываютъ о другомъ..."

— Почему же они молчатъ объ этомъ?—захотѣлось Виктору спросить Вѣру, которая шла тѣсно прижавшись къ нему,—почему только я—но взглянулъ на нее и вдругъ ярко вспомнилъ товарокъ ея. Онѣ сидѣли тутъ же сегодня и спорили, но онѣ, только онѣ, оставались ему непонятными...

„...Сдержанныя и въ то же время развязныя... Съ строгими лицами и ленточками въ волосахъ, съ рѣзкими словами и робкими, печальными... Но не отчаявающіяся и будто однѣ—среди слабыхъ, унылыхъ мужчинъ—носительницы бодрости и надежды на лучшее будущее... Новая раса людей, непочатая, свѣжая и не съѣденная культурой...

„А рядомъ со мной одна изъ нихъ — думалъ онъ, глядя на Вѣру.—Дѣвушка съ тревожными глазами, странная и работящая. Привязанная ко мнѣ, но не сознающая еще, что изъ насъ двоихъ лишь она—одно изъ звеньевъ будущаго..."

X.

Въ тотъ день, когда Викторъ окончательно съѣхалъ отъ Степана, Лизочкѣ было какъ-то не по себѣ. Ходила по опустѣвшимъ

будто комнатамъ, прислушивалась къ звонкамъ, еще стремительнѣе, чѣмъ обыкновенно, кидалась открывать двери.

Но никто не приходилъ и никого Лизочка не ждала, а такъ безпокойно кидалась въ разныя стороны, заглушая въ себѣ тоску по Викторѣ.

Принесли провизію, приходилъ почтальонъ съ письмомъ отъ мамы.

Сновала изъ комнаты въ комнату, ссорилась съ Аннушкой.

И за весь день не выдалось ничего пріятнаго.

А вечеръ все не наступалъ; тянулись длинныя сумерки...

Сидѣла на диванѣ и долго-долго думала, мечтала, обнявъ руками колѣна.

Пришелъ Степанъ, подсѣлъ къ ней.

— Почему ты сегодня вялая, не больна ли ты?

— Нѣтъ... не думаю...

— Ты бы, Лизочка, домой поѣхала. Мама по тебѣ тоскуетъ.

Степанъ зналъ, что не съумѣетъ заставить сестру быть откровенной, и это было непріятно и тяготило его.—Поэтому онъ скрывалъ насмѣшкой свое непониманіе ея.

Такъ и теперь, видя, что она упорно молчитъ, началъ съ обычнаго подтруниванія:

— Что подѣлываютъ твои поклонники? Штакельберга совсѣмъ не видать, Оитовъ тоже исчезъ. Какъ же это такъ!

— Я ни съ кѣмъ не встрѣчаюсь за послѣднее время. Все съ тобой, да съ Викторомъ...

И вдругъ, почувствовавъ возможность говорить о немъ, оживилась и стала продолжать вслухъ свои мысли.

— У Виктора ботинки безъ каблуковъ. Ступаетъ онъ такъ тихо, что не услышишь его. И я пугаюсь...

— Моя храбрая дѣвочка!

— Да, я пугаюсь, когда дѣлаютъ что-нибудь внезапно, а главное—тихо, тихо. Никакіе залпы и грохоты меня такъ не испугаютъ, какъ внезапныя, но тихія движенія, слова. На дняхъ—тебя не было дома—я даже не знаю, какъ онъ пришелъ, я не слыхала звонка, я лежала здѣсь на диванѣ, и вдругъ онъ тихо сказалъ:

— Лизочка, я пришелъ къ вамъ, развеселите меня.—А я испугалась и плакала.

И сейчасъ въ ея голосѣ слышались слезы.

— Но что съ тобой? Поѣзжай, моя милая, домой!

— Я поѣду. Правда, я, въ сущности, очень веселая, но я напугана. Я не могу тебѣ этого передать—но во мнѣ какой-то

страхъ. Часто, очень часто, думаю о васъ всѣхъ, о мамѣ, о тебѣ. Только бы вы жили...

Она прижалась къ Степану, спрятала лицо на его шеѣ, и, ощутивъ тепло, успокоилась.

— Раньше у меня этого не было, но съ тѣхъ поръ... Знаешь... Прости меня, Степа.

— Милая дѣвочка...

— Я никогда, никогда этого не забуду. И какъ только дѣлается грустно, даже по пустякамъ, и я одна, и наступаютъ сумерки — сейчасъ я все вспоминаю, все... до мельчайшихъ подробностей.

— Не нужно такъ, Лизочка. Это Викторъ навѣялъ у насъ призраки.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пріятно съ нимъ. Онъ простой и ласковый. Наоборотъ, съ нимъ хорошо—онъ дѣлаетъ меня смирной.

Ей захотѣлось разсказать Степану, какъ хорошо гулять съ Викторомъ, какъ забавенъ и простъ бываетъ онъ съ ней, но она промолчала.

„Только съ женщинами можно говорить свободно"—сказалъ какъ-то Викторъ, и Лизочка запомнила это. „Конечно, со Степаномъ можно говорить только о скучномъ",—подумала она.

Но такъ хотѣлось произносить его имя и слышать о немъ, что она удержала Степана за руку и продолжала:

— Онъ правдивый, какъ я. Только онъ тихій, а я нѣтъ. Онъ ласковъ и любитъ мою болтовню. Викторъ говоритъ, что я его развлекаю... Однажды я сказала, что мои желанія — это птицы, и летаютъ онѣ только стаями: онъ такъ смѣялся и радостно смотрѣлъ на меня.

И она теперь тоже смѣялась.

— Лизочка, почему ты такъ много думаешь о Викторѣ?— спросилъ Степанъ, не задумавшись. Но сказавъ, понялъ и—стало такъ жутко...

„Лизочка и Викторъ! Страшно помыслить"...

Точно надѣясь, что все еще поправимо, нарочно громко сказалъ:

— Знаешь ли ты, что Викторъ и Вѣра любятъ другъ друга?

— Знаю—отвѣтила тихо Лизочка.

И вдругъ вскочила на ноги, закружилась, захохотала и крикнула:

— Знаю—такъ что же? Тѣмъ хуже для него.

Остановилась, заглянула въ лицо Степану и убѣжала къ себѣ.

Когда послѣ переѣзда на новую квартиру все пришло въ порядокъ и каждая комната получила свое назначеніе и названіе, и каждая вещь—свое мѣсто, и показалось, что иначе оно и быть не могло, чтобы большая комната не была пріемной и чтобы диванъ стоялъ тамъ, направо отъ входа, а не налѣво — однимъ словомъ, когда квартира Виктора приняла окончательный видъ и былъ заложенъ, такимъ образомъ, главный, основной фундаментъ новой постройки, строитель ея стоялъ недоумѣнный и думалъ:

„Какъ ни оттягивалось дѣло моего устройства, но, разъ начатое, оно шло постепеннно къ своему завершенію. Нехотя, но подыскивалась квартира—и нашлась. Покупались ненужныя вещи, но, разъ купленныя, онѣ потребовали себѣ помѣщенія... Въ этомъ есть своя логика, логика вещей. Неясные планы, часто ненужные, облекаются въ слова... какими-то таинственными путями превращаются въ дѣло. То, что я придумалъ только для заполненія чѣмъ-нибудь пропасти между собой и другими, а потомъ откладывалъ и оттягивалъ, свершалось и предстало въ законченномъ видѣ... Отнынѣ я врачъ, какъ всѣ врачи.

„Идетъ больной по улицѣ, ищетъ врача-исцѣлителя, натыкается на мою табличку. И, если онъ придетъ ко мнѣ, я не вправѣ ему сказать: „Мой другъ, я самъ нуждаюсь въ леченіи, оставьте меня". А, одѣвши маску врача, буду лечить его. *Долженъ буду* лечить его — вотъ въ чемъ сила моей новой жизни.

„Но къ чему мнѣ она?"

Напрашивались безнадежные отвѣты, и выползало чудовище отчаянія, и вотъ, вотъ... но онъ встряхивался, широко открывалъ глаза и, сохраняя спокойствіе, не возбуждая себя ни мучительными гримасами, ни трагическими жестами громко говорилъ:

„Все уладится и все къ лучшему. Немного терпѣнія, немного усилія. Буду рано вставать, окачиваться холодной водой, ходить въ больницу и внимательно работать. Буду терпѣливо сидѣть дома и ждать больныхъ. Каждаго больного приму съ любовью и вниманіемъ, заинтересуюсь его болѣзнью и буду добиваться успѣха въ леченіи. А попутно не упущу изъ виду и своихъ выгодъ. Одно и другое должно идти совмѣстно: паціенту выгодно почаще лечиться—такъ требуетъ его здоровье; мнѣ выгодно почаще его лечить—такъ требуетъ мой кошелекъ.

„Ха, ха, ха!"

„Это хохочутъ мои предразсудки, но воля торжествуетъ. Буду заниматься спортомъ и закалять нервы. Слушать музыку

и изучать искусство... И, можетъ быть, я женюсь, и будутъ здѣсь бѣгать дѣти..."

„Ха, ха, ха!"

XI.

Проходили недѣли за недѣлями — Вѣра все еще жила въ любви. Но какъ осенью опадаютъ листья днемъ за днемъ, такъ незамѣтно уходила радость отъ любви и оставалась печаль — печальная любовь. Трудно было сказать и точно объяснить себѣ, въ чемъ дѣло и почему такъ случилось—но было какъ-то невесело, грустно, жутко любить: будто это было излишнее и никому не нужно...

Бывали и теперь дни легкіе, когда неважно было знать, свѣтитъ ли солнце, идетъ ли дождь,—и все, что было вокругъ, Вѣра тогда не замѣчала, а въ словахъ Виктора, въ его глазахъ искала солнца, счастья...

Но, бывало, томило что-то. Вспоминала послѣдніе мѣсяцы, перебирала все: слова его и жесты, взгляды—и спадала съ глазъ какая-то пелена...

Стояла посреди комнаты и оглядывала ее, подходила къ окошку, смотрѣла на небо — все какъ было, все то же: книги на столахъ, весна, солнце... Но что же это? Гдѣ ея глаза?

— Вѣдь это не любовь!

Слова о смерти... странные планы... Высокій, стройный, но какъ придавленный — такимъ онъ пріѣхалъ. Но нѣтъ... За нѣсколько мѣсяцевъ еще больше сгорбился, исхудалъ, а черные глаза глядятъ изъ темныхъ впадинъ, горятъ страннымъ огнемъ...

Всегда напряженно думаетъ. О чемъ? О ней?

Но почему, когда идутъ они вдвоемъ по улицамъ, ходитъ онъ, понуривъ голову, устремивъ впередъ глаза — а прохожіе уступаютъ имъ дорогу и оглядываются?

Въ началѣ ихъ любви она почти не замѣчала этого. Когда онъ былъ тутъ, рядомъ съ ней, любовь въ ней пѣла такъ звонко, что заглушала все и освѣщала все. Казалось тогда, что разъ она любитъ, то любитъ и онъ, и разъ ей радостно, то радостно и ему. И такъ трепетно она прислушивалась къ каждому его слову, такъ жадно ждала отъ каждаго дня, что̀ принесетъ онъ новаго — будто міръ и любовь были дароносицей и разсыпа̀ли, должны были разсыпать только розы, цвѣты на ея пути!..

Ахъ, эти порывы, безумные порывы къ счастью и къ любви,

еще въ дѣтствѣ яркіе, властные, выливавшіеся въ мечтахъ и страстныхъ молитвахъ, направленныхъ къ Богу.

А потомъ дальнѣйшая жизнь—вся внѣшняя, вся для другихъ и для другого...

Трезвая пора тоже любви, но не къ себѣ, а къ людямъ, къ идеямъ. Пора любви строгой, требовавшей жертвъ и подвиговъ, пріучавшая къ отреченію отъ благъ...

Было одѣто черное платье и волосы, длинныя косы, закручены туго на затылкѣ. Маленькія загорѣлыя ножки обуты въ широкую, легкую обувь, чтобы съ утра до ночи ходить безъ устали изъ одного конца города въ другой, чтобы безъ устали разносить сѣмена новаго ученія—о равенствѣ и свободѣ...

Такъ долгіе годы, подъ спудомъ идей о ближнемъ и дальнемъ, билась любовь къ себѣ, любовь къ своему счастью — и пробилась теперь... Долгіе годы томилась, но не умирала...

А теперь воскресла такая же властная, какъ и въ дѣтствѣ, расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ и потребовала всего для себя: веселья, пѣсенъ, Виктора...

„И вотъ зажегся жертвенникъ любви... Насъ двое жрецовъ, но одинъ стоитъ, опустивъ руки, и безучастно глядитъ на огонь, не въ силахъ поддерживать его. А я — подбрасываю въ огонь свою душу...“

Такъ изо дня въ день.

„А что, если и я устану?“ думаетъ Вѣра.

„Тогда не будетъ огня—будетъ тихая печаль. Развѣ такая любовь не прекрасна? Ты ждешь расцвѣта жизни отъ нея, но развѣ ты не приняла бы и смерти?

„Любовь тихая и безрадостная чище и выше любви людской, звѣриной. Покори свои безумные порывы.“

И Вѣра покорялась.

Въ экстазѣ любви говорила:

— Къ чему мнѣ бракъ, къ чему мнѣ дѣти?.. Онъ—мое дитя.

Незамѣтно для себя и для Виктора водила его гулять на кладбище.

Стыдясь сначала, зашла съ нимъ въ церковь однажды, и долго тамъ простояла, слушая церковное печальное пѣніе.

Потомъ вошло въ привычку избѣгать шумныхъ собраній, садовъ, театровъ, музеевъ; оперѣ предпочитали церковное пѣніе, а иконопись соборовъ—картиннымъ галлереямъ.

Покидая прохладу церквей, они быстро пробѣгали людныя улицы. Вѣра шла, распахнувъ пальто, съ пылающими щеками и опустивъ глаза.

Было жарко и душно: пыль ли, веселая ли уличная сутолока...

Проходила весна—жаркая, томительная. Носились въ воздухѣ тучи мелкой, невидимой пыли и легкимъ, удушливымъ покровомъ разстилались надъ городомъ.

— Какъ не хочется идти домой! — говорилъ однажды Викторъ, сидя у Вѣры, вскорѣ послѣ переѣзда къ себѣ на квартиру.—У меня тихо и буду я одинъ. Александра, вѣроятно, спитъ.

— Хочешь, я пойду съ тобой и посижу у тебя?—спросила Вѣра.

— Но завтра я опять буду одинъ.

— Я и завтра къ тебѣ приду.

Тогда случилось то, чего онъ не ожидалъ.

Онъ сказалъ:

— Поселись совсѣмъ у меня.

Сказалъ и самъ поразился своему предложенію, но, когда Вѣра удивленно взглянула на него, вдругъ встрепенулся и, точно все будущее зависѣло отъ ея отвѣта, сталъ умолять:

— Но почему ты не соглашаешься? Почему ты удивляешься?

— Я не понимаю, чего ты хочешь?

— Я хочу самой естественной вещи—чтобы ты поселилась у меня. У меня много комнатъ, много мѣста, мы будемъ вмѣстѣ. Я перейду въ кабинетъ — ты же возьмешь мою спальную. Ну, Вѣрочка, соглашайся скорѣе, скажи: „да“!

Вѣра задумчиво говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, это неудобно.

И въ то же время думала, что, можетъ-быть, такъ нужно, и что оттого, что она будетъ всегда возлѣ него, ихъ отношенія измѣнятся и пойдутъ по иному...

— Но почему неудобно?

— Какой ты, Викторъ... Ты вѣдь самъ понимаешь...

— А подумала ли ты обо мнѣ?

И она согласилась.

Спустя два дня она жила у него, бокъ-о-бокъ съ нимъ.

И тогда то, что пугало, вдругъ стало реальнымъ, ужаснымъ, отъ чего ужъ трудно было скрыться въ мечтахъ.

По прежнему она прислушивалась къ каждому слову Виктора, къ каждому движенію его, но въ ожиданіи ея уже не было радости, а только напряженіе и страхъ... Еще не знала, что будетъ съ ней дальше, еще не понимала, что происходитъ съ Викторомъ, и жалѣла его, видя его страдающимъ, но въ жалость ея вползало отчужденіе отъ него и предчувствіе, что пути ихъ разные—скрестившіеся, но которые скоро-скоро разойдутся...

Дни проводила съ нимъ и вечера, и часть ночи—все въ разговорахъ и разговорахъ, а когда оставалась одна, закрывала двери на ключъ, заламывала руки и плакала...

Доносился еле слышный шумъ его шаговъ — ходилъ онъ близко, тутъ же, и она тихонько подходила къ двери,—съ бьющимся сердцемъ ждала, не придетъ ли онъ опять, но на этотъ разъ горячо обниметъ ее и съ веселыми глазами, смѣющійся и счастливый, скажетъ:

„Дай, Вѣрочка, руку—на жизнь бодрую и радостную".

И загорится страстью, забудетъ все, все, въ одномъ порывѣ...

Спала ночью неспокойно—въ тяжелыхъ снахъ.

И казалось, что стучится онъ къ ней, зоветъ ее...

Но просыпалась, и было тихо вокругъ, такъ тихо...

XII.

Жизнь Виктора шла какъ по программѣ.

Ходилъ въ больницу, появились кое-какіе паціенты на дому, и онъ ихъ лечилъ. Ѣлъ, пилъ, не читалъ книжекъ и старался не уклоняться въ сторону.

Но, помимо воли его, случались событія, которыя нарушали задуманную программу и лишали его необходимаго ему теперь спокойствія.

Начать хотя бы съ переѣзда Вѣры. Развѣ ея присутствіе, ея тревожные глаза, которые слѣдили за нимъ повсюду, не напоминали ему безъ конца о томъ, что дѣлаетъ онъ что-то непоправимое и что въ чемъ-то онъ виноватъ?

Потомъ еще нарушали спокойное теченіе жизни друзья его.

Опять-таки иначе оно и быть не могло бы.

У человѣка пять комнатъ, много пищи, много денегъ въ карманѣ. И развѣ могло такъ случиться, чтобъ не нашлись люди, которые всего этого не имѣли, и не пришли къ нему, къ Виктору, получить это?

Постепенно домъ его заполнился людьми, даже мало знакомыми иногда. Они жили у него день, два, потомъ уходили, и приходили другіе. Потомъ приходили опять первые и жили уже недѣлю.

Но когда они хотѣли уйти, самъ Викторъ ихъ удерживалъ, потому что лучше было имъ оставаться, чтобы не было мѣста другимъ, новымъ постояльцамъ.

А ко всему вдобавокъ—неувѣренность въ себѣ и въ своей

дѣятельности и мысль, подтачивающая силы, что то, что онъ дѣлаетъ, ни къ чему, что его усиліе—ни къ чему...

— Какъ дико,—жаловался онъ Степану,—что я выбралъ такую профессію, какъ медицина. Я—врачъ! Пойми этотъ комизмъ: я долженъ врачевать людей, я, который ненавижу жизнь, еле выношу ее, во всѣхъ ея проявленіяхъ, страдаю отъ ея мелочей. Я долженъ лечить людей, накладывать заплаты на ихъ здоровье и дѣлать ихъ способными тянуть подольше, какъ можно дольше, лямку! Какое лицемѣріе! И еслибы ты зналъ, какъ часто приходится встрѣчать больныхъ, глубоко равнодушныхъ къ смерти. Въ больницу къ намъ привозятъ ежедневно отравившихся, застрѣлившихся—и что же? они не хотятъ спасаться, умоляютъ, чтобы ихъ не спасали... А мы, врачи, насильно возвращаемъ ихъ къ жизни, выписываемъ изъ больницы... А они черезъ нѣсколько дней снова возвращаются къ смерти. Подлая профессія, безсмысленная дѣятельность!

— Всякая профессія подлая. Почему не ищу я службы, мѣста? Потому же. Развѣ ходить на заводъ работать и угождать директору или патрону, быть посредникомъ между рабочими и ими—это пріятно? Вездѣ, братъ, приходится быть подлецомъ—на то дѣятельность, т. е. или ты меня пожрешь, или я тебя. А то можно и такъ еще служить—валять дурака. Дескать, все, что я ни дѣлаю,—это благородно, и полезно, и чисто. Нѣтъ—не могу я такъ.

— Но вѣдь другіе валяютъ дураковъ и, главное, спокойно валяютъ, какъ должное. Посмотрѣлъ бы ты на моихъ коллегъ, какъ спокойно и не задумываясь они прописываютъ бромъ и валеріановыя капли во всѣхъ такихъ случаяхъ.

— Да, да, знаю я эти валерьяновыя капли. Когда умеръ мой отецъ—ты знаешь, онъ умеръ при трагическихъ условіяхъ,—я не посмѣлъ плакать; по всѣмъ угламъ нашей квартиры были приготовлены нашатырь и валеріанъ, а по комнатамъ ходили люди и наблюдали за нами. Какъ будто нарочно для этого созданные, стояли они за нашими спинами, и когда кто-нибудь изъ насъ—мать, Лизочка—плакали, убитые горемъ, не находили себѣ мѣста отъ ужаса смерти, отъ того, что былъ только что человѣкъ, а теперь его нѣтъ, они подбѣгали съ утѣшеніемъ и валеріаномъ. И я не посмѣлъ показать своего горя—такъ страшны были ихъ утѣшенія.

— Но это были кумушки—а не врачи.

— Я не къ тому говорю... А вотъ что я думаю. Что безсмысленное и подлое еще возможно дѣлать для чего-нибудь важ-

наго и небезсмысленнаго. И въ томъ-то и дѣло, что у насъ теперь съ тобой нѣтъ ничего такого важнаго.

— А еслибы нужно было, носилъ ли бы ты воротнички и манжеты?—пошутилъ Викторъ, зная, что ничто такъ не противно Степану, какъ перегружать свое рыхлое тѣло изъ мягкой черной косоворотки въ накрахмаленную тугую сорочку.

— Обязательно носилъ бы!—расхохотался Степанъ.

— Да, да, — задумчиво говорилъ Викторъ — а покамѣсть, какъ быть?

Утромъ, за завтракомъ, Викторъ получилъ телеграмму:

„Сегодня вечеромъ приходите къ намъ. Никому о телеграммѣ.— Лиза".

Обезпокоенный, онъ въ сумеркахъ уже былъ у нея. Открыла ему двери сама Лизочка и, сказавъ: Степана нѣтъ дома,—длиннымъ корридоромъ ввела въ свою комнату. Долго на всѣ его разспросы она не отвѣчала и молча, съ блѣднымъ, сосредоточеннымъ лицомъ, сидѣла возлѣ.

А потомъ сказала, не глядя на него, сжавъ крѣпко руки:

— То, что я вамъ скажу, ни къ чему, но если я не скажу, мнѣ будетъ трудно, очень трудно...—

И вдругъ заплакала.

— Вы любите Вѣру — объ этомъ всѣ знаютъ и говорятъ, но никто не знаетъ, что я люблю васъ...

— Лизочка... какая вы странная... Конечно, вамъ показалось, что вы меня любите. Ну, посмотрите, развѣ я герой романа? Лизочка любитъ все яркое, все синее, желтое, красное — а я вѣдь сѣрый, не такъ ли, Лизочка?

Она посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Не смѣйтесь надо мной. Вы не должны смѣяться—пускай смѣются Степанъ и другіе, но не вы... Еслибы вы знали, какъ я васъ люблю, какъ я васъ люблю! Кто еще полюбитъ васъ такъ сильно, Викторъ? И почему вы не меня полюбили, почему вы любите Вѣру?

Она вскочила на ноги и, расширивъ глаза, устремивъ ихъ въ одну точку, кричала:

— Развѣ я не лучше ея—посмотрите! Только потому, что она гордая, мнитъ о себѣ безъ конца, всѣ поклоняются ей. А я—кто? Маленькая дѣвочка, которой никто не вѣритъ! Но кто съумѣетъ любить такъ, какъ я, кто будетъ вамъ пѣть такія пѣсни, какъ я, наряжаться для васъ, цѣловать васъ, какъ я?

Она сидѣла у него на колѣняхъ и, обнявъ за шею, плакала.

— Почему вы любите не меня? Я не пойму этого! Цѣлыя ночи напролетъ думаю объ этомъ...

— Что такое любовь?—шептала она, соскользнувъ на полъ.

Выпали шпильки изъ волосъ, и они, растрепавшись, покрыли Виктору руки.

— И если любятъ, то развѣ нужно любить вдвоемъ? Я одна буду любить — за насъ двоихъ. Я одна буду гулять и разговаривать съ собой, и отвѣчать вамъ. Я одна буду ласкова съ собой, я сама буду покупать себѣ цвѣты. И кольца съ блестящими каменьями я буду дарить себѣ, какъ бы отъ васъ. Буду наряжаться и ждать васъ, и пѣснями призывать васъ, и по вечерамъ въ теплые, лѣтніе дни буду ждать свиданія на скамьѣ, въ саду. Все одна... Я посмотрю на часы, но мои часы всегда лгутъ, вы должны придти, вы могли опоздать. Буду ждать часами. И если вы не придете, то потому что вамъ помѣшали и вы завтра придете... Вы придете ко мнѣ, Викторъ, я знаю это, но только нужно терпѣніе, нужно вамъ не надоѣдать и быть немного гордой, какъ Вѣра. И ждать, ждать...

Опять сидѣла на колѣняхъ у него, глядѣлась въ его глаза.

— Поцѣлуйте меня. Вотъ, какъ я цѣлую, прямо въ губы, прямо въ душу. Я заколдую васъ, я одурманю васъ, и если вы не полюбите меня, я убью и васъ, и себя...

— Сладка смерть вдвоемъ, — ласкалась она. — Ваши руки будутъ навѣки при мнѣ, только меня онѣ обнимутъ... Гордая Вѣра забудетъ о васъ и обо мнѣ всѣ забудутъ... А мама? Моя мама? — посмотрѣла она вокругъ испуганными глазами. — Думаетъ ли она теперь обо мнѣ?..

— Лизочка, что мнѣ сказать вамъ? Вы не повѣрите, но ваше счастье, что я васъ не люблю. Я не умѣю любить, моя дѣвочка, хорошо любить, такъ, какъ вы. А я умѣю только мыслить... Къ чему вамъ такой, какъ я? Что стали бы вы со мной дѣлать— съ такимъ скучнымъ?

— Я научила бы васъ моей любви.

— Но я васъ не оставлю, моя Лизочка, вамъ не придется одной мечтать—я буду приходить и помогать вашимъ мечтамъ. Вѣдь дѣло не во мнѣ, а въ васъ — творите же изъ меня свои сказки, свои длинныя сказки...

— Вотъ счастье! — смѣялась она въ восторгѣ. — Такъ это правда: каждый день я буду васъ видѣть? Говорите мнѣ „ты“ — непремѣнно „ты“. Я не буду злой, не буду дурно думать о Вѣрѣ— но только дайте мнѣ быть съ вами и видѣть васъ...

XIII.

Еслибы у Вѣры былъ другъ, которому она повѣряла бы свои тайны, то онъ пришелъ бы теперь къ ней и спросилъ бы ее: „Что съ тобой, Вѣра?“ И взялъ бы онъ Вѣру за руку, и увелъ бы ее изъ дома Виктора, и сдѣлалъ бы ее опять той стойкой и твердой дѣвушкой, какою она была прежде.

Но такого друга у Вѣры не было. Была подруга по гимназіи и курсамъ — Ксенія, но съ ней она почти-что не встрѣчалась теперь. Былъ другъ — Степанъ, но онъ не любилъ чужихъ тайнъ и принципіально никогда не входилъ въ интимный, душевный міръ друзей своихъ. Если онъ и видѣлъ что-нибудь странное въ ихъ поступкахъ, то по привычкѣ отворачивался, и тогда ничего не видѣлъ. Удивлялся только Степанъ грустному виду влюбленныхъ, но когда Вѣра переѣхала на квартиру къ Виктору, все показалось ему улаженнымъ и устроеннымъ навсегда.

Былъ у Вѣры еще одинъ другъ—Андрей Коломейцевъ.

Старый пріятель, землякъ и сынъ друзей ея родителей, онъ давно любилъ Вѣру, любилъ ее еще гимназисткой. Ни на что не надѣялся, но и не отчаявался; любилъ ее сильно, не ждалъ отъ нея любви и только нуждался въ ея голосѣ, въ ея разумныхъ рѣчахъ. Незамѣтно окружалъ ее мелкими заботами, никогда не говорилъ съ ней о себѣ и вѣрилъ ей во всемъ. Какъ-то странно онъ совмѣщалъ въ себѣ двѣ души. Одною любилъ все прекрасное, все возвышенное — поэзію, героевъ, музыку; поэтому любилъ Вѣру, ея друзей, ея укладъ жизни. Другою—былъ привязанъ къ наживѣ, къ своей карьерѣ, ко всему мелкому, узкому, фарисейскому — поэтому, какъ адвокатъ, аккуратно и умѣло велъ дѣла, процвѣталъ въ нихъ и поэтому же ходилъ вытянувшись въ струнку, носилъ черный сюртукъ, черный галстухъ и высокіе воротнички, которые подпирали ему подбородокъ и придавали напыщенный видъ.

Но Андрей Ѳедоровичъ тоже ничего не говорилъ Вѣрѣ— не потому, что не интересовался чужими тайнами и не замѣчалъ ихъ, а потому что сильно любилъ ее и былъ убѣжденъ, что она сама лучше знаетъ, что̀ нужно ей и что̀ не нужно.

Прошла весна, душная и тяжелая, и наступило лѣто.

Ужъ многіе знакомые собирались покинуть городъ; подыскивалъ дачу и Степанъ, а Вѣра не думала о будущемъ. Никуда не выходила, томилась...

Сегодня Викторъ куда-то ушелъ. Вѣра осталась одна у себя въ комнатѣ, открыла окно, сѣла на подоконникъ и слѣдила за прохожими.

„Скоро день моего рожденья, скоро мнѣ двадцать-шесть лѣтъ—но такой грустной поры я еще никогда не переживала", думала она.

Не слышала, какъ постучались въ дверь, какъ вошла въ комнату Ксенія Васнецова, и только, когда та ее обхватила руками сзади и звонко поцѣловала въ затылокъ, она пришла въ себя.

— Здравствуй, Вѣра.

— Здравствуй, Ксенія. Но, Боже, на улицѣ такой шумъ, что ничего не слышно.

— Скоро уѣзжаю и вотъ пришла за своими книгами; и притомъ хотѣла на тебя поглядѣть. Почему тебя не было видно? Развѣ больна? Да,—разсмѣялась она—искала тебя на старой квартирѣ, не знала, что ты живешь здѣсь, и оттуда сюда пѣшкомъ притащилась. Просторная у тебя комната!

— Да, удобная.

— Итакъ, я скоро уѣзжаю, а ты?

— Я еще не знаю ничего.

— И выхожу замужъ, да. А ты?

— Какъ-такъ замужъ? за кого?

— За... за Володю Грушевого.

Не давая Вѣрѣ времени отвѣтить, предупреждая ея удивленіе, Ксенія быстро-быстро стала говорить:

— Только не удивляйся. Конечно, онъ молодъ очень, и вообще, вообще... мы иначе воспитаны, въ разныхъ условіяхъ расли... Но послушай, Вѣра, вѣдь пора съ этимъ покончить. Мнѣ двадцать-семь лѣтъ, изъ года въ годъ приходитъ весна—ахъ, надоѣло томиться! И притомъ скажи по совѣсти, развѣ другіе наши интеллигенты умнѣе, лучше его?

— Но въ чемъ ты оправдываешься, Ксенія?... Я такъ поражена!

— Вотъ это-то меня и возмущаетъ! — говорила Ксенія, и голосъ ея, глубокій, грудной, зазвучалъ искренно и увѣренно.— Томиться надеждами, влюбленно вздыхать—это красиво. Изъ-за мечтаній, въ ожиданіи рыцаря, губить себя—это красиво... Послѣдній годъ я не могла уже работать, возненавидѣла науку—все, что я люблю, и что нужно мнѣ больше всего въ мірѣ! И вотъ я подумала: „Что-жъ это? Стою будто выше всякихъ предразсудковъ — а на самомъ дѣлѣ страдаю отъ жажды любви,

какъ какая-то средневѣковая принцесса! Если нужно любить— такъ будемъ же любить, но только скорѣе, чтобъ избавиться отъ этихъ чаръ, потому что жизнь не ждетъ, вся въ движеніи, работѣ, стремится впередъ и зоветъ тебя... Брось кость любви и освободись отъ нея... Если ты женщина, то преодолѣть себя ты сможешь не аскетизмомъ и отреченіемъ, а только тѣмъ, что заживешь, какъ всѣ...

— Что говоришь ты, Ксенія? Ты смѣешься надо мной? А гдѣ же искренность, совѣсть? Какъ можешь ты лицемѣрить съ самой собой?

— Развѣ стремленіе къ любви и материнству можетъ быть ложнымъ, развѣ любовь къ дѣтямъ можетъ быть лицемѣріемъ?— горячо говорила Ксенія.—И что же мнѣ дѣлать, если все нашептываетъ о любви, а я не могу влюбиться въ тѣхъ, кого встрѣчаю. Я мучаюсь и страдаю, почти желаю себѣ смерти!.. Случился тутъ Грушевой... Онъ любитъ меня, онъ хорошій человѣкъ. Мой бракъ не по разсчету и не по любви... Но онъ мое спасеніе! Выходи и ты замужъ, Вѣра. Смотри на вещи просто, по-житейски, чего тамъ... Нужно бросить романтику!.. Ахъ, какъ я мечтаю о томъ времени, когда, окрѣпшая и выздоровѣвшая послѣ этой мучительной пытки, я опять возьмусь за занятія! Держишь ты экзамены осенью?

— Я еще не знаю.

— Но у тебя прелестная комната; сколько ты платишь за нее?

— Я живу у знакомаго одного, и мы съ нимъ не условливались—смущенно отвѣтила Вѣра.—Когда ты ѣдешь?

— Какъ зовутъ его?

— Викторъ Стойницкій.

— Такъ вотъ оно что! Вѣдь я слышала кое-о-чемъ... Молодецъ, Вѣра!—говорила она съ грустью. — Такъ, конечно, оно лучше, по любви... Желаю тебѣ счастья, Вѣра!—сказала она и съ затуманенными глазами поцѣловала ее.

— Скоро день твоего рожденія, Вѣра, и тогда я приду къ тебѣ опять. По традиціи!—улыбнулась она ей.

Послѣ ухода Ксеніи Вѣра долго, мучительно плакала. Вечеромъ хотѣла бѣжать къ ней и разсказать о себѣ, просить помощи, но взяла себя въ руки и не пошла, потому что вырисовывалось уже какое-то рѣшеніе, какой-то выходъ, на который толкнули ее слова Ксеніи.

Поздно ночью Викторъ пришелъ домой и, войдя въ комнату къ Вѣрѣ, засталъ ее за письменнымъ столомъ, надъ книгой. И какъ тогда, когда начиналась ихъ любовь, онъ, шутя, сказалъ:

— Вѣрочка, ты опять взялась за работу?

А она, всегда кроткая, вдругъ разсердилась и, густо покраснѣвъ, раздражительно отвѣтила:

— Нужно же мнѣ продолжать мое дѣло, готовиться къ экзаменамъ.

— Дѣло? И ты знаешь, Вѣрочка, что̀ нужно дѣлать?—продолжалъ онъ шутить.

— Конечно, знаю. То, что̀ я дѣлаю—то мнѣ нужно, а то, что̀ ты затѣялъ и дѣлаешь—то тебѣ не нужно.

— Вотъ какъ!

— Да, не нужно!—сказала она и, подойдя къ нему вплотную, глядя ему прямо въ глаза, заговорила такъ, какъ давно уже собиралась это сдѣлать:

— Викторъ, все время, съ тѣхъ поръ какъ я у тебя, я приглядываюсь къ тебѣ, къ твоей жизни, и я ничего не понимаю. Прости меня, я сдѣлаю тебѣ больно, но если на то пошло, то вѣдь должна же я сказать, что я ничего въ тебѣ не понимаю, ничего...

— Говори, говори! — просилъ ее Викторъ, и рѣзкость ея была ему пріятна, потому что она и его освобождала и давала ему возможность потомъ сказать то, что̀ все еще оставалось недосказаннымъ.

Страшно волнуясь, блѣднѣя и краснѣя, со слезами, она говорила:

— Это нехорошо—то, что ты дѣлаешь. Почему ты—такой выдающійся, такой способный и славный — вдругъ притворился ничтожествомъ, какимъ-то карьеристомъ, и всѣхъ насъ морочишь, дурачишь? Вѣдь я тебѣ не повѣрю... Заставлялъ искать квартиру, покупать мебель, устраивать себя...

Она испуганно смотрѣла на него.

— Но это невозможно... Правда, многіе изъ нашихъ начинаютъ такую жизнь, уходятъ съ головой въ пошлость, но въ этомъ они не такъ уже виноваты, разъ это дѣлается не по доброй волѣ, разъ обстоятельства и неспособность къ большему ихъ загоняютъ въ тупикъ.—Но ты, Викторъ? Такъ просто отказаться отъ прошлаго? Устраиваться такъ, какъ карьеристъ, на богатой квартирѣ, обставлять ее дорогой мебелью, чтобы брать за визитъ по пяти рублей! Устраиваться такъ, какъ будто ты хочешь всѣмъ показать: „Смотрите, какъ идутъ прямо къ концу.

Не со ступеньки на ступеньку, какъ другіе, а прямо къ цѣли, къ карьерѣ, къ богатству... Это не ты, Викторъ,—ты притворился, тебѣ зачѣмъ-то понадобилось это, потому что иначе не ходилъ бы съ такимъ лицомъ, будто въ мірѣ нѣтъ ничего прекраснаго... и нѣтъ даже меня—твоей Вѣры...

Слезы текли одна за другой, текли безъ удержа, и, спрятавъ лицо у него на груди, она рыдала съ безумной жалостью къ нему и къ себѣ.

— Ты права, Вѣрочка, я притворился. И только ты одна это поняла и увидѣла, Вѣра, мой другъ, мой прекрасный другъ. Конечно, мнѣ не нужна карьера для карьеры—но, ты не знаешь, есть вещи худшія, чѣмъ корыстолюбіе, и зависть, и сладострастіе: это когда въ тебѣ отмираетъ постепенно все живое, все, что дѣлаетъ жизнь. Глаза не хотятъ глядѣть, и ноги—ходить, и руки—брать... Скажи мнѣ, Вѣра,—и голосъ его страстно звучалъ:—видишь ли ты солнце? Я его не вижу. Видишь ли ты цвѣты, красоту жизни, любишь ли ты музыку, любишь ли ты искусство? Я ничего не вижу, ничего этого не люблю. Любишь ли ты мелочи жизни: былинку и синее небо, красивыя вещи и просто вещи, свои платья, своихъ родныхъ, все повседневное, что тебя окружаетъ? Я этого не люблю. Я люблю все далекое, все чужое, все, чего я не могу достигнуть, все чего у меня нѣтъ... Я люблю большія, далекія цѣли, я всегда гляжу въ даль, стремлюсь въ даль, мысли мои улетаютъ за сотни лѣтъ впередъ... Для меня не существуетъ сегодня, нѣтъ захода и восхода солнца, нѣтъ радости прекрасныхъ мгновеній, нѣтъ прелести зари и тихаго вечера — для меня есть одно, только одно: завтра, потомъ черезъ сотни лѣтъ... Хуже того: для меня нѣтъ ничего постояннаго, цѣльнаго. Все текуче, все проходитъ, все молодое дѣлается старымъ, всякое чувство изнашивается... Все сѣро, все одинаково, все подчиняется своимъ законамъ, а я, бѣдная былинка, въ тискахъ желѣзныхъ объятій, подавленъ, уничтоженъ... У меня даже нѣтъ радости прекраснаго будущаго, потому что все—тлѣнъ...

Вѣра слушала его и, будто впервые онъ такъ говорилъ, вся застывала отъ страха за него и за себя, отъ отчаянія, которое надвигалось на нее отовсюду. Сидѣла, не шевелясь, и медленно погружалась въ бездну, изъ которой нѣтъ спасенья...

— Но съ нѣкоторыхъ поръ я узналъ кое-что,—продолжалъ Викторъ.—Кое-чему я научился все-таки и понялъ вдругъ, что только въ пошлой обыденщинѣ можно найти успокоеніе... И вотъ что я рѣшилъ, и вотъ гдѣ начинается мое притворство: я рѣ-

шилъ притвориться маленькимъ, ничтожнымъ, я рѣшилъ притвориться жаднымъ и жаждущимъ, я захотѣлъ выростить себѣ длинныя руки и длинныя ноги, и спрятать далеко — нѣтъ, выкинуть прочь — всѣ слова-путы, которыя не даютъ мнѣ ворваться въ жизнь и войти въ нее смиренно, безъ большихъ требованій, безъ широкихъ задачъ, безъ далекихъ идеаловъ... Я хотѣлъ окружить себя вещами, чтобы онѣ меня научили жить. Всѣ онѣ должны были подойти ко мнѣ и сказать: „насъ нужно беречь, холить, и чистить, и пріумножать". И я каждый день бы это дѣлалъ. Я хотѣлъ полюбить женщину, которая сказала бы мнѣ: „я люблю веселье и вещи". И еще больше вещей купилъ бы я, и вмѣстѣ мы бы веселились... Я хотѣлъ окружить себя пошлыми людьми, которые говорили бы мнѣ: дѣлай, какъ мы, и у тебя тоже заблестятъ глаза, и мы научимъ тебя вкусно ѣсть и сладко спать... Я все, все хотѣлъ это сдѣлать, чтобы открылась, наконецъ, мнѣ тайна этой жизни, которая скрыта отъ меня... Я мечталъ, что когда я отброшу всѣ слова и приду къ людямъ, какъ равный къ равнымъ, то исчезнетъ скорбь, зарубцуются раны и забрезжетъ день и для меня, свѣтлый и красочный... Но ничто не удалось. Я полюбилъ тебя, Вѣра...

— Молчи, молчи! — кричала Вѣра и судорожно хваталась за него, закрывала ему ротъ рукой, билась въ рыданіяхъ. — Молчи... Только не сегодня...

Лежала на диванѣ безпомощная, безъ силъ, и въ тишинѣ гулко стучала мысль:

— Уйду отсюда, уйду отсюда.

XIV.

На слѣдующій день Викторъ встрѣтилъ на улицѣ своего дядю, страхового агента Кондрашева, и тотъ затащилъ его къ себѣ обѣдать. Иногда они встрѣчались; на дняхъ еще дядя съ тетей были у него. И Викторъ все не могъ надивиться и наглядѣться на этого круглаго, жизнерадостнаго человѣка, который съ восторгомъ и смѣхомъ разсказывалъ объ актрисахъ, о своихъ дѣлахъ, сыпалъ анекдотами и заливался раскатистымъ смѣхомъ. Яркими словами, круглыми движеніями, круглыми мыслями обтачивалъ онъ углы своей жизни, и, глядя на него, слушая его, казалось, что все окружающее его — и бездѣтная жена, и свѣтлая, чистая квартира, и все, начиная съ красивой столовой посуды

и кончая балеринами и книгами—кружится вокругъ него, какъ искрящійся шаръ.

„Мнѣ бы такъ!"—думалъ съ тоской Викторъ.

— Хорошо ты, Витя, устроился,—говорилъ дядя, съ аппетитомъ глотая жаркое. — Хвалю! Давно бы такъ. Только одно скверно: невеселый ты что-то. Не отлыниваешь ли ты опять, а? Смотри, Витька, не вздумай опять взяться за свои старыя штуки—соціализмы, марксизмы! Ну, не обижайся, я вѣдь такъ, шучу. Только вотъ что мы думаемъ съ Мари — дядя думалъ всегда вмѣстѣ съ тетей,—что чего-то у тебя не хватаетъ, а? Чего, какъ ты думаешь, Викторъ?—и онъ, подмигнувъ, снова взялся за жаркое.

А послѣ обѣда, развалившись въ креслѣ, пилъ кофе съ ликеромъ и опять говорилъ:

— Ну что, такъ и не угадалъ, чего тебѣ не хватаетъ? Ха, ха, ха. Думаешь, ума? Нѣтъ, хоть отбавляй—его даже излишне много у тебя. Ха, ха, ха. Жены, братъ, не хватаетъ, жены! Когда мы ушли въ воскресенье отъ тебя, то по дорогѣ долго думали. Какой у тебя безпорядокъ! Много людей всякихъ приходятъ къ тебѣ, какъ къ себѣ въ домъ, не спрашиваясь заказываютъ кушанья—что это такое? Какъ въ ресторанѣ! Что такое! Мы съ Мари очень возмущались—вѣдь это наглость.

— Но, дядя, почему ты думаешь, что они мнѣ мѣшаютъ?

— Какъ онъ тебѣ нравится, Мари?!—пыхтѣлъ дядя, весь покраснѣвъ отъ досады.—Я долженъ ему объяснять, почему чужіе люди, врывающіеся къ намъ въ домъ и располагающіеся у насъ какъ у себя, мѣшаютъ намъ? Такъ, въ такомъ случаѣ, лучше ужъ на площади жить! И знаешь, почему у тебя такой безпорядокъ? Мы объ этомъ тоже думали и рѣшили, что жениться тебѣ нужно. Женись. Какъ братъ покойной матери твоей, говорю тебѣ: женись. Мы съ Мари найдемъ тебѣ хорошую дѣвушку, честную, не изъ вертопрашекъ. Заведетъ она у тебя другіе порядки, и заживешь ты великолѣпно. Смыслъ получитъ твоя жизнь, твоя работа. А такъ не для кого даже трудиться, право.

— Когда я выходила замужъ за Гаврюшу—сказала тетя,—онъ тоже былъ такой худенькій. Всѣ думали, и мать моя плакала, что у него чахотка. А теперь!—глядѣла она на него съ восхищеніемъ:—какъ огурчикъ налился!

— И хвостъ морковкой!—прошелся дядя въ припрыжку по комнатѣ.

— А эта барышня, какъ ее зовутъ, Столбова, Столпчин-

ская... И чего она поселилась у тебя, развѣ это прилично? Эхъ, ты тряпка!..

— Вѣра Павловна Томова—моя невѣста,—сказалъ Викторъ и просвѣтлѣлъ отъ радости, что такъ легко разрушилъ неопредѣленность, туманность своихъ отношеній къ Вѣрѣ и, назвавъ ее невѣстой, связалъ себя обязательствомъ.

Возвращаясь потомъ домой, онъ мечталъ о томъ, какъ онъ разскажетъ Вѣрѣ этотъ разговоръ у дяди, и смѣялся, вспоминая вытянутыя лица дяди и тети, когда онъ объявилъ ее своей невѣстой.

Онъ шелъ бодро и весело, и ему казалось, что сегодня ночью будутъ они много смѣяться и строить планы ихъ будущаго, и что онъ будетъ сильно, страстно прижимать къ себѣ свою будущую жену, долго цѣловать въ губы и шептать ей слова любви.

„На лѣто всѣ разъѣдутся"—думалъ онъ—„и мы останемся одни, вдвоемъ. Но до тѣхъ поръ нужно будетъ устроить вечеринку, созвать знакомыхъ и объявить имъ, что я женюсь на Вѣрѣ. Просто и безъ шума нельзя начинать новой жизни. Потому что это будетъ новая жизнь и именно та, которой я хочу... Просто и безшумно начинать новой жизни нельзя, иначе и выйти оттуда можно крадучись и потомъ тебя никто не поймаетъ: гдѣ ты — здѣсь или тамъ? И притомъ вѣдь это далеко не безразлично всѣмъ знакомымъ человѣка, какъ онъ живетъ. Конечно, очень важно для всѣхъ, чтобы женатые жили какъ женатые, врачи—какъ врачи, купцы—какъ купцы, и, главное, чтобъ всѣ сидѣли по своимъ мѣстамъ, каждый у себя, и не смѣлъ уже оттуда уйти. А не то получится хаосъ, все будетъ неопредѣленно и всякій получитъ возможность дѣлать съ собой что̀ ему взбредетъ на умъ... И если я поселился въ собственной, прекрасно обставленной квартирѣ, и еще обзаведусь женой, то это значитъ, что я беру на себя какія-то обязательства и что совершается глубокій и важный переломъ въ жизни Виктора Стойницкаго..."

Но когда Викторъ пришелъ домой и увидѣлъ Вѣру, то при мысли, что онъ ей скажетъ то, что хотѣлъ сказать, идя сюда, ему стало неловко и жутко.

И опять онъ говорилъ такъ, какъ только онъ умѣлъ говорить съ ней—откровенно и на-чисто.

— Я тебя люблю, Вѣра, и какъ я тебя люблю—я понялъ только сегодня, у дяди моего. Онъ уговаривалъ меня жениться, говорилъ пошлыя, подлыя слова о людяхъ, о бракѣ, и тамъ я

твердо въ душѣ рѣшилъ — никогда на тебѣ не жениться, никогда не связывать насъ гнусными узами, которыя все грязнятъ... Еслибы ты знала, какъ они ужасны — эти постоянно любящіе люди! Они думаютъ вмѣстѣ, они спятъ вмѣстѣ, они откармливаютъ другъ друга и съ годами ихъ лица пріобрѣтаютъ поразительное сходство... Ихъ говоръ тотъ же—они нераздѣлимы, какъ близнецы. Представь себѣ, Вѣрочка, наше счастье въ будущемъ — когда мы будемъ думать одинаково, когда мы будемъ читать съ тобой однѣ и тѣ же книги, а въ головахъ у насъ будутъ возникать однѣ и тѣ же мысли. Представь себѣ то время, когда лица наши пріобрѣтутъ одинъ и тотъ же обликъ, и мы съ тобой будемъ дѣлиться всѣми мыслями, не въ силахъ будемъ ихъ удержать при себѣ, не въ силахъ ихъ утаить другъ отъ друга... Какой ужасъ! Какой ужасъ!—повторялъ Викторъ, охваченный знакомымъ чувствомъ отвращенія и страха пошлости.— И подумай только, Вѣрочка, мнѣ связать тебя съ собой... Я, уставшій, боящійся новаго, жаждущій успокоенія, ничего не ожидающій, я—съ пройденнымъ уже путемъ... И приковать тебя къ себѣ, тебя—всю впереди, въ будущемъ, тебя, всю еще нетронутую, свѣжую и непочатую, какъ цѣлина... Скажи, почему ты такая?

— Я не знаю,—говоритъ Вѣра.—Люблю тебя.

Въ головѣ у нея горитъ, виски стянуты, какъ обручемъ; въ экстазѣ она не понимаетъ ни своихъ мукъ, ни того, что̀ рѣшено уже.

— Я тебя люблю, и мнѣ все равно, что̀ будетъ дальше... Вотъ сейчасъ мы любимъ другъ друга такъ, какъ никто никогда не любилъ еще, какъ я никого не любила еще...

Такъ застало ихъ утро...

Днемъ сидѣли каждый у себя въ комнатѣ, каждый со своими печальными мыслями. Нѣсколько разъ встрѣтились за ѣдой, но мало говорили, почти не глядѣли другъ на друга и спѣшили каждый уйти обратно къ себѣ.

Тоскливо думалъ Викторъ: „Опять пришло старое, опять это навожденіе — нежеланіе быть какъ всѣ. И Вѣра такая странная — какъ будто за-одно со мной, даже идетъ еще дальше, чѣмъ я, не допускаетъ ласкъ, чѣмъ-то мистическимъ окружаетъ нашу любовь — но потомъ не глядитъ на меня и плачетъ. Сегодня къ обѣду долго звали ее. Потомъ вошла, опустивъ глаза, и сѣла за столъ. Полную тарелку супа налила и сказала Александрѣ: „какой вкусный супъ“—но не съѣла и ложки. Сидѣла, не шевелясь, держала ложку у рта и тяжело глотала

слезы... Пыталась говорить со мной, но горло сдавливало, и знаками просила воды. Что же это такое? Когда кончатся наши муки?..“

Подъ вечеръ къ нимъ заглянули Степанъ и Лизочка, и пришлось выйти къ нимъ.

— Вѣра, почему вы сегодня такая хворая, блѣдненькая?— спросилъ Степанъ.

— Голова болитъ.

— Нѣтъ, не потому,—лукаво улыбнулся Степанъ,—а потому что приближается покаянный день.

— Что такое?

— Вотъ именно. Послѣ-завтра день вашего рожденія, а вы, сколько я васъ знаю, всегда передъ тѣмъ грустите и ходите такая... будто больная,—засмѣялся Степанъ.—Но это не отъ покаянія у васъ такой видъ. Все, вѣрно, ходите и подводите итоги: ай, ай, столько лѣтъ прожила—а что сдѣлала!?

Вѣра сидѣла, кротко улыбаясь, но отъ тяжести слезъ не могла поднять глазъ... Лицо застывало въ улыбкѣ, которую она ощущала какъ отвратительную судорожную гримасу, а Степанъ гладилъ ея руку, лежавшую на столѣ, и ласково говорилъ:

— Ужъ я хорошо васъ знаю; меня вы не обманете.

— Послушай, Викторъ,—обратился онъ къ нему,—нужно какъ-нибудь отпраздновать день рожденія Вѣры? а?

И Викторъ съ радостью схватился за эту мысль:

„Созову всѣхъ и объявлю, что женюсь на Вѣрѣ. Свяжу себя словами, а слова таинственными путями превратятся въ дѣло“.

— Обязательно отпразднуемъ!—говорилъ онъ вслухъ.—Не правда ли, Вѣрочка?

— Великолѣпно, выпьемъ мы въ теплой компаніи,—сказалъ Степанъ.—Ты намъ, кстати, вѣдь и новоселье долженъ, да и всѣ скоро разъѣдутся. Вотъ и проведемъ вечеръ вмѣстѣ.

— А подъ утро бѣлой ночью поѣдемъ на Острова,—мечтала Лизочка и думала: случится-ли такъ, что съ Викторомъ поѣдетъ она, а не Вѣра?

Только Вѣра тихо сказала:

— Къ чему это вамъ?

И такъ грустно посмотрѣла на Виктора, будто онъ и она были уже обреченные.

И тогда затѣя эта показалась ему ужасно смѣшной.

„Давать обязательства, хотя и неосязаемыя и невещественныя, такимъ людямъ, какъ наши знакомые! Мятущимся, какъ и я, неприспособленнымъ, какъ и я — людямъ съ сердцами чувстви-

тельными и мягкими, какъ воскъ, и съ головами, набитыми прекрасными, хорошими идеями, которыя ослабили, почти убили ихъ волю къ жизни. И имъ—этимъ завтрашнимъ мертвецамъ, я хочу дать обѣщаніе: жениться и зажить мелко, спокойно, удобно и хорошо. Жить безъ мучительствъ и жить во что бы то ни стало“...

Но Степанъ и Лизочка уже обсуждали подробности вечера, обдумывали, кого пригласить, что купить...

„Не все ли равно?—думали Вѣра и Викторъ, каждый про себя. — Вѣдь вечеръ ничего не поправитъ и ничему не помѣшаетъ“...

XV.

Настало воскресенье—день рожденія Вѣры.

Послѣдніе два дня Вѣра просидѣла у себя въ комнатѣ, запершись и избѣгая Виктора. Только вчера уходила надолго и пришла поздно ночью, когда всѣ спали: днемъ была у Ксеніи, вечеромъ—у Андрея Ѳедоровича.

Утромъ стучался къ ней Викторъ.

— Позволь, Вѣрочка, тебя поздравить.

— Сейчасъ я еще не одѣта. Скоро выйду къ тебѣ.

Но долго одѣвалась и не выходила. Когда же пріѣхалъ Андрей Ѳедоровичъ, съ корзиной дивныхъ бѣлыхъ розъ, Вѣра вышла въ столовую блѣдная, какъ мѣлъ, и, не глядя на Виктора, пила остывшій чай.

— Автомобиль ждетъ васъ — улыбался Андрей Ѳедоровичъ.

— Я сейчасъ... Я ѣду кататься—сказала она Виктору, какъ будто ей тяжело было дѣлать что-либо безъ его вѣдома, какъ будто она чувствовала себя еще обязанной давать ему въ своихъ поступкахъ отчетъ и говорить ему еще если не всю правду, то часть ея.

Такъ Викторъ и не поздравилъ ее сегодня.

Весь день въ квартирѣ была сутолока и возня. Хлопотали о вечерѣ Лизочка и Александра, а онъ прогуливался по всѣмъ комнатамъ, слонялся изъ угла въ уголъ.

„Что такое съ нею? Не любитъ?“

„Нѣтъ, не можетъ этого быть. Любитъ, сильно любитъ!“

„Хоть бы скорѣе пришла—поговорила бы толкомъ. Я объясню ей все, она меня пойметъ. И потомъ—такъ нельзя дальше—это рѣшено!“

Кружилась голова; время тянулось мучительно медленно. „Скорѣе бы кончился сегодняшній день... Къ чему я согласился на этотъ вечеръ? Такая досада... Сначала ждешь, чтобъ пришли гости, потомъ улыбаешься имъ, потомъ зѣваешь и шлешь всѣхъ къ черту!.. Придетъ ли дядя съ тетей? Конечно, нѣтъ — они шокированы моимъ выборомъ".

Разсмѣялся, вспомнивъ, что пригласилъ м-ль Sigourd, ту француженку, съ которой ѣхалъ изъ Парижа сюда. Онъ былъ у нея два раза за это время и она ему нравилась своимъ здравымъ смысломъ, умѣньемъ радоваться жизни и забавляться ея пустяками.

„Посмотримъ, каково ей покажется наше веселье"—думалъ онъ.

Столкнувшись съ Лизочкой въ тотъ моментъ, когда та мчалась въ кухню, неся какіе-то пакеты, онъ спросилъ ее:

— Лизочка, не правда ли, когда устраиваешь что-нибудь такъ нарочно, то это противно и скучно? Гораздо пріятнѣе, когда собираются невзначай?

— Не знаю—крикнула Лизочка, убѣгая.—Мнѣ не скучно.

Стоя у кухоннаго стола возлѣ Александры, она раскладывала вкусные припасы на блюда и тарелки.

— Вотъ мы хлопочемъ, а придутъ ли еще гости?—сказала Александра.

А Лизочка въ это время думала, что вовсе ей не интересно, кто придетъ и что̀ будетъ вечеромъ, а важно что-то другое въ ея хлопотахъ и въ приготовленіяхъ.

„Потому что это для Виктора"—подумала она, и въ груди заныло отъ прилива нѣжности, сжалось сердце такъ сильно, что пришлось опереться обѣими руками объ столъ и, наклонившись, постоять въ такомъ положеніи немного.

„Для Виктора!"

— Барышня молоденькая, а такая хозяйственная!—умилялась Александра, глядя, какъ подъ руками Лизочки красиво рядами и кругами укладываются закуски и фрукты.

— Развѣ правда, что я умѣю быть хозяйкой?—разсмѣялась Лизочка и вспомнила, какъ дома мама воевала съ ней изъ-за ея безхозяйственности и лѣни.

А теперь пріятно было цѣлый день работать, бѣгать изъ кухни въ комнаты и обратно, стоять на ногахъ и не присаживаться, думать о ѣдѣ и заботиться, чтобы вечеромъ все было въ порядкѣ.

„Потому что это для Виктора!"

Ради него и во имя его было легко и пріятно хлопотать по хозяйству, и то, что всегда казалось отвратительнымъ, теперь выходило такъ просто и безотчетно, какъ когда она пѣла или ходила.

Вечеромъ, видя Виктора раздраженнымъ, Лизочка не разговаривала съ нимъ, неслышно ступала по коврамъ. Кромѣ ихъ двоихъ, никого не было въ квартирѣ—Вѣра все не приходила, и раздраженіе Виктора увеличивалось...

Смотрѣлъ на часы, подходилъ къ дверямъ, иногда открывалъ ихъ, прислушиваясь къ шуму на лѣстницѣ—а Лизочка дѣлала видъ, что и она кого-то ждетъ, хотя она могла бы такъ пробыть съ нимъ всю жизнь, казалось ей: чтобъ она сидѣла и глядѣла на него, а онъ чтобъ только былъ и думалъ возлѣ нея.

Долго еще никто не приходилъ, но когда явился Степанъ, то за нимъ, будто сговорившись, стали раздаваться звонки и приходить одинъ за другимъ остальные: Замятинъ, Ксенія Васнецова, Женя, подруга Лизочки, нѣсколько врачей, обычные завсегдатаи его дома, Тильмановичъ, маленькій черный человѣчекъ, знакомая Степана Маріанна, — партійная, старая работница. И только когда почти всѣ были въ сборѣ, неслышно вошла Вѣра и, поздоровавшись, сѣла за самоваромъ, взявъ изъ рукъ Лизочки полотенце.

А черезъ десять минутъ послѣ нея пришелъ Андрей Ѳедоровичъ. Необыкновенно оживленный, онъ весь вечеръ не могъ оставаться спокойно на мѣстѣ, помогалъ Вѣрѣ разливать чай, шутилъ съ Лизочкой и, забывъ свою обычную корректность, иногда громко и неизвѣстно почему хохоталъ.

Тогда Вѣра смотрѣла на него строго и испуганно, искоса взглядывала на Виктора.

Народу собралось такъ много, что Викторъ недоумѣвалъ, откуда они взялись, а нѣкоторыхъ изъ гостей онъ совсѣмъ не узнавалъ. Сначала было скучно, но потомъ стало уютнѣе, и за чаемъ начались спокойные, мирные разговоры.

Приходъ м-ль Sigourd, элегантной француженки, внесъ на время замѣшательство.

„Откуда эта?“—спрашивали глазами гости, поднимались неловко со своихъ мѣстъ и такъ ожидали, чтобъ поздороваться съ нею.

Она сдѣлала общій поклонъ и, сказавъ:—Bonjour, messieurs et dames,—отошла съ Викторомъ въ сторону.

— Читали ли вы сегодня въ газетѣ письмо одного самоубійцы?—сказалъ громко Мазуренко, врачъ.

— Это какого?

— Студента. Между прочимъ онъ пишетъ: „жить не для чего, и потому я ухожу безъ всякихъ сожалѣній“.

— Ну, что-жъ!—раздался высокій, рѣзкій голосъ Замятина, и металлическій звукъ его оторвалъ Виктора отъ м-ль Sigourd:—очень жаль человѣка, но, знаете, когда самоубійство дѣлается массовымъ явленіемъ, то привыкаешь къ нему. Это я говорю объ эмоціональной сторонѣ дѣла, но если взглянуть глубже, съ соціальной точки зрѣнія, то это просто ужасно. Столько нужныхъ обществу силъ погибаетъ!

— Послушай, Викторъ,—шепталъ ему на ухо Степанъ:—завели разговоръ на эту тему! Вѣдь здѣсь Маріанна, которая только что вышла изъ больницы послѣ неудавшагося самоотравленія.

— Знаете что?—продолжалъ Мазуренко:—если подсчитать, я увѣренъ, окажется, что теперь погибло больше людей отъ тоски и бездѣлья, чѣмъ погибло ихъ въ дореволюціонную и революціонную эпоху, въ тюрьмахъ и ссылкахъ.

— Да,—отозвался изъ угла комнаты бывшій товарищъ Виктора, до сихъ поръ еще студентъ, носившій прозвище Трубы—теперь, друзья мои, жизнь короткая и память короткая. Помираютъ добровольно, какъ мухи, въ одиночку и въ повалку, кто какъ хочетъ. Одинъ изъ-за любви, другой изъ-за денегъ, изъ-за спичекъ, изъ-за луны, чортъ знаетъ изъ-за чего еще, а въ сущности со скуки.

— Какъ со скуки?—воскликнула Ксенія, которая стояла у двери, прислонившись къ косяку, такая высокая, полная, спокойно-увѣренная въ себѣ.—Развѣ теперь скучно? По-моему, теперь только и не скучно, теперь только и есть время дѣлать то, что хочешь. Раньше, бывало, то и дѣлали, что цѣлыми днями шныряли по городу, по квартирамъ, то съ однимъ порученіемъ, то съ другимъ, таскали на себѣ летучіе листки, брошюры... Были какъ затравленные звѣри, и ни одной минуты для себя, для того, чтобы поучиться толкомъ. А теперь хорошо! — весело говорила она.—Для всего есть время!

— Такъ вы легко переносите теперешнее безвременье?—сказалъ Викторъ.

— Ну, конечно, оно тяжело. И общая подавленность настроенія дѣйствуетъ и на меня. Но когда входишь въ свои занятія, то все забывается—такъ легко тамъ дышется, въ наукѣ.

„Какъ каріатида стоитъ—подумалъ Викторъ.—Будто своими широкими плечами хочетъ поддержать гигантское зданіе. Сколько

силы въ ней и увѣренности! Дѣло не въ словахъ ея, а въ общемъ впечатлѣніи мощи. Но погоди, и тебя сломитъ!"—усмѣхнулся онъ про себя.

— Поэтому я не люблю современной и вообще нашей русской беллетристики. Она тянетъ къ прошлому, не глядитъ впередъ, заставляетъ выворачивать душу, заставляетъ вѣчно задумываться надъ міровыми проблемами—а намъ, сейчасъ, право, не до этого. Забудемте о нашихъ душахъ!—разсмѣялась она звонко.

— Что же вы теперь дѣлаете?—спросила ее негромко Маріанна.

— Мы творимъ себя,—отвѣтила Ксенія, и многіе засмѣялись, а нѣсколько голосовъ крикнуло:

— Что-то очень загадочно!

И вдругъ Вѣра, до тѣхъ поръ сидѣвшая молча за самоваромъ и разливавшая чай, поднялась съ мѣста и, то краснѣя, то блѣднѣя, съ горящими глазами, заговорила, волнуясь и не глядя ни на кого:

— Я то же самое хочу сказать... что это выдумки на теперешнюю пору. Слабые люди, съ развинченными нервами, но съ безумной жаждой жизни—эти люди владѣютъ всѣмъ теперь: они и въ жизни на каждомъ шагу встрѣчаются, въ ихъ рукахъ и литература, и публицистика: „Безвременье, реакція!" твердятъ они все тоже нудное и не даютъ намъ жить! И это они направляютъ молодежь, неустойчивую и шаткую, къ веревкамъ, ядамъ и револьверамъ. Возьмите любую теперь книжку, и вы увидите, что если вы ей повѣрите, то вамъ не будетъ выхода...

„Она не глядитъ на меня"—тоскливо думалъ Викторъ.

— Но имъ вѣрить нельзя, потому что они доживаютъ свои дни, доживаютъ ихъ въ разговорахъ, въ корчахъ уязвленнаго самолюбія... А мы хотимъ дѣла. Дѣла упорнаго,—говорила она, страшно волнуясь,—упорнаго дѣла, хотимъ науки и идемъ въ жизнь, которая теперь такъ прекрасна, такъ интересна, какъ, кажется, еще никогда. Они говорятъ о безвременьи, а мы видимъ полный расцвѣтъ въ наукѣ, въ искусствѣ.

— Гдѣ вы видите это, Вѣра?

— Вездѣ. Но главное вотъ что. Они останутся великовозрастными дѣтьми, не приспособленными ни къ чему, а мы хотимъ изъ дѣтей, изъ подростковъ обратиться въ людей, которые сами творятъ и себя, и свою жизнь.

— Кто это „мы", о комъ вы говорите?

— О всей молодежи,—и Ксенія хлопала въ ладоши,—о нашихъ дѣвушкахъ на курсахъ.

— Богъ ты мой. Онѣ, кажется, больше романами заняты и нарядами, чѣмъ выявленіемъ своихъ индивидуальностей...

— Ложь!—рѣзко крикнула Вѣра—ложь!

— Браво, браво!—захлопалъ и Степанъ.—Такъ ихъ, жарьте дальше. Заныли, запищали и воображаютъ, что всѣхъ заполонили. — И, смѣясь, онъ кивалъ на Виктора, подмигивая Вѣрѣ.

— Да о комъ вы говорите?—раздавалось вокругъ.

Смущенная Вѣра стояла теперь, поблѣднѣвшая, уставшая, съ затуманенными глазами. Сдавливало горло, и она не могла говорить.

Отпивъ чаю, она сказала потухшимъ голосомъ:

— И правда! Я въ сущности никого не имѣю въ виду...

И сказавъ это, еще больше поблѣднѣла.

— Лизочка, — сказалъ Степанъ, подходя къ сестрѣ. — Ты молодецъ у меня, не нытикъ, скажи-ка намъ что-нибудь веселое!

Лизочка сидѣла возлѣ Виктора и м-ль Sigourd у окна. Все такъ же ныло въ груди и было сладко-жутко. Не слушала почти разговоровъ, слѣдила за каждымъ движеніемъ Виктора и, противъ обыкновенія, собраніе людей не интересовало ее, не хотѣлось двигаться, шалить и болтать.

— Вѣра, право, вы какой-то митингъ устроили. Давайте лучше танцовать!— сорвалась она внезапно съ мѣста и, обхвативъ свою подругу Женю, закружилась съ нею по комнатѣ.

За ужиномъ было очень оживленно. Весело уничтожали ѣду и еще веселѣе пили. Настроеніе гостей все больше поднималось, громко говорили, дѣлали широкія движенія руками и чувствовали себя свободно и хорошо.

— Какіе симпатичные люди! — говорила Виктору м-ль Sigourd.—Такіе веселые. Я ничего почти не понимаю, но, вѣроятно, это добрые малые, bons garçons, если они говорятъ такъ весело и много. Я люблю такихъ.

Но отвѣтить помѣшалъ Замятинъ, который своимъ голосомъ заглушалъ всѣхъ.

— Я хочу, господа, предложить тостъ за лучшее будущее и за нашихъ дамъ, которыя сегодня объявили себя предвѣстницами его. Пью за ихъ здоровье!

— Ура, ура!

— Я хочу, господа, сказать еще два слова. Въ рѣчахъ Вѣры Павловны и Ксеніи Андреевны я почувствовалъ ту бодрость и, я даже скажу, ту жестокость, которую я привѣтствую. Конечно, я не касаюсь личностей уважаемыхъ Вѣры Павловны и Ксеніи Андреевны—вѣдь исторіи нужны не личности, а важны

массы. Но какъ симптомъ—это хорошо. Перешагните черезъ мертвое, но прошу васъ только не въ одиночку, только не въ одиночку, а всѣ вмѣстѣ! И тогда будетъ прекрасно!

Викторъ, вспоминая потомъ все послѣдующее, самъ не могъ объяснить, почему его вдругъ охватила такая злоба и ярость къ этому человѣку и къ его торжествующему лицу. Но вдругъ, не имѣя власти удержаться, онъ злобно расхохотался и крикнулъ:

— Скажите, Замятинъ, какъ это у васъ устроена великолѣпно голова? Кто вамъ такъ ловко ее вылущилъ, а потомъ кинулъ туда нѣсколько идей, и все парныхъ? Я давно приглядываюсь къ вамъ и удивляюсь. Ха, ха, ха! Вы признаете массы, но не личности, вы признаете матерію, но не духъ, вы признаете здоровье и выбрасываете больное, вы признаете только прогрессъ, но не застой, однимъ словомъ все, что хорошо—то ваше, все дурное—не отъ васъ и не въ васъ. Покажите мнѣ вашу голову, въ которой все такъ граціозно устроено, въ которой чинно, рядами, танцуютъ прекрасныя, свѣтлыя мысли, и нѣтъ извилинъ, гдѣ прячутся, гнѣздятся отвратительныя черныя мысли, все ассиметричное, негармоничное, дикое и не поддающееся никакому опредѣленію. Покажите мнѣ вашу голову, и я посмотрю туда, увижу, какъ тамъ устроено, и заведу такую же у себя. Вотъ посмотрите—квартиру я себѣ устроилъ, мебель купилъ. Смотрите, висятъ картины, и я притворяюсь, что я люблю картины и знаю, какая изъ нихъ лучше и какая хуже...

— Викторъ, Викторъ!—звалъ его кто-то.

— Оставьте меня. Посмотрите: у меня стоитъ рояль, и когда, сейчасъ послѣ ужина, м-ль Sigourd станетъ играть на немъ,—а она вѣдь консерваторка,—я притворюсь, что и я понимаю музыку. Чѣмъ же я хуже другихъ? Развѣ и я не изучилъ вашъ механизмъ притворства? Ха, ха, ха! Извините, я тоже знаю, какъ это дѣлается. Покупаютъ вещи, и онѣ за тебя лгутъ о твоемъ благополучіи; смотрятъ на картины, и глаза сами умиляются; слушаютъ музыку, и тогда нужно вздыхать и дѣлать видъ, что мечтаешь и удаляешься въ заоблачные міры... Но одного я еще не умѣю — стучалъ онъ по столу кулакомъ—это лгать языкомъ, одному я еще не научился—чтобы въ головѣ у меня было нѣсколько хорошихъ мыслей, которыя бы дружно жили другъ съ другомъ. И вотъ этому я прошу васъ, Замятинъ, научите меня, какъ другъ, научите меня, потому что я не могу уже, я усталъ...

Когда онъ пришелъ въ себя, кто-то лилъ ему на голову

воду и всѣ стояли вокругъ и смотрѣли на него. Степанъ, наклонившись, спрашивалъ:

— Что, другъ, съ тобой? Ай, ай, какъ нехорошо!

А онъ себя чувствовалъ хорошо и легко. Немного кружилась голова, но было пріятно и смѣшно, когда вспомнилось вдругъ, какъ весь вечеръ его преслѣдовала фраза:

„На паркетѣ въ восемь паръ мухи танцовали“.

Онъ совсѣмъ расхохотался и вслухъ произнесъ продолженіе:

„И, увидя паука, въ обморокъ упали“.

Обернувшись, онъ искалъ глазами Вѣру, но не находилъ ея. И вдругъ почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ...

Напротивъ у стѣны, освѣщенная лампой, стояла Маріанна и пристально глядѣла на него, расширивъ черные громадные глаза.

А когда онъ встрѣтился взглядомъ съ нею, ему показалось, что она ему странно, какъ-то по заговорщицки, мигнула глазомъ:

„Ты изъ нашихъ!“

Весь остальной вечеръ Викторъ сидѣлъ въ креслѣ, улыбался на вопросы своихъ гостей о здоровьѣ и тайно прислушивался къ тому тихому и безшумному чувству, которое вползало къ нему, сначала незамѣтно, а потомъ заполняло его и, наконецъ, завладѣло окончательно и покрыло густымъ слоемъ, прозрачнымъ и непреодолимымъ, въ которомъ онъ ужъ ощущалъ себя совсѣмъ маленькимъ и крошечнымъ. Иногда казалось, что его здѣсь нѣтъ въ комнатѣ и что его никто не видитъ; но къ нему подходили, съ нимъ разговаривали — значитъ, онъ существовалъ въ дѣйствительности. И хотя онъ говорилъ обычныя слова и усиленно просилъ кого-то пѣть, и еще кого-то играть, но на самомъ дѣлѣ это былъ не онъ, Викторъ Стойницкій, котораго онъ зналъ таковымъ—а другой, отдаленный Викторъ Стойницкій, котораго онъ не зналъ и голосъ котораго, глухой и чужой, доносился къ нему откуда-то издалека. Онъ же, настоящій Викторъ, сидѣлъ внутри чего-то прозрачнаго, громаднаго, непреодолимаго, весь съежившись, скорчившись, маленькій, совсѣмъ незамѣтный, почти точка... И было ему спокойно такъ: онъ не зналъ, поютъ ли гости, танцуютъ ли и о чемъ говорятъ—а только думалъ тихую, маленькую думу: „почему Маріанна мигнула мнѣ глазомъ, и знаетъ ли она обо мнѣ то, что̀ я знаю, и какъ можетъ она объ этомъ знать?“

И еще думалъ о Вѣрѣ, что она ни разу къ нему не подошла и что теперь ея нѣтъ среди другихъ.

Такъ сидѣлъ онъ, казалось, часъ, и не могъ пошевелиться, не могъ оторваться отъ созерцанія той маленькой точки, глубоко упрятанной, которою былъ теперь онъ. Потерялъ представленіе о времени, не зналъ, который часъ и долго ли еще будетъ длиться этотъ безконечный вечеръ...

Иногда усиліемъ воли отрывался отъ себя, видѣлъ опять гостей, которые чувствовали себя какъ дома, и еще видѣлъ онъ—и это доставило ему удовольствіе—Женю, когда она послѣ долгихъ просьбъ согласилась и танцовала то китаянку, то матчишъ, то танецъ апашей.

Наклонившись, онъ смотрѣлъ, какъ плавно, шелестя, заплиссированная шелками нижняя черная юбка описывала круги вокругъ Жениныхъ ногъ—сначала широкіе, потомъ узкіе и еще болѣе узкіе,—наконецъ припадала къ ногамъ и исчезала...

Теперь хотѣлось бы глядѣть безъ конца на замкнутые круги, которые кружились бы, манили бы и опутывали бы его своими объятіями...

Кто-то выглянулъ въ окно, сказалъ:

— Господа, уже день, пора по домамъ.

Подошла м-ль Sigourd—проститься съ нимъ, и только тогда онъ усиліемъ воли отбросилъ оболочки, которыя покрывали его, и, освобожденный, всталъ съ кресла и предложилъ м-ль Sigourd проводить ее.

— И я съ вами пойду!—воскликнула Лизочка, какъ будто только и ждавшая этого момента.—Начинается день и хочется долго ходить и не думать о снѣ.

И она побѣжала одѣваться.

По дорогѣ м-ль Sigourd, не переставая, удивлялась:

— Какіе симпатичные ваши друзья! Простодушные, добрые малые!

Чтобы провѣрить, сколько въ ея отзывахъ любезности и сколько искренности, Викторъ задалъ вопросъ:

— У себя въ Нанси вы встрѣчались ли бы съ ними? Приняли ли бы вы ихъ у себя дома?

И не удивился ея отвѣту:

— Нѣтъ, ихъ бы у насъ не приняли... вы знаете, манеры эти немного шокируютъ. Они очень симпатичны — но нельзя идти противъ установившихся обычаевъ.

„Вотъ оно, чувство реальности! — подумалъ Викторъ. — Въ обоихъ случаяхъ она искренна: съ одной стороны ей, дѣйствительно, нравится наша непосредственность въ обращеніи, въ обществѣ, но, съ другой, она не пойдетъ противъ установив-

шихся традицій. И это противорѣчіе не вызоветъ конфликта въ ея душѣ. Здѣсь, въ Россіи, она съ удовольствіемъ будетъ проводить время съ нами, но тамъ, у себя, въ кругу своихъ, не приметъ насъ, еле узнаетъ насъ...

Почти съ уваженіемъ глядѣлъ онъ на нее — такъ привлекалъ его въ ней ея здравый смыслъ.

Проводивъ ее до дому, пошелъ провожать Лизочку.

Она шла объ руку съ нимъ, счастливая его близостью, говорила о любви къ нему.

Но невыносимо было ее слушать, и почти грубо онъ остановилъ ее:

— Пожалуйста, перестань!

Съ какой-то странной жестокостью посмотрѣлъ на нее, подумалъ:

„Захочу, и эта красивая дѣвушка сейчасъ же будетъ моей",— больно сжалъ ея локоть, впился губами въ ея губы и, глядя въ счастливые смѣющіеся глаза, сказалъ устало:

— Какъ это глупо!

Возвращался Викторъ домой по свѣтлому, пустынному городу.

Открылъ квартиру своимъ ключомъ и вошелъ въ нее, теперь уснувшую, тихую. Въ столовой пахло табакомъ, ѣдой и было душно, грязно. На диванѣ спалъ Тильмановичъ.

Прислушиваясь, онъ постоялъ у двери отъ комнаты Вѣры, и показалось, что слышитъ онъ ея мѣрное дыханіе и будто вздохъ сквозь сонъ.

„Спитъ. Не нужно ее тревожить".

Долго еще онъ не засыпалъ, ворочаясь съ боку на бокъ и перебирая подробности прошедшаго дня и вечера. И съ ужасомъ думалъ, что изъ всѣхъ обязательствъ, которыми онъ жаждалъ опутать себя, осуществилось только одно — это взглядъ, которымъ онъ обмѣнялся съ Маріанной...

XVI.

Проснувшись въ 11 часовъ, Викторъ пошелъ въ столовую и засталъ тамъ Тильмановича еще спящимъ. Онъ лежалъ, свернувшись комочкомъ, зарывшись лицомъ въ подушку.

А на головѣ, почти закрывая всю ее, лежала еще одна подушка поменьше.

„Ну, такимъ образомъ онъ проспитъ долго"—подумалъ Викторъ и усмѣхнулся, вспомнивъ, какъ вчера вечеромъ пришелъ

Тильмановичъ, и, стоя въ передней, сказалъ, низко наклонившись и снимая какимъ-то страннымъ, увертливымъ движеніемъ галоши, которыя онъ носилъ даже въ сухую погоду:

— Я къ вамъ на минутку по ничтожному поводу.

Присѣвъ къ столу, Викторъ позвонилъ Александру и, когда она вошла, сказалъ:

— Дайте мнѣ чаю. Вѣра Павловна еще не вставала?

— Какъ можно, онѣ давно уже уѣхали, еще въ пятомъ часу, когда вы ушли. И велѣли вамъ передать письмо. Вотъ оно.

Все это Александра проговорила притворно-равнодушнымъ тономъ, съ любопытствомъ слѣдя, какъ приметъ онъ это извѣстіе.

А онъ, какъ сидѣлъ на стулѣ, постукивая по столу пальцами, такъ и остался сидѣть. Только рука спустилась на столъ и спокойно легла. Такъ же спокойно было въ головѣ и на сердцѣ, только небольшой холодокъ объялъ его, плотно сжались губы и лицо покрылось блѣдной холодной маской, которая стянула губы и оставила открытыми глаза—большіе, прозрачные.

И не поторопился онъ знать подробности, такъ какъ стоялъ уже у пропасти, которую перешагнуть нельзя, отъ которой и убѣжать нельзя, и не торопился также читать письмо. Медленнымъ, протяжнымъ движеніемъ взялъ его изъ рукъ Александры и сказалъ ей, поднявъ лицо, на которомъ ни одинъ мускулъ не дрогнулъ:

— Вы можете идти.

И когда за ней закрылась дверь, мелькомъ взглянулъ на Тильмановича. Убѣдился, что тотъ крѣпко спитъ — и тогда, не покидая своего мѣста, вскрылъ письмо и сталъ читать:

„Я не могу уѣхать, оставивъ тебя такъ, въ догадкахъ, и, можетъ быть, въ надеждѣ. Надежды не должно быть, и чтобъ не было возврата больше къ тому, что было между нами,—я вѣнчаюсь сегодня же съ Коломейцевымъ. Не знаю, смогу ли я тебѣ дать почувствовать хоть часть того, что я вынесла теперь, и дать понять тебѣ, почему я такъ поступила,—но не для этого пишу... Люблю тебя безумно, и отъ этого безумія бѣгу—спасаю себя. Спасись и ты теперь, потому что вдвоемъ мы погибли бы... Много разъ за послѣднее время я была близка къ смерти... Этого не разскажешь. Ждала отъ тебя расцвѣта жизни, но приняла бы и смерть... Готова была на мертвую жизнь, что хуже смерти... Но отрезвлялась и билась тогда въ мукахъ. Думала о нашихъ отношеніяхъ, день и ночь думала... Мало-женственная, какъ видно, я погасила въ тебѣ мужскую любовь. Мнѣ этого не понять, почему оно все-таки такъ вышло. Но не вини себя ни въ чемъ.

Долго ждала любви, и такъ случилось... Иного выхода, кромѣ смерти, не видѣла... Но, какъ видно, во мнѣ много силы, если я спаслась, потому что теперь я уже крѣпче. Наряду съ любовью къ тебѣ нарождаются новыя силы, которыя зовутъ къ жизни.

„Еще крѣпка я и многое съумѣю вынести; нужно только устранить изъ жизни любовь. Боюсь любви больше смерти, больше лжи, позора и безчестья. Всю жизнь она водила меня, плѣняя собой, чаруя, а когда далась—то обманула. Теперь я ее обману; безъ нея свяжу себя съ чужимъ, безъ нея буду имѣть дѣтей... Такъ нужно—такъ нужно, чтобы бѣжать отъ ея обмановъ, отъ ея мукъ. Разрывается сердце, думая о тебѣ. Какъ переступлю я порогъ твоего дома, Викторъ? И какъ вынесу я свое будущее? Но человѣкъ долженъ быть крѣпокъ и молотомъ ковать свою жизнь. Прощай.“

Многое было новымъ въ ея письмѣ, и являлась она ему въ новомъ свѣтѣ, но не хотѣлось думать о ней — такъ медленно шевелились въ головѣ тяжелыя мысли. Длинной чередой проходили онѣ въ сознаніи и, не задерживаясь въ памяти, тяжело опадали куда-то и исчезали.

„Любила ли? Какъ могла явиться мысль о бракѣ съ такимъ ничтожествомъ?“

„Что буду я сегодня дѣлать?“

Но мысли исчезали и не возвращались больше. Какъ пролетѣвшая стая птицъ, какъ запоздавшія и отставшія птицы, копошились еще отдѣльныя мысли, но и онѣ исчезли, и тогда въ головѣ стало пусто, небывало пусто.

Такъ сидѣлъ онъ внѣ времени, внѣ ощущеній.

— Послушайте, Стойницкій, а собираете ли вы книги для библіотеки?—спросилъ его вдругъ Тильмановичъ.

Онъ только что проснулся и, увидя Виктора, задалъ этотъ вопросъ, который еще вчера былъ у него на языкѣ.

Викторъ посмотрѣлъ на часы—было часъ дня—и медленно, протяжно, тихо, будто боялся нарушить чей-то покой, отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, не собираю.

И такъ же медленно, безъ лишнихъ движеній рукъ, поднялся онъ и, методично ступая ногами, вышелъ изъ комнаты.

Не измѣняя своимъ привычкамъ, провелъ Викторъ этотъ день. Пошелъ въ больницу, но плохо понималъ, когда къ нему обращались, и медленно, съ трудомъ двигая челюстями, отвѣчалъ. Звуки внѣшніе не скоро доходили до его сознанія; проходилъ длинный,

необычный промежутокъ времени, покамѣсть онъ соображалъ, какъ и что нужно сказать.

Пугаясь своего одиночества, пошелъ послѣ больницы къ Степану. Тамъ знали уже подробности происшедшаго, такъ какъ Александра прибѣгала къ Варварѣ, ихъ прислугѣ, и разсказала объ отъѣздѣ Вѣры.

Лизочка, которая успѣла уже побывать у Виктора, но не застала дома, встрѣтила его безъ обычныхъ восклицаній и даже опустивъ глаза—такъ неприличенъ случаю былъ блескъ ихъ.

— Ты знаешь, что Вѣра уѣхала?—спросилъ Викторъ.

— Знаю.

— И о чемъ же ты думаешь? — спросилъ онъ опять, привлекая ее къ себѣ жесткимъ движеніемъ и стараясь заглянуть въ ея прикрытые рѣсницами глаза.

Не смѣя выдать своей радости, она притворно-грустно отвѣтила:

— Я всегда думала, что Вѣра черезъ-чуръ горда.—И, не выдержавъ, не въ силахъ скрыть своей радости, обхватила его шею руками и прошептала:

— Теперь я одна у тебя осталась!

Онъ освободился отъ ея объятій, оттолкнувъ ее, и такимъ же жесткимъ, тихимъ голосомъ спросилъ:

— Степанъ дома?

— Онъ ушелъ къ тебѣ только-что.

Боясь разсердить его неосторожнымъ словомъ, не касаясь его, она говорила:

— Степанъ хочетъ предложить тебѣ снять вмѣстѣ дачу — здѣсь по близости... Мама зоветъ меня къ себѣ, но я отъ тебя никуда не поѣду... Согласись, Викторъ... — И противъ воли въ ея голосѣ прорывалась мольба.—Ты отдохнешь, посмотри, какъ ты глядишь, лицо у тебя какъ у мертвеца... Викторъ...

— Почему же мнѣ не согласиться, почему же ты такъ долго просишь меня? Конечно, я согласенъ. Отыщи дачу, устрой все, и я пріѣду къ вамъ. Помочь же тебѣ, моя крошка, я сейчасъ не могу.

Ласково погладилъ онъ ея пушистые волосы, взялъ голову ея въ руки и поцѣловалъ въ лобъ.

— Только не приходи ко мнѣ, покамѣсть; мнѣ все-таки легче одному. Прощай.

Медленной, размѣренной походкой прошелъ онъ длинный корридоръ, а она за нимъ: „Будто гробъ впереди несутъ", по-

думала она и, закрывъ за нимъ двери, схватилась за сердце и, вся склонившись, шептала:

„Господи, тяжело, тяжело!“

И крупныя слезы обиды катились изъ глазъ, потому что горько и оскорбительно было любить одной, всё одной...

XVII.

Послѣдующіе дни проходили такъ же томительно-медленно. Собственно это были не дни и не ночи, а длинныя, пустыя мгновенія, не наполненныя никакимъ содержаніемъ, безъ мыслей о прошломъ, о будущемъ, о настоящемъ. Сначала Викторъ дѣлалъ попытки не измѣнять своего образа жизни, попрежнему ходить въ больницу, принимать у себя, во-время обѣдать и завтракать. Такъ длилось еще два дня. Но было невыносимо трудно насиловать себя. Тогда онъ разсчиталъ Александру, пересталъ почти выходить. Питался чаемъ и кофе, которые часто грѣлъ на спиртовкѣ, и еще какой-то ѣдой, оставшейся на кухнѣ.

На третій день, поздно ночью, когда онъ спалъ, кто-то долго звонилъ. Наконецъ онъ услыхалъ и, подойдя къ двери, еще не одѣтый, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Это я, Лизочка—робко шептала она.

— Зачѣмъ ты пришла?

— Отвори!

Одѣвшись, онъ впустилъ ее и, не зажигая лампы—въ комнатѣ было свѣтло,—смотрѣлъ на нее.

— Почему ты пришла?

— Я пришла тебѣ сказать, что дачу мы сняли и завтра съѣзжаемъ... Пришла сказать тебѣ адресъ... вотъ онъ — подала она ему бумажку. — Боже мой, — шептала она, — всѣ эти дни мучаюсь, рвусь къ тебѣ... хотѣла тебя видѣть. Завтра уѣзжаю, все приготовлю, буду ждать... Не могла уѣхать, не увидѣвъ тебя... А вдругъ ты не пріѣдешь? Викторъ, пожалѣй меня!

Прильнула къ нему, мягкая, теплая, вся его, его вещь, его рабыня...

И захотѣлось вдругъ больно сжать ее въ рукахъ, согрѣться ея тепломъ, ея жизнью. Схвативъ ее вдругъ на руки, онъ жадно поцѣловалъ ее... Держа за косу, закинулъ голову ея назадъ и смотрѣлъ мрачно въ глаза.

— Уходи,—шепталъ онъ,—лучше уходи.

— Не уйду,—звенѣлъ ея голосъ—не уйду.

Но руки его опустились, какъ плети, безсильныя, безвольныя. Она обнимала его, горячо цѣловала.

— Почему ты весь похолодѣлъ? Посмотри, какъ похолодѣли твои руки, твое лицо.

И ея руки тоже безсильно опустились:

— Я теперь такъ быстро устаю...

— Бѣдная моя дѣвочка!

— Пріѣдешь ли ты ко мнѣ, Викторъ?

— Пріѣду.

— Когда? Назначь день; завтра я уѣзжаю.

— Ну, въ воскресенье. Пойдемъ, Лизочка, ужъ поздно. Я пойду съ тобой.

XVIII.

Послѣ этого вечера Викторъ жилъ еще три дня. Жилъ ли? Такъ же тянулись мгновенія, длинныя, томительныя, и пропадали, и такъ же тянулись и опадали мысли тяжелыя, мрачныя. Но съ каждымъ мгновеніемъ съуживался кругъ жизни, темнѣло сознаніе и тяжелѣли мысли. Два дня не выходилъ совсѣмъ изъ дома, и на звонки не открывалъ дверей. Когда кто-нибудь приходилъ и долго звонилъ, стучался въ дверь и ждалъ, онъ прислушивался: что̀ приносили съ собой эти люди, гонцы жизни, которая хотѣла ворваться къ нему?

Погружаясь все больше въ мракъ и холодъ, онъ не назначалъ дня смерти и не думалъ о родѣ ея. Не торопился со смертью, потому что торопятся люди живые и тѣ, которые связаны съ жизнью, страшатся смерти, бѣгутъ отъ нея. И не писалъ прощальныхъ писемъ, такъ какъ оторванъ былъ ото всего живого и, чувствуя себя омертвѣвшимъ, не зналъ уже, позабылъ всѣ слова. Не заканчивалъ дѣлъ своихъ и оставлялъ въ безпорядкѣ бумаги и денежныя дѣла, и такъ, не торопясь, проводилъ эти дни, потому что неизбѣжное — онъ зналъ — придетъ въ свое время и, какъ зрѣлый плодъ, падетъ безъ принужденія.

Въ эту ночь, седьмую по счету послѣ отъѣзда Вѣры (такъ показывалъ календарь въ кабинетѣ), ему совсѣмъ не спалось. Сильный холодъ охватилъ его, и хотя была теплая свѣтлая ночь и окна были раскрыты, нельзя было лежать — такъ холодѣли руки и ноги, и сонъ бѣжалъ.

Одѣвъ зимнее пальто, которое, неубранное, еще висѣло въ

передней на вѣшалкѣ, онъ рѣшилъ согрѣть окоченѣвшія ноги и вышелъ на улицу.

Бѣлая, свѣтлая ночь, уснувшій городъ, а онъ одинъ, какъ властелинъ своего замка, гуляетъ по улицамъ его... Стройно возвышаются дома, чистые и свободные, безъ людей вокругъ, съ темными окнами, изъ которыхъ не глядятъ людскіе глаза, съ закрытыми наглухо дверями...

Широкія, длинныя-длинныя улицы, бѣлыя, какъ мраморныя набережныя въ видѣніяхъ. Прекрасныя церкви поднимаютъ свои куполы. Оторвавшись отъ основаній своихъ—отъ людей, взвиваются вверхъ къ небесамъ... Сады, прекрасные въ своемъ безлюдьи...

Все величаво, громадныхъ размѣровъ, прекрасно въ своей бѣлизнѣ и чистотѣ...

Но вотъ выступаетъ витрина фотографическихъ карточекъ. Онъ останавливается и вглядывается въ нихъ. Странно выступаютъ люди изъ рамокъ. Улыбаются въ красивыхъ платьяхъ и позахъ, будто живые, будто день теперь, а не ночь...

На помертвѣвшій городъ глядятъ изображенія людей...

Изъ-за угла выходитъ человѣкъ, бродитъ безъ цѣли, останавливается у витринъ, подозрительно смотритъ на Виктора... Викторъ присаживается на скамью въ скверѣ.

Все такъ же холодно, коченѣютъ руки и ноги.

Розовѣетъ небо, городъ теряетъ блѣдный видъ, оживляется розовымъ блескомъ. Но сгущается тьма вокругъ Виктора.

И чѣмъ выше поднимается солнце, тѣмъ темнѣе вокругъ.

„Лизочка ждетъ меня"—думаетъ онъ.

Но страшно глядѣть въ глаза любви; они горятъ сильнѣе солнца и твердятъ о жизни...

Начинается день, яркій и солнечный. Застегнувъ пальто на всѣ пуговицы, засунувъ руки въ карманы, Викторъ идетъ все дальше и дальше, выходитъ изъ города въ поле, на путь желѣзной дороги и ждетъ, когда пройдетъ поѣздъ...

Солнце высоко поднялось. Слышатся шорохи, шелесты жизни, переливающіеся во всемъ; но ему хорошо и покойно во тьмѣ приближающейся смерти...

Недолго ждать поѣзда, вотъ показался онъ.

Викторъ стоитъ у поворота колеи—тамъ труднѣе затормозить и остановить поѣздъ.

Длинной и стройной лентой бѣжитъ поѣздъ весело и свиститъ пронзительно, приближаясь къ городу.

Все такъ же ярко горитъ солнце, но прекрасна тьма, поглощающая мысль и жизнь...

Прижавъ плотно къ себѣ руки, весь съёжившись, сжатымъ, притихшимъ комкомъ лежитъ Викторъ на полотнѣ и ждетъ...

Ждетъ и Лизочка.

Утро такъ радостно сегодня и на душѣ такъ легко. Въ бѣломъ платьѣ съ синей каймою, съ синей шелковой лентой въ золотыхъ волосахъ, въ которыхъ играютъ лучи солнца, она сегодня весела опять, такъ какъ знаетъ, твердо знаетъ, что Викторъ пріѣдетъ.

У себя на дачѣ ходитъ по аллеѣ и прислушивается къ свисту поѣздовъ, приходящихъ изъ города.

Останавливается у куста съ желтыми пышными розами и, наклонившись, росой ихъ охлаждаетъ лицо.

Не слышно шума шаговъ и тихо въ саду, но чудится, что онъ вошелъ, безшумно ступая ботинками безъ каблуковъ, и стоитъ за ея спиной...

Замираетъ сердце и стынетъ въ груди. Такъ томительно ждать и обманываться! Но она оглядывается назадъ и, будто вправду онъ уже здѣсь, улыбается ему кротко и нѣжно...

Р. Шенталь.

ТѢСНЫЯ ВРАТА

André Gide, «La porte étroite». Roman.

„Подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата".
Еванг. отъ Луки, XIII, 24.

I.

Другіе могли бы написать объ этомъ цѣлую книгу; я же положилъ всю свою душу на переживаніе того, что я здѣсь разсказываю, и силы мои истощились. Поэтому я просто изложу мои воспоминанія, и если даже они мѣстами окажутся отрывочными, я не стану прибѣгать къ выдумкѣ, чтобы ихъ объединить; усиліе, необходимое для обработки ихъ, испортило бы наслажденіе, которое я надѣюсь испытать, разсказывая о минувшемъ.

Мнѣ еще не было двѣнадцати лѣтъ, когда умеръ мой отецъ. Мать моя не имѣла основаній оставаться въ Гаврѣ, гдѣ отецъ былъ докторомъ; она рѣшила переѣхать въ Парижъ, считая, что мнѣ будетъ полезнѣе кончать ученіе тамъ. Она наняла маленькую квартирку около Люксамбурга, и туда переѣхала на житье къ намъ также миссъ Флора Ашбуртонъ. У нея не было своей семьи; она была сначала гувернанткой моей матери, потомъ ея компаньонкой, и вскорѣ сдѣлалась ея другомъ. Я жилъ въ обществѣ этихъ двухъ женщинъ, одинаково кроткихъ и грустныхъ, и помню ихъ всегда въ траурѣ. Однажды, кажется уже долго послѣ смерти отца, мать моя замѣнила лиловымъ бантомъ черную ленту своего утренняго чепчика:

— О, мама! — воскликнулъ я — какъ тебѣ не идетъ этотъ цвѣтъ!

На слѣдующее утро она опять надѣла черную ленту.

Здоровье у меня было слабое. Если заботы моей матери и миссъ Ашбуртонъ, всячески старавшихся оградить меня отъ утомленія, не сдѣлали меня лѣнивымъ, то лишь потому, что я дѣйствительно былъ прилеженъ отъ природы. Съ первыхъ же теплыхъ дней обѣ женщины рѣшали, что мнѣ вредно оставаться въ городѣ, что я становлюсь блѣднымъ; около половины іюня мы отправлялись всегда въ Фонгезмаръ, въ окрестностяхъ Гавра, гдѣ проводили всегда лѣто у дяди моего Буколена.

Домъ Буколеновъ, бѣлый, двухэтажный, стоитъ въ не особенно большомъ саду, ничѣмъ не отличающемся отъ множества другихъ нормандскихъ садовъ; онъ похожъ на обыкновенные деревенскіе дома предпослѣдняго вѣка. Около двадцати большихъ оконъ открываются въ садъ, на востокъ; столько же оконъ въ другомъ фасадѣ; по бокамъ оконъ нѣтъ. Окна—изъ мелкихъ стеколъ; нѣсколько новыхъ стеколъ выдѣляются своей бѣлизной среди старыхъ, которыя кажутся рядомъ съ ними зелеными и тусклыми. Нѣсколько стеколъ испорчены, съ пузырьками, и если смотрѣть въ нихъ, деревья кажутся кривыми; когда почтальонъ проходитъ мимо нихъ, онъ вдругъ становится горбатымъ.

Садъ, совершенно прямолинейный, окруженъ стѣнами. Онъ образуетъ передъ домомъ большой тѣнистый лугъ, вокругъ котораго идетъ дорожка, усыпанная пескомъ и гравіемъ. Съ этой стороны стѣна опускается, открывая видъ на дворъ фермы, замыкающей садъ и огороженной въ глубинѣ аллеей вязовъ.

За домомъ, съ западной стороны, садъ гораздо шире. Аллея, окаймленная цвѣтами, съ шпалерами съ южной стороны, ограждена отъ морскихъ вѣтровъ густой завѣсой португальскихъ лавровъ. Другая аллея, вдоль сѣверной стѣны, скрыта подъ вѣтвями. Мои кузины называютъ ее „черной аллеей“ и не рѣшаются ходить туда вечеромъ. Эти двѣ аллеи ведутъ въ фруктовый садъ, расположенный ниже и соединенный съ верхнимъ садомъ нѣсколькими спускающимися внизъ ступеньками. Съ другой стороны стѣны, прорѣзанной въ глубинѣ фруктоваго сада маленькой потайной дверью, находится рощица. Съ крыльца западной стороны открывается видъ на поля вдали. На горизонтѣ видна неподалеку церковь маленькой деревни, а вечеромъ, при ясной погодѣ виденъ дымъ, поднимающійся изъ нѣсколькихъ домиковъ.

Въ тихіе лѣтніе вечера мы спускались послѣ обѣда въ

„нижній садъ“. Мы выходили черезъ маленькую потайную дверь и направлялись къ скамейкѣ въ аллеѣ, откуда видны были окрестности; тамъ, подлѣ заброшеннаго домика съ соломенной крышей, усаживались дядя, моя мать и миссъ Ашбуртонъ; маленькая равнина передъ нашими взорами покрывалась легкой дымкой и небо было золотое надъ далекимъ лѣсомъ. Потомъ мы еще долго сидѣли въ глубинѣ темнаго сада. Когда мы возвращались домой, мы заставали въ залѣ тетю, которая почти никогда не выходила изъ дому. Вечеръ на этомъ кончался; но мы, дѣти, еще часто читали у себя въ комнатахъ, когда старшіе поднимались наверхъ спать.

Почти всѣ часы дня, когда мы не были въ саду, мы проводили въ „классной“, въ которую превращенъ былъ кабинетъ дяди; тамъ стояли наши школьные столики со скамейками. Мой кузенъ Роберъ и я работали за однимъ столомъ, а позади насъ сидѣли, тоже рядомъ, Жюльета и Алиса. Алиса—на два года старше меня, Жюльета—на два года моложе. Роберъ—самый младшій изъ насъ четырехъ.

Я не собираюсь писать воспоминанія дѣтства. Я описываю только то, что имѣетъ отношеніе къ моему разсказу, начинающемуся съ года смерти моего отца. Быть можетъ, моя чувствительность, обостренная нашей потерей и если не моимъ собственнымъ горемъ, то, по крайней мѣрѣ, видомъ горя моей матери, особенно располагала меня къ новымъ ощущеніямъ и переживаніямъ. Я преждевременно созрѣлъ; когда въ тотъ годъ мы пріѣхали въ Фонгезмаръ, Жюльета и Роберъ показались мнѣ совсѣмъ дѣтьми, но, увидавъ Алису, я вдругъ понялъ, что мы съ нею сдѣлались взрослыми.

Да, это былъ именно годъ смерти моего отца; вѣрность моей памяти подтверждаетъ разговоръ моей матери съ миссъ Ашбуртонъ вскорѣ послѣ нашего пріѣзда. Я нечаянно вошелъ въ комнату, гдѣ моя мать говорила со своей подругой. Рѣчь шла о тетѣ. Мать моя возмущалась тѣмъ, что тетя не носитъ траура или уже перестала его носить. Правду сказать, я также не могу представить себѣ тетю Буколенъ въ черномъ, какъ мать мою—въ свѣтломъ. Въ день нашего пріѣзда, насколько я помню, Люсиль Буколенъ была въ кисейномъ платьѣ. Миссъ Ашбуртонъ, со своимъ обычнымъ миролюбіемъ, старалась успокоить мою мать и робко приводила всякаго рода доводы:

— Въ концѣ концовъ, бѣлый цвѣтъ тоже трауръ, — говорила она.

— И по вашему красная шаль, которую она надѣла на

плечи, тоже трауръ? Вы меня возмущаете, Флора!—воскликнула моя мать.

Я видалъ тетю только въ лѣтнія каникулы: она носила всегда — вѣроятно изъ-за жары — легкіе корсажи съ большими вырѣзами; эти вырѣзы возмущали мою мать еще больше, чѣмъ яркіе шарфы.

Люсиль Буколенъ была очень красива. Сохранившійся у меня портретъ изображаетъ ее именно такой, какой она тогда была— столь молодой, что ее можно было принять за старшую сестру ея дочерей. На портретѣ она сидитъ въ своей излюбленной позѣ, склонивъ голову на лѣвую руку, граціозно прижимая мизинецъ къ губамъ. Широкая сѣтка сдерживаетъ ея вьющіеся тяжелые волосы, наполовину спустившіеся на затылокъ; въ вырѣзѣ корсажа виситъ на широкой черной бархатной лентѣ медальонъ изъ итальянской мозаики. Черный бархатный поясъ съ развѣвающимся бантомъ, повѣшенная на спинку кресла соломенная шляпа съ широкими полями—все это придаетъ еще болѣе дѣтское выраженіе ея лицу. Спускающаяся правая рука держитъ закрытую книгу.

Люсиль Буколенъ была креолка; она совершенно не знала своихъ родителей или слишкомъ рано лишилась ихъ. Мать моя разсказала мнѣ потомъ, что брошенную родителями или осиротѣвшую Люсиль взяли къ себѣ пасторъ Вотье и его жена, не имѣвшіе еще тогда дѣтей. Вскорѣ послѣ того, уѣзжая съ Мартиники, они увезли дѣвочку съ собой въ Гавръ, гдѣ жили Буколены. Семьи Вотье и Буколенъ часто видались; дядя служилъ тогда въ одномъ банкѣ за границей и только три года спустя, вернувшись къ своимъ, увидѣлъ маленькую Люсиль. Онъ влюбился въ нее и тотчасъ же попросилъ ея руки, къ большому горю своихъ родителей и моей матери. Люсиль было тогда шестнадцать лѣтъ. Тѣмъ временемъ у Вотье родилось двое дѣтей; жена пастора стала опасаться вліянія на нихъ пріемной сестры, характеръ которой становился съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе страннымъ; кромѣ того, средства семьи были очень скудныя. Все это мнѣ объяснила моя мать, чтобы я понялъ, почему Вотье сразу приняли предложеніе ея брата. Я думаю, что Люсиль становилась имъ страшно въ тягость. Я хорошо знаю общество Гавра, и могу себѣ представить, какъ оно отнеслось къ столь очаровательной дѣвушкѣ. Пасторъ Вотье, такой добрый, осторожный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивный, совершенно безоружный передъ всякимъ зломъ, былъ вѣроятно въ полномъ ужасѣ. Про его жену я ничего не могу сказать. Она

умерла отъ родовъ при появленіи на свѣтъ четвертаго ребенка, который, будучи приблизительно однихъ лѣтъ со мной, сдѣлался потомъ моимъ другомъ...

Люсиль Буколенъ принимала мало участія въ нашей жизни; она выходила изъ своей комнаты только послѣ нашего завтрака, въ двѣнадцать часовъ, и сейчасъ же ложилась на кушетку или укладывалась въ гамакъ и такъ лежала до самаго вечера; тогда она поднималась, томная и слабая. Иногда она подносила ко лбу, совершенно впрочемъ сухому, платочекъ и терла его. Я восторгался тонкостью ея платочка и запахомъ духовъ, напоминавшимъ скорѣе плоды, нежели цвѣты. Иногда она вынимала изъ-за пояса миніатюрное зеркальце съ серебряной крышкой, висѣвшее вмѣстѣ съ другими мелкими предметами на цѣпочкѣ отъ часовъ. Она смотрѣлась въ зеркало, касалась пальцемъ губъ и, увлажнивъ палецъ слюной, подносила его къ углу глазъ. Часто у нея въ рукахъ была книга, всегда закрытая; между листами виднѣлась черепаховая закладка. Когда къ ней кто-нибудь подходилъ, она не поднимала погруженныхъ въ мечты глазъ. Часто изъ ея утомленной или лѣнивой руки, со спинки кушетки или изъ складокъ юбки падалъ на полъ платочекъ, или книга, или какой-нибудь цвѣтокъ, или закладка. Однажды, поднимая книгу—передаю воспоминаніе дѣтства—я увидѣлъ, что это были стихи, и покраснѣлъ.

Вечеромъ, послѣ обѣда, Люсиль Буколенъ не подходила къ общему столу, а садилась къ роялю и играла медленныя шопеновскія мазурки; иногда, разбивая тактъ, она застывала на аккордѣ...

Я испытывалъ странную тревогу въ присутствіи тети, странное чувство восхищенія и вмѣстѣ съ тѣмъ страха. Можетъ-быть, я инстинктивно остерегался ея; кромѣ того я чувствовалъ, что она презирала Флору Ашбуртонъ и мою мать, чувствовалъ, что миссъ Ашбуртонъ ее боялась, что моя мать ее не любила.

Люсиль Буколенъ, я хотѣлъ бы не гнѣваться на васъ, я хотѣлъ бы забыть на минуту, что вы причинили мнѣ столько зла!.. Я по крайней мѣрѣ постараюсь говорить о васъ безъ гнѣва.

Однажды въ то лѣто—или, можетъ-быть, въ слѣдующее, такъ какъ при однообразіи обстановки мои воспоминанія, наслоенныя одно надъ другимъ, сливаются—я вошелъ въ залу за какой-то книгой; тетя лежала на кушеткѣ. Я хотѣлъ сейчасъ же уйти, но она, обыкновенно не замѣчавшая меня, вдругъ меня подозвала.

— Куда ты спѣшишь, Жеромъ? Развѣ ты меня боишься?

Я подошелъ къ ней съ бьющимся сердцемъ, но, сдѣлавъ

надъ собой усиліе, улыбнулся и протянулъ ей руку. Она задержала мою руку въ своей, а другой рукой погладила меня по щекѣ.

— Какъ твоя мать плохо тебя одѣваетъ, бѣдный мальчикъ...

Я носилъ въ то время морскую куртку съ большимъ воротникомъ. Тетя стала мять воротникъ.

— Матросскіе воротники носятъ гораздо болѣе открытыми,— сказала она и отвернула воротникъ такъ, что одна пуговица рубашки отскочила.

— Посмотри, развѣ не лучше такъ?

Вынувъ свое маленькое зеркальце и приблизивъ мое лицо къ своему, она обняла одной рукой мою голую шею и стала меня щекотать... Я такъ быстро отскочилъ, что моя куртка лопнула, лицо у меня все вспыхнуло.

— Вотъ глупый! — воскликнула она, когда я быстро убѣжалъ въ садъ. Добѣжавъ до маленькой цистерны въ фруктовомъ саду, я намочилъ платокъ и сталъ мыть и сильно тереть лобъ, щеки, шею, все, до чего дотрагивалась эта женщина.

Иногда у Люсиль Буколенъ начинался „припадокъ". Случался онъ неожиданно и переворачивалъ весь домъ. Миссъ Ашбуртонъ уводила дѣтей и старалась ихъ чѣмъ-нибудь занять. Все же невозможно было скрыть отъ нихъ страшные крики, которые раздавались изъ спальни или изъ залы.

Дядя приходилъ въ ужасъ; онъ бѣгалъ по комнатамъ за полотенцами, одеколономъ, эѳиромъ; вечеромъ, за столомъ, когда тетя еще не появлялась, у него было встревоженное, постарѣвшее лицо.

Когда припадокъ болѣе или менѣе проходилъ, Люсиль Буколенъ призывала къ себѣ дѣтей, т.-е. Робера и Жюльету; Алису она никогда не звала. Въ эти печальные дни Алиса запиралась у себя въ комнатѣ, куда къ ней приходилъ отецъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ нею.

Тетины припадки производили тяжелое впечатлѣніе на прислугу. Разъ вечеромъ, когда припадокъ былъ особенно сильный и мнѣ велѣно было сидѣть съ матерью въ ея комнатѣ, куда не доходили крики изъ залы, мы услышали, какъ кухарка бѣжала по коридору, крича:

— Баринъ, скорѣе идите внизъ! Бѣдная барыня умираетъ!

Дядя былъ въ комнатѣ Алисы и моя мать вышла къ нему навстрѣчу. Четверь часа спустя, когда они оба проходили передъ открытыми окнами, не обративъ вниманія на то, что я могу слышать ихъ разговоръ, мать моя сказала довольно громко:

— Знаешь ли что, милый мой: все это комедія.—И она нѣсколько разъ повторила, отчеканивая каждое слово:—*комедія.*

Это происходило въ концѣ каникулъ, спустя два года послѣ нашего траура. Я послѣ того долго не видѣлъ тетю. Но прежде чѣмъ говорить о грустномъ событіи, которое потрясло нашу семью, и о маленькомъ обстоятельствѣ, которое превратило въ опредѣленную ненависть сложное чувство, которое я испытывалъ къ Люсиль Буколенъ, я долженъ наконецъ сказать кое-что о моей кузинѣ.

Что Алиса Буколенъ красива, въ этомъ я еще тогда не отдавалъ себѣ отчета; меня привязывали къ ней другія чары. Она была очень похожа на свою мать, но выраженіе ея взгляда было настолько другое, что я замѣтилъ ихъ сходство лишь позже. Я не умѣю описывать лица; черты отъ меня ускользаютъ, какъ и цвѣтъ глазъ; я помню только почти грустное выраженіе ея улыбки и линію бровей, высоко поднятыхъ надъ глазами. Такихъ бровей я никогда не видалъ... впрочемъ, нѣтъ, — видалъ одинъ разъ на одной флорентинской статуэткѣ временъ Данте. Я думаю, что Беатриче имѣла въ дѣтствѣ брови такой же дугой, какъ брови Алисы. Онѣ придавали взгляду, всему существу, выраженіе тревожно и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчиво вопрошающее—страстно вопрошающее. Все въ ней было вопросомъ и ожиданіемъ... Я вамъ разскажу, какъ это вопрошающее отношеніе къ жизни овладѣло мною, сдѣлалось моей жизнью.

Жюльета могла казаться болѣе красивой, чѣмъ Алиса; она сіяла радостью и здоровьемъ; но красота ея рядомъ съ граціей сестры казалась внѣшнею, доступной сразу всѣмъ. Что касается моего кузена Робера, то въ немъ не было ничего характернаго. Онъ былъ просто мальчикъ моихъ лѣтъ; я игралъ съ нимъ, какъ съ Жюльетой. Съ Алисой я разговаривалъ; она не вмѣшивалась въ наши игры. Какъ далеко я ни заглядываю въ прошлое, я вижу ее серьезной, кротко улыбающейся, задумчивой. О чемъ мы говорили? О чемъ могутъ говорить дѣти? Я постараюсь вамъ это сказать, но раньше, чтобы затѣмъ уже о ней не говорить, я разскажу то, что имѣетъ отношеніе къ тетѣ.

Два года спустя послѣ смерти моего отца мы съ матерью пріѣхали въ Гавръ на пасхальныя каникулы. Мы не жили у Буколеновъ, городская квартира которыхъ была слишкомъ тѣсна. Мы поселились у старшей сестры моей матери; у нея былъ болѣе помѣстительный домъ. Тетя Плантье, которую я до тѣхъ поръ рѣдко видѣлъ, уже давно овдовѣла; я былъ мало знакомъ съ ея дѣтьми; они были гораздо старше меня и совершенно другого характера,

чѣмъ я. „Домъ Плантье", какъ говорили въ Гаврѣ, расположенъ былъ не въ самомъ городѣ, а на серединѣ холма, поднимающагося надъ городомъ. Буколены жили въ торговомъ кварталѣ; небольшой бугорокъ соединялъ оба дома, и я по нѣскольку разъ въ день бѣгалъ по немъ вверхъ и внизъ.

Въ тотъ день я завтракалъ у дяди. Вскорѣ послѣ завтрака дядя ушелъ изъ дому; я проводилъ его до конторы, потомъ пошелъ къ тетѣ Плантье за моей матерью. Оказалось, что она ушла вмѣстѣ съ тетей, сказавъ, что вернется только къ обѣду. Я тотчасъ же опять спустился въ городъ, радуясь рѣдкому случаю свободно погулять въ одиночествѣ. Я пошелъ къ порту, очень мрачному вслѣдствіе морского тумана; потомъ бродилъ часа два по набережной. Вдругъ мнѣ захотѣлось явиться сюрпризомъ къ Алисѣ, хотя я ее только что видѣлъ за завтракомъ... Я бѣгомъ промчался черезъ городъ, позвонилъ къ Буколенамъ и хотѣлъ быстро взбѣжать по лѣстницѣ; но дѣвушка, отворившая мнѣ дверь, остановила меня:

— Не ходите на верхъ, не ходите на верхъ!—сказала она.— У барыни припадокъ.

Я не обратилъ вниманія на ея предостереженіе: вѣдь я шелъ не къ тетѣ. Комната Алисы была въ третьемъ этажѣ. Въ первомъ были зала и столовая; во второмъ—комната тети, откуда доносились голоса. Дверь, мимо которой я долженъ былъ пройти, была открыта. Изъ комнаты шелъ лучъ свѣта, перерѣзавшій площадку лѣстницы; изъ боязни, что меня увидятъ, я на минутку остановился, притаился и вотъ что увидѣлъ — къ величайшему моему изумленію: по серединѣ комнаты, со спущенными занавѣсями, но ярко освѣщенной двумя канделябрами, тетя лежала на кушеткѣ; у ногъ ея сидѣли Роберъ и Жюльета, а позади нея стоялъ незнакомый молодой человѣкъ въ офицерскомъ мундирѣ. Присутствіе этихъ двухъ дѣтей кажется мнѣ теперь чудовищнымъ; но при тогдашней моей невинности это обстоятельство меня скорѣе успокоило. Дѣти со смѣхомъ смотрѣли на незнакомца, который повторялъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Буколенъ! Буколенъ!.. Будь у меня баранъ, я бы его непремѣнно назвалъ Буколеномъ.

Тетя сама тоже громко хохотала. Она протянула молодому человѣку папироску, которую тотъ зажегъ. Она стала курить, но вскорѣ уронила папиросу на полъ. Офицеръ бросился поднимать ее, сдѣлалъ видъ, что запутался въ тетиномъ шарфѣ, сталъ на колѣни передъ тетей... Воспользовавшись этой комедіей, я, незамѣченный, пробѣжалъ мимо двери.

Вотъ я передъ дверью Алисы. Я жду съ минуту. Смѣхъ и громкіе возгласы доносятся съ нижняго этажа, и это, можетъ-быть, они заглушаютъ мой стукъ. Я не слышу отвѣта и, тихонько толкнувъ дверь, вхожу.

Въ комнатѣ такъ темно, что я не сразу различаю Алису; она стоитъ на колѣняхъ у изголовья кровати, спиной къ окну, откуда входитъ умирающій свѣтъ. Она оборачивается при моемъ приближеніи, не поднимаясь съ колѣнъ, и говоритъ шопотомъ:

— О, Жеромъ, зачѣмъ ты вернулся?

Я нагибаюсь, чтобы поцѣловать ее; лицо ея омочено слезами...

Это мгновенье стало рѣшающимъ въ моей жизни. Я и теперь не могу вспомнить о немъ безъ волненія. Тогда, конечно, я неясно понималъ причину отчаянія Алисы, но я чувствовалъ всей душой, что горе ея слишкомъ сильно для ея маленькой трепещущей души, для хрупкаго тѣла, сотрясаемаго рыданіями.

Я стоялъ около нея, а она все не поднималась съ колѣнъ. Я не зналъ, какъ выразить новое чувство, охватившее мое сердце, и только прижималъ ея голову къ моему сердцу, и губы мои, прижимаясь къ ея лбу, изливали всю полноту моей души. Опьяненный любовью, жалостью, смутнымъ сплетеніемъ восторга, отреченія, добрыхъ чувствъ, я взывалъ къ Богу всѣми своими силами, отдавая всего себя, не видя въ эту минуту передъ собой другой цѣли, кромѣ защиты этого ребенка отъ страха, отъ зла, отъ жизни... Я наконецъ тоже опускаюсь на колѣни, съ душой, полной молитвеннаго настроенія; я прижимаю Алису къ себѣ и смутно слышу ея голосъ:

— Жеромъ, они вѣдь тебя не видѣли? Да? Уходи скорѣе. Они не должны знать, что ты видѣлъ...

Потомъ она прибавила еще тише:

— Жеромъ, не разсказывай никому. Бѣдный папа не знаетъ...

Я ничего не разсказалъ матери; но ея постоянныя шушуканія съ тетей Плантье, таинственный, озабоченный и печальный видъ обѣихъ женщинъ, постоянное: „пойди къ себѣ, дитя мое!“, съ которымъ онѣ меня отсылали, когда я подходилъ къ матери во время ихъ совѣщаній — все это показывало мнѣ, что онѣ знаютъ кое-что о тайнахъ семьи Буколеновъ.

Едва только мы вернулись въ Парижъ, мою мать телеграммой вызвали въ Гавръ: тетя убѣжала изъ дому.

— Съ кѣмъ-нибудь?—спросилъ я миссъ Ашбуртонъ, на попеченіе которой меня оставила мать.

— Спроси маму. Я ничего не могу сказать тебѣ,—отвѣтила преданная старая женщина, потрясенная случившимся.

Два дня спустя мы съ ней поѣхали вслѣдъ за моей матерью. Была суббота. Мнѣ предстояло увидѣть моихъ кузинъ на слѣдующій день въ церкви. Только это и занимало мои мысли. Мой дѣтскій умъ придавалъ огромное значеніе освященію нашего свиданія. До тети мнѣ не было никакого дѣла, и я считалъ долгомъ чести не разспрашивать мать.

Въ маленькой часовнѣ было мало народа въ то утро. Пасторъ Вотье намѣренно, вѣроятно, выбралъ текстомъ своей проповѣди слова Христа: „Подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата".

Алиса сидѣла передо мной и я видѣлъ ея лицо въ профиль; я такъ пристально глядѣлъ на нее, забывая о самомъ себѣ, что слышалъ точно черезъ нее слова, которымъ жадно внималъ. Дядя сидѣлъ рядомъ съ моей матерью и плакалъ.

Пасторъ сначала прочелъ цѣликомъ все мѣсто изъ Евангелія:

„Подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата; ибо, сказываю вамъ, многіе поищутъ войти и не возмогутъ".

Потомъ, разъясняя текстъ, онъ сталъ говорить сначала о торныхъ путяхъ. Совершенно оглушенный, точно во снѣ, я увидѣлъ передъ глазами комнату тети, увидѣлъ тетю на кушеткѣ, смѣющуюся, и возлѣ нея блестящаго смѣющагося офицера. И самое представленіе о смѣхѣ, о радости становилось вдругъ оскорбительнымъ, гнуснымъ, грѣховнымъ.

— „Многіе поищутъ войти", — снова заговорилъ пасторъ Вотье. Потомъ онъ сталъ картинно изображать представлявшійся ему образъ, и я увидѣлъ передъ собой нарядную толпу, беззаботно мчавшуюся куда-то со смѣхомъ, составляя шествіе, въ которомъ мнѣ не хотѣлось участвовать, потому что каждый шагъ, который бы я сдѣлалъ вмѣстѣ съ ними, удалялъ бы меня отъ Алисы. Пасторъ вернулся къ началу текста, и я увидѣлъ передъ собой тѣсныя врата, въ которыя слѣдовало подвизаться войти. Я представлялъ себѣ ихъ, погружаясь въ какой-то сонъ, тѣснымъ входомъ; я проникалъ туда съ усиліемъ, съ необычайной болью, къ которой однако примѣшивалось предвкушеніе небеснаго блаженства. И эти врата становились дверью комнаты Алисы; чтобы войти въ нихъ, я уничтожалъ въ себѣ всякій слѣдъ эгоизма... „И не возмогутъ"—продолжалъ пасторъ Вотье: и за всѣмъ самоотреченіемъ, за всей печалью я представлялъ себѣ, предвкушая ее, радость, чистую, мистическую, ангельскую—и душа моя жаждала ея. Я представлялъ себѣ эту радость какъ пѣсню, сыгранную на скрипкѣ, тонкую и нѣжную, какъ пламя, которое бы испепелило сердце Алисы и мое. Вотъ мы оба идемъ въ тѣхъ

бѣлыхъ одеждахъ, о которыхъ говоритъ Апокалипсисъ, держась за руку и стремясь къ одной цѣли. Пусть эти дѣтскія мечты вызываютъ улыбку; я передаю ихъ, ничего не мѣняя. Если въ нихъ есть что-то смутное, то это относится лишь къ словамъ, несовершенно передающимъ очень опредѣленное чувство...

— „Не возмогутъ", — повторилъ пасторъ Вотье и сталъ объяснять, какъ войти сквозь тѣсныя врата.

Я буду изъ числа тѣхъ, которые „возмогутъ"...

Къ концу проповѣди я былъ въ такомъ состояніи нравственнаго напряженія, что какъ только кончилась служба, убѣжалъ, не стараясь повидать кузину — изъ гордости, желая сразу осуществить свое рѣшеніе (а я уже принялъ это рѣшеніе) и надѣясь лучше заслужить ея расположеніе, тотчасъ же удалясь отъ нея.

II.

Суровое ученіе нашло во мнѣ подготовленную душу, отъ природы расположенную къ выполненію суроваго долга. Примѣръ моего отца и матери, вмѣстѣ съ пуританской дисциплиной, которой они подчинили первые порывы моего сердца, окончательно укрѣпилъ меня въ томъ, что называется нравственностью и добродѣтелью. Для меня такъ же естественно подавлять свои желанія, какъ для другихъ выполнять ихъ. Строгость, къ которой меня пріучали, не только не возмущала меня, но, напротивъ того, радовала. Я ждалъ отъ будущаго не столько счастья, сколько необходимости стремиться къ нему цѣною большихъ усилій, и я смѣшивалъ счастье съ добродѣтелью. Конечно, въ четырнадцать лѣтъ я еще не обладалъ сильной волей и поддавался всякому вліянію; но вскорѣ моя любовь къ Алисѣ укрѣпила мою волю въ этомъ смыслѣ. Точно какое-то внутреннее откровеніе освѣтило мнѣ самого себя. Я казался себѣ неразвитымъ, слишкомъ полнымъ ожиданій, безъ мыслей о другихъ, мало предпріимчивымъ и мечтающимъ только о побѣдахъ надъ собой. Я любилъ занятія; изъ игръ мнѣ нравились только тѣ, которыя требовали усилій и сосредоточенности. Я не очень любилъ общество своихъ сверстниковъ и только изъ любезности принималъ участіе въ ихъ развлеченіяхъ. Но я все-таки свелъ дружбу съ Авелемъ Вотье, который въ слѣдующемъ году поступилъ, въ Парижѣ, въ одинъ классъ со мной. Онъ былъ милый, безпечный мальчикъ, я чувствовалъ къ нему больше любви, чѣмъ

уваженія; но съ нимъ я могъ говорить о Гаврѣ, о Фонгезмарѣ, куда постоянно переносились мои мысли.

Что касается моего кузена Робера Буколена, котораго помѣстили пансіонеромъ въ тотъ же лицей, въ которомъ учились и мы, но двумя классами ниже, то съ нимъ я встрѣчался только по воскресеньямъ. Не будь онъ братомъ моихъ кузинъ, на которыхъ онъ впрочемъ мало походилъ, я бы не видался съ нимъ вовсе. Я былъ всецѣло поглощенъ моей любовью, и только она придавала нѣкоторое значеніе дружбѣ съ этими двумя товарищами. Алиса казалась мнѣ той драгоцѣнной жемчужиной, о которой говоритъ Евангеліе: я же былъ тѣмъ, который все продаетъ, чтобы пріобрѣсти эту жемчужину. Хотя я и былъ еще ребенкомъ, но я имѣлъ право говорить о любви и называть любовью чувство, которое я испытывалъ. Изъ того, что я зналъ впослѣдствіи, ничто не кажется мнѣ болѣе достойнымъ этого названія. Къ тому же, когда я достигъ возраста, когда возникаютъ опредѣленныя желанія плоти, характеръ моего чувства мало измѣнился. Я не мечталъ о томъ, чтобы обладать тою, о которой въ дѣтствѣ я мечталъ, желая только быть достойнымъ ея. Трудъ, старанія, благочестивые поступки—все это я мистически приносилъ въ даръ Алисѣ, видя утонченность подвига въ томя, чтобы она даже не знала, что я дѣлаю все только для нея. Я опьянялся страстной скромностью и пріучился—увы, совершенно не считаясь со своими вкусами—удовлетворяться лишь тѣмъ, что мнѣ стоило нѣкотораго усилія.

Это соревнованіе, возбуждало ли оно только меня одного? Кажется, что Алиса не замѣчала его и ничего не дѣлала ради меня или для меня, который только для нея и старался. Все въ ея простой душѣ становилось естественной красотою. Ея добродѣтель была такая легкая и граціозная, что казалась скорѣе удовлетвореніемъ ея желаній. Серьезность ея взгляда становилась еще болѣе очаровательной, освѣщенная дѣтской улыбкой; я какъ теперь вижу этотъ взглядъ, такой нѣжно-вопросительный, и понимаю, что дядя искалъ опоры и утѣшенія въ своемъ горѣ у своей старшей дочери. Въ слѣдующее лѣто я часто видѣлъ, какъ онъ бесѣдовалъ съ нею. Горе его очень состарило; онъ почти не разговаривалъ за столомъ или вдругъ проявлялъ напускную веселость, еще болѣе мучительную, чѣмъ молчаніе. Онъ курилъ у себя до самаго вечера; тогда къ нему приходила Алиса и уговаривала его выйти. Она уводила его, какъ ребенка, въ садъ. Они спускались вдвоемъ по аллеѣ, мимо цвѣтника, и са-

дились на лужайкѣ вблизи лѣстницы, ведущей во фруктовый садъ; мы принесли туда стулья.

Однажды вечеромъ я читалъ лежа на травѣ, въ тѣни большого вяза, отдѣленнаго отъ аллеи цвѣтника лавровой изгородью. Скрытый за нею, я вдругъ услышалъ голоса Алисы и дяди. Они вѣроятно говорили о Роберѣ. Потомъ Алиса произнесла мое имя, и когда я началъ различать ихъ слова, дядя воскликнулъ:

— Онъ-то всегда будетъ прилеженъ.

Подслушивая противъ своей воли, я сначала хотѣлъ уйти, или, по крайней мѣрѣ, обнаружить чѣмъ-нибудь свое присутствіе; но какъ? Кашлянуть? Крикнуть: я здѣсь, я васъ слышу!.. И я остался на своемъ мѣстѣ скорѣе изъ робости, нежели изъ любопытства; къ тому же они прошли мимо, и я очень неясно слышалъ ихъ разговоръ... Но они шли очень медленно. Алиса навѣрное, по привычкѣ, пришла съ корзиночкой въ рукахъ, срывала увядшіе цвѣты и подбирала у шпалеръ незрѣлые плоды, сброшенные съ вѣтвей морскимъ туманомъ.

Я услышалъ ея ясный голосъ:

— Папа, правда, что дядя Палисье былъ замѣчательный человѣкъ?

Голосъ дяди былъ глухой и затуманенный; я не разслышалъ его отвѣта. Алиса настаивала:

— Ты говоришь—очень замѣчательный?

Снова послѣдовалъ какой-то смутный отвѣтъ, затѣмъ опять раздался голосъ Алисы:

— Жеромъ вѣдь очень уменъ, не правда ли?

Какъ мнѣ было не прислушиваться, напрягая слухъ... Но я ничего не могъ различить. Она опять заговорила:

— По-твоему изъ него выйдетъ нѣчто замѣчательное?

Дядя возвысилъ голосъ:

— Я долженъ знать сначала, милая, что ты называешь замѣчательнымъ. Можно быть очень замѣчательнымъ, хотя бы люди этого не видѣли—очень замѣчательнымъ въ глазахъ Бога.

— Я объ этомъ и говорю—сказала Алиса.

— А затѣмъ... какъ знать? Онъ еще мальчикъ... Онъ, конечно, много обѣщаетъ. Но этого недостаточно для удачи въ жизни...

— А что же нужно еще?

— Какъ это я тебѣ могу сказать, дитя мое? Нужна вѣра, опора, любовь...

— Что ты называешь опорой?—перебила его Алиса.

— Привязанность и уваженіе, которыхъ мнѣ недоставало—

печально отвѣтилъ дядя; потомъ ихъ голосовъ окончательно не стало слышно.

Въ часъ вечерней молитвы у меня начались угрызенія совѣсти за то, что я невольно подслушалъ ихъ разговоръ, и я рѣшилъ покаяться кузинѣ; можетъ-быть, на этотъ разъ говорило и любопытство, желаніе услышать еще что-нибудь.

При первыхъ же словахъ, которыя я ей сказалъ въ слѣдующее утро, она стала меня упрекать:

— Очень гадко подслушивать, Жеромъ!—сказала она.—Ты долженъ былъ открыться или уйти.

— Увѣряю тебя, что я не подслушивалъ... Я слушалъ невольно... и вы только проходили мимо.

— Мы шли очень медленно.

— Да, но я васъ едва слышалъ, а потомъ ужъ совсѣмъ ничего не было слышно. Скажи, что̀ отвѣтилъ тебѣ дядя, когда ты его спросила, что̀ нужно для успѣха?

— Жеромъ,—отвѣтила она со смѣхомъ—вѣдь ты отлично слышалъ. Ты нарочно заставляешь меня повторить.

— Увѣряю тебя, что я слышалъ только начало, когда онъ говорилъ о довѣріи и любви.

— А потомъ онъ сказалъ, что нужно еще много другого.

— А ты, что̀ ты ему отвѣтила?

Лицо ея сдѣлалось вдругъ очень серьезнымъ.

— Когда онъ заговорилъ про опору въ жизни, я отвѣтила, что у тебя есть мать.

— О, Алиса! Ты знаешь, что мать будетъ у меня не всю жизнь... И это—совсѣмъ другое.

Она опустила голову.

— Онъ мнѣ отвѣтилъ то же самое.

Я взялъ ее за руку, весь дрожа.

— Все, чѣмъ я буду въ жизни, я буду для тебя.

— Но вѣдь и я, Жеромъ, можетъ-быть, покину тебя.

Вся душа моя вылилась въ мой отвѣтъ:

— Но я тебя никогда не покину.

Она слегка пожала плечами.

— Развѣ у тебя нѣтъ достаточно силъ, чтобы идти одному? Каждый изъ насъ долженъ по одиночкѣ достигать царства Божія.

— Это ты мнѣ указываешь путь.

— Зачѣмъ искать другого путеводителя, кромѣ Христа?.. Развѣ ты не думаешь, что мы ближе всего другъ къ другу, когда, забывая одинъ про другого, молимся Богу?

— Да, о томъ, чтобы онъ насъ соединилъ, — прервалъ я ее.—Вотъ о чемъ я молюсь каждое утро и каждый вечеръ.

— Развѣ ты не понимаешь, что̀ значитъ общеніе въ Богѣ?

— Понимаю всѣмъ сердцемъ: это значитъ беззавѣтно встрѣтиться въ чемъ-то, чему одинаково поклоняешься. Мнѣ кажется, что именно для общенія съ тобой я поклоняюсь тому же, какъ и ты.

— Твое поклоненіе не чистое.

— Не требуй отъ меня слишкомъ многаго. Я бы отказался отъ неба, если бы зналъ, что не встрѣчу тебя тамъ.

Она приложила палецъ къ губамъ и сказала торжественно:

— Ищите прежде всего царства Божія и его справедливости.

Я чувствую, передавая наши слова, что они могутъ показаться недостаточно дѣтскими не знающимъ, до чего иныя дѣти серьезны въ своихъ разговорахъ. Что же мнѣ дѣлать? Оправдывать ихъ? Этого я не хочу, также какъ не хочу пріукрашивать слова для того, чтобы они казались болѣе естественными. Мы раздобыли Евангеліе и вскорѣ выучили наизусть многія мѣста. Подъ предлогомъ желанія помочь брату въ его работѣ, Алиса училась вмѣстѣ со мною латинскому; но, кажется, она сдѣлала это для того, чтобы продолжать читать то же, что и я. Я дѣйствительно никогда не увлекался изученіемъ чего-нибудь, если зналъ, что она не изучаетъ того же. Если это мнѣ иногда мѣшало, то не потому, какъ можно было бы подумать, что останавливало порывы моего ума; напротивъ того, мнѣ казалось, что она во всемъ свободно идетъ впереди меня. Но умъ мой избиралъ пути согласно ея желанію, и то, что насъ тогда занимало, что мы называли мыслью, было часто только предлогомъ къ болѣе глубокому общенію, было маской чувства, одеждой любви.

Мать моя сначала, можетъ-быть, была встревожена чувствомъ, котораго она не понимала; но теперь, когда силы ея стали падать, она радостно объединяла насъ въ общемъ материнскомъ объятіи. Болѣзнь сердца, которою она страдала уже давно, все чаще и чаще мучила ее. Во время одного исключительно сильнаго припадка она подозвала меня къ себѣ.

— Бѣдный мальчикъ, ты видишь, что я очень старѣю,— сказала она мнѣ;—будетъ день, когда я вдругъ покину тебя.

Она замолчала, очень подавленная. Тогда я воскликнулъ, не имѣя силъ сдержать себя, тѣмъ болѣе, что она какъ будто ждала моего признанія:

— Мама... ты знаешь, что я хочу жениться на Алисѣ...

Мои слова были какъ бы продолженіемъ ея собственныхъ мыслей.

— Да,—сказала она,—я именно объ этомъ хотѣла говорить съ тобой, Жеромъ.

— Мама,—сказалъ я, рыдая:—ты думаешь, что она меня любитъ, не правда ли?

— Да, дитя мое.—Она нѣсколько разъ нѣжно повторила:—да, дитя мое.—Ей трудно было говорить. Она прибавила:—Все въ рукѣ Божіей.—Я склонился къ ней: она положила руку на мою голову и сказала:

— Да хранитъ васъ Господь, дѣти мои. Да хранитъ Господь васъ обоихъ.—Потомъ она впала въ забытье, изъ котораго я не старался пробудить ее.

Къ этому разговору мы болѣе не возвращались. На слѣдующій день матери было лучше; я опять пошелъ слушать лекціи и молчаніе сомкнулось надъ этимъ полупризнаніемъ. Къ тому же, что̀ бы я могъ еще узнать? Что Алиса меня любитъ, въ этомъ я не сомнѣвался; и если бы даже у меня раньше были какія-нибудь сомнѣнія, они должны были исчезнуть послѣ печальнаго событія, послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ.

Мать моя тихо скончалась однажды вечеромъ въ присутствіи миссъ Ашбуртонъ и моемъ. Послѣдній сердечный припадокъ, сразившій ее, казался сначала не болѣе сильнымъ, чѣмъ прежніе; онъ сдѣлался грознымъ только къ концу, такъ что никто изъ родственниковъ не присутствовалъ при ея кончинѣ. Первую ночь я провелъ около дорогой покойницы вмѣстѣ со старой подругой моей матери. Я глубоко любилъ мою мать и очень удивлялся, что, не смотря на мои слезы, не ощущалъ въ сердцѣ печали. Если я плакалъ, то лишь изъ жалости къ миссъ Ашбуртонъ; ей было страшно больно, что ея подруга, на много лѣтъ менѣе старая чѣмъ она, предстала раньше ея передъ Господомъ. Тайная надежда, что эта смерть приблизитъ ко мнѣ мою кузину, чрезвычайно облегчала мое горе, вытѣсняя всякія другія мысли. На слѣдующій день пришелъ дядя и передалъ мнѣ письмо своей дочери, которая пришла къ намъ только на слѣдующій день вмѣстѣ съ тетей Плантье.

.... „Жеромъ, мой другъ, мой братъ—писала она.—Я въ безконечномъ отчаяніи, что не смогла передъ ея смертью сказать ей нѣсколько словъ, которыя утѣшили бы ее. Да проститъ она мнѣ, и да будетъ Господь нашимъ единственнымъ руководителемъ отнынѣ. Прощай, мой бѣдный другъ. Съ болѣе глубокой нѣжностью, чѣмъ когда-либо—твоя Алиса“.

Что могло обозначать это письмо? Если она въ такомъ отчаяніи, что не сказала матери какихъ-то словъ, то, очевидно, слова эти должны были опредѣлить наше будущее. Я еще не осмѣливался, не будучи для этого достаточно взрослымъ, просить ея руки. Впрочемъ, зачѣмъ ея слово? Мы и теперь почти женихъ и невѣста. Наша любовь перестала быть тайной для нашихъ близкихъ; дядя такъ же, какъ прежде моя мать, не ставилъ никакихъ препятствій; напротивъ того, онъ относился ко мнѣ уже какъ къ сыну.

Пасхальныя каникулы, наступившія нѣсколько дней спустя, я провелъ въ Гаврѣ; я жилъ у тети Плантье, но завтракалъ и обѣдалъ почти всегда у Буколеновъ. Тетя моя, Фелиція Плантье, была прекрасная женщина, но ни мои кузины, ни я не чувствовали къ ней никакой близости. Она была всегда чѣмъ-то озабочена и въ хлопотахъ. Въ жестахъ ея не было никакой мягкости, голосъ былъ сухой. Она безпрестанно, часто совершенно некстати, обнимала насъ. Дядя Буколенъ очень ее любилъ, но уже по звуку голоса, когда онъ заговаривалъ съ нею, ясно было, до чего ему дороже была моя мать.

— Бѣдный мальчикъ,—начала она однажды вечеромъ,—я не знаю, какіе у тебя планы на это лѣто; я подожду, пока ты ихъ установишь, прежде чѣмъ рѣшать что-нибудь для самой себя. Если я могу быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезной...

— Я еще не думалъ о лѣтѣ,—отвѣтилъ я;—можетъ-быть, уѣду куда нибудь подальше.

Она снова заговорила:

— Ты знаешь, что у меня, какъ и въ Фонгезмарѣ, ты желанный гость. Ты очень обрадуешь дядю и Жюльету, если поѣдешь къ нимъ...

— Вы хотите сказать—Алису?

— Ахъ, да, правда, прости... Представь себѣ, я вѣдь думала, что ты любишь Жюльету, пока дядя твой не сказалъ мнѣ... съ мѣсяцъ назадъ... Ты знаешь, я васъ очень люблю, но недостаточно знаю: такъ рѣдко приходится видѣть васъ; я къ тому же не наблюдательна; да и времени у меня нѣтъ смотрѣть на то, что меня не касается. Я всегда видѣла, что ты играешь съ Жюльетой, ну вотъ и думала... Она такая хорошенькая, такая веселая.

— Да, я охотно играю съ нею; но любить—я люблю Алису...

— Отлично, отлично, это твое дѣло... Я вѣдь совершенно ея не знаю; она говоритъ меньше, чѣмъ ея сестра; но конечно, разъ ты ее выбралъ, то имѣлъ на это основанія.

— Я не выбиралъ, тетя, когда полюбилъ ее, и даже не спрашивалъ себя, на какихъ основаніяхъ я...

— Не сердись, Жеромъ; я говорю по простотѣ... Вотъ я и забыла, что̀ хотѣла тебѣ сказать... Ахъ, да: я конечно считаю, что все это кончится свадьбой, но въ виду твоего траура неприлично, чтобы обрученіе состоялось сейчасъ; къ тому же ты еще мальчикъ... Ну, такъ видишь ли, я подумала, что, можетъ-быть, неловко тебѣ теперь жить въ Фонгезмарѣ безъ матери.

— Потому-то, тетя, я и говорилъ о путешествіи.

— Но я думала, что мое присутствіе можетъ все устроить, и постаралась остаться свободной часть лѣта.

— Еслибы я попросилъ миссъ Ашбуртонъ, она бы съ удовольствіемъ пріѣхала.

— Я знаю, что она пріѣдетъ; но этого недостаточно. Я тоже поѣду. О, я, конечно, не надѣюсь замѣнить вамъ твою мать,—прибавила она вдругъ, зарыдавъ,—но я займусь хозяйствомъ. И тогда исчезнетъ всякая причина стѣсняться вамъ всѣмъ.

Тетя Фелиція ошибалась относительно пользы своего присутствія. Правду сказать, она одна только и стѣсняла насъ. Съ іюля мѣсяца, какъ она и предупреждала, она поселилась въ Фонгезмарѣ, куда вскорѣ пріѣхали я и миссъ Ашбуртонъ. Подъ предлогомъ помощи Алисѣ по хозяйству, она наполнила столь спокойный обыкновенно домъ нескончаемымъ шумомъ. Ея старанія угодить намъ и, какъ она это называла, „все облегчить", были настолько неуклюжи, что очень часто Алиса и я сидѣли въ ея присутствіи стѣсненные и точно нѣмые. Она вѣроятно находила насъ очень холодными... И еслибы мы даже не молчали, развѣ она могла бы понять нашу любовь? Характеръ Жюльеты, напротивъ того, вполнѣ подходилъ къ ея словоохотливости; и, можетъ-быть, моему хорошему отношенію къ тетѣ мѣшала досада на то, что она слишкомъ явно выказывала предпочтеніе своей младшей племянницѣ.

Однажды утромъ, послѣ прибытія почты, она призвала меня къ себѣ.

— Ахъ, Жеромъ,—сказала она,—я въ отчаяніи. Моя дочь больна и зоветъ меня; мнѣ придется васъ покинуть...

Преисполненный ненужными угрызеніями совѣсти, я отправился къ дядѣ, самъ не зная, могу ли я остаться въ Фонгезмарѣ послѣ отъѣзда тети; но съ первыхъ же словъ онъ успокоилъ меня.

— Что̀ это она придумываетъ, осложняя самыя простыя

вещи! Зачѣмъ тебѣ уѣзжать, Жеромъ? Вѣдь ты теперь почти мой сынъ.

Тетя пробыла въ Фонгезмарѣ всего двѣ недѣли. Послѣ ея отъѣзда въ домѣ всѣ успокоились, и онъ снова сталъ полонъ ясности, столь похожей на счастье. Моя утрата не омрачила нашу любовь, но внесла въ нее больше серьезности. Началась однообразная жизнь, среди которой, какъ въ отзывчивой на звуки средѣ, слышно было малѣйшее движеніе нашихъ сердецъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда тети, мы заговорили о ней однажды за обѣдомъ:

— Какая суетливость! — говорили мы. — Какъ это потокъ жизни не внесъ нѣкотораго спокойствія въ ея душу? Прекрасный образъ любви, во что превратилось здѣсь твое отраженіе?

Мы вспомнили слова Гёте, который, говоря о фрау фонъ Штейнъ, писалъ: „Какъ было бы прекрасно, еслибы міръ отражался въ этой душѣ“. Мы пытались установить какую-то іерархію, ставя выше всего созерцательныя качества. Дядя, который до тѣхъ поръ молчалъ, сталъ намъ возражать съ грустной улыбкой:

— Дѣти мои,—сказалъ онъ,—Господь узнаетъ свой образъ даже разбитымъ. Нужно остерегаться судить людей по единому моменту ихъ жизни. То, что вамъ не нравится въ моей бѣдной сестрѣ—слѣдствіе обстоятельствъ, слишкомъ хорошо мнѣ извѣстныхъ для того, чтобы я могъ столь же строго судить ее, какъ вы. Даже самыя пріятныя качества юности портятся съ годами. То, что вы называете у Фелиціи суетливостью, было въ юности очаровательной порывистостью, граціей, непосредственностью... Мы въ юности были, увѣряю васъ, почти такими же, какъ вы теперь. Я очень походилъ на тебя, Жеромъ, больше даже, чѣмъ можетъ казаться. Фелиція была похожа на Жюльету, какова она теперь... даже физически—прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери.— Я часто узнаю ее въ твоемъ голосѣ. У нея была твоя улыбка и даже вотъ этотъ жестъ, который она вскорѣ утратила: она вотъ, какъ ты иногда, ничего не дѣлая, сидѣла, выдвинувъ впередъ локти, опираясь лбомъ на скрещенные пальцы.

Миссъ Ашбуртонъ обратилась ко мнѣ и сказала почти шопотомъ:

— А твою мать напоминаетъ Алиса.

Лѣто было въ тотъ годъ великолѣпное. Все казалось пропитаннымъ лазурью. Наше напряженное чувство побѣждало зло, побѣждало смерть; тѣнь отступала передъ нами; каждое утро меня будила моя радость, я вставалъ съ зарей и бросался на-

встрѣчу дня... Когда я вспоминаю о томъ времени, я вижу его почти всегда покрытымъ росой. Жюльета, которая вставала раньше своей сестры, ложившейся спать очень поздно, спускалась вмѣстѣ со мной въ садъ. Она была вѣстницей нашей любви; я ей разсказывалъ безъ конца о своемъ чувствѣ, и она никогда не уставала слушать меня. Я ей говорилъ о томъ, о чемъ не осмѣливался говорить Алисѣ, передъ которой робѣлъ. Алиса какъ бы охотно поддавалась этой игрѣ; ее забавляло, что я такъ весело болтаю съ ея сестрой, и она не знала—или дѣлала видъ, что не знала,—что мы говоримъ только о ней.

О, нѣжное притворство чрезмѣрной любви, какимъ таинственнымъ путемъ ты привело насъ отъ смѣха къ слезамъ и отъ наивной радости къ суровому долгу!

Лѣто уходило, такое чистое, такое гладкое, что память моя почти ничего не удержала о его скользившихъ дняхъ. Единственными событіями были разговоры, чтенія...

— Я видѣла грустный сонъ,—сказала мнѣ Алиса утромъ одного изъ послѣднихъ дней моихъ каникулъ.—Я была жива, а ты умеръ. Я не видала, какъ ты умиралъ, но знала, что ты умеръ. Это было ужасно; это было до того немыслимо, что по моей мольбѣ ты оказался только отсутствующимъ. Мы были только разлучены, и я знала, что есть возможность видѣть тебя; я старалась понять, какъ это сдѣлать, и такъ напрягла свои силы, что проснулась. Я все утро была подъ впечатлѣніемъ этого сна, казалось, все еще длившагося. Мнѣ все еще казалось, что я разлучена съ тобою надолго-долго—и она прибавила очень тихо:—на всю жизнь. Мнѣ все представлялось, что всю жизнь нужно будетъ дѣлать огромныя усилія...

— Для чего?

— Мы должны будемъ дѣлать огромныя усилія, чтобы снова сойтись.

Я не придалъ—или не хотѣлъ придать серьезнаго значенія ея словамъ. Чтобы опровергнуть ее, я съ сильно бьющимся сердцемъ сказалъ ей, набравшись смѣлости:

— А мнѣ сегодня снилось, что я на тебѣ женюсь и ничто, ничто не можетъ насъ разлучить, кромѣ смерти.

— Ты думаешь, что смерть можетъ разлучить? — спросила она.

— Я хочу сказать....

— Я думаю, что, напротивъ того, она можетъ сблизить... да, сблизить тѣхъ, которые были разлучены въ жизни.

Все это такъ глубоко проникало въ насъ, что я теперь

какъ бы слышу звукъ ея голоса при этихъ словахъ; но важность этихъ словъ я понялъ лишь позже.

Лѣто убѣгало. Уже большая часть полей опустѣла и видъ простирался безотрадно далеко. Наканунѣ или за день до моего отъѣзда, я пошелъ съ Жюльетой въ рощицу нижняго сада.

— Что ты вчера декламировалъ Алисѣ?—спросила она.

— Когда?

— Когда вы сидѣли вдвоемъ на скамеечкѣ, а мы всѣ ушли впередъ?..

— А... кажется, стихи Бодлэра...

— Какіе? Ты не хочешь сказать?

„Мы скоро погрузимся въ холодную тьму..."

неохотно началъ я, но она, прерывая меня, продолжала измѣнившимся, дрожащимъ голосомъ:

„Прощай, прощай, прекрасный свѣтъ короткихъ лѣтнихъ дней..."

— Какъ, ты знаешь это стихотвореніе?—воскликнулъ я, очень изумленный.—Я думалъ, что ты не любишь стиховъ...

— Почему? Потому ли, что ты мнѣ ихъ не читаешь?—возразила она со смѣхомъ, но какъ будто слегка смущенная.—Ты какъ будто считаешь меня иногда совсѣмъ глупой.

— Можно быть умной и не любить стиховъ. Ты никогда ихъ при мнѣ не читала и меня не просила читать.

— Потому что это дѣло Алисы...—Она промолчала нѣсколько мгновеній, потомъ вдругъ спросила:

— Ты уѣзжаешь послѣ-завтра?

— Приходится ѣхать.

— Что ты будешь дѣлать эту зиму?

— Поступлю въ Нормальную Школу.

— А когда ты собираешься жениться на Алисѣ?

— Не раньше какъ послѣ отбытія воинской повинности и когда я рѣшу, чѣмъ займусь потомъ.

— А ты развѣ еще не рѣшилъ?

— Я еще не хочу рѣшать. Слишкомъ многое меня интересуетъ. Я стараюсь отдалить то время, когда придется сдѣлать выборъ и заниматься только однимъ.

— Ты и помолвку откладываешь изъ боязни принять рѣшеніе?

Я пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ. Она настаивала на своемъ:

— Чего же вы ждете? Почему не обручиться сейчасъ?

— Зачѣмъ? Развѣ намъ недостаточно знать, что мы принадлежимъ другъ другу навсегда, безъ того, чтобы объ этомъ зналъ весь свѣтъ? Если я хочу отдать всю свою жизнь ей, развѣ, по-твоему, болѣе красиво связать свою любовь обѣтами? Я этого не думаю; обѣты мнѣ кажутся оскорбленіемъ любви. Я бы желалъ считаться ея женихомъ, если бы не довѣрялъ ей.

— Мое недовѣріе относится не къ ней...

Мы шли очень медленно и подошли къ тому мѣсту, гдѣ я невольно подслушалъ разговоръ между Алисой и ея отцомъ. Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что, можетъ-быть, Алиса, которая при мнѣ вышла въ садъ, сидитъ теперь на скамейкѣ и можетъ слышать нашъ разговоръ. Возможность довести до ея слуха то, что я не рѣшался говорить ей прямо, сразу меня соблазнила; довольный своей хитростью, я возвысилъ голосъ.

— О!—воскликнулъ я, съ нѣкоторой риторичностью, свойственной моему возрасту, и слишкомъ занятый своими собственными словами, чтобы услышать все, что было невысказаннаго въ словахъ Жюльеты.—О, еслибы мы могли, наклоняясь надъ душой любимаго существа, увидѣть въ ней, какъ въ зеркалѣ, образъ, который мы въ нее вкладываемъ! Еслибы мы могли читать въ другихъ, какъ въ самихъ себѣ—лучше, чѣмъ въ самихъ себѣ! Какое успокоеніе въ нѣжности! Какая чистота въ любви!..

Я изъ юношескаго тщеславія думалъ, что волненіе Жюльеты вызвано моимъ жалкимъ краснорѣчіемъ. Она вдругъ скрыла лицо на моемъ плечѣ:

— Жеромъ! Жеромъ! Я хотѣла бы знать, что ты сдѣлаешь ее счастливой. Еслибы ей пришлось страдать изъ-за тебя, я бы, кажется, тебя возненавидѣла.

— Да и я, Жюльета!—воскликнулъ я, цѣлуя ее,—я бы возненавидѣлъ самого себя. Еслибы ты знала!.. Именно для того, чтобы лучше начать нашу совмѣстную жизнь, я не хочу сразу опредѣлить мою карьеру. Все свое будущее я посвящаю ей и не желаю ничего, чѣмъ я могъ бы стать безъ нея...

— Что она тебѣ отвѣчаетъ, когда ты ей это говоришь?

— Я никогда ей этого не говорю... никогда; именно поэтому мы и не объявляли, что мы женихъ и невѣста; мы никогда не говоримъ о томъ, что повѣнчаемся, и о томъ, что будетъ потомъ. О, Жюльета! жизнь съ нею мнѣ кажется такой прекрасной, что я не осмѣливаюсь даже говорить съ ней объ этомъ. Можешь ты это понять?

— Ты хочешь, чтобы счастье явилось для нея неожиданнымъ?

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Но я боюсь... понимаешь ли, боюсь ее испугать... Боюсь, что это огромное счастье, которое я предвижу, испугаетъ ее. Я ей разъ говорилъ о путешествіяхъ и спросилъ ее, хочется ли ей путешествовать. Она мнѣ отвѣтила, что у нея нѣтъ никакихъ желаній; ей достаточно знать, что такія страны существуютъ, что онѣ прекрасны, что другіе туда ѣдутъ...

— А тебѣ, Жеромъ, хочется путешествовать?

— Мнѣ хочется побывать повсюду. Вся жизнь кажется мнѣ длиннымъ путешествіемъ съ нею, путешествіемъ по книгамъ, по людямъ, по разнымъ странамъ... Скажи, думала ли ты когда-нибудь о томъ, что̀ значатъ слова: „сняться съ якоря"?

— Да, я часто объ этомъ думаю,—прошептала она; но я еле слушалъ ее, и эти бѣдныя слова упали на землю, какъ раненыя птички. Я продолжалъ:

— Уѣхать ночью, проснуться при блескѣ зари, почувствовать себя вдвоемъ на невѣрныхъ водахъ...

— И прибыть въ портъ, который знакомъ съ дѣтства уже по географіи... Я представляю себѣ тебя спускающимся съ парохода на берегъ подъ руку съ Алисой.

— Мы поспѣшимъ на почту,—прибавилъ я со смѣхомъ,— за письмомъ, которое намъ напишетъ Жюльета...

— Изъ Фонгезмара, гдѣ она останется, и который вамъ будетъ казаться жалкимъ, печальнымъ и совсѣмъ далекимъ...

Таковы ли были ея слова? Я этого не утверждаю въ точности, потому что, какъ я уже сказалъ, я былъ такъ полонъ своей любовью, что ничто другое не проникало въ мой слухъ.

Мы подошли къ полянѣ и уже собирались вернуться назадъ, какъ вдругъ изъ тѣни вышла Алиса. Она была такъ блѣдна, что Жюльета испугалась...

— Я дѣйствительно не совсѣмъ хорошо себя чувствую,— прошептала Алиса въ отвѣтъ на тревожный вопросъ сестры.— Слишкомъ свѣжо, и я лучше пойду домой.

И она тотчасъ же покинула насъ и быстрымъ шагомъ направилась домой.

— Она слышала все, что̀ мы говорили! — воскликнула Жюльета, когда Алиса скрылась изъ виду.

— Мы вѣдь ничего не сказали такого, что̀ могло бы ее огорчить. Напротивъ того...

— Оставь меня!—сказала Жюльета, убѣгая вслѣдъ за сестрой.

Въ эту ночь я не могъ заснуть. На слѣдующій день Алиса явилась къ обѣду, но тотчасъ же послѣ обѣда ушла, жалуясь

на мигрень. Чтò она слышала изъ нашего разговора? Я тревожно вспоминалъ каждое свое слово. Потомъ я подумалъ, что, быть-можетъ, напрасно шелъ рядомъ съ Жюльетой, обнявъ ее за талью; но такова была наша привычка съ дѣтства, и Алиса часто видѣла, какъ мы ходили обнявшись. Жалкій слѣпецъ! Я искалъ объясненія какой-то своей винѣ и ни на минуту не подумалъ, что Алиса, быть-можетъ, внимательнѣе чѣмъ я слушала слова Жюльеты, которыхъ я даже не могу въ точности припомнить. Ужасаясь мысли, что Алиса можетъ усомниться во мнѣ, увлеченный на ложный путь своей тревогой, не представляя себѣ какой-либо другой опасности, я рѣшилъ, въ противоположность тому, чтò говорилъ Жюльетѣ, а можетъ-быть и подъ вліяніемъ ея словъ, побѣдить свои сомнѣнія и на слѣдующій же день сдѣлаться женихомъ Алисы.

Это было за день до моего отъѣзда. Мнѣ показалось, что Алиса избѣгаетъ меня, и я это приписывалъ ея печали. Въ теченіе цѣлаго дня мнѣ не удалось видѣть ее наединѣ; боясь, что мнѣ придется уѣхать, не поговоривъ съ нею, я рѣшилъ зайти къ ней въ комнату передъ самымъ обѣдомъ. Она надѣвала коралловое ожерелье и, чтобы застегнуть его, подняла руки, слегка нагнувшись впередъ, спиной къ дверямъ, и глядя черезъ плечо въ зеркало, стоявшее между двумя зажженными подсвѣчниками. Она увидѣла меня сначала въ зеркалѣ и нѣсколько мгновеній продолжала смотрѣть, не оборачиваясь.

— Какъ, дверь не была заперта?—спросила она.

— Я постучался, но ты не отвѣтила. Алиса, ты знаешь, что я завтра уѣзжаю?

Она ничего не отвѣтила, но положила на каминъ ожерелье, которое не могла застегнуть. Слово „обрученье“ казалось мнѣ слишкомъ грубымъ; я чѣмъ-то его замѣнилъ. Какъ только Алиса меня поняла, она какъ будто зашаталась и прислонилась къ камину... Я самъ такъ дрожалъ, что не рѣшался посмотрѣть на нее.

Я стоялъ около нея и, не поднимая глазъ, взялъ ее за руку. Она не высвободила руки, а, слегка наклонивъ лицо и приподнимая мою руку, коснулась ея губами и прошептала, прижавшись ко мнѣ:

— Нѣтъ, Жеромъ, нѣтъ; не нужно обрученія, прошу тебя!

Сердце мое такъ сильно билось, что, казалось мнѣ, она должна была слышать его удары; она продолжала нѣжнѣе:

— Подождемъ еще...

— Почему?—спросилъ я.

— Мнѣ слѣдуетъ спросить тебя: почему? Зачѣмъ что-либо мѣнять?

Я не рѣшался говорить ей о моемъ разговорѣ съ Жюльетой, но она, вѣроятно, поняла, что я о немъ думаю, и сказала, точно отвѣчая на мою мысль:

— Ты ошибаешься, другъ мой. Мнѣ не нужно такъ много счастья. Развѣ мы не достаточно счастливы теперь?

Она тщетно пыталась улыбнуться.

— Нѣтъ, не достаточно. Вотъ, я долженъ тебя покинуть.

— Послушай, Жеромъ, я не могу ничего сказать тебѣ сегодня... Не будемъ портить послѣднихъ мгновеній... Нѣтъ, нѣтъ! Я люблю тебя не меньше прежняго, успокойся. Я тебѣ напишу, объясню... Обѣщаю написать тебѣ завтра же... какъ только ты уѣдешь. А теперь уходи. Вотъ видишь, я плачу... Оставь меня!

Она меня мягко отстранила — и это было нашимъ прощаніемъ.

Въ тотъ вечеръ я не могъ сказать ей ни слова, а на слѣдующій день, когда я уѣзжалъ, она заперлась въ своей комнатѣ. Она изъ окна кивнула мнѣ на прощанье, глядя на мою отъѣзжающую коляску.

III.

Мнѣ почти не удавалось видаться съ Авелемъ Вотье; онъ поступилъ на военную службу, не дожидаясь призыва, а я готовился къ экзамену. Я былъ на два года моложе Авеля и отложилъ военную службу до окончанія Нормальной Школы, въ которую мы оба должны были поступить въ этомъ году.

Мы очень обрадовались другъ другу при свиданіи. Кончивъ службу, онъ путешествовалъ нѣсколько недѣль. Я опасался, что онъ измѣнился за время нашей разлуки; оказалось, что онъ сдѣлался только нѣсколько увѣреннѣе, не утративъ своего прежняго обаянія. За день до начала занятій мы пошли вмѣстѣ въ Люксамбургъ; я не могъ скрыть своихъ чувствъ и пространно разсказалъ ему о своей любви, про которую онъ давно уже зналъ. За этотъ годъ онъ пріобрѣлъ опытъ въ вопросѣ о женщинахъ и говорилъ о нихъ съ нѣсколько фатовскимъ чувствомъ превосходства, совершенно, впрочемъ, меня не оскорбившимъ. Онъ слегка вышучивалъ меня за то, что я не добился послѣдняго слова, высказывая какъ аксіому, что никогда не слѣдуетъ предоставлять

женщинѣ возможность отказаться. Я ничего не возражалъ, но подумалъ, что его превосходные доводы не годятся ни для нея, ни для меня, и что онъ просто не понимаетъ насъ.

Черезъ день послѣ моего пріѣзда я получилъ слѣдующее письмо:

„Дорогой Жеромъ,

Я много думала о томъ, чтò ты мнѣ предложилъ (то, чтò я предложилъ! такъ назвать наше обрученіе!); я боюсь, что я слишкомъ для тебя стара. Теперь ты этого еще не замѣчаешь, потому что видѣлъ мало другихъ женщинъ; но я думаю о томъ, какъ много мнѣ придется страдать впослѣдствіи, послѣ того какъ я отдамся тебѣ, если я увижу, что перестала тебѣ нравиться. Ты навѣрное будешь очень возмущенъ, читая это. Я слышу, какъ ты протестуешь; но я вѣдь вовсе не сомнѣваюсь въ твоей любви: я просто прошу тебя подождать, пока ты сдѣлаешься старше. Пойми, что я говорю только о тебѣ. Я-то сама никогда не перестану тебя любить. — Алиса“.

Перестать любить! Развѣ объ этомъ могла быть рѣчь? Я былъ болѣе изумленъ, чѣмъ опечаленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ письмо Алисы такъ меня взволновало, что я побѣжалъ показать его Авелю.

— Чтò же ты собираешься сдѣлать?—спросилъ Авель, прочитавъ письмо и покачавъ головой, сжимая губы.

Я поднялъ руки въ недоумѣніи.

— Надѣюсь, что ты по крайней мѣрѣ не отвѣтишь ей. Когда начинаешь спорить съ женщиной—все потеряно. Послушай: переночевавъ въ Гаврѣ въ субботу, мы можемъ быть въ Фонгезмарѣ въ воскресенье утромъ и вернуться къ началу занятій въ понедѣльникъ. Я не видалъ твоихъ родныхъ со времени военной службы; это—достаточный и прекрасный предлогъ для меня. А если Алиса пойметъ, что это—только предлогъ, тѣмъ лучше. Я займусь Жюльетой въ то время какъ ты будешь говорить съ ея сестрой. Постарайся не быть ребенкомъ... Правду сказать, въ твоей исторіи есть что-то для меня непонятное. Ты, вѣрно, не все мнѣ разсказалъ... Ну, все равно. Я самъ выясню... Главное—не пиши о нашемъ пріѣздѣ; нужно, чтобы онъ былъ неожиданнымъ для твоей кузины и чтобы у нея не было времени вооружиться.

Сердце у меня билось очень сильно, когда, толкнувъ калитку, мы вошли въ садъ. Жюльета выбѣжала намъ на встрѣчу. Алиса, занятая по хозяйству, не торопилась спуститься. Мы разговаривали съ дядей и миссъ Ашбуртонъ, когда она, наконецъ, яви-

лась. Если нашъ внезапный пріѣздъ и смутилъ ее, то она этого не обнаружила. Я подумалъ о томъ, что̀ мнѣ сказалъ Авель, и рѣшилъ, что именно для того, чтобы вооружиться противъ меня, она такъ долго не появлялась. Чрезмѣрное оживленіе Жюльеты дѣлало еще болѣе холодной сдержанность Алисы. Я чувствовалъ, что она порицаетъ меня за мой пріѣздъ. Во всякомъ случаѣ, она старалась принять недовольный видъ, за которымъ я тщетно искалъ скрытаго, болѣе глубокаго чувства. Сидя довольно далеко отъ насъ, въ углу у окна, она казалась погруженной въ свою работу; она считала съ большимъ напряженіемъ стежки своей вышивки, тихо шевеля губами. Авель говорилъ все время—къ счастью для меня; я не могъ произнести ни слова, и безъ его разсказовъ о военной службѣ и о путешествіяхъ первыя минуты свиданія были бы очень тяжелыя. Даже дядя казался очень озабоченнымъ.

Тотчасъ же послѣ завтрака Жюльета отвела меня въ сторону и увлекла въ садъ.

— Представь себѣ, что кто-то проситъ моей руки! — воскликнула она, какъ только мы остались одни.—Тетя Фелиція написала папѣ о предложеніи одного винодѣла изъ Нима; она говоритъ, что онъ очень подходящій для меня мужъ и что онъ влюбился въ меня, встрѣчаясь со мной въ обществѣ этой весной.

— А ты этого господина тоже замѣтила?—спросилъ я съ невольнымъ враждебнымъ чувствомъ къ претенденту на руку Жюльеты.

— Да, я, кажется, знаю, который это. Какой-то Донъ-Кихотъ, довольно добродушный и необразованный, очень уродливый, очень вульгарный, очень смѣшной; тетя не могла безъ смѣха смотрѣть на него.

— А онъ имѣетъ шансы?—насмѣшливо спросилъ я.

— Да что ты, Жеромъ, смѣешься, что ли? Винодѣлъ!.. Еслибы ты его видѣлъ, ты бы мнѣ этого вопроса не предлагалъ.

— А... что отвѣтилъ дядя?

— То же, что̀ отвѣтила бы я: что я еще слишкомъ молода, чтобы выходить замужъ... Къ несчастью,—прибавила она со смѣхомъ,—тетя моя предвидѣла это возраженіе; она пишетъ въ постскриптумѣ, что Эдуардъ Тесьеръ—такъ его зовутъ—согласенъ ждать, что онъ просто хочетъ только „занять мѣсто“. Ужасно это глупо! Но я тутъ ни при чемъ. Не могу же я сказать ему черезъ тетю, что онъ слишкомъ безобразенъ.

— Но ты можешь сказать, что не выйдешь замужъ за винодѣла.

Она пожала плечами.

— Такіе доводы на тетю не дѣйствуютъ... Оставимъ это. Алиса тебѣ писала?

Она говорила съ необыкновенной быстротой и была видимо сильно возбуждена. Я протянулъ ей письмо Алисы, которое она прочла, сильно покраснѣвъ. Въ голосѣ ея слышенъ былъ гнѣвъ, когда она спросила меня:

— Такъ что же ты намѣренъ дѣлать?

— Не знаю,—отвѣтилъ я.—Теперь, когда я пріѣхалъ, мнѣ кажется, что гораздо легче было бы написать; я уже раскаяваюсь, что пріѣхалъ. Ты знаешь, что она хотѣла сказать въ этомъ письмѣ?

— Я понимаю, что она хотѣла предоставить тебѣ свободу.

— На что она мнѣ, эта свобода? А ты понимаешь, зачѣмъ она мнѣ это написала?

Жюльета отвѣтила: „нѣтъ!" такъ сухо, что, даже не подозрѣвая истины, я въ эту минуту все-таки рѣшилъ, что Жюльета кое-что знаетъ. Потомъ она вдругъ остановилась и сказала:

— А теперь оставь меня. Ты пріѣхалъ не для того, чтобы со мной разговаривать. Мы достаточно наговорились.

Она быстро побѣжала домой, и черезъ минуту я услышалъ ея игру на рояли.

Когда я вернулся въ залу, она разговаривала съ Авелемъ, не переставая играть, но играя небрежно и какъ будто импровизируя. Я ихъ оставилъ вдвоемъ и пошелъ въ садъ за Алисой.

Она была въ глубинѣ фруктоваго сада и срывала у подножья низкой стѣны первыя хризантемы, которыя примѣшивали свой ароматъ къ запаху опавшихъ легкихъ листьевъ. Воздухъ былъ пропитанъ осенью. Солнце лишь наполовину согрѣвало шпалеры, но небо было чистое, совершенно восточное. Лицо ея было почти совсѣмъ скрыто въ большомъ зеландскомъ чепчикѣ, который ей привезъ Авель и который она сейчасъ же надѣла... Она не обернулась при моемъ приближеніи, но легкая дрожь, которую она не могла скрыть, показала мнѣ, что она узнала мои шаги. Я собрался съ силами, чтобы устоять противъ ея упрековъ и ея строгаго взгляда. Но когда я приблизился къ ней, боязливо замедляя шаги, она, опуская голову, какъ капризный ребенокъ, протянула мнѣ почти сзади руку, полную цвѣтовъ, какъ бы подзывая меня. И когда я остановился, не понявъ ея движенія, она, наконецъ обернувшись, сдѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ, поднимая лицо, озаренное улыбкой. При свѣтѣ ея взгляда

все мнѣ показалось простымъ и легкимъ, и я заговорилъ непринужденнымъ, обычнымъ, неизмѣнившимся голосомъ:

— Я вернулся изъ-за твоего письма.

— Я такъ и думала,—сказала она и продолжала, смягчая звукомъ голоса свой упрекъ:—Это-то меня и сердитъ. Почему ты обидѣлся на то, что̀ я сказала? Все это совершенно просто...

Мнѣ въ эту минуту моя печаль показалась дѣйствительно воображаемой; она сразу исчезла изъ моихъ мыслей.

— Мы были счастливы, — продолжала она, — я тебѣ это всегда говорила. Что̀ же удивительнаго въ томъ, что я отвѣтила отказомъ, когда ты предложилъ перемѣнить наши отношенія?

Я дѣйствительно чувствовалъ себя счастливымъ около нея, столь абсолютно счастливымъ, что мнѣ не хотѣлось думать о чемъ-либо иначе, чѣмъ она. Я уже не желалъ ничего, кромѣ ея улыбки, кромѣ того, чтобы идти рядомъ съ ней по тихой дорожкѣ, окаймленной цвѣтами, рука объ руку.

— Если ты желаешь,—сказалъ я серьезно, отказываясь сразу отъ всякой другой надежды и отдаваясь вполнѣ счастью данной минуты,—если ты желаешь, никакого обрученія не нужно. Когда я получилъ твое письмо, я почувствовалъ одновременно и то, что я дѣйствительно счастливъ, и то, что это счастье прекратится. О, верни мнѣ это счастье, я не могу обойтись безъ него! Я достаточно люблю тебя, чтобы ждать тебя всю жизнь; но я не могу перенести мысль, что ты когда-нибудь перестанешь меня любить или усомнишься въ моей любви.

— Увы, Жеромъ, я не могу въ ней сомнѣваться.

Голосъ ея, когда она это говорила, былъ спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ грустный; но улыбка, освѣщавшая ея лицо, была такой ясно прекрасной, что я устыдился моихъ опасеній. Мнѣ показалось, что только въ нихъ причина грусти, которую я чувствовалъ въ ея голосѣ... Я сразу, безъ малѣйшаго перехода, сталъ говорить о моихъ планахъ, о моихъ занятіяхъ, о новомъ образѣ жизни, отъ котораго я ожидалъ много пользы. Нормальная Школа не была тогда тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась впослѣдствіи. Довольно строгая дисциплина тяготила только лѣнивыхъ или строптивыхъ; она скорѣе помогала волѣ, направленной къ труду. Мнѣ было пріятно, что полумонашескій образъ жизни охранялъ меня отъ свѣта, который къ тому же меня мало привлекалъ; я даже готовъ былъ возненавидѣть его, чувствуя, что Алиса могла опасаться моихъ свѣтскихъ отношеній. Миссъ Ашбуртонъ продолжала жить въ Парижѣ, въ той квартирѣ, которую занимала прежде вмѣстѣ съ моей матерью. Не зная ни-

кого кромѣ нея въ Парижѣ, мы съ Авелемъ проводили по воскресеньямъ по нѣскольку часовъ у нея; каждое воскресенье я писалъ также Алисѣ, разсказывая ей все о моей жизни...

Мы сидѣли теперь на раскрытыхъ рамахъ парниковъ, изъ которыхъ высовывались толстые огуречные стволы. Алиса слушала меня, разспрашивала обо всемъ. Никогда еще я не видѣлъ въ ней столько внимательной ласки, столько заботливаго участія. Страхъ, забота, даже самое легкое волненіе испарялось при видѣ ея улыбки, впитывалось въ очаровательную близость, какъ пары впитываются въ лазурь неба.

Потомъ на скамейкѣ, въ рощѣ, гдѣ къ намъ присоединились Жюльета и Авель, мы читали до сумерекъ „Торжество времени" Свинберна, при чемъ каждый изъ насъ читалъ по очереди одну строфу. Спустился вечеръ.

— Успокойся!—сказала Алиса, цѣлуя меня на прощанье, полушутливо, но всетаки съ видомъ старшей сестры; ей приходилось говорить такимъ тономъ въ виду моего безразсуднаго поведенія.—Постарайся отнынѣ не предаваться чрезмѣрному романтизму...

— Ну что, ты женихъ?—спросилъ меня Авель, когда мы очутились наединѣ.

— Объ этомъ больше и рѣчи нѣтъ, милый мой,—отвѣтилъ я и прибавилъ тотчасъ же тономъ, не допускающимъ дальнѣйшихъ вопросовъ.—И такъ гораздо лучше. Я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня.

— Я тоже!—воскликнулъ онъ и вдругъ бросился мнѣ на шею.—Я долженъ сказать тебѣ нѣчто удивительное. Жеромъ, я безумно влюбленъ въ Жюльету! Я уже въ прошломъ году влюбился въ нее, но съ тѣхъ поръ я много жилъ и не хотѣлъ тебѣ ничего говорить, прежде чѣмъ повидаться съ кузинами. Теперь кончено; вся моя жизнь принадлежитъ ей.

„Я люблю... не люблю, обожаю Жюльету!"

Я уже давно чувствую, что питаю къ тебѣ родственную привязанность, какъ къ будущему шурину.

На обратномъ пути въ Парижъ онъ все время обнималъ меня и шалилъ какъ ребенокъ.

Я былъ потрясенъ его признаніемъ и смущенъ къ тому же той примѣсью литературности, которую я чувствовалъ въ немъ; но какъ было противостоять такой бурной веселости и радости?..

— Ну что же, ты ей признался?—успѣлъ я спросить его между двумя взрывами его смѣха.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ: — я не хочу пропустить самую пріятную главу повѣсти!

„Лучшая минута любви—
„Не та, когда скажешь: люблю"...

Надѣюсь, ужъ ты-то не станешь меня этимъ попрекать, ты, любящій медленность.

— Но развѣ ты увѣренъ — сказалъ я съ нѣкоторой досадой—въ томъ, что она съ своей стороны...

— Развѣ ты не замѣтилъ, какъ она смутилась, увидавъ меня, и какъ она волновалась все время, пока мы тамъ были? Ты не замѣтилъ ея словообилія... нѣтъ, ты навѣрное ничего не замѣтилъ. Ты былъ слишкомъ занятъ Алисой... И какъ она меня разспрашивала, какъ впивалась въ каждое мое слово! Она очень развилась за послѣдній годъ. Не знаю, откуда ты взялъ, что она не любитъ читать. Ты постоянно думаешь, что кромѣ Алисы никого нѣтъ на свѣтѣ... ты представить себѣ не можешь, какъ много она знаетъ. Знаешь, чѣмъ мы занимались передъ обѣдомъ? Вспоминали одну изъ Canzone Данте; каждый изъ насъ говорилъ по очереди одинъ стихъ, и она меня каждый разъ поправляла, когда я ошибался. Помнишь:

„Amor che nella mente mi ragiona".

Ты не говорилъ мнѣ, что она училась итальянскому языку.

— Я и самъ этого не зналъ,—съ удивленіемъ сказалъ я.

— Да что ты! Когда мы начали читать Canzone, она мнѣ сказала, что знаетъ ее благодаря тебѣ.

— Она вѣроятно слышала, какъ я читалъ ее Алисѣ, въ то время какъ она шила или вышивала около насъ, какъ она это часто дѣлала; но она никогда не показывала, что понимаетъ.

— Удивительные вы эгоисты, ты и Алиса! Вы такъ заняты своей любовью, что даже не обратили вниманія на изумительное пробужденіе такого рѣдкаго ума, такой рѣдкой души. Не хвастая, могу сказать, что мнѣ пора было пріѣхать... Нѣтъ, нѣтъ, я на тебя не сержусь!—прибавилъ онъ, снова цѣлуя меня.— Но только обѣщай не говорить ни слова Алисѣ. Я одинъ со всѣмъ справлюсь. Жюльета влюблена въ меня—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; я могу, поэтому, спокойно оставить ее, ничего не говоря до слѣдующихъ каникулъ. Я даже не буду ей писать. Но на Новый годъ мы съ тобой поѣдемъ въ Гавръ и тогда...

— Что тогда?..

— Тогда Алиса узнаетъ, что мы—женихъ и невѣста. Я рѣ-

шилъ идти прямо къ цѣли. И знаешь ли, къ чему это приведетъ? Я добьюсь, благодаря нашему примѣру, согласія Алисы, котораго ты не можешь добиться самъ. Мы убѣдимъ ее, что наша свадьба не можетъ состояться раньше вашей...

Онъ продолжалъ говорить и несмолкаемый потокъ его словъ не остановился даже когда мы пріѣхали въ Парижъ. Хотя мы шли пѣшкомъ съ вокзала въ Школу и хотя уже было поздно, все же Авель проводилъ меня въ мою комнату, гдѣ мы проговорили до утра.

Авель, увлеченный своей любовью, строилъ планы нашего общаго будущаго. Онъ рисовалъ себѣ нашу двойную свадьбу, изображалъ рисовавшіяся ему общее изумленіе и общую радость. Онъ восторгался красотой нашей любви, нашей дружбы и своей роли въ моемъ романѣ. Я поддался его лестному для меня восторгу, самъ имъ проникся и уступилъ чарамъ его фантазіи. Вмѣстѣ съ нашей любовью усиливались наше честолюбіе и наша предпріимчивость. Мы рѣшили, что сейчасъ же послѣ окончанія Школы состоится наша двойная свадьба, при чемъ вѣнчать будетъ насъ пасторъ Вотье; потомъ мы всѣ вчетверомъ поѣдемъ путешествовать; затѣмъ займемся серьезными трудами, при чемъ наши жены будутъ нашими драгоцѣнными сотрудницами. Авеля мало привлекала преподавательская дѣятельность; онъ считалъ себя рожденнымъ для писательской карьеры. Мы рѣшили, что онъ быстро заработаетъ, написавъ нѣсколько удачныхъ пьесъ, недостающія ему средства. Меня же болѣе привлекала самая работа, чѣмъ выгода, которую она можетъ дать; я рѣшилъ, поэтому, заняться философіей религіи и написать исторію этой философіи... Но стоитъ ли вспоминать всѣ наши надежды?

Со слѣдующаго дня мы погрузились въ работу.

IV.

Времени до новогоднихъ каникулъ было такъ мало, что вѣра моя не успѣла пошатнуться, укрѣпленная послѣднимъ разговоромъ съ Алисой. Я ей писалъ, какъ и намѣревался, длинныя письма каждое воскресенье; въ остальные дни, отстраняясь отъ товарищей и видя только Авеля, я жилъ мыслью объ Алисѣ и покрывалъ свои любимыя книги замѣтками для нея. Ея письма меня нѣсколько тревожили; хотя она довольно правильно отвѣчала на мои, все же мнѣ казалось, что она обнаруживаетъ больше старанія поощрить меня въ моей работѣ, чѣмъ собственнаго увле-

ченія; мнѣ даже казалось, что въ то время, какъ я, путемъ сужденій и критики, выражалъ исключительно мои чувства, она, напротивъ того, пользовалась всѣмъ этимъ, чтобы скрыть свои чувства; иногда мнѣ даже казалось, что это—игра съ ея стороны. Но во всякомъ случаѣ, рѣшивъ ни на что не жаловаться, я не проявлялъ въ письмахъ свою тревогу.

Въ концѣ декабря я съ Авелемъ отправился въ Гавръ.

Я остановился у тети Плантье; ея не было дома, когда я пріѣхалъ. Но едва я успѣлъ устроиться въ своей комнатѣ, какъ пришелъ слуга и доложилъ, что она меня ждетъ въ залѣ.

— Ты мнѣ еще не сказалъ — спросила она,—доволенъ ли ты былъ своимъ пребываніемъ въ Фонгезмарѣ? Наладились ли твои дѣла?

Пришлось терпѣть добродушную безтактность тети; но какъ ни тяжело мнѣ было слушать такую грубую формулировку чувствъ, которыя я боялся выразить даже самыми нѣжными и самыми чистыми словами, все же она говорила это такъ просто и такъ сердечно, что было бы глупо сердиться. Сначала, однако, я попытался отклонить ея разспросы.

— Вѣдь вы же сами — сказалъ я — говорили весной, что считаете преждевременнымъ обрученіе?

— Конечно; такъ всегда говорятъ сначала—отвѣтила она, овладѣвъ одной моей рукой и горячо сжимая ее:—изъ-за твоего ученья, изъ-за твоей военной службы тебѣ еще долго нельзя будетъ жениться. Я это отлично знаю. Къ тому же я лично противъ долгихъ обрученій. Они утомляютъ молодыхъ дѣвушекъ. Но иногда они бываютъ очень трогательны... Къ тому же нѣтъ надобности въ оффиціальномъ обрученіи... Но это все же даетъ понять—очень деликатно, конечно,—что нѣтъ больше надобности искать для дѣвушки чего-нибудь другого. Это также позволяетъ вести переписку, часто видаться; и наконецъ, если бы кто-нибудь другой попросилъ руки Алисы, это дастъ возможность отвѣтить очень деликатно, что уже поздно. Ты знаешь, что недавно у меня просили руки Жюльеты? Она имѣла большой успѣхъ этой зимой. Она, правда, еще очень молода, что̀ и отвѣтили ему. Но молодой человѣкъ согласенъ ждать... Впрочемъ, онъ не совсѣмъ молодой человѣкъ; но это отличная партія, человѣкъ, на котораго можно положиться. Ты его завтра увидишь; онъ будетъ у меня на елкѣ; ты мнѣ скажи потомъ, какъ онъ тебѣ понравился.

— Кажется, тетя, онъ напрасно старается. Возможно, что Жюльета думаетъ о другомъ, — сказалъ я, сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, чтобы не назвать тотчасъ же Авеля.

— Что?—спросила тетя съ недовѣрчивымъ видомъ и склонивъ голову на бокъ.—Меня бы это очень удивило. Почему она мнѣ ничего не сказала?

Я закусилъ губы, чтобы не сказать ничего лишняго.

— Ну, посмотримъ—сказала она.—Жюльетѣ немного нездоровится въ послѣдніе дни... Впрочемъ, не о ней теперь идетъ рѣчь... Конечно, Алиса тоже очень мила. Такъ скажи наконецъ, сдѣлалъ ты ей предложеніе?

Всей душой протестуя противъ слова „предложеніе", казавшагося мнѣ неподходящимъ и грубымъ, я все же былъ захваченъ врасплохъ вопросомъ тети и, не умѣя лгать, робко отвѣтилъ:

— Да.

Я чувствовалъ, какъ вспыхнуло мое лицо.

— Что же она отвѣтила?

Я опустилъ голову. Мнѣ хотѣлось не отвѣчать, но я отвѣтилъ, смущенный, какъ бы противъ воли:

— Она отказала стать моей невѣстой.

— Отлично сдѣлала!—воскликнула тетя.—У васъ достаточно времени впереди.

— Оставимъ это, тетя, — сказалъ я, тщетно пытаясь ее остановить.

— Впрочемъ это меня не удивляетъ съ ея стороны; она всегда была благоразумнѣе тебя, твоя кузина...

Не знаю, что со мной сталось въ эту минуту: измученный, вѣроятно, разспросами, я почувствовалъ, что сердце у меня точно разрывается. Я, какъ ребенокъ, опустилъ голову на колѣни тети и зарыдалъ.

— Нѣтъ, тетя, вы не понимаете! — воскликнулъ я. — Она вовсе не просила меня ждать...

— А что же она... отказала тебѣ?—спросила она съ нѣжнымъ состраданіемъ, приподнимая рукой мой лобъ.

— Нѣтъ...

Я грустно покачалъ головой.

— Ты боишься, что она разлюбила тебя?

— О, нѣтъ, я этого не боюсь.

— Милый мой, если ты хочешь, чтобы я тебя поняла, говори яснѣе.

Я стыдился своей слабости и каялся въ ней; тетя навѣрное не сможетъ понять причины моихъ сомнѣній. Но если за отказомъ Алисы есть какая-нибудь опредѣленная причина, тетя на-

вѣрное съумѣетъ выяснить ее осторожными разспросами. Она сама это предложила.

— Послушай,—сказала она:—Алиса придетъ завтра утромъ помочь мнѣ убрать елку; я увижу, въ чемъ дѣло, и скажу тебѣ за завтракомъ; ты тогда, надѣюсь, убѣдишься, что нѣтъ основанія тревожиться.

Я пошелъ обѣдать къ Буколенамъ. Жюльета, которая дѣйствительно нѣсколько дней была нездорова, показалась мнѣ очень измѣнившеюся. Во взглядѣ ея было что-то жесткое и суровое, дѣлавшее ее еще болѣе непохожей на сестру, чѣмъ обыкновенно. Въ этотъ вечеръ мнѣ не удалось поговорить наединѣ ни съ одной изъ кузинъ, и такъ какъ дядя казался усталымъ, я ушелъ вскорѣ послѣ обѣда.

Елка, которую устраивала тетя Плантье, собирала каждый годъ въ ея домѣ много дѣтей, родственниковъ и друзей. Елка стояла въ сѣняхъ, составлявшихъ клѣтку лѣстницы; оттуда былъ входъ въ переднюю, въ залу и въ зимній садъ, гдѣ устроенъ былъ буфетъ. Убранство елки еще не было закончено, и въ самый день праздника, на слѣдующій день послѣ моего пріѣзда, Алиса, какъ меня предупредила тетя, пришла довольно рано, чтобы помочь ей укрѣпить на вѣтвяхъ украшенія, свѣчи, плоды, лакомства и игрушки. Я бы съ радостью помогъ ей въ работѣ, но необходимо было оставить тетю наединѣ съ нею. Я ушелъ, поэтому, изъ дома, не повидавшись съ нею, и пытался какъ-нибудь развлечь мою тревогу въ теченіе всего утра. Я прежде всего отправился къ Буколенамъ, надѣясь повидать Жюльету; но я узналъ, что Авель пришелъ до меня, и, боясь прервать какой-нибудь рѣшительный разговоръ, я тотчасъ же ушелъ и бродилъ по набережной и по улицамъ до самаго завтрака.

— Ну, какой же ты глупый!—воскликнула моя тетя, когда я вернулся. — Можно ли такъ портить себѣ жизнь! Нѣтъ ни одного разумнаго слова во всемъ, что ты мнѣ говорилъ вчера. Я, конечно, прямо приступила къ дѣлу: я услала миссъ Ашбуртонъ, которая устала намъ помогать, и, оставшись наединѣ съ Алисой, просто спросила ее, почему вы не обручились лѣтомъ. Ты думаешь, что она смутилась? Ничуть. Она спокойно отвѣтила, что не хочетъ выйти замужъ раньше сестры. Еслибы ты откровенно спросилъ ее, она бы отвѣтила тебѣ то же, что и мнѣ. Откровенность—самое главное... Бѣдная Алиса, она мнѣ говорила также, что не хочетъ оставить отца. Мы многое обсудили. Она очень разсудительна. Она мнѣ сказала, что не знаетъ, под-

ходящая ли она для тебя жена; она боится, что слишкомъ стара для тебя, и думаетъ, что тебѣ слѣдовало бы выбрать другую, въ возрастѣ Жюльеты...

Тетя продолжала говорить, но я больше не слушалъ. Одно только показалось мнѣ важнымъ: Алиса не хочетъ выйти замужъ раньше сестры. Но на это есть Авель. Онъ оказался правымъ: наши обѣ свадьбы должны состояться одновременно.

Я старался, какъ могъ, скрыть отъ тети волненіе, въ какое меня погрузили ея слова, и выказывалъ только радость, совершенно естественную въ ея глазахъ и тѣмъ болѣе пріятную ей, что она считала себя виновницей ея. Тотчасъ же послѣ завтрака я ушелъ отъ нея подъ какимъ-то предлогомъ и побѣжалъ къ Авелю.

— Ну, что̀ я тебѣ говорилъ!—воскликнулъ онъ, цѣлуя меня, какъ только я подѣлился съ нимъ моей радостью. — Милый мой, я могу сообщить тебѣ, что мой сегодняшній разговоръ съ Жюльетой былъ почти рѣшительный, хотя мы говорили только о тебѣ. Она казалась утомленной, нервной; я боялся слишкомъ взволновать ее, говоря болѣе рѣшительно и оставаясь съ ней слишкомъ долго. Но послѣ того, что̀ ты мнѣ говоришь, все рѣшено. Я беру палку и шляпу и иду. Проведи меня до Буколеновъ, чтобы удержать меня, если я улечу дорогой. Я легче вѣтра... Когда Жюльета узнаетъ, что только изъ-за нея сестра ея не даетъ тебѣ согласія, когда я сейчасъ же сдѣлаю ей предложеніе... Ахъ, другъ мой, я уже вижу, какъ мой отецъ сегодня вечеромъ, передъ елкой, возблагодаритъ Господа, плача отъ счастья и простирая благословляющую руку надъ двумя колѣнопреклоненными любящими парами. Миссъ Ашбуртонъ вся изойдетъ, вздыхая; тетя Плантье будетъ растрогана, и сіяющая огнями елка будетъ возносить хвалу Господу.

Елку должны были зажечь только вечеромъ; тогда должны были собраться около нея дѣти, родные и друзья. Скучая отъ бездѣлья, сгорая отъ тревоги и нетерпѣнія, я отправился, послѣ разговора съ Авелемъ, гулять, заблудился въ скалахъ и вернулся къ тетѣ Плантье, когда праздникъ уже начался.

Алису я увидѣлъ въ передней; она видимо ждала меня, и тотчасъ же ко мнѣ подошла. У нея на шеѣ, въ вырѣзѣ свѣтлаго корсажа, висѣлъ старинный аметистовый крестикъ, который я ей подарилъ въ память о моей матери. Она его надѣла сегодня въ первый разъ при мнѣ. Она имѣла измученный видъ, и взглядъ былъ такой печальный, что я ощутилъ рѣзкую боль въ сердцѣ.

— Почему ты такъ поздно пришелъ?—спросила она быстрымъ, взволнованнымъ голосомъ. — Я хочу съ тобой поговорить.

— Я заблудился... Но ты больна?.. Что съ тобой, Алиса?

Она стояла передо мной съ дрожащими губами. Меня охватила такая тревога, что я не рѣшался спросить ее о чемъ-нибудь; она положила руку на мою шею, точно для того, чтобы привлечь къ себѣ мое лицо. Я видѣлъ, что она хочетъ говорить, но въ эту минуту пришли гости и рука ея безпомощно опустилась.—Нельзя!—прошептала она. Потомъ, видя, что глаза мои полны слезъ, она сказала въ отвѣтъ на мой встревоженный взглядъ, какъ будто это смѣшное объясненіе могло меня успокоить:

— Пустяки. У меня просто болитъ голова: дѣти такъ шумятъ... Мнѣ пришлось спрятаться здѣсь... А теперь пора вернуться къ нимъ.

Она быстро ушла. Пришедшіе гости разлучили меня съ нею. Я хотѣлъ подойти къ ней въ залѣ, но увидѣлъ ее въ другомъ концѣ комнаты, окруженную ватагой дѣтей; она устраивала игры. Между нею и мною было множество людей, мимо которыхъ я не могъ пройти, не остановившись; а между тѣмъ я не чувствовалъ себя способнымъ на простые вѣжливые разговоры. Я рѣшилъ проскользнуть вдоль стѣны.

Когда я проходилъ мимо большой стеклянной двери сада, меня кто-то схватилъ за руку. Возлѣ меня стояла Жюльета, спрятавшись въ нишу, закутанная въ занавѣску.

— Пойдемъ въ зимній садъ,—торопливо сказала она,—я должна съ тобой поговорить. Пойди туда. Я тоже приду...

Потомъ, полуоткрывъ дверь, она убѣжала въ садъ.

Что случилось? Я хотѣлъ бы видѣть Авеля. Что онъ сказалъ?.. Я пошелъ въ оранжерею, гдѣ меня ждала Жюльета.

Лицо ея разгорѣлось; сдвинутыя брови придавали ея взгляду жесткое, страдальческое выраженіе. Глаза ея сверкали, точно у нея былъ жаръ. Голосъ казался сдавленнымъ, сухимъ. Ее охватило какое-то безуміе; не смотря на мое безпокойство, я былъ изумленъ, почти смущенъ ея красотою. Мы были одни.

— Алиса говорила съ тобой?—спросила она меня.

— Она едва успѣла сказать два слова: я только-что вернулся.

— Ты знаешь, она хочетъ, чтобы я вышла замужъ раньше, чѣмъ она?

— Да.

Она пристально взглянула на меня.

— А ты знаешь, за кого она хочетъ, чтобы я вышла замужъ?

Я ничего не отвѣтилъ.

— За тебя!—крикнула она.

— Да вѣдь это безуміе!

— Не правда ли?—Въ голосѣ ея послышалось отчаяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ торжество; она выпрямилась или, вѣрнѣе, откинулась назадъ.

— Теперь я знаю, что мнѣ осталось дѣлать!—прибавила она, открывая дверь въ садъ и сильно захлопнувъ ее за собою.

V.

Все закружилось передо мной. Я чувствовалъ, какъ стучала кровь въ вискахъ. Одна только мысль опредѣлилась въ хаосѣ: пойти къ Авелю! Онъ, можетъ-быть, объяснитъ мнѣ странныя слова двухъ сестеръ. Но я не рѣшался вернуться въ залу, боясь, что всѣ замѣтятъ мое волненіе. Я вышелъ на воздухъ, и ледяной холодъ въ саду успокоилъ меня. Я нѣсколько времени пробылъ тамъ. Спускался вечеръ; морской туманъ заволакивалъ городъ; деревья стояли безъ листьевъ, земля и небо казались безконечно печальными... Раздалось пѣніе; это, очевидно, хоръ дѣтей пѣлъ вокругъ елки. Я направился въ домъ. Двери изъ сѣней въ залу и въ переднюю были открыты; я увидѣлъ въ опустѣвшей залѣ тетю; она стояла скрытая за фортепьяно и говорила съ Жюльетой. Въ передней гости толпились вокругъ зажженной елки. Дѣти закончили свой хоралъ; наступило молчаніе, и пасторъ Вотье, стоя передъ елкой, сталъ произносить нѣчто въ родѣ проповѣди. Онъ никогда не упускалъ случая, какъ онъ говорилъ, „сѣять доброе сѣмя“. Свѣтъ и жара были мнѣ въ тягость и я хотѣлъ выйти изъ комнаты. Но я увидѣлъ Авеля, прислонившагося къ дверямъ; онъ очевидно стоялъ тамъ уже нѣсколько времени. Онъ посмотрѣлъ на меня враждебнымъ взглядомъ и пожалъ плечами, когда наши глаза встрѣтились. Я подошелъ къ нему.

— Какъ ты глупъ! — сказалъ онъ вполголоса и потомъ вдругъ прибавилъ:—Уйдемъ отсюда! Надоѣли мнѣ проповѣди!— Какъ только мы вышли, онъ опять заговорилъ: — Какъ ты глупъ!—повторилъ онъ въ отвѣтъ на мой тревожный, безмолвный

взглядъ.—Да вѣдь она любитъ тебя. Почему ты мнѣ этого не сказалъ?

Я былъ въ ужасѣ. Я ничего не могъ понять.

— Ну, да! Ты этого даже замѣтить не съумѣлъ, конечно!

Онъ схватилъ меня за руку, бурно потрясая меня. Голосъ его дрожалъ и какъ бы шипѣлъ, вырываясь изъ-за стиснутыхъ зубовъ.

— Умоляю тебя, Авель,—сказалъ я ему, помолчавъ, тоже дрожащимъ голосомъ, въ то время какъ онъ быстро шагалъ, увлекая меня за собою.—Вмѣсто того, чтобы выходить изъ себя, разскажи мнѣ, что̀ случилось. Я ничего не знаю.

Онъ остановился и сталъ вглядываться въ меня при свѣтѣ фонаря; потомъ, быстро притянувъ меня къ себѣ, онъ положилъ голову на мое плечо и прошепталъ, рыдая:

— Прости! Я тоже глупъ. Я тоже не понималъ, какъ и ты, бѣдный Жеромъ.—Слезы какъ бы успокоили его; онъ поднялъ голову и, продолжая идти, сказалъ:—Ты спрашиваешь, что̀ случилось?.. Теперь нѣтъ смысла вспоминать!.. Я тебѣ говорилъ, что сегодня утромъ я вздумалъ объясняться съ Жюльетой. Она была чрезвычайно красива и оживленна, и я думалъ, что все это изъ-за меня! На самомъ дѣлѣ она оживилась потому что мы говорили о тебѣ. Это такъ просто.

— И ты не понялъ?

— Нѣтъ; теперь только для меня объясняется все до мелочей.

— Ты увѣренъ, что не ошибаешься?

— Еще бы! Только слѣпой можетъ не видѣть, что она любитъ тебя.

— Значитъ, Алиса...

— Алиса приноситъ себя въ жертву. Она догадалась о тайнѣ сестры и рѣшила уступить ей свое мѣсто. Все это такъ ясно... Я хотѣлъ еще разъ поговорить съ Жюльетой; но при первыхъ моихъ словахъ или, вѣрнѣе, какъ только она начала меня понимать, она поднялась съ дивана, на которомъ мы сидѣли, и повторила нѣсколько разъ: „Я такъ и знала!“ голосомъ, показывавшимъ, что она совершенно этого не знала.

— Какъ ты можешь шутить по этому поводу!

— Почему же не шутить? По моему, это въ высшей степени забавная исторія... Она убѣжала въ комнату сестры. Я услышалъ оттуда гнѣвные звуки голоса и встревожился. Я надѣялся, что сейчасъ снова увижу Жюльету, но черезъ минуту изъ комнаты вышла Алиса. Она была въ шляпѣ, видимо сму-

тилась, увидавъ меня, и, торопливо поздоровавшись со мной, ушла... Вотъ и все.

— Ты больше не видѣлъ Жюльету?

Авель помолчалъ.

— Видѣлъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Послѣ ухода Алисы, я открылъ дверь въ сосѣднюю комнату. Жюльета недвижно стояла тамъ передъ каминомъ, упираясь локтями о мраморъ, подпирая лицо руками; она пристально разглядывала себя въ зеркало. Услышавъ мои шаги, она не обернулась ко мнѣ, а только топнула ногой и крикнула: „Оставьте меня!" Голосъ ея былъ такой жесткій, что я ушелъ безъ дальнѣйшихъ словъ.

— А теперь?

— Мнѣ теперь легче, послѣ того какъ я разсказалъ тебѣ... А ты постарайся излечить Жюльету отъ любви къ тебѣ; въ противномъ случаѣ Алиса, если я не ошибаюсь въ ней, не вернется къ тебѣ.

Мы шли довольно долго, ничего не говоря.

— Пойдемъ въ комнаты, — сказалъ онъ наконецъ. — Гости уже ушли и отецъ навѣрное ждетъ меня.

Когда мы вернулись въ залу, тамъ, дѣйствительно, никого не оказалось. Въ передней, около потухшей елки, мы застали тетю и двухъ ея дѣтей, дядю Буколена, миссъ Ашбуртонъ, пастора, обѣихъ кузинъ и еще одного довольно смѣшного человѣка. Я видѣлъ раньше, какъ онъ долго бесѣдовалъ съ тетей, и теперь только догадался, что это тотъ претендентъ на руку Жюльеты, о которомъ она мнѣ говорила. Болѣе высокаго роста, болѣе плотный, чѣмъ мы всѣ, съ почти багровымъ лицомъ, почти совсѣмъ лысый, онъ казался человѣкомъ другого класса, другой среды, другой расы, чѣмъ мы всѣ... Онъ видимо чувствовалъ себя чужимъ среди насъ и нервно теребилъ густые усы и сѣдѣющую острую бородку. Сѣни съ раскрытыми дверями не были освѣщены. Мы вошли безшумно, и никто не замѣтилъ нашего присутствія. Страшное предчувствіе сжало мнѣ сердце. Незнакомецъ подошелъ къ Жюльетѣ и взялъ ее за руку; она не подняла на него глазъ. Мракъ сомкнулся въ моемъ сердцѣ...

— Что тутъ происходитъ, Авель?—пробормоталъ я, точно не понимая или не желая понимать.

— Да это очень просто! Она устраиваетъ аукціонъ,—сказалъ онъ шипящимъ голосомъ.—Не хочетъ стоять ниже въ цѣнѣ, чѣмъ сестра. Вотъ ужъ навѣрное ангелы радуются на небѣ!

Дядя мой подошелъ къ Жюльетѣ и поцѣловалъ ее; затѣмъ ее окружили Ашбуртонъ и тетя. Подошелъ пасторъ Вотье... Я сдѣ-

лалъ движеніе впередъ. Алиса увидѣла меня и, вся дрожа, кинулась ко мнѣ:

— Этого нельзя допустить, Жеромъ! Она его не любитъ! Она мнѣ сама сказала сегодня утромъ. Не допускай этого, Жеромъ! Что съ нею будетъ?

Она съ отчаянной мольбой прижималась къ моему плечу, и я готовъ былъ отдать жизнь, чтобы успокоить ее.

У елки раздался внезапный крикъ. Мы всѣ кинулись туда: Жюльета упала безъ чувствъ на руки тети. Всѣ засуетились, склонились къ ней; распустившіеся волосы какъ бы оттягивали назадъ страшно поблѣднѣвшее лицо. Видно было по вздрагиванію всего тѣла, что это не просто обморокъ.

— Ничего, ничего!—громко сказала тетя, чтобы успокоить растеряннаго дядю Буколена, котораго пасторъ Вотье уже сталъ утѣшать, поднимая палецъ къ небу.—Пустяки, это только волненіе, нервы. Помогите мнѣ, господинъ Тесьеръ, вы сильный. Мы снесемъ ее въ мою комнату, на мою постель... — Потомъ она наклонилась къ старшему сыну и сказала ему что-то на ухо; онъ сейчасъ же вышелъ изъ комнаты; очевидно, тетя послала его за докторомъ.

Тетя и Тесьеръ взяли Жюльету за плечи; Алиса держала ноги сестры, нѣжно ихъ цѣлуя. Авель поддерживалъ откинувшуюся голову и, нагнувшись, покрывалъ поцѣлуями распущенные волосы.

Я остановился у дверей тетиной комнаты. Жюльету положили на постель; Алиса сказала Тесьеру и Авелю нѣсколько словъ, которыхъ я не разслышалъ. Потомъ она проводила насъ до дверей и попросила дать сестрѣ отдохнуть, говоря, что побудетъ около нея вмѣстѣ съ тетей Плантье. Авель схватилъ меня за руку и потащилъ за собой на улицу. Мы долго ходили среди ночного мрака безъ цѣли, безъ мыслей, совершенно обезсиленные.

VI.

Въ жизни у меня была одна цѣль—любовь. Все другое меня не влекло, и я ждалъ счастья только отъ моей подруги.

На слѣдующее утро, когда я собирался пойти къ Алисѣ, тетя меня остановила и дала мнѣ прочесть только что полученное ею письмо:

„...... Возбужденіе Жюльеты улеглось только подъ утро, послѣ лекарствъ, прописанныхъ докторомъ. Я умоляю Жерома не при-

ходить къ намъ нѣсколько дней. Жюльета могла бы узнать его шаги или его голосъ, а ей необходимъ полный покой...

„Состояніе Жюльеты, къ сожалѣнію, таково, что я не могу оставить ее. Если мнѣ не удастся повидать Жерома до его отъѣзда, скажи ему, милая тетя, что я ему напишу..."

Запретъ касался меня одного. И тетя, и всякій другой имѣли право явиться къ Буколенамъ. Тетя собиралась пойти въ это же утро. И почему это я сталъ бы шумѣть и нарушать покой Жюльеты? Какой неправдоподобный предлогъ... Все равно!

— Хорошо, я не пойду.

Мнѣ тяжело было не повидать сейчасъ Алису, но все же я боялся показаться ей; я боялся, что она поставитъ мнѣ въ вину болѣзнь сестры, и мнѣ было легче не видать ее совсѣмъ, чѣмъ выносить ея гнѣвъ.

Но, по крайней мѣрѣ, я хотѣлъ повидать Авеля.

Когда я позвонилъ къ нему, прислуга передала мнѣ слѣдующую записку:

„Я оставляю эту записку для того, чтобы ты не безпокоился. Мнѣ стало невыносимо оставаться въ Гаврѣ такъ близко отъ Жюльеты. Я отплылъ въ Соутгамптонъ, какъ только мы разстались. Конецъ каникулъ я пробуду въ Лондонѣ, у С. Мы увидимся съ тобой уже въ Школѣ".

Всякая помощь человѣческая ускользала отъ меня. Я не имѣлъ желанія длить свое пребываніе въ Гаврѣ, гдѣ все для меня такъ грустно складывалось, и вернулся въ Парижъ до начала занятій. Я обратилъ взоры къ Тому, „отъ Кого исходитъ всякое истинное утѣшеніе, всякая благодать и всѣ дары совершенства". Къ Нему я вознесъ свою скорбь. Мнѣ думалось, что и Алиса ищетъ утѣшенія въ молитвѣ, и это воспламеняло меня.

Прошло долгое время въ размышленіяхъ и работѣ, безъ всякихъ событій, кромѣ писемъ Алисы и моихъ къ ней. Я сохранилъ всѣ ея письма и питаю ими мои воспоминанія, ставшія смутными...

Отъ тети—и сначала только отъ нея—я узнавалъ, что̀ дѣлается въ Гаврѣ; она мнѣ писала о томъ, сколько тревоги вызвало тяжелое состояніе Жюльеты въ первые дни. Черезъ двѣнадцать дней послѣ моего отъѣзда я, наконецъ, получилъ слѣдующее письмецо Алисы:

„Прости, дорогой Жеромъ, что я тебѣ не написала раньше. Болѣзнь нашей бѣдной Жюльеты поглощала все мое время. Со времени твоего отъѣзда я почти не отхожу отъ нея. Я просила тетю написать тебѣ, и я думаю, что она это сдѣлала. Ты,

я полагаю, знаешь, что вотъ уже три дня, какъ Жюльетѣ лучше. Я благодарю Бога, но еще боюсь радоваться".

Роберъ, о которомъ я пока еще едва упоминалъ въ моемъ повѣствованіи, тоже привезъ мнѣ вѣсти о сестрахъ, пріѣхавъ въ Парижъ черезъ нѣсколько дней послѣ меня. Изъ-за нихъ я видался съ нимъ чаще, чѣмъ хотѣлъ бы, въ виду полнаго различія нашихъ характеровъ. Каждый разъ, когда у него оставался досугъ отъ занятій въ земледѣльческой школѣ, куда онъ поступилъ, я бралъ его на свое попеченіе и всячески его развлекалъ.

Отъ него я узналъ то, о чемъ не рѣшался спросить ни Алису, ни тетю. Эдуардъ Тесьеръ очень часто справлялся о здоровьѣ Жюльеты; но къ тому времени, когда Роберъ уѣхалъ изъ Гавра, она еще не видалась съ нимъ. Я узналъ также, что со времени моего отъѣзда Жюльета упорно не говорила съ своей сестрой. Вскорѣ послѣ того тетя сообщила мнѣ, что Жюльета вовсе не отказала Тесьеру, какъ того, очевидно, желала Алиса; напротивъ того, она просила, чтобы какъ можно скорѣе было объявлено оффиціально о ея помолвкѣ. Ея рѣшеніе, о которое разбивались всѣ совѣты и просьбы, омрачало ея лицо, застилало тѣнью ея глаза, укрѣпляя ее въ ея молчаніи...

Прошло еще нѣсколько времени. Отъ Алисы я получалъ только ничего не говорившія записки, и самъ не зналъ, что̀ ей писать. Меня заволакивалъ густой зимній туманъ. Рабочая лампа и весь пылъ моей любви и моей вѣры не могли, увы, побѣдить удручавшій меня мракъ и холодъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Ранней весной, тетя прислала мнѣ письмо, которое она, уѣхавъ на время изъ Гавра, получила отъ Алисы. Я выписываю изъ этого письма то, что̀ можетъ освѣтить событія.

„...Похвали меня за послушаніе... Я, какъ ты мнѣ сказала, приняла г. Тесьера и долго съ нимъ бесѣдовала. Должна сознаться, что онъ проявилъ много достоинства. Можетъ-быть, бракъ этотъ окажется не столь несчастнымъ, какъ я сначала опасалась. Конечно, Жюльета не любитъ его; но онъ съ каждой недѣлей кажется мнѣ все менѣе и менѣе недостойнымъ любви. Онъ говоритъ о создавшихся обстоятельствахъ съ полнымъ пониманіемъ и нисколько не ошибается относительно характера Жюльеты; но онъ очень вѣритъ въ силу своей привязанности и думаетъ, что его постоянство все побѣдитъ. Это, конечно, показываетъ, какъ сильна его любовь.

„Я очень тронута заботами Жерома о моемъ братѣ. Думаю,

что онъ повинуется только чувству долга, потому что характеры его и Робера очень несхожіе. Можетъ-быть, онъ заботится о Роберѣ отчасти изъ-за меня. Но онъ уже, навѣрное, понялъ, что чѣмъ суровѣе долгъ, который берешь на себя, тѣмъ болѣе онъ воспитываетъ душу и возвышаетъ ее. Мысли эти, скажешь ты, очень ужъ возвышенныя! Не смѣйся надо мной: только онѣ и поддерживаютъ меня и помогаютъ примириться съ замужествомъ Жюльеты и даже радоваться ему.

„Какъ меня трогаетъ твоя заботливость обо мнѣ, дорогая тетя!.. Не думай, что я несчастна: я почти могу сказать, что, напротивъ, я счастлива, потому что испытаніе, которое потрясло Жюльету, отозвалось и во мнѣ. Слова Писанія, которыя я часто повторяла, не понимая ихъ, сразу для меня стали ясны: „Горе человѣку, уповающему на человѣка“. Задолго до того, какъ я прочла эти слова въ Писаніи, я читала ихъ на рождественской картинкѣ, которую Жеромъ мнѣ прислалъ, когда ему было около двѣнадцати лѣтъ, а мнѣ только что исполнилось четырнадцать. На этой картинкѣ, рядомъ съ букетомъ цвѣтовъ, которые тогда казались намъ очень красивыми, было переложеніе стихами этого изреченія Іереміи. Жеромъ выбралъ картинку, не подумавъ о словахъ Іереміи. Но, судя по его письмамъ, онъ теперь въ значительной степени раздѣляетъ мои чувства, и я каждый день благодарю Бога за то, что Онъ приблизилъ насъ обоихъ къ Себѣ.

„Вспоминая нашъ разговоръ, я ему пишу теперь меньше, чѣмъ въ прежнее время; я не хочу мѣшать его работѣ. Ты, можетъ-быть, скажешь, что я за то много говорю о немъ тебѣ. Не буду больше говорить, чтобы ты меня не слишкомъ бранила“.

Сколько мыслей подняло во мнѣ это письмо! Я проклиналъ вмѣшательство тети (что это за разговоръ, на который намекала Алиса, какъ на причину своего молчанія?). И зачѣмъ она послала мнѣ это письмо? Я и такъ достаточно страдалъ отъ молчанія Алисы. Зачѣмъ же было сообщать мнѣ то, что она писала не мнѣ! Все раздражало меня: и то, что она съ такой легкостью разсказываетъ тетѣ наши тайны, и ея естественный тонъ, и спокойствіе, и нѣкоторая игривость...

— Да нѣтъ же, милый мой! Въ этомъ письмѣ тебя раздражаетъ только то, что оно написано не тебѣ, — сказалъ мнѣ Авель, съ которымъ я ежедневно видался. Ему одному я открывалъ мою душу и въ моемъ одиночествѣ постоянно обращался къ нему, чувствуя потребность въ сочувствіи, утративъ вѣру въ

себя. Я придавалъ большую цѣну его совѣтамъ, не смотря на разницу нашихъ характеровъ или, вѣрнѣе, именно въ виду этой разницы.

— Давай, изучимъ эту бумагу, — сказалъ онъ, положивъ письмо на письменный столъ и разглаживая его. — Что касается дѣла Жюльеты и Тесьера, то его мы предадимъ огню любви, не правда ли? Мы знаемъ, чего стоитъ этотъ огонь! Тесьеръ — какъ разъ та бабочка, которая можетъ на немъ ожечься..

— Оставимъ это!—сказалъ я, раздраженный его шутками.— Перейдемъ къ остальному.

— Къ остальному?—сказалъ онъ.—Все остальное—въ твою пользу! На что ты жалуешься? Нѣтъ ни слова, которое бы не было полно мысли о тебѣ. Въ сущности все письмо обращено къ тебѣ. Тетя Фелиція направила его по адресу. Ты самъ виноватъ, что Алиса пишетъ ей, вмѣсто того, чтобы послать письмо прямо тебѣ. Вѣдь все сказанное про картинку со стихами предназначено только для тебя. Говорю тебѣ, что Алиса обращается въ этомъ письмѣ къ тебѣ и ни къ кому другому. Ты будешь дуракомъ, если твоя кузина недѣли черезъ двѣ не станетъ опять писать тебѣ длинныя, пріятныя, непринужденныя письма...

— Что-то она не собирается.

— Отъ тебя зависитъ, чтобы она стала ихъ писать. Вотъ мой совѣтъ: пусть отнынѣ въ теченіе долгаго времени совсѣмъ не будетъ между вами рѣчи ни о любви, ни о женитьбѣ; ты вѣдь долженъ понять, что со времени исторіи съ сестрой она только этого боится. Играй на струнѣ любви къ брату и пиши ей неустанно о Роберѣ, разъ у тебя хватаетъ терпѣнія возиться съ этимъ идіотомъ. Продолжай занимать ея умъ; все остальное придетъ. Ахъ, еслибы я былъ на твоемъ мѣстѣ!.. Какъ я умѣлъ бы писать...

— Ты не былъ бы достоинъ любить ее.

Я все-таки послѣдовалъ совѣту Авеля. И дѣйствительно письма Алисы сдѣлались вскорѣ болѣе оживленными; но я все же не надѣялся, что она выкажетъ истинную радость и непринужденно отдастся своимъ чувствамъ прежде чѣмъ опредѣлится судьба Жюльеты.

Вѣсти Алисы о ея сестрѣ становились все болѣе утѣшительными. Свадьба должна была состояться въ іюлѣ. Алиса писала мнѣ, что въ это время мы съ Авелемъ навѣрное еще не освободимся отъ занятій... Я понялъ, что она не желала на-

шего присутствія на свадьбѣ, и мы дѣйствительно, подъ предлогомъ экзаменовъ, ограничились поздравленіями издалека.

Черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы Жюльеты я получилъ слѣдующее письмо отъ Алисы:

„Дорогой Жеромъ,

„У меня самыя лучшія вѣсти о нашихъ путешественникахъ. Ты знаешь уже, что Жюльетѣ очень понравились Байонна и Біаррицъ, не смотря на страшную жару. Послѣ того они побывали въ Фонтарабіи, останавливались въ Бургосѣ, дважды переѣзжали черезъ Пиренеи... Теперь я получила отъ Жюльеты восторженное письмо изъ Монсерата. Они собираются остаться еще нѣсколько дней въ Барселонѣ, прежде чѣмъ вернуться въ Нимъ, гдѣ Эдуардъ долженъ быть до начала сентября, чтобы все подготовить къ сбору винограда.

„Мы съ отцомъ вотъ уже цѣлую недѣлю въ Фонгезмарѣ. Завтра пріѣдетъ миссъ Ашбуртонъ, а черезъ четыре дня—Роберъ. Ты знаешь, что онъ, бѣдный, провалился на экзаменѣ; экзаменъ самъ по себѣ не былъ трудный, но ему предложили такіе неожиданные вопросы, что онъ смутился. Ты мнѣ такъ много писалъ о прилежаніи Робера; значитъ, нельзя допустить, чтобы онъ не успѣлъ подготовиться. Но этотъ экзаменаторъ, говорятъ, всегда любитъ смущать учениковъ.

„Что касается твоихъ успѣховъ, дорогой мой, то я даже почти не поздравляю тебя: до того они мнѣ кажутся естественными. Я такъ вѣрю въ тебя, Жеромъ!.. Какъ только я о тебѣ думаю, сердце мое наполняется надеждой. Сможешь ли ты тотчасъ же взяться за работу, о которой ты мнѣ говорилъ?..

„...Здѣсь въ саду все по прежнему, но домъ кажется очень опустѣвшимъ. Ты, конечно, понялъ, почему я не звала тебя къ намъ въ этомъ году; я чувствую, что такъ лучше; я это повторяю себѣ ежедневно, потому что мнѣ очень тяжело такъ долго не видаться съ тобой... Иногда я невольно ищу тебя глазами или, прерывая чтеніе, вдругъ оборачиваюсь... мнѣ кажется, что ты стоишь за мною!..

„Я продолжаю письмо. Теперь ночь; всѣ спятъ; я тебѣ пишу у открытаго окна. Садъ благоухаетъ, воздухъ совсѣмъ теплый... Помнишь, когда мы были дѣтьми, каждый разъ, когда мы видѣли или слышали что-нибудь прекрасное, мы думали: „Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты создалъ эту красоту“... Въ сегодняшнюю ночь я говорила всей своей душой: благодарю Тебя, Господи, что эта ночь такъ прекрасна. И вдругъ я по-

чувствовала твое присутствіе около меня; чувство было такое сильное, что, можетъ-быть, оно отозвалось и на тебѣ.

„Да, ты вѣрно сказалъ въ своемъ письмѣ: „восторгъ въ высоко настроенныхъ душахъ претворяется въ благодарность"... Какъ много я хотѣла бы еще тебѣ сказать! Я думаю о солнечной странѣ, о которой мнѣ пишетъ Жюльета. Я думаю и о другихъ странахъ, еще болѣе величественныхъ, еще болѣе солнечныхъ, еще болѣе пустынныхъ. Душа моя полна странной увѣренности, что какъ-то, сама не знаю какъ, но мы съ тобой увидимъ вмѣстѣ какую-то великую таинственную страну..."

Легко себѣ представить, съ какой радостью я читалъ это письмо, какъ я рыдалъ, полный любви. Послѣдовали другія письма. Правда, Алиса благодарила меня за то, что я не пріѣхалъ въ Фонгезмаръ; правда, она просила меня не видѣться съ нею въ этомъ году; но ей недоставало меня, ей хотѣлось, чтобы я былъ съ нею. Все письмо ея звало меня. Какъ у меня хватило силы противиться этому зову? Конечно, меня поддерживали совѣты Авеля и боязнь погубить свое счастье, и я сдерживалъ порывы сердца.

Я привожу изъ ея писемъ все, что можетъ освѣтить дальнѣйшія событія:

„Дорогой Жеромъ,

„Я полна радости, читая твои письма. Я только что собиралась отвѣтить на твое письмо изъ Орвіето, какъ сразу пришли письма изъ Перуджіи и Ассизъ. Моя мысль путешествуетъ; только тѣло мое дѣлаетъ видъ, что оно здѣсь; на самомъ же дѣлѣ я съ тобой, на бѣлыхъ дорогахъ Умбріи. Вмѣстѣ съ тобой я уѣзжаю утромъ и созерцаю зарю обновленнымъ взоромъ... Звалъ ты меня на террасѣ въ Кортонѣ? Я слышала твой голосъ... Какъ мы страдали отъ жажды въ горахъ надъ Ассизами! Но какой вкусный стаканъ воды принесъ намъ францисканецъ!.. О, другъ мой! Я смотрю на все какъ бы черезъ тебя. Мнѣ очень понравилось то, что ты мнѣ написалъ о святомъ Францискѣ. Ты правъ: нужно стремиться къ экстазу чувствъ, а не къ освобожденію мысли. Послѣднее ведетъ къ пагубной гордынѣ. Подвигъ—не въ мятежѣ, а въ служеніи..."

„Вѣсти изъ Нима очень хорошія; Господь, кажется, дозволяетъ мнѣ отдаться радости. Единственная тѣнь, омрачающая это лѣто — угнетенное состояніе отца. Не смотря на всѣ мои заботы, онъ остается печальнымъ или, вѣрнѣе, становится печальнымъ, какъ только я предоставляю его самому себѣ; и его все труднѣе вывести изъ тяжелаго раздумья. Языкъ природы,

говорящій о радости, становится для него чужимъ; онъ даже не старается его понять. Миссъ Ашбуртонъ здорова. Я читаю имъ обоимъ твои письма; каждое письмо даетъ намъ обильную пищу для разговоровъ на три дня. А потомъ приходитъ новое письмо...

„...Роберъ покинулъ насъ третьяго дня; онъ проведетъ конецъ каникулъ у своего друга Р., отецъ котораго—владѣлецъ образцовой фермы. Конечно, жизнь, которую мы здѣсь ведемъ, не особенно весела для него; и я первая поддержала его, когда онъ заговорилъ объ отъѣздѣ...

„...Мнѣ такъ много хочется тебѣ сказать... Я жажду говорить безъ конца! Иногда я не нахожу словъ, опредѣленныхъ мыслей; сегодня я пишу какъ во снѣ—и я ощущаю только почти уничтожающее меня чувство безконечныхъ богатствъ, которыя я могла бы и дать, и получить.

Какъ это мы молчали столько мѣсяцевъ? Это было какой-то зимней спячкой. Дай Господь, чтобы эта страшная зима молчанія кончилась навѣки. Съ тѣхъ поръ какъ ты снова со мной, жизнь, мысль, наша душа, все кажется мнѣ превраснымъ, очаровательнымъ, неисчерпаемо радостнымъ“...

12 сентября.

„Я получила твое письмо изъ Пизы. У насъ тоже чудесная погода. Никогда еще Нормандія не казалась мнѣ такой прекрасной. Третьяго дня я одна совершила долгую прогулку пѣшкомъ, по полямъ. Я вернулась, не чувствуя усталости отъ восторга, опьяненная солнцемъ и радостью. Какъ красивы были стоги сѣна подъ пламеннымъ солнцемъ! Мнѣ не было надобности мнить себя въ Италіи, чтобы находить все это очаровательнымъ.

„Да, другъ мой, я дѣйствительно, какъ ты говоришь, слышу призывъ къ радости въ „смутномъ гимнѣ“ природы. Я слышу его въ пѣніи каждой птицы, я вдыхаю его въ ароматѣ каждаго цвѣтка, и я начинаю понимать, что единственная истинная молитва—это благодарственный гимнъ. Я повторяю со святымъ Франциском: Боже! Боже! „и ничего другого“—e non altro— и сердце мое полно невыразимой любви.

„Не бойся, однако, что я становлюсь невѣжественной! Я много читала въ послѣднее время. Было нѣсколько дождливыхъ дней, и я обратила мой восторгъ на книги. Кончивъ Мальбранша, я тотчасъ же принялась за Лейбница, а потомъ, въ видѣ отдыха, прочла „Ченчи“ Шелли—безъ большого удовольствія. Я прочла и его „Мимозу“... Но вотъ что, можетъ-быть, огорчитъ тебя:

я готова отдать почти всего Шелли, почти всего Байрона за четыре оды Китса, которыя мы читали прошлымъ лѣтомъ. Точно такъ же я отдала бы всего Виктора Гюго за нѣсколько сонетовъ Бодлэра. Слово: „великій поэтъ“ ничего не означаетъ. Важно, чтобы это былъ „чистый поэтъ“... О, братъ мой! Благодарю тебя за то, что ты познакомилъ меня со всѣмъ этимъ и внушилъ мнѣ любовь къ поэзіи“.

„...Нѣтъ, не сокращай своего путешествія ради краткаго свиданія. Право лучше, чтобы мы еще не видались. Повѣрь мнѣ: я бы не могла думать о тебѣ больше, чѣмъ думаю теперь, еслибы ты былъ подлѣ меня. Я не хочу тебя огорчить, но я должна сказать, что теперь я какъ-то даже не желаю, чтобы ты былъ здѣсь со мной. Хочешь, чтобы я созналась? Знай я, что ты пріѣдешь сегодня, я бы убѣжала отъ встрѣчи.

„Не требуй, чтобы я тебѣ объяснила это чувство! Прошу тебя—не требуй. Я только знаю, что думаю о тебѣ неустанно (этого должно быть достаточно для твоего счастья) и что я тоже счастлива“...

Вскорѣ послѣ этого письма, какъ только я вернулся изъ Италіи, мнѣ пришлось отбывать воинскую повинность. Меня послали въ Нанси. Тамъ я не зналъ ни одного человѣка, но радъ былъ одиночеству; Алиса ясно понимала, да и я это ярко почувствовалъ въ гордости своей любви, что ея письма—мое единственное убѣжище, и память о ней—моя единственная опора.

Правду сказать, я выносилъ довольно легко тяжелую военную дисциплину, ничѣмъ не тяготился и въ своихъ письмахъ Алисѣ жаловался только на печаль разлуки. Но даже въ этой самой разлукѣ мы видѣли достойное испытаніе нашего мужества. „Ты, который никогда не жалуешься“,—писала мнѣ Алиса,—„ты, котораго я не могу представить себѣ ослабѣвающимъ“... Чего только я не готовъ былъ перенести, чтобы подтвердить ея вѣру въ меня?

Прошло около года съ тѣхъ поръ какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. Она, казалось, объ этомъ не думала и какъ бы теперь только начала меня ждать. Я упрекнулъ ее за это.

„Развѣ я не была съ тобой въ Италіи?“—отвѣтила она.—„Неблагодарный! Я не покидала тебя ни на одинъ день. Пойми, что теперь я нѣкоторое время не могу слѣдовать за тобой, и только это я называю разлукой. Я, правда, стараюсь представить себѣ тебя солдатомъ... Но мнѣ это не удается. Я вижу тебя въ маленькой комнатѣ на улицѣ Гамбетты, гдѣ ты вечеромъ

читаешь или пишешь... Или, въ сущности, я вижу тебя только въ Фонгезмарѣ или въ Гаврѣ, черезъ годъ.

„Черезъ годъ! Я не считаю дней, уже минувшихъ; моя надежда направлена къ тому грядущему дню, который медленно, очень медленно приближается. Помнишь въ глубинѣ сада низкую стѣну, у подножья которой прятались хризантемы и по которой мы рѣшили пройтись; ты и Жюльета шли совершенно смѣло, какъ магометане, идущіе прямо въ рай; у меня же кружилась голова съ первыхъ шаговъ, и ты мнѣ кричалъ снизу: „Не смотри подъ ноги! Смотри впередъ! Иди прямо къ цѣли!" Потомъ—и это было лучше всякихъ словъ—ты взобрался на другой конецъ стѣны и ждалъ меня. Тогда я уже не дрожала. Я не чувствовала болѣе головокруженія; я видѣла только тебя и бѣжала на встрѣчу твоимъ раскрытымъ объятіямъ...

„Что бы со мной сталось, еслибы я не вѣрила въ тебя, Жеромъ? Мнѣ нужно сознаніе твоей силы; я должна опираться на тебя. Не слабѣй духомъ".

Какъ бы бросая вызовъ судьбѣ и нарочно удлиняя нашу разлуку изъ боязни, что наше свиданіе не будетъ еще на высотѣ нашей любви, мы рѣшили, что я проведу въ Парижѣ, у миссъ Ашбуртонъ, нѣсколько дней новогодняго отпуска...

Я уже говорилъ, что передаю не всѣ письма. Вотъ то письмо, которое я получилъ въ половинѣ февраля:

„Я очень взволновалась, проходя третьяго дня по Парижской улицѣ мимо витрины книжнаго магазина; въ ней крайне нескромно красовалась книга Авеля. Ты мнѣ о ней писалъ, но я все-таки не могла представить себѣ ее. Я не могла удержаться и вошла въ лавку; но заглавіе книги казалось мнѣ такимъ смѣшнымъ, что я не рѣшалась произнести его; я даже чуть было не вышла изъ лавки съ первой попавшейся другой книгой; но къ счастью на прилавкѣ лежалъ цѣлый столбикъ экземпляровъ „Нескромностей", въ ожиданіи покупателей. Я бросила пять франковъ и взяла экземпляръ книги, не будучи вынуждена назвать ее.

Какъ я благодарна Авелю за то, что онъ не послалъ мнѣ свою книгу. Я не могла бы перелистывать ее безъ стыда; не изъ-за самой книги—въ ней я вижу больше глупостей, чѣмъ непристойностей,—но мнѣ стыдно думать, что Авель, Авель Вотье, твой другъ, написалъ ее. Я тщетно искала изъ страницы въ страницу тотъ „большой талантъ", который открылъ въ немъ критикъ газеты „Temps". Въ нашемъ маленькомъ гаврскомъ обществѣ, гдѣ часто говорятъ объ Авелѣ, я узнала, что

книга имѣетъ большой успѣхъ. Я слышу, какъ называютъ „легкостью“ и „граціей“ безнадежную поверхностность его ума. Я, конечно, веду себя осторожно и говорю только тебѣ о томъ, что читала книгу. Бѣдный пасторъ Вотье, который въ началѣ былъ очень огорченъ, кажется уже начинаетъ думать, что ему слѣдуетъ скорѣе гордиться. Всѣ вокругъ него стараются его въ этомъ убѣдить. Вчера, у тети Плантье, мадамъ В. ему вдругъ сказала:—„Какъ вы, должно быть, счастливы, господинъ пасторъ: вашъ сынъ имѣетъ такой успѣхъ“. Тотъ отвѣтилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: „Я не могу сказать, что я дѣйствительно счастливъ...“—„Но вы къ этому близки“—сказала тетя, совершенно безхитростно, но видимо стараясь ободрить пастора; всѣ стали смѣяться, даже онъ самъ.

„А что еще будетъ, когда поставятъ „Новаго Абеляра“? Я слышала, что онъ готовитъ эту пьесу для какого-то бульварнаго театра, и газеты, кажется, уже говорятъ о ней. Бѣдный Авель! Неужели онъ добивался подобнаго успѣха и удовлетворится имъ?

„Я читала вчера слова „Вѣчнаго Утѣшенія“: „Кто дѣйствительно желаетъ истинной и вѣчной славы, тотъ не долженъ искать славы преходящей; кто не презираетъ временную славу въ сердцѣ своемъ, тотъ истинно показываетъ, что не любитъ небесной славы“. И я подумала: „Благодарю тебя, Господи, за то, что Жеромъ избранъ для славы небесной, передъ которой другая слава—ничто“.

Прошли недѣли и мѣсяцы въ однообразныхъ занятіяхъ. Но мысль моя привязана была къ воспоминаніямъ и надеждамъ, и я едва замѣчалъ медлительность времени и длину часовъ.

Дядя и Алиса собирались въ іюнѣ поѣхать въ окрестности Нима къ Жюльетѣ, которая ожидала къ тому времени рожденія ребенка. Нѣсколько тревожныя вѣсти заставили ихъ ускорить отъѣздъ.

„Твое послѣднее письмо, написанное въ Гавръ, — писала мнѣ Алиса—прибыло послѣ нашего отъѣзда. Не знаю, почему я получила его лишь недѣлю спустя. Всю эту недѣлю душа моя была охвачена тревогой, сомнѣніями, жила неполной, поникшей жизнью. О, братъ мой! Я чувствую себя дѣйствительно собой, и даже выше себя, только когда я съ тобой...

„Жюльета поправилась; мы ждемъ со дня на день ея разрѣшенія безъ особой тревоги. Она знаетъ, что я писала тебѣ сегодня утромъ. На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда она спросила меня: „А что Жеромъ? Онъ продолжаетъ тебѣ пи-

сать?..“ Я не смогла ей солгать. И она сказала: „Когда ты будешь ему писать, скажи ему, что... — она поколебалась съ минуту, потомъ прибавила съ легкой улыбкой: — ...что я исцѣлилась“. Я нѣсколько опасалась, что въ своихъ всегда веселыхъ письмахъ она играла комедію счастья, сама не вѣря въ него... То, что составляетъ ея счастье теперь, такъ не похоже на ея прежнія мечты!.. О, какъ чуждо душѣ то, что называютъ счастьемъ, и какъ мало значенія имѣютъ внѣшнія обстоятельства, составляющія его! Я избавляю тебя отъ передачи всѣхъ моихъ размышленій во время одинокихъ прогулокъ; я больше всего удивлялась тому, что не чувствую радости. Вѣдь счастье Жюльеты должно было радовать меня... Почему же сердце мое охвачено непонятной грустью, съ которой я не могу справиться? Даже красота этихъ мѣстъ, которую я чувствую или во всякомъ случаѣ вижу, еще болѣе углубляетъ мою непонятную печаль... Когда я получала твои письма изъ Италіи, я какъ-то умѣла смотрѣть на все твоими глазами; а теперь мнѣ кажется, что я похищаю у тебя все, на что смотрю безъ тебя. Къ тому же въ Фонгезмарѣ и въ Гаврѣ я выработала въ себѣ стойкость духа, нужную для дождливыхъ дней. Здѣсь эта стойкость ненужна, и меня тревожитъ то, что я чувствую ее излишней. Веселость окружающихъ меня людей и природы вокругъ меня почему-то меня раздражаетъ; можетъ-быть то, что я называю быть печальной, значитъ просто не быть такой шумной, какъ они... Конечно, сначала моя радость осложнялась нѣкоторою гордостью; теперь же, среди этой чужой веселости, я ощущаю нѣкоторое униженіе.

„За все время, что я здѣсь, я почти не могла молиться: у меня какое-то дѣтское чувство, что Богъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Прощай. Я спѣшу кончить письмо. Мнѣ стыдно моей грусти; мнѣ стыдно признаться въ моей слабости, стыдно писать то, что я разорвала бы завтра, если бы почтальонъ не унесъ мое письмо сегодня...“

Слѣдующее письмо говорило только о рожденіи ея племянницы, о томъ, что она будетъ ея крестной матерью, о радости Жюльеты, о радости дядя... Объ ея собственныхъ чувствахъ не было рѣчи.

Потомъ она стала писать опять изъ Фонгезмара, куда Жюльета пріѣзжала къ ней въ іюлѣ...

„Эдуардъ и Жюльета уѣхали сегодня утромъ. Мнѣ больше всего жалко, что увезли мою маленькую крестницу. Когда я увижу ее черезъ полгода, я уже не узнаю ея жестовъ; до сихъ

поръ не было ни одного, который бы она не придумала при мнѣ. Всякое зарожденіе необыкновенно таинственно, и мы только по недостатку вниманія такъ мало удивляемся. Сколько часовъ я провела наклонившись надъ маленькой колыбелью, полной надеждъ. Вслѣдствіе какого эгоизма, какого самодовольства, какого равнодушія къ лучшему и высшему такъ быстро останавливается развитіе? Почему человѣческое существо еще такъ далеко отъ Бога? О, если бы мы все-таки могли и хотѣли стать ближе къ Нему... Какимъ бы это было великимъ устремленіемъ!

„Жюльета казалась очень счастливой. Сначала мнѣ грустно было, что она перестала заниматься музыкой и чтеніемъ; но Эдуардъ Тесьеръ не любитъ музыки и равнодушенъ къ книгамъ. Жюльета, можетъ-быть, права, избѣгая удовольствій, которыхъ онъ не можетъ раздѣлить. Зато она интересуется дѣлами своего мужа, и онъ разсказываетъ ей обо всемъ. Дѣла его очень поправились въ этомъ году; онъ говоритъ, что этимъ онъ обязанъ своей женитьбѣ, доставившей ему много покупателей въ Гаврѣ. Роберъ сопровождалъ его во время его послѣдней дѣловой поѣздки. Эдуардъ чрезвычайно внимателенъ къ нему, говоритъ, что вполнѣ его понимаетъ и надѣется вовлечь его въ дѣла.

„Отцу гораздо лучше. Счастье Жюльеты молодитъ его. Онъ опять сталъ интересоваться фермой и садомъ и просилъ меня возобновить чтеніе вслухъ, которое мы начали съ миссъ Ашбуртонъ и прервали изъ-за Тесьера. Я читаю ему путешествія барона Гюбнера и сама очень увлечена этимъ чтеніемъ. Теперь у меня будетъ больше времени читать и самой; но я жду твоихъ указаній. Сегодня утромъ я взялась за нѣсколько книгъ, одну за другой, и ни одна изъ нихъ не доставила мнѣ удовольствія."

Письма Алисы дѣлались болѣе безпокойными и нетерпѣливыми:

„Только изъ боязни тревожить тебя я не говорю, до чего я тебя жду",—писала она мнѣ въ концѣ лѣта.—„Каждый день, который я должна провести до свиданія съ тобой, страшно угнетаетъ меня. Еще два мѣсяца! Это кажется мнѣ болѣе длиннымъ, чѣмъ все время, проведенное вдали отъ тебя. Все, что я предпринимаю, чтобы обмануть мое ожиданіе, кажется мнѣ до смѣшного временнымъ, и я не могу ни къ чему приневолить себя. Книги потеряли для меня всякую прелесть, прогулки меня не радуютъ, вся природа потускнѣла, садъ потерялъ краски и благоуханіе. Я завидую всѣмъ твоимъ обязательнымъ занятіямъ и работамъ; они все время отвлекаютъ тебя отъ собственныхъ мыслей, утомляютъ тебя, ускоряютъ теченіе дней, приближаютъ вечеръ и, принося усталость, приносятъ и сонъ. Твое изуми-

тельное описаніе маневровъ преслѣдуетъ меня. Послѣднія ночи я плохо спала и вскакивала нѣсколько разъ, точно слыша, какъ забили тревогу... Я положительно слышала барабанный бой. Я такъ ясно представляю себѣ то легкое опьяненіе, о которомъ ты говоришь, ту утреннюю радость и легкое головокруженіе... Какъ прекрасенъ, должно быть, Мальзевиль, въ ледяномъ сверканіи зари!

„Я въ послѣднее время чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Но это пустяки; просто я слишкомъ напряженно жду тебя".

Шесть недѣль спустя она писала слѣдующее:

„Это мое послѣднее письмо, другъ мой. Хотя ты и не знаешь въ точности, когда можешь пріѣхать, но ужъ теперь навѣрное скоро. Больше я не могу тебѣ писать. Я бы очень хотѣла, чтобы наше свиданіе состоялось въ Фонгезмарѣ; но погода испортилась, стало холодно и отецъ непремѣнно хочетъ вернуться въ городъ. Теперь, когда съ нами не живутъ ни Жюльета, ни Роберъ, мы отлично могли бы помѣстить тебя у насъ; но остановись лучше у тети Фелиціи, которая тоже будетъ тебѣ очень рада.

„По мѣрѣ того какъ приближается наше свиданіе, ожиданіе мое становится все болѣе тревожнымъ. Я почти боюсь твоего пріѣзда, котораго такъ жду все время. Я стараюсь не думать больше объ этомъ; но я представляю себѣ, какъ ты позвонишь, какъ я услышу твои шаги на лѣстницѣ, и сердце мое точно останавливается и страшно болитъ. Во всякомъ случаѣ не жди, чтобы я могла сказать тебѣ хоть слово. Мое прошлое на этомъ заканчивается; я ничего дальше не вижу; жизнь моя останавливается..."

Четыре дня спустя, то-есть за недѣлю до моего возвращенія, я получилъ еще одно очень краткое письмо:

„Другъ мой, я очень одобряю то, что ты намѣренъ не оставаться слишкомъ долго въ Гаврѣ и не дѣлать наше свиданіе очень продолжительнымъ. Что мы могли бы сказать другъ другу, чего бы уже не писали? Значитъ, если начало занятій требуетъ твоего присутствія уже двадцать-восьмого, отбрось всякія колебанія и не жалѣй, что можешь у насъ остаться не болѣе двухъ дней. Вѣдь передъ нами вся жизнь, не правда ли?"

Съ французскаго З. В.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА И ЗАПИСОЧКИ

Л. Н. ТОЛСТОГО

Конечно никогда и никто изъ русскихъ людей не велъ такой огромной, такой колоссальной по своимъ размѣрамъ и по своему внутреннему значенію переписки, какъ именно Левъ Николаевичъ Толстой. Онъ переписывался со множествомъ лицъ, раскиданныхъ не только по всей Россіи, но и по всему свѣту. Среди его корреспондентовъ были и американцы, и японцы, и китайцы, и индусы. Особенно послѣднія тридцать лѣтъ его жизни отличались необычайнымъ усиленіемъ и развитіемъ его корреспонденціи. Кто только не обращался къ нему въ эти годы за разрѣшеніемъ своихъ запросовъ, своихъ сомнѣній, нерѣдко мучительныхъ и наболѣвшихъ!

Въ числѣ его корреспондентовъ были не только люди разныхъ націй, разныхъ расъ, но и самаго различнаго общественнаго положенія: великіе князья, министры, сенаторы, титулованные аристократы, дамы изъ общества, фрейлины, поэты, писатели, художники, общественные дѣятели, священники, земскіе врачи, студенты, курсистки, народныя учительницы, сектанты, юнкера, матросы, рядовые крестьяне и рабочіе, революціонеры, политическіе ссыльные и заключенные въ тюрьмахъ, вплоть до каторжанки и каторжанина.

Намъ, русскимъ людямъ—да и не только русскимъ, но всѣмъ, кто цѣнитъ и любитъ Толстого,—не можетъ не быть дорога каждая страничка геніальнаго художника и великаго учителя жизни. Поэтому на лицахъ, которыя наиболѣе близко стояли къ

Толстому, лежитъ священный долгъ возможно скорѣе собрать всю переписку Льва Николаевича и издать ее въ свѣтъ. Всего лучше, если бы они сдѣлали это при активномъ участіи такого компетентнаго и авторитетнаго учрежденія, какимъ является Академія наукъ. Для каждаго ясно, что задача эта совершенно непосильна отдѣльнымъ, частнымъ лицамъ, что̀ наглядно доказала, между прочимъ, попытка г. Сергѣенко, издавшаго недавно томъ писемъ Л. Н. Толстого. Ему удалось собрать лишь 281 письмо — цифра совершенно ничтожная сравнительно съ общимъ числомъ всѣхъ писемъ Толстого. Даже по самому скромному предположенію количество писемъ, написанныхъ Толстымъ, нужно считать *тысячами*.

Въ виду этого было бы крайне желательно, чтобы лица, располагающія письмами Льва Николаевича, поспѣшили опубликованіемъ ихъ и затѣмъ передачей ихъ въ Академію наукъ, которая, по видимому, серьезно озабочена мыслью объ увѣковѣченіи достойнымъ образомъ памяти Толстого и съ этой цѣлью организовала уже особый комитетъ.

Такъ какъ въ моихъ рукахъ имѣется около 20-ти писемъ и записочекъ, полученныхъ мною въ разное время отъ Льва Николаевича, которыя до сихъ поръ нигдѣ напечатаны не были [1]), я рѣшилъ опубликовать ихъ и затѣмъ передать въ Академію наукъ. Первая изъ записокъ относится къ 1885 г., послѣднее письмо—къ 1907-му году. Къ сожалѣнію, въ данную минуту у меня недостаетъ нѣкоторыхъ, очень немногихъ впрочемъ, писемъ Льва Николаевича изъ числа полученныхъ мною отъ него.

И письма, и записочки Толстого приводятся здѣсь полностью, при чемъ конечно не позволяю себѣ измѣнять въ нихъ ни одного слова. Но чтобы содержаніе этихъ писемъ и записочекъ было вполнѣ понятно читателямъ, я считаю необходимымъ предпослать имъ нѣсколько словъ относительно повода, вызвавшаго то или другое письмо,—пользуясь при этомъ своими личными воспоминаніями.

I.

На почвѣ сектантства.

Благодаря печати, слухи о томъ, что Толстой съ живымъ интересомъ и сочувствіемъ относится къ русскому сектантству,

[1]) За исключеніемъ лишь одного письма отъ 12-го сентября 1902 г., которое было напечатано въ журналѣ „Солнце Россіи“, за 1910 г., № 3.

уже въ началѣ 80-хъ годовъ получили большое распространеніе въ народѣ. И вотъ, представители разныхъ сектъ начинаютъ стремиться повидать Толстого, посѣтить его въ Москвѣ, завязать съ нимъ сношенія. И Левъ Николаевичъ очень охотно знакомится съ этими людьми, внимательно выслушиваетъ ихъ и нерѣдко проводитъ съ ними цѣлые вечера въ разговорахъ о вѣрѣ, о томъ, какъ слѣдуетъ понимать ученіе Христа и какъ нужно проводить его въ жизнь.

Зная, что меня весьма интересовали встрѣчи съ людьми, задающимися религіозными исканіями, Толстой нерѣдко направлялъ ко мнѣ тѣхъ сектантовъ, которые навѣщали его. Такъ напримѣръ, весной 1885-го года онъ прислалъ ко мнѣ молоканина, Сергѣя Петровича Степанова, снабдивши его клочкомъ бумаги, на которомъ рукою Льва Николаевича было написано: „Пругавинъ Александръ Степановичъ. Отъ Л. Н. Толстого“.

Податель этой записки, крестьянинъ села Песокъ, Воронежской губерніи, пользовался извѣстностью среди молоканскаго населенія этой губерніи, какъ хорошій знатокъ ученія „духовныхъ христіанъ“. Въ то время ему можно было дать около 55-ти лѣтъ отъ роду; живъ ли онъ въ настоящее время—я не имѣю свѣдѣній, такъ какъ давно уже потерялъ его изъ вида.

Въ другой разъ—не помню точно когда—ко мнѣ явился молодой человѣкъ, въ поддёвкѣ, косовороткѣ и высокихъ сапогахъ, и подалъ листокъ бумаги, сложенный пополамъ. Съ наружной стороны листка рукою Льва Николаевича былъ написанъ мой подробный адресъ: „Тверская, подлѣ Англійскаго клуба, меблированныя комнаты „Англія“, 12“ и затѣмъ мое имя, отчество и фамилія. Въ запискѣ стояло:

„Александръ Степановичъ!

„Ѳедоръ Алексѣевичъ Желтовъ, духовный христіанинъ (молоканъ) Нижегородской губерніи, заѣхалъ ко мнѣ въ Москвѣ. Вамъ хорошо познакомиться.

Л. Толстой“.

На словахъ Желтовъ сообщилъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ просилъ меня, если я свободенъ, въ тотъ же день вечеромъ придти къ нему, что тамъ будетъ онъ, Желтовъ, и его мать Марія Ивановна, тоже молоканка. Разговорившись съ Желтовымъ, я убѣдился, что имѣю предъ собою довольно развитого и начитаннаго крестьянина, глубоко убѣжденнаго въ непреложности ученія „духовныхъ христіанъ“.

Вечеромъ, придя къ Толстому, я засталъ его за работой: засучивъ рукава своей блузы до локтя, онъ усердно шилъ сапоги. Въ то время,—приблизительно около половины 80-хъ годовъ,—онъ особенно увлекался пилкой дровъ и шитьемъ сапоговъ. Злые языки немало острили въ то время по этому поводу. Такъ, между прочимъ, москвичи разсказывали, что первые сапоги, которые были сработаны Львомъ Николаевичемъ и подарены имъ письмоводителю его или переписчику, черезъ недѣлю же расползлись настолько, что не держались на ногахъ.

О судьбѣ второй пары сапогъ, сработанныхъ Толстымъ, существовалъ такой разсказъ. Онъ подарилъ эту пару своему давнишнему пріятелю, поэту А. А. Фету. Тотъ былъ очень доволенъ этимъ подаркомъ, но заявилъ, что, конечно, онъ никогда не будетъ носить этихъ сапогъ, а поставитъ ихъ въ витрину, подъ стекло, и затѣмъ пожертвуетъ въ музей, какъ необыкновенное и замѣчательное „произведеніе" графа Л. Н. Толстого... Но возвращаюсь къ разсказу.

Вокругъ Толстого были его дочери Татьяна и Марія, а также, сколько помнится, m-lle Философова и еще какая-то барышня, очевидно подруга дочерей. Вскорѣ Левъ Николаевичъ прекратилъ работу и перешелъ со мной въ свою комнату, столь хорошо всѣмъ извѣстную по множеству описаній.

Пришли Желтовъ и его мать, и начался разговоръ на религіозныя темы, въ которомъ Толстой принялъ очень живое и дѣятельное участіе. Мать Желтова оказалась женщиной умной, разсудительной, обладавшей прекраснымъ, чисто народнымъ говоромъ, какимъ отличаются поволжскіе жители. Держалась она просто, спокойно, съ достоинствомъ. На Льва Николаевича,—какъ онъ самъ потомъ говорилъ,—она произвела самое благопріятное впечатлѣніе.

Желтовы и сейчасъ по прежнему живутъ въ селѣ Богородскомъ, на Окѣ, занимаясь главнымъ образомъ шорнымъ мастерствомъ. На нижегородской ярмаркѣ у нихъ имѣется своя лавка, которую каждый молоканинъ, пріѣзжающій на ярмарку, считаетъ своей обязанностью посѣтить. Въ настоящее время Ѳ. А. Желтовъ является дѣятельнымъ сотрудникомъ молоканскаго журнала „Духовный Христіанинъ"; кромѣ того онъ занимается изданіемъ разсказовъ для народнаго чтенія и принимаетъ живое участіе въ мѣстныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.

Кромѣ сектантовъ, Левъ Николаевичъ нерѣдко направлялъ ко мнѣ и тѣхъ лицъ, которыя почему-нибудь интересовались религіозными движеніями русскаго народа и задавались цѣлью изу-

18

чить наше сектантство и старообрядчество. Такъ, напримѣръ, однажды онъ направилъ ко мнѣ извѣстнаго профессора пражскаго университета Масарика, бывшаго въ то время въ Москвѣ, при слѣдующемъ письмѣ:

„Александръ Степановичъ,

„Мой хорошій знакомый и очень хорошій человѣкъ Θома Осиповичъ Масарикъ,—профессоръ философіи въ Прагѣ,—желаетъ по моему совѣту познакомиться съ вами.—Увѣренъ, что вы понравитесь и будете полезны другъ другу.

Вашъ Л. Толстой".

Къ сожалѣнію, г. Масарикъ меня не засталъ и такимъ образомъ мнѣ не пришлось познакомиться съ этимъ интереснымъ человѣкомъ.

И впослѣдствіи, уже гораздо позднѣе, Левъ Николаевичъ не переставалъ направлять ко мнѣ лицъ, интересовавшихся русскимъ сектантствомъ вообще или же той или другой изъ нашихъ сектъ въ отдѣльности. Такъ, въ 1903-мъ году онъ направилъ ко мнѣ Елизавету Владиміровну Молоствову, которая по его же совѣту и указанію занялась собираніемъ свѣдѣній о сектѣ „Деснаго братства", извѣстной болѣе подъ именемъ еговистовъ.

II.

Въ голодовку 1899-го года.

Въ 1898-мъ году все среднее Поволжье и примыкающія къ нему юго-восточныя губерніи были поражены полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ и травъ.

...Хлѣбъ на поляхъ не родился.
Сдѣлался голодъ. Народъ умиралъ...

Особенно печальныя извѣстія шли изъ Казанской, Самарской, Симбирской и Уфимской губерній. Подъ вліяніемъ голода крестьяне распродавали за безцѣнокъ скотъ и домашній скарбъ; но это лишь на короткое время избавляло ихъ отъ крайней и острой нужды, которая росла все болѣе и болѣе. Появились болѣзни и эпидеміи,—всегдашніе, вѣчные спутники голода.

Чтобы дать представленіе о тѣхъ размѣрахъ, которыхъ достигло народное бѣдствіе, достаточно напомнить, что число боль-

ныхъ цынгою только въ трехъ губерніяхъ: Самарской, Казанской и Симбирской, весною 1899-го года доходило до 100.000 человѣкъ!

Голодовка 1898—99-го года застала меня въ городѣ Самарѣ, который, въ силу своего географическаго положенія, являлся естественнымъ центромъ района, наиболѣе пострадавшаго отъ неурожая. Въ то время я состоялъ на службѣ самарскаго губернскаго земства, въ качествѣ представителя „третьяго элемента", занимая должность секретаря губернской земской управы.

О томъ, какъ отнеслось правительство того времени, какъ отнеслась правящая бюрократія къ народному бѣдствію—я уже имѣлъ случай подробно говорить въ печати [1]). Поэтому я не буду здѣсь распространяться на эту тему и ограничусь лишь указаніемъ на то, что какъ мѣстная, самарская администрація, въ лицѣ вице-губернатора г. Кондоиди, такъ и центральная власть, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина, не переставали настойчиво утверждать, что никакого голода нѣтъ, а есть лишь легкій недородъ.

Между тѣмъ въ это самое время по селамъ, деревнямъ и хуторамъ Поволжья дѣти и взрослые пухли отъ голода и разныхъ суррогатовъ, которые они примѣшивали къ хлѣбу, чахли отъ недоѣданія, буквально гнили и разлагались отъ цынги, умирали отъ тифа.

При первыхъ же извѣстіяхъ о голодѣ, въ Самарѣ, въ средѣ мѣстной интеллигенціи, возникъ частный кружокъ, который поставилъ себѣ цѣлью оказывать помощь крестьянскимъ дѣтямъ, въ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, путемъ устройства безплатныхъ столовыхъ. Кружокъ составлялъ воззванія, въ которыхъ выяснялъ размѣры и степень нужды крестьянскаго населенія, пострадавшаго отъ неурожая, и приглашалъ общество къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Опасаясь противодѣйствія администраціи, кружокъ не рѣшался печатать этихъ воззваній въ газетахъ, но онъ усердно разсылалъ ихъ всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, на сочувствіе которыхъ можно было разсчитывать. Сдѣлавшись членомъ этого кружка, я старался путемъ печати знакомить русское общество съ тѣмъ, что творилось тогда въ Самарской губерніи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1899-го года ко мнѣ неожиданно явились молокане села Патровки, Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи, возвращавшіеся изъ Москвы, гдѣ они были у Л. Н. Тол-

[1]) „Голодающее крестьянство". Очерки голодовки 1898—99-го года. Изданіе „Посредника". М., 1906 г.

стого. Это были тѣ самые молокане, съ которыми я познакомился еще въ 1881-мъ году, когда мнѣ пришлось прожить въ ихъ селѣ нѣсколько недѣль, для собиранія свѣдѣній о молоканской сектѣ. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, и Василій Константиновичъ,—тотъ самый молоканскій начётчикъ, съ которымъ я ѣздилъ изъ Патровки ко Льву Николаевичу, когда онъ жилъ на своемъ хуторѣ [1]).

Пріѣхавшіе изъ Москвы молокане сообщили мнѣ, что Левъ Николаевичъ очень интересуется положеніемъ, въ которомъ находится населеніе Поволжья вслѣдствіе неурожая, и проситъ меня сообщить ему подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣла помощи въ Самарской губерніи.

При этомъ Василій Константиновичъ передавалъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ выражалъ готовность прислать къ намъ въ Самару часть тѣхъ денегъ, которыя присылаются въ его распоряженіе для помощи голодающимъ.

Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить желаніе Льва Николаевича и на другой же день отправилъ ему большое письмо, въ которомъ откровенно и подробно описалъ положеніе дѣла въ Самарской губерніи, насколько оно было мнѣ извѣстно. Спустя дня три послѣ этого, 23-го февраля, поздно вечеромъ, вернувшись съ засѣданія самарскаго частнаго кружка, я нашелъ у себя телеграмму изъ Москвы отъ Л. Н. Толстого, который спрашивалъ разрѣшенія напечатать въ газетахъ мое письмо къ нему. Конечно, я поспѣшилъ отвѣтить, что ничего не имѣю противъ напечатанія моего письма, которое вообще предоставляю въ полное его распоряженіе.

Вслѣдъ за этимъ, въ номерѣ 62 „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 4-го марта, Левъ Николаевичъ помѣстилъ мое письмо къ нему, съ нѣкоторыми, очень незначительными сокращеніями, вызванными, очевидно, цензурными соображеніями. Я, разумѣется, не буду приводить здѣсь моего письма, тѣмъ болѣе, что оно занимаетъ очень много мѣста; оно цѣликомъ перепечатано въ моей книгѣ: „Голодающее крестьянство“.

Левъ Николаевичъ, помѣщая мое письмо, предпослалъ ему отъ себя нѣсколько словъ, при чемъ сообщалъ краткій отчетъ въ тѣхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, которыя были получены имъ для помощи голодающимъ. Перечисливъ полученныя имъ суммы

---

[1]) О своихъ встрѣчахъ съ Толстымъ въ 1881-мъ году я недавно имѣлъ случай подробно разсказать въ одной изъ петербургскихъ газетъ („Рѣчь“, 1910 г., декабрь).

и указавъ то употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ нихъ согласно волѣ жертвователей, Левъ Николаевичъ писалъ:

„Изъ остальныхъ 3,925 рублей посылаю 3,101 руб. самарскому кружку для помощи нуждающимся, на имя Ал. Ст. Пругавина. Остающіеся 903 руб. такъ-же какъ и нѣкоторыя не полученныя еще съ почты и не вписанныя пожертвованія, направлю или въ Казанскую губернію, изъ которой ожидаю свѣдѣній отъ поѣхавшаго туда знакомаго, или опять же въ самарскій кружокъ".

„Не имѣя возможности самому ѣхать на мѣста, — писалъ Левъ Николаевичъ,—я прошу жертвователей обращаться прямо къ людямъ, занятымъ распредѣленіемъ помощи: кн. С. И. Шаховскому или А. С. Пругавину, письмо котораго ко мнѣ прилагаю. Письмо это уничтожаетъ всякую возможность сомнѣнія о существованіи нужды въ той мѣстности, которая описывается. Нужда должна быть очень тяжелая.

28 февраля 1899 года. Левъ Толстой".

Лично же мнѣ Левъ Николаевичъ писалъ по этому поводу отъ 2-го марта:

„Дорогой Александръ Степановичъ,

„Письмо ваше напечатаю и посылаю на дѣло вашего кружка 3,101 р. изъ находившихся въ моемъ распоряженіи пожертвованій.

„Помогай Богъ вамъ и вашимъ сотоварищамъ.

Уважающій и любящій васъ Левъ Толстой".

Призывъ Толстого, напечатанный въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", сдѣлалъ свое дѣло. Русское общество горячо отозвалось на этотъ призывъ великаго писателя. Пожертвованія, которыя до тѣхъ поръ поступали довольно скудно, вдругъ полились теперь рѣкой. Въ короткій срокъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, нашъ самарскій кружокъ получилъ болѣе 250 тысячъ рублей. Немало пожертвованій получилъ также кружокъ князя С. И. Шаховского, работавшій въ Уфимской губерніи.

Нѣкоторые жертвователи продолжали посылать деньги на имя Льва Николаевича, прося его употребить ихъ по своему усмотрѣнію. И эти деньги онъ также спѣшилъ переслать лично извѣстнымъ ему людямъ, работавшимъ на мѣстахъ голодовки: въ Уфимскую, Казанскую и особенно много — въ Самарскую губернію.

Такъ, 14-го апрѣля бывшій проѣздомъ въ Самарѣ сынъ Толстого, графъ Андрей Львовичъ, передалъ мнѣ отъ отца два банковскихъ перевода на двѣ тысячи двѣсти рублей.

Тронутые довѣріемъ и сочувствіемъ великаго писателя къ нашей скромной дѣятельности, мы, т.-е. я и другіе члены самарскаго частнаго кружка, отправили ему адресъ, въ которомъ горячо благодарили его и выражали ему свои чувства глубокаго уваженія и душевной симпатіи. Адресъ этотъ въ свое время былъ напечатанъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, 1-го мая, Левъ Николаевичъ писалъ мнѣ:

„Дорогой Александръ Степановичъ,

„Посылаю вамъ одну тысячу рублей изъ жертвуемыхъ черезъ меня для нуждающихся и прошу васъ передать ихъ въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности и наиболѣе практическія руки. Очень благодарю васъ и вашихъ сотоварищей за выраженныя мнѣ чувства, которыхъ я не заслуживаю къ сожалѣнію.

Любящій васъ Л. Толстой".

Въ концѣ мая, 29-го числа, Левъ Николаевичъ снова пишетъ:

„Посылаю вамъ, дорогой А. С., часть полученныхъ мною отъ жертвователей денегъ 441 р., прося васъ распредѣлить ихъ наилучшимъ образомъ на помощь страждущимъ.

Желаю вамъ всего лучшаго. Л. Толстой".

9-го іюня Левъ Николаевичъ переводитъ мнѣ по почтѣ 600 рублей, при чемъ на одномъ изъ шести купоновъ, при которыхъ онъ отправлялъ эти деньги, писалъ:

„Посылаю вамъ, дорогой Александръ Степановичъ, 600 р. изъ пожертвованныхъ черезъ меня. Тутъ есть 461 р. 68 к. изъ Ревельской гимназіи, предназначенные для Самарской и Саратовской, и 23 р. исключительно для дѣтей Алексѣевскаго [1]). Будьте добры размѣстить ихъ по назначенію. Радуюсь успѣху вашей дѣятельности. Левъ Толстой".

На другомъ купонѣ приписка рукою Льва Николаевича: „Спѣшу посылать деньги. Времени остается мало. Жалко бы

---

[1]) Село Бузулукскаго уѣзда, сосѣднее съ Патровкой.

было, если бы отъ несвоевременности помощи не покрылась бы та нужда, которая можетъ быть покрыта деньгами.—Л. Т.".

17-го іюня Левъ Николаевичъ пишетъ на открыткѣ: „Посылаю вамъ семьсотъ рублей. Спѣшу, чтобы не опоздать. — Л. Толстой".

А черезъ два дня онъ снова пишетъ:

„Дорогой Александръ Степановичъ,

„Каждый день получаю деньги и спѣшу посылать. Посылаю вамъ 800 р. Вашъ Л. Толстой".

Такимъ образомъ, благодаря Льву Николаевичу [1]), мы могли располагать довольно крупными средствами. Это дало намъ возможность значительно расширить свою дѣятельность и прежде всего открыть массу новыхъ столовыхъ для голодающихъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая.

Но въ борьбѣ съ голодомъ, кромѣ средствъ, нужны были *люди*, которые завѣдывали бы столовыми, помогали бы больнымъ, ходили бы за ними и т. д. Такіе люди особенно нужны были въ татарскихъ и другихъ инородческихъ селахъ и деревняхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ голода и въ то же время наиболѣе безпомощныхъ, вслѣдствіе отсутствія мѣстной интеллигенціи.

И въ этомъ отношеніи Левъ Николаевичъ явился нашимъ добрымъ геніемъ. Онъ началъ направлять къ намъ людей, которыхъ онъ лично зналъ и въ которыхъ былъ увѣренъ. И вотъ, къ намъ начали пріѣзжать молодыя барышни и молодые люди съ рекомендаціями отъ Толстого.

Позвольте привести здѣсь одно изъ такихъ писемъ-рекомендацій.

„Дорогой Александръ Степановичъ,

„Письмо это вамъ передастъ Юлія Михайловна Комарова. Эта молодая дѣвушка желаетъ работать въ дѣлѣ помощи народу. Я знаю по опыту, какъ бываетъ хорошъ, самоотверженъ и полезенъ трудъ такихъ особъ и потому надѣюсь, что она будетъ нужна въ томъ дѣлѣ, на которое вы ее направите.

Вашъ Левъ Толстой".

10 марта.

---

1) Члены семьи Льва Николаевича также нерѣдко направляли къ намъ въ Самару пожертвованія, которыя получались ими изъ разныхъ мѣстъ. Такъ, при письмѣ отъ 16-го апрѣля (1899 г.), гр. Татьяна Львовна Толстая выслала мнѣ изъ Москвы 900 рублей, „полученные отъ англійскихъ друзей".

А вотъ другое письмо Льва Николаевича, также съ рекомендаціей.

„Дорогой Александръ Степановичъ,

„Письмо это передастъ вамъ Любовь Матвѣевна Лепаринская, фельдшерица, очень хорошо и съ самой хорошей стороны мнѣ извѣстная. Трудолюбивая, умная, пріятная въ жизни, она хочетъ служить больнымъ въ вашей губерніи. Направьте ее гдѣ нужны хорошіе люди.

Любящій васъ Левъ Толстой".

И я долженъ сказать, что если вообще молодежь обоего пола, являвшаяся къ намъ на голодъ, работала прекрасно, то дѣятельность людей, которыхъ направлялъ къ намъ Толстой, прямо поражала своей полной самоотверженностью и той сердечной, беззавѣтной любовью, которую эти люди вкладывали въ дѣло помощи обнищавшему и голодавшему населенію селъ и деревень.

III.

Изъ позднѣйшихъ писемъ Л. Н. Толстого.

Полная нетерпимости политика святѣйшаго синода, во главѣ котораго стоялъ все тотъ же—по выраженію князя Мещерскаго — „Аракчеевъ русской церкви", К. П. Побѣдоносцевъ, къ началу только что минувшаго десятилѣтія достигаетъ своего апогея. Людей, которые желали вѣрить такъ, какъ подсказывала имъ ихъ совѣсть, ихъ внутреннее чувство, а не такъ, какъ требовали православные отцы и господа миссіонеры, — подвергали суровымъ, а подчасъ и жестокимъ, можно сказать безпощаднымъ преслѣдованіямъ.

Дѣло доходило до того, что нерѣдко людей, заподозрѣнныхъ въ уклоненіи отъ православія, въ отпаденіи отъ господствующей церкви, хватали и заключали въ Суздальскую крѣпость, или— какъ она называлась оффиціально,—въ „арестантское отдѣленіе Спасо-Ефиміева монастыря". Заключали безъ всякаго суда, а нерѣдко даже и безъ слѣдствія, по одному доносу православнаго миссіонера и по дознанію, произведенному какимъ-нибудь членомъ духовной консисторіи! И держали цѣлые годы въ сырыхъ, холодныхъ и мрачныхъ казематахъ монастырской тюрьмы.

Когда лѣтомъ 1902-го года мнѣ удалось посѣтить Суздаль и Спасо-Ефиміевъ монастырь, а также проникнуть въ секретный

архивъ этого монастыря, гдѣ хранятся „арестантскія дѣла“,— я пришелъ въ ужасъ отъ того, что мнѣ пришлось тамъ узнать, увидѣть и услышать. Суздальская монастырская тюрьма оказалась наполненной заключенными, изъ которыхъ нѣкоторые сидѣли уже по 5-ти, по 10-ти, по 15-ти и даже по 20-ти лѣтъ!

Я рѣшилъ опубликовать то, что мнѣ удалось узнать о монастырской тюрьмѣ и о ея узникахъ. Но, зная по горькому опыту, насколько была терроризирована въ то время наша печать Побѣдоносцевымъ, я плохо надѣялся на то, что найдется русскій органъ, который рѣшится выступить съ обличеніемъ возмутительныхъ, вопіющихъ насилій и беззаконій, совершаемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, при активномъ участіи и дѣятельномъ содѣйствіи гражданской власти.

Поэтому я и обратился къ Льву Николаевичу съ большимъ письмомъ, въ которомъ, сообщивъ ему подробно о Суздальской крѣпости, спрашивалъ его совѣта: возможно ли, по его мнѣнію, огласить въ русской печати собранные мною факты или же слѣдуетъ обратиться къ содѣйствію заграничной печати?

Левъ Николаевичъ не замедлилъ отозваться на мое обращеніе къ нему письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Очень благодаренъ вамъ, дорогой Александръ Степановичъ, за ваше письмо и за тѣ свѣдѣнія, которыя вы сообщаете въ немъ.

„Разумѣется, надо употребить всѣ средства для оглашенія этихъ темныхъ дѣлъ. Но какъ? Я думаю, что надо и то, и другое, т.-е., смягчивъ сколь возможно, попытаться напечатать въ русскихъ изданіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить вполнѣ въ заграничныхъ.

„Все у васъ прекрасно изложено и производитъ сильное впечатлѣніе, но описаніе состоянія Золотницкаго [1]) (или какъ-то такъ), надо или вовсе выпустить или значительно сократить. А то это можетъ подать поводъ къ разсужденію о томъ, что вы черты, свойственныя личности, переносите на послѣдствія заключенія. И безъ этого описаніе всего ужасно. Мы читали вслухъ и чтеніе безпрестанно прерывалось восклицаніями негодованія.

„Я давно знаю Суздальскую тюрьму. Мнѣ удалось содѣйствовать освобожденію оттуда трехъ старообрядческихъ архіе-

[1]) Священникъ П. Ф. Золотницкій за переходъ къ старообрядцамъ былъ заключенъ въ Суздальскую крѣпость, въ которой ему и пришлось просидѣть *болѣе тридцати* лѣтъ. Онъ былъ освобожденъ изъ крѣпости въ 1901-мъ году.

реевъ, взятыхъ въ Турціи. Кромѣ того Маклаковъ—Николай—женатый на моей внучкѣ, былъ въ самой тюрьмѣ года четыре тому назадъ. Очень, очень желалъ бы содѣйствовать распространенію свѣдѣній объ этомъ. Располагайте мною.

„Дружески жму вашу руку.—Левъ Толстой“.

1902 г., 12 сентября.

Письмо это, конечно, лишній разъ доказываетъ горячую, сердечную отзывчивость Льва Николаевича на всякій запросъ, обращенный къ нему. Онъ, видимо, принялъ близко къ сердцу судьбу суздальскихъ узниковъ и со своей стороны выразилъ полную готовность „содѣйствовать“ опубликованію фактовъ грубаго безграничнаго произвола и насилія. Конечно, я рѣшилъ воспользоваться столь любезно предложеннымъ мнѣ „содѣйствіемъ“ и тотчасъ же засѣлъ за статью о монастырскихъ узникахъ.

Въ то же время, заинтересовавшись словами Льва Николаевича въ его письмѣ о томъ, что ему удалось содѣйствовать освобожденію изъ Суздальской тюрьмы трехъ старообрядческихъ архіереевъ, я обратился къ нему съ просьбой сообщить мнѣ, если возможно, болѣе подробныя свѣдѣнія по этому поводу, т.-е. въ чемъ именно выразилось его содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія епископовъ-узниковъ? [1])

Въ отвѣтъ на свой запросъ я получилъ письмо отъ дочери Льва Николаевича, кн. Маріи Львовны Оболенской, которая писала мнѣ: „Мой отецъ, Левъ Николаевичъ, будучи самъ не совсѣмъ здоровъ эти послѣдніе дни, поручилъ мнѣ отвѣтить на ваше письмо слѣдующее:

„1) Онъ очень одобряетъ ваше намѣреніе относительно статьи о монастырскихъ заточеніяхъ и радъ будетъ посодѣйствовать ея распространенію и напечатанію.

„2) Относительно его участія въ освобожденіи епископовъ, дѣло было такъ: онъ былъ знакомъ съ тульскимъ раскольничьимъ архіереемъ Савватіемъ, и этотъ Савватій и разсказалъ отцу о заточенныхъ. Отецъ же передалъ его разсказъ своему пріятелю, тогдашнему тульскому вице-губернатору Урусову (Леониду Дмитріевичу), который въ свою очередь разсказалъ объ этомъ министру Игнатьеву. Игнатьевъ и устроилъ ихъ освобожденіе.

„Отецъ просилъ передать вамъ его привѣтъ и благодарность за ваше письмо“.

[1]) Судьба этихъ епископовъ-узниковъ, давно интересовавшая меня, была подробно описана въ моей брошюрѣ, изданной „Посредникомъ“ въ 1908-мъ году подъ заглавіемъ: „Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости“.

Въ настоящее время выясняется, что Левъ Николаевичъ не только черезъ кн. Урусова хлопоталъ объ освобожденіи старообрядческихъ архіереевъ, но и писалъ объ этомъ своей теткѣ, камеръ-фрейлинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, пользовавшейся особымъ уваженіемъ Александра III-го.

„У меня двѣ просьбы къ вамъ, то-есть, черезъ васъ къ Государю и Императрицѣ,—писалъ Левъ Николаевичъ Александрѣ Андреевнѣ.—Не бойтесь. Надѣюсь, что просьбы такъ легки, что вамъ не придется мнѣ отказать. Просьба къ Императрицѣ даже такова, что я увѣренъ, что она будетъ благодарна вамъ. Просьба черезъ нее къ Государю—за трехъ стариковъ, раскольничьихъ архіереевъ (одному 90 лѣтъ, двумъ около 60, четвертый—умеръ въ заточеніи), которые 22 года сидятъ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ. Имена ихъ: Кононъ, Геннадій, Аркадій.

„Когда я узналъ про нихъ, я не хотѣлъ вѣрить, какъ и вы, вѣрно, не повѣрите, что четыре старика сидятъ за свои религіозныя убѣжденія въ тяжеломъ заключеніи 23 года [1]. ...Вы знаете лучше меня—можно или нѣтъ просить за нихъ и освободить ихъ. А какъ бы хорошо было освободить ихъ въ эти дни... [2] Мнѣ кажется, что нашей доброй Императрицѣ такъ идетъ ходатайство за такихъ людей“.

Приводя эту выдержку изъ письма, которое напечатано въ недавно вышедшемъ сборникѣ писемъ Л. Н. Толстого, изданномъ г-номъ Сергѣенко, я считаю необходимымъ указать на явную ошибку, допущенную редакторомъ сборника при опредѣленіи даты этого письма. Письмо это отнесено къ 1883-му году, при чемъ въ заголовкѣ письма стоитъ: „Ясная Поляна, 1883 г. мартъ (?)“. Но тутъ очевидная ошибка: Толстой не могъ въ 1883-мъ году просить объ освобожденіи изъ тюрьмы трехъ старообрядческихъ епископовъ, такъ какъ освобожденіе ихъ произошло двумя годами раньше, а именно въ 1881-мъ году и состоялось,—какъ и писала кн. М. Л. Оболенская—при содѣйствіи министра Игнатьева, который въ 1882-мъ году замѣненъ былъ Дм. Андр. Толстымъ.

Закончивъ свою статью о монастырскихъ узникахъ, я тогда же переслалъ ее Л. Н. Толстому, съ просьбою попытаться напечатать ее въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ князя Ухтомскаго. Но въ этотъ моментъ редакція газеты „Право“ открыла страницы своего журнала для моихъ статей о монастырскихъ тюрь-

---

[1] Изъ подлинныхъ архивныхъ дѣлъ видно, что епископъ Аркадій сидѣлъ въ тюрьмѣ 27 лѣтъ, епископъ Кононъ—22 года и епископъ Геннадій—18 лѣтъ.—*А. П.*

[2] На страстной недѣлѣ.

махъ вообще и въ частности о Суздальской крѣпости. Такимъ образомъ необходимость въ содѣйствіи Льва Николаевича устранялась сама собой, тѣмъ болѣе, что вскорѣ явились лица, которыя выражали желаніе познакомить съ содержаніемъ этихъ статей и заграничную публику.

Спустя годъ послѣ этого, въ 1903-мъ году, я получилъ отъ Толстого интересное письмо, гдѣ онъ высказываетъ мысли, которыя онъ желалъ развить и доказать въ задуманной имъ тогда новой книгѣ о необходимости религіознаго сознанія и о томъ, что „безъ религіи никогда не жило и не можетъ жить человѣчество". Письмо это было вызвано присылкой ему мною только-что вышедшей тогда моей книги: „Религіозные отщепенцы". Вотъ это письмо:

„Дорогой Александръ Степановичъ,

„Получилъ вашу книгу и очень благодаренъ за нее. Многое— „Бѣлоризцы" напримѣръ—было для меня совсѣмъ новое, но и старое я перечелъ съ тѣми же чувствами, которыя испытывалъ прежде: зачѣмъ такъ мало написано въ этомъ родѣ и зачѣмъ то, что написано, такъ мало распространено?

„Книга о томъ, что всѣ наши бѣдствія, съ которыми борются самыми разнообразными, но всегда только пальятивными средствами,—всѣ происходятъ отъ того, что у нашей интеллигенціи, какъ правительственной, такъ и антиправительственной, нѣтъ не только религіознаго сознанія, но даже понятія о томъ, что безъ религіи никогда не жило и не можетъ жить человѣчество, такая книга, матеріалы для которой у меня собраны, составляетъ мою мечту. Хотѣлось бы до близкой смерти сдѣлать это кажущееся очень нужнымъ дѣло. И думается, что я могу его сдѣлать. Фетъ остроумно говорилъ: „чѣмъ больше живу, тѣмъ больше ничего не понимаю", я же напротивъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ яснѣе понимаю то, чего намъ недостаетъ и надъ чѣмъ мы всѣ должны трудиться. Прощайте пока. Дружески жму вашу руку.

Л. Толстой".

27 ноября 1903 г.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось обратиться съ письмомъ ко Льву Николаевичу въ 1906-мъ году по слѣдующему поводу. Редакція историческаго журнала „Былое", рѣшивъ посвятить мартовскую книжку своего журнала за 1906-ой годъ выясненію событія 1-го марта 1881-го года, задалась цѣлью сгруппировать въ ней свѣдѣнія объ отношеніи къ этому событію и его участникамъ русскихъ выдающихся писателей того времени: Л. Н.

Толстого, Владиміра Соловьева, Н. К. Михайловскаго, Н. В. Шелгунова и другихъ.

Зная о моемъ знакомствѣ съ Толстымъ, редакція просила меня написать Льву Николаевичу, не признаетъ ли онъ возможнымъ предоставить ей для напечатанія въ „Быломъ“ копію письма, которое онъ написалъ Александру III-му въ 1881-мъ году, послѣ того какъ судъ приговорилъ къ смертной казни шесть человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ женщинъ—Перовскую и Гельфманъ,—принимавшихъ участіе въ событіи 1-го марта.

Исполняя желаніе редакціи „Былого“, я сообщилъ объ этомъ Толстому, при чемъ писалъ ему, что было бы чрезвычайно важно и интересно, одновременно съ его письмомъ къ Государю, напечатать и то въ высшей степени характерное письмо К. П. Побѣдоносцева, которое послѣдній написалъ Льву Николаевичу по этому поводу и о которомъ мнѣ лично приходилось слышать отъ Толстого. Одновременно съ этимъ я написалъ также и П. И. Бирюкову, такъ какъ зналъ, что у него, какъ біографа Толстого, находится въ рукахъ много писемъ Льва Николаевича. Въ отвѣтъ на свое обращеніе къ Толстому я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

„Вчера получилъ ваше письмо, милый Александръ Степановичъ, а нынче о томъ же отъ Бирюкова. Мнѣ было бы непріятно посылать отъ себя письмо—да у меня его и нѣтъ,—а Павлу Ивановичу (Бирюкову. *А. П.*) это подобаетъ какъ эпизодъ изъ біографіи, которую онъ пишетъ. И я сегодня пишу, что даю ему carte blanche распоряжаться съ письмомъ къ А. III (къ Александру III-му. *А. П.*), какъ онъ хочетъ. О письмѣ же Побѣдоносцева пишу ему, что для напечатанія его нужно получить на то согласіе Побѣдоносцева. Я думаю можно бы вамъ или Павлу Ивановичу обратиться объ этомъ къ нему.

„Желаю вамъ успѣха въ вашемъ изданіи и вамъ лично всего хорошаго. „Вашъ Л. Толстой“.

1906. 3 марта.

Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ дорогого, незабвеннаго Льва Николаевича.

А. Пругавинъ.

ИЗЪ
Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(1814—1861)

I.

Мнѣ все равно: на Украинѣ
Иль здѣсь дожить мнѣ суждено,
И помнятъ узника въ пустынѣ
Иль я въ снѣгахъ забытъ давно,—
Къ чему мнѣ знать? Мнѣ все равно!
Въ неволѣ выросъ я съ чужими
И, не оплаканный своими,
Въ неволѣ, плача, смерть приму
И все, чѣмъ жилъ, съ собой возьму.
Со мной зароютъ на чужбинѣ
Тоску, угасшую во мглѣ,
По нашей славной Украинѣ,
По нашей—не своей землѣ.
И тамъ отецъ не скажетъ сыну:
„Не забывай, молись о немъ,—
Когда-то онъ за Украину
Замученъ былъ въ краю чужомъ!"
Мнѣ все равно: взроститъ онъ въ сынѣ
Ко мнѣ участья хоть зерно,
Иль нѣтъ... Но мнѣ не все равно,
Что врагъ коварный Украинѣ
Подастъ съ отравою вино
И, усыпивъ, на казнь осудитъ:
Ограбитъ—и въ огнѣ разбудитъ...
Ахъ, это мнѣ не все равно!

Въ Спб. крѣпости, 1847 г.

II.

Ну, что̀, казалось бы, слова̀?!
Слова̀ да голосъ... вѣдь не много!
А сердце вскинется, едва
Ихъ звукъ заслышитъ. Знать, отъ Бога
И голосъ тотъ, и тѣ слова...
Корабль нашъ плылъ... Я помолился,
Не то, чтобъ сильно разгрустился,
А такъ... задумался, стоялъ—
Глядѣлъ на подбѣгавшій валъ,
Какъ на Іуду. Изъ тумана
Неясно стала выступать
Румянолицая Діана.
Уже совсѣмъ рѣшилъ я спать,
Но захотѣлось подождать—
Полюбоваться круглолицей
Молодушкой... то-бишь, дѣвицей,
Или же, по-просту, луной.
Матросъ-землякъ изъ Островной
Стоялъ на вахтѣ въ это время.
Какой-то тайной грусти бремя
Его томило; онъ вздохнулъ
И тихо пѣсню затянулъ,
Чтобъ капитанъ его не слышалъ.
(А капитанъ, хоть тожъ землякъ,
Но злобой, видно, въ чорта вышелъ).
Онъ пѣлъ, какъ сирота-казакъ,
Батракъ сызмальства, шелъ въ солдаты...
И вдругъ мнѣ вспомнилось: когда-то
Давно, въ дни дѣтства моего,
Подъ вербой дѣвушка стояла
И такъ же пѣла про него,
Про сироту, и жаль мнѣ стало:
„Какъ онъ изморился,—
На плетень свалился!
Люди жъ баютъ
И болтаютъ,
Будто перепился“.
И я заплакалъ: жалко стало
Тогда мальчишкѣ сироты...
Чего жъ теперь заплакалъ ты?
Что̀ сердце старческое сжало?
Чего въ неволѣ стало жаль?
Что самъ въ солдатахъ? Что былое
Покрыла трауромъ печаль?
Что все святое, дорогое
Разбито въ прахъ, и никогда

Живая радость не вернется?
Что вотъ-какъ жить теперь придется?
Ну, что, голубчикъ, такъ ли?—Да!..

Косъ-Аралъ, 1848 г.

III.

Вы помните, мои друзья
(Чурайтесь впредь отъ той напасти!),
Какъ за рѣшеткой вы и я
Сидѣли, усмиривши страсти,
И, вѣрно, думали: „Когда
Мы для бесѣды вновь сойдемся
И улыбнемся, засмѣемся?“—
О, нѣтъ, друзья, мы никогда
Уже къ былому не вернемся!
Мы вмѣстѣ изъ Днѣпра не пьемъ
И разойдемся—унесемъ
Въ свои углы свою невзгоду,
Повѣруемъ еще въ свободу,
А послѣ жить съ людьми начнемъ,
Какъ всѣ—кому и какъ случится...
Пока жъ еще вамъ воля снится,
Будьте братьями-друзьями, родину любите,
О спасеніи несчастной Господа молите!
А предателя забудьте и не проклинайте...
И меня въ неволѣ лютой сердцемъ вспоминайте!

Орская крѣпость, 1847 г.

IV.

Мы въ дѣтствѣ съ ней росли вдвоемъ,
Мы въ дѣтствѣ съ нею полюбились;
И наши матери молились,
Чтобъ насъ увидѣть подъ вѣнцомъ.
Увы, старухи не дождались:
Онѣ до-времени скончались;
А мы разстались въ тѣ жъ года
И не встрѣчались никогда.
Меня по волѣ и неволѣ
Носило всюду и на поле
Родное старымъ принесло.
Тогда веселое, село
Теперь пустыннымъ показалось,
Такимъ же ветхимъ, какъ и я,
И скорбнымъ, какъ душа моя.
А кажется, все то жъ осталось,

Не выросло и не сгнило—
Стоитъ убогое село,
Такое же, какъ прежде было:
И тотъ же яръ, и тѣ жъ поля,
И тѣ жъ рядами тополя;
И надъ колодеземъ уныло
Поникла верба, какъ печаль,
И одиноко смотритъ вдаль;
Прудъ, гать; за рощею густою
Крыломъ мелькающій вѣтрякъ;
И дубъ зеленый—какъ казакъ
Изъ рощи вышелъ, подъ горою
Идетъ гулять; а на краю
Садочекъ темный, а въ садочкѣ
Лежатъ спокойно въ холодочкѣ
Отецъ и мать: имъ—какъ въ раю.
Кресты дубовые склонились,
И надписи безслѣдно смылись...
Не отъ дождей сошли слова,—
Сѣдое время все стираетъ...
Пусть со святыми почиваютъ!
Мы были съ братомъ.—Что, жива
Еще Оксаночка?—„Какая?"
Спросилъ и онъ въ отвѣтъ.—Такая
Малютка въ шапкѣ изъ кудрей.
Мы все играли въ дѣтствѣ съ ней...—
— „Тебѣ взгрустнулось, братъ?"—Нимало!—
— „Твоя Оксаночка сбѣжала:
Вслѣдъ за солдатами въ походъ
Она пошла и съ глазъ пропала.
Вернулась, правда, черезъ годъ,—
Да что ужъ! Принесла ребенка;
Острижена и не въ себѣ.
Такая дикая: сторонкой
Обходитъ встрѣчныхъ и въ избѣ
Своей ни днюетъ, ни ночуетъ.
Подъ тыномъ гдѣ-нибудь сидитъ,
Поетъ тихонько, иль кукуетъ
Кукушкою, иль такъ кричитъ;
И будто косу расплетаетъ...
Потомъ куда-то вновь ушла,
И гдѣ теперь, никто не знаетъ.
Погибла, знать: съ ума сошла...
А что за дѣвушка была!
Красавица... И не убога...
Да счастья Богъ ей не послалъ.
А можетъ, далъ, да врагъ укралъ
И обманулъ святого Бога"...

А. Колтоновскій.

Косъ-Аралъ, 1849 г.

V.

У Катерины новый домъ,
Домъ на помостѣ;
Изъ Запорожья въ немъ
Собрались гости:
Одинъ—Семенъ Босой,
Другой—Иванъ Нагой,
А третій гость въ свѣтлицѣ новой
Былъ славный атаманъ
Ярошенко Иванъ,
Сынъ вдовій.
— Знакома Польша намъ.
Извѣстна козакамъ
Вся Украина, —
Но нѣтъ другой
Нигдѣ такой,
Какъ Катерина! —
И молвилъ первый: „Братъ!
Когда бъ я былъ богатъ, —
Предъ Катериной
Я бъ золото металъ,
Богатства расточалъ
За мигъ единый".
И молвилъ вслѣдъ другой:
„Товарищъ дорогой!
Для Катерины
Всю мощь свою отдамъ,
Сложу къ ея ногамъ
За мигъ единый".
Тогда промолвилъ третій,
Сынъ вдовій молвилъ: „Дѣти!
Для Катерины
За мигъ единый
Свершу я все на свѣтѣ".
Глядитъ и говоритъ ему
Въ раздумьи Катерина:
„Въ неволѣ вражеской въ Крыму
Мой братъ единый;
О немъ давно ужъ нѣтъ вѣстей...
Кто брата мнѣ доставитъ —
Меня своей
Женой объявитъ".
И разомъ гости встали,
Коней сѣдлали, —
И ѣдутъ въ степь втроемъ
Искать въ краю чужомъ
Родного брата Катерины
Среди рабовъ чужбины.

И первый смерть нашелъ
Въ волнѣ Днѣпровой,
Посаженъ былъ на колъ
Другой въ Козловѣ, —
Но вдовій сынъ Иванъ,
Отважный атаманъ,
Смерть презирая,
Въ Бахчисараѣ
Невольника нашелъ,
На волю съ нимъ ушелъ.
Поутру рано въ дверь стучатъ
Въ домъ Катерины:
„Вставай! Вернулся братъ,
Твой братъ единый!“
Пришла, глядитъ на нихъ съ тоской
И говоритъ, рыдая:
„Не братъ онъ мнѣ,—онъ милый мой...
Тебя въ обманъ ввела я!“
— Ввела въ обманъ!—И въ мигъ единый,
Какъ подъ косой трава,
Скатилась на́-земь голова
Прекрасной Катерины.
„Уйдемъ скорѣй отсюда, братъ,
Изъ хаты оскверненной!“
И вихремъ вновь они летятъ
Въ степи уединенной.
Катерину чернобровую
Въ чистомъ полѣ схоронили;
Запорожцы дружбу новую
Побратимствомъ закрѣпили.

Косъ-Аралъ, 1848 г.

VI.

Тебя напрасно убѣждали
Остаться съ матерью,—ушла
Ты отъ нея. Она искала
Тебя вездѣ и не нашла;
Потомъ искать ужъ перестала
И умерла отъ слезъ. Давно
Дворъ опустѣлъ, гдѣ ты играла,
Собака вѣрная сбѣжала,
А въ хатѣ выбито окно.
Въ тѣнистомъ садикѣ ягнята
Весь день пасутся, а въ ночи
Кричатъ въ немъ совы и сычи:
Зловѣщій крикъ ихъ рвется въ хаты
И нарушаетъ мирный сонъ.
И твой цвѣтникъ весь заглушенъ,

Травою сорной зарастаетъ:
Тебя цвѣты напрасно ждутъ...
И твой проточный, чистый прудъ,
Гдѣ ты купалась, высыхаетъ;
И роща,—тихій твой пріютъ,—
Склонилась грустно надъ водою;
И птицы пѣсенъ не поютъ:
Ушла ты,—все взяла съ собою!
Въ крутомъ оврагѣ, подъ горой,
Колодезь твой весь полонъ ила,
И та тропа, гдѣ ты ходила,
Вся поросла густой травой.
Гдѣ ты теперь? Въ странѣ чужой
Кого ты радуешь собою?
Къ кому ты дѣвичьей душою
И сердцемъ нѣжнымъ приросла?
Съ кѣмъ счастье ты свое нашла?
Пророчитъ сердце: средь богатыхъ
Людей живешь ты, и не жаль
Тебѣ родной забытой хаты...
Молю я Бога, чтобъ печаль
Тебя вовѣкъ не разбудила,
Чтобъ скорбь тебя тамъ не нашла,—
Чтобъ Бога ты не осудила
И матери не проклялa!..

Въ Спб. крѣпости, 1847 г.

VII.

Живу въ изгнаньи одиноко,
И не съ кѣмъ мнѣ поговорить,
И не съ кѣмъ думу раздѣлить,
Что въ сердцѣ залегла глубоко.
    Ищу я Господа душою,
    А въ сердцѣ нахожу лишь то,
    О чемъ не говоритъ никто
    Наединѣ съ самимъ собою.
Идутъ безслѣдно дни и годы;
Отъ тяжкой скорби и тревогъ
Я утомился, изнемогъ,
Меня измучили невзгоды...
    Ушло и скрылось жизни лѣто,—
    И ни единый свѣтлый лучъ
    Мнѣ не сверкнулъ изъ грозныхъ тучъ...
    А сердце такъ искало свѣта!
Душа и нынѣ жадно проситъ
Хоть слова ласки... Нѣтъ его!
Пустыню сердца моего
Холоднымъ снѣгомъ вихрь заноситъ.

Косъ-Аралъ, 1848 г.

VIII.

Сойдемся ль гдѣ-нибудь мы снова,
Иль другъ отъ друга прочь уйдемъ
И нашу проповѣдь и слово
Навѣкъ въ изгнанье унесемъ?
Что дѣлать? Суждено судьбою
Намъ чашу горькую испить!
То воля Господа... Душою
Смириться мы должны,—молить
Должны Его о лучшей долѣ;
Должны въ изгнаньи и въ неволѣ
Другъ друга нѣжно вспоминать,
Должны любить родную мать,
Свою отчизну Украину, —
Ей всю свою любовь отдать
Въ часъ горькій, въ тяжкую годину.

Въ Спб. крѣпости, 1847 г.

IX.

Уходитъ жизнь... Томится грудь,
Въ отчаяньи ломаю руки:
Придетъ ли онъ когда-нибудь —
Апостолъ правды и науки?!

С.-Петербургъ, 1860 г., 5, XI.

М. Славинскій.

МУЗА ШЕВЧЕНКА

И ЕЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНІЕ

Характеръ творческаго дарованія Т. Г. Шевченка и характеръ общественнаго служенія его музы не имѣютъ аналогій въ другихъ литературахъ.

„Шевченко, какъ поэтъ,—говоритъ о немъ Костомаровъ,—это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая—такая пѣсня, которую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, какая должна была вылиться изъ народной души въ продолженіе народной современной исторіи. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникомъ народа въ прямомъ значеніи этого слова... Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, если бы его народное существо могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на днѣ его души... Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ уже заговорить и только ожидалъ, чтобы изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ; и вслѣдъ за такимъ творцомъ точно также заговоритъ и весь народъ и скажетъ единогласно: это мое... Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзіи". И какъ народная пѣсня не есть только поэзія, а сама жизнь, съ ея безграничнымъ разнообразіемъ, съ трагическимъ сочетаніемъ радости и печалей, такъ и пѣсня Шевченка не есть только

художественное творчество: она — „живое трепетаніе его сердца“, бившагося вмѣстѣ съ народнымъ сердцемъ, она—стонъ и ужасъ передъ жизнью и любовь къ ней, она—горячая вѣра въ будущее, она—борьба за правду и волю, она—человѣколюбіе, она—любовь. Поэзія Шевченка не есть творчество одного человѣка; его пѣсня—стихійное слово, выстраданное всѣмъ народомъ. „Муза Шевченка разодрала завѣсу народной жизни“. Все, что сознательно или безсознательно жило и покоилось въ народномъ чувствѣ, все, что плакало, радовалось и стонало въ сердцѣ народномъ—все слилось въ поэзіи Шевченка въ одинъ аккордъ, страстный, печальный, потрясающій. Шевченко все получилъ отъ народа и все отдалъ народу, отдалъ просвѣтленнымъ, претвореннымъ въ горнилѣ мысли, чувства и страданія. И, пройдя черезъ сердце поэта, народное начало, сохранивъ всю первоначальную красоту свою, пріобрѣло новую черту безцѣннаго значенія: оно стало общечеловѣческимъ. Шевченко—„послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ“ своей родины.

Но Шевченко не былъ только великимъ поэтомъ; онъ былъ и великимъ гражданиномъ своей отчизны, первымъ ея гражданиномъ въ современномъ значеніи этого слова, духовнымъ вождемъ, глашатаемъ соціальныхъ и политическихъ лозунговъ, не изжитыхъ еще и нынѣ, борцомъ за свободу народа, за его культурное, соціальное и національное возрожденіе. Общественная память не знаетъ имени, къ которому бы такъ, какъ къ Шевченку, подходили извѣстныя слова другого пламеннаго борца за свободу народа: „Взглянулъ окрестъ себя: душа его страданіями человѣчества уязвлена стала“. Эту „уязвленность души“ Шевченко пронесъ черезъ всю свою недолгую страдальческую жизнь; съ нею онъ, какъ Моисей, которому не дано было вступить въ обѣтованную землю, сошелъ и въ могилу.

Трагическая жизнь украинскаго генія извѣстна всѣмъ. Сынъ крѣпостного крестьянина Кіевской губерніи и самъ крѣпостной, Шевченко рано остается круглымъ сиротой и до шестнадцати лѣтъ ведетъ бродячій образъ жизни, то въ качествѣ школяра и слуги у мѣстныхъ учителей-дьячковъ, то въ качествѣ пастуха и батрака. Отъ шестнадцати до двадцати-четырехъ лѣтъ жизнь его проходитъ внѣ Украины: въ Вильнѣ, Варшавѣ, Петербургѣ; онъ состоитъ въ штатѣ дворовыхъ своего барина, то въ качествѣ поваренка и козачка, то въ качествѣ законтрактованнаго ученика у мастера малярнаго цеха. Нужда, побои, розги и жестокая приниженность опредѣляютъ этотъ періодъ жизни украинскаго поэта. Двадцати-четырехъ лѣтъ Шевченко, благодаря хлопотамъ и за-

ступничеству Брюллова, Жуковскаго и другихъ лицъ, усмотрѣвшихъ въ немъ талантъ художника, получаетъ волю; учится въ Академіи Художествъ, издаетъ „Кобзарь“, ѣздитъ въ Украину. Тридцати-трехъ лѣтъ, за участіе въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, Шевченка отправляютъ въ ссылку рядовымъ. Въ Орской крѣпости, Оренбургѣ и Новопетровскомъ Шевченко состоитъ солдатомъ десять лѣтъ, и лишь сорока трехъ лѣтъ, разбитый физически и нравственно, получаетъ свободу. Сорока-семи лѣтъ онъ умираетъ отъ болѣзни, явившейся прямымъ результатомъ его лишеній въ ссылкѣ. Сквозь призму времени жизнь эта кажется великой искупительной жертвой, принесенной за свободу родного народа. Шевченко—мученикъ и патронъ своей родины.

Муза Шевченка и ея общественное служеніе являются логическимъ завершеніемъ, синтезомъ всей совокупности внутреннихъ процессовъ, которые наросли и созрѣли въ жизни украинскаго народа въ первой половинѣ XIX-го вѣка. Шевченко былъ правъ, когда говорилъ, что исторія его жизни—часть исторіи его родины. Исторіей украинскаго народа и его литературы и своеобразнымъ движеніемъ украинскаго просвѣщенія объясняется прежде всего та исключительная легкость, съ которой Шевченко утвердилъ за крестьянскимъ украинскимъ языкомъ значеніе языка литературнаго. Народныя пѣсни, думы, сказанія, обычная разговорная рѣчь дали ему вполнѣ достаточный лексическій, грамматическій и синтаксическій матеріалъ, съ помощью котораго оказалось возможнымъ точно и художественно выразить тотъ сложный комплексъ чувствъ и идей общественнаго, политическаго и національнаго порядка, который составляетъ паѳосъ его произведеній. Шевченко въ этомъ отношеніи не былъ ни провозвѣстникомъ, ни реформаторомъ; своимъ творчествомъ онъ лишь несокрушимо утвердилъ старую традицію родной литературы.

Въ украинской литературѣ,—пишетъ одинъ изъ ея историковъ,—„какъ и во всякой другой славянской, духовная жизнь націи съ незапамятныхъ временъ отражалась параллельно въ словесности (устной традиціи, миѳологической и поэтической) и въ письменности. Одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ украинской литературы—параллельность и близость этихъ двухъ теченій. Съ одной стороны въ устной словесности южно-русса, даже въ томъ ея составѣ, какой сохранила народная память еще въ XIX-мъ столѣтіи, мы можемъ прослѣдить отраженіе всѣхъ историческихъ судебъ и всей культурно-исторической эволюціи народа почти съ до-историческихъ, до-христіанскихъ временъ до нашихъ дней; съ другой стороны и письменные памятники южно-

русской литературы съ самыхъ древнихъ временъ, не смотря даже на нѣкоторую ненародность ихъ языка, имѣютъ всегда болѣе или менѣе яркую окраску народнаго элемента. Съ теченіемъ времени это сближеніе и взаимодѣйствіе обѣихъ вѣтвей литературы дѣлается все тѣснѣе и живѣе". Въ творчествѣ Шевченка сближеніе это получаетъ свое окончательное завершеніе.

Украинскій народъ почти лишенъ высшихъ и среднихъ классовъ населенія; исключеніе представляетъ лишь украинская Галиція, но и тамъ земельная аристократія и крупная буржуазія—не украинскія. Дважды на протяженіи исторіи высшіе слои украинскаго народа бросали его на произволъ судьбы и пополняли собою густые ряды родственныхъ, болѣе сильныхъ вліяніемъ или культурой, сосѣднихъ славянскихъ національностей. Въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ почти всѣ украинскіе дворянскіе роды ополячились, положивъ начало многочисленнымъ польскимъ фамиліямъ, существующимъ и нынѣ; въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка вчерашняя выборная украинская козацкая старшина превратилась въ потомственное русское дворянство, одновременно съ этимъ, въ большинствѣ своемъ, порвавъ всякую связь съ украинскимъ языкомъ и украинскимъ народомъ. Исторія украинскаго народа, поэтому, есть по преимуществу исторія крестьянскихъ массъ, поражающихъ неисчерпаемымъ запасомъ жизненныхъ силъ, неистребимой энергіей возрожденія.

Украинское просвѣщеніе въ исторіи своей всегда было всѣмъ фронтомъ своимъ обращено къ народу, къ массамъ его. Новѣйшія изслѣдованія козацкихъ движеній, закончившихся, въ серединѣ XVII-го вѣка, революціей Богдана Хмельницкаго, указываютъ на то, что росту и успѣху этихъ движеній въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ тотъ самый „народный учитель", который, два слишкомъ вѣка спустя, побѣдилъ подъ Садовой. Рѣшительной борьбѣ между народными украинскими массами и одной изъ самыхъ могущественныхъ военныхъ державъ своего времени предшествовалъ культурно-просвѣтительный подъемъ, широко разлившійся по всей тогдашней украинской территоріи. „По всей землѣ русской, т.-е. козаковъ,—пишетъ Павелъ Алеппскій, проѣхавшій въ эпоху Хмельничины всю Украину съ юго-запада на сѣверо-востокъ,—мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство изъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами... Дѣти многочисленнѣе травы, и всѣ умѣютъ

читать, даже сироты. Вдовъ же и сиротъ въ этой странѣ множество: ихъ мужья были убиты въ безпрерывныхъ войнахъ". Та же „прекрасная черта" характеризуетъ и болѣе позднюю эпоху жизни украинскаго народа, по крайней мѣрѣ той его части, которая жила въ сравнительно свободныхъ условіяхъ позднѣйшаго козацкаго самоуправленія. Согласно вычисленіямъ проф. Багалѣя, перепись 1732-го года въ Слободской Украинѣ даетъ такой же процентъ учащихся по отношенію къ населенію, какой существовалъ въ земской Харьковской губерніи въ 1882-мъ году, т.-е. спустя полтора столѣтія. Но даже и въ правобережной Украинѣ, населеніе которой до конца XVIII-го вѣка, оставленное своими вождями, лишенное всякой поддержки извнѣ, жило между крайностями крѣпостничества и гайдамачины,—даже и тамъ не прерывалась традиція хотя бы простой церковной грамотности. Жалкая, нищая огромная семья правобережнаго крѣпостного крестьянина, надорвавшаго свои силы на барской работѣ, Григорія Шевченка—грамотна. Грамотенъ самъ Григорій Шевченко, грамотны его дѣти, въ томъ числѣ и бродяга-сирота Тарасъ, будущій великій украинскій поэтъ. И грамотность ничѣмъ не выдѣляетъ эту семью изъ состава украинскихъ крестьянскихъ семей того времени. Лишь впослѣдствіи, ко времени „воли" и частью даже послѣ нея, положеніе грамотности въ правобережной Украинѣ въ извѣстномъ смыслѣ измѣнилось къ худшему.

„Фронтальное" по отношенію къ народнымъ массамъ положеніе украинской образованности въ исторіи отразилось самымъ благотворнымъ образомъ на народной устной словесности и на томъ языкѣ, на которомъ создавались произведенія этой словесности. Въ произведеніяхъ этихъ, какъ въ пѣсняхъ, такъ и особенно въ думахъ, живущихъ еще и нынѣ въ памяти народной, видны несомнѣнные слѣды совмѣстнаго творчества народа и его образованныхъ классовъ, выдвинувшихся изъ народныхъ массъ, но продолжавшихъ жить съ народомъ общей жизнью. Языкъ этихъ произведеній высоко поднимается надъ уровнемъ обычной простонародной рѣчи, обычнаго стихійнаго творчества народнаго, обладая богатымъ и точнымъ лексическимъ запасомъ, культурнымъ строеніемъ фразы, эластическими грамматическими и синтаксическими категоріями. Языкъ этотъ, являясь къ концу XVIII-го вѣка единственнымъ богатствомъ украинскаго народа, сталъ ферментомъ новаго его національнаго возрожденія, падающаго уже на XIX-ый вѣкъ, сталъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ его новой интеллигенціи, выступившей на борьбу за человѣческія права родного народа. И во главѣ этой интеллигенціи,—что также отвѣчало старымъ

традиціямъ украинской исторіи, — сталъ крестьянинъ, сынъ и избранникъ народныхъ массъ, Тарасъ Шевченко.

Литература народа, представителями котораго оставались лишь крестьянскія массы и близкія къ нимъ, преимущественно сельскія состоянія, не могла быть иной, какъ демократической. Паѳосомъ этой литературы, ея общественнымъ служеніемъ не могла не стать борьба съ тѣмъ, что ко времени ея возрожденія являлось главнымъ зломъ крестьянскихъ массъ, главнымъ тормазомъ на пути ихъ развитія, тяжелымъ камнемъ, тянувшимъ ихъ во тьму и ужасъ соціальнаго дна: задачей литературы, подъявшей тяжелое и сладкое бремя народолюбія, не могла не стать борьба противъ крѣпостного права. И дѣйствительно, родоначальникъ новаго періода украинской литературы, Иванъ Котляревскій, сразу же кладетъ въ основу своей поэтической дѣятельности широкія народолюбивыя тенденціи. Въ своей „Энеидѣ", отпечатанной въ Петербургѣ въ 1798-мъ году, всего черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ оффиціальнаго введенія крѣпостного права въ народную жизнь лѣвобережной Украины, Котляревскій по достоинству оцѣнилъ этотъ институтъ, поднялъ противъ него смѣлый протестъ и намѣтилъ для родной литературы жгучую необходимость бороться съ нимъ. Его младшій современникъ Гулакъ-Артемовскій сравниваетъ жизнь крѣпостного крестьянина съ жизнью дворовой собаки. Цѣлая плеяда ихъ современниковъ и послѣдователей, писателей лѣвобережной Украины первой четверти XIX-го вѣка, неизмѣнно въ своихъ произведеніяхъ ставитъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ — вопросъ, служившій лейтмотивомъ всей украинской литературы первой половины истекшаго вѣка.

Но въ лѣвобережной Украинѣ, по крайней мѣрѣ въ ту эпоху, крѣпостное право проявлялось сравнительно въ легкихъ формахъ, ограничиваясь главнымъ образомъ извѣстной эксплоатаціей народнаго труда и сравнительно рѣдко переходя въ прямое издѣвательство надъ личностью. Вчерашняя старшина—лѣвобережное украинское дворянство,—казалось, еще находилась подъ вліяніемъ демократическихъ воспоминаній прошлаго. Даже высшіе слои этого дворянства ни разу не проявили оффиціально своего удовлетворенія по поводу введенія крѣпостного права; болѣе того— можно было бы собрать рядъ историческихъ свидѣтельствъ, что они не безъ опасеній отнеслись къ этому институту. Одинъ изъ ихъ представителей, обрусѣвшій литераторъ Капнистъ, въ своей извѣстной „Одѣ" даже прямо протестуетъ противъ этой реформы,—и онъ былъ не одинокъ. Средніе и низшіе слои лѣво-

бережнаго дворянства, лично мало заинтересованные въ новомъ институтѣ, за малочисленностью или полнымъ отсутствіемъ у нихъ крѣпостныхъ, къ тому же близко соприкасавшіеся съ народной жизнью, шли гораздо далѣе своихъ высшихъ собратій въ этомъ вопросѣ: изъ ихъ среды главнымъ образомъ и вышли указанные выше представители новой украинской литературы. Они заложили основы народничества, опередившаго русское народничество на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Движеніе идей этого народничества, въ генезисѣ своемъ не чуждаго идей знаменитаго украинскаго философа XVIII-го вѣка, Сковороды, впослѣдствіи, уже при участіи Шевченка, завершилось созданіемъ высоко культурной—національной, политической и соціальной—программы Кирилло-Меѳодіевскаго братства, пережившей своихъ творцовъ, ставшей прочною основой всего дальнѣйшаго развитія украинскаго общества, остающейся въ значительной мѣрѣ таковою и нынѣ. Духомъ этого народничества пропитаны были и всѣ промежуточные между помѣщичьимъ и крестьянскимъ классы населенія: авторитетное и сильное сельское и городское духовенство, многочисленное мѣщанство, козаки и т. д. Общность языка, религіи и происхожденія, новизна рѣзкаго классоваго распредѣленія и отсутствіе какихъ бы то ни было феодальныхъ традицій разрѣжали въ лѣвобережной Украинѣ тяжелую атмосферу крѣпостного права и уберегли ее отъ эксцессовъ, столь легко возникавшихъ на основѣ этого института.

Въ иномъ положеніи находилась правобережная Украина—край, въ которомъ въ теченіе всего XVIII-го вѣка не угасалъ пожаръ кровавыхъ народныхъ возстаній, жестоко подавляемыхъ и вновь загорающихся. Твердая рука новой русской власти прекратила здѣсь вѣковую вооруженную анархію, но это послужило на пользу не крестьянству правобережной Украины, а его поработителямъ. Двойнымъ гнетомъ легло крѣпостное право на крестьянское населеніе этого края. Сила этого гнета, удушливая атмосфера его не умѣрялась ничѣмъ, а напротивъ, усиливалась и сгущалась по той причинѣ, что угнетатели и угнетаемые представляли собою не только два класса, но и два народа, два языка, двѣ религіи, между которыми не было въ прошломъ ничего, кромѣ жгучей ненависти и вѣковой вражды. Все населеніе правобережной Украины раздѣлилось на два враждующихъ между собой лагеря—помѣщиковъ и крестьянъ. Внѣшнее спокойствіе, установленное властью, не способствовало примиренію между ними, но скорѣе углубило и усложнило внутреннее ихъ расхожденіе. Помѣщики пользовались до конца

своею властью надъ рабомъ-крестьяниномъ, не останавливаясь ни передъ абсолютной эксплоатацией его труда, ни передъ столь же абсолютнымъ пренебреженіемъ къ его личности. Крестьяне боролись, какъ могли и какъ умѣли, въ свою очередь не останавливаясь ни передъ чѣмъ: жгли помѣщичьи усадьбы и скирды, убивали помѣщичьихъ управляющихъ и самихъ помѣщиковъ, массами разбѣгались въ разныя стороны, преимущественно въ мало заселенныя тогда Новороссію и восточную Бессарабію, положивъ такимъ образомъ основу прочной украинской колонизаціи этихъ мѣстъ.

Все населеніе правобережной Украины такъ или иначе было вовлечено въ самую гущу этой борьбы: власти стояли на сторонѣ помѣщиковъ; сельское духовенство, мелкое мѣщанство, такъ называемая украинская „шляхта"—свободные мелкіе землевладѣльцы и земледѣльцы пестраго происхожденія и состава—становились чаще на сторону крестьянства, занимаясь пристанодержательствомъ бѣглыхъ, оказывая тысячи мелкихъ и крупныхъ услугъ отдѣльнымъ единицамъ и массамъ крестьянства, тайно и явно боровшимся противъ своихъ легальныхъ господъ. Люди, выступившіе на путь открытой борьбы съ помѣщиками въ формѣ разбоя, грабежа и убійствъ, оказывались неуловимыми въ благопріятствовавшей имъ средѣ того времени. „Послѣдній гайдамака" Кармелюкъ, дѣйствовавшій въ Подольской губерніи въ первой половинѣ XIX-го вѣка, въ теченіе полутора десятка лѣтъ наводилъ ужасъ на окружающихъ помѣщиковъ, и еще при жизни былъ причисленъ народомъ къ сонму героевъ, „защитниковъ бѣдныхъ и мстителей панамъ" и прославленъ въ красивыхъ пѣсняхъ, которыя еще и нынѣ можно слышать изъ народныхъ устъ. Во время польскаго возстанія тридцатыхъ годовъ только опасеніе русскаго правительства вызвать всеобщій народный пожаръ предупредило поголовное истребленіе помѣщичьяго класса въ правобережной Украинѣ. То же повторилось уже послѣ „воли", во время польскаго возстанія шестидесятыхъ годовъ, когда на призывъ польскихъ повстанцевъ украинское крестьянство отвѣтило массовымъ изготовленіемъ въ деревенскихъ кузницахъ своеобразныхъ, варварскаго типа, копій, съ которыми оно предполагало идти на усмиреніе взбунтовавшихся пановъ, „пожелавшихъ вернуть утраченное крѣпостное право". Находились и люди, пытавшіеся оправдать народную борьбу противъ крѣпостного права построеніями идеологическаго порядка. Однимъ ихъ такихъ идеологовъ, сквозь туманный и тяжелый націонализмъ котораго билось удрученное страданіями родного народа, страстное, пра-

ведное сердце, является Семенъ Олейничукъ, подольскій крестьянинъ, родившійся въ 1798-мъ году, обманнымъ образомъ получившій гимназическое образованіе, скрывавшійся большую часть своей жизни отъ властей и своего пана и окончившій жизнь секретнымъ арестантомъ Шлиссельбургской крѣпости въ 1852-мъ году за написанное имъ, хотя и не опубликованное сочиненіе: „Историческій разсказъ природныхъ жителей Малороссіи Заднѣпровской, т.-е. губерній Кіевской, Каменецъ-Подольской и Житомиръ-Волынской, про свое житье-бытье“ [1]). Глухія народныя легенды окружили своимъ мглистымъ ореоломъ жизнь этого неразгаданнаго еще страдальца за народную свободу, предшественника Шевченка на тернистомъ пути обороны человѣческихъ правъ народа.

Въ этомъ аду непримиренныхъ противорѣчій, непрекращающейся ненависти и борьбы, родился и выросъ великій поэтъ украинскаго народа и борецъ за его свободу. Потомокъ вольныхъ козаковъ, внукъ гайдамаки, участника кровавыхъ событій 1768-го года, лично знавшаго Желѣзняка и Гонту, сынъ крѣпостного крестьянина, умершаго на барщинѣ, самъ лично испытавшій на себѣ всю тяжесть крѣпостной неволи, Шевченко непосредственно изъ жизни, отъ людей, изъ ихъ рѣчей, изъ кровной близости съ ними получилъ весь тотъ матеріалъ, который нуждался лишь во внѣшней творческой обработкѣ, чтобы поразить и ужаснуть способныя еще ужасаться людскія сердца. Форму для обработки этого матеріала дало ему родившееся и окрѣпшее до него литературное народничество лѣвобережной Украины. Въ творчествѣ Шевченка совершилось сліяніе народной стихіи и интеллигентскаго сознанія, сліяніе органическое, непосредственное и неразрывное, сліяніе оплодотворяющее, которымъ создается національность. И недаромъ украинскій народъ создалъ величественныя легенды о безсмертіи своего поэта и вождя; недаромъ украинская интеллигенція чтитъ его, какъ патрона и покровителя своей прекрасной родины.

М. Славинскій.

[1]) Подробнѣе объ Олейничукѣ см. „Былое“, 1906 г., апрѣль, ст. П. Е. Щеголева.

ПОЛВѢКА ТОМУ НАЗАДЪ И ТЕПЕРЬ

Немного осталось людей, сознательно переживших достопамятные февральскіе и мартовскіе дни 1861-го года. Не лишними для характеристики той эпохи могутъ оказаться, поэтому, воспоминанія и такого свидѣтеля, какъ пишущій эти строки, стоявшій въ то время далеко отъ главныхъ теченій общественной жизни.

Годы моего ученья въ училищѣ правовѣдѣнія (1849—55) совпадаютъ съ послѣдними годами царствованія императора Николая. Глухое вообще, это время было особенно глухимъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи, съ самаго основанія своего замкнувшемся въ узко понимаемую спеціальность и еще менѣе чуткомъ къ новымъ запросамъ времени, чѣмъ другой привилегированный разсадникъ должностныхъ лицъ — александровскій (бывшій царскосельскій) лицей. Невысокъ былъ общій уровень преподаванія юридическихъ предметовъ въ старшихъ классахъ, конкуррировавшихъ съ университетомъ. Скучно и вяло говорилъ намъ о крѣпостномъ состояніи профессоръ государственнаго права Палибинъ, въ этой части своего курса, какъ и во всѣхъ другихъ, ограничивавшійся почти буквальнымъ пересказомъ дѣйствующихъ узаконеній; ничего не узнавали мы и о прошломъ крѣпостныхъ людей изъ лекцій профессора исторіи, И. П. Шульгина. Холодомъ, отдаленіемъ отъ жизни дышали лекціи по исторіи русскаго законодательства, которыя намъ читалъ К. А. Неволинъ. Не всѣ преподаватели, однако, отличались равнодушіемъ „дьяковъ, въ приказѣ посѣдѣлыхъ". Прямо не возставалъ противъ крѣпостныхъ порядковъ, не имѣя къ тому непосредственнаго повода, профессоръ уголовнаго права, П. Д. Калмыковъ; но его рѣзкая, почти страстная критика тѣлесныхъ наказаній, какъ кары, налагаемой по суду, могла внушить слушателямъ отвращеніе къ одному изъ главныхъ „инструментовъ" помѣщичьей власти, подготовляя болѣе радикальное ея отрицаніе. Остроумно и сдержанно,

говоря о „Запискахъ охотника“, давалъ намъ почувствовать ужасы крѣпостного права профессоръ русской словесности, Н. А. Вышнеградскій (прославившійся впослѣдствіи какъ основатель женскихъ гимназій). Тургеневъ не входилъ въ оффиціальную программу курса, но Вышнеградскій находилъ возможнымъ знакомить насъ съ его произведеніями, тогда еще малочисленными, и раскрывалъ передъ нами ихъ глубокій смыслъ, до котораго мы едва ли добрались бы собственными силами. Итакъ, новыя, еще смутныя вѣянія проникали и въ нашу тщательно оберегаемую среду. Сильнаго дѣйствія они не производили, между прочимъ — потому, что встрѣчали мало поддержки внѣ стѣнъ училища. Наши отцы, родственники, близкіе знакомые, принадлежали, большею частью, или къ помѣщичьему, или къ чиновничьему міру. Я не помню, чтобы кто-нибудь изъ тѣхъ моихъ товарищей, родители которыхъ владѣли крѣпостными людьми [1]), были расположены къ принципіальной защитѣ крѣпостного права; но незамѣтно было у нихъ и сознательной вражды къ нему. Вообще мы вышли изъ училища довольно беззаботными, мало задумывались надъ тѣмъ, чего можно и должно ожидать отъ новаго государя, мало понимали значеніе войны, неуспѣшность которой обрисовалась уже тогда съ достаточною ясностью.

Долго это пассивное отношеніе къ современности продолжаться не могло. Какъ ни узка была та сфера, въ которую мы вступили послѣ выпуска, какъ ни слабы были отголоски дѣйствительности, доходившіе до Сената или министерства юстиціи, и здѣсь чувствовалась все больше и больше напряженность общественной атмосферы. Велико было дѣйствіе печальныхъ вѣстей, приходившихъ, лѣтомъ и осенью 1855-го года, съ театра войны. Я помню, что еще до паденія Севастополя я выучилъ наизусть и декламировалъ у своихъ знакомыхъ передававшееся изъ рукъ въ руки стихотвореніе: „Къ русскому царю“. За нимъ послѣдовало другое, еще болѣе смѣлое: „Къ русскому народу“, изъ котораго у меня до сихъ поръ сохранились въ памяти цѣлые отрывки. Здѣсь уже прямо говорилось о народѣ, „подавленномъ рабствомъ, скованномъ постыдными цѣпями“. Скоро оживилась и легальная литература, въ особенности журналистика, вліяніе которой было тѣмъ сильнѣе, что въ первые годы новаго царствованія она вся, за немногими и ничтожными исключеніями, била въ одну точку, вся доказывала необходимость далеко проникающихъ преобразованій, вся стояла за освобожденіе крестьянъ. Я увлекался тогда почти одинаково и „Русскимъ Вѣстникомъ“ Каткова, и „Современникомъ“, гдѣ первен-

---

[1]) Мои родители и ближайшіе родственники не имѣли „крещеной собственности“, и жизнь крѣпостной деревни мнѣ по личному опыту не была знакома.

ствовалъ Чернышевскій и только что начиналъ выступать Добролюбовъ. Первый нравился мнѣ умѣренностью и сдержанностью, подходившею къ тогдашнему моему настроенію—второй отталкивалъ иногда рѣзкостью тона [1]; но къ числу самыхъ глубокихъ впечатлѣній моей первой молодости принадлежатъ тѣ, которыя произвело на меня чтеніе „Очерковъ Гоголевскаго періода" и, нѣсколько позже, статей Добролюбова объ „Обломовѣ", о „Наканунѣ", о „Темномъ царствѣ". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что лихорадочный интересъ съ которымъ я ожидалъ каждой новой книжки журнала, испытывали тогда тысячи, десятки тысячъ молодыхъ людей и что литература сыграла огромную роль въ созданіи настроенія, благопріятнаго для реформъ вообще и для величайшей изъ нихъ въ частности. Общая приподнятость отразилась и на людяхъ другого возраста, придавленныхъ и обезсиленныхъ продолжительнымъ николаевскимъ режимомъ. Мой отецъ въ молодости говорилъ и писалъ противъ крѣпостного права; въ зрѣлые годы онъ старался внушить своему царственному ученику—будущему императору Александру II-му—стремленіе къ поднятію благосостоянія народной массы, невозможному безъ освобожденія ея отъ крѣпостной зависимости [2]. Новое царствованіе застало его состарѣвшимся и больнымъ; но рескриптъ 20-го ноября 1857-го года возбудилъ въ немъ радостное чувство, и онъ словно ожилъ, когда товарищи его по Академіи Наукъ привѣтствовали его, послѣ обнародованія этого рескрипта, какъ человѣка, косвенно способствовавшаго его появленію.

Къ концу пятидесятыхъ годовъ мой кругъ знакомства, до тѣхъ поръ ограничивавшійся товарищами по училищу и по службѣ, значительно расширился, благодаря, главнымъ образомъ, устройству перваго, кажется, въ Россіи юридическаго кружка, образованнаго въ предвидѣніи судебной реформы, съ цѣлью приготовленія къ ней. Во главѣ кружка сталъ Д. В. Стасовъ, въ домѣ котораго со-

[1] Именно этимъ были вызваны первыя мои строки, появившіяся въ печати (въ маѣ 1857-го года), хотя и не предназначавшіяся для нея: письмо въ редакцію „Экономическаго Указателя" (издававшагося И. В. Вернадскимъ), гдѣ я не столько возражалъ противъ мнѣнія Н. Г. Чернышевскаго объ общинномъ владѣніи—въ то время этотъ вопросъ мнѣ былъ еще мало знакомъ, и я избѣгалъ обсужденія его по существу,—сколько противъ полемическихъ пріемовъ, съ помощью которыхъ оно проводилось.

[2] Издавая, въ 1848 г., свои „Статистическіе очерки Россіи", мой отецъ, въ посвященіи на имя наслѣдника престола, вспомнилъ, какъ горячо его ученикъ „скорбѣлъ о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жизни для народа". Слова эти обратили на себя вниманіе секретнаго цензурнаго комитета; по его распоряженію посвященіе было вырѣзано изъ книги и уцѣлѣло только въ немногихъ экземплярахъ.

бирались не только юристы, но и выдающіеся ученые, художники, литераторы. Только теперь я получилъ возможность ближе слѣдить за ходомъ крестьянскаго дѣла. И раньше, конечно, можно было узнавать кое-что изъ сообщеній въ печати, изъ устныхъ разсказовъ; и раньше было видно, что въ высшихъ сферахъ идетъ борьба, происходятъ столкновенія, съ трудомъ и непрочно устанавливаются основы преобразованія. Какъ и многіе другіе, я слышалъ объ опалѣ, постигшей К. Д. Кавелина за выраженіе въ печати такихъ мнѣній, которыя вскорѣ получили оффиціальную санкцію; я зналъ, что кромѣ обычныхъ цензурныхъ заставъ существуютъ спеціальныя, что всѣ статьи, касающіяся крестьянскаго дѣла, просматриваются особо уполномочиваемымъ на то чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ; мнѣ былъ лично близокъ одинъ изъ такихъ чиновниковъ, навлекшій на себя грозу разрѣшеніемъ къ печати статьи Кокорева: „Милліардъ въ туманѣ". Полную и яркую картину всѣхъ этихъ страховъ, всѣхъ этихъ колебаній мнѣ дали, однако, только разсказы Кавелина, котораго я встрѣтилъ въ первый разъ у Д. В. Стасова въ началѣ 1860-го года. Это было какъ разъ послѣ смерти Я. И. Ростовцова, котораго Кавелинъ хорошо зналъ по своей прежней службѣ въ управленіи военно-учебныхъ заведеній и о которомъ былъ весьма невысокаго мнѣнія. Изъ словъ Кавелина можно было заключить, что кончина перваго предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій — не такое бѣдствіе, какимъ ее считали тогда многіе сторонники реформы. И всетаки на насъ, молодыхъ юристовъ, имѣвшихъ случай ознакомиться со взглядами и пріемами министра юстиціи, удручающе подѣйствовала вѣсть о назначеніи его на мѣсто Ростовцова. Кто бывалъ на засѣданіяхъ Консультаціи, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ графа Панина, тотъ зналъ, какъ мало онъ расположенъ прислушиваться къ чужому голосу, какъ легко пренія, имъ руководимыя, сводятся къ его монологамъ, и рѣшенія постановляются не столько по большинству голосовъ, сколько подъ диктовку предсѣдателя. Позволительно было опасаться, что нѣчто подобное произойдетъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ—и настроеніе тѣхъ, кому былъ дорогъ успѣхъ реформы, не могло не быть тревожнымъ. Опасенія не осуществились, отчасти благодаря стойкости большинства коммиссій, отчасти благодаря тѣмъ ограничительнымъ условіямъ, которыя поставилъ гр. Панину самъ государь; но назначеніе его оставалось, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ тѣхъ событій, которыя бросаютъ тѣнь на будущее. Невольно возникалъ вопросъ, зачѣмъ ставится во главѣ дѣла человѣкъ, явно ему враждебный? Зачѣмъ подвергается риску, въ рѣшительный моментъ, правильное теченіе почти законченной реформы? Оскорбительнымъ казалось недовѣріе къ людямъ, такъ много сдѣлавшимъ для успѣшнаго выполненія возло-

женной на нихъ задачи; оно было признакомъ тяготѣнія къ тѣмъ сферамъ, откуда шло противодѣйствіе новизнѣ. И почти въ то же самое время разыгрался тверской эпизодъ, также обѣщавшій мало хорошаго. Единственному дворянству, постоянно стоявшему на сторонѣ преобразованія, запрещено было говорить о примѣненіи его къ данной губерніи—и когда оно обратилось къ государю съ ходатайствомъ о дозволеніи ему „имѣть сужденіе о своихъ нуждахъ и пользахъ, не стѣсняясь возможною соприкосновенностью ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ", главный иниціаторъ ходатайства, А. М. Унковскій, былъ удаленъ отъ должности губернскаго предводителя дворянства. Два мѣсяца спустя онъ былъ высланъ въ Вятку; административной карѣ подверглись и ближайшіе единомышленники его, А. И. Европеусъ и А. А. Головачевъ. Никогда еще, кажется, проявленія произвола не производили такого тягостнаго впечатлѣнія: слишкомъ очевидно было противорѣчіе между ними и новыми путями, на которые какъ будто бы хотѣла вступить верховная власть. И это впечатлѣніе усиливалось тѣмъ, что лучшая часть тверскихъ дворянъ, съ Унковскимъ во главѣ, не только искренно желала справедливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, но и смотрѣла дальше въ будущее, связывая первую реформу съ цѣлымъ рядомъ дальнѣйшихъ преобразованій, затрогивающихъ всѣ главныя стороны государственной и народной жизни. Чувствовалось, что именно потому и заглушается голосъ тверского дворянства, именно потому и принимаются мѣры строгости противъ его руководителей.

Послѣдніе фазисы крестьянскаго дѣла—разсмотрѣніе его въ Главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ—прошли сравнительно мало замѣченными, потому что въ большую публику свѣдѣній о нихъ проникало немного. Мало замѣчены были также, въ первое время послѣ обнародованія манифеста, тѣ перемѣны, неблагопріятныя для крестьянъ, которыя были внесены высшими инстанціями въ положенія 19-го февраля. Въ широкихъ кругахъ общества фактъ упраздненія крѣпостной зависимости заслонялъ собою частные дефекты новаго законодательства. Преобладало чувство радости, тѣмъ болѣе глубокой, чѣмъ дольше длилась неизвѣстность и чѣмъ меньше была увѣренность въ счастливомъ исходѣ дѣла, встрѣчавшаго столько преградъ и затрудненій. Долго радоваться не пришлось. Скоро стали приходить вѣсти о недоразумѣніяхъ на мѣстахъ, о случаяхъ „неповиновенія властямъ", о массовыхъ экзекуціяхъ, которымъ подвергаются крестьяне. Особенно тяжелое впечатлѣніе произвела извѣстная казанская исторія, окончившаяся смертною казнью. Нѣкоторымъ противовѣсомъ являлись слухи объ удачномъ выборѣ первыхъ мировыхъ посредниковъ; но сильный ударъ надеждамъ на будущее былъ нанесенъ

увольненіемъ Ланского — отъ должности министра, Милютина — отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Всѣ знали, какую роль сыгралъ послѣдній въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, при пассивной, но тѣмъ не менѣе весьма цѣнной поддержкѣ перваго. Одновременное удаленіе ихъ обоихъ отъ активнаго участія въ управленіи было признакомъ рѣзкой перемѣны въ настроеніи государя — перемѣны, желанной только для „обиженныхъ и огорченныхъ“ упраздненіемъ крѣпостного права. Мало въ то время былъ извѣстенъ преемникъ Ланского, Валуевъ; только гораздо позже раскрылось участіе его, вмѣстѣ съ его прежнимъ начальникомъ Муравьевымъ, въ агитаціи противъ редакціонныхъ коммиссій; но знаменательно было уже и то, что веденіе дѣла первостепенной важности было передано въ руки лица, не участвовавшаго въ его подготовкѣ и не связаннаго съ нимъ внутреннею связью. Съ особенною яркостью обнаружилось то, что̀ чувствовалось по временамъ и раньше: неусточивость и непослѣдовательность правительственной политики. Поворотъ въ направленіи крестьянскаго дѣла заставлялъ опасаться не только за его дальнѣйшую судьбу, но и за участь другихъ реформъ, уже поставленныхъ на очередь и необходимыхъ для обновленія русской жизни. И вотъ почему годъ освобожденія крестьянъ сталъ годомъ первыхъ антиправительственныхъ выступленій; первыхъ студенческихъ безпорядковъ, первыхъ революціонныхъ прокламацій. До меня, состоявшаго еще на государственной службѣ и не соприкасавшагося съ крайними элементами въ обществѣ и печати, доходили только смутные отголоски растущаго неудовольствія; но оно задѣвало и меня, побуждая меня, осенью 1861-го года, подписать петицію объ освобожденіи арестованныхъ студентовъ, а весною 1862-го года — принять участіе, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, Д. В. Стасовымъ и В. П. Гаевскимъ, въ защитѣ тверскихъ мировыхъ посредниковъ, преданныхъ суду Сената. О томъ, что̀ дѣлается въ провинціи, я узналъ многое отъ моего брата, прикомандированнаго къ сенатору А. Х. Капгеру на время ревизіи владимірской губерніи (1862—63). Непосредственно передъ тѣмъ тотъ же сенаторъ ревизовалъ калужскую губернію. Результаты, къ которымъ онъ въ обоихъ случаяхъ пришелъ, были діаметрально противоположны. Калужскимъ губернаторомъ былъ В. А. Арцимовичъ, близкій къ Милютину, помогавшій ему и его друзьямъ во время работы редакціонныхъ коммиссій. Широко просвѣщенный, непреклонно честный, онъ окружилъ себя такими же исполнителями— и примѣненіе положеній шло, подъ его руководствомъ, быстро и успѣшно, вызывая вопли крѣпостниковъ, но успокоивая и умиротворяя массу населенія. Инымъ было управленіе владимірскаго губернатора Самсонова, поддававшагося вліянію помѣщичьей партіи—

и въ его губерніи ревизія обнаружила немало ошибокъ и злоупотребленій. И если Арцимовичъ, вполнѣ оправданный сенаторомъ-ревизоромъ, всетаки долженъ былъ оставить свой постъ, а во владимірской губерніи и послѣ ревизіи положеніе дѣлъ измѣнилось мало, то это бросало яркій свѣтъ съ одной стороны—на неудовлетворительность порядковъ, при которыхъ столь многое зависѣло отъ личныхъ качествъ администратора, съ другой — на печальные плоды „новаго курса", водворившагося въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Какъ ни различно было отношеніе отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ къ способу веденія и рѣшенія крестьянскаго дѣла, какъ ни много было недовольныхъ слишкомъ радикальнымъ, по мнѣнію однихъ, недостаточно радикальнымъ, по мнѣнію другихъ, характеромъ правительственныхъ мѣръ, въ одномъ были тогда согласны всѣ: въ признаніи важности, первостепенной важности преобразованія. Что крѣпостное право было явнымъ анахронизмомъ, что уничтоженіе его если не сверху, то снизу было неизбѣжно—это понимали даже самые ретроградные совѣтники императора. И чѣмъ труднѣе была мирная развязка отношеній, невыносимыхъ для одной стороны, опасныхъ для другой, тѣмъ больше выступало на видъ значеніе реформы, перешедшей, наконецъ, изъ области словъ въ область дѣла. У себя дома, въ четырехъ стѣнахъ, закоренѣлые или застывшіе въ рутинѣ крѣпостники оплакивали, быть-можетъ, потерю власти надъ людьми, необходимость положить конецъ эксплуатаціи чужого труда, поддерживаемой средствами домашней расправы; но болѣе или менѣе открыто раздавались только жалобы на чрезмѣрную величину земельныхъ надѣловъ, на отсутствіе вотчинной полиціи, на равноправность помѣщика и крестьянъ — хотя бы и болѣе кажущуюся, чѣмъ дѣйствительную—передъ лицомъ мирового посредника. На этой почвѣ велась, главнымъ образомъ, и позднѣйшая дворянско-реакціонная агитація, первымъ печатнымъ органомъ которой явилась газета „Вѣсть". Еще менѣе крайней, въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ, была „консервативная оппозиція", во главѣ которой стоялъ Катковъ. И это вполнѣ понятно: „Московскія Вѣдомости" стояли тогда и за земскую, и за судебную реформу—а ни та, ни другая не была мыслима безъ предварительной отмѣны крѣпостного права. Первые признаки другого, дальше идущаго отрицанія появляются лишь послѣ смерти Александра II-го. Въ періодъ „преобразованій наоборотъ" начинають казаться ошибками всѣ „великія реформы", не исключая и величайшей, послужившей фундаментомъ для остальныхъ. Отсюда, въ 1886-мъ году, запрещеніе чествовать двадцатипятилѣтіе 19-го февраля;

отсюда опека надъ крестьянами, созданная три года спустя и обострявшаяся затѣмъ все больше и больше. И вотъ, тогдашнее настроеніе, которому слишкомъ рано, въ короткій моментъ надеждъ и увлеченій, была прочитана отходная, возрождается вновь, едва соблюдая внѣшнее приличіе. Въ печати предстоящее чествованіе 19-го февраля, какъ пятидесятой годовщины упраздненія крѣпостного права, именуется *ненужнымъ юбилеемъ*; выражается увѣренность, что прозвище *освободитель*, данное Александру II-му кучкою либеральныхъ писателей, долго не продержится; высказывается сожалѣніе о томъ, что день 19-го февраля оффиціально объявленъ народнымъ праздникомъ. Еслибы это были только слова писателя, имя котораго давно уже стало нарицательнымъ, какъ ярлыкъ, приклеенный къ наиболѣе отталкивающимъ чертамъ современной дѣйствительности— достаточно было бы указать на нихъ и пройти мимо; но за единичнымъ голосомъ чувствуется здѣсь нѣчто коллективное, грозящее бѣдой и позоромъ и потому требующее отвѣта.

Скоро минетъ сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ юноша-Пушкинъ говорилъ въ своей „Деревнѣ“ о „тощемъ *рабствѣ*“, влачащемся по браздамъ неумолимаго владѣльца, о крестьянахъ, изъ хижины родной идущихъ „собою множить дворовыя толпы измученныхъ *рабовъ*“, и заканчивалъ чудное стихотвореніе знаменитыми словами: „увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный и *рабство*, падшее по манію царя, и надъ отечествомъ *свободы* просвѣщенной взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря“? Такъ думалъ и чувствовалъ гигантъ русской литературы. Новомодный ея пигмей „a changé tout cela“: онъ настойчиво увѣряетъ, что *рабства* у насъ никогда не было, что его русскій народъ не вынесъ бы, что утверждать противное—значитъ „клеветать на Россію“ или, по меньшей мѣрѣ, обнаруживать „либеральное недомысліе“. А если не было рабства, то не было и не могло быть и *освобожденія*, а былъ только „выходъ на волю“: крестьяне перестали „нести государственную службу“, состоявшую въ „содержаніи чиновниковъ государства“... Императоръ Николай Павловичъ, въ разговорѣ съ П. Д. Киселевымъ, назвалъ человѣка, находящагося въ крѣпостномъ состояніи, *вещью*, другому принадлежащею. И съ этимъ своеобразнымъ авторитетомъ—авторитетомъ именно для эпигоновъ политическаго и соціальнаго застоя—новоявленный апологетъ крѣпостного права расходится діаметрально. Со всею силою „благороднаго негодованія“ онъ обрушивается на автора невиннѣйшей статьи, осмѣлившагося утверждать, что въ „тяжелое время“ существованія крѣпостного права „крестьянинъ принадлежалъ помѣщику какъ домашняя вещь, какъ частная собственность“. Это „грубая неправда“, восклицаетъ смѣлый фельетонистъ; „никогда русскій крестьянинъ не принадле-

жалъ помѣщику какъ домашняя вещь: это ложь самая безсовѣстная, какую можно себѣ вообразить". Ничего подобнаго онъ вѣроятно бы не сказалъ, еслибы вспомнилъ, кому принадлежитъ авторское право на сравненіе крѣпостного крестьянина съ помѣщичьею вещью. Дѣло, однако, не въ томъ, кто пустилъ въ оборотъ извѣстную мысль, а въ томъ, на сколько она соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Посмотримъ поэтому, въ чемъ заключаются доводы, съ помощью которыхъ насъ хотятъ заставить забыть слова Пушкина о рабствѣ и императора Николая о вещномъ характерѣ крѣпостной зависимости.

Настоящее, типичное рабство — говорятъ намъ — предполагаетъ jus vitae necisque, т.-е. право жизни и смерти надъ рабами. „Полное право собственности опредѣляется какъ jus utendi et abutendi—право употреблять вещь и злоупотреблять ею, т.-е., если угодно, портить и уничтожать". Между тѣмъ, никогда „помѣщикамъ не было дано право сломать крѣпостному человѣку кости или сжечь его на кострѣ"; истязаніе и убійство помѣщикомъ крѣпостного человѣка всегда считалось уголовнымъ преступленіемъ. Рабство, слѣдовательно, существовало въ Римѣ, гдѣ „рабовъ увѣчили и убивали безъ всякой за то отвѣтственности", но не существовало въ Россіи... Чтобы разрушить всю эту аргументацію, достаточно замѣтить, что въ древнемъ Римѣ рабство держалось и послѣ легальнаго ограниченія власти господъ надъ рабами. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. императоры Адріанъ и Антонинъ грозили уголовной карой за самовольное убійство раба господиномъ; Константинъ приравнялъ умышленное убійство раба къ убійству свободнаго человѣка. И раньше (въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х.), и позже принимались разныя мѣры въ защиту рабовъ отъ злоупотребленій со стороны господина; такъ напр., въ 67-мъ году, при Неронѣ, запрещено было посылать рабовъ на публичные бои съ звѣрями. А рабство продолжало быть прочнымъ юридическимъ институтомъ; никому не приходило въ голову считать его потерявшимъ свою силу, потому что господинъ не имѣлъ болѣе права на жизнь раба, и ограничено было господское jus abutendi. Необходимость и законность рабства — именно *рабства*—признавалась римскими юристами и въ эпоху смягченія нравовъ и понятій. Съ другой стороны, реально обезпеченной самая жизнь подневольнаго человѣка считаться не можетъ, что бы на этотъ счетъ ни установляла буква закона, разъ что ему фактически—и, тѣмъ болѣе, юридически—закрыты всѣ пути для защиты своихъ правъ. Именно таково было положеніе крѣпостныхъ людей у насъ въ Россіи, особенно со временъ Екатерины II-ой, когда крѣпостнымъ людямъ запрещено было подавать челобитныя на своихъ помѣщиковъ. Само собою разумѣется, что иногда явныя злоупотребленія помѣщичьей властью доходили до свѣдѣнія правитель-

ства и вызывали тѣ или другія мѣры; но никакой увѣренности въ этомъ крестьяне имѣть не могли. При такомъ положеніи дѣлъ въ рукахъ помѣщика находилась, сплошь и рядомъ, самая жизнь крѣпостного крестьянина. Вѣдь убить человѣка можно не только сразу, но и постепенно, путемъ систематически повторяющихся притѣсненій и обидъ, путемъ безконечныхъ истязаній, облеченныхъ—если разсматривать каждое изъ нихъ отдѣльно—въ строго легальную форму. Да и достаточно ли одного права на жизнь, чтобы быть лицомъ, а не вещью? Велика ли разница между вещью и человѣкомъ, котораго можно въ каждую данную минуту оторвать отъ семьи, отъ насиженнаго мѣста, отъ привычныхъ занятій, обезчестить, лишить свободы, лишить имущества? Припомнимъ, что въ томъ самомъ разговорѣ, въ которомъ императоръ Николай I-ый назвалъ крѣпостного человѣка вещью, онъ призналъ, что пока это положеніе не измѣнилось, движимое имущество крестьянина не можетъ быть разсматриваемо какъ его собственность... Балансированіемъ на тонкомъ, какъ конецъ иголки, различіи между рабствомъ и крѣпостною зависимостью нельзя уничтожить исторію, нельзя уничтожить литературу, завѣщавшую намъ, начиная съ Радищева и кончая Салтыковымъ, столько поразительныхъ картинъ жестокости и угнетенія, порока и горя, выросшихъ на крѣпостной почвѣ. Пускай крѣпостную зависимость формально, юридически правильнѣе не называть рабствомъ; отсюда еще не слѣдуетъ, что ошибались наши лучшіе писатели, наши лучшіе люди, примѣняя къ ней именно это слово, какъ клеймящее ее съ наибольшей выразительностью и силой. И никакія іезуитскія distinguo между свободой и волей не уничтожатъ того факта, что 19-го февраля милліонамъ русскихъ крестьянъ была дана именно *свобода* — свобода, „прекрасную зарю“ которой не было дано увидѣть Пушкину.

Противъ приравненія крѣпостного права къ рабству выдвигается еще одинъ доводъ, изъ разряда сентиментальныхъ и псевдо-патріотическихъ. Для народа *оскорбительно* увѣреніе, „будто онъ когда-то былъ сплошь рабомъ, частной собственностью“; безумно „навязывать русскому народу состояніе, котораго каждый народъ долженъ стыдиться“. Ничего оскорбительнаго, ничего постыднаго нѣтъ и не можетъ быть въ исторической правдѣ. „Быль молодцу не укоръ“, гласитъ русская поговорка. Только смотря прямо въ глаза прошлому, ничего въ немъ не утаивая и не прикрашивая, можно извлечь изъ него полезные уроки для настоящаго и будущаго. И чѣмъ тяжелѣе, чѣмъ безобразнѣе былъ порядокъ, угнетавшій народную массу, тѣмъ естественнѣе вспоминать съ благодарностью о людяхъ, способствовавшихъ его отмѣнѣ, тѣмъ *нужнѣе* юбилейное ихъ чествованіе, могущее, при извѣстныхъ условіяхъ, обратиться въ истинно-народный

праздникъ... Для народа избавленіе отъ вѣкового зла — все равно, что для отдѣльнаго лица избавленіе отъ болѣзни. И не такъ еще далека отъ насъ болѣзнь крѣпостного права, чтобы можно было относиться къ ней пассивно и индифферентно. Еще есть въ живыхъ люди, испытавшіе на себѣ весь ея ужасъ; еще живутъ стремленія и инстинкты, затруднявшіе и замедлявшіе выздоровленіе. Они слышатся и въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, слышатся въ тѣхъ презрѣнныхъ софизмахъ, которыми пытаются не только оправдать, но и реабилитировать крѣпостное право. Крѣпостные люди—говорятъ намъ—несли, до самаго „выхода на волю", „государственную службу", содержа „чиновниковъ государства"; но кто же не знаетъ, что помѣщики, какъ таковые, давно перестали быть обязанными службой и, слѣдовательно, давно исчезла историческая основа крѣпостныхъ отношеній? Въ другомъ мѣстѣ идетъ рѣчь объ „извѣстномъ политическомъ и экономическомъ подчиненіи крестьянъ къ помѣщикамъ", которое „государственная власть, *къ сожалѣнію*, не сумѣла регулировать и ввести въ твердыя правовыя нормы... Въ Россіи слагался какой-то своеобразный *семейный* (курсивъ въ подлинникѣ) бытъ, гдѣ образованное сословіе пользовалось правами старшихъ въ семьѣ"—и эта система, при всѣхъ ея противорѣчіяхъ, была „жизненна и полна силъ". Отмѣнена была, въ 1861-мъ году, „дисциплинарная власть образованнаго общества надъ необразованной массой". Итакъ, сословіе помѣщиковъ и образованное общество — это были синонимы? Между помѣщиками не было людей грубыхъ, невѣжественныхъ, иногда, быть-можетъ, менѣе развитыхъ, чѣмъ нѣкоторые изъ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ? Не случалось, сплошь и рядомъ, что „необразованной массой" управляли, по уполномочію помѣщиковъ, вышедшіе изъ ея среды столь же необразованные люди, дрожавшіе передъ господиномъ и вымещавшіе свой страхъ на временно-подвластныхъ? И не рѣдкимъ исключеніемъ, а общимъ правиломъ было соединеніе благодѣтельнаго помѣщика и благодарныхъ крестьянъ въ одну дружную семью, для мирнаго и благоденственнаго житія?..

Стоитъ ли, однако, останавливаться на сказкахъ, слушая которыя, по французскому выраженію, можно было бы „стоя заснуть", еслибы этому не мѣшало отвращеніе къ разсказчику? Да, стоитъ, потому что въ ихъ основѣ лежитъ не высказанная прямо, но легко уловимая „мораль". Масса, и до сихъ поръ необразованная, не нуждается ли въ установленіи надъ нею „дисциплинарной власти", конечно—„регулированной" и „введенной въ твердыя правовыя начала"? А матеріалъ для организаціи такой власти не имѣется ли на лицо въ средѣ „образованнаго общества"—т.-е. тѣхъ общественныхъ сферъ, которыя приняли наслѣдство бывшаго помѣщичьяго класса? Нельзя ли создать

суррогатъ той „жизненной системы“, которую легкомысленно разрушило 19-ое февраля? И на эти вопросы подсказывается утвердительный отвѣтъ. „Очень странно“ — читаемъ мы въ статьѣ: „Ненужный юбилей“ — „праздновать старое событіе, съ которымъ и у общества, и у народа связано достаточно горечи. Прошлаго не воротишь, но будто ужъ есть основаніе дворянамъ и потомству дворянъ праздновать отнятіе у нихъ владѣтельныхъ привилегій? Едва ли возможенъ *искренній* (курсивъ въ подлинникѣ) восторгъ по поводу экспропріаціи, облегчившей ваши карманы, притомъ столь существенно“. Съ другой стороны „многомилліонная масса крестьянства нисколько не поднялась надъ низкимъ уровнемъ“; чувствовать себя „облагодѣтельствованной“ она не можетъ. Большинству крестьянъ приписывается убѣжденіе, что „въ старину было много легче“; хуже было только поджигателямъ и негодяямъ, пьяницамъ и лѣнтяямъ. Отчего бы, въ такомъ случаѣ, не позаимствовать отъ старины кое-что, не слишкомъ ужъ очевидно несовмѣстимое съ новыми условіями? Крестьянству отъ этого будетъ *легче*, а потомство дворянъ получитъ нѣкоторое вознагражденіе за *отнятыя* (!) привилегіи и *облегченные* карманы. Примѣръ такого частичнаго возвращенія къ прошлому былъ данъ уже однажды, созданіемъ института земскихъ начальниковъ, недаромъ столь тщательно оберегаемаго въ настоящее время. О немъ мечтаютъ не одни только сотрудники откровенной газеты; еще недавно мы слышали съ думской трибуны сожалѣніе о томъ, что теперь нѣтъ крѣпостного права [1]). Затѣмъ, все ли завѣщанное крѣпостнымъ правомъ исчезло изъ русской жизни? Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только вспомнить о внѣ-законныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, этомъ прямомъ наслѣдіи татарщины и крѣпостничества: вѣдь они были пущены въ ходъ не дальше, какъ зимой 1905—6 г., во время такъ называемыхъ карательныхъ экспедицій, послѣ манифеста 17-го октября, послѣ обновленія нашего государственнаго строя! Не думаемъ, чтобы можно было найти что-нибудь подобное въ новѣйшей исторіи западно-европейскихъ странъ. Мы знаемъ, что за усмиреніемъ возстаній слѣдовали иногда массовыя разстрѣлянія (напр. въ Парижѣ, въ іюнѣ 1848-го и маѣ 1871-го года). Конечно, мы не оправдываемъ и не извиняемъ этого вида суммарной расправы; но его все же можно понять, какъ стихійное стремленіе уничтожить опасныхъ враговъ, положить конецъ опасному сопротивленію. Ничего подобнаго нельзя сказать объ истязаніи, связанномъ съ издѣвательствомъ: это—пере-

---

[1]) См. рѣчь депутата Неклюдова въ засѣданіи 19-го ноября прошлаго года. Онъ протестовалъ, въ томъ же засѣданіи, противъ „распространительнаго толкованія“ его словъ; но разъ что они были сказаны и внесены въ стенографическій отчетъ, значеніе ихъ уничтожено быть не можетъ.

житокъ варварства, воспитаннаго крѣпостными нравами. Вотъ почему насъ такъ глубоко возмущаетъ всякая попытка идеализировать крѣпостное право, затушевать или скрасить его мерзость, найти въ немъ что-нибудь достойное похвалы или подражанія. Юбилей, съ такою беззастѣнчивостью объявляемый *ненужнымъ*, нуженъ, необходимъ именно для того, чтобы, еще разъ оглянувшись на мрачное прошлое, безповоротно осудить всѣ его завѣты.

К. Арсеньевъ.

КАМОРРА

(Письмо изъ Рима)

Въ связи съ предстоящимъ въ скоромъ времени процессомъ объ убійствѣ Дженнаро Куоколо и Маріи Кутинелли (процессъ будетъ разбираться въ Витербо, невдалекѣ отъ Рима) вновь пробуждается интересъ къ историческимъ судьбамъ тайныхъ обществъ южной Италіи: неаполитанской каморрѣ и сицилійской мафіи. Вопреки мнѣнію изслѣдователей, изучавшихъ бытъ этихъ обществъ по книгамъ и издали, вопреки увѣреніямъ самихъ итальянцевъ, стыдящихся своего некультурнаго юга,—каморра и мафія существуютъ и посейчасъ, въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, но съ сохраненіемъ многихъ несомнѣнныхъ историческихъ чертъ. Какъ въ свое время процессъ депутата Палиццоло доказалъ живучесть сицилійской мафіи, такъ теперь предстоящій „процессъ Куоколо" свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи въ Неаполѣ организаціи каморристовъ, далеко еще не потерявшей свою стройность и пользующейся высокимъ авторитетомъ среди представителей неаполитанскаго соціальнаго дна.

Я не буду останавливаться на изложеніи деталей процесса [1]. Скажу кратко, что убитый Куоколо былъ виднымъ каморристомъ, имѣлъ званіе basista (организатора кражъ), но не стѣснялся иногда выдавать своихъ сотрудниковъ мѣстной полиціи. За это каморристскій трибуналъ приговорилъ къ смерти его и жену, его дѣятельную помощницу, Марію Кутинелли. Сначала полиціи удалось арестовать нѣсколькихъ главныхъ руководителей преступленія; но затѣмъ нить слѣдствія была спутана вмѣшательствомъ ихъ друзей, прессы, ано-

[1]) Подробное изложеніе его можно найти въ „Русск. Вѣд." за декабрь 1910 г., №№ 297, 300 и 302.

нимными письмами и ложными доносами. Главарей выпустили, и дѣло свелось къ напрасному обвиненію въ убійствѣ двухъ непричастныхъ къ нему рецидивистовъ. Во второй стадіи слѣдственнаго производства явился предатель изъ каморристской среды, и главари были вновь арестованы, а вмѣстѣ съ ними — и весь трибуналъ, постановившій смертный приговоръ. Въ данное время суда ожидаютъ около 60 лицъ, въ томъ числѣ нѣсколько извѣстныхъ авантюристовъ, вращавшихся въ средѣ неаполитанской родовой аристократіи, а также священникъ. Все это—лица, прекрасно извѣстныя неаполитанскимъ низамъ, опытные грабители, убійцы, ростовщики и альфонсы. Центральными фигурами являются глава каморры (такъ наз. capintesta) Эррикone, авантюристъ „профессоръ Рапи" и упомянутый священникъ-каморристъ Джиро Виттоцци. Процессъ перенесенъ изъ Неаполя въ Витербо по понятнымъ причинамъ: въ Неаполѣ правосудіе не обезпечено безпристрастіемъ судей и присяжныхъ, и общество слишкомъ возбуждено. Съ момента деликта (іюнь 1906 г.) прошло болѣе $4^{1}/_{2}$ лѣтъ, но и самый процессъ продлится не менѣе шести мѣсяцевъ, такъ какъ въ дѣлѣ участвуютъ около ста защитниковъ и нѣсколько сотъ свидѣтелей. Но не размѣрами своими интересенъ этотъ процессъ-монстръ. Онъ любопытенъ, какъ матеріалъ для изученія быта неаполитанскихъ соціальныхъ низовъ и установленія связи низшей каморристской среды (mala vita) съ „высокой" каморрой, насчитывающей въ своихъ рядахъ немало крупныхъ чиновниковъ, представителей общественнаго самоуправленія и депутатовъ парламента. Мы увидимъ ниже, что избирательная борьба, какъ административная, такъ и политическая, есть одинъ изъ главныхъ моментовъ дѣятельности современныхъ рыцарей кинжала.

Хотя нынѣшняя каморра не только утратила свою историческую физіономію, но и успѣла обратиться въ свою полную противоположность, однако существа ея нельзя понять безъ историческихъ справокъ. Къ сожалѣнію, къ исторіи ея примѣшивается много легендъ, мѣшающихъ созданію единой и стройной теоріи ея происхожденія. Несомнѣнно одно: каморра—испанскаго происхожденія, какъ и самое слово „kamora" (camorra), означающее на кастильянскомъ нарѣчіи *споръ*. Это объясняется такъ: когда возникаетъ споръ между двумя противниками, вступаетъ третье лицо и, по праву сильнаго, постановляетъ свое рѣшеніе, при чемъ ему и поступаетъ львиная доля объекта спора на основаніи *права каморры* (diritto di camorra) [1]. Въ связи съ этимъ кастильянскимъ неологизмомъ стоитъ слово „gamurra",

---

[1]) Marc Monnier, „La Camorra", 1863. Ferd. Russo e E. Seraa, „La Camorra", Неаполь, 1907.

означающее короткую жакетку, служившую традиціонной одеждой не только средневѣковымъ испанскимъ разбойникамъ (gamurri), но и позднѣйшимъ итальянскимъ каморристамъ. Весьма вѣроятно, что именно эти gamurri и были предками современныхъ неаполитанскихъ героевъ дна. Въ свое время они были истинными господами средневѣковой Испаніи. Gamurri не дѣйствовали разрозненно и случайно, но объединялись въ общества и федераціи, имѣя свои уставы и обычаи, свои законы и ритуалы. Нерѣдко испанскіе монархи прибѣгали къ ихъ услугамъ по соображеніямъ политической и религіозной борьбы, и вообще организаціи ихъ были волей или неволей терпимы. Гамурры были, прежде всего, хозяевами дорогъ и заставъ; для проѣзда или провоза товаровъ и съѣстныхъ припасовъ приходилось неизбѣжно входить съ ними въ соглашеніе, и обычай устанавливалъ даже особую таксу за проѣздъ, провозъ и прогонъ скота, при чемъ такса эта варіировалась для богатыхъ и бѣдныхъ на началахъ справедливости и понижалась въ случаѣ неурожая, засухи и другихъ экономическихъ бѣдствій. Существовали при этомъ рогатки внутреннія и рогатки внѣшнія; первыя собирали дань въ пользу отдѣльныхъ обществъ каморры, вторые—въ пользу ихъ федераціи. Нѣкоторыя общества пріобрѣли большую извѣстность своимъ великодушіемъ и защитой интересовъ бѣдняковъ. Андалузское общество Garduna, описанное Сервантесомъ въ его „Донъ Кихотѣ", окружено ореоломъ славы въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Важно прибавить, что испанскіе каморристы того времени (XV—XVI вѣковъ) были подлинными „гидальго", безусловно запрещая воровство, наказывая воровъ и вступая въ открытый бой съ неорганизованными разбойничьими бандами; въ этомъ отношеніи они играли роль добровольныхъ защитниковъ населенія. Нельзя не подмѣтить также нѣкоторую связь между ними и позднѣйшими сицилійскими мафіозами, еще не выродившимися въ современную вульгарную разбойничью массу.

Все это было, прошло и къ современнымъ неаполитанскимъ каморристамъ имѣетъ лишь историческое, весьма отдаленное отношеніе. Уже ихъ болѣе близкіе предки, каморристы Неаполя временъ Бурбоновъ, были не столько бравыми „гидальго", сколько контрабандистами и разбойниками вульгарнаго типа. Сохраняя внѣшнія черты испанскаго устава и прежнюю іерархію, „onorata società" („почетное общество"—оффиціальное названіе каморры) сильно пострадало отъ развращающаго союза съ центральной властью, которая почти открыто признавала тайную организацію. Нерѣдко каморра оказывалась правой рукой правительства въ его реакціонныхъ предпріятіяхъ, въ особенности—въ опасные для власти моменты. За это власть терпѣла „право каморры" на безпошлинный ввозъ товаровъ, главнымъ обра-

зомъ — рогатаго скота, когда товары эти находились подъ покровительствомъ главарей тайной организаціи; въ концѣ концовъ ей приходилось закрывать глаза и на нарушеніе законовъ о контрабандѣ, такъ какъ большинство таможенныхъ и портовыхъ служащихъ были каморристами или ихъ ставленниками. Но, помимо осуществленія своего „контрабанднаго права", каморристы не брезговали и другими проявленіями права сильнаго: эксплоатаціей проституціи, ростовщичествомъ, воровскими подвигами и, главное, прямымъ обложеніемъ запуганнаго обывателя. Эти послѣднія черты и перешли въ цѣлостномъ и развитомъ видѣ въ характеръ каморры современной.

Для того, чтобы правильно понять каморру нашихъ дней, нужно строго отличать ее отъ такъ называемой mala vita, т.-е. массы праздношатающагося и темнаго неаполитанскаго плебса, живущаго не столько личнымъ трудомъ, сколько за счетъ чужой собственности и чужого заработка. Смѣшеніе этихъ понятій, вообще очень распространенное даже среди спеціально изучающихъ бытъ южной Италіи, ведетъ къ отождествленію каморристской организаціи съ безпорядочной толпой malviventi, т.-е. мелкихъ воровъ, проститутокъ, нищихъ, пропоицъ, гадателей, юродивыхъ и т. п. Mala vita есть только среда, изъ которой преимущественно вербуются каморристы, и въ то же время— масса, которую они преимущественно эксплоатируютъ. Въ то время какъ кража, мошенничество и прочія подобнаго рода дѣянія являются лишь случайными, удачными или неудачными проявленіями, такъ сказать, идеаловъ mala vita,—„право каморры" осуществляется не въ фактѣ кражи, а въ эксплоатаціи самихъ крадущихъ, вообще— въ отчисленіи въ свою личную пользу или въ пользу организаціи того или иного процента продуктовъ „труда" воровъ, грабителей, проститутокъ и т. п. Съ другой стороны, „право каморры" можетъ проявляться, напримѣръ, въ требованіи эквивалента или извѣстнаго процента стоимости украденнаго имущества, когда оно возвращается потерпѣвшему по его жалобѣ, обращенной къ мѣстному начальнику каморры. Проявляется оно также въ прямомъ налогѣ на извозчичью биржу, магазинъ, владѣльца дома, когда каморра за извѣстный взносъ обезпечиваетъ плательщикамъ этого оригинальнаго налога извѣстную безопасность функцій и защиту въ нужныхъ случаяхъ. Не всегда, конечно, легко бываетъ установить границы между квалифицированнымъ каморристскимъ дѣяніемъ и обычнымъ деликтомъ; но характернѣйшимъ признакомъ перваго служитъ организованное самоуправство, основанное на общепризнанномъ въ данной средѣ обычаѣ. Только невниманіемъ къ историческому происхожденію каморры и къ филологіи самаго ея названія можно объяснить, почему до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, никто изъ изслѣдователей неаполитанской

каморры не установилъ прочно этого принципіальнаго различія между внѣшними проявленіями дѣятельности onorata società, какъ организаціи, и mala vita, какъ среды.

„Каждый почтенный мужчина (hombre honorado), обладающій острымъ глазомъ, чуткимъ ухомъ, быстрыми ногами и находчивымъ языкомъ, можетъ сдѣлаться членомъ Общества". Такъ гласила первая статья устава испанской „Garduna". Тѣ же качества считаетъ достаточными для вступающаго въ Общество и современная каморра. Но не всякій, даже и обладающій этими качествами, можетъ немедленно сдѣлаться каморристомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Рекруты каморры проходятъ длинную подготовительную школу жизни. Еще въ качествѣ bacilli della mala vita, грязными, оборванными, „ничьими дѣтьми", они присматриваются къ своеобразному соціальному жизнепорядку гдѣ-нибудь въ трущобахъ Imbrecciata, знаменитаго историческаго неаполитанскаго квартала публичныхъ домовъ и каморристскихъ притоновъ. Здѣсь они вырабатываютъ въ себѣ приспособляемость къ жизненнымъ перипетіямъ, устраиваясь на ночь подъ заборомъ, ловко утаскивая булку съ лотка разносчика, швыряя изъ-за угла камнемъ въ полицейскаго агента, устраивая примѣрныя сраженія. Въ качествѣ palatini, какъ называютъ они себя въ честь французскихъ паладиновъ, они усердно, на выпрошенные у иностранцевъ сольди, посѣщаютъ народные драматическіе театры, гдѣ любимымъ сценическимъ сюжетомъ являются преувеличенные подвиги прославленныхъ каморристовъ, какъ испанскихъ, такъ и неаполитанскихъ.

Очень рано они настолько усваиваютъ пріемы взрослыхъ malviventi, что ухитряются не только существовать мелкими кражами, но и воспринимать нѣкоторыя наслажденія изъ шумной уличной неаполитанской жизни. Попадая затѣмъ за рѣшетку для малолѣтнихъ преступниковъ, они уже обезпечиваютъ себѣ дальнѣйшую карьеру, быстро усваивая все, что можетъ дать развращающая тюремная среда. „La Concordia", тюрьма для малолѣтнихъ, не даромъ зовется „академіей" будущихъ каморристовъ. Попасть туда считается большимъ почетомъ. Здѣсь заключенные мальчики, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ изъ своей среды, организуютъ миніатюру каморры взрослыхъ, распредѣляя, сообразно проявленнымъ качествамъ и оказаннымъ заслугамъ, обычные каморристскіе титулы, устраивая поединки на ножахъ, изучая уставъ и обычаи, пріучая себя къ выдержкѣ и дисциплинѣ. При выходѣ на волю воспитанникъ „академіи" спѣшитъ зарекомендовать себя какимъ-нибудь своеобразнымъ подвигомъ, чтобы пріобрѣсти право войти въ разрядъ испытуемыхъ onorata società. Ловкій ударъ ножомъ, месть любовницѣ за измѣну (обычно—sfregio, разрѣзъ щеки), участіе въ крупномъ воровскомъ дѣлѣ—все это открываетъ ему двери въ

одинъ изъ отдѣловъ (paranza) каморры. Такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ прозвище guaglione 'e mala vita или giuvanotto annurato [1]). Но это еще не титулъ члена каморры, а просто—почетная кличка. Только испытаніе на дѣлѣ даетъ ему степень picciotto, такъ сказать—члена-соревнователя. Picciotto—также еще не настоящій каморристъ, такъ какъ онъ не пользуется общественнымъ дивидендомъ, а наоборотъ, самъ обязанъ какъ дѣлать періодическіе взносы въ общую кассу, такъ и дѣлиться продуктами своей воровской энергіи. Если его непосредственные начальники даютъ ему небольшую долю общаго достоянія, то этимъ онъ пользуется какъ подаркомъ, а не въ силу „права каморры", которое ему еще не принадлежитъ. Въ каморристы онъ возводится торжественно, въ особенности если это назначеніе имѣетъ мѣсто въ стѣнахъ тюрьмы или въ мѣстахъ ссылки, гдѣ обычаи и ритуалы каморры соблюдаются со всей строгостью. Позволю себѣ привести здѣсь часть текста формулъ изъ устава каморры, сообщеннаго недавно извѣстнымъ изслѣдователемъ тюремной среды, Эмануэле Мирабелла [2]). Эти ритуалы интересны, какъ отраженіе рыцарскихъ обычаевъ Испаніи, и чрезвычайно характерны по обстановочности, до которой такъ падки итальянцы. Самый текстъ взятъ изъ подлиннаго каморристскаго „требника", написаннаго на жаргонѣ.

„Едва picciotto прибываетъ на островъ (т.-е. въ мѣсто ссылки), онъ долженъ тотчасъ представиться дежурному picciotto; при этомъ онъ увѣдомляется, что на островѣ picciotto называется mezza-gavetta. Дежурный спрашиваетъ:

— Кто вы и что̀ вамъ угодно?

— Я—mezza-gavetta X и прошу васъ сообщить Обществу новость, что прибылъ mezza-gavetta свободный отъ всякихъ обязанностей.

— Будетъ исполнено!

Дежурный mezza-gavetta сообщаетъ новость дежурному tamburo (чинъ каморриста), а тотъ—intrico (начальникъ отдѣла или камеры; въ Неаполѣ—начальникъ одного изъ двѣнадцати кварталовъ), который приказываетъ собрать Общество. На собраніе вызывается прибывшій, который спрашиваетъ:

— Разрѣшается?

Начальникъ отвѣчаетъ:

— Пожалуйста!

— Общество одно или съ тамбурами во главѣ?

---

[1]) „Почетный молодецъ". Всѣ каморристскіе термины приводятся здѣсь на неаполитанскомъ діалектѣ или на спеціальномъ жаргонѣ тюремной каморры.

[2]) Emanuele Mirabella, „Mala Vita, gergo, camorra e costumi degli affiliati". Неаполь, 1910.

— Съ тамбурами во главѣ.

— Благодарю все общество медзагаветтъ и цѣлую руки всѣмъ тамбурамъ, которые дѣлаютъ мнѣ честь принятіемъ меня.

— Представьте ваши документы!

Пріѣзжій разсказываетъ, на какомъ островѣ или въ какой тюрьмѣ онъ получилъ званіе медзагаветты.

— Скажите мнѣ теперь, откуда явилось Общество?—спрашиваетъ начальникъ.

— Испанія, Неаполь и Сицилія!

— И каково его происхожденіе?

— Три кавалера, испанецъ, неаполитанецъ и сициліецъ, играли въ цехины, а ихъ оруженосцы прислуживали имъ и стояли на стражѣ. Вдругъ, когда испанецъ уже вытащилъ изъ кармана послѣднюю ставку, такъ какъ все проигралъ, онъ схватилъ изъ денегъ выигравшаго двадцать процентовъ его выигрыша, говоря: я беру это себѣ въ качествѣ того, что̀ мнѣ слѣдуетъ по праву и смыслу каморры, и я считаю себя въ правѣ брать это здѣсь и не здѣсь, и въ любомъ мѣстѣ, гдѣ бы я ни былъ, какъ добромъ, такъ и силой.

— И чѣмъ это кончилось?

— Кончилось тѣмъ, что три кавалера вошли между собой въ соглашеніе и основали общество каморристовъ, завербовавъ въ него своихъ оруженосцевъ.

— Сколько ключей имѣетъ каморра?

— Три. Золотой, серебряный и желѣзный.

— И для чего они служатъ?

— Золотой служитъ для Бога, серебряный — для Общества, желѣзный—чтобы замыкать безчестныхъ и мерзавцевъ.

— Но что̀ же дало вамъ Общество, когда сдѣлало васъ членомъ?

— Три цвѣтка.

— Что̀ они изъ себя представляютъ?

— Одинъ—честь, другой—качество разбойника (malandrineria) и третій—тайну.

— Но чего же вы, наконецъ, хотите?

— Хочу послужить почтенному составу Общества.

— Вамъ будетъ разрѣшено... Угодно еще что-нибудь?

— Хочу исполнять мой долгъ.

— Исполняйте вашъ долгъ!

Тогда медзагаветта цѣлуетъ въ руку всѣхъ тамбуровъ и въ лицо всѣхъ медзагаветтъ.

— Прикажете еще что-нибудь?

— Больше ни единой просьбы.

— Можете идти".

Обрядъ цѣлованія руки высшихъ по рангу свидѣтельствуетъ о подчиненіи и дисциплинѣ. Дѣйствительно, подчиненіе это доходитъ до того, что медзагаветта не только долженъ, по уставу, исполнять для тамбура всякую работу (носить ему воду, чистить башмаки, стирать бѣлье, убирать постель и пр.), но и вообще подчиняться любой его прихоти безпрекословно и безъ права апелляціи, довольствуясь подачками каморриста. По свидѣтельству Мирабелла, подчиненіе это доходитъ до крайнихъ степеней униженія, вплоть до удовлетворенія противоестественныхъ наклонностей каморристовъ, развращенныхъ условіями замкнутой тюремной жизни. Картины съ натуры, рисуемыя итальянскимъ антропологомъ, совершенно непередаваемы.

Но picciotto, онъ же mezza-gavetta, можетъ самъ достигнуть степени каморриста. Это производство обязательно сопровождается сложнымъ ритуаломъ. Предварительно онъ долженъ сдѣлать въ общую кассу взносъ въ размѣрѣ 27½ лиръ (такса для степени каморриста), послѣ чего поступаетъ на три дня въ обученіе уставу и формуламъ къ одному изъ тамбуровъ. Затѣмъ назначается собраніе, на которое приносится тазъ съ пятью кинжалами (или самодѣльнымъ холоднымъ оружіемъ), одинъ изъ которыхъ длиннѣе другихъ. Подъ тазомъ разостланъ красный платокъ, оружіе накрывается бѣлымъ. Послѣ ряда установленныхъ формулъ вопросовъ и отвѣтовъ, одинъ изъ кинжаловъ вручается кандидату въ каморристы, второй—его учителю, два другихъ—ихъ секундантамъ, пятый—начальнику (йнтрику). Затѣмъ происходитъ дуэль между кандидатомъ и его учителемъ до первой раны (рану наносятъ всегда въ руку). Если кандидатъ ранилъ противника, дуэль прекращается секундантами. Побѣдитель высасываетъ немного крови изъ раны противника, жметъ ему руку и цѣлуетъ его въ лицо (т.-е. уже какъ равный). Затѣмъ на руку кандидата навязывается бѣлый платокъ, его противникъ наноситъ ему ножомъ легкій ударъ подъ перевязкой и въ свою очередь высасываетъ кровь. Далѣе кандидатъ даритъ бѣлый платокъ—своему учителю-противнику, рубашку свою—начальнику и, наконецъ, его баллотируютъ и провозглашаютъ tamburro, т.-е. каморристомъ. Въ заключеніе дается una splendida tavoletta (роскошный обѣдъ) въ честь новаго товарища.

Каморристская іерархія довольно сложна. Верховная власть принадлежитъ главѣ всей каморры, который можетъ быть на волѣ или въ тюрьмѣ. Случается, особенно въ послѣдніе годы, что у каморры оказываются два высшихъ начальника, одинъ—избранный неаполитанскими каморристами, другой—избранный тюрьмой; но это—ненормальное явленіе, и между соперниками неизбѣжна борьба не на жизнь, а на смерть. Раньше борьба разрѣшалась обычно при помощи дуэли на ножахъ (dibattimento); теперь же, съ разложеніемъ Общества, пу-

скаются въ ходъ интриги и даже предательство. Верховному главѣ (capintesta) подчинены начальники кварталовъ (capintrini) и всѣ прочіе чины, какъ кассиръ каморры (contaiuolo), учителя (mastri) и рядовые каморристы. Въ тюрьмѣ, гдѣ главнаго начальника замѣняетъ старшій каморристъ, пріобрѣтающій званіе начальника отдѣла (intrico), іерархія сложнѣе; здѣсь имѣется помощникъ главы (greffo), кассиръ, старѣйшій изъ тамбуровъ (tamburro o camola), учителя изъ тамбуровъ (tamburri mastri), простые каморристы (bottiglie—„бутылки"), почетные члены Общества (onorati), возводимые въ эту степень за старостью и болѣзненностью. Наконецъ, слѣдуетъ подчиненная имъ масса медзагаветтъ, т.-е. недавно приписанныхъ къ каморрѣ, но не выслужившихся еще до чиновъ [1]). Если прибавить сюда еще промежуточныя степени (напримѣръ mezza-bottiglia, т.-е. полу-каморристъ) и временныя званія секундантовъ, дежурныхъ по камерѣ и т. п., то получится цѣлый штатъ большихъ и малыхъ чиновъ, разобраться среди которыхъ не легко, особенно въ виду большихъ различій между кличками на волѣ (на діалектѣ) и въ тюрьмѣ (на жаргонѣ). Понятно поэтому, что особымъ почетомъ пользуются старые и опытные учителя (mastri или masti), которые спеціально занимаются преподаваніемъ устава Общества, формулъ, ритуаловъ, обычаевъ дуэли, стрѣльбы въ цѣль, пріемовъ мести или наказанія при помощи sfregio (разрѣза щеки отточенной монетой или бритвой), а также воровскихъ пріемовъ, отъ карманной кражи до вооруженнаго разбоя.

Каморра имѣетъ два закона, наслѣдованные ею отъ самыхъ отдаленныхъ испанскихъ предковъ: законъ писанный, составлявшій до послѣдняго времени секретъ каморры (frieno), и законъ моральный, выражающійся словомъ: omertà. Нарушеніе послѣдняго влечетъ за собою неизбѣжное наказаніе, присуждаемое особымъ трибуналомъ.

Omertà, филологически необъясненное и, въ то же время, самое почтенное слово каморристскаго лексикона, выражаетъ собою принципъ храненія каморристомъ тайнъ организаціи. Слово это настолько всеобъемлюще, что его можно понять лишь на примѣрахъ. Такъ omertà обязываетъ каморриста слѣдовать строго преданіямъ onorata società; оно внушаетъ ему защищать честь свою и Общества отъ всякаго на нее посягательства и сторицей мстить обидчику, какъ лично, такъ и въ лицѣ его потомства и родни; оно безусловно воспрещаетъ при-

[1]) Собственно медзагаветты, носящіе на волѣ названіе picciuotti, принадлежатъ, вмѣстѣ съ „почетными молодцами" (giovanotti-annurati) къ такъ называемому младшему обществу (società minore), тогда какъ camorristi причисляются къ старшему обществу (società maggiore). Оба эти общества и составляютъ въ цѣломъ каморру, которой присвоены современныя названія società dell' umirtà или bella società riformata (Dott. A. De Blasio, „Usi e costumi dei camorristi", Неаполь, 1897).

бѣгать къ помощи и защитѣ органовъ правительственной власти, хотя бы въ моментъ опасности для жизни; оно воспрещаетъ выдавать властямъ секреты организаціи, свою и чужую въ ней роль, даже на смертномъ одрѣ называть имя своего убійцы; оно обрекаетъ предателя и доносчика на неминуемую гибель отъ руки его сочленовъ, будь то въ тюрьмѣ или на волѣ. Коротко говоря, omertà является величайшимъ качествомъ истиннаго каморриста, отличая его отъ всей массы гражданъ; именно эквивалентомъ этой omertà, какъ отказа отъ государственной защиты, является право каморры, какъ организованнаго самоуправства. Итальянскіе изслѣдователи каморры далеко не правы и, во всякомъ случаѣ, не безпристрастны, отказывая каморрѣ въ элементарныхъ понятіяхъ о нравственности; нѣтъ сомнѣнія, что принципъ omertà есть крѣпкій моральный устой, безъ котораго каморристская организація давно бы распалась и слилась съ прочей массой неаполитанскихъ malviventi. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что этотъ историческій моральный пережитокъ, во всей его живучести, характеризуетъ и наше время, не исключившее надобность въ немъ для соціальныхъ низовъ; необходимость въ органѣ самоуправства можно объяснить только дефектами органовъ управленія, что мы, дѣйствительно, и наблюдаемъ особенно рѣзко въ южной Италіи. Прибавлю кстати, что omertà является основнымъ принципомъ также и сицилійской мафіи.

Какъ я уже сказалъ, нарушеніе принципа omertà влечетъ за собою товарищескій трибуналъ и, при осужденіи, наказаніе смертью. Очень сожалѣю, что мѣсто не позволяетъ мнѣ привести выдержки изъ лежащаго передо мною протокола одного изъ недавнихъ трибуналовъ, тѣмъ болѣе, что онъ любопытенъ не только по слогу, но и по методу конспиративныхъ обозначеній. Имена подсудимаго и членовъ трибунала замѣнены здѣсь ихъ графически изображенными кличками; такъ, напримѣръ, обвиняемый обозначается примитивнымъ рисункомъ сердца и собаки (core 'e cane—его кличка), имена судей—рисунками руки, фонаря, полицейской фуражки, профилемъ монаха-капуцина и т. д. Резолюція выражена черепомъ. Дѣйствительно осужденный каморристъ былъ убитъ. Осудившій его трибуналъ назывался La Gran Mamma и имѣлъ свои собственныя „гербовыя бумаги“ съ изображеніемъ и подписью:

Залъ правосудія.
Законъ равенъ для всѣхъ,
Ибо мамы (le mamme) судятъ
Не перомъ, какъ королевскіе суды,
Но сердцемъ и умомъ [1]).

[1]) A. De Blasio, „Nel Paese della Camorra“ (L'Imbrecciata), Неаполь, 1901.

Образчикъ каморристскаго трибунала мы будемъ имѣть и въ предстоящемъ процессѣ Куоколо, убитаго за нарушеніе omertà. Самый трибуналъ обычно составляется подъ предсѣдательствомъ capintesta изъ 12 capintrini или, за отсутствіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ — изъ двухъ старѣйшихъ каморристовъ отъ каждаго квартала, не представленнаго прямымъ начальникомъ. Выполненіе резолюціи поручается какъ опытнымъ каморристамъ (въ трудныхъ случаяхъ), такъ и простымъ picciotti и giuvanotti annurati, которые своей исполнительностью и ловкостью въ исполненіи такихъ порученій строятъ дальнѣйшую карьеру. Самъ начальникъ каморры и начальники кварталовъ обычно не „мараютъ рукъ“ въ крови предателей, ограничиваясь приказами и руководствомъ.

Въ прежнее время каморра не стремилась къ численному расширенію своихъ рядовъ, строго подбирая членовъ и не смѣшиваясь съ массой malviventi. Такъ напримѣръ, Дженнаро Куоколо, который былъ basista (антрепренеръ и организаторъ кражъ), не имѣлъ бы раньше доступа въ ряды каморры, въ силу своего основного промысла, тогда какъ теперь онъ былъ ея дѣятельнымъ членомъ. Истинный каморристъ не воруетъ, но эксплоатируетъ и вора, и обокраденнаго. Въ Неаполѣ и теперь еще часты случаи обращенія частныхъ лицъ къ каморрѣ съ просьбой разыскать украденное, что и исполняется, если будетъ сочтено справедливымъ; при этомъ съ просителя взыскивается часть стоимости украденнаго и дѣлится между главой каморры, главой квартала, общей кассой и укравшимъ. Но если укравшій не принадлежитъ къ организаціи, то вещь возвращается потерпѣвшему безъ всякаго эквивалента, лишь за небольшой подарокъ главѣ каморры, а попавшагося вора каморристы жестоко наказываютъ. Этотъ порядокъ держится потому, что онъ удобенъ и для каморристовъ, и для населенія, такъ какъ первымъ онъ создаетъ авторитетъ, а населеніе предпочитаетъ непосредственное обращеніе къ каморрѣ—полицейской волокитѣ, которая никогда не приводитъ къ благопріятнымъ результатамъ. Любопытно, что иногда бываютъ вынуждены обращаться къ каморрѣ даже такія лица, какъ... министръ внутреннихъ дѣлъ. Такъ напримѣръ, когда въ 1901-мъ году была обокрадена жена министра, баронесса Никотера-Рикко, полиція ничего не могла сдѣлать, и только обращеніемъ къ capintesta, знаменитому Чиччьо Капуччьо (Ciccio Capuccio), удалось вернуть драгоцѣнности баронессы. Такой же случай былъ съ графомъ Пиронти, въ то время—генеральнымъ прокуроромъ и государственнымъ канцлеромъ, у котораго въ залѣ суда была украдена золотая табакерка, возвращенная ему лишь вслѣдствіе его обращенія къ одному изъ каморристскихъ чиновъ. Черезъ нѣсколько дней табакерка невидимой

рукой была положена ему на письменный столъ. И такихъ случаевъ, особенно въ прежнее время, было немало.

Отъ каморристовъ слѣдуетъ отличать такъ называемыхъ guappi, авантюристовъ высокаго пошиба, которые въ свое время (теперь истинныхъ guappi уже нѣтъ) держали въ страхѣ не только населеніе Неаполя, но и самую каморру. Это были независимыя единичныя личности, искавшія ссоръ и столкновеній, гдѣ возможно, и при первомъ возраженіи пускавшія въ ходъ кинжалъ. Вліяніе нѣкоторыхъ guappi было такъ велико, что они однимъ своимъ словомъ заставляли каморристовъ возвращать добытое вымогательствомъ, и такимъ образомъ являлись въ глазахъ населенія рыцарями и защитниками угнетенныхъ. Общимъ у нихъ съ каморристами было отвращеніе къ законной правительственной власти, принципъ omertà и методы воздѣйствія.

Какъ я уже сказалъ, каморра имѣетъ лишь одного верховнаго вождя (capintesta). Правда, ссыльные и заключенные въ тюрьмѣ могутъ избрать другого, но, по буквѣ каморристскаго закона, онъ пользуется этимъ званіемъ лишь до выхода изъ тюрьмы. Истинный же capintesta, избираемый на одинъ годъ изъ каморристовъ квартала Porta Capuana, живетъ всегда въ самомъ Неаполѣ. Было бы трудно установить преемственность этихъ царей неаполитанскаго дна, но слава нѣкоторыхъ изъ нихъ пережила ихъ самихъ. Если бы мы прослѣдили здѣсь біографіи этихъ людей, то увидѣли бы, какъ постепенно понижается уровень требованій, предъявляемыхъ къ главѣ каморры, и насколько мельче и ничтожнѣе становятся ея рыцари. Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ и долговѣчныхъ начальниковъ каморры былъ Tore 'e Criscienzo, правленіе котораго совпало съ объединеніемъ Италіи. Когда въ 1860-мъ году Гарибальди вошелъ въ Неаполь, и бурбонская полиція была распущена, временное правительство организовало новую, пригласивъ для этого большихъ каморристовъ, авантюристовъ и guappi. Начальникомъ полиціи былъ назначенъ знаменитый guappo Никола Айосса. Большой знатокъ каморристской среды, Айосса объявилъ ей войну, лишилъ ее привилегіи контрабанды и, наконецъ, добрался до самаго Tore 'e Criscienzo. Интересно, что полицейскій коммиссаръ, прежде чѣмъ арестовать главаря каморры, вспомнилъ свою прежнюю удаль и принялъ вызовъ на дуэль, объявленный ему каморристомъ. Между ними, въ уединенномъ мѣстѣ, произошла zumpata (дуэль) на ножахъ, во время которой каморристъ былъ раненъ и призналъ себя плѣнникомъ, пообѣщавъ коммиссару отомстить ему по выходѣ изъ тюрьмы. Впослѣдствіи Tore 'e Criscienzo былъ обвиненъ товарищами въ измѣнѣ принципу omertà, такъ какъ онъ обратился къ новому правительству съ просьбой о

помилованіи; наивный каморристъ оправдывался тѣмъ, что онъ обращается къ своимъ *друзьямъ*, такъ какъ раньше, при Бурбонахъ, ему пришлось сидѣть въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ политическими революціонерами, теперь побѣдившими и, какъ онъ былъ увѣренъ, ставшими во главѣ правительства. Другимъ выдающимся capintesta, уже въ недавнія времена, былъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ каморры Ciccio Capuccio, сдѣлавшійся главою еще въ тюрьмѣ, прямо изъ „почетныхъ молодцовъ", и сохранившій свою власть и на волѣ. При немъ обновленная каморра достигла расцвѣта, и на похоронахъ его (въ 1893-мъ году) были десятки тысячъ населенія неаполитанскихъ кварталовъ. Послѣднимъ выдающимся capintesta былъ Totonno 'o Pappavallo, силачъ и безстрашный рыцарь преступности. Устранивъ на дуэли своего соперника, онъ впослѣдствіи самъ былъ устраненъ новоизбраннымъ Эрриконе, героемъ предстоящаго процесса въ Витербо. Послѣдняя дуэль была очень любопытна для характеристики упадка каморристскихъ обычаевъ. Старый каморристъ явился на назначенное мѣсто, вооруженный только традиціоннымъ длиннымъ ножомъ. Молодой Эрриконе, наоборотъ, вооружился револьверомъ. Старика такъ поразило это нарушеніе священныхъ традицій, что онъ, не пуская въ ходъ ножа, сталъ осыпать противника насмѣшками, говоря, что у него „молоко на губахъ не обсохло". Три раза Эрриконе стрѣлялъ въ бывшаго главаря каморры, и три раза собака послѣдняго кусала Эрриконе въ руку, вышибая револьверъ и отклоняя выстрѣлъ въ сторону. Дѣло кончилось пустой царапиной отъ пули, при чемъ старикъ такъ и не пускалъ въ ходъ оружія. Однако начальники кварталовъ признали Эрриконе побѣдителемъ и избрали его capintesta [1]). Это назначеніе сильно разочаровало поклонниковъ классическаго періода каморры, и время „правленія" Эрриконе носитъ всѣ признаки разложенія. Старые каморристы утверждаютъ, что современные вожди лишь по ошибкѣ называются каморристами, въ дѣйствительности же являются простыми malviventi, позорящими „почетное общество".

Все, изложенное мною выше, является достояніемъ небогатой, въ общемъ, литературы о каморрѣ. Какъ я уже говорилъ, итальянскіе изслѣдователи постоянно смѣшиваютъ каморру съ mala vita, подходя къ ней, при этомъ, не какъ соціологи, а какъ антропологи. Довѣряться итальянскимъ матеріаламъ приходится, поэтому, лишь съ крайней осторожностью. Изъ иностранцевъ единственнымъ знатокомъ каморры былъ французъ Маркъ Моннье, но его книги изданы еще въ 1863-мъ году. Создателемъ современнаго европейскаго представленія о неаполитанской каморрѣ является французскій корреспондентъ

[1]) Ferd. Russo, „La Camorra"; Неаполь, 1907.

Жанъ Карреръ (Jean Carrère), любимецъ Рима и Парижа, чрезвычайно легковѣсный фельетонистъ нововременскаго типа, разсыпающій любезности „Третьей Италіи" и создающій о ней самыя превратныя мнѣнія [1]). Поэтому чрезвычайно интересно будетъ прослѣдить во всѣхъ деталяхъ предстоящій процессъ объ убійствѣ Куоколо и его жены. Здѣсь, на смѣну книжнымъ матеріаламъ, передъ нами предстанетъ живая дѣйствительность. И уже слѣдственное производство, заключающееся въ 80 килограммахъ бумаги, поскольку оно проникло отрывочными сообщеніями въ періодическую прессу, даетъ намъ нѣкоторыя данныя для сужденія о каморрѣ нашихъ дней,—хотя возможно, что эти сужденія впослѣдствіи придется измѣнить.

Передъ нами пройдутъ какъ рядовые члены каморры, такъ и ея генералы и прикосновенныя къ ней, но не входящія прямо въ ея организацію лица. Такъ напримѣръ, слѣдственный матеріалъ рисуетъ Эрриконе какъ вульгарнѣйшаго вымогателя и ростовщика. Вообще современный каморристъ, оперируя среди mala vita, эксплоатируетъ прежде всего женщину. Сама по себѣ женщина не можетъ входить въ составъ каморры или занимать какую-нибудь должность; но въ качествѣ 'nnammurata, т.-е. любовницы, она пользуется защитой каморры, наравнѣ съ матерями, женами и дочерями членовъ [2]). Въ то же время 'nnammurata — первый объектъ эксплоатаціи каморриста. Ей предписывается полное подчиненіе волѣ своего любовника въ теченіе времени ихъ союза, который по обычаю заключается на семь лѣтъ. „Любовница" всегда проститутка, можетъ и обязана продавать себя, отдавая выручку господину; но она не можетъ *измѣнять* ему, т.-е. сходиться съ другимъ по любви, въ то время какъ для мужчины этого ограниченія нѣтъ. Малѣйшее нарушеніе вѣрности влечетъ за собою sfregio, обезображеніе лица разрѣзомъ; этого требуетъ честь каморриста. Такое же наказаніе, если не больше, ждетъ всякаго обидчика любовницы, или любого члена семьи каморриста.

Вторымъ обычнымъ доходомъ современныхъ каммористскихъ генераловъ является ростовщичество, которое тѣмъ болѣе развито, что закономъ не преслѣдуется [3]). Наряду съ нимъ идетъ тайная лоттерея (piccolo lotto), которая является точной копіей еженедѣльной правительственной лоттереи, руководится ея методами и даже цифрами ея тиража. Затѣмъ слѣдуютъ уже, какъ доходъ общественный,

---

[1]) См., напр., его слабую и вздорную статью „La Camorra" въ парижскомъ „Je sais tout", 15 Апрѣля 1910.

[2]) Это положеніе входитъ даже въ уставъ каморры (§ 13). Интересно, что и въ уставѣ испанской средневѣковой Guardına былъ аналогичный параграфъ.

[3]) Это очень характерно для итальянскихъ законовъ, которые, въ то же время, преслѣдуютъ неплатежъ въ отелѣ, какъ уголовное правонарушеніе!

поборы съ портовыхъ выгрузчиковъ, извозчиковъ, уличныхъ торговцевъ, магазиновъ и т. п. Наконецъ—кражи и поборы съ воровъ, приписанныхъ къ организаціи, карточное шулерство, доходы отъ выборной агитаціи и т. п. Другими словами, современнымъ вождямъ каморры присущи не только специфическіе виды каморристскихъ доходовъ, но и всѣ вообще методы противозаконной наживы.

О послѣднемъ методѣ стоитъ поговорить особо, такъ какъ именно о немъ меньше всего упоминаютъ итальянцы. Въ то время какъ классическая каморра служила иногда государству въ качествѣ добровольной дружины и оружіемъ—нынѣшняя служитъ лишь партіямъ, въ ихъ политической и административной борьбѣ. Такъ напримѣръ, каморристскій отдѣлъ округа Монтекалваріо въ теченіе пятнадцати лѣтъ неизмѣнно поставлялъ своего депутата въ парламентъ. Клерикалы и титулованные избиратели Неаполя проводятъ своихъ кандидатовъ исключительно благодаря контрактамъ, заключаемымъ съ каморристами, при помощи которыхъ ведется избирательная агитація, покупаются голоса, угрозами устраняются соперники и поддѣлываются выборы. Но, главное, иногда прямо неограниченное участіе каморры наблюдается при выборахъ въ муниципальные совѣты Неаполя и окрестныхъ комунъ. Насколько высоко стоятъ фонды каморристовъ въ этихъ учрежденіяхъ, видно хотя бы изъ краткихъ біографическихъ данныхъ о священникѣ-каморристѣ Джиро Виттоцци, ожидающемъ сейчасъ суда вмѣстѣ съ другими героями будущаго процесса. Виттоцци былъ назначенъ капелланомъ холернаго кладбища—должность, спеціально для него изобрѣтенная неаполитанскимъ муниципальнымъ совѣтомъ за его услуги при выборахъ. Затѣмъ, новый составъ совѣта, менѣе зависимый отъ каморры, сдѣлалъ попытку удалить Виттоцци отъ должности, которою тотъ манкировалъ. При слѣдующихъ выборахъ Виттоцци и его друзья (въ томъ числѣ нѣсколько видныхъ лицъ изъ общества) съумѣли цѣликомъ провалить составъ совѣта, а новый совѣтъ не только возстановилъ попа-каморриста въ его правахъ, но поручилъ его вѣдѣнію всѣ кладбища и предписалъ выдать ему жалованье за все время съ момента его удаленія отъ службы. Подчинилась этому и епископская курія, не взирая на то, что Виттоцци открыто жилъ съ любовницей, съ которой прижилъ пятерыхъ дѣтей. Достаточно прибавить, что Виттоцци являлся къ своему начальнику-епископу вооруженный револьверомъ, который онъ не скрывалъ подъ сутаной [1]). Въ самое послѣднее время на нашихъ глазахъ разыгрывались сцены каморристской агитаціи противъ избранія въ парламентъ извѣстнаго соціалиста Чикотти. Та же дѣятельность, и еще въ

[1]) „Il Secolo“, „Dal delitto Cuocolo al processo della camorra“, 1910.

бо̀льшихъ размѣрахъ, развивается сицилійской мафіей, о чемъ въ свое время мнѣ уже приходилось упоминать на страницахъ „Вѣстника Европы" (августъ 1909 г.).

Объемъ статьи не позволяетъ мнѣ остановиться на отношеніяхъ между каморрой и высшими и низшими административными лицами и учрежденіями Италіи и Неаполя, въ частности — полиціей. Это, быть-можетъ, самая интересная страничка ея исторіи, и надо надѣяться, что процессъ Куоколо договоритъ недоговоренное прессой. Любопытно, что на почвѣ слѣдствія объ убійствѣ Куоколо перессорились между собою чиновники судебной магистратуры, чины полиціи и военныя власти (карабиньерская часть). Вообще нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что современная каморра не могла бы существовать безъ поддержки „высокой" каморры, составъ которой Неаполю приблизительно извѣстенъ. Еще не отошли въ область преданія тѣ времена, когда не только половина депутатовъ парламента, но и половина кабинета министровъ состояли изъ явныхъ и тайныхъ каморристовъ высокаго пошиба. Еще въ минувшемъ году крайняя лѣвая свистками и криками: „убійца-каморристъ!" принудила одного изъ вновь избранныхъ депутатовъ покинуть залъ засѣданій. Такимъ образомъ нынѣшняя, выродившаяся, каморра начинаетъ напоминать нашу россійскую черную сотню, также дѣлящуюся на два слоя: высшій и низшій.

Однако я очень предостерегаю читателя, который можетъ заинтересоваться процессомъ, отъ огульно-отрицательнаго отношенія къ обвиняемымъ, какъ это свойственно почти всѣмъ итальянцамъ. Мы еще не знаемъ заранѣе, что за люди предстанутъ передъ нами на скамьяхъ подсудимыхъ. Возможно, и даже очень возможно, что среди нихъ окажется гораздо меньше людей злой воли, чѣмъ людей злой судьбы. И да будетъ Италія снисходительнѣе къ нимъ, судя которыхъ — она судитъ сама себя, свои соціальные непорядки, свое небреженіе нуждами юга, о морализаціи котораго она такъ много и краснорѣчиво говоритъ. Низшая каморра — на скамьѣ подсудимыхъ; ее осудитъ судъ присяжныхъ. Но судъ общественнаго мнѣнія, поскольку умѣетъ онъ быть справедливымъ, долженъ будетъ подумать и о высшихъ, тайныхъ представителяхъ della società riformata...

Мих. Осоргинъ.

Римъ. 5 (18) января.

ЦЕРКОВЬ и РАБОЧІЕ

(Письмо изъ Берлина)

Это было въ августѣ 1910-го года. Въ Берлинѣ засѣдалъ тогда пятый всемірный конгрессъ „свободнаго христіанства и религіознаго прогресса“, и въ германской столицѣ собрались сливки нѣмецкой, а отчасти и иностранной теологической мысли. Тутъ были знаменитый авторъ „Сущности христіанства“, Адольфъ *Гарнакъ*, баронъ Германъ фонъ *Соденъ* и профессоръ Германъ *Гункель*, извѣстные (въ особенности послѣдній) своими изслѣдованіями по библейской исторіи, талантливый историкъ и теоретикъ протестантизма Эрнстъ *Трельчъ*, популярный пасторъ и авторъ множества оригинальныхъ этюдовъ религіозно-этическаго характера Готфридъ *Траубъ*, соціалистъ-„ревизіонистъ“ Максъ *Мауренбренеръ*, обратившій на себя вниманіе своими недюжинными историческими работами, и множество другихъ болѣе или менѣе крупныхъ величинъ богословской Германіи. Изъ Англіи прибылъ старикъ *Карпентеръ*, изъ Франціи—подвижной *Боне-Мори*, изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки—главный организаторъ конгресса, пасторъ *Вендте*, изъ Австраліи—молодой, аскетическаго типа пасторъ Тюдоръ *Джонсъ*, изъ русской Арменіи—*Теръ-Минассіанцъ* и т. д. Преобладали, конечно, нѣмцы, и въ частности берлинцы. Программа конгресса была составлена весьма разнообразно и привлекала многихъ своею широтой и разносторонностью. Наряду съ чисто теологическими проблемами разбирались и вопросы практическаго характера; вслѣдъ за христіанами разныхъ исповѣданій слово получали и представители не-христіанскихъ религій (напр. буддисты, евреи) и даже свободомыслящіе. Въ общемъ конгрессъ являлъ собой сконцентрированную на небольшомъ пространствѣ картину современныхъ религіозныхъ исканій, и всякому, кто интересуется религіозной жизнью нашего времени, можно порекомендовать поближе познакомиться съ довольно подробными протоколами съѣзда, напечатанными недавно въ Берлинѣ [1]).

Первый конгрессный день былъ посвященъ „практическимъ вопросамъ. Четыре секціи засѣдали одновременно. Разбирали слѣдующія проблемы: 1) Религія и международный миръ, 2) Религія и алкого-

---

[1]) „Fünfter Weltkongress für freies Christentum und religiösen Fortschritt. Protokoll der Verhandlungen“. Берлинъ, 1910.

лизмъ, 3) Религія и женщина 4) Религія и соціализмъ. И вотъ, интересно было наблюдать, какъ разбилась многотысячная толпа членовъ и гостей по этимъ четыремъ отдѣламъ. Сравнительно крохотный залъ, предназначенный для „мира“, былъ далекъ отъ переполненія; немного большее помѣщеніе, въ которомъ засѣдали „трезвенники“, также могло вмѣстить еще нѣсколько десятковъ слушателей; къ „женщинамъ“ попасть было труднѣе, но и размѣры зала также были не богъ вѣсть какъ велики. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ „соціалистической“ секціей. Ей была предоставлена исполинскихъ размѣровъ зала офицерскаго казино — и тѣмъ не менѣе она вся до послѣдняго мѣста была заполнена разношерстной публикой. Въ этой одной залѣ было пожалуй вдвое больше, нежели во всѣхъ остальныхъ трехъ, взятыхъ вмѣстѣ. Число, конечно, не абсолютный масштабъ для общественныхъ явленій; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ распредѣленіи конгрессной толпы сказалась вся жгучесть соціалистической проблемы въ христіанскомъ мірѣ вообще и въ частности въ Германіи. Соціалистическое движеніе пустило тутъ особенно сильные корни и возбуждаетъ здѣсь наибольшее вниманіе.

Такой выводъ можно было бы сдѣлать также изъ содержанія и тона рѣчей, сказанныхъ въ соціалистической секціи. Ни на одномъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ засѣданій ораторы не говорили такъ горячо, какъ именно тутъ. Въ своихъ рѣчахъ они доказывали громадность соціальной проблемы настоящаго времени и старались выяснить роль пролетаріата въ современной жизни христіанскаго общества. Дѣлали они это безъ обычной слащавой реторики, свойственной духовнымъ лицамъ, съ чувствомъ глубокаго и серьезнаго интереса къ рабочему классу. Пасторы и профессора богословія говорили объ обязанностяхъ христіанина по отношенію къ четвертому сословію и указывали пути къ сердцу и уму рабочихъ. Во всемъ сказывалось симпатичное стремленіе къ добру, безъ всякой сентиментальности по отношенію къ „младшему брату“. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствовало стремленіе воспользоваться религіей, какъ средствомъ уловленія сердецъ въ опредѣленныя политическія сѣти. Упомянутый выше пасторъ *Траубъ* даже прямо подчеркнулъ, что къ соціальному вопросу не слѣдуетъ подходить по какимъ-либо побочнымъ соображеніямъ. „Мы не должны—говорилъ онъ—въ занятіи соціальнымъ вопросомъ видѣть нѣчто, что могло бы замѣнить нашу религіозную работу. Иногда кажется, что сила религіознаго убѣжденія ослабѣла и является необходимость подыскать постороннія средства, чтобы прикрыть или утаить появившіяся нехватки. Бѣда, если мы только такимъ путемъ приходимъ къ занятію соціальнымъ вопросомъ. Гибель религіи и соціальнаго вопроса неизбѣжны въ этомъ случаѣ. Религія, нуждающаяся

въ костылѣ—не жизненная религія; соціальный вопросъ, которымъ занимаются не ради него самого, не можетъ быть разрѣшенъ скоро и разумно... Въ области соціальнаго вопроса не слѣдуетъ дѣлать что-либо изъ-за побочныхъ цѣлей. Кто занимается этой проблемой, чтобы усилить свою церковную общину, свой союзъ или свою партію, тотъ внутренно далекъ отъ соціальной работы. Соціальное дѣло должно дѣлаться ради него самого или совсѣмъ не дѣлаться. Наличность множества соціальныхъ радѣтелей не можетъ не озадачивать серьезнаго человѣка. Многіе совсѣмъ и не думаютъ о помощи, стремясь только къ тому, чтобы этимъ путемъ добиться посторонней выгоды для какой-нибудь опредѣленной группы. Такая помощь—ни къ чему".

Рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе и была покрыта продолжительными апплодисментами. Какъ видно, пасторъ Траубъ въ своей средѣ не представляетъ собою нѣчто въ родѣ знаменитой „бѣлой вороны".

Если христіане, по мнѣнію Трауба и его единомышленниковъ, „должны" безкорыстно, безъ задней мысли подходить къ религіозной и соціальной проблемамъ, то очевидно, что до сихъ поръ такого безкорыстія не было. И дѣйствительно, исторія рабочаго движенія въ Германіи показываетъ, что интересъ къ соціальной проблемѣ въ церковныхъ кругахъ былъ далеко не самодовлѣющимъ.

Когда протестантскій пасторъ Вихернъ и католическій епископъ Кеттелеръ стали заниматься „рабочимъ вопросомъ", то это было не результатомъ самостоятельнаго интереса къ рабочему движенію, а продуктомъ всякаго рода опасеній, навѣянныхъ „безумнымъ" 48-мъ годомъ. То же самое представляло собой выступленіе нашумѣвшаго въ 70-хъ годахъ протестантскаго пастора Штеккера. Штеккеръ пришелъ въ ужасъ отъ непрерывныхъ успѣховъ соціалдемократіи и подъ вліяніемъ этого ужаса у него сложилось убѣжденіе, что рабочую массу нужно какъ-нибудь отвлечь или совлечь съ ея пути. Такимъ отвлекающимъ средствомъ онъ считалъ христіанство, и именно потому затѣялъ организацію *рабочей* партіи, положивъ въ основу ея христіанскія и патріотическія начала. Разсчеты Штеккера оказались ошибочными; масса за нимъ не пошла. На первомъ же собраніи, на которомъ онъ выступилъ съ своими „христіанско-соціальными" идеями, ему пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ, которое впослѣдствіи усиливалось, но не ослабѣвало. Противъ его протестантскаго христіанства рабочіе въ упоръ выдвинули научныя завоеванія послѣдняго столѣтія. Вы намъ толкуете о религіи—говорили рабочіе; но религія вѣдь требуетъ вѣры въ чудеса, а эмпирическая наука эту вѣру отрицаетъ. Вы намъ толкуете о загробной жизни, а мы

находимъ, что идея загробной жизни служитъ только для порабощенія насъ въ жизни земной. Нѣтъ, лучше ужъ оставьте насъ въ покоѣ и не мѣшайте намъ идти своимъ путемъ. Наше спасеніе—не въ христіанствѣ, а въ соціализмѣ.

Такія откровенныя рѣчи не поколебали молодого пастора, искавшаго популярности во что бы то ни стало, но смутили церковныя власти. Имъ показалось, что выступленіе Штеккера вызываетъ въ рабочихъ нежелательныя мысли, и что лучше было бы, еслибы церковь вообще не впутывалась въ „мірскія дѣла“. Вотъ почему уже въ 1879-мъ году прусскій Верховный Церковный Совѣтъ [1]) въ особомъ посланіи указалъ, что не дѣло церкви вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и заботиться о реформѣ имущественныхъ отношеній. На эту точку зрѣнія прусская церковь стала, однако, только потому, что въ тотъ моментъ волна рабочаго движенія временно стала какъ бы идти на убыль. Исключительные законы противъ соціалистовъ, введенные въ 1878 г., парализовали на первыхъ порахъ самодѣятельность рабочихъ и навели панику на соціалистическихъ избирателей. На выборахъ 1881 г. количество подданныхъ за соціалдемократовъ голосовъ уменьшилось до 312.000. Могло казаться, что опасность, грозившая существующему строю со стороны пролетаріата, миновала и что церкви незачѣмъ компрометировать себя соціальной пропагандой. При такихъ условіяхъ посланіе Верховнаго Церковнаго Совѣта является вполнѣ понятнымъ.

Но Совѣтъ ошибся. Опасность не только не миновала, но становилась все грознѣе и грознѣе. На выборахъ 1884-го года соціалдемократія объединила вокругъ своихъ кандидатовъ 550.000 голосовъ. Въ 1887 г. она собрала 763.000 голосовъ, а въ 1890 г. число ея сторонниковъ достигло уже 1.427.000. Такой поразительный успѣхъ гонимой партіи не могъ не волновать всѣхъ сторонниковъ монархіи и порядка, въ числѣ которыхъ находилась, конечно, и церковь. Два мѣсяца спустя послѣ выборовъ 1890 г. Верховный Церковный Совѣтъ разослалъ пасторамъ циркуляръ, въ которомъ духовенство призывалось къ занятію соціальной проблемой. Пасторамъ рекомендовалось позаботиться объ организаціи новыхъ рабочихъ союзовъ и о поддержкѣ уже существующихъ. Мало того: циркуляръ требовалъ, чтобы пасторы посѣщали соціалдемократическія собранія и старались своими рѣчами разсѣять предубѣжденія противъ церкви. Что въ 1879 г. считалось нежелательнымъ, то черезъ десять лѣтъ стало чуть ли не обязательнымъ. Но теперь, какъ и раньше, церковь плохо

---

[1]) Въ Германіи нѣтъ имперской церкви. Каждое изъ 26 государствъ имѣетъ свою особую церковную іерархію.

учла моментъ. Соціалдемократія стала такой силой, что пасторскимъ краснорѣчіемъ разбить ее уже было невозможно. Это должна была вскорѣ понять и церковь. Въ 1895 г. Верховный Церковный Совѣтъ снова забилъ отбой и предостерегъ своихъ подчиненныхъ отъ посѣщенія политическихъ собраній. Неудача была признана формально.

Успѣхи соціализма вызвали волненіе не только среди протестантовъ, но и среди *католиковъ*. Неудача бисмарковскаго „культуркампфа" въ достаточной мѣрѣ укрѣпила ихъ самосознаніе. Они понимали, что власть охотно воспользовалась бы ихъ хорошо организованными силами для борьбы съ соціализмомъ. Въ концѣ 1890 г. было приступлено къ осуществленію идеи католическаго „народнаго союза". Въ воззваніи по этому поводу отмѣчалось, что соціалдемократы враждебно относятся къ католицизму, зная, что въ его лицѣ имѣютъ своего могущественнѣйшаго противника. Католики должны противопоставить надвигающемуся врагу крѣпко сплоченную силу и безстрастно вступить съ нимъ въ бой. „Народный союзъ" быстро принялъ внушительные размѣры. Спустя годъ въ немъ числилось уже 100.000 членовъ, черезъ двѣнадцать лѣтъ—больше 300.000, а въ настоящее время—свыше 600.000. До послѣдняго года это была самая большая политическая организація не только въ Германіи, но, пожалуй, и во всемъ мірѣ. Теперь пальма первенства перешла къ соціалдемократіи. По послѣднему отчету въ ней числилось 722.000 членовъ.

Движеніе, вызванное Штеккеромъ, привлекло къ нему, наряду съ консервативными элементами, рядъ молодыхъ пасторовъ, искренно преданныхъ дѣлу „униженныхъ и оскорбленныхъ". Къ ихъ числу принадлежали Фридрихъ *Науманъ*, извѣстный нынѣ вождь либераловъ, Пауль *Гере*, перешедшій впослѣдствіи къ соціалдемократамъ (авторъ переведенной и на русскій языкъ книги: „Три мѣсяца рабочимъ на фабрикѣ"), Мартинъ *Венкъ*, *Кечке* и другіе. Консервативный и антисемитическій характеръ христіанско-соціальнаго движенія не удовлетворялъ эту молодежь; она стала искать новыхъ путей для своей дѣятельности. Ее привлекала главнымъ образомъ работа среди рабочихъ, и она посвящала свои недюжинныя силы преимущественно „евангелическимъ рабочимъ союзамъ".

„Евангелическіе рабочіе союзы" возникли въ 1882-мъ году. Зародились они въ видѣ противовѣса католическимъ рабочимъ союзамъ и свое главное назначеніе усматривали въ вѣроисповѣдной борьбѣ. Въ нихъ было много пасторовъ, учителей, мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ. Во главѣ стояли почти повсюду пасторы. Обычная ихъ дѣятельность заключалась въ развитіи образованія среди членовъ и въ организаціи взаимопомощи. Боевыхъ выступленій противъ капи-

тала союзы не дѣлали, да и не могли дѣлать. Съ пасторомъ во главѣ стачки не устроишь.

Такой мирный (по отношенію къ капиталу) характеръ евангелическіе союзы имѣли, однако, только въ области своего возникновенія—въ Вестфаліи. Въ Вестфаліи преобладаютъ католики, и именно поэтому у евангелическихъ рабочихъ появилась потребность въ извѣстномъ противодѣйствіи засилію католическаго населенія. Но изъ Вестфаліи евангелическое рабочее движеніе продвинулось постепенно въ такія мѣстности, гдѣ большинство населенія протестантское—въ Вюртембергъ, въ мѣстности по среднему Рейну и т. д. Тутъ вражда къ католикамъ не могла играть такой роли, какъ въ Вестфаліи, и противоположности экономическаго характера, не заслоняемыя вѣроисповѣдными моментами, выступили рѣзче: евангелическіе союзы приняли болѣе радикальный характеръ, значительно приближаясь къ типу боевыхъ рабочихъ союзовъ.

Вотъ въ этихъ-то союзахъ молодые пасторы и начали работать. Ихъ радикализмъ находилъ здѣсь почву, недостававшую имъ въ вестфальскихъ союзахъ. Постепенно, однако, и вестфальскія организаціи измѣняли свой характеръ. Когда, послѣ крупной забастовки горнорабочихъ въ 1888 г., соціалдемократическіе элементы предприняли въ этомъ районѣ энергичную агитацію, евангелическіе рабочіе перемѣнили фронтъ. Вмѣсто борьбы съ католиками, они стали все больше и больше сражаться съ соціалистами, одолѣвавшими ихъ на каждомъ шагу. Для успѣха въ борьбѣ имъ волей-неволей пришлось взять болѣе радикальное направленіе. Чтобы оттѣснить соціалистовъ съ политической и религіозной позиціи, они принуждены были усвоить себѣ ихъ радикальныя экономическія требованія, ибо иначе массовый уходъ изъ союзовъ былъ бы неизбѣженъ. Вмѣсто того, чтобы побѣдить противника, евангелическіе союзы все больше и больше уподоблялись ему. Почва для „молодыхъ“ расширялась и укрѣплялась. Тѣмъ сильнѣе становилось противодѣйствіе „старыхъ“, т.-е. консервативныхъ элементовъ христіанско-соціальнаго движенія. Разногласія между „молодыми“ и „старыми“ стали принимать довольно рѣзкій и острый характеръ. „Молодые“ все сильнѣе настаивали на полной независимости евангелическаго рабочаго движенія отъ всѣхъ политическихъ партій, въ особенности отъ консервативной. „Старые“ все больше тянули къ консерватизму. Во главѣ „молодыхъ“ стоялъ пасторъ *Науманъ*, во главѣ „старыхъ“—пасторъ *Веберъ*. Въ 1892-мъ году дѣло дошло чуть не до разрыва, но въ слѣдующемъ году кое-какъ удалось сойтись на почвѣ новой программы. Она оказалась, однако, только наборомъ словъ, которымъ каждая сторона придавала раз-

личное значеніе. На почвѣ однѣхъ и тѣхъ же програмныхъ формулъ дѣлалось и консервативное, и „пролетарское" дѣло.

Послѣ небольшого, чисто внѣшняго перемирія раздоры возобновились съ возросшей силой. Консервативные элементы, находившіеся раньше въ оборонительномъ или пассивномъ положеніи, перешли въ наступленіе. Среди крайнихъ консерваторовъ особенно выдвинулся горный заводчикъ и политическій дѣятель *Штуммъ*. Онъ не могъ примириться съ демократическимъ духомъ, вносимымъ молодыми пасторами въ рабочую среду. Въ „Saarbrückener Zeitung", находившейся подъ непосредственнымъ руководствомъ этого промышленнаго „короля", то и дѣло появлялись полныя яда и желчи статьи, направленныя противъ „науманіанцевъ". Христіанско-соціальное движеніе называлось „рѣшительно антихристіанскимъ и революціоннымъ", „ничего общаго не имѣющимъ съ высшими религіозными принципами". Христіанскіе соціалисты назывались „сознательными или безсознательными помощниками соціальной революціи, стоящими на одной ступени съ Бебелемъ и Либкнехтомъ". Въ чрезвычайно рѣзкой рѣчи, сказанной въ Нейнкирхенѣ въ апрѣлѣ 1896 г., Штуммъ заявилъ прямо, что христіанскіе соціалисты опаснѣе соціалдемократіи и что если церковнымъ властямъ не удастся справиться съ смутьянами, то церкви придется погибнуть.

Штуммъ былъ не только главой консерваторовъ, но и человѣкомъ близкимъ къ императору, оказывавшимъ большое вліяніе на ходъ внутренней политики. Его походъ противъ соціальныхъ реформаторовъ, дѣйствовавшихъ во имя Христа, не могъ остаться безъ вліянія на консервативные умы. Штеккеръ нѣкоторое время колебался, куда примкнуть, но наконецъ замѣтилъ, что съ молодыми радикалами ему не по пути, и рѣшилъ разстаться съ ними. Христіанско-соціальная партія раскололась. Въ 1896-мъ году Науманъ и его сторонники вышли изъ партіи и создали самостоятельный „національ-соціальный союзъ".

Науманъ оказался, однако, ничуть не болѣе удачливымъ, нежели Штеккеръ. Его попытка преодолѣть соціалистическое рабочее движеніе путемъ демократическаго христіанства была такъ же малоуспѣшна, какъ и попытка его консервативнаго антипода. Ни та, ни другяя форма христіанства не съумѣла проявить и развить ту силу притяженія, которая могла бы отвлечь рабочій классъ отъ соціалистическаго знамени. Чѣмъ дальше, тѣмъ могущественнѣе становилось соціалистическое движеніе, тѣмъ сильнѣе сказывалось его вліяніе на всѣ стороны общественной жизни. Интересъ къ церкви у рабочаго класса быстро уменьшался и вскорѣ дѣло дошло до полной отчужденности. Теперь саксонскій архидіаконъ Вальтеръ *Кечке* кон-

статируетъ этотъ фактъ безъ всякихъ оговорокъ. Онъ составилъ интересный списокъ аргументовъ, которыми оперируютъ рабочіе, когда формулируютъ свое отрицательное отношеніе къ церкви. Этотъ списокъ—не продуктъ самостоятельнаго творчества автора, а простая сводка наиболѣе характерныхъ отвѣтовъ, полученныхъ имъ отъ значительнаго числа рабочихъ путемъ спеціальнаго опроса. Мы встрѣчаемъ въ немъ, между прочимъ, слѣдующіе обвинительные пункты противъ нѣмецкой церкви и ея служителей:

1) Церковь представляетъ собою силу, тѣснѣйшимъ образомъ связанную съ классовымъ государствомъ. Кто борется противъ классоваго государства, тотъ борется и противъ церкви.

2) Церковь—реакціонная сила. Она задерживаетъ преобразованіе современнаго государства и современнаго хозяйственнаго строя.

3) Священникъ — слуга государства. Къ нему примѣнимо выраженіе: „чей хлѣбъ ѣмъ, по дудкѣ того и пляшу".

4) Священники—открытые враги соціалдемократіи. Они борются и противъ *добраго* ея дѣла—противъ поднятія матеріальнаго и моральнаго положенія рабочаго класса. Борьба ведется ими съ высоты церковной каѳедры, въ обстановкѣ, при которой никто не въ состояніи защищаться. Это—грѣхъ противъ заповѣди братской любви, провозглашаемой священниками. Это не соотвѣтствуетъ ученію Христа, который вѣдь былъ первымъ соціалдемократомъ. Вообще въ церкви не осталось ничего церковнаго.

5) Церковь не только не борется противъ существующаго хозяйственнаго порядка, но наоборотъ, поддерживаетъ его; она называетъ его божественнымъ міро-*порядкомъ* (Weltordnung), хотя въ сущности мы имѣемъ дѣло съ ужаснымъ *без*порядкомъ.

6) Церковь безсердечна по отношенію къ рабочимъ и ихъ стремленіямъ. Священники—рабы имущаго класса. Они все дѣлаютъ только за деньги, а такъ какъ у рабочихъ денегъ нѣтъ, то священники—не для рабочихъ... Кто много платитъ, тотъ получаетъ прекрасную, хорошо подготовленную рѣчь или молитву. Кто ничего не можетъ дать, тому достается лишь залежалый товаръ по формуляру, предписанному для бѣдняковъ. Это дѣлаютъ слуги и послѣдователи Того, Кто самъ былъ бѣденъ!

7) Даже діакониссы (сестры милосердія), которыя предназначены для бѣдняковъ, получаютъ превосходное вознагражденіе, равно какъ и священники, съ которыми не сравняться ни рабочему, ни ремесленнику, ни мелкому чиновнику. Соціальное положеніе священниковъ не соотвѣтствуетъ ихъ призванію. Они принадлежатъ къ „верхнимъ десяти тысячамъ" и не въ состояніи чувствовать за-одно съ рабочими.

8) Благотворительная дѣятельность церкви не можетъ примирить

съ нею рабочихъ. Рабочіе не желаютъ благодѣяній, а требуютъ того, что принадлежитъ имъ по праву. При общей нуждѣ христіанская благотворительность и не въ состояніи приносить пользу. Необходимо создать условія, при которыхъ благотворительность была бы излишней.

9) Не можетъ примирить рабочихъ съ церковью и соціальная дѣятельность нѣкоторыхъ священниковъ. Если иногда у нихъ и проявляются хорошія стремленія, то подъ давленіемъ сверху имъ приходится вскорѣ разстаться съ ними.

10) Церковь ничего не дѣлаетъ для образованія рабочаго въ религіозной области. Она прячетъ отъ него такія книги, какъ сочиненія Бюхнера, Дарвина, Геккеля, Ренана, Штрауса и др.

11) Въ интересахъ классоваго государства церковь стремится держать рабочаго въ темнотѣ. Народу преподносятъ библейскій разсказъ о сотвореніи міра, а верхнія десять тысячъ получаютъ теоріи Дарвина.

12) Католическая церковь такъ же дурна, какъ и протестантская. Церковь противъ свободы совѣсти и духа пускала въ ходъ мечъ, огонь, голодъ, пытку (Галилей, Колумбъ, Джіордано Бруно, Гуссъ и т. д.).

13) Церковь была всегда противъ выводовъ современнаго богословія и противъ свободнаго убѣжденія и осталась таковой до настоящаго времени (доказательство—судьба такихъ людей, какъ Гарнакъ, Деличъ, Кальтгофъ, Шремпфъ).

14) Рабочій ненавидитъ ученіе о вѣчномъ блаженствѣ:

Ich hab' nicht den Verdummungsglauben,
Den irgend eine Kirche lehrt,
Der von des Jenseits süssen Trauben
Schwatzt, wenn das Volk nach Brot begehrt!"

Загробнаго міра не существуетъ, и посему нужно здѣсь устроить жизнь хорошо и красиво.

15) Христіанство бездѣятельно. Уповать въ смиреніи на Бога значитъ, съ точки зрѣнія рабочаго, не что иное, какъ позволять людямъ дѣлать съ нимъ что имъ вздумается.

16) Если нѣкоторые рабочіе остаются еще вѣрными церкви, то это доказываетъ только, съ одной стороны, ихъ отсталость, а съ другой—силу церкви.

17) Если рабочіе не выступаютъ нынѣ массами изъ церкви, то только потому, что выходъ дорого стоитъ, а затѣмъ еще потому, что это связано съ разнаго рода неудобствами.

18) Немногіе священники, любовно относящіеся къ рабочимъ, не могутъ примирить послѣднихъ съ церковью. Эти священники составляютъ исключеніе, еще сильнѣе подчеркивающее дурныя свойства остальныхъ.

„Мы чувствуемъ — говоритъ Кечке по поводу этого списка — во многихъ мѣстахъ внутреннюю неправду, но также и нѣкоторую правду". Какіе именно пункты являются неправдивыми, и какіе правдивыми— объ этомъ авторъ, къ сожалѣнію, умалчиваетъ.

Полная отчужденность рабочаго класса отъ церкви привела наиболѣе вдумчивые и искренніе умы церковнаго міра къ сознанію, что предпринятый церковью походъ противъ соціалистическаго пролетаріата былъ сплошной ошибкой и по существу не могъ дать иныхъ результатовъ. Церковь не должна становиться на службу какого-либо одного класса общества: она должна быть выше всякой свѣтской борьбы.

Превосходное выраженіе этого новаго сознанія мы находимъ въ книгѣ лейпцигскаго пастора Георга Либстера (Georg Liebster) и въ рѣчи пастора Пфанкухе изъ Оснабрюка, сказанной въ „соціалистической" секціи пятаго „всемірнаго конгресса религіознаго прогресса". Книга Либстера называется: „Kirche und Sozialdemokratie" и вышла въ 1908 г. какъ одинъ изъ томовъ издаваемыхъ въ Гиссенѣ „Studien zur praktischen Theologie". Она является, такимъ образомъ, сочиненіемъ не одиноко стоящаго парадоксалиста, а отраженіемъ взглядовъ значительнаго числа практическихъ богослововъ. Это доказывается пріемомъ, который былъ оказанъ книгѣ въ протестантскихъ кругахъ. До сихъ поръ она все еще служитъ предметомъ оживленнаго обсужденія; многіе видные теологи присоединились къ выраженнымъ въ ней взглядамъ. На евангелически-соціальномъ конгрессѣ 1910-го года Либстеру былъ порученъ рефератъ на ту же тему, на которую написана его книга. Рефератъ былъ встрѣченъ, какъ отмѣчаетъ протоколъ, „бурными, долго несмолкавшими рукоплесканіями". На этомъ собраніи присутствовало до 1000 человѣкъ. Въ чемъ же заключаются взгляды Либстера?

Подводя итоги всему сдѣланному нѣмецкою церковью для борьбы съ антирелигіознымъ соціалистическимъ движеніемъ, Либстеръ безоговорочно признаетъ, что въ результатѣ церковь потерпѣла фіаско. „Преодолѣть или хотя бы только сдержать соціалистическое движеніе, или пропитать его христіанской идеей—не удалось. Соціалдемократія увлекла за собою всѣ рабочіе круги, поскольку послѣдніе, по своему соціальному положенію и духовному складу, способны были усвоить новыя идеи". Причина такой неудачи заключается преимущественно въ самой церкви. „Кто—говоритъ Либстеръ—подходитъ къ этому вопросу безъ предубѣжденія, тотъ не можетъ не признать, что бо̀льшая часть вины лежитъ на самой церкви. Она боролась, не подумавъ надъ тѣмъ, противъ чего она борется и какъ она должна вести борьбу". И дальше: „борьба противъ всей соціалдемократіи была большой так-

тической ошибкой. Церковь потеряла, вслѣдствіе этого, свой кредитъ у неимущаго класса. Въ глазахъ бѣдныхъ соціалдемократія является великой помощницей и утѣшительницей, совершившей то, что собственно должна была сдѣлать церковь, если бы она поступала согласно ученію и примѣру Христа. Соціалдемократія поднимаетъ падшихъ, насыщаетъ алчущихъ, проповѣдуетъ бѣднымъ евангеліе объ ихъ спасеніи". Церковь, правда, не призвана къ тому, чтобы уничтожить нищету, да она и не въ состояніи это сдѣлать. „Но—спрашиваетъ онъ—почему церковь должна бороться противъ соціалдемократіи, которая стремится придти на помощь бѣднымъ и угнетеннымъ? Развѣ грѣхъ стремиться къ тому, чтобы стереть нужду съ лица земли? Соціалдемократія ошибается, конечно, когда думаетъ, что добьется своей цѣли; но если она, благодаря этому заблужденію, способна немного улучшить положеніе низшихъ классовъ или хотя бы вселить въ души отчаявшихся новую надежду, то церковь беретъ грѣхъ на душу, когда на каждомъ шагу борется противъ такого предпріятія". Либстеръ идетъ еще дальше и формулируетъ обвиненіе противъ самой церкви. „Церковь не имѣетъ права требовать отъ соціалдемократіи покаянія. Правда, соціалдемократія дурно обращается съ церковью, но въ сущности церковь лучшаго не заслужила. Она не почитала бѣдныхъ такъ, какъ богатыхъ. Если мать дѣлаетъ различіе между своими дѣтьми и съ одними обращается любовно, а къ другимъ относится враждебно, то ей нечего удивляться, если послѣдніе сбѣгутъ отъ нея". Если церковь желаетъ вернуть то, что она потеряла, то у нея остается лишь одинъ путь: она должна оставить всякую мысль о противодѣйствіи соціалистическому движенію и думать только о спасеніи душъ рабочихъ. Ей не должно быть дѣла до политическихъ и соціальныхъ взглядовъ мірянъ, будь они пролетаріями или капиталистами. Церковь должна относиться нейтрально ко всему мірскому и искренно заботиться только о душеспасеніи своихъ чадъ. Она должна торжественно заявить, что никому не запрещаетъ быть соціалдемократомъ, что для нея важна только религія и ничего больше. „Даже священники—и тѣ должны получить право раздѣлять соціалдемократическіе взгляды и вступать въ партійную организацію. Но, конечно, эти священники-соціалдемократы должны воздерживаться отъ политической агитаціи въ такой же мѣрѣ, какъ и священники, принадлежащіе къ другимъ партіямъ". Нейтралитетъ церкви не долженъ быть нарушенъ даже по отношенію къ *республиканскимъ* тенденціямъ соціалдемократіи. „Какое дѣло церкви до того, что люди считаютъ монархическую или какую-нибудь иную форму государства лучше или хуже другой?" Все это земныя дѣла, въ которыхъ церковь не заинтересована. Церковь заботится только о томъ,

чтобы та или другая партія не зарвалась въ своей агитаціи до насильственной революціи. „Конечно,—оговаривается авторъ,—церковь знаетъ, что въ извѣстные историческіе моменты возстанія и другія насилія неизбѣжны. Но, не смотря на это, церковь призвана по мѣрѣ силъ заботиться о томъ, чтобы умѣрять черезчуръ разгорающіяся страсти“.

На такомъ же нейтралитетѣ церкви настаивалъ въ упомянутой выше рѣчи и пасторъ Пфанкухе. „Христіанинъ можетъ быть соціалистомъ, но онъ не обязанъ имъ быть. И наоборотъ: соціалистъ можетъ быть христіаниномъ, но онъ не обязанъ имъ быть. Съ той и съ другой стороны пути должны быть безусловно свободны... Соціализмъ, капитализмъ, парламентаризмъ, монархизмъ, конституціонализмъ—формы, которыя сами по себѣ ни добро, ни зло, въ которыхъ нѣтъ ничего ни специфически христіанскаго, ни антихристіанскаго. Онѣ, однако, могутъ быть и тѣмъ и другимъ, поскольку онѣ, въ соотвѣтствіи съ данными культурными условіями, могутъ разсматриваться какъ достаточныя или недостаточныя формы дальнѣйшаго развитія человѣчества“. Оставаясь нейтральной по отношенію ко всѣмъ теченіямъ, церковь, однако, по мнѣнію Пфанкухе, должна заботиться о *самодѣятельности* населенія. „Разъ то или другое признается зломъ, христіанинъ не долженъ оставаться равнодушнымъ къ его существованію. Христіанство можетъ и должно довести всякаго до сознанія, что политическая и соціальная глупость въ наше время преступна“. Нейтралитетъ, такимъ образомъ, не означаетъ равнодушія.

При существующемъ положеніи вещей равнодушіе и невозможно. Дѣло въ томъ, что въ странѣ отъ штеккеровскаго, а затѣмъ и наумановскаго движенія постепенно расцвѣли „христіанскія“ рабочія организаціи“ (Christliche Gewerkschaften), достигшія за послѣдніе годы такой величины и силы, что съ ними должны считаться какъ союзники, такъ и противники соединенія рабочаго движенія съ христіанствомъ. Возникло это новое движеніе въ 1894-мъ году, но только за послѣднія восемь лѣтъ ему удалось завоевать себѣ положеніе и вліяніе. Въ отличіе отъ прежнихъ типовъ христіанскихъ рабочихъ организацій, новые союзы построены на *интерконфессіональной* основѣ: въ ихъ составъ входятъ какъ католики, такъ и протестанты. Преобладаютъ католики, которыхъ насчитываютъ чуть ли не до 90%. Какъ интерконфессіональныя организаціи, союзы устраняютъ всѣ вопросы религіознаго характера. Выходитъ такимъ образомъ, что они религіозно нейтральны. Но если это такъ, то спрашивается, въ чемъ заключается ихъ „христіанство“? „Ни въ чемъ“, отвѣчаютъ руководи-

тели. Наше „христіанство", прибавляютъ они, означаетъ только нашу противоположность соціалдемократіи. Специфически христіанскаго элемента въ нашей дѣятельности нѣтъ.

Анти-соціалдемократичность „христіанскихъ" союзовъ сказывается не на религіозной почвѣ, а на соціально-экономической и политической. Они гораздо умѣреннѣе по отношенію къ предпринимателямъ и очень любовно настроены въ пользу государства. Основные устои современной нѣмецкой государственности они признаютъ безъ всякихъ ограниченій. Что же касается предпринимателей, то хотя христіанскіе союзы и признаютъ стачку и даже нерѣдко прибѣгали къ ней, но тѣмъ не менѣе они объявляютъ, что интересы рабочихъ и хозяевъ не противоположны, а совпадаютъ. Вообще эти союзы отличаются только бо̀льшей сдержанностью и почти повторяютъ собою союзы, извѣстные подъ именемъ „либеральныхъ", или „гиршъ-дункеровскихъ". Но—это очень характерно!—не смотря на такую близость къ послѣднимъ, „христіанскіе" союзы ничуть не помышляютъ о сліяніи съ ними.

Это послѣднее обстоятельство кажется многимъ протестантскимъ дѣятелямъ подозрительнымъ. Они начинаютъ предполагать, что провозглашаемая открыто религіозная нейтральность является только отводомъ глазъ отъ дѣйствительнаго характера движенія. Нейтральность терпится, по ихъ мнѣнію, только потому, что большинство членовъ этихъ союзовъ—католики. Еслибы дѣло обстояло иначе, еслибы протестанты входили въ союзы въ большемъ количествѣ, то католическая іерархія не потерпѣла бы „нейтралитета". Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, строить новые нейтральные союзы, разъ существуютъ „гиршъ-дункеровскіе"? Очевидно, кому-нибудь да интересно, чтобы существовали именно „христіанскіе" союзы, хотя бы въ ихъ дѣятельности не было ни одного атома христіанства. Кому же на пользу такіе союзы? Католической партіи „центра"—отвѣчаютъ на этотъ вопросъ ихъ противники. „Центру" важно имѣть близкую по духу, организованную рабочую силу. Противъ профессіональныхъ союзовъ, близкихъ къ соціалистической партіи, ему важно имѣть въ своихъ рукахъ соотвѣтственную организацію. Изъ однихъ католиковъ трудно было бы создать достаточно внушительную рабочую организацію, и именно поэтому католическіе вожди благосклонно относятся къ интерконфессіонализму. Входящіе въ союзы протестанты увеличиваютъ, такимъ образомъ, вліяніе католицизма въ Германіи, и демократически настроенные протестанты высказываются противъ „христіанскихъ" союзовъ.

Противъ сторонниковъ религіознаго нейтралитета выступаютъ болѣе практически настроенные защитники „христіанскаго" рабочаго движенія. Пусть, говорятъ они, теоретически и вѣрно, что христіан-

ство ни при чемъ въ этомъ движеніи; но оно все-таки является оплотомъ противъ анти-религіознаго соціализма. „Еслибы—говорилъ бывшій министръ графъ Позадовскій на евангелически-соціальномъ конгрессѣ 1909 г.—мы не имѣли „христіанскихъ" союзовъ, то большая часть принадлежащихъ нынѣ къ нимъ рабочихъ послѣдовала бы вѣроятно за соціалдемократіей, голосовала бы за нее на выборахъ и усилила бы соціалдемократическую партію въ политическомъ отношеніи. Я полагаю, поэтому, что можно тутъ примѣнить принципъ: врозь идти, вмѣстѣ бить. Мы должны поддержать христіанскіе союзы въ ихъ противоположности къ соціалдемократическому движенію, которое намъ принципіально враждебно".

Какъ видно, оппортунистическія соображенія берутъ верхъ надъ соображеніями принципіальнаго характера. Исторія новыхъ „христіанскихъ" союзовъ повторитъ, повидимому, пути, по которымъ шли Штеккеръ и Науманъ. Имъ удастся, вѣроятно, втянуть отсталые слои рабочаго класса въ свои организаціи, а оттуда эти рабочіе перейдутъ къ соціалдемократіи. Въ концѣ концовъ экономическій интересъ несомнѣнно возьметъ верхъ надъ вѣроисповѣднымъ.

Р. Стрѣльцовъ.

РЕМЕСЛО И „ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ" ШКОЛА

(Рѣчь, сказанная товарищемъ предсѣдателя постоянной коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, А. Н. Быковымъ, на открытіи 2-го ремесленнаго съѣзда 15-го января 1911 г. въ Спб.)

Доказывать необходимость образованія для подростающаго поколѣнія ремесленниковъ — значило бы ломиться въ открытую дверь. Современная жизнь идетъ впередъ гигантскими шагами и темпъ этого движенія ускоряется съ каждымъ днемъ. Кто не поспѣваетъ за нимъ, тотъ роковымъ образомъ неизбѣжно отстаетъ. И ремесло, конечно, не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Напротивъ, на почвѣ этого стремительнаго движенія впередъ для ремесленника жестокій законъ конкурренціи обостряется въ самой высокой степени, встаетъ въ особенно грозной формѣ. Ремесленникъ долженъ бороться не только со своимъ конкуррентомъ-собратомъ. Ему приходится отстаивать свое существованіе предъ неизмѣримо болѣе сильнымъ и опаснымъ соперникомъ. Предъ нимъ стоитъ крупная промышленность— предъ нимъ стоитъ современная фабрика, владѣющая всею мощью

колоссальныхъ матеріальныхъ средствъ, всею глубиною современнаго знанія и техническаго генія, всею силою изумительныхъ современныхъ механизмовъ—механизмовъ, которые съ одинаковой легкостью куютъ стопудовыя массы металла и производятъ почти невидимыя для невооруженнаго глаза, тонкія какъ паутина, металлическія и волокнистыя нити.

Предъ этою силою, конечно, ремесло отступаетъ, не можетъ не отступать. А вѣдь давно извѣстно, господа, что отступленіе безъ потери своихъ преимуществъ—труднѣйшая часть стратегическихъ операцій.

Куда же и какъ можетъ отступать предъ побѣдоноснымъ шествіемъ крупной промышленности ремесленникъ?—Опытъ различныхъ странъ показываетъ, что онъ можетъ отступать или по пути пониженія цѣнности своихъ издѣлій, по пути *обезцѣненія своего труда*, или, напротивъ, по пути *повышенія* качественной стороны своихъ продуктовъ, по пути принесенія въ нихъ знанія и таланта, по пути созданія издѣлій, облагороженныхъ индивидуализированнымъ, одухотвореннымъ, если можно такъ сказать, трудомъ.

Первый путь, путь обезцѣненія труда, намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знакомъ, чтобы нужно было здѣсь о немъ распространяться. Тула, Павлово, вологодскія кружевницы, кавказскіе серебренники, уральскіе гранильщики и десятки другихъ категорій ремесленниковъ — всѣ въ разные моменты доходили или въ отдѣльныхъ случаяхъ и сейчасъ опустились чуть ли не до нищенской оплаты труда. Увы, далеко не такъ многочисленны у насъ примѣры другого отступленія ремесла предъ фабрикой—отступленія на путь производства болѣе дорогихъ и болѣе совершенныхъ, изящныхъ издѣлій. Можно сказать, что мы этотъ путь только еще начинаемъ искать. Мастерскія подобнаго рода у насъ еще рѣдкость. Художественная керамика, художественная обработка металла, высокая рѣзьба по дереву, сотни подобныхъ ремеслъ, такъ широко и прекрасно развивающихся на Западѣ, у насъ еще рѣдкость. Но, даже оставляя въ сторонѣ такіе примѣры, мы должны сказать, что, внѣ столицъ и пяти-шести городовъ, у насъ нелегко отыскать такую мастерскую, которая дѣйствительно безукоризненно готовила бы предметы ежедневнаго обихода, предметы портняжнаго, сапожнаго, обойнаго и другихъ ремеслъ.

Однако, если жизнь требуетъ отъ ремесленника все бо́льшаго и бо́льшаго совершенствованія въ давно извѣстныхъ, давно уже существующихъ отрасляхъ ремесленной промышленности, то она съ каждымъ годомъ настойчивѣе и настойчивѣе ставитъ ему другія, еще болѣе трудныя задачи. Ремесленнику чаще и чаще приходится браться *за совершенно новыя*, ему неизвѣстныя, *нерѣдко раньше несуществовавшія*

отрасли производства, за выработку новыхъ, ранѣе не производившихся вещей. Въ круговоротѣ жизни мы часто, господа, почти не замѣчаемъ этого неуклоннаго захвата повседневнаго обихода новыми и новыми предметами, а между тѣмъ число ихъ громадно! Остановимся на этомъ вопросѣ хотя бы на одну минуту. Можно сказать, что еще на глазахъ живущаго поколѣнія создалось производство, напримѣръ, керосиновыхъ лампъ; а между тѣмъ въ послѣдніе годы мы являемся свидѣтелями огромныхъ успѣховъ уже совершенно новыхъ способовъ освѣщенія—электрическаго и спирто-калильнаго, съ ихъ непомѣрно сложнымъ ассортиментомъ обиходныхъ предметовъ. Гальванопластика, велосипеды, автомобили и всевозможные моторы, сотни новыхъ предметовъ изъ резины и каучука, фотографическія принадлежности, альбомы, рамки и паспарту, быстро входящій въ жизнь безпроволочный телеграфъ, издѣлія изъ целулоида, пишущія машины—всѣ эти и тысячи другихъ наиразнообразнѣйшихъ предметовъ, по частямъ или цѣликомъ, при первоначальномъ производствѣ или, гораздо чаще, въ моменты ремонта—не минуютъ рукъ ремесленника. Каждый изъ нихъ, кромѣ техники, требуетъ и новой *формы*, удовлетворяющей быстро мѣняющимся эстетическимъ требованіямъ публики. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ потокъ техническихъ изобрѣтеній, всевозможныхъ усовершенствованій и эстетическихъ новшествъ, обогащающихъ ежедневно нашу жизнь, въ ближайшее время будетъ расти и расти. И современный ремесленникъ, если онъ не хочетъ остаться внѣ жизни, если онъ желаетъ спасти себя самого и свое дѣло отъ разоренія, долженъ обладать такимъ запасомъ знаній и умѣній, который давалъ бы ему возможность свободно и легко приспособляться къ новымъ и новымъ требованіямъ рынка. Онъ долженъ идти впередъ, онъ постоянно долженъ совершенствоваться, обогащаться знаніями на всѣхъ ступеняхъ своей трудовой жизни, отъ ученичества до положенія мастера включительно. Вѣдь ему приходится чуть ли не ежедневно браться за выработку или за ремонтъ новыхъ издѣлій, самое названіе и назначеніе которыхъ годъ-два назадъ не только было неизвѣстно ему, ремесленнику, но часто не могло быть даже и предсказано.

Мы видимъ, что положеніе ремесла съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе и болѣе труднымъ. Вся совокупность новѣйшихъ условій, которыми обставлена современная ремесленная работа, казалось бы, дѣлаетъ гибель ремесла только вопросомъ времени, и времени даже не особенно отдаленнаго. Дѣйствительно, 25—30 лѣтъ назадъ, и среди теоретиковъ-экономистовъ, и среди практиковъ-промышленниковъ относительно участи ремесла господствовали самые пессимистическіе взгляды. Окончательную гибель его предсказывали совершенно опредѣленно; находились даже лица, утверждавшія, что въ пере-

довыхъ индустріальныхъ странахъ XX-й вѣкъ уже почти не увидитъ ремесленника!

Но вотъ мы вступаемъ уже во второе десятилѣтіе новаго вѣка! Какъ же стоитъ на Западѣ вопросъ о ремеслѣ сейчасъ? Взгляды круто измѣнились. Толки о гибели ремесла затихаютъ; научные авторитеты пересматриваютъ прежніе выводы, а свидѣтельство нелицепріятныхъ цифръ—статистика—говоритъ о томъ, что, не смотря на головокружительный ростъ фабричной промышленности, не смотря на феноменальные успѣхи крупной индустріи, ремесло твердо занимаетъ свои—правда, нѣсколько измѣненныя—позиціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прогрессируетъ! Если же со стороны самихъ ремесленниковъ и не перестаютъ раздаваться голоса, выражающіе недовольство положеніемъ, то, во-первыхъ, эти голоса звучатъ на Западѣ теперь слабѣе, чѣмъ они звучали четверть столѣтія назадъ, а, во-вторыхъ, господа, надо же признаться, что вообще найти промышленника, который бы не жаловался на тяжесть своего положенія, какъ это отмѣтилъ еще семьдесятъ лѣтъ тому назадъ безсмертный англійскій юмористъ Диккенсъ, задача далеко не легкая!

Подробный анализъ сложныхъ причинъ, благодаря которымъ ремесло оказалось въ Европѣ достаточно жизненнымъ и сильнымъ, чтобы не уступить давленію всѣхъ трудныхъ, созданныхъ для него жизнью условій, не входитъ и, конечно, не можетъ входить въ планъ моей сегодняшней рѣчи. Но мнѣ, по мѣрѣ умѣнья и силъ, хотѣлось освѣтить предъ вами десяткомъ фактовъ и цифръ, не вдаваясь въ детали, лишь одну сторону вопроса.

Взглянемъ же на эти цифры. Въ прошломъ году прусское центральное промышленное управленіе — Landesgewerbeamt—издало отчетъ о движеніи промышленнаго образованія въ этомъ германскомъ государствѣ за двадцать пять лѣтъ. Конечно, успѣхи этого дѣла за двадцатипятилѣтіе въ Пруссіи (1884—1909 г.) громадны. Число промышленныхъ учебныхъ заведеній съ ежедневными занятіями учетверилось, число учениковъ съ $7^1/_2$ тысячъ поднялось до $44^1/_2$ тысячъ, расходы государства по всей статьѣ съ 600 тысячъ марокъ поднялись до $11^1/_4$ милліоновъ. Все это краснорѣчивыя цифры, господа, и многое хотѣлось бы и можно было бы по поводу ихъ сказать. Но это потребовало бы слишкомъ много времени, и кромѣ того, намъ часто бываетъ слишкомъ больно выслушивать указанія на подобныя цифры: все равно, намъ за ними не угнаться,—такъ стоитъ ли объ этомъ и говорить! Итакъ, я оставляю въ сторонѣ регулярныя школы; но мнѣ необходимо остановиться на одномъ вопросѣ, на одномъ типѣ школъ, поддержка которыхъ вызвала, между прочимъ, особенное усиленіе расхода прусской казны. Я говорю о такъ называемыхъ Fortbildungsschulen, самое

названіе которыхъ передается по-русски далеко не равнозначащимъ словомъ: „дополнительные" классы и школы. Развитіе этихъ-то, весьма разнообразныхъ, школъ, учениками которыхъ являются лица, стоящія уже у какого-либо практическаго дѣла въ жизни (особенно много между ними ремесленныхъ учениковъ и подмастерьевъ), крайне знаменательно. Въ 1884-мъ году ихъ насчитывалось въ Пруссіи всего 664, въ 1908—2.561 (въ томъ числѣ 2.169 предназначенныхъ для промышленныхъ рабочихъ и служащихъ и 392 для торговыхъ служащихъ). Число учениковъ поднялось, за тотъ же періодъ времени, съ 58.000 до 360.000.

Господа, мнѣ трудно удержаться отъ сопоставленія: еслибы мы имѣли право, слѣдуя правилу пропорціональности, примѣнить, сообразно числу населенія, эту цифру къ Россіи, мы должны были бы говорить о *двухъ милліонахъ* учениковъ торгово-промышленныхъ и ремесленныхъ дополнительныхъ школъ. Поистинѣ эта цифра представляется намъ еще сказочной!

Вернемся, однако, къ Пруссіи. Отпускъ ученика или ремесленника въ школу всегда представляетъ для заведенія извѣстное неудобство. Въ Пруссіи это неудобство такъ же велико, какъ и въ Россіи, и вполнѣ естественно, что противъ необходимости отпуска ремесленныхъ учениковъ въ школы въ Пруссіи раздавались со стороны ремесленниковъ совершенно такіе же голоса, какіе мы такъ часто слышимъ и у насъ въ Россіи. И что же? Прошло 25 лѣтъ, и уже почти не встрѣчаетъ возраженій *обязательность* посѣщенія дополнительной школы. За нее теперь нерѣдко высказываются сами промышленники. Идемъ далѣе. Какимъ чрезвычайнымъ неудобствомъ еще недавно считался отпускъ ученика въ школу въ рабочіе часы! Немудрено, что часы занятій въ дополнительныхъ классахъ назначались, кромѣ воскресеній, въ вечернее время. Но вечерніе часы для школьныхъ занятій, конечно, мало продуктивны: ученики къ вечеру слишкомъ утомлены и, кромѣ того, многіе предметы, начиная съ рисованія красками, могутъ успѣшно вестись лишь при дневномъ свѣтѣ.

И что же оказывается? Теперь уже только 3% прусскихъ дополнительныхъ классовъ ведутъ занятія позднѣе 8 часовъ вечера! Въ 28 школахъ изъ ста занятія *частью* захватываютъ эти поздніе часы, а во всѣхъ остальныхъ дополнительныхъ классахъ *все* учебное время падаетъ на періодъ дня до 8 часовъ вечера. Если же сосчитать *всю сумму отдѣльныхъ учебныхъ часовъ*, то 11% изъ нихъ приходятся на воскресенья, *77% на будніе дни до 8 часовъ* и лишь 12% уроковъ дается позже 8 часовъ!

Еще одинъ примѣръ. Едва ли не сложнѣйшимъ вопросомъ промышленныхъ дополнительныхъ школъ является постановка въ нихъ

практическихъ занятій. Многіе германскіе города уже строятъ для этихъ школъ роскошныя помѣщенія, но устраивать при нихъ особыя разнообразныя мастерскія все же слишкомъ дорого, пользоваться же мастерскими ремесленныхъ училищъ не всегда возможно. И вотъ, столярные мастера Франкфурта-на-Майнѣ пытаются разрѣшить вопросъ новымъ, невиданнымъ до сихъ поръ, способомъ: они позволяютъ своимъ рабочимъ работать надъ задачами, задаваемыми школой, *въ своихъ мастерскихъ и изъ хозяйскаго матеріала*! Сработавъ дома заданный ему учителемъ предметъ, ученикъ несетъ его въ школу, иногда послѣ того исправляетъ его по указанію школы, а образцовыя работы оставляетъ въ школьной коллекціи. Многіе изъ васъ, господа, хорошо по собственному опыту знакомы съ ремесленнымъ бытомъ: вы оцѣните, что̀ значитъ подобное отношеніе къ дѣлу со стороны практиковъ-хозяевъ! Оно возможно въ одномъ лишь случаѣ: оно означаетъ, что мастера оцѣнили дополнительныя школы, придаютъ имъ огромное значеніе и поощряютъ всѣми мѣрами своихъ рабочихъ къ посѣщенію ихъ! Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ и, при правильномъ взглядѣ на дѣло, при правильной постановкѣ школы, иначе быть не должно и не можетъ.

Не могу удержаться, чтобы не напомнить, среди безконечнаго ряда примѣровъ, еще одинъ фактъ. Практическіе американцы долгое время относились сравнительно весьма равнодушно къ вопросамъ профессіональнаго образованія. Но съ измѣненіемъ условій промышленной жизни страны они быстро мѣняютъ взгляды. Сближая школы промышленныя и школы ручного труда, они за одиннадцать лѣтъ, съ 1899-го по 1909-ый годъ, вчетверо увеличили число промышленныхъ школъ и въ $3^1/_2$ раза—число ихъ учениковъ и ученицъ!

Господа, я не могу не предвидѣть возраженія, которое напрашивается, такъ сказать, само собой. Я приводилъ до сихъ поръ примѣры иностранные. Но профессіональное образованіе, говоря вообще—дорогое образованіе. Возникаетъ невольно вопросъ: посильны ли для насъ необходимыя на это дѣло затраты? окупятся ли онѣ?

Вотъ по поводу этого возраженія мнѣ и хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ на основаніи *русскихъ* данныхъ. Данныя эти, къ сожалѣнію, не относятся къ той категоріи школъ — дополнительныхъ школъ, — которыя особенно интересуютъ меня въ настоящій моментъ. Такихъ данныхъ русская жизнь, какъ уже сказано, не можетъ дать, за неимѣніемъ или за слишкомъ малымъ количествомъ самыхъ школъ подобнаго рода. Но, тѣмъ не менѣе, слѣдующій примѣръ, хотя онъ и взятъ изъ другой школьной области, представляется мнѣ въ значительной мѣрѣ поучительнымъ.

Годъ тому назадъ, въ этой же залѣ сельскохозяйственнаго музея собирался съѣздъ дѣятелей по вопросамъ кустарной промышленности.

Съѣзду былъ представленъ обратившій на себя общее вниманіе докладъ делегатовъ пермскаго земства. Земство этой губерніи—въ которой, кстати сказать, бюджетъ общей начальной народной школы перешагнулъ за 1.600.000 рублей,—послѣ долгаго и серьезнаго изученія нуждъ края, предприняло цѣлый рядъ мѣръ для подъема матеріальнаго благосостоянія населенія и развитія мелкой промышленности. Но для поднятія промышленности необходимо, конечно, прежде всего расширеніе рынка, обусловленное поднятіемъ качества издѣлій; послѣднее же, въ свою очередь, невозможно безъ внесенія въ рабочую среду извѣстныхъ знаній. И какъ только былъ найденъ удобный, соотвѣтствующій обстоятельствамъ типъ учебнаго заведенія (учебная мастерская), такъ земство, въ значительной мѣрѣ благодаря щедрой поддержкѣ правительства, принялось за насажденіе спеціальнаго обученія среди мелкихъ промышленниковъ, кустарей и рабочихъ. Считая вмѣстѣ и казенныя, и земскія низшія профессіональныя школы, мы видимъ, что къ 1909-му году въ губерніи уже было открыто 10 низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, 11 учебныхъ мастерскихъ и 9 ремесленныхъ отдѣленій [1]). На *содержаніе* этихъ заведеній — какъ говоритъ докладъ послѣднему земскому собранію — тратилось казною около 45 тысячъ, уѣздными земствами—40 тысячъ и губернскимъ земствомъ—около 20 тысячъ рублей, а въ общей сложности—105 тысячъ. Кромѣ того, на расширеніе зданій, на усиленіе оборудованія и на оборотныя средства мастерскихъ въ томъ же году назначено изъ разныхъ источниковъ около 140 тысячъ. Такимъ образомъ, въ Пермской губерніи низшее промышленное образованіе въ 1909-мъ году поглотило огромную по нашимъ условіямъ (для одной губерніи) сумму въ четверть милліона! Теперь я позволю себѣ напомнить, что эти затраты пошли на дѣло, являющееся основнымъ звеномъ цѣлаго ряда мѣропріятій по подъему благосостоянія населенія. Выдѣлить вліяніе этого *одного* фактора, конечно, невозможно. Но, точно подсчитавъ всѣ тѣ реальныя выгоды, которыя получаются отъ распространенія среди населенія изготовляемыхъ теперь въ губерніи улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, отъ вывоза ихъ въ другія губерніи и т. д., земство оцѣниваетъ приростъ ежегоднаго дохода населенія, являющійся результатомъ этой системы мѣропріятій, по меньшей мѣрѣ *въ $2^1/_2$ милліона рублей*. Если мы прибавимъ сюда приростъ собственно заработка рабочихъ и кустарей, то увидимъ, что результатомъ той дѣятельности пермскаго земства, которая, какъ

---

[1]) Въ нихъ обучалось около 4.000 учениковъ.

на одинъ изъ своихъ устоевъ, опиралась на распространеніе среди населенія профессіональныхъ знаній, явился приростъ дохода населенія по меньшей мѣрѣ въ 4 милліона рублей!

Мнѣ скажутъ: эти цифры несоизмѣримы! Ежегодный приростъ дохода въ 4 милліона — результатъ цѣлаго ряда мѣръ, а не затраты 105 тысячъ на содержаніе профессіональныхъ школъ. Конечно такъ, господа! Но *безъ* затраты этихъ 105 тысячъ нельзя было бы получить указанныхъ 4 милліоновъ! И пусть происхожденіе $^9/_{10}$ послѣдней суммы вызвано другими мѣрами, но и $^1/_{10}$ ея достаточно для того, чтобы *вчетверо* покрыть скромную ассигновку на профессіональную школу. Примѣръ Пермской губерніи намъ съ неопровержимою очевидностью доказываетъ простую истину: правильно направленныя затраты на профессіональное образованіе *выгодны, необычайно выгодны*. И практическіе пермяки поняли это. Обдумавъ, правильно нащупавъ и испробовавъ путь, они рѣшили уже смѣло пойти по нему дальше. Уже въ 1910-мъ году было (опять-таки при поддержкѣ и содѣйствіи казны) положено начало устройству 8-ми учебныхъ мастерскихъ и 18-ти ремесленныхъ отдѣленій, на что, въ суммѣ, въ круглыхъ цифрахъ, ассигновано 325.000 рублей; а въ ближайшемъ времени предполагается открыть еще 14 мастерскихъ и 37 ремесленныхъ отдѣленій, на что понадобится, вѣроятно, до полумилліона рублей. И эти затраты, конечно, въ свое время окажутся столь же баснословно выгодны, какъ и первоначальныя, выше мною исчисленныя.

До сихъ поръ я касался одной губерніи. Аналогичныя данныя, нѣтъ сомнѣнія, могли бы быть приведены по губерніямъ Полтавской, Московской и другимъ, т.-е. по всѣмъ тѣмъ губерніямъ, гдѣ уже обращено серьезное вниманіе на подъемъ уровня профессіональной подготовки среди мелкихъ промышленниковъ. Но раньше, чѣмъ кончить свое затянувшееся сообщеніе, я хотѣлъ бы привести нѣсколько цифръ, касающихся всей Россіи. Изъ прекрасно изданнаго министерствомъ торговли и промышленности „Сборника статистическихъ свѣдѣній“ по низшему и среднему профессіональному образованію мы узнаемъ, что въ имперіи, исключая Финляндію, имѣется соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній (всѣхъ типовъ и вѣдомствъ) 3.036, съ 214 тыс. учениковъ и ученицъ. Изъ этихъ 3.000 школъ почти $^2/_3$ (1.923) суть различныя ремесленныя школы. Относя же сюда, сверхъ того, 39 техническо-желѣзнодорожныхъ училищъ, 81 техническую и 57 художественно-промышленныхъ школъ, мы увидимъ, что во всей Россіи число всѣхъ имѣющихъ для насъ, собравшихся на этотъ съѣздъ, особенный интересъ училищъ равно *2.100*. На нихъ, въ круглыхъ цифрахъ, тратится *9,25* милліоновъ, при общемъ бюджетѣ *всѣхъ* профессіональныхъ среднихъ и низшихъ школъ въ $23^1/_2$ милліона. Изъ этихъ $9^1/_4$ милліо-

новъ $3^1/_4$ падаютъ на казну, немного менѣе двухъ милліоновъ—на общественныя учрежденія, а остальные 4 приходятся на плату за ученіе, на сословные сборы, проценты съ капиталовъ и т. д.

Какъ видимъ, у насъ заботы о низшемъ и среднемъ профессіональномъ образованіи выражаются въ довольно солидныхъ цифрахъ и суммахъ. Хотя онѣ и очень далеко отстали отъ Запада, но все же въ нихъ, какъ мнѣ представляется, довольно опредѣленно рисуется тенденція двинуться по извѣстному пути. И я съ удовольствіемъ эту тенденцію отмѣчаю; но въ то же время не могу не указать и весьма печальной, съ моей точки зрѣнія, стороны дѣла. Нѣсколькими минутами раньше я обращалъ ваше вниманіе на прусскія „дополнительныя" школы, Fortbildungsschulen. Если значеніе этихъ школъ такъ высоко оцѣнено Пруссіей, съ ея прекрасной обязательной начальной школой, то во сколько же разъ онѣ нужнѣе намъ, съ нашимъ убогимъ, ни для кого необязательнымъ курсомъ народной школы?

Но у насъ такихъ дополнительныхъ школъ, какъ особой группы учебныхъ заведеній, не имѣется вовсе. Въ изданіи министерства торговли нѣтъ такой рубрики. Конечно, кое-гдѣ у насъ есть вечерніе курсы для взрослыхъ, рисовальные классы и т. п.—но все это такъ слабо, такъ случайно, что говорить объ этомъ серьезно въ настоящемъ случаѣ нельзя. А школа этого типа намъ такъ нужна! И каждый разумный расходъ на нее, конечно, принесъ бы такіе же поразительные результаты, какъ и всякій расходъ на школу для рабочихъ какого угодно иного типа.

И что, господа, замѣчательно. *Законъ* у насъ уже довольно давно предвидитъ этотъ типъ классовъ для рабочихъ! Законъ—я подразумѣваю указъ 15-го ноября 1906-го года о рабочемъ времени служащихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ,—уже четыре года назадъ указалъ, что для посѣщенія подобной школы *должно быть дано время.* А школы все нѣтъ и нѣтъ! И если въ Пруссіи дополнительные классы посѣщаются 360.000 учениковъ, то мы, въ лучшемъ случаѣ, число ихъ могли бы считать жалкими тысячами...

Предъ нашимъ съѣздомъ, господа, стоятъ сложныя задачи. Среди этихъ задачъ, по моему мнѣнію, видное, быть-можетъ центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о *подготовкѣ будущихъ ремесленниковъ,* вопросъ о ремесленномъ ученичествѣ и *вопросъ о ремесленной школѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. вопросъ о распространеніи знаній и умѣній среди ремесленниковъ всѣми возможными способами.* Не только *разрѣшить* этотъ вопросъ окончательно, но даже сколько-нибудь серьезно двинуть его изъ того тупика, въ который онъ попалъ, безъ „дополнительной" школы невозможно. Такъ надо же, наконецъ, поставить дѣло дополнительной школы на практическую,

реальную почву, надо же сдвинуть эту школу съ „мертвой точки“. И, заканчивая свою рѣчь, я могу лишь пожелать, чтобы нашъ съѣздъ, такъ или иначе, далъ этому дѣлу рѣшительный толчокъ. Если онъ сдѣлаетъ это, если онъ даже только серьезно *поможетъ* этому—онъ окажетъ великую услугу русскому ремеслу.

А. Быковъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Недавно напечатана въ XIII-мъ Альманахѣ „Шиповника“ новая повѣсть А. И. Ремизова: „Крестовыя Сестры“, а вслѣдъ затѣмъ та же фирма стала выпускать томъ за томомъ собраніе его сочиненій.

По всему своему писательскому облику Ремизовъ стоитъ какъ-то особнякомъ среди современныхъ нашихъ беллетристовъ. Стиль его рѣчи совершенно чуждъ современной изысканной манерѣ; совсѣмъ по своему видитъ и воспринимаетъ онъ міръ, совсѣмъ особыми, и по тембру, и по существу, живетъ онъ настроеніями. Ремизовъ, пожалуй, въ гораздо большей степени художественная натура, чѣмъ многіе прославленные собратья его по перу. Онъ обладаетъ весьма интенсивнымъ и яркимъ жизнеощущеніемъ; онъ богатъ сильными и глубокими душевными переживаніями; чувствуется, что не по заказу и не по произволу, а по непреоборимой, инстинктивной потребности надо ему высказывать свой внутренній міръ. При томъ выражать его иначе, какъ въ конкретныхъ образахъ, онъ не можетъ: логическихъ формулъ, отвлеченно построенныхъ идей у Ремизова нѣтъ. Да и вообще сознательной мысли, конструирующей и критикующей, ему дано мало. Онъ полонъ фантазій, впечатлѣній, переживаній, но разобраться въ нихъ, опредѣлить, что̀ къ чему, ему, видимо, очень трудно, и потому онъ часто вываливаетъ передъ читателемъ въ хаотическомъ безпорядкѣ свое добро, не умѣя отдѣлить существенное отъ случайнаго, глубоко содержательный мотивъ отъ вздорной выдумки, свой собственный образъ отъ народной сказки или старой книжной легенды. Много растерянности, даже безпомощности въ этой душѣ. Сказать хочется много, но какъ сказать, какіе изъ подвертывающихся подъ руку образовъ и словъ содержатъ настоящее дѣло—это онъ далеко не всегда знаетъ. И вотъ мечется, путается, многословничаетъ, косноязычествуетъ.

Но кто ищетъ въ художественномъ произведеніи не пріятнаго сред-

ства для убійства времени, а откровенія души человѣческой, тотъ не можетъ не приглядываться пристально къ писаніямъ Ремизова: слишкомъ много въ нихъ истинной боли, глубокихъ вопросовъ, обращенныхъ къ міру, Богу и душѣ человѣческой, много искреннихъ, невыдуманныхъ исканій сердца, замученнаго, запуганнаго непонятной жестокостью жизни и все-же не доведеннаго до рабьей покорности и тупого безразличія, вопреки мнѣнію К. И. Чуковскаго („Психологическіе мотивы въ творчествѣ А. Ремизова“, въ только что вышедшей первой книгѣ „Критическихъ разсказовъ“). Кто подойдетъ къ А. Ремизову не съ холоднымъ и потому слѣпымъ безразличіемъ фланера, не съ готовностью присяжнаго зоила позубоскалить и позлорадствовать, а чутко и довѣрчиво, тотъ постепенно дешифрируетъ видимый хаосъ изліяній художника, почуетъ въ нихъ сокровенную стройность и единство оригинальной и по своему сильной души.

Основа этой души — дѣтская, наивная и нѣжная. Ему бы играть да радоваться, какъ ребенку, или, тоже какъ ребенку, расцѣловать бы маму и спрятать лицо у нея въ ласковыхъ колѣняхъ. По-дѣтски жадно и съ недоумѣніемъ вглядывается онъ въ жизнь, съ дѣтскимъ простодушіемъ и любопытствомъ готовъ вслушиваться и даже вѣровать въ русскую или вотяцкую сказку, и самъ ее на разные лады пересказывать, чуть ли не приписывая реальность лѣшимъ и чертямъ, злымъ и добрымъ духамъ и т. п. Съ довѣрчивостью большого ребенка—средневѣковаго человѣка внемлетъ онъ житіямъ святыхъ и апокрифамъ, и опять-таки самъ ихъ пересказываетъ, не на шутку умиляясь передъ подвижниками и пугаясь бѣсовъ. И страхи жизни онъ воспринимаетъ сначала такъ же, какъ сказочнаго Змѣя Горыныча или Бабу-ягу: всѣ эти страхи, пожалуй, еще не и не всамомдѣлешные, а если и настоящіе, то смирнаго и добраго они не тронутъ.

Засни, моя дѣточка милая!
Въ лѣсъ дремучій по камушкамъ мальчика-спальчика,
Накрѣпко за руки взявшись и птичекъ пугая,
Уйдемъ мы отсюда, уйдемъ навсегда.
Привѣтливо насъ повстрѣчаютъ красные маки,
Не станетъ царапать дикая роза въ колючкахъ,
Злую судьбу не прокаркаетъ птица-вѣщунья,
И мимо на ступѣ промчится косматая вѣдьма,
Мимо мышиныя крылья просвищутъ Змія съ огненной пастью,
Мимо за медомъ-малиной Мишка пройдетъ косолапый...
Они не такіе...
Не тронутъ...

А впрочемъ, кто ихъ знаетъ? Могутъ и тронуть. Особенно, когда Наташа и впрямь заснетъ, а онъ останется одинъ, беззащитный,

лицомъ къ лицу съ міромъ, въ которомъ такъ много существъ, могущихъ сдѣлать съ нимъ, если только придетъ имъ фантазія, все, что угодно.

Полночь крадется.
Темная темь залегла по путямъ и дорогамъ.
Гдѣ-то въ трубѣ и за печкой
Вѣтеръ ворчливо мурлычетъ.
Вѣтеръ... Ты меня не покинешь?
Дѣточка... Милая...

(„Посолонь". Посвященіе Наташѣ.)

Не надолго хватаетъ утѣшительной вѣры въ то, что „они не такіе, не тронутъ". Трогаютъ, и даже очень, на каждомъ шагу, грозятъ изъ за каждаго угла; съ гиканьемъ и улюлюканьемъ, озорные и злорадные, обрушиваются на беззащитнаго ребенка, пугаютъ и мучатъ, оскорбляютъ и топчутъ, грубо насильничаютъ, всю жизнь бѣдняги превращаютъ въ до-смерти жуткій кошмаръ и даже сны его населяютъ гнетущими страхами. Подъ ударами, сыплющимися со всѣхъ сторонъ, ребенокъ становится робкимъ и запуганнымъ. Оторопь и одурь берутъ его. Куда спастись, куда спрятаться? Убѣжать въ Парижъ или въ Америку—но развѣ по силамъ маленькому человѣчку такое предпріятіе? Да еще и вопросъ, будетъ ли въ Парижѣ или въ Америкѣ легче, не нагонятъ ли страхи и тамъ. Забиться подъ крылышко къ Наташѣ, къ мамѣ, къ волшебной царевнѣ Мымрѣ? И опять вопросъ, захотятъ ли, да и смогутъ ли онѣ укрыть отъ бѣдъ, и еще того хуже—не окажется ли сама царевна Мымра только обманной личиной, за которой прячется то грубое, оскорбляющее, отъ чего хотѣлось схорониться. Или ужъ не смириться ли передъ грознымъ врагомъ, не распростереться ли передъ нимъ въ безропотной покорности, не предоставить ли ему ломать и топтать маленькаго, беззащитнаго, пока охота есть,—авось, въ концѣ концовъ, насытится и смилуется, не до конца загубитъ. Только нѣтъ, не смилуется... Или, наоборотъ, не дать ли просторъ накопившейся обидѣ и злости, самому начать душить и пакостить направо и налѣво, злостно озорничать и надъ другими, и надъ собой, да въ концѣ концовъ покончить съ самимъ собою какимъ-нибудь особенно гнуснымъ способомъ, — на, молъ подавись, коли такъ... Вотъ хаосъ, который обуреваетъ маленькую душу, запуганную, оторопѣвшую—вотъ пути, по которымъ она мечется въ отчаяніи, ища спасенія и не находя его, а только все туже и туже затягивая петлю, накинутую кѣмъ-то страшнымъ.

На этихъ тонахъ почти сплошь построены произведенія Ремизова. Его герои почти всѣ—дѣти, либо настоящія, либо взрослыя и даже старыя, но непремѣнно простодушныя, а если и хитрыя, то дѣтской,

только ребенка могущей обмануть хитростью. И притомъ, въ основѣ своей—добрыя дѣти, хотя часто озорныя и въ озорствѣ своемъ могущія доходить до страшной жестокости. И надъ всѣми этими дѣтьми, и смирными, и озорными безъ различія, жизнь дѣлаетъ свое страшное дѣло, пугаетъ ихъ лютыми страхами, безпощадно терзаетъ и ломаетъ ихъ всевозможными мученіями и надругательствами.

Сосредоточивъ все свое вниманіе именно на этой сторонѣ творчества Ремизова, г. Чуковскій пришелъ къ выводу, что дальше ея этотъ писатель и не идетъ, что, охваченный „испугомъ" передъ жизнью, одержимый „вселенской тошнотой", онъ „перешелъ къ проповѣди этихъ ощущеній, сталъ требовать ихъ и отъ насъ, возвелъ свои раны и струпья въ законъ и идеологію". Критикъ возмущенъ тѣмъ, что Ремизовъ ненавидитъ счастье, что по его мнѣнію „самый лучшій счастливецъ—есть все-таки ничто иное, какъ вошь". Лишь „страданіе, пакость, страхъ, тошнота" дѣлаютъ человѣка человѣкомъ. „Нужно терзать и пугать человѣка, иначе онъ вошь непробудная... Все страшное, что можетъ оглушить, ошарашить, загнать нашу душу въ пятки, все это да низринется людямъ на голову, чтобы, во-истину, они стали людьми!"

Въ этихъ негодующихъ выводахъ остроумнаго критика я вижу серьезное недоразумѣніе. Прежде всего, врядъ-ли можно ставить за одну скобку такія разнородныя вещи, какъ страданіе съ одной стороны, пакость, страхъ и тошноту—съ другой. Вполнѣ естественно возмущаться ученіемъ о томъ, что пакость, страхъ и тошнота суть воспитательныя средства. Но страданія—это совсѣмъ другое дѣло. На вѣрѣ въ искупительную силу страданія создалась и вознеслась надъ міромъ Голгоѳа. Самый обаятельный человѣкъ, какого только создала Россія, Пушкинъ говорилъ:

„Я жить хочу, чтобъ мыслить и *страдать*".

На вѣрѣ въ умудряющую и просвѣтляющую силу страданія стоитъ весь Достоевскій и неоднократно свидѣтельствуетъ, что стремленіе пострадать есть самая многообѣщающая и глубоко значительная черта въ психикѣ русскаго народа. Неужели и тутъ мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то нуднымъ и противнымъ, въ родѣ пакости и тошноты? Неужели и тутъ—проповѣдь унизительнаго ошарашиванія и загонянія души въ пятки?

Мнѣ думается, что проповѣдывать „пакость, страхъ, тошноту" можетъ только ничтожная, злобная, завистливая козявка. Принципіальный насадитель „пакости", дѣйствительно, ненавидитъ радость жизни и счастье, ибо померла и безнадежно разложилась душа его, и не можетъ уже она больше радоваться; снѣдаемая завистливымъ эгоиз-

момъ, она злится, когда видитъ, какъ другіе наслаждаются тѣмъ, чего ей уже не дано болѣе вкусить, и хочется ей смять, растоптать, опоганить чужую радость: я, дескать, терплю, такъ и ты терпи. Страданіе же вырастаетъ изъ совсѣмъ другого психологическаго корня. Страдать поистинѣ можетъ лишь тотъ, кто преисполненъ любовью къ лику человѣческому и подвигу человѣческому, кто любитъ солнце и радость, но видитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ много въ жизни простора для „пакости, страха и тошноты". Вѣдь только тотъ, кто любитъ красоту и благостность жизни, можетъ страдать отъ ея безобразія и жестокости. Это двѣ стороны одного и того же процесса: обостреніе чувства радости и обостреніе чувства страданія. Чѣмъ больше растетъ человѣкъ, тѣмъ ярче раскрывается его душа въ этихъ обоихъ направленіяхъ, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ вѣковѣчныя противорѣчія жизни и духа. Поэтому правильно сказано у Достоевскаго, что „страданіе и боль всегда обязательны для широкаго сознанія и глубокаго сердца" — но также точно, какъ и радость: вѣдь старецъ Зосима одинаково заповѣдуетъ своимъ ученикамъ и веселіе духа, и страданіе. Кто понялъ это соотношеніе, тотъ никогда не позволитъ себѣ утверждать, что проповѣдь страданія вытекаетъ изъ ненависти къ радости: онъ знаетъ, что это есть прямой призывъ къ расширенію сознанія и къ углубленію сердца, къ процессу, въ которомъ и радость дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія. Страданіе есть оружіе, которымъ радость борется противъ пакости, страха и тошноты, или, вѣрнѣе, тотъ стимулъ, который побуждаетъ насъ къ борьбѣ, и неутомимость этого стимула есть лучшее ручательство за то, что борьба эта не окончится до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ радость и не освободится человѣчество отъ злыхъ чаръ нашей юдоли. Пусть борьба будетъ длиться вѣчно, пока міръ стоитъ, пусть очищеніе жизни есть только предѣлъ, къ которому мы идемъ, и полное осуществленіе котораго было бы явленіемъ Новаго Іерусалима. Но уже одно то, что человѣчество не сдается въ этой борьбѣ, даетъ жизни смыслъ, силу и красоту. Поэтому, кто вѣритъ въ человѣка и въ творческую силу души его, тотъ не боится страданія, не побоится признать и то, что невозмутимая безмятежность возможна только для души, которая либо еще не раскрылась, либо уже костенѣетъ, слѣпнетъ, забываетъ о трагизмѣ жизни, о зовахъ ея, о своемъ долгѣ передъ жизнью; болѣе того—забываетъ, что ея долгъ передъ самой собою требуетъ, чтобы она раскрыла всѣ свои силы, развернула всѣ свои возможности. И въ этомъ признаніи опять-таки не будетъ призыванія на голову человѣчества всѣхъ громовъ небесныхъ и ужасовъ земныхъ, какъ необходимаго воспитательнаго средства. Это будетъ только констатированіе тѣхъ непреложныхъ фактовъ, что жизнь

далека отъ гармоничности, что не замѣчать ея вопіющихъ диссонансовъ можетъ только человѣкъ, лишенный чуткости, и потому одинаково застрахованный какъ отъ истиннаго горя, такъ и отъ истинной радости, что, поэтому, трагическое пониманіе міра и человѣка болѣе свойственно углубленному сознанію, чѣмъ наивный оптимизмъ или безпомощный пессимизмъ, и что жизнерадостность наиболѣе пышнымъ цвѣтомъ распускалась въ тѣ самыя эпохи, которыя создали величайшія трагедіи.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній возвращаюсь къ Ремизову и сужденіямъ г. Чуковскаго о немъ. Ясно, что въ характеристикѣ г. Чуковскаго скрыто внутреннее противорѣчіе: нельзя человѣка въ одно и то же время объявлять проповѣдникомъ просвѣтляющаго страданія и „вселенской тошноты", обвинять его въ ненависти къ радости—и утверждать, что онъ желаетъ сдѣлать людей „во-истину людьми". Что-нибудь одно: или Ремизовъ доросъ до трагическаго міропониманія, и тогда мы найдемъ у него и стремленіе къ истинной человѣчности, и вѣру въ возвышающую силу страданія, и жажду радости—или же онъ въ самомъ дѣлѣ распластался подъ ударами жизни, дошелъ до „вселенской тошноты" и злобно хочетъ всѣхъ „оглушить, ошарашить", жаждетъ, чтобы у всѣхъ „душа ушла въ пятки". Которая же изъ этихъ двухъ характеристикъ ближе подходитъ къ дѣйствительной индивидуальности Ремизова, какъ писателя?

Выше я далъ характеристику обычныхъ психологическихъ темъ, разрабатываемыхъ Ремизовымъ. Въ этихъ разсказахъ о запуганныхъ, загнанныхъ жизнью дѣтяхъ,—малыхъ или старыхъ, все равно,—нѣтъ ровно никакой проповѣди, а есть только дѣтская радость (рѣдко), либо дѣтское мучительное недоумѣніе, либо — чаще всего — дѣтскій изступленный ужасъ. Такъ и кажется, что жизнь—лютая медвѣдица—свернулась, запрятала морду и лапы, а ребенокъ наклонился къ ней, и давай ее разсматривать, какъ нѣчто невиданное и курьезное, какъ прежде разсматривалъ жуковъ, таракановъ, зайчиковъ и другихъ безобидныхъ тварей—даже потыкалъ ее, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ,—а медвѣдица вдругъ развернулась, выпустила когти, и давай драть мальчёнку. Тутъ ужъ не до философіи.

Насколько я помню, впервые попробовалъ философствовать Ремизовъ въ повѣсти „Часы", но и тамъ, въ концѣ концовъ, страхъ его осилилъ, и дѣло кончилось такимъ же воплемъ, тѣми же недоумѣвающими и широко раскрытыми отъ ужаса глазами. Впервые удалось Ремизову свести концы съ концами только въ послѣдней повѣсти: „Крестовыя Сестры", которую и г. Чуковскій разсматриваетъ какъ итогъ Ремизовскихъ исканій, и изъ нея-то и дѣлаетъ тѣ удивительные конечные выводы, которые я цитировалъ.

Въ этой повѣсти всѣ обычные Ремизовскіе страхи налицо, и притомъ въ изобиліи даже чрезмѣрномъ. Но на сей разъ находится герой, который, хотя и потрясенъ всѣмъ, что съ нимъ самимъ случается и что кругомъ него творится, хотя и ломаетъ его жизнь нещадно, такъ что не разъ готовъ онъ отъ невыносимаго ужаса всякую философію бросить и источнымъ голосомъ завопить, однако оказывается необычайно выносливымъ и, худо ли, хорошо ли, а дѣло свое—споръ съ жизнью—до конца доводитъ.

Герой этотъ, Маракулинъ, какъ и всѣ герои Ремизова, въ сущности ребенокъ. Онъ „признавался какъ-то, что ему хоть и тридцать лѣтъ, но почему-то, и самъ того не зная, считаетъ онъ себѣ ровно-неровно, ну, лѣтъ двѣнадцать". Это ребенокъ, несомнѣнно, смирный, добродушный, жизнерадостный. Онъ не только мухи не обидитъ, но самъ готовъ кому угодно какую угодно услугу и помощь оказать. Маракулинъ настолько чистъ и наивенъ душою, что даже и не предполагаетъ, чтобы на свѣтѣ въ самомъ дѣлѣ могло быть что-либо злое, и тамъ, гдѣ другой увидѣлъ бы явную и неминучую бѣду, Маракулинъ и не пойметъ, что есть поводъ для опасенія. „Видя, какъ онъ къ людямъ подходитъ, по улыбкѣ его и взгляду, приходила иной разъ мысль, что вотъ такой, какъ онъ, во всякое время готовъ къ бѣшеному звѣрю въ клѣтку войти и не сморгнуть, и, не задумавшись, руку протянетъ, чтобы по вздыбившейся бѣшеной шерсти звѣря погладить, *и звѣрь кусаться не будетъ*".

Совсѣмъ какъ Наташинъ другъ, который тоже вѣруетъ, что „они не такіе, не тронутъ". Но если Наташинъ другъ только предчувствуетъ, что „темь темная", пожалуй, и небезопасна, то на долю Маракулина выпадаетъ убѣдиться воочію, что темь жизни съ особенной безпощадностью бьетъ именно по кроткимъ, ласковымъ, беззащитнымъ. „Звѣрюга-то бѣшеный, видно, не такъ ужъ простъ, не такъ легко поддается, по вздыбившейся бѣшеной шерсткѣ его не очень-то ловко погладишь, прочь руки: звѣрюга палецъ прокуситъ". Ни съ того, ни съ сего, подвелъ Маракулина другъ-пріятель; прогнали его со службы, и сталъ онъ „погибшимъ человѣкомъ, ободрался и пообдергался", чуть съ голоду не помираетъ—и никакого уже нѣтъ ему выхода къ прежнему безпечальному житію. Обрушившаяся на Маракулина незаслуженная бѣда ударила его какъ обухомъ, заставила этого младенца попристальнѣе оглянуться кругомъ и впервые въ жизни задуматься надъ горькими противорѣчіями людского существованія. Непривычное это для Маракулина занятіе, съ трудомъ осмысливаетъ онъ свое и чужое положеніе, словно тяжелые камни ворочаетъ: то подвертываются ему ходячія, готовыя слова, то путаются его мысль и чувство въ заколдованныхъ кругахъ, но въ концѣ концовъ есть у него какой-то свой собственный

стержень, какое-то чутье, и, съ величайшими усиліями прокладывая себѣ путь среди сбивающихъ съ толку препятствій, онъ все-таки выводитъ свою линію и дорабатывается до выводовъ весьма любопытныхъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не совпадающихъ съ выводами г. Чуковскаго.

Загнанный нуждою въ клѣтушку на „Бурковомъ дворѣ", Маракулинъ скоро убѣждается, что „звѣрюга" укусилъ не его одного: кругомъ все люди, либо обиженные жизнью, тяжко, зло и незаслуженно, либо, въ рѣдкихъ случаяхъ, еще не попавшіе подъ колесо, но и надъ этими, не сегодня, такъ завтра, стрясется непремѣнно что-нибудь роковое, непоправимое. Берется Маракулинъ за газеты—и тамъ на каждомъ шагу сталкивается съ такими же оглушающими несправедливостями судьбы. Выходитъ, что жизнь — сплошное, безсмысленное и какъ бы даже злорадное мучительство. И никакими усиліями нельзя передѣлать это, спасти погибающихъ. „Навалится бѣда, забудь, что на свѣтѣ люди есть, люди не помогутъ, а если захотятъ помочь, все равно, бѣда дѣла ихъ разстроитъ, всякое дѣло ихъ на нѣтъ сведетъ, разгонитъ и запугаетъ". А потому единственное, что̀ остается человѣку—„терпѣть", „не думать" и биться, какъ рыба объ ледъ, „чтобы только хоть какъ-нибудь прожить".

Но чисто физическое существованіе для Маракулина вовсе ужъ не такое абсолютное благо, ради котораго стоило бы выносить всякую боль, всякое надругательство. Страдать—такъ знать, за что̀. Надо, чтобы какимъ-то высшимъ смысломъ искупался ужасъ жизни. Иначе Маракулинъ взбунтуется не хуже Ивана Карамазова и свой „билетъ на входъ" возвратитъ, только не „почтительнѣйше", какъ герой Достоевскаго, а съ бранью и паясничествомъ; но вѣдь это по существу неважно, это—только разница манеръ и темпераментовъ, а не измѣненіе въ коренной постановкѣ вопроса. „А для чего прожить? И для чего терпѣть, для чего забыть — забыть и терпѣть? Хотѣлъ непремѣнно, во что бы то ни стало знать, кому все это понадобилось и для чего, для удовольствія какого вора, подлеца и негодяя-жулика, а хотѣлось знать для того, чтобы опредѣленно сказать себѣ, еще стоитъ ли всю канитель тянуть-терпѣть, чтобы хоть какъ-нибудь прожить?"

Такимъ образомъ, Маракулинъ подходитъ вплотную къ границамъ того безпросвѣтнаго пессимизма, который, безповоротно проклиная жизнь, зоветъ къ самоистребленію и съ которымъ мы такъ часто сталкиваемся теперь и въ дѣйствительности, и въ литературѣ. Но маленькій, смятый жизнью конторщикъ оказывается глубже и богаче духомъ, чѣмъ модные герои и пророки. Его споръ, его исканіе только начинается тамъ, гдѣ для нихъ кончается, такъ какъ у него есть то, чего имъ не хватаетъ: „любовь къ жизни и чутье къ жизни, весе-

лость духа". Послѣдняя, правда, сильно придушена свалившимися на него бѣдами, проявляться не можетъ, но какъ способность, какъ возможность, продолжаетъ пребывать. Она-то и нашептываетъ ему въ самыя мрачныя, отчаянныя минуты что-то невнятное, еле шелестящее, но именно эти нашептыванія и не даютъ Маракулину убѣжать отъ жизни: въ нихъ есть какое-то обѣтованіе, они сулятъ какое-то откровеніе, которое сдѣлаетъ понятнымъ, пріемлемымъ то, что сейчасъ представляется непонятнымъ и непріемлемымъ, оправдаетъ то, что сейчасъ исторгаетъ изъ души злобныя проклятія. Приходится, значитъ, пока мучиться, не зная, зачѣмъ мученія, терпѣть, не вѣдая, во имя чего терпишь.

И вотъ первое знаніе, до котораго домучился и дотерпѣлся Маракулинъ: „Одному надо предать, чтобы черезъ предательство свое душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ самимъ собою, другому надо убить, чтобы черезъ убійство свое душу свою раскрыть и ужъ, по крайней мѣрѣ, умереть самимъ собою, а ему, должно быть, надо было талонъ написать какой-то да не тому лицу, кому слѣдовало, чтобы душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ не просто какимъ-нибудь Маракулинымъ, а Маракулинымъ Петромъ Алексѣевичемъ: видѣть, слышать и чувствовать. Такъ нашелъ онъ себѣ лазейку опять на свѣтъ выбраться, такъ доказалъ онъ свое право на существованіе: только видѣть, только слышать, только чувствовать".

До сихъ поръ душа Маракулина дремала, жилъ онъ безсознательно, равнодушный, въ сущности, хотя и благожелательный ко всѣмъ окружающимъ, радовался себѣ, людямъ и міру, не зная, не видя хорошенько ни себя, ни міра. Только теперь „онъ все видѣть какъ-то сталъ и все слышалъ; и еще онъ почувствовалъ, что и сердце его раскрывается и душа живетъ". И онъ понялъ, что не въ безмятежности, покупаемой цѣною полуслѣпоты, лежитъ оправданіе жизни, а въ томъ, чтобы найти самого себя, т.-е. узнать настоящую правду о себѣ и о мірѣ, и если нельзя узнать ее иначе какъ черезъ муку или даже преступленіе, то стоитъ и черезъ это пройти.

Но нелегко жить съ раскрытыми глазами и раскрытымъ сердцемъ. Всѣ ужасы Буркова двора, его обитателей и обитательницъ вторгаются въ прозрѣвшую душу, переполняютъ ее своей покорной, молчаливой скорбью. И чувствуетъ душа, что не можетъ на все это смотрѣть равнодушно и пассивно, надрывается она отъ страданія за всѣхъ; надо что-то сдѣлать, чтобы утолить неумолкающую боль. Но что именно надо сдѣлать — догадаться нелегко. И начинаетъ душа метаться по окольнымъ путямъ.

Живетъ на Бурковомъ дворѣ въ лицевомъ флигелѣ безпечальный и блаженный человѣкъ, генеральша Холмогорова, „сытая и здоровая,

довольная и побѣдоносная". Живетъ и нисколько надъ жизнью не задумывается, гуляетъ себѣ „для моціону" по Фонтанкѣ со складнымъ стульчикомъ, и нагло торчитъ воплощенной противоположностью прочимъ Бурковскимъ жильцамъ, замученнымъ душевно и тѣлесно. Да вѣдь это не человѣкъ, а „вошь"!—возмущается Маракулинъ. Но почему же люди мучатся, а вошь блаженствуетъ? Вотъ мучительный вопросъ, вотъ обида, которой перенести нельзя. Не оттого ли такъ душно на свѣтѣ, что существуютъ такія наглыя, издѣвающіяся надъ людьми насѣкомыя? Не легче ли станетъ дышаться, если истребить „вошь"? Но эти мысли нашептываетъ Маракулину „Буркова злая ночь", минута слабости, крайняго упадка. Скоро онъ бросить такія думы, чуя, что не тутъ центръ бѣды, не такъ можно побороть ужасъ жизни, раскрывшійся передъ прозрѣвшею душою.

Въ другую минуту упадка Маракулину покажется, что не истребить надо генеральшу, а наоборотъ, Бога просить, чтобы всѣмъ онъ далъ „вошью жизнь безпечальную, безгрѣшную, безсмертную, а главное спокойную: питайся, переваривай и закаляйся". Но и это—мимолетный соблазнъ: не пойдетъ на „вошью", хотя бы и безпечальную, жизнь не до конца раздавленный человѣкъ, разъ онъ вкусилъ уже жизни человѣческой, хотя бы и страдальческой.

Мелькаютъ и еще соблазны передъ Маракулинымъ. Вотъ кажется ему, что вся бѣда въ наглости человѣческой, и что „страхомъ можно взять человѣка, устрашить человѣка, вывернуть какъ-то мозги его и душу, и тогда прекратится" наглость. Но этому онъ вѣритъ только тогда, когда унижается до „злорадства". Или метнется въ противоположную сторону, и на мгновеніе захочется ему истребить не „наглецовъ", а страдальцевъ, чтобы не мучили, не изводили они видомъ своимъ души его, которой и безъ нихъ тяжело. И тутъ же вдругъ возжаждетъ для себя самого послѣдняго униженія, надѣясь имъ утолить свою безысходную боль: пусть кто-нибудь „свиснулъ бы его по физіономіи, онъ бы ногу ему въ благодарность поцѣловалъ и шею бы свою заодно подставилъ, пускай бьетъ кулакомъ, сколько душѣ угодно, или пускай по зубамъ ударитъ, чтобы челюсти треснули".

Это все тупики, а не выходы, и фактически Маракулинъ на нихъ не вступитъ: вѣрный инстинктъ подскажетъ ему, что ни самоуниженіемъ, ни запугиваніемъ, ни убійствомъ кого бы то ни было тягости жизни не облегчить, боли и ужаса жизни не превозмочь. Въ лучшія свои минуты, когда раскрываются всѣ силы его души, Маракулинъ отчетливо сознаетъ, что не тутъ спасеніе, не для того онъ жизнь терпитъ, не для того видитъ, слышитъ и чувствуетъ, а для того, чтобы снова обрѣсти свою „необыкновенную радость", которую когда-то знавалъ, а потомъ надолго утратилъ. Эта радость Маракулинская

есть несомнѣнное и высокое счастье, хотя ничего общаго не имѣетъ ни съ безмятежнымъ прозябаніемъ генеральши, ни съ наглымъ самодовольствомъ свистуна, за неудовлетворенность коими г. Чуковскій обвиняетъ Ремизова въ ненависти къ радости и въ проповѣди, будто бы „самый лучшій счастливецъ—есть все-таки ничто иное, какъ вошь".

Маракулинская радость вотъ какая: „такъ охватитъ всего, и такъ ея много, взялъ бы, кажется, изъ груди, изъ самаго сердца горячую *и роздалъ каждому,—и на всѣхъ бы хватило,* взялъ бы, какъ птичку, въ обѣ горсти и, дуя ртомъ, чтобы не зазябла, не выпорхнула эта райская птичка, понесъ бы ее по Невскому: пускай видятъ ее и вдохнутъ тепло ея и почувствуютъ свѣтъ ея,—тихій свѣтъ и тепло, какимъ дышетъ и свѣтитъ сердце отъ радости".

Итакъ, вотъ конструкція, до которой доработался Ремизовъ: добръ и жизнерадостенъ по природѣ человѣкъ, въ добротѣ, любви и радости правда его души. Но жизнь, набрасываясь на него со своими ужасами, оскорбляетъ и мучаетъ его, помрачаетъ истинный его ликъ, толкаетъ на злое и жестокое, на рабій страхъ и униженіе, на тоску и отчаяніе. Задача нашего существованія заключается въ томъ, чтобы, понявъ и принявъ въ сердце весь ужасъ жизни, не поддаться ему, не стать злымъ и унылымъ рабомъ, не обезсилѣть, а найти въ себѣ достаточно духовной мощи, чтобы рядомъ со скорбью и трепетомъ переживать восторги любовной радости или радостной любовности. Но вѣдь это и есть какъ разъ трагическій синтезъ, и если Ремизовъ выражаетъ его не въ героическихъ формахъ, а въ юродствующихъ, то таковъ уже тембръ его индивидуальности, кстати сказать—имѣющій немало прецедентовъ въ религіозной жизни русскаго народа и вообще, по признанію Достоевскаго, весьма характерный для нашего національнаго психическаго склада. Какъ бы то ни было, но г. Чуковскій абсолютно неправъ, видя въ Ремизовѣ чуть не садическаго проповѣдника „замордованности". Не на мучительствѣ примиряется онъ съ жизнью, а на „необыкновенной радости", кроткой и любовной, дающей страдальцамъ свѣтъ и тепло, утоленіе печали. Прежде недостаточно вѣрилъ Ремизовъ въ человѣка, въ его силу, не думалъ, чтобы человѣкъ самъ могъ сломить ужасъ жизни, и потому искалъ защиты и прибѣжища у мамы, у Наташи, у царевны Мымры; словомъ, гдѣ-то извнѣ. Теперь какъ будто онъ понялъ, что выше, сильнѣе человѣка нѣтъ никого, къ кому могъ бы онъ прибѣгнуть; некуда и бѣжать ему, нѣтъ ни Америкъ, ни Парижей. Есть только человѣкъ и жизнь лицомъ къ лицу, и если человѣкъ въ себѣ самомъ не найдетъ необходимой силы, то никто не защититъ его и быть ему „слопаннымъ" безнадежно. И сила нашлась: пройдя черезъ горнило испытаній, все понявъ, все принявъ на свои слабыя, казалось бы,

плечи, Маракулинъ въ концѣ концовъ устоялъ-таки на ногахъ: онъ умеръ, какъ и всѣ мы помремъ, какъ гибнутъ и герои трагедій, но умеръ не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ, въ экстазѣ вновь обрѣтенной „необыкновенной радости".

Въ „Крестовыхъ Сестрахъ" намѣчается и еще одна любопытная линія въ сознаваемомъ Ремизовымъ міропониманіи. Если правда, что никто людей не спасаетъ, а они сами себя и другъ друга спасаютъ, то въ параллель къ этому тезису долженъ идти другой: никто людей не губитъ и не мучитъ, а они сами себя и другъ друга губятъ и мучатъ. Оба эти тезиса органически между собою связаны, ибо представляютъ лишь двѣ стороны одного и того же воззрѣнія на жизнь. До сихъ поръ Ремизовъ былъ близокъ къ тому первобытному міросозерцанію, по которому люди являются игрушками или воспитанниками таинственныхъ, независимыхъ отъ насъ, могущественныхъ существъ; они насъ губятъ, караютъ, спасаютъ—на нихъ, значитъ, и отвѣтъ лежитъ, за все, что творится въ жизни. Теперь Ремизовъ приблизился къ другому міросозерцанію, по которому человѣкъ вполнѣ автономенъ; никакіе бѣсы не толкаютъ его на паденіе, никакіе ангелы и угодники не спасаютъ отъ напасти; онъ—царь жизни, онъ и единственный за нее отвѣтчикъ. Значитъ, если жизнь тяжка и жестока, если она калѣчитъ людей, то и причины ужаса, и источника спасенія надо искать въ людяхъ же. И вотъ какую мысль по этому вопросу находимъ мы въ „Крестовыхъ Сестрахъ",—мысль, высказанную уже не отъ лица Маракулина, а отъ лица самого автора:

„Если бы люди вглядывались другъ въ друга и замѣчали другъ друга, если бы даны были всѣмъ глаза, то лишь одно желѣзное сердце вынесло бы весь ужасъ и загадочность жизни. А можетъ-быть *совсѣмъ и не надо было бы желѣзнаго сердца, если бы люди замѣчали другъ друга*". Смыслъ подчеркнутой фразы ясенъ: желѣзнаго сердца не понадобилось бы, потому что не было бы ужаса и загадочности. Только отъ слѣпоты людской, только оттого что люди не видятъ, не чуютъ, не понимаютъ другъ друга, и происходитъ ужасъ жизни. И дальше комментируетъ Ремизовъ эту мысль конкретными иллюстраціями. Студентъ изнасиловалъ дѣвушку; но „если бы онъ замѣчалъ хоть что-нибудь, не было бы того, что было". А когда повторяется ужасъ, Ремизовъ опять замѣчаетъ: „они дѣлали все, на что ихъ, *слѣпыхъ*, бросало". И люди съ яснымъ, зрячимъ сердцемъ понимаютъ это, и потому никого не могутъ винить, ни на кого не могутъ гнѣваться, даже тогда, когда ужасъ обрушивается на нихъ самихъ. Насильничать, хотя бы подъ предлогомъ „справедливаго" возмездія, можетъ только слѣпецъ: зрячій не мститъ и не караетъ, а только исходитъ жалостью къ насильнику, ибо вѣдь насильникъ — несчаст-

ный слѣпецъ. Такой зрячей была мать Маракулина. Жестокія поруганія она претерпѣла, а между тѣмъ никого не обвиноватила и прошла по жизни „правдивая, простая, сердечная, все ее трогало и мучило, не было равнодушія, а жалостливость необыкновенная ко всѣмъ".

Эта „жалостливость необыкновенная" матери — конечно сродни „необыкновенной радости" сына, и если тѣмъ, кто изнемогъ и проклялъ жизнь, суждено вернуться къ примиренію съ нею, суждено понять и принять міръ въ его трагической сущности и тѣмъ самымъ обрѣсти новую силу и волю къ бытію, то путеводцами для нихъ изъ царства тлѣнія въ царство новой жизни будутъ, по вѣрѣ Ремизова, жалостливыя „крестовыя сестры" и ихъ радостные сыны и братья, прошедшіе черезъ горнило страданія, но не поддавшіеся ни страху, ни унынію, а только научившіеся „видѣть, слышать, чувствовать".

С. Адріановъ.

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ТРУДЪ

Н. Карѣевъ. Общій курсъ исторіи XIX вѣка. Спб., 1910 г. 660 стр. Цѣна 2 руб.

Эта книга читается съ захватывающимъ интересомъ и будитъ мысль. Въ общихъ курсахъ по исторіи XIX-го вѣка мы обычно находимъ почти исключительно обзоръ политическихъ событій; въ работѣ проф. Карѣева—изъ сорока главъ тринадцать посвящены экономической жизни и умственнымъ теченіямъ. Оригиналенъ также планъ книги. Вмѣсто того, чтобы излагать, какъ обыкновенно дѣлается, исторію отдѣльныхъ странъ, авторъ изучаетъ *общую историческую жизнь* Западной Европы, рассматриваетъ ходъ тѣхъ явленій, которыя универсальны, т.-е. присущи болѣе или менѣе всѣмъ странамъ Запада, при чемъ все особенное, все характеризующее историческую физіономію отдѣльныхъ странъ, не затушевывается совершенно, а отводится лишь на второй планъ. Изъ огромнаго числа фактовъ авторъ умѣетъ выбрать именно такіе, которые ярко характеризуютъ индивидуальность отдѣльныхъ странъ. Уже не въ первый разъ авторъ проводитъ взглядъ, что для европейскаго Запада существуетъ *общій ходъ исторіи*, который можетъ быть предметомъ особаго научнаго изученія. Съ самаго начала исторіи западно-европейскихъ націй въ основѣ ихъ развитія лежала общность, проходящая красною нитью и черезъ всѣ послѣдующія эпохи. Во всѣхъ этихъ государствахъ

одновременно совершался одинъ и тотъ же процессъ взаимнаго проникновенія и взаимодѣйствія римскихъ и германскихъ началъ быта. Подобно тому, какъ для предыдущаго времени въ историческомъ развитіи Запада мы можемъ оперировать надъ такими общими явленіями, какъ феодализмъ, католицизмъ, гуманизмъ, протестантизмъ, абсолютизмъ, „просвѣщеніе" и т. д., въ исторіи XIX-го вѣка можно изучать общеевропейскія явленія въ родѣ конституціонализма, либерализма, радикализма, капитализма, соціализма, націонализма, позитивизма и т. д.

Книга начинается съ великой французской революціи—исходнаго пункта новѣйшей исторіи. Это грандіозное событіе имѣло два значенія: мѣстное, національно-французское, и универсальное, обще-европейское, міровое. Борьба съ старымъ порядкомъ и стремленіе къ созданію новыхъ формъ жизни распространилась за предѣлы Франціи и повсемѣстно стала особенностью всей послѣдующей исторіи. Наполеонъ былъ самымъ могучимъ разрушителемъ, внѣ Франціи, старыхъ феодальныхъ порядковъ. Да и въ самой Франціи, принимая императорскій титулъ, онъ заявилъ, что цѣль его — закрѣпленіе за націей правъ, пріобрѣтенныхъ ею во время революціи. Конечно, по отношенію къ политической сторонѣ революціи это было неправдой; но соціальныя ея пріобрѣтенія, дѣйствительно, утверждались новой властью. Глава IV-ая книги Н. И. Карѣева посвящена изложенію внутреннихъ перемѣнъ въ разныхъ странахъ въ наполеоновскую эпоху: во многихъ мѣстахъ рушится крѣпостное право, вводится равенство передъ закономъ, создаются конституціонныя учрежденія.

Затѣмъ слѣдуетъ общеевропейская реакція, продолжающаяся приблизительно пятнадцать лѣтъ — реакція абсолютизма противъ стремленія къ политической свободѣ; реакція феодализма противъ соціальныхъ преобразованій, совершавшихся во времена революціи и при Наполеонѣ; реакція католицизма противъ всего новаго культурнаго движенія, вызваннаго „просвѣщеніемъ" XVIII-го вѣка. Таковъ былъ характеръ реакціи на континентѣ Европы. Совсѣмъ иною она была въ Англіи, гдѣ уже триста лѣтъ прошло со времени исчезновенія крѣпостного права и успѣла окрѣпнуть политическая свобода. Здѣсь реакція выразилась въ задержкѣ демократической избирательной реформы и въ усиленіи уголовныхъ каръ за „возмутительныя" сочиненія. Въ то же время на газеты былъ наложенъ высокій штемпельный налогъ, съ цѣлью воспрепятствовать успѣхамъ дешевой политической прессы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ общественной жизни Англіи господствовалъ почти полный застой, прекратившійся лишь къ концу двадцатыхъ годовъ. Неодинакова, впрочемъ, была реакція и на континентѣ. Во Франціи удержались—правда, сильно урѣзанными—конституціонныя учрежденія и всѣ соціальныя пріобрѣтенія революціи. Въ

большинствѣ государствъ Германіи, наоборотъ, возстановлялись сословныя привилегіи дворянъ и отмѣнялись законы, изданные въ пользу крестьянъ. Въ Ганноверскомъ королевствѣ была возстановлена пытка; въ Гессенъ-Касселѣ вновь введены вышедшіе изъ употребленія парики и косички. Торжество реакціи не вполнѣ, однако, задавило либеральныя движенія. Авторъ объясняетъ, почему они были далеко не такими, какъ въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ годы революціи. Либерализмъ эпохи реставраціи отличается явнымъ недовѣріемъ къ демократіи: онъ принялъ рѣзко-буржуазный характеръ. Многіе искренно вѣрили, что именно ради той пользы, которую долженъ получить народъ отъ существованія свободы, слѣдуетъ сосредоточить политическія права націи въ общественныхъ классахъ съ извѣстнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Во главѣ оппозиціонныхъ движеній до 1830-го года стояли средніе классы общества, и позднѣйшій антагонизмъ „буржуазіи" и „народа" тогда еще не обозначился.

1830-мъ годомъ заканчивается эпоха реставраціи и начинается новый періодъ европейской исторіи. Въ этомъ году произошло рѣшительное столкновеніе либерализма и реакціи, которое повело за собою революцію во Франціи и Бельгіи, волненія въ сѣверогерманскихъ государствахъ, возстаніе въ Польшѣ, революціонныя движенія въ разныхъ частяхъ Италіи и избирательную реформу въ Англіи. Іюльская революція во Франціи и парламентская реформа въ Англіи были результатомъ соединеннаго дѣйствія среднихъ классовъ и народныхъ массъ; но выиграла и отъ революціи, и отъ реформы лишь одна буржуазія, которая теперь во Франціи и въ Англіи достигла власти и изъ оппозиціонной силы стала превращаться въ силу консервативную. Демократическое движеніе продолжалось, существенно отличаясь отъ прежняго. Демократія расходится съ буржуазіей, вступаетъ съ ней въ борьбу и къ демократическимъ требованіямъ въ политической области присоединяются другія, ставящія своей задачей частичное или полное переустройство экономическихъ отношеній. Къ этому времени вполнѣ уже ясно обозначились результаты экономическаго переворота, начавшагося въ Англіи еще въ концѣ XVIII-го вѣка и проведшаго рѣзкую грань между буржуазіей и пролетаріатомъ. Рядомъ съ либерализмомъ на историческую сцену выступило другое преобразовательное направленіе—соціализмъ. Періодъ между революціями 1830 и 1848 гг. представляетъ собою время большихъ надеждъ и смѣлыхъ замысловъ, полное жизни и движенія.

Въ главахъ XII и XIII авторъ останавливается на выясненіи характера промышленнаго переворота и изображаетъ ходъ его вплоть до революціи 1848-го года. Ни въ какомъ другомъ трактатѣ по

всеобщей исторіи нельзя найти столь полной картины экономической жизни въ первой половинѣ XIX-го вѣка. Для читателя становится вполнѣ понятнымъ, почему результаты промышленной революціи стали обнаруживаться въ области общественныхъ движеній и идей только около 1830 г. и почему именно съ тѣхъ поръ соціализмъ, зародившійся въ кружкахъ интеллигенціи еще въ эпоху реставраціи, сталъ проникать въ рабочія массы. Крестьяне, получая свободу, не всегда сохраняли за собою земельные надѣлы: это привело къ образованію пролетаріата. Въ томъ же направленіи вліяло паденіе стараго цехового устройства промышленности; пока существовала эта организація, развитіе крупной промышленности было очень стѣснено. Наконецъ, третьимъ факторомъ экономическаго переворота было изобрѣтеніе машинъ и введеніе ихъ въ производство. Связь между тремя указанными процессами заключается въ томъ, что крупная промышленность могла достигнуть широкаго развитія лишь при существованіи большого количества свободныхъ рукъ, при отмѣнѣ старыхъ установленій, поддерживавшихъ мелкое производство, и при усовершенствованныхъ механическихъ способахъ работы, замѣнившихъ прежній исключительно ручной трудъ. Экономическій переворотъ содѣйствовалъ небывалому дотолѣ развитію обрабатывающей промышленности, путей сообщенія, торговли, кредита, но въ то же время раздѣлилъ промышленный классъ общества на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—капиталистическую буржуазію и рабочій пролетаріатъ. Выигрывала отъ этого переворота буржуазія; рабочіе классы въ первой половинѣ XIX-го вѣка оказывались въ проигрышѣ. Въ этомъ ходѣ экономической жизни зарождался и разростался такъ называемый рабочій вопросъ, сдѣлавшійся главнымъ соціальнымъ вопросомъ XIX-го вѣка и осложнившій собою демократическія движенія въ политической области.

Въ Англіи и Франціи, гдѣ промышленный переворотъ шелъ болѣе интенсивно, всего ранѣе начались народныя волненія соціальнаго характера. Въ сороковыхъ годахъ Англія, волнуемая чартистами, казалась близкой къ соціальной революціи. Едва стало затихать чартистское движеніе, какъ вспыхнула во Франціи февральская революція 1848 г. Въ глазахъ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ большихъ городовъ и, прежде всего, Парижа, республика, провозглашенная 24-го февраля 1848 г., была такимъ государственнымъ устройствомъ, цѣлью котораго должна была стать полная перестройка общества на основаніи тогдашнихъ соціалистическихъ ученій. Затѣмъ произошелъ цѣлый рядъ революцій въ Германіи, начиная съ самыхъ мелкихъ государствъ и кончая двумя великими державами—Пруссіей и Австріей. Цѣлый рядъ революцій совершился и въ государствахъ

сѣверной, средней и южной Италіи. Въ новѣйшей исторіи Германіи 1848-й годъ имѣлъ громадное значеніе, приблизительно такое же, какое въ исторіи Франціи принадлежитъ 1789-му году. Здѣсь, какъ и въ Австріи, въ 1848 г. былъ окончательно устраненъ соціальный феодализмъ.

Какъ послѣ великой французской революціи, такъ и послѣ движеній 1848-го года послѣдовала реакція; продержалась она одно десятилѣтіе. Главнѣйшими причинами ея Н. И. Карѣевъ считаетъ слѣдующія. Крестьянскія возстанія придали много силы революціямъ; но какъ только требованія крестьянъ были удовлетворены напуганными правительствами, сельскія массы отстали отъ движенія и даже начали содѣйствовать возстановленію порядка. Прямо реакціонную роль сыграло французское крестьянство, напуганное стремленіями городского пролетаріата, цѣлью которыхъ оно считало раздѣлъ земель. Введеніемъ всеобщаго избирательнаго права французская сельская демократія воспользовалась, поэтому, для посылки въ палату консервативныхъ депутатовъ. Самостоятельное выступленіе рабочихъ и предъявленіе соціалистическихъ требованій напугали буржуазію и внесли въ ея среду расколъ, послужившій на пользу реакціи. Бо̀льшая политическая умѣренность выразилась, прежде всего, въ значительномъ ослабленіи конституціонализма и въ стѣсненіяхъ печати. Соціализмъ встрѣтилъ одинаково сильный отпоръ со стороны какъ правительствъ, такъ и имущихъ классовъ. Одно изъ характерныхъ отличій реакціи начала XIX-го столѣтія отъ реакціи 50-хъ годовъ заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ буржуазія находится въ оппозиціи, во второмъ—дѣйствуетъ совмѣстно съ правительствами. Но именно, тотъ фактъ, что правительству пришлось опираться теперь на буржуазію, соціальное значеніе которой очень усилилось, имѣлъ результатомъ непродолжительность политической реакціи. Въ шестидесятыхъ годахъ совершается окончательный переходъ Западной Европы къ конституціонному строю. Н. И. Карѣевъ показываетъ, далѣе, какъ въ шестидесятыхъ годахъ было осуществлено многое изъ того, что составляло цѣль движеній, происходившихъ въ отдѣльныхъ странахъ въ 1848 г., хотя исполненіе въ большинствѣ случаевъ далеко не соотвѣтствовало широкимъ замысламъ „безумнаго года“.

Послѣ реакціи 50-хъ годовъ снова оживаютъ соціальныя стремленія; но, прежде чѣмъ перейти къ этой темѣ, авторъ останавливается на экономическомъ развитіи съ середины XIX-го вѣка, важнѣйшимъ явленіемъ котораго былъ ростъ капиталистическаго индустріализма. Съ отвлеченіемъ рабочихъ рукъ отъ сельскаго хозяйства къ обрабатывающей промышленности, съ сокращеніемъ мелкихъ производствъ

ремесленнаго и кустарнаго типа, съ концентраціей промышленныхъ предпріятій параллельно шло увеличеніе пролетаріата и все большее его сосредоточеніе въ крупныхъ фабричныхъ и заводскихъ центрахъ. Все это находилось въ тѣснѣйшей связи съ рабочимъ движеніемъ, возродившимся въ 60-хъ годахъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Эта повсемѣстность рабочаго движенія дала поводъ къ организаціи „Международнаго общества рабочихъ“ или такъ называемаго „Интернаціонала“. Въ то же время конституціонныя измѣненія шестидесятыхъ годовъ въ демократическомъ направленіи, особенно въ Англіи и Германіи, открывали для рабочихъ возможность легальной политической борьбы за проведеніе ихъ соціальныхъ стремленій. Такое же значеніе имѣло для Франціи превращеніе ея, въ 1870 г., въ республику. Предсказаніе Токвиля о непреодолимости демократической идеи осуществлялось все полнѣе, съ точки зрѣнія какъ интенсивности, такъ и распространенности, въ послѣдней трети XIX-го столѣтія. Всестороннему разсмотрѣнію этого движенія посвящены три главы разбираемаго сочиненія (XXXV, XXXVI и XXXVII). Въ большинствѣ случаевъ демократическое развитіе конца XIX в. протекало мирно, и даже соціалисты, въ лицѣ, главнымъ образомъ, германской соціалъ-демократіи, вступили на путь конституціонной борьбы въ парламентахъ. Основной идеей въ политической дѣятельности рабочаго класса сдѣлалось достиженіе такого положенія въ государствѣ, при которомъ онъ могъ бы вліять на законодательство въ интересахъ труда, понималось ли это въ смыслѣ сотрудничества съ другими классами для достиженія соціальной реформы, или въ смыслѣ классовой борьбы, съ диктатурой пролетаріата въ перспективѣ. Другими словами, конечная цѣль движенія мыслится не иначе какъ въ формѣ полнаго или частичнаго переустройства государствомъ соціальныхъ отношеній.

Итакъ, основная черта исторіи XIX-го вѣка, какъ ее изображаетъ Н. И. Карѣевъ — поступательный, съ временными перерывами, ходъ демократизаціи европейскаго общества какъ въ политической, такъ и въ соціальной области. Въ короткой замѣткѣ мы не могли коснуться многихъ другихъ сторонъ книги, напр. тѣхъ главъ ея, которыя относятся къ національнымъ движеніямъ, національнымъ войнамъ 1859—1871 гг., національнымъ революціямъ, международной политикѣ, развитію милитаризма, колоніальнымъ предпріятіямъ европейскихъ державъ, католицизму и борьбѣ съ нимъ свѣтскаго духа, главнѣйшимъ проявленіямъ исторической жизни внѣ Стараго Свѣта, европеизаціи болѣе отсталыхъ странъ Стараго Свѣта, главнымъ умственнымъ теченіемъ XIX-го вѣка. Книги Н. И. Карѣева имѣютъ широкое распространеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что и новый трудъ его, въ высокой сте-

пени поучительный и интересный найдетъ обширный кругъ читателей. Этому должна способствовать и невысокая, сравнительно съ объемомъ, цѣна книги.

И. Иванюковъ.

ДВѢ КНИГИ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ

Aylmer Maude. The life of Tolstoy. Later years. London, 1910.
А. А. Исаевъ. Графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель. Спб., 1911.

Авторъ обширной англійской біографіи Льва Толстого, Эльмеръ Модъ, посвятилъ значительную часть своей жизни изученію и пропагандѣ его идей, вовсе не будучи ихъ безусловнымъ приверженцемъ. Попавъ случайно въ кругъ личныхъ знакомыхъ Толстого, черезъ посредство своего шурина, д-ра П. С. Алексѣева, бывшаго когда-то учителемъ въ семействѣ знаменитаго писателя, Эльмеръ Модъ невольно подчинился чарующему вліянію его личности и мало-по-малу сдѣлался его горячимъ поклонникомъ и другомъ. Онъ съ молодыхъ лѣтъ покинулъ родину и занимался промышленными дѣлами въ Россіи; а когда дѣла пошли настолько хорошо, что онъ могъ избавиться отъ работы, онъ сталъ серьезно задумываться надъ вопросами, которые ставилъ въ своихъ сочиненіяхъ Толстой. Модъ не находилъ у него полнаго отвѣта на свои сомнѣнія, но увлекался общимъ духомъ его проповѣди и съ любовью слѣдилъ за развитіемъ его взглядовъ. Онъ и его жена занялись переводомъ сочиненій и статей Толстого на англійскій языкъ; они дѣлали эту работу чрезвычайно старательно, заботясь не только о точности, но и о простотѣ и ясности въ передачѣ текста. Переписка съ Толстымъ и частыя личныя съ нимъ сношенія доставили Эльмеру Моду богатый и разносторонній матеріалъ, который легко было дополнить свѣдѣніями и документами изъ другихъ источниковъ; такимъ образомъ составился планъ подробной біографіи, первая часть которой обнимаетъ пятидесятилѣтіе со времени рожденія Толстого, а вторая—позднѣйшіе годы, съ 1878 г. Эта вторая часть, составляющая томъ въ 688 страницъ, особенно интересна для русскихъ читателей, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, не вошедшія въ извѣстный біографическій трудъ г. Бирюкова, доведенный лишь до половины восьмидесятыхъ годовъ.

По справедливому замѣчанію Эльмера Мода, крутая перемѣна въ міросозерцаніи Толстого, совершившаяся въ семидесятыхъ годахъ, была, въ сущности, только завершеніемъ процесса, различные фазисы

котораго можно прослѣдить чуть ли не съ первыхъ крупныхъ его произведеній. Раннія повѣсти и разсказы Толстого уже предвѣщали то, что писалось имъ позднѣе, а его педагогическіе труды въ Ясной Полянѣ практически направлялись по тому же пути. „Не было замѣтно внезапнаго перелома и въ его внѣшней жизни: послѣдовавшее вытекало изъ предыдущаго, такъ что было бы менѣе правильно говорить объ его переходѣ черезъ Рубиконъ, чѣмъ о постепенномъ восхожденіи на гору". Сожалѣть объ отказѣ Толстого отъ художественнаго творчества, какъ это высказывалось въ предсмертномъ письмѣ Тургенева, значило обнаруживать непониманіе огромнаго человѣческаго интереса тѣхъ задачъ, которыми вдохновлялся Толстой. „Еслибы возможно было—говоритъ Модъ—уничтожить и вычеркнуть изъ нашей памяти серію толстовскихъ сочиненій отъ „Исповѣди" (1879) до статьи „Не могу молчать" (1908), то несомнѣнно интересъ, испытываемый къ нему міромъ, былъ бы значительно меньше, чѣмъ теперь. Проблемы жизни, которыя онъ ставилъ, руководство для поведенія, предлагаемое имъ, и то обстоятельство, что для него, художника до кончика пальцевъ, существовали вещи, ради которыхъ онъ готовъ былъ отказаться отъ своего искусства,—все это глубоко возбуждало интересъ и вызывало любовь множества людей, мужчинъ и женщинъ. Мы не можемъ въ точности взвѣшивать эти обстоятельства и указывать, какая доля интереса, возбуждаемаго Толстымъ, относится къ его художественнымъ произведеніямъ; но тѣ, которые, подобно Тургеневу, желали бы, чтобы онъ пересталъ заниматься религіозными, моральными и соціальными вопросами, выказывали этимъ ограниченность своего собственнаго пониманія. Даже его повѣсти обязаны значительною частью своей цѣнности тому стремленію къ правдѣ и братству, которое воодушевляло его съ молодыхъ лѣтъ до поздней старости, и только тѣ, которыхъ привлекаетъ его разсужденіе: „Такъ что же намъ дѣлать?"—могутъ вполнѣ реально оцѣнить все, содержащееся въ „Войнѣ и мирѣ" (стр. 184).

Въ книгѣ Мода собрано много любопытныхъ фактовъ и наблюденій, касающихся интимной жизни и домашней обстановки Толстого. Искреннее желаніе писателя-моралиста послѣдовательно проводить свои идеи на практикѣ встрѣчало иногда непреодолимыя затрудненія со стороны окружающихъ; иногда оно сдерживалось или парализовалось добросердечіемъ и сознательною уступчивостью самого Толстого, хотя эта уступчивость причиняла ему нерѣдко внутреннее огорченіе и недовольство самимъ собою. Художникъ И. Е. Рѣпинъ, въ бытность свою въ Ясной Полянѣ въ 1890-мъ году, предложилъ гостившему тамъ молодому еврею Фейнерману позировать для его картины Христа, но не могъ добиться его согласія хотя бы на одинъ сеансъ; Фейнер-

манъ оставался непреклоненъ, и ему хотѣлось объяснить Толстому мотивы своего поступка, послѣ того какъ смущенный Рѣпинъ вышелъ изъ комнаты. Однако самъ Толстой повернулся къ нему, крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ съ горячностью: „Я завидую вамъ! Вы нашли въ себѣ силу отказать, а я этого сдѣлать не могу!"—„Повѣрьте мнѣ,—продолжалъ онъ по дорогѣ въ деревню,—всѣ они здѣсь собрались и не даютъ мнѣ покоя, и пристаютъ ко мнѣ, какъ будто я имъ принадлежу, — мучаютъ меня и держатъ меня точно въ плѣну". Между прочимъ, Толстой рѣшительно не желалъ, чтобы къ собранію его сочиненій былъ приложенъ его портретъ; тѣмъ не менѣе ему пришлось уступить, и фотографія была приложена къ двѣнадцатому тому, какъ это требовалось для увеличенія успѣха изданія. И опять-таки онъ не могъ не сознавать, что въ данномъ случаѣ онъ отступилъ отъ принципа прямого отрицанія литературной собственности. Бывали случаи, когда постороннія лица напоминали ему о проповѣдуемыхъ имъ принципахъ и побуждали его быть болѣе послѣдовательнымъ—и онъ охотно подчинялся дѣлаемымъ ему указаніямъ. Толстой любилъ играть въ шахматы и игралъ очень хорошо; онъ заинтересовался происходившимъ въ Москвѣ матчемъ между двумя знаменитыми игроками, Ласкеромъ и Штейницемъ, и хотѣлъ посмотрѣть ихъ игру; но Эльмеръ Модъ напомнилъ, что профессіональная игра въ шахматы, имѣющая цѣлью полученіе денежныхъ выгодъ, противорѣчитъ ученію Толстого, и послѣдній тотчасъ съ этимъ согласился. „Я думаю—замѣтилъ онъ,—что не надо мнѣ идти; вотъ Модъ находитъ, что это было бы нехорошо". „Мнѣ теперь совѣстно — говоритъ авторъ, — что я помѣшалъ ему видѣть первоклассные образчики игры, которою онъ всегда интересовался; но почти всякій, кто попадалъ въ суровый кругъ его движенія, терялъ иногда способность, по крайней мѣрѣ на время, оцѣнивать вещи соотвѣтственно ихъ дѣйствительному значенію" (стр. 530). Какой-то офицеръ, гостившій въ Ясной Полянѣ, высказалъ мнѣніе, что Толстой противорѣчитъ себѣ, проповѣдуя бѣдность и въ то же время сохраняя въ своемъ распоряженіи лошадь для верховой ѣзды. Толстой ссылался на то, что его лошадь „Délire"—очень старая. „Однако — возразилъ офицеръ,—она очень хорошая". Послѣ его отъѣзда Толстой пересталъ ѣздить верхомъ въ теченіе одной или двухъ недѣль; потомъ, чтобы не лишиться своего привычнаго упражненія, онъ взялъ простую крестьянскую лошадь, вмѣсто „Délire", а два мѣсяца спустя друзья имѣли удовольствіе видѣть его опять на старомъ „Délire". Ему трудно было отказаться отъ любимой привычки, но онъ боролся противъ нея съ перемѣннымъ успѣхомъ, подобно тому, какъ въ былое время боролся противъ употребленія вина и табака (стр. 647—8). За то онъ былъ чрезвычайно доволенъ, когда по внѣшнему виду и поведенію его при-

нимали за простого крестьянина. Когда онъ стоялъ случайно на платформѣ желѣзнодорожной станціи, къ нему обратилась дама изъ остановившагося поѣзда и поручила отыскать въ буфетѣ ея мужа и передать ему записку; Толстой исполнилъ порученіе, и дама дала ему пятнадцать копеекъ. Вслѣдъ затѣмъ кто-то подошелъ къ Толстому и назвалъ его графомъ; дама съ ужасомъ узнала, что мужикъ, получившій у нея пятиалтынный на чай, былъ не кто иной, какъ графъ Толстой. Дама смиренно просила у него извиненія и желала взять обратно свои пятнадцать копеекъ; но онъ засмѣялся и сказалъ: „Нѣтъ, ни за что,—эти деньги я заработалъ!" (стр. 528—9). Толстой не признавалъ денегъ въ принципѣ, и это отрицаніе давало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ, ибо „онъ не объяснилъ, въ какой мѣрѣ онъ считаетъ нынѣшнія монеты, служащія орудіемъ обращенія, болѣе предосудительными, чѣмъ представляемое ими богатство. Забавнымъ казалось поведеніе одного изъ его близкихъ послѣдователей, человѣка со средствами, который пересталъ употреблять деньги, но предоставлялъ своей женѣ подписывать его чеки и поручалъ своему секретарю покупать для него билеты для проѣзда по желѣзной дорогѣ. Понятно, что фарисеи выставляли этого господина лицемѣромъ, тогда какъ онъ былъ вполнѣ искрененъ и только заблуждался, понимая деньги въ слишкомъ узкомъ, формальномъ смыслѣ". Самъ Толстой, по мнѣнію Мода, никогда не высказывалъ такихъ нелѣпостей; притомъ онъ не былъ рабомъ своихъ собственныхъ утвержденій.

Эльмеръ Модъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ судьбы духоборовъ, выселившихся изъ Россіи, и въ этомъ отношеніи былъ весьма цѣннымъ помощникомъ Толстого и В. Г. Черткова. Въ 1898-мъ году онъ вмѣстѣ съ княземъ Д. А. Хилковымъ отправился изъ Ливерпуля въ Канаду на собственный счетъ, съ двумя семьями духоборовъ, избранныхъ ихъ общиною въ качествѣ піонеровъ. Предполагалось, что духоборы окажутся вполнѣ желательными и мирными поселенцами и не доставятъ никакихъ затрудненій правительству Канады, если только будетъ принято во вниманіе ихъ отрицательное отношеніе къ воинской повинности. Въ этомъ духѣ даны были положительныя увѣренія канадскому правительству и населенію, и на основаніи этихъ увѣреній удалось устроить въ Канадѣ 7.363 души духоборовъ. Эльмеръ Модъ подробно разсказываетъ о тѣхъ разочарованіяхъ и непріятностяхъ, которыя пришлось испытать устроителямъ. При всѣхъ своихъ хорошихъ нравственныхъ качествахъ, духоборы не могли и не рѣшались ничего предпринять безъ указаній своего вождя, Петра Веригина, находившагося въ ссылкѣ; они подчинялись безпрекословно его авторитету, какъ узкіе сектанты, не допускали „посторонних" въ свою среду, не признавали для себя обязательными

никакихъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, даже такихъ невинныхъ, какъ правила о регистраціи рожденій и браковъ. „Воскресеніе" Толстого было переведено женою Мода на англійскій языкъ и въ этомъ видѣ имѣло большой успѣхъ; оно разошлось въ Англіи и Америкѣ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и доставило чистаго дохода приблизительно въ 2.700 фунтовъ стерлинговъ или около 25 тысячъ рублей. „Ни Толстой, ни моя жена—пишетъ Эльмеръ Модъ—не взяли ничего изъ этого дохода, который всецѣло употреблялся сначала на поддержку духоборовъ, а потомъ, послѣ водворенія ихъ въ Канадѣ и передача ихъ финансовыхъ дѣлъ въ завѣдываніе Веригина, поступилъ въ распоряженіе особаго комитета", однимъ изъ членовъ котораго былъ Модъ.

Отношеніе Эльмера Мода къ Толстому нельзя назвать иначе какъ благоговѣйно-любовнымъ; въ каждой строчкѣ книги просвѣчиваетъ чувство глубокаго преклоненія предъ исключительною личностью Толстого, какъ человѣка и мыслителя. Авторъ во многомъ и очень существенномъ несогласенъ съ Толстымъ и свободно критикуетъ его взгляды; онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія западно-европейской демократіи, признающей пользу и необходимость извѣстныхъ формъ государства и правительства,—но это не мѣшаетъ ему понимать и цѣнить присущее Толстому страстное исканіе новыхъ путей, свободное отъ какихъ бы то ни было традицій, хотя бы самыхъ авторитетныхъ и общепризнанныхъ. Закончивъ свой трудъ, посвященный описанію жизни и дѣятельности Толстого, Эльмеръ Модъ „живѣе чѣмъ когда-либо представилъ себѣ, насколько великъ его личный долгъ по отношенію къ Толстому и какъ мало эти воспоминанія соотвѣтствуютъ его духовной цѣнности". Нѣкоторую долю—„ничтожную долю того чувства, какое онъ испытываетъ при заключеніи своего труда", — онъ выразилъ въ заключительномъ откровенномъ посланіи къ Толстому, полномъ любви и благоговѣнія. Толстой, по его словамъ, измѣнилъ англійское понятіе о добротѣ; на мѣсто отрицательныхъ добродѣтелей, прославляемыхъ англійскимъ пуританствомъ, онъ поставилъ положительныя качества, выражаемыя русскими словами: „добрый" и „хорошій". „Жизнь Толстого—говоритъ Модъ—показываетъ, какія блестящія услуги можетъ оказать своей расѣ человѣкъ, не лишенный человѣческихъ слабостей. Хотя нѣкоторыя изъ его мнѣній непріемлемы или непонятны для многихъ, выросшихъ при другихъ условіяхъ, однако онъ непоколебимо вписалъ свое имя въ сердца людей и заслужилъ ихъ прочную благодарность". Чтобы испытывать такія чувства и посвящать свои труды и помыслы распространенію идей такого писателя, какъ Толстой, надо быть тоже далеко незауряднымъ человѣкомъ, и русскій читатель, кто бы онъ ни былъ, не можетъ не чувствовать симпатіи и уваженія къ англичанину Эльмеру Моду.

Совершенно другимъ характеромъ отличается книга русскаго ученаго, проф. А. А. Исаева. Это—довольно обстоятельный критическій разборъ ученія Толстого съ точки зрѣнія той существующей книжной науки, которую Толстой отрицалъ. Авторъ сначала излагаетъ сущность толстовскихъ идей и разсужденій по разнымъ вопросамъ, а затѣмъ доказываетъ ошибочность и несостоятельность всѣхъ этихъ идей и разсужденій, побѣдоносно противопоставляя имъ общеизвѣстные выводы и взгляды такъ называемой научной литературы.

Задача почтеннаго автора оказывается такимъ образомъ чрезвычайно легкою. Нѣтъ надобности слѣдить за убѣдительною логическою аргументаціею профессора А. А. Исаева, ибо можно быть заранѣе увѣреннымъ, что теоріи Толстого находятся въ явномъ и полномъ противорѣчіи съ положеніями современныхъ общественно-политическихъ и историческихъ наукъ. Авторъ не щадитъ Толстого и отзывается очень сурово объ его писаніяхъ. Онъ находитъ его взгляды не только ошибочными, но и „забавными", „курьезными", „Маниловскими" и „нелѣпыми". Даже въ его художественныхъ произведеніяхъ позднѣйшаго періода, особенно въ небольшихъ нравоучительныхъ разсказахъ для народа, онъ усматриваетъ разные вопіющіе недостатки. Въ сказкахъ бросается въ глаза лубочная каррикатурность изображеній, вѣра въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ и т. п. Въ сказкѣ „Чѣмъ люди живы" приписывается проѣзжему русскому барину „богатырскій ростъ, изумительное дородство, громовый голосъ", тогда какъ въ дѣйствительности „средній русскій баринъ не отличается ни богатырскимъ ростомъ, ни дородствомъ; въ послѣднія десятилѣтія онъ и не кричитъ, и не ругается, когда пріѣзжаетъ къ ремесленнику, и не привозитъ кожи для заказанной обуви" (стр. 220). Суровый критикъ упустилъ только изъ виду, что Толстой не представляетъ своего „барина" ни воплощеніемъ „средняго типа", ни продуктомъ послѣднихъ десятилѣтій, и что къ содержанію сказокъ не слѣдуетъ вообще прилагать мѣрку текущей реальной дѣйствительности. „Я считаю многія сказки Толстого безполезнымъ матеріаломъ для чтенія—заявляетъ проф. Исаевъ,—а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ даже вредно вліять на людей впечатлительныхъ и склонныхъ къ праздности". „Особенно же нелѣпа сказка объ Иванѣ-дуракѣ... Когда прочитаешь эту сказку, то становится неловко, что первоклассный художникъ, прославляя непротивленіе злу, преподноситъ народу такія нелѣпости. Этотъ вздоръ еще могъ бы быть оправданъ, еслибы когда-либо и гдѣ-либо наблюдались явленія, сколько-нибудь сходныя съ нарисованной картиной. Толстой идеализируетъ прошлое и ставитъ его безконечно выше настоящаго. Пусть же онъ укажетъ примѣръ того, чтобы опустошеніе страны внѣшними врагами и непротивленіе жи-

телей приводили къ разсѣянію вражескаго войска“ (стр. 222). Историческіе факты, конечно, не подтверждаютъ сказки объ Иванѣ-囲дуракѣ, какъ видно изъ дѣлаемаго проф. Исаевымъ краткаго обзора человѣческой исторіи. Намъ кажется, что подобный способъ критики едва-ли можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ и справедливымъ, когда дѣло идетъ о литературно-художественномъ творчествѣ.

По словамъ проф. А. А. Исаева, „такъ-называемыя философскія ученія Толстого не оправдываютъ громкой славы, которую онъ пріобрѣлъ въ Россіи и за ея предѣлами“. Почтенный авторъ полагаетъ, что эта слава „объясняется не мыслями, которыя онъ высказалъ по вопросамъ о нравственности, государствѣ, народномъ хозяйствѣ, наукѣ, искусствѣ, а совсѣмъ иными причинами“. Прежде всего, „уже его дѣятельность, какъ художника, должна была дать ему знаменитое имя“. Конечно, — прибавляетъ проф. Исаевъ, — не слѣдуетъ ставить „Войну и миръ“, „Анну Каренину“, „Смерть Ивана Ильича“ выше всѣхъ другихъ произведеній художественной литературы новѣйшаго времени; но, безъ сомнѣнія, они стоятъ въ первомъ ряду, вмѣстѣ съ нѣкоторыми произведеніями Гюго, Диккенса, Достоевскаго, Зола̀, Ибсена“. Независимо отъ этого, личность Толстого обращала на себя вниманіе многихъ странными особенностями его образа жизни, рѣзкоотрицательнымъ характеромъ его сочиненій и ихъ космополитическимъ духомъ. Проф. Исаевъ не усматриваетъ ничего цѣннаго въ философіи и публицистикѣ Толстого; онъ видитъ у него „многочисленныя противорѣчія“, слѣды поверхностной, „поспѣшной работы“, въ родѣ „работы журналиста“, отсутствіе оригинальности, чрезмѣрныя „длинноты и повторенія“, стремленіе къ эксцентричности, склонность къ парадоксамъ, нетерпимость, преувеличенное и отчасти фиктивное смиреніе, внѣшнее мужичество на почвѣ внутренняго утонченнаго эпикурейства. „Альтруизмъ Толстого — заключаетъ авторъ — производитъ впечатлѣніе чего-то холоднаго, искусственнаго; онъ идетъ не отъ сердца... Альтруизмъ Толстого мертвъ“ (стр. 240—244). Мы не сомнѣваемся, что проф. А. А. Исаевъ убѣдился бы въ противномъ, еслибы ознакомился съ содержаніемъ англійской книги Эльмера Мода и постарался вникнуть въ ея сущность, отбросивъ на время въ сторону свой сухой отвлеченно-доктринерскій критицизмъ.

Многія замѣчанія проф. А. А. Исаева могутъ быть объяснены только недостаточно внимательнымъ отношеніемъ ко всей совокупности литературно-художественнаго творчества Толстого. Въ Толстомъ мыслитель и моралистъ не отдѣляется отъ писателя и художника, и никакъ нельзя разсматривать его философію и публицистику независимо отъ его художественныхъ произведеній. Толстой—цѣльная личность, и дробить ее на части не слѣдуетъ. Онъ является мыслите-

лемъ въ разсказахъ и романахъ, и художникомъ—въ этюдахъ на соціальныя и религіозныя темы. Свои основные реформаторскіе взгляды онъ высказывалъ въ разныхъ формахъ въ теченіе почти полувѣка. Въ разсказѣ „Холстомѣръ", написанномъ въ 1861-мъ году, проводится то же отрицаніе частной собственности, какъ и въ послѣднихъ статьяхъ и разсужденіяхъ; тамъ говорится, что „странныя" понятія о моемъ и твоемъ „не имѣютъ никакого другого основанія, кромѣ низкаго и животнаго людского инстинкта, называемаго чувствомъ или правомъ собственности". Тогда уже Толстой иронически отзывался о людяхъ, которые „землю называютъ своею" и которые „стремятся въ жизни не къ тому, чтобы дѣлать то, что̀ они считаютъ хорошимъ, а къ тому, чтобы называть какъ можно больше вещей своими". Въ этомъ насмѣшливомъ, отрицательномъ отношеніи къ институту частной собственности нѣтъ, конечно, ничего новаго или оригинальнаго, но оно не теряетъ своей силы отъ того, что выражалось другими писателями гораздо ранѣе Толстого. Еще старикъ Лабрюйеръ говорилъ, что „все уже сказано", и эта ссылка на предшественниковъ Толстого служитъ аргументомъ скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ его проповѣди.

Толстой вырабатывалъ свои идеи долгимъ и мучительнымъ процессомъ мысли и жизни, въ непрестанной пассивной борьбѣ съ окружающими вліяніями; онъ обдумывалъ, обсуждалъ и передѣлывалъ много разъ каждое свое сочиненіе, стараясь придать ему такую форму, которая дѣйствовала бы наиболѣе убѣдительнымъ образомъ на читателей. Упрекъ въ „журнальной" торопливости работы и въ чрезмѣрной поспѣшности умозаключеній всего менѣе примѣнимъ къ Толстому; онъ годами трудился надъ переводомъ и истолкованіемъ Евангелія, изучалъ для этого греческій и древне-еврейскій языки, а позднѣе тратилъ массу времени и труда на небольшую по объему книжку объ искусствѣ. Онъ читалъ изумительно много на разныхъ языкахъ, но не придавалъ значенія односторонней книжной учености и сознательно оберегалъ стихійную свѣжесть и самостоятельную творческую силу своего ума. Онъ часто смѣялся надъ людьми, которые не могли или не рѣшались разсуждать о чемъ-либо серьезномъ безъ помощи книгъ. Эльмеръ Модъ разсказываетъ, что Толстой уговорилъ г. Маклакова поднять въ Государственной Думѣ поземельный вопросъ съ точки зрѣнія теоріи Генри Джорджа; впослѣдствіи, на обращенный къ нему вопросъ Толстого, почтенный депутатъ отвѣтилъ, что не имѣлъ времени для надлежащаго ознакомленія съ литературою предмета. „Это — воскликнулъ Толстой — худшее свойство образованныхъ людей: они не въ состояніи говорить о великомъ вопросѣ, пока не прочитали всего, написаннаго о немъ,—изъ страха, что вдругъ кто-нибудь спроситъ: „А читали вы Шварценбурга?" — и тогда, если они не читали Шварцен-

бурга, они погибли; между тѣмъ какъ простой, хорошій, невѣжественный купецъ, въ родѣ члена Думы Ч., который ничего не читалъ, но увѣренъ въ правотѣ своей мысли, будетъ дѣлать и непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь полезное". Очевидно, уличать Толстого въ томъ, что онъ также не читалъ Шварценбурга, — далеко еще не значитъ подрывать значеніе его смѣлой принципіальной критики современнаго человѣческаго быта.

Л. Слонимскій.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СКАБИЧЕВСКІЙ †

Двадцать девятаго декабря минувшаго года скончался извѣстный критикъ А. М. Скабичевскій, болѣе пятидесяти лѣтъ проработавшій на литературной нивѣ.

Не легкимъ былъ этотъ долгій, пройденный имъ путь! Кромѣ тѣхъ терній, которыя неизбѣжно выпадаютъ на долю всякаго литератора въ условіяхъ русской жизни, здѣсь было немало случайныхъ, индивидуальныхъ. Покойный не былъ баловнемъ счастья. Напротивъ, онъ каждый шагъ бралъ съ бою, трудно завоевывалъ позиціи и легко ихъ терялъ, неутомимо работалъ и очень рѣдко получалъ полное удовлетвореніе отъ своего труда: почти всегда, и при удачѣ, встрѣчалось какое-нибудь „но", отравлявшее или умѣрявшее радость. Сколько горечи въ одномъ заглавіи, которое далъ критикъ своему послѣднему труду, воспоминаніямъ: „Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ" [1])! Дѣйствительно, мытарства... При общемъ внимательномъ взглядѣ на жизнь Скабичевскаго, въ ней поражаетъ именно ея трудность. Таинственная участница человѣческой жизни, судьба, не покровительствуетъ ему, не расчищаетъ передъ нимъ дорогу, а будто пользуется каждымъ случаемъ, чтобы помѣшать, поставить преграды. Встрѣтитъ ли онъ, въ юности, хорошаго руководителя — этотъ человѣкъ умираетъ; пристроится ли къ журналу—журналъ прекращается; вступитъ ли преподавателемъ въ учебное заведеніе—откроются какія-нибудь обстоятельства, которыя приведутъ къ его уходу или удаленію. Столь же „не везетъ" ему и въ налаживаніи всякихъ личныхъ и литературныхъ отношеній...

Эта „неудачливость" дѣлаетъ тѣмъ болѣе цѣнной ту устойчивость,

---

[1]) „Истор. Вѣстн.", 1910 г., кн. I—IV.

которую всегда проявлялъ А. М. Скабичевскій. Это былъ человѣкъ своей эпохи, „общественникъ“ въ лучшемъ смыслѣ слова, никогда не измѣнявшій себѣ и не знавшій никакихъ компромиссовъ. Онъ былъ глубоко преданъ литературѣ и тѣмъ идеямъ, которыя ее окрыляли. Его литературный и общественный ригоризмъ не былъ искусственнымъ и не являлся натяжкой, а вполнѣ соотвѣтствовалъ его личности, свободно изъ нея вытекалъ. Скабичевскій принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, дѣятельность которыхъ вполнѣ адэкватна ихъ внутреннему содержанію. Нѣтъ въ ней ни фальши, ни диссонансовъ, и въ этомъ — ея сила. Его личность глубоко пропиталась идеями его времени, почти срослась съ ними и можетъ быть вполнѣ оцѣнена только въ свѣтѣ этихъ идей. Отъ своей эпохи онъ взялъ, однако, нѣчто имѣющее внѣ-временное значеніе: большую, особенную искренность. Она проникаетъ всю писательскую дѣятельность А. М. Вотъ почему даже тѣ статьи, которымъ недостаетъ эстетической чуткости, устарѣли для нашего времени, но не потеряли своей внутренней привлекательности. Для тѣхъ поколѣній, которыя на нихъ воспитывались, эта ихъ основная черта имѣла огромное значеніе.

Происходя изъ малорусскихъ дворянъ, А. М. увидѣлъ свѣтъ въ Петербургѣ, въ семьѣ бѣднаго чиновника, въ 1838 г. И дѣтство, и юность его прошли при незавидныхъ условіяхъ. „Вѣчная борьба съ бѣдностью, замкнутость и гнетущая скука, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи; — никакихъ новостей и извѣстій общественной жизни не доходило до маленькаго домика на Никольской. Здѣсь вѣрили въ домовыхъ и колдовство“... Однако, литературныя склонности, не смотря на неблагопріятную обстановку, проявились въ будущемъ критикѣ очень рано. Ихъ пробудила гимназія, куда онъ поступилъ въ 48-мъ году. Въ тринадцать лѣтъ онъ увлекается Жуковскимъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ и пишетъ въ подражаніе имъ стихи, „мечтая самъ сдѣлаться Пушкинымъ“. Поэтовъ смѣнилъ Гоголь, знакомство съ которымъ побудило его писать повѣсти въ духѣ „Шинели“. Уже тогда, въ раннемъ дѣтствѣ, въ Скабичевскомъ сказалась большая идейная восріимчивость и интеллектуальная впечатлительность. Подъ вліяніемъ чтенія писемъ Гоголя онъ впалъ „въ мрачный мистицизмъ, боролся съ плотью, постился, молился и считалъ себя самымъ ужаснымъ грѣшникомъ съ печатью проклятія на челѣ“. Это настроеніе продолжалось и первые годы въ университетѣ, куда онъ вступилъ въ 56-мъ году и пробылъ до 61-го года. Студентовъ на его курсѣ было очень мало, но онъ впослѣдствіи вспоминалъ съ благодарностью о кружкѣ товарищей, съ которыми работалъ (въ немъ участвовалъ Д. И. Писаревъ); ему онъ считалъ себя обязаннымъ „страстью къ книгѣ, уваженіемъ къ наукѣ, привычкой добросовѣстно относиться ко всякой работѣ...“

Въ литературѣ Скабичевскій дебютировалъ въ 1859 г. статьею о „Запискахъ Охотника“ Тургенева въ журналѣ „Разсвѣтъ“, издававшемся спеціально для дѣвицъ. Затѣмъ онъ пристроился было къ „Иллюстраціи“ Баумана, но работалъ тамъ всего годъ: журналъ прекратился. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ А. М. сообщаетъ курьезный случай, показывающій, до какой степени ему „не везло“ даже въ мелочахъ. Ему заказана была небольшая статейка о Некрасовѣ. Онъ въ то время увлекался Некрасовымъ и обрадовался случаю высказать свои чувства къ поэту. Каковъ же былъ ужасъ молодого критика, когда онъ увидѣлъ, что наборщики превратили слово „элегіи“ въ „ахинеи“, повторивъ эту ошибку нѣсколько разъ! Изъ хвалебной статья превратилась въ ругательную. Оправдаться передъ Некрасовымъ у него тогда не было возможности.

Послѣ прекращенія „Иллюстраціи“ для Скабичевскаго начинаются годы матеріальной нужды. Онъ живетъ мелкой литературной работой, поступаетъ на службу въ канцелярію за 12 рублей, но „бѣжитъ оттуда, какъ изъ ада кромѣшнаго, давши себѣ клятву лучше умереть съ голоду подъ заборомъ, чѣмъ служить въ какой бы то ни было канцеляріи“. Въ 64-мъ году онъ отправляется въ Рыбинскъ редактировать газету, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвращается обратно, съ долгами вмѣсто обѣщанныхъ денегъ, такъ какъ газета была закрыта министромъ „по доносу купцовъ“. Попытки устроиться на педагогическомъ поприщѣ тоже не увѣнчались успѣхомъ. Въ училищѣ Человѣколюбиваго Общества онъ не удержался потому, что слишкомъ близко принималъ къ сердцу интересы воспитанниковъ и не могъ не вмѣшиваться въ ихъ жизнь. Изъ Смольнаго института его, по его словамъ, „выставили за плебейскую неуклюжесть“ и за то, что онъ читалъ дѣвицамъ „такого грязнаго писателя, какъ Гоголь“. Впрочемъ, педагогическія неудачи мало огорчали Скабичевскаго. Его все время влечетъ къ себѣ литература и онъ мечтаетъ, какъ бы въ ней прочно устроиться. Наконецъ, въ 68-мъ году онъ дѣлается постояннымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“, и этотъ годъ нужно считать окончаніемъ его литературныхъ мытарствъ.

Расцвѣтъ писательской дѣятельности Скабичевскаго относится къ началу 70-хъ годовъ, когда онъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ рядъ очерковъ о „развитіи прогрессивныхъ идей въ Россіи“. Эти статьи имѣли особенный успѣхъ, но отдѣльное ихъ изданіе тогда не вышло въ свѣтъ: книга была сожжена цензурнымъ вѣдомствомъ. Впослѣдствіи онѣ вошли въ собраніе сочиненій А. М. подъ заглавіемъ: „Сорокъ лѣтъ русской критики“ и „Три человѣка сороковыхъ годовъ“. Скабичевскій оставался сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ до самаго ихъ закрытія въ 1884-мъ году; но въ послѣднее

время положеніе его тамъ не было такимъ прочнымъ и вліятельнымъ, какъ въ первые годы. Оно пошатнулось вслѣдствіе прилива новыхъ литературныхъ силъ. Послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ" у Скабичевскаго до конца жизни не было уже настоящаго пріюта. Сотрудничество въ „Новостяхъ" не могло его удовлетворить, а болѣе подходившее ему „Русское Богатство" въ немъ не нуждалось. Онъ помѣщалъ статьи въ разныхъ изданіяхъ: „Русской Мысли", „Мірѣ Божьемъ", „Сѣверномъ Вѣстникѣ" и др.

Въ оцѣнкѣ своей дѣятельности А. М. проявляетъ не только скромность, но и нѣкотораго рода суровость по отношенію къ самому себѣ. Объясняя, почему онъ избралъ для воспоминаній только первыя двадцать пять лѣтъ, онъ говоритъ: „въ этотъ періодъ времени я вполнѣ опредѣлился, какъ семидесятникъ, написалъ все, что вышло изъ-подъ моего пера лучшаго. Въ дальнѣйшей моей дѣятельности я ни на шагъ не подвинулся впередъ отъ того, чѣмъ я былъ въ началѣ 80-хъ годовъ, такъ что еслибы я умеръ въ 1884-мъ году, я имѣлъ бы полное право сказать при послѣднемъ издыханіи: я все земное совершилъ. Далѣе затѣмъ я подвизался во многихъ органахъ, писалъ газетныя рецензіи, журнальныя статьи, имѣя въ виду не столько стремленіе сказать что-нибудь новое, сколько хлѣбъ насущный"... Такой приговоръ критика надъ собой слишкомъ строгъ. Періодъ систематическихъ его фельетоновъ въ „Новостяхъ" былъ временемъ большого его вліянія въ читающей публикѣ. И многія изъ статей, печатавшихся тогда въ журналахъ, по зрѣлости и содержательности не уступаютъ болѣе раннимъ. Затѣмъ, въ это время вышли въ отдѣльныхъ изданіяхъ въ 1890 г. его „Сочиненія", въ двухъ томахъ, и „Исторія Новѣйшей литературы", впослѣдствіи выдержавшая семь изданій; въ 1892 г.— „Очерки по исторіи русской цензуры".

Большой разницы между началомъ и концомъ его писательской дѣятельности не чувствуется. Первоклассннаго мѣста въ литературѣ, ни какъ историкъ ея, ни какъ критикъ, онъ не занималъ. Чисто научное значеніе работъ его невелико. Онъ рѣдко имѣлъ дѣло съ первоисточниками, почти всегда пользуясь матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ; онъ не внесъ въ свои литературные труды какихъ-нибудь новыхъ, оригинальныхъ идей. Какъ критику, ему недоставало, съ одной стороны, яркости темперамента и эстетической чуткости, съ другой—прочнаго философскаго фундамента, придававшаго такой блескъ дѣятельности Бѣлинскаго, Майкова, Добролюбова, Писарева. Но, не отличаясь большой оригинальностью, А. М. всегда умѣлъ быть независимымъ и самостоятельнымъ въ своихъ критическихъ сужденіяхъ. Онъ хорошо умѣлъ разбираться въ чужихъ взглядахъ, излагать ихъ и подводить итоги. Напримѣръ, статья: „Сорокъ лѣтъ русской критики" даетъ очень кропотливые,

добросовѣстные итоги. Опредѣленное, хорошо выдержанное и очень искреннее настроеніе придавало его статьямъ силу и убѣдительность. Этимъ объясняется его большое вліяніе—не на одно, а на цѣлый рядъ поколѣній.

Какъ критикъ, А. М. былъ ученикомъ Добролюбова—типичнымъ критикомъ-публицистомъ. Исходнымъ его пунктомъ для оцѣнки литературныхъ произведеній всегда была общественность, но это не мѣшало ему цѣнить талантъ—даже въ противникахъ. Узкою тенденціозностью онъ не отличался. „Промахи" его въ критикѣ чаще проистекали отъ недостатка эстетической тонкости, чѣмъ отъ избытка тенденціозности. Но у кого не бываетъ промаховъ?..

Самоопредѣленіе Скабичевскаго, какъ „семидесятника", можно принять только въ томъ случаѣ, если подъ 70-ми годами понимать лишь начало ихъ—то время, когда разрушительная рефлексія еще не коснулась нашего общества. Ни утрированный альтруизмъ, ни крайнее народничество не нашли въ Скабичевскомъ поборника. Душевнаго надлома, окрасившаго 70-ые годы, совершенно въ немъ не замѣтно. Въ его статьяхъ всегда звучитъ бодрость, сочувствіе къ жизни. Фанатизмъ былъ ему чуждъ; своихъ излюбленныхъ идей, идей времени, онъ не доводилъ до крайности—и это, пожалуй, дѣлало его особенно доступнымъ для широкой публики.

Бо̀льшая часть статей Скабичевскаго написана тяжелымъ языкомъ, устарѣвшимъ для нашего времени; въ общемъ, онѣ суховаты. Исключеніе составляютъ очерки, посвященные лицамъ, которыхъ онъ близко зналъ и любилъ, напримѣръ, Добролюбову, Писареву. Въ нихъ критикъ умѣлъ быть даже лиричнымъ... Всѣ, знавшіе А. М. Скабичевскаго, отмѣчаютъ его отзывчивость, добродушіе, корректность и многія другія привлекательныя черты. Человѣкъ въ немъ жилъ въ полной гармоніи съ писателемъ.

Теперь, когда литературные ряды сильно рѣдѣютъ, когда литература переживаетъ кризисъ и въ писательскую среду проникаетъ много случайныхъ элементовъ, имя Скабичевскаго, честнаго идейнаго писателя и *настоящаго литератора*, не можетъ быть называемо равнодушно.

Миръ его праху!

Е. Колтоновская.

ПРОФЕССОРЪ ГЕОРГЪ ЕЛЛИНЕКЪ †

Въ лицѣ Георга Еллинека наука государственнаго права понесла чрезвычайно тяжелую потерю. За послѣднее десятилѣтіе Еллинекъ несомнѣнно занималъ первое мѣсто среди ученыхъ всего міра, трудящихся въ области государствовѣдѣнія. Онъ былъ головой выше всѣхъ современныхъ германскихъ юристовъ-публицистовъ, по той простой причинѣ, что, кромѣ великолѣпнаго юридическаго образованія, обладалъ прекраснымъ образованіемъ философскимъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Отъ этого, правда, страдала догматика; Еллинекъ не любилъ догму права, мало ею занимался, какъ бы отворачиваясь отъ нея даже въ тѣ времена, когда обстоятельства заставляли его преподавать догматическій курсъ. Помню, какъ лѣтомъ 1900 г., за смертью Георга Мейера и при отсутствіи второго государственника въ Гейдельбергѣ, Еллинеку силой необходимости приходилось читать германское дѣйствующее право и какъ онъ открыто тяготился этимъ, нервничалъ даже и злился, говоря, что это отнимаетъ у него драгоцѣнное время и выбиваетъ его изъ колеи его собственной работы (онъ въ то время наносилъ послѣдніе штрихи своего magnum opus: Das Recht des modernen Staates). Объясненіе этому факту просто: догма была узка для Еллинека. Его глубокому уму, какъ современному колоссу-броненосцу въ маленькихъ гаваняхъ, не хватало воды для плаванія. Тѣсныя рамки сдерживали широкій размахъ его мысли, тяготили его своимъ тяжелымъ желѣзнымъ вѣсомъ, какъ гири или цѣпи на ногахъ отшельника или узника. Думается, не простая случайность, что до сихъ поръ не вышелъ второй томъ его солиднѣйшей работы, долженствовавшій заключать въ себѣ догму государственнаго права, не смотря на то, что вотъ уже десять лѣтъ прошло со дня выхода въ свѣтъ перваго тома; Богъ знаетъ, удастся ли друзьямъ и коллегамъ Еллинека издать его въ видѣ посмертнаго труда.

Ученія Еллинека въ полномъ смыслѣ слова были epochemachend и надолго еще останутся такими въ нашей наукѣ; многіе вопросы онъ прямо вверхъ дномъ перевернулъ, многія теоріи навсегда пали подъ его ударами. Какая страшная, непроходимая пропасть отдѣляетъ его, напримѣръ, отъ другого извѣстнаго германскаго государствовѣда, Лабанда! Гдѣ разгадка тому, что Лабандъ никогда не былъ въ состояніи подняться до высотъ, на которыхъ парилъ свободолюбивый умъ Еллинека? Отвѣтъ очень простой: Лабандъ является типичнымъ догматикомъ; въ этой области не превзошелъ его никто, и Еллинекъ охотно усту-

палъ ему здѣсь первенство. Но въ области философіи права, среди общихъ ученій о государствѣ Лабанду вовсе нѣтъ мѣста; ему не хватаетъ философскаго образованія и необходимой широты взгляда. Повторяемъ, среди германской государственной науки въ настоящее время никто, а въ прошедшемъ очень мало кто можетъ быть сравниваемъ съ Еллинекомъ; параллели приходится, пожалуй, искать въ области общей философіи, среди такихъ столповъ, какъ Гегель или Кантъ. Дѣйствительно, со временъ Гегеля ни одинъ ученый не имѣлъ такого вліянія на міровое развитіе науки государствовѣдѣнія, какъ Еллинекъ. Труды послѣдняго составляютъ въ наши дни краеугольный камень публично-правовыхъ семинаріевъ всего цивилизованнаго міра; вы можете ихъ найти не только во всѣхъ уголкахъ европейскихъ государствъ, начиная съ Томска и кончая Лиссабономъ, но и въ Америкѣ Сѣверной и Южной, и во многихъ университетахъ Азіи, Африки и Австраліи; такъ напримѣръ, съ его ученіями основательно знакомы современные японскіе юристы.

Внѣшняя жизнь Еллинека протекла спокойно, безъ какихъ-либо катастрофъ. Происходилъ онъ изъ скромной, но уже давно научно-работавшей еврейской семьи; родился въ 1851-мъ году и въ 1874 г., послѣ окончанія университета, попробовалъ въ Вѣнѣ счастья на пути государственной службы; но уже съ самыхъ первыхъ дней служебная карьера показалась ему явно-тѣсной. Такой выдающійся по своей широтѣ умъ не могъ вмѣщаться въ тѣсныя рамки чиновничьей службы; онъ весьма скоро мѣняетъ ее на благодарную ученую и учебную дѣятельность. Въ 1883-мъ году мы видимъ его уже на каѳедрѣ въ Вѣнѣ; но, по его собственнымъ словамъ, мнѣ какъ-то сказаннымъ, Вѣна не могла его удовлетворить; строгій министерскій контроль, съ одной стороны, расовая борьба и національная обостренность—съ другой, стѣсняли молодого ученаго, не давали ему столь желанной свободы преподаванія и работы. Великимъ удовлетвореніемъ и первымъ внѣшнимъ успѣхомъ явился для него призывъ въ Базель, куда онъ перешелъ въ 1889-мъ году, а слѣдующій, 1890-ый годъ принесъ ему еще гораздо бо́льшую честь—призывъ на ординарную каѳедру въ знаменитый старый Гейдельбергъ, гдѣ ему было суждено коротать свои дни до безвременной смерти. Много разъ затѣмъ, когда имя его уже гремѣло, когда онъ сталъ „знаменитостью", различные университеты, включая и гордый Берлинъ, какъ молодые люди, ухаживающіе за богатой невѣстой, приглашали его къ себѣ; но онъ неукоснительно отклонялъ всѣ подобныя предложенія, предпочитая уютный Гейдельбергъ, гдѣ, окруженный дивной природой, въ тиши провинціальной жизни, онъ могъ всею душой предаваться любимой наукѣ. Не разъ приглашали его и иностранные университеты, считая для

себя честью, чтобы такой ученый прочелъ курсъ лекцій въ ихъ стѣнахъ; но и эти приглашенія Еллинекъ отклонялъ, подъ самыми различными предлогами, и такъ и не читалъ лекцій за предѣлами Германіи, Австріи и Швейцаріи.

Послѣ цѣлаго ряда мелкихъ работъ, Еллинекъ выпустилъ въ свѣтъ, въ 1882 г., свой первый крупный трудъ, произведшій большое впечатлѣніе. „Die Lehre von den Staatenverbindungen" даетъ не только объективный обзоръ теорій государственныхъ соединеній, но и основательную критику ихъ и много новыхъ построеній. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи теоріи Еллинека относительно союзнаго государства (Bundesstaat) и понятія суверенитета, а его теорія реальной уніи и по сей день должна считаться преобладающей въ нашей наукѣ. По нашему крайнему разумѣнію — она единственная правильная. Второй солидный трудъ Еллинека: „Gesetz und Verordnung" вышелъ въ 1887 г.; онъ посвященъ опредѣленію понятія закона и отграниченію его отъ указа. Въ русской наукѣ какъ разъ тому же вопросу посвятилъ свою работу Коркуновъ, съ такимъ же талантомъ защищавшій тотъ же тезисъ. Въ конструкціяхъ монархическаго государства оба труда имѣютъ значеніе и въ наше время; безъ нихъ невозможно обосновать различія монархіи отъ деспотіи. За предѣлами Германіи эта работа Еллинека не играетъ, однако, прежней роли. Затѣмъ, въ 1892 г. появляется его новый трудъ: Das System der subjektiven öffentlichen Rechte". Современныя теоріи государственнаго права очевидно не удовлетворяли ученаго философа. Въ свое время, и въ особенности въ Германіи, „System" произвела колоссальное впечатлѣніе. Старая школа обрушилась на нее всею тяжестью традиціи; защитники ея не могли не чувствовать, что имъ наносится крупный ударъ, отъ котораго нѣкоторые изъ нихъ такъ и не могли оправиться. Если въ наше время значеніе „Системы" уже далеко не такъ велико, если и самъ ея авторъ многое перемѣнилъ и пересмотрѣлъ въ своихъ построеніяхъ, то для исторіи государственнаго права, и главнымъ образомъ для исторіи понятія государства и публичнаго права вообще, работа эта навсегда останется цѣннымъ вкладомъ и большимъ шагомъ впередъ.

Въ 1895 г. Еллинекъ издаетъ небольшую, но богатую содержаніемъ брошюру: „Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte", въ которой изслѣдуетъ исторію знаменитой французской декларацій 26-го августа 1789-го года. Здѣсь Еллинекъ выступаетъ, можно сказать, во всей своей красѣ; всего на 53 страницахъ онъ даетъ блестящую картину, не превзойденную въ нашей наукѣ, историческаго развитія идеи „гражданина и человѣка". Французы, съ Бутми во главѣ, нападали на нее съ яростью, но не смогли сломить ея научнаго значенія. Пусть Еллинекъ допустилъ

ошибки, пусть у него имѣются недомолвки, недосмотры и слишкомъ большія сокращенія—но въ общемъ картина, въ главныхъ своихъ штрихахъ, вѣрна и нарисована рукою мастера. Черезъ годъ появляется новая работа, которой судьба уготовляла еще болѣе блестящее будущее; „Ueber Staatsfragmente"—тоже коротенькая (всего 56 стр.), вошедшая въ юбилейный сборникъ, но и въ ней мы имѣемъ выдающійся по своему значенію научный трудъ. Ее мы считаемъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ міросозерцаніи Еллинека; она представляетъ высшій пунктъ его исканій, его неудовлетворенности современными теоріями понятія государства. Здѣсь особенно ясно сказались преимущества образованія и ума Еллинека. Онъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ исторіей, съ прочими соціальными науками и съ государственно-правовыми фактами развитія не-германскихъ народовъ и обладалъ слишкомъ широкими философскими взглядами, чтобы безропотно принять построенія современной ему германской науки. Лабандъ, Генель, Мейеръ, Цорнъ, Борнгакъ были для него Kabinetsgelehrte, не знавшіе дѣйствительной жизни, не знакомые съ тѣмъ, что происходило по ту сторону германскихъ границъ. „Фрагменты государства" были первой попыткой внести столь необходимые коррективы въ науку о государствѣ, сообразовавъ ее съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, какое необозримое море противорѣчій представляютъ собой Кроатія, Славонія, Финляндія, Канада, съ точки зрѣнія германскихъ опредѣленій государства! И вотъ, могучій умъ Еллинека старается выйти изъ этого лабиринта—и дѣйствительно выходитъ, четыре года спустя, съ изданіемъ „Das Recht des modernen Staates" (т. I, Allgemeine Staatslehre).

Одною изъ величайшихъ заслугъ Еллинека мы считаемъ его способъ изученія конструкцій государства — сравнительно-историческій, основываясь на которомъ онъ не могъ не подмѣтить, что жизнь, со второй половины XIX-го вѣка въ особенности, дала цѣлый рядъ градацій, и притомъ непрерывныхъ, постепенныхъ, между автономной провинціей съ одной стороны и современнымъ государствомъ съ другой. Одну изъ такихъ переходныхъ степеней, не подходившую подъ понятіе государства несувереннаго, Еллинекъ и назвалъ „фрагментомъ" государства, терминъ покуда непревзойденный по яркости, хотя и носящій временный характеръ и ясно указывающій на характеръ того кризиса, который въ наши дни переживаетъ понятіе государства вообще. Въ этомъ же трудѣ Еллинекъ выступаетъ впервые какъ опредѣленный защитникъ бѣдной Финляндіи; впослѣдствіи мы находимъ его имя въ первыхъ рядахъ подписей „pro Finlandia", 1899 г., и протеста германскихъ ученыхъ, 1909 г.

Главный трудъ Еллинека, названный выше—„Das Recht des modernen Staates"—надолго занялъ виднѣйшее мѣсто въ государственно-

правовой литературѣ. Въ немъ мы находимъ уже не только разрушительную критику недостаточныхъ построеній о государствѣ, но и собственную конструкцію автора. Правда, и Еллинеку не удалось освободиться отъ вліянія германской школы, отъ преклоненія передъ всемогуществомъ государства; и для него послѣднее является Deus ex machina, творящимъ право, распоряжающимся всевластно судьбами народа и гражданина; тѣмъ не менѣе, его ученіе составляетъ огромный шагъ впередъ въ сравненіи не только съ Максомъ Зейделемъ, но и съ Лабандомъ, Мейеромъ и др. Недаромъ съ его опредѣленіями считаются не одни нѣмцы, а въ равной мѣрѣ и французы, и американцы, и русскіе, и даже англичане. Крупнѣйшимъ недостаткомъ его ученія несомнѣнно является теорія всемогущества государства, хотя и ослабленная понятіемъ о его „самоограниченіи“.

Значеніе сравнительно-историческаго метода Еллинека сказалось съ неменьшей силой и въ его послѣднихъ трудахъ, небольшихъ, но вѣскихъ; въ 1906 г. вышла брошюра „Verfassungsänderung und Verfassungswandlung“, немного позднѣе—„Der Kampf des alten mit dem neuen Recht“. Обѣ работы свидѣтельствуютъ о томъ, насколько онъ считался съ движеніемъ жизни и былъ au courant того, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о дѣятельности его какъ учителя. Его лекціи и семинаріи собирали слушателей и работниковъ положительно со всего свѣта; рядомъ съ русскими сидѣли японцы, французы, англичане и особенно много американцевъ, да и немалое число представителей другихъ европейскихъ и не-европейскихъ народовъ, большихъ и малыхъ. Работать у него было въ полномъ смыслѣ слова anregend. На лекціяхъ онъ творилъ, создавая тутъ же, на глазахъ у слушателей, свои блестящія юридическія конструкціи. Выйдешь, бывало, изъ аудиторіи — и чувствуешь, что уносишь съ собой цѣлый багажъ новыхъ мыслей. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Еллинекъ черпалъ многое изъ общенія съ иностранцами; его семинаріи, въ которыхъ, какъ въ калейдоскопѣ, проходили передъ нимъ правовоззрѣнія всего цивилизованнаго міра, должны были давать и ему самому обильнѣйшій матеріалъ; недаромъ онъ ихъ такъ любилъ, ученики же отзываются о нихъ съ величайшимъ восторгомъ. Собственной школы Еллинекъ не оставилъ; въ Германіи имѣется одинъ только прямой ученикъ его—малоталантливый Гатчекъ; зато по всему міру разбросано немало молодыхъ ученыхъ, многимъ обязанныхъ ему; вліяніе его на современную государственную науку огромно и, съ увѣренностью можно сказать, еще надолго останется такимъ.

Спи, дорогой учитель, миръ праху твоему; твое имя, какъ и твои идеи, навсегда запечатлѣны въ сердцахъ твоихъ учениковъ.

Бар. С. Корфъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Эпоха Николая I. Изд. т—ва „Образованіе". Москва, 1910.

Большую часть сборника составляетъ пространное изложеніе знаменитой книги маркиза де-Кюстина: „La Russie en 1839". Сочиненіе де-Кюстина—замѣчательный историческій памятникъ, оцѣнка иностранцемъ русской жизни подъ самовластіемъ николаевской эпохи,—по цензурнымъ условіямъ было до сихъ поръ недоступно русской публикѣ. Кюстинъ — человѣкъ опредѣленныхъ аристократическихъ взглядовъ, убѣжденный католикъ—поѣхалъ въ Россію, по его признанію, искать въ ней аргументовъ противъ представительнаго образа правленія въ томъ видѣ, какъ онъ утвердился на Западѣ. Но впечатлѣнія русскаго быта и русскаго абсолютизма отрезвили его. „Нужно пожить въ этой пустынѣ, гдѣ нѣтъ покоя, въ этой тюрьмѣ, гдѣ нѣтъ досуга, зовущейся Россіею, чтобы вполнѣ почувствовать, какою свободою пользуются другія страны Европы"—писалъ де-Кюстинъ въ резюме своей книги. „Когда вашъ сынъ проявитъ недовольство Франціею, воспользуйтесь моимъ рецептомъ, скажите ему: „поѣзжайте въ Россію"... Книга де-Кюстина въ свое время произвела большое впечатлѣніе и за границей, гдѣ, въ качествѣ противоядія ей, было издано оффиціозное произведеніе Н. Греча, и у насъ. Напомнимъ нѣсколько строкъ дневника Герцена, къ сожалѣнію не приведенныхъ ни въ предисловіи редакціи сборника, ни въ изложеніи г. В. Нечаева. „Безъ сомнѣнія, это самая занимательная и умная книга, писанная о России иностранцемъ—отмѣтилъ Герценъ по прочтеніи четвертаго тома, 26 октября 1843-го года.—Есть ошибки, много поверхностнаго, но есть истинный талантъ путешественника, наблюдателя, глубокій взглядъ, умѣющій по нѣсколькимъ образчикамъ догадаться о массѣ. Всего лучше онъ схватилъ искусственность, поражающую на всякомъ шагу, и хвастовство тѣми элементами европейской жизни, которые только и есть у насъ для показа. Есть выраженія поразительной вѣрности: „L'empire des façades, la Russie est policée, non civilisée", и др. Онъ глубоко подловилъ характеръ общества, описывая иронію и грусть его, подавленность и своеволіе; онъ оцѣнилъ національный характеръ—это большое достоинство. Онъ умѣлъ въ грубой, дикой и рабствомъ искаженной физіономіи разглядѣть черты высокихъ свойствъ, прекрасныхъ надеждъ и намековъ... Тягостно вліяніе этой книги на русскаго, голова склоняется на грудь

и руки опускаются; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного мѣста"... „Книга эта дѣйствуетъ на меня какъ пытка — записалъ далѣе Герценъ 10 ноября,—какъ камень, приваленный къ груди; я не смотрю на его промахи, основа воззрѣнія вѣрна; и это страшное общество и эта страна—Россія. Его взглядъ оскорбительно много видитъ. Какъ вѣрно сказалъ онъ: la pensée inutile s'envenime dans l'âme qu'elle empoisonne faute d'autre emploi".—Книга, такъ поразившая русскихъ людей, и теперь далеко не устарѣла. Къ сожалѣнію, — вѣроятно, по поставленнымъ редакціи рамкамъ объема, — изложеніе, хотя и слѣланное въ порядкѣ путешествія и съ переводомъ многихъ интересныхъ мѣстъ, страдаетъ нѣкоторою отвлеченностью: оно передаетъ преимущественно выводы и разсужденія Кюстина, комкая сообщаемые имъ конкретные факты. Какъ бы ни было, за отсутствіемъ чего-либо другого, для не читавшихъ Кюстина въ подлинникѣ и появившееся изложеніе представляетъ выдающійся интересъ. Можетъ-быть, было бы умѣстно сопроводить изложеніе Кюстина и выдержками изъ книги Греча. „Гречева защита государя противъ Кюстина—фактъ поразительный,— писалъ тотъ же Герценъ;—она обвиняетъ правительство гораздо хуже Кюстина тономъ апологіи и тѣмъ, что̀ она хвалитъ. Явная ложь, наглыя презрительныя ссылки на дѣла всѣмъ извѣстныя и представленныя совсѣмъ иначе; рабскій, холопскій взглядъ и дерзкая фамиліарность, для того выставленная, чтобы показать нашу удивительную патріархальность относительно государя. Онъ его трактуетъ comme un de ses amis. Есть страницы, поражающія цинизмомъ раба, потерявшаго всякое уваженіе къ человѣческому достоинству... Такое оправданіе—кара (для правительства)"... Вмѣсто выдержекъ изъ книги Греча данъ, нѣсколько случайно, отрывокъ изъ дневника А. О. Смирновой, рисующій до извѣстной степени нравы николаевскаго двора. Къ книгѣ приложены портретъ Николая I, факсимиле страницы дневника Смирновой и воспроизведеніе нѣсколькихъ рисунковъ (съ литографіи 50-хъ годовъ), весьма комически изображающихъ провинціальный чиновный бытъ.

— Ясная Поляна. Жизнь Л. Н. Толстого. Альбомъ, исполненный фото-типтогравюрой. Цѣна не обозначена.

— Послѣдніе дни Льва Николаевича Толстого. Спб. Книгоиздательство „Воскресеніе". Цѣна 1 р. 25 коп.

Названный выше альбомъ даетъ 41 снимокъ, формата большой страницы журнала, преимущественно изъ послѣднихъ лѣтъ жизни Л. Н., нѣсколько портретовъ его, его семьи, картинъ его домашней

обстановки, видовъ „Ясной Поляны" и пр. Все это, большею частью, очень хорошо извѣстно по многочисленнымъ снимкамъ въ журналахъ, газетахъ и на почтовыхъ карточкахъ, но, недурно воспроизведенное и собранное вмѣстѣ, перелистывается съ особымъ чувствомъ. Приложены къ альбому факсимиле начала рукописи одной изъ редакцій „Войны и Мира" и четыре снимка, имѣющихъ отношеніе къ кончинѣ Л. Н.

„Послѣдніе дни". Л. Н. Толстого представляютъ спѣшную спекулятивную сводку случайнаго, на живую нитку сшитаго матеріала. Здѣсь даны портретъ Толстого, біографическій очеркъ и выдержки изъ газетъ, передающія различныя подробности послѣднихъ дней, кончины и погребенія Толстого, а также перепечатки статей и замѣтокъ различныхъ лицъ по поводу этихъ событій. Компиляторъ или компиляторы, скромно скрывшіе свое имя, свели въ дружескій кругъ людей всѣхъ партій и убѣжденій, отъ Короленка, Златовратскаго и Тана до кн. Мещерскаго, Суворина и Меньшикова. Увѣренія компиляторовъ, что „фактическій матеріалъ подвергся—насколько было возможно—строгой повѣркѣ", повидимому, весьма неосновательно; напр., мы не нашли даже полнаго воспроизведенія извѣстнаго протокола, составленнаго пользовавшими Л. Н. врачами: данныя протокола переплетены съ неизвѣстно чьими сообщеніями. О необходимой, для будущаго историка этихъ дней, библіографіи нѣтъ и помина: гдѣ и какъ кто что печаталъ не указано. Можно только пожелать, чтобы эта спекуляція была поскорѣе вытѣснена съ книжнаго рынка болѣе серьезной работой.

— Академическая библіотека русскихъ писателей. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томы 2 и 3. Изд. Разряда изящной словесности Импер. Академіи Наукъ.

Новые два тома „академическаго" Лермонтова, подъ редакціей проф. Д. И. Абрамовича, изданы съ тѣмъ же изяществомъ и тщательностью, съ тѣми же великолѣпными снимками и т. п., что и первый. Конечно, это изданіе ляжетъ въ основаніе послѣдующихъ популярныхъ изданій поэта и многихъ работъ о немъ. Второй томъ содержитъ стихотворенія, начиная съ 1832-го года. Третій—драматическія сочиненія. Ничего существенно новаго, неизвѣстнаго уже читателямъ и изслѣдователямъ, эти томы не даютъ, если не считать отдѣльныхъ черновыхъ варіантовъ, воспроизводимыхъ съ рукописей и иногда довольно обширныхъ (напр. варіанты къ „Сашкѣ" и къ „Демону").—Ч. В—скій.

— А. Тыркова (А. Вергежскій). Ночью. Спб.

Романъ г-жи Тырковой задуманъ интересно. Вниманіе автора устремлено въ сторону двухъ вопросовъ, которые вчера еще такъ сильно волновали общество: революція и семья, точнѣе — положеніе женщины по отношенію къ мужчинѣ вообще, и мужу въ частности. Взята хорошая, но, въ сущности, средняя, и потому, съ бытовой точки зрѣнія, особенно поучительная пара. Мужъ — дѣльный и любящій свое дѣло хирургъ, умный, сердечный, энергичный; жена — красивая и далеко не пустая женщина, съ большими психологическими возможностями. Бракъ заключенъ по искренней и горячей любви, но мужъ мало-по-малу затягивается въ свое любимое дѣло и, продолжая всѣмъ сердцемъ любить жену, не имѣетъ уже возможности удѣлять ей достаточно ни времени, ни вниманія. Понемногу ея внутренній міръ совершенно ускользаетъ изъ поля его зрѣнія и, прежде чѣмъ онъ успѣваетъ это замѣтить, захваченный кипучимъ водоворотомъ любимой работы, жена психологически уходитъ отъ него и томится безсодержательностью, сѣростью своего существованія. Создается удушливая атмосфера, тяжелая для обоихъ; и мужъ уже видитъ, что творится нѣчто неладное, но ни онъ, ни она не умѣютъ проломить выросшей между ними стѣны. Положеніе осложняется страстно влюбляющимся въ жену адвокатомъ, который волнуетъ ее своею страстью, гипнотизируетъ силой своей рѣдкой энергіи. Въ моментъ, когда отношенія этихъ трехъ лицъ пребываютъ еще въ состояніи полной неопредѣленности, вторгается новый, могущественный факторъ: мужа арестуютъ по подозрѣнію въ причасгности къ политическому террору. Онъ, въ сущности, совершенно чуждъ политики, когда-то, гдѣ-то, съ кѣмъ-то встрѣчался, но давно уже утратилъ реальныя связи съ движеніемъ, сохранивъ только чисто человѣческую симпатію къ борющимся за свободу и гадливую антипатію къ представителямъ давящей силы. Изъ этихъ именно инстинктивныхъ побужденій онъ принялъ на храненіе оболочки для бомбъ, не задумываясь даже надъ тѣмъ, что такимъ образомъ онъ становится участникомъ убійства, хотя *всякое* насиліе, *всякое* пролитіе крови абсолютно непріемлемо для его чувства. Періодъ заключенія является горниломъ испытанія и для мужа, и для жены. За это время имъ приходится сосредоточенно передумать и перечувствовать все то, что до сихъ поръ только скользило по ихъ сердцу и сознанію, смутно тревожило, по временамъ томило, но дробилось въ перебояхъ жизни, не получало исчерпывающаго напряженія и органическаго разрѣшенія. При этомъ личные и общественные мотивы сплетаются въ одно органическое цѣлое. Потрясенный глубокимъ переживаніемъ политической трагичности момента, мужъ начинаетъ яснѣе видѣть и

трагизмъ своей семейной жизни. Глубоко взволнованная, интенсивно переживающая свои личные вопросы, жена подходитъ вплотную къ пониманію общественнаго инстинкта, какъ элемента, существеннаго для полнаго раскрытія личности. Результатъ искуса не сводится г-жей Тырковой ни къ какимъ формуламъ, ни къ какимъ догматическимъ утвержденіямъ. Итогъ романа — лишь углубленіе чувства и сознанія у дѣйствующихъ лицъ. Послѣ того, что они пережили, для нихъ уже невозможно по прежнему скользить по жизни, повинуясь смутнымъ инстинктамъ, не давая себѣ отчета ни въ себѣ самихъ, ни другъ въ другѣ, ни въ окружающей дѣйствительности. Если прежде ихъ жизнь могла попасть въ какое-нибудь случайное, шаблонное русло, — мирное или бурное, безразлично, — если прежде, подъ покровомъ психологическаго тумана, въ ихъ существованіе вторгалась на каждомъ шагу ложь, незамѣтно прокрадывались принижающіе инстинкты, все шло на компромиссахъ, калѣчащихъ душу больше, чѣмъ смѣлыя ошибки, даже чѣмъ преступленія; теперь они и хотятъ, и уже умѣютъ быть вдумчивыми, зрячими, искренними. Начинается новая жизнь, исканіе глубокихъ, правдивыхъ и потому внутренне убѣдительныхъ психологическихъ основаній для всяческихъ поступковъ и отношеній, и крупныхъ, и повседневныхъ, прежде всего—для ихъ союза: формальный бракъ ни къ чему не обязываетъ и ничего не благословляетъ, также точно какъ и простое физическое влеченіе. Надо, параллельно съ этимъ, отчетливо опредѣлить и свой долгъ по отношенію къ общей, общественной жизни, опираясь на глубокое и строгое познаніе и себя, и общества. Толчокъ для этой работы данъ, силы есть. Итакъ, въ путь!

Вотъ основа романа, написаннаго языкомъ легкимъ, свободнымъ, не лишеннымъ красочности и выразительности. И въ психикѣ, и во внѣшнемъ обликѣ людей авторъ многое схватываетъ тонко и мѣтко. Но общая архитектура романа не безупречна: г-жа Тыркова часто сосредоточиваетъ вниманіе на случайныхъ деталяхъ—и, наоборотъ, перекидываетъ легкія аркады тамъ, гдѣ хотѣлось бы попристальнѣе вглядѣться въ ходъ психологическаго или идейнаго развитія.—С. А—въ.

— Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Тт. I и V. Спб., 1911. Ц. 1 р. и 1 р. 50 к.

С. А. Венгеровъ предпринялъ большой трудъ — изданіе своихъ многочисленныхъ сочиненій. Пока вышло два тома—первый, заключающій три критико-психологическихъ этюда, и пятый, въ которомъ помѣщены три обширныхъ статьи: о Дружининѣ, Гончаровѣ и Писемскомъ. Для писательской индивидуальности Венгерова болѣе характеренъ первый томъ, въ которомъ два этюда—„Основныя черты новѣй-

шей литературы" и „Героическій характеръ русской литературы"— подробно излагаютъ взгляды автора на задачи нашей литературы. Первый изъ этихъ очерковъ уже появлялся въ печати, а второй недавно написанъ и печатается впервые.

Отличительныя черты С. А. Венгерова, какъ критика, — большая терпимость, широта точки зрѣнія и чуткость. Онѣ особенно сказываются, когда рѣчь идетъ о писателяхъ „молодыхъ". Случается, что настроеніе писателя совершенно чуждо Венгерову, что онъ рѣзко расходится съ писателемъ во вкусахъ и взглядахъ; но если онъ видитъ передъ собой крупную литературную силу или даже просто талантъ, симпатія критика всегда на его сторонѣ, и даже больше чѣмъ симпатія—какая-то особенная заботливая нѣжность; онъ готовъ отстаивать новоявленный талантъ, содѣйствовать ему и всегда ревниво слѣдитъ за дальнѣйшимъ его развитіемъ. Возможно, что это— черта не критика, а историка литературы. Историкъ литературы несомнѣнно преобладаетъ въ Венгеровѣ надъ критикомъ. Онъ рѣдко позволяетъ себѣ до конца высказать, что думается и чувствуется по поводу того или другого писателя; онъ спѣшитъ, съ чисто научною точностью, опредѣлить его художническую природу, всѣ оттѣнки его творчества, и поставить этого писателя въ связь съ другими представителями литературы, включить въ общую литературную цѣпь. По умѣнью производить такія операціи и по литературной освѣдомленности, Венгерову не было и нѣтъ у насъ равнаго. Онъ не только знатокъ русской литературы, онъ какъ бы ея хозяинъ. Вся она, въ прошломъ и настоящемъ, будто прошла передъ его глазами, пытливыми и внимательными, все замѣчающими и помнящими. Вотъ почему первое изданіе его сочиненій представляется мнѣ крупнымъ событіемъ. Его книги одинаково нужны всѣмъ—какъ широкой читающей публикѣ, такъ и людямъ литературы.

Основнымъ настроеніемъ русской литературы С. А. Венгеровъ считаетъ „призывъ къ подвигу и непріятіе міра". Этимъ глубокимъ и неизсякающимъ моральнымъ началомъ русская литература отличается отъ своихъ западныхъ сосѣдокъ, въ этомъ—ея несравненное величіе и красота. Детальнымъ, тончайшимъ анализомъ С. А. Венгеровъ показываетъ, какъ русская литература всегда оставалась вѣрна высокимъ моральнымъ завѣтамъ, которые впервые опредѣленно формулировалъ Бѣлинскій. Идеалистически - неутомимыя и беззавѣтно искреннія „исканія смысла жизни", это—основной нервъ творчества русскихъ писателей. Его нетрудно открыть у всѣхъ настоящихъ представителей русской литературы, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ оболочекъ—начиная съ наиболѣе близкаго, по „нетерпимости", къ Бѣлинскому Некрасова и кончая мнимыми матеріалистами 60-хъ

годовъ, современными модернистами и вѣхистами. Характерно, что субъективно, какъ человѣкъ своего поколѣнія, С. А. Венгеровъ вполнѣ раздѣляетъ жестокія нападки на „Вѣхи“, но какъ для историка литературы, для него „Вѣхи“—„только новая форма исконнаго великаго устремленія русской интеллигентской души къ подвигу“.

Очеркъ „Героическій характеръ русской литературы“, затрагивающій наиболѣе дорогую для С. А. Венгерова идею, написанъ съ особеннымъ подъемомъ.

— Ив. Бунинъ. Деревня. М. 1910 г. Московск. книгоизд. Ц. 1 р. 25 к.

Повѣсть И. А. Бунина прежде всего любопытна, какъ общественный документъ. Будущій историкъ русской общественности навѣрно отнесется къ ней съ большимъ интересомъ. Это не просто деревня, описанная суховато—не то холодно, не то сдержанно, но несомнѣнно правдиво, съ большою освѣдомленностью; это—интеллигентская исповѣдь, какихъ такъ много появляется въ наши дни. И тонъ ея, и поводъ, и конечные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, очень характерны. Трезвость и критицизмъ, стремленіе къ коренной провѣркѣ и анализу — типичныя черты нашихъ современниковъ. Онѣ вполнѣ естественны; противъ нихъ, по существу, ничего нельзя бы возразить. Но общественныя обстоятельства сложились такъ, что эти нормальныя черты приняли болѣзненный и односторонній характеръ. Трезвость привела къ пессимизму, критицизмъ — къ самоотрицанію. Деревня — для Бунина лишь поводъ излить свои чувства разочарованнаго и оскорбленнаго „русскаго человѣка“. Онъ ее превосходно знаетъ—не только наблюдалъ ее, но, по всей вѣроятности, изучалъ. Но въ его приговорахъ надъ ней постоянно чувствуются болѣе широкія обобщенія—приговоры надъ русской жизнью вообще, характеристика русскаго народа, какъ цѣлаго. Выразителями авторскаго пессимизма въ повѣсти являются два брата Красовы, полу-крестьяне, полу-мѣщане. „Дикій мы народъ, сонный, расхлябистый. Ни Богу свѣча, ни чорту кочерга“... заявляетъ одинъ изъ братьевъ, Кузьма—по его собственному опредѣленію, „странный русскій типъ“. *Странность* Кузьмы — въ томъ, что онъ, при многихъ богатыхъ задаткахъ, высокихъ порывахъ и большомъ запасѣ самокритики, не достигъ ничего, не нашелъ своего мѣста въ жизни и занимается только философствованіемъ, вѣрнѣе—брюзжаніемъ. Недовольство собой онъ переноситъ на все окружающее и въ отрицаніи русской жизни заходитъ очень далеко. Когда-то, въ городѣ, этотъ Кузьма былъ даже немножко „славянофиломъ“ и въ спорахъ съ базарнымъ мудрецомъ Балашкинымъ доказывалъ, что русскій народъ—

не „какой-нибудь“, а „великій“ народъ, давшій великую литературу. Но по возвращеніи въ деревню и, особенно, послѣ разочаровывающихъ впечатлѣній отъ деревенской „политики“, Кузьма дѣлается убѣжденнымъ пессимистомъ. „Пора бы и постыдиться все на сосѣда вину валить! Татаре, видишь ли, задавили! Мы, видишь ли, народъ молодой! Да вѣдь авось и тамъ-то, въ Европѣ, тоже давили немало—монголы-то всякіе“... Тихонъ—болѣе практическій отрицатель, но тоже непримиримый, хотя и склоненъ иногда возражать брату. Онъ негодуетъ на то, что „хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь“, что мужики не умѣютъ пахать—„единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать“, что „черноземъ на полтора аршина, а пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода“... Для обоихъ братьевъ „иныя страны“, по сравненію съ Россіей, представляются землей обѣтованной, гдѣ все благообразно, все по-человѣчески. Русская деревня для нихъ такое мѣсто, о которомъ только и можно сказать: „Спаси, Господи, и помилуй, вынеси меня отсюда поскорѣе!“ Ни настоящаго, ни будущаго нѣтъ у русскаго народа. Тупость и глупость, грязь и нищета, варварство и жестокосердіе, полнѣйшее вырожденіе, царство готтентотовъ и гориллъ—такъ увѣряютъ оба брата. Страшна картина, нарисованная Бунинымъ, а между тѣмъ ей чего-то не хватаетъ, чтобы дѣйствительно испугать. Не хватаетъ большой внутренней основной правды, какъ всей повѣсти—творческаго огня. Отдѣльныя частности въ ней превосходны—не только правдиво и тщательно выписаны, но и художественно убѣдительны; но *цѣлаго*, естественно выросшаго у автора обобщенія—нѣтъ. Правда Бунина о деревнѣ—его субъективная правда; она воспринимается, какъ его личное и при томъ преходящее настроеніе, а не реальная пугающая дѣйствительность. Болѣе спокойно настроенный читатель, пройдя вслѣдъ за Кузьмой по всѣмъ ужаснымъ этапамъ деревенской жизни, едва ли раздѣлитъ всѣ его безотрадные выводы. Онъ приведетъ тѣ же возраженія, которыя Кузьма самъ когда-то дѣлалъ въ спорахъ съ базарнымъ вольнодумцемъ: „а угодники, мученики? а писатели?..“ Они выходили и выходятъ изъ того же будто бы вырождающагося народа, у котораго, по мнѣнію Кузьмы, нѣтъ ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго.

Повѣсть Бунина написана съ большимъ мастерствомъ — классически-яркимъ, точнымъ и образнымъ языкомъ. Безъ сомнѣнія, это одно изъ самыхъ выдающихся произведеній послѣдняго времени. Но оно даетъ гораздо больше матеріала для пониманія современной интеллигентской психологіи, чѣмъ для характеристики деревенскаго быта.

Е. Колтоновская.

— Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій, томъ третій: Л. Н. Толстой. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

III-ій томъ соч. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго посвященъ Толстому. Онъ составился изъ книги: „Левъ Толстой, какъ художникъ“, 1899 г., статей, печатавшихся въ журналѣ „Жизнь“ за 1900 г. и, наконецъ, нѣкоторыхъ добавленій, появляющихся теперь впервые въ печати. Въ такомъ видѣ эта монографія производитъ впечатлѣніе совершенной новизны и единства идеи и выполненія. Поставивъ себѣ задачу—изучить художественный геній Толстого, авторъ далъ гораздо больше: характеристику ума и натуры Толстого, разработанную на основаніи обширнаго біографическаго и автобіографическаго матеріала. Она представляетъ собою очень яркій аргументъ въ пользу основного положенія проф. Овсянико-Куликовскаго—что художественное творчество Толстого, *по источникамъ* субъективное, *въ результатъ*, въ *своихъ продуктахъ* представляетъ высокую объективную цѣнность. Авторъ очень внушительно иллюстрируетъ эту мысль, анализируя типы, созданные Толстымъ. Въ нихъ онъ видитъ художественное воплощеніе явленій соціально-классовой психологіи. „Художественная критика“ обращается у него въ очень интересный соціально-психологическій этюдъ. На примѣрѣ типовъ Толстого, истолкованныхъ тонкимъ психологомъ и соціологомъ, приступившимъ къ нимъ съ вѣскимъ запасомъ опредѣленныхъ принциповъ и строгихъ методовъ, мы получаемъ изслѣдованіе сложнаго вопроса о психологической природѣ общественныхъ классовъ, о соотношеніи въ ихъ средѣ индивидуальности и цѣлаго, а также много очень яркихъ мыслей, проливающихъ свѣтъ на соціологическое и соціально-психологическое трактованіе проблемы индивидуальности. Въ методологическомъ отношеніи это очень полезно, устраняя массу ненужныхъ вопросовъ, въ родѣ пресловутой проблемы о соотношеніи среды и индивидуума: соціально-психологическій *методъ* снимаетъ этотъ вопросъ, оперируя съ индивидуумомъ, какъ функціей соціальнаго цѣлаго, нисколько ему не противоположнаго. Обычная же точка зрѣнія вноситъ методологическую путаницу въ соціально-психологическое изслѣдованіе именно тѣмъ, что понятіе индивидуума образуетъ съ индивидуально-психологической точки зрѣнія и не соблюдаетъ границъ, внѣ которыхъ изслѣдованіе явленій соціальной жизни обращается въ изслѣдованіе результатовъ терминологической и методологической путаницы. Вслѣдствіе этого возникаютъ ложныя и ненужныя проблемы, передъ которыми приходится склоняться съ неискреннимъ ignorabimus на устахъ и плодить на дѣлѣ томы пустыхъ „соціологическихъ“ трактатовъ. Въ соціально-психологической постановкѣ указанныхъ вопросовъ проф. Овсянико-Куликовскій примыкаетъ къ тому западному теченію обществознанія, которое представлено

именами Дюркгейма, Дючи и др. „соціологовъ" французской школы, а также Зиммелемъ и отчасти Штаммлеромъ (о понятіи общества). Еще, можетъ-быть, тѣснѣе связь автора со старой школой „Völkerpsychologie", представленной Лацарусомъ и Штейнталемъ.

Помимо той цѣнности, какую представляетъ данная книга въ литературѣ о Толстомъ, она займетъ очень почетное мѣсто въ русской соціально-психологической литературѣ, на ряду съ этюдами г. Франка. Она представляетъ собою отчасти детализацію, отчасти развитіе нѣкоторыхъ положеній классическихъ работъ Зиммеля о соціальной дифференціаціи. Для лицъ, интересующихся проблемами соціальнаго познанія, она является очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Творчество Толстого не изслѣдовано здѣсь съ исчерпывающею полнотою: оставлены въ сторонѣ его женскіе типы, представляющіе высокій интересъ и цѣнность, и лишь вскользь и примѣнительно къ основной задачѣ затронуто морально-религіозное творчество Толстого. Въ предпринятой авторомъ переработкѣ небольшого этюда о Толстомъ, вышедшаго въ 1908 г., мы получимъ, вѣроятно, восполненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ пробѣловъ, образовавшихся вслѣдствіе методологическихъ соображеній.—Т. Райновъ.

— А. Морской. Исходъ россійской революціи 1905 г. и правительство Носаря. Москва, 1911. Ц. 50 коп.

Кѣмъ написана эта книжка—это вопросъ, по нашему мнѣнію, менѣе чѣмъ второстепенной важности; съ какою цѣлью она написана—это довольно ясно, но не этимъ обусловливается небольшой (очень небольшой) интересъ, который она представляетъ. Событія 1905-го года освѣщены еще такъ мало, что не лишено значенія всякое свидѣтельство, къ нимъ относящееся, хотя бы безпристрастіе его и было болѣе или менѣе сомнительно. Въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ, напримѣръ, вниманія разсказъ г. Морского о происходившемъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4-го ноября 1905-го года. Сужденія автора гораздо менѣе цѣнны, чѣмъ нѣкоторыя изъ его фактическихъ сообщеній. Находя, не безъ основанія, что съ обнародованія манифеста 17-го октября началось „разслоеніе" объединенныхъ до тѣхъ поръ оппозиціонныхъ элементовъ, онъ сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы показать, какъ искусно правительство гр. Витте воспользовалось этимъ для торжества надъ крайними элементами—но оставляетъ въ сторонѣ вопросъ, съ равною ли энергіею и равнымъ ли успѣхомъ была проведена другая задача, выпавшая на долю перваго конституціоннаго министерства: осуществленіе обновленнаго государственнаго строя. А между тѣмъ, обѣ задачи были тѣсно связаны одна съ дру-

гою: предотвращеніе дальнѣйшей смуты должно было стать предпосылкой мирнаго строительства — мирнаго въ полномъ смыслѣ этого слова, совершающагося безъ насилія, безъ правонарушеній. Еслибы г. Морской захотѣлъ хоть нѣсколько раздвинуть свое поле зрѣнія, даже не выходя за предѣлы послѣднихъ мѣсяцевъ 1905-го года, онъ долженъ былъ бы показать, въ какой степени было необходимо объявленіе военнаго положенія въ царствѣ польскомъ, двѣ недѣли спустя послѣ манифеста 17-го октября, и чѣмъ оправдываются карательныя экспедиціи, предпринятыя, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ прибалтійскомъ краѣ и подъ Москвою. „Графъ Витте"—говоритъ г. Морской—„былъ врагъ пролитія крови въ междоусобной войнѣ". Очень можетъ быть; но чтобы убѣдить въ этомъ читателей, нужно было бы объяснить фактъ пролитія крови *послѣ* прекращенія мятежныхъ дѣйствій.

Несвободно изложеніе г. Морского отъ неточностей и ошибокъ. Упоминаніе (на стр. 94) о *берлинскомъ* чартистскомъ конгрессѣ 1839-го года—конечно, не болѣе какъ опечатка; lapsus pennae, вѣроятно, и то мѣсто книги (стр. 28), гдѣ высылка члена Госуд. Совѣта кн. Вяземскаго отнесена къ 28-му ноября 1904-го года, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она состоялась послѣ безпорядковъ на Казанской площади 4-го марта 1901-го года. Болѣе серьезны другія уклоненія отъ дѣйствительности. По словамъ автора, автономія высшихъ учебныхъ заведеній, вслѣдъ за опубликованіемъ указа 27-го августа, „претворила ихъ, произволеніемъ академической молодежи, въ очаги революціи" (стр. 95). На самомъ дѣлѣ обращеніе высшихъ учебныхъ заведеній, въ сентябрѣ и началѣ октября 1905-го года, въ мѣста для митинговъ зависѣло не отъ автономіи, не отъ „произволенія" учащихся, не отъ воли учащихъ, а отъ бездѣйствія правительства, только 13-го октября издавшаго особыя правила объ общественныхъ собраніяхъ, послѣ чего администраціею, сознававшею, при возбужденномъ состояніи населенія, ихъ неизбѣжность, могли быть указаны и подходящія для нихъ мѣста. „Достаточно было правительству" — читаемъ мы на стр. 100-й — „опредѣлительно и ясно показать, что актомъ 17-го октября исчерпывается та сумма вольностей, которая даруется обществу, и что это предѣлъ, его же не прейдеши, какъ постепенно резолюціи общеземскихъ съѣздовъ, сильно полѣвѣвшія подъ вліяніемъ преобладанія на нихъ болѣе радикально настроенныхъ земцевъ, стали сходить на нѣтъ, и требованія учредительнаго собранія, автономіи окраинъ, всеобщаго тайнаго и равнаго избирательнаго права и пр. стали постепенно все болѣе и болѣе замирать". Здѣсь невѣрно, во-первыхъ, то, что „опредѣлительно и ясно" *сумма вольностей* въ манифестѣ 17-го октября вовсе установлена не была; на оборотъ, указаны были только самыя общія линіи новаго строя. Во-вторыхъ, един-

ственный общеземскій съѣздъ (ноябрьскій), происходившій послѣ 17-го октября, вовсе не сходилъ съ почвы, на которой стояли ему предшествовавшіе, да и все существенное изъ заявленныхъ съѣздами пожеланій вошло въ составъ адреса первой Государственной Думы.—К. А.

— Карлъ Федернъ. Данте и его время. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Спасской подъ редакціей М. Н. Розанова, приватъ-доцента Московскаго университета. (Библіотека для самообразованія. Иллюстрированная серія. 1.). 1911 г.

Литература о Данте весьма скудно представлена на русскомъ языкѣ. Кромѣ цѣннаго этюда покойнаго академика Александра Веселовскаго — „Данте и символическая поэзія католичества"—можно назвать лишь переводы извѣстныхъ, но частью уже устарѣвшихъ сочиненій Вегеле, Саймондса, Скартаццини. И потому можно привѣтствовать новую книгу, посвященную безсмертному творцу „Божественной Комедіи" и его времени. Книга Федерна вышла по-нѣмецки еще въ 1899 г. и вскорѣ была переведена на англійскій и итальянскій языки. Этотъ успѣхъ объясняется талантливымъ и популярнымъ изложеніемъ большого и сложнаго сюжета, мастерскимъ умѣньемъ нарисовать грандіозный портретъ великаго итальянскаго поэта на общемъ культурно-историческомъ фонѣ и ввести начинающаго читателя въ сокровищницу Дантовскаго генія. Книга Федерна не только даетъ необходимыя первоначальныя свѣдѣнія, но и прекрасно намѣчаетъ дальнѣйшіе пути болѣе пристальнаго, углубленнаго знакомства. Первая часть книги является какъ бы введеніемъ къ жизнеописанію Данте, изображая различныя стороны средневѣковой культуры. Недостатокъ мѣста и широкій охватъ темы заставляютъ автора давать здѣсь иногда слишкомъ общее, слишкомъ бѣглое опредѣленіе выдающагося событія или крупнаго явленія. Такъ, въ первой и второй главахъ („Паденіе античнаго міра" и „Новый нравственный идеалъ") слишкомъ одностороння и мрачна характеристика культуры средневѣковья, въ противоположность излишне идеализированной античности. Главы о политическомъ идеалѣ и о соціальныхъ условіяхъ страдаютъ краткостью и чрезмѣрной общностью исходныхъ положеній. Въ главѣ о Гогенштауфенахъ очень удачной вышла характеристика Фридриха II, этого вольнодумца на тронѣ цезарей; но не мѣшало бы болѣе подробно остановиться на культурѣ его времени, на культурѣ его сицилійскаго королевства, во многомъ служащей предшественницею ранняго Ренессанса. Вполнѣ на мѣстѣ главы о провансальскихъ трубадурахъ (съ интересными стихотворными образцами), объ итальянской поэзіи и о францисканцахъ; прекрасенъ и цѣленъ очеркъ Флоренціи — дивной колыбели Данте. Вторую часть

книги составляетъ рядъ главъ, непосредственно трактующихъ о Данте. Послѣ общей оцѣнки творчества Данте, гдѣ проводятся интересныя параллели съ творчествомъ Шекспира и Гёте, слѣдуетъ глава о юности великаго поэта. Яркія и образныя страницы посвящены чарующей сказкѣ жизни геніальнаго флорентійца—его отношеніямъ къ Беатриче. Словно сотканный изъ грёзъ и обвѣянный благоуханіями предстаетъ передъ нами этотъ дивный образъ; прекраснымъ дополненіемъ къ изложенію служатъ интересно подобранныя иллюстраціи, особенно чудныя созданія Данте Габріеля Россетти. Хорошо составлены главы „Данте и Флоренція“ и „Данте въ изгнаніи“, хотя можно было бы больше сказать о политическихъ идеалахъ Данте, особенно объ его знаменитомъ трактатѣ „De monarchia“. Замыкаетъ трудъ Федерна глава о „Божественной Комедіи“, слишкомъ краткая, особенно если принять во вниманіе обиліе иллюстрацій, почти исключительно затрогивающихъ сюжеты „Божественной Комедіи“. Правда, задача этой главы—лишь вызвать интересъ, а далѣе должно начаться уже непосредственное знакомство съ геніальнымъ міровымъ созданіемъ.

Переводъ выполненъ прекрасно. Русское изданіе книги Федерна, украшенное 271 превосходно выполненными иллюстраціями, не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ изданіямъ.—И. Бороздинъ.

— Вернеръ Зомбартъ. Евреи и ихъ участіе въ образованіи современнаго хозяйства. Спб., 1910.

— И. Шипперъ. Возникновеніе капитализма у евреевъ Западной Европы (до конца XII вѣка).

Двѣ вышеназванныя книжки представляютъ интересъ прежде всего какъ матеріалъ для экономической исторіи цивилизованныхъ странъ. Но значеніе серьезныхъ изслѣдованій объ участіи евреевъ въ прошлой и настоящей жизни современныхъ обществъ усиливается въ виду воинствующаго антисемитизма, поднимающаго голову то въ одномъ, то въ другомъ государствѣ и являющагося лишь крайнимъ выраженіемъ гораздо болѣе распространеннаго пассивнаго антисемитизма чувствъ, предрасположеній и предразсудковъ. Не мѣсто говорить здѣсь о болѣе глубокихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, источникахъ даннаго явленія. Но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что безпристрастное освѣщеніе той роли, какую играли и играютъ евреи въ культурномъ развитіи человѣчества, поможетъ объективированію отношенія христіанъ къ еврейству, силою обстоятельствъ лишенному собственной территоріи и распредѣлившемуся между всѣми цивилизованными государствами.

Книжки Зомбарта и Шиппера значительно различаются между

собой во многихъ отношеніяхъ. Зомбартъ поставилъ себѣ цѣлью выясненіе участія евреевъ въ образованіи современнаго хозяйства; для Шиппера евреи интересны сами по себѣ, и окружающую ихъ обстановку онъ разсматриваетъ какъ условіе ихъ хозяйственной дѣятельности. Различіе задачъ отразилось и на роли гипотетическаго элемента въ обѣихъ книгахъ. Шипперъ обращается къ предположеніямъ для уясненія очевидно-темныхъ сторонъ изучаемаго имъ явленія; Зомбартъ высказываетъ гипотезы и въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость въ нихъ спорна. Склонный вообще къ крайностямъ, если не къ парадоксамъ, Зомбартъ и въ данной работѣ отдалъ дань этой чертѣ своего ума. Высказавъ въ „Современномъ капитализмѣ", что „безъ обладанія колоніями Европа, вѣроятно, кончила бы не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ",—въ новомъ своемъ произведеніи онъ заявляетъ, что современный капитализмъ былъ бы невозможенъ безъ вліянія евреевъ. Евреи „напитали хозяйственную жизнь современнымъ духомъ; именно они вполнѣ вызвали самую внутреннюю идею капитализма"; „современный капитализмъ въ своей основѣ есть ничто иное, какъ эманація еврейскаго духа"; „то, что мы называемъ американизмомъ, въ значительной своей части—не что иное, какъ кристализовавшійся еврейскій духъ". Шипперъ остается на болѣе реальной почвѣ, и самый „еврейскій духъ" считаетъ производнымъ той исторической среды, въ какой приходилось жить и дѣйствовать евреямъ. Согласно его построеніямъ—не всегда, впрочемъ, подтверждаемымъ достаточнымъ количествомъ фактовъ,—евреи вступили въ первыя германскія государства какъ равноправные римскіе граждане и вмѣстѣ съ послѣдними участвовали въ пользованіи землею, служившею—по Зомбарту—первоначальнымъ источникомъ накопленія капитала. Продажа земель послѣ нарушенія еврейскаго равноправія доставила евреямъ „первыя значительныя движимыя имущества", обращенныя ими въ торговлю (главнымъ образомъ—рабами и восточными драгоцѣнностями), послѣ того какъ, „низведенные съ положенія прежнихъ cives romani на ступень чужеземцевъ, они были оторваны отъ земли и обратились въ элементъ бродячій". Развившіеся затѣмъ города оказались въ состояніи „вести собственную активную торговлю, вслѣдствіе чего чужой купецъ (а такимъ былъ еврейскій купецъ) становится все болѣе нетерпимымъ". Евреи обратили тогда свои капиталы на кредитныя операціи, удовлетворяя сильно развившейся потребности общества въ деньгахъ и будучи покровительствуемы князьями, грабившими, когда это было имъ нужно, разбогатѣвшихъ евреевъ, и пополнявшими такимъ образомъ свою оскудѣвавшую казну. Богатство было единственнымъ средствомъ пріобрѣтенія евреемъ почета и уваженія, и „онъ рано научился понимать чудодѣйственную

силу денегъ". „Христіане" — говоритъ удрученный преслѣдованіями евреевъ раввинъ XI столѣтія—„насильники, и лишь деньги въ состояніи ихъ измѣнить". „Печальная жизненная правда о евреяхъ въ средніе вѣка"!—можемъ мы сказать вмѣстѣ съ авторомъ.

— В. В. Морачевскій. Успѣхи крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Спб., 1910 г.

Правительство, можно сказать, безжалостно преслѣдуетъ цѣль насажденія хуторского и частнаго крестьянскаго землевладѣнія, руководствуясь главнымъ образомъ интересами крупныхъ собственниковъ, а оффиціально объясняя свою политику необходимостью освобожденія мелкихъ хозяевъ отъ власти міра и неудобствъ черезполоснаго владѣнія, безъ чего, будто бы, нельзя и шагу сдѣлать въ разрѣшеніи основной задачи нашего быта—поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство не только само ассигнуетъ средства для агрономической помощи создаваемымъ имъ мелкимъ собственникамъ, но и рекомендуетъ земствамъ оказывать агрономическое содѣйствіе преимущественно вновь испекаемымъ подворникамъ. Современной политикой правительства открывается, такимъ образомъ, новый періодъ въ исторіи крестьянскаго хозяйства, и было бы совершенно умѣстно подвести итоги тому, какое агрикультурное наслѣдіе новый періодъ получаетъ отъ стараго, въ видѣ стремленій, тенденцій и фактовъ улучшенія крестьянскаго хозяйства, и участія въ этомъ процессѣ личнаго почина, общины и раціональной помощи со стороны. Подведеніе такихъ итоговъ подъ силу только земству, для котораго подобныя изслѣдованія имѣли бы и важное практическое значеніе, уясняя почву для дальнѣйшаго воспособленія широко развившемуся въ крестьянствѣ стремленію къ агрономическимъ преобразованіямъ. Нѣкотораго разъясненія даннаго вопроса можно достигнуть и путемъ сведенія печатнаго матеріала, заключающагося въ основной и текущей земской статистикѣ, въ докладахъ и отчетахъ земствъ, сельско-хозяйственныхъ и другихъ обществъ и учрежденій, въ сельскохозяйственной и общей литературѣ и т. д. Сведеніе этого матеріала, по возможности въ историческомъ порядкѣ, подъ силу также лишь какому-либо учрежденію, и всего умѣстнѣе было бы заняться этимъ вѣдомству, призванному пещись объ успѣхахъ сельскаго хозяйства.

Названная въ заголовкѣ нашей замѣтки книжка В. В. Морачевскаго, составленная въ министерствѣ земледѣлія, даетъ самый общій абрисъ не столько „успѣховъ" крестьянскаго хозяйства, сколько *стремленія* крестьянъ къ агрикультурнымъ преобразованіямъ, особенно усилившагося незадолго до и послѣ революціи, вмѣстѣ съ усиленіемъ въ народныхъ массахъ стремленія къ образованію, къ органи-

заціи кооперативовъ, профессіональныхъ союзовъ и т. п. Вопреки распространенному у насъ, особенно въ оффиціальныхъ кругахъ, мнѣнію о крайней косности крестьянскаго хозяйства,—мнѣнію, противъ котораго вооружается авторъ разсматриваемаго труда,—стремленіе крестьянъ къ преобразованію хозяйства далеко превосходитъ наличность культурной помощи имъ со стороны земства, правительства и сельско-хозяйственныхъ обществъ, и „задачей исторической важности" даннаго момента г. Морачевскій считаетъ именно организацію культурныхъ силъ, для того, чтобы „использовать пробудившійся у массы сельскаго населенія интересъ къ улучшенію хозяйства".

Въ настоящее время идетъ искусственная ломка сложившихся поземельныхъ отношеній, которая не можетъ не отразиться такъ или иначе на успѣхахъ крестьянскаго хозяйства. Въ книгѣ г. Морачевскаго встрѣчается, однако, очень мало свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Можно указать всего три-четыре сообщенія о благопріятномъ вліяніи новыхъ порядковъ; совершенно отсутствуютъ данныя о задерживающемъ вліяніи на развитіе, напр., общественнаго травосѣянія неувѣренности крестьянъ въ прочности существующихъ формъ землевладѣнія и возникшихъ на почвѣ новыхъ законовъ раздоровъ въ крестьянской средѣ,—о чемъ появлялись уже свѣдѣнія въ газетахъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, вѣроятно, и указываемый авторомъ фактъ уменьшенія числа общинъ, вводившихъ общественное травосѣяніе въ Московской губ., съ 233-хъ въ 1907 г. до 107-ми въ 1908-мъ и до 18-ти въ 1909-мъ году. Аграрныя мѣропріятія правительства, такъ много сулящія въ будущемъ, въ настоящемъ привели къ полному почти и быстрому прекращенію распространенія общественнаго травосѣянія въ Московской губерніи!—В. В.

— Владиміръ Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи (біо-психологія). Томъ I. Ц. 3 руб.

Одною изъ самыхъ молодыхъ наукъ, выросшихъ на почвѣ эволюціонизма, является біо-психологія—изслѣдованіе психическихъ явленій у животныхъ, которое лишь очень недавно привлекло къ себѣ вниманіе психологовъ, ограничивавшихся до этого времени собираніемъ и разработкой фактовъ одной человѣческой психики. Эта односторонность въ изученіи тѣхъ сложныхъ явленій, которыя составляютъ предметъ психологіи, повліяла также на первые шаги въ области изученія инстинкта и психическихъ процессовъ въ мірѣ животныхъ. Такъ, цѣлый рядъ изслѣдователей объясняетъ эти процессы исключительно съ антропометрической точки зрѣнія, сравнивая и аналогизируя „психическія" явленія животнаго міра съ человѣческими и при-

писывая имъ разумное основаніе. Идя далѣе въ этомъ направленіи, нѣкоторые авторы стали приписывать сознаніе и познавательныя способности не только животнымъ или даже растеніямъ, но и неорганическимъ соединеніямъ; изучая сравнительную „психологію" минераловъ, дошли до того, что стали находить познавательную способность у атомовъ (Haeckel, Noiret, Boisel и др.). Въ противоположность такому крайнему и ложному направленію выступаетъ сравнительно-психологическое изученіе органическаго міра не съ точки зрѣнія явленій человѣческой психики, а прежде всего на основѣ физіологіи нервной системы, начиная съ низшихъ представителей органическаго міра и заканчивая человѣкомъ. Первый томъ обширнаго труда г. В. Вагнера представляетъ собою именно образецъ этого новаго плодотворнаго направленія и даетъ тщательный, снабженный множествомъ иллюстрацій, сводъ всѣхъ главныхъ фактовъ сравнительной психологіи животныхъ (біо-психологіи), разсѣянныхъ до сихъ поръ въ спеціальныхъ журналахъ и изслѣдованіяхъ. Трудъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ немъ заключается весьма полный историко-критическій обзоръ какъ указанныхъ направленій сравнительной психологіи, такъ и методовъ изслѣдованія въ этой области, съ выясненіемъ значенія ихъ для вопросовъ индивидуальной и коллективной психологіи человѣка. О методахъ этихъ авторъ въ общихъ чертахъ высказался еще въ 1901 г., въ своемъ изслѣдованіи: „Біологическій методъ въ зоопсихологіи". По его мнѣнію, въ глубинѣ основъ психическихъ явленій лежатъ прежде всего физико-химическіе факторы. Исходя изъ этого положенія и признавая, что безъ знанія фактовъ біопсихологіи невозможно полное и ясное спознаваніе психологіи человѣка, онъ становится рѣшительно на сторону того, чтобы изученіе психическихъ явленій животныхъ начиналось не „сверху" (съ человѣка), а „снизу", идя параллельно филогенетическому развитію нервной системы. Съ этой точки зрѣнія въ „Біологическихъ основаніяхъ" подробно разсматриваются всѣ явленія инстинкта и „психологіи" у низшихъ организмовъ, пауковъ, насѣкомыхъ, птицъ и млекопитающихъ, какъ характерныя для цѣлаго вида, такъ и индивидуальныя. Понятіе о типическомъ видовомъ инстинктѣ приводитъ автора къ выводу о возможности прослѣдить филогенію организмовъ не только по даннымъ сравнительной анатоміи и эмбріологіи, но и по даннымъ біопсихологіи. Наиболѣе полно, благодаря значительному количеству фактическаго матеріала, разработаны имъ въ этомъ отношеніи генетическія отношенія пауковъ средней Россіи. Кромѣ того, г. Вагнеръ поставилъ себѣ задачу прослѣдить развитіе психологическихъ способностей параллельно развитію индивидуума отъ зародыша до взрослаго животнаго. И въ этомъ случаѣ имъ вы-

ясняется, что, подобно анатоміи и эмбріологіи, данныя біопсихологіи подтверждаютъ положеніе, что онтогенія индивидуума можетъ вкратцѣ повторять филогенію рода. Изученіе данной науки путемъ филогенетическаго и онтогенетическаго изслѣдованія формулируется авторомъ какъ „объективный методъ" въ біопсихологіи. Однако, нельзя не замѣтить, что тѣ крайніе выводы, какіе онъ дѣлаетъ отсюда, особенно въ примѣненіи къ человѣку, способны вызывать возраженія (напр. взгляды его по вопросу о біопсихологіи материнства, стр. 434). Впрочемъ, возраженія вызываются лишь отдѣльными мѣстами книги; общая же, несомнѣнная заслуга ея заключается въ обработкѣ, съ біологической точки зрѣнія, матеріала по такимъ явленіямъ, которыя до сихъ поръ почти совершенно игнорировались біологами, не смотря на то, что явленія эти съ полнымъ правомъ должны причисляться къ области біологіи, и только она одна можетъ дать имъ настоящую оцѣнку и правильное освѣщеніе. Отсутствіе общедоступныхъ и въ то же время строго научныхъ обзоровъ въ области сравнительной психологіи увеличиваетъ значеніе „Біологическихъ основаній" также для всякаго, кто интересуется психологіей животныхъ и ищетъ болѣе глубокихъ изслѣдованій, чѣмъ популярныя описанія жизни муравьевъ или пчелъ, или образа жизни животныхъ по Брэму и т. под. Во второмъ томѣ авторъ обѣщаетъ дать приложеніе результатовъ біопсихологіи къ пониманію и выясненію вопросовъ психологіи человѣка и соціологіи.—А. Щ.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алферовъ, А. Д.—Родной языкъ въ средней школѣ. Опытъ методики. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Амфитеатровъ, А. В.—Собраніе сочиненій. Отравленная совѣсть. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аничковъ, Евг. — Предтечи и современники. I. На Западѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Астровъ, П. И. — Право на трудъ и право на здоровье. Москва, 1910 г.

Беккеръ, М. Е.—Главныя основанія для выработки системы библіотечнаго каталога. Спб., 1910 г.

Бергсонъ, Анри.—Время и свобода воли. Перев. С. I. Гессена. Съ прил. статьи „Введеніе въ метафизику". Перев. Маргариты Грюнвальдъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бикерманъ, I. М.—Черта осѣдлости. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Булгаковъ, Сергѣй. — Два града. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Т.т. I и II. Москва, 1911 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Бѣлавенцева, Ольга.—Трагедіи падшихъ. Спб., 1911 г Цѣна 75 коп.

Бѣлинскій, В. Г.—Собраніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Юбилейное изданіе (1811—1911). Подъ ред. Иванова-Разумника. Спб., 1911 г. Цѣна за три тома 3 р. 50 коп.

Бѣлозеровъ, Ал.—Стихотворенія лирическія. Книжка 2-я. Нижній-Новгородъ, 1910 г. Цѣна 10 коп.

Вайсфельдъ, М.—Идеалъ воспитанія. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Вальтеръ, В. Г. — Музыкальное образованіе любителя. Изд. 2-е, исправленное. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Венгеровъ, С. А.—Собраніе сочиненій. Т. I. Героическій характеръ русской литературы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Собраніе сочиненій. Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вятько, В.—Повторительный курсъ по исторіи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Городня, В. П.—Цвѣтки и ягодки. Сборникъ сочиненій. Царицынъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Городцевъ, Павелъ, протоіерей. — Религіозно-церковные вопросы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Жане, Пьеръ.—Неврозы. Перев. съ французскаго д-ра С. С. Вермеля. Подъ ред. Л. С. Минора. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Заболотскій, П. А.—Богатырь народнаго духа. Памяти Л. Н. Толстого. Нѣжинъ, 1910 г.

——— Гоголевскія юбилейныя торжества (1809 — 1909) въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ, 1909 г.

Зусеръ, С.—Въ замкѣ. (Пьеса). Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

Ирасекъ, Алоизъ. — Псоглавцы. Переводъ съ чешскаго В. Глѣбовой. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кирѣевскій, И. В. — Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ, подъ редакціей М. Гершензона. Москва, 1911 г. Цѣна за два тома 4 р.

Коцюбинскій, М.—Разсказы. Т. I. Переводъ съ украинскаго Мих. Могилянскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Кюрзенъ, М. Б.—Систематическій курсъ ариѳметики для учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 80 коп.

Кюстеръ.—Половой процессъ и размноженіе у растеній. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. Л. М. Кречетовича. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ленскій, Вл.—Разсказы. Томъ I. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Лыщинскій, Левъ.—Нѣсколько стихотвореній. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Львовъ, А.—Въ странѣ Амонъ-Ра. Спб., 1911 г.

Любовичъ, Н. Н., проф.—Грюнвальдская битва. Историческое значеніе ея. Варшава, 1911 г.

Малининъ, Д. И.—Что читать по русской литературѣ XIX вѣка? Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Михелинъ, Л. — Критическій разборъ закона 17 (30) іюня 1910 г. Гельсингфорсъ, 1910 г.

Михеевъ, П.—Разсказы. Орелъ, 1910 г.

Морской, А.—Исходъ Россійской революціи 1905 г. и правительство Носаря. Москва, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Нилусъ, Петръ.—Разсказы. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Нольде, фонъ, Л.—Вѣра Ивановна Крыжановская (Рочестеръ). Опытъ характеристики. Спб., 1911 г.

Оппоковъ, М. — Народопсихологическая грамматика Вильгельма Вундта. Языкъ. Кіевъ, 1910 г.

Плетневъ, Алексѣй.—Воспоминанія. Одесса, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Посадскій, В. И.—Курсы по гуманитарнымъ наукамъ для учителей и учительницъ городскихъ и начальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа 30 мая—24 іюня 1910 г. Томъ I. Варшава, 1910 г.

Посадскій, И. В. — Сокольскія празднества учащихся Варшавскаго учебнаго округа 3—4 октября 1910 года. Варшава, 1910 г.

Разумовскій, С.—Апоѳеозъ воли. („Гамлетъ" Шекспира). Изд. 2-е. Москва, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Ремизовъ, Алексѣй. — Сочиненія. Томъ I. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Сочиненія. Томъ II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Реулло, Николай.—Пѣсни ранняго заката. Тифлисъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

Сергѣевъ-Ценскій, С.—Разсказы. Томъ V. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Соколинскій, Александръ. — Двѣ смерти и др. разсказы. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Сологубъ, Ѳедоръ.—Собраніе сочиненій. Томъ X. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Сперанская, Христина.—Мои пѣсни. Москва, 1910 г. Цѣна 65 коп.

——— Стихотворенія. Москва, 1910 г. Цѣна 65 коп.

Толстой, Алексѣй Н., гр.—За синими рѣками. Стихи. Москва, MCMXI. Цѣна 75 коп.

Фонвизинъ, С.—Въ смутные дни. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Чуковскій, К.—Критическіе разсказы. Книга 1-я. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шиплей, А. Э., и *Мэкъ-Брайдъ*, Э. В.—Курсъ зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній. Перев. съ англійскаго В. Н. Львова и М. А. Мензбира. Москва, 1911 г. Цѣна 3 р.

Юшкевичъ, Семенъ.—Комедія брака. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

— Великая Россія. Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Книга 1-я. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— „Воздушный Путь". Научно-техническій журналъ. № 1. Спб., 1911 г. Цѣна 45 коп.

— Вопросы права. Книга IV. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

— Вѣстникъ Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. № 1. Спб., 1910 г.

— „Газетный міръ". Редакція и изданіе И. В. Вольфсона. Спб., 1911 г.

— Дальневосточное Обозрѣніе. Выпускъ I. Подъ ред. Владиміра Гольмстрема. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

— Журналы засѣданій XI-й экстренной сессіи Харьковскаго Порайоннаго Комитета 23—26 октября 1910 года. Харьковъ, 1910 г.

— Извѣстія общества финансовыхъ реформъ. № 1. Спб., 1910 г. Ц. 30 к.

— Каталогъ библіотеки гродненскаго благороднаго собранія. Составилъ П. Б. Цвакуновъ. Гродна, 1910 г.

— Краткій очеркъ состоянія нефтяной промышленности въ 1910 году. Баку, 1910 г. Цѣна 2 р.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XIX. Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1904 году. Спб., 1910 г.

— Музыка. Еженедѣльникъ. № 1—3. Москва, 1910 г.

— Областной съѣздъ Юга Россіи по борьбѣ съ эпидеміями. Харьковъ, 26 мая—4 іюля 1910 г. Отдѣлъ I, II, III и IV. Харьковъ, 1910 г.

— Обзоръ работъ по внутринадѣльному межеванію на переселенческихъ участкахъ за Ураломъ въ 1908—1909 гг. Спб., 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1910 г., составленный академикомъ Н. А. Котляревскимъ. Спб., 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1909 г. Харьковъ, 1910 г.

— „Посредника" изданія. № 4. Л. Н. Толстой: „Два старика". № 57. „Злая невѣстка". № 73. Лабулэ. Паша-пастухъ. № 163. О. Федьковичъ: „Какъ родные братья". № 174. А. Даровъ: „Горячее сердце". № 205. Ф. Коппе: „Невѣрная жена". № 210. Лазо Лазаревичъ: „У колодца". № 262. М. Конопницкая: „Мендель Гданскій". № 307. А. Ч—ва: „Перепелочка" и др. разсказы. № 336. Л. Авилова: „Сынъ". № 340. „Свѣтъ Азіи". По Эдв. Арнольду составила О. Пассекъ. № 346. „Подарокъ пруссака". „Разгромъ". № 426. „Лихой годъ". № 439. С. Орловскій: „Желѣзныя дороги и Георгъ Стефенсенъ". Очеркъ. № 440. И. Горбуновъ-Посадовъ: „Порука" и др. разсказы. № 556. И. Наживинъ: „Къ счастью". № 800. „Епископъ Миріель". По В. Гюго составилъ Л. Толстой. № 803. Н. В. Гоголь: „Коляска". № 829. Э. Демольдеръ: „Башмачникъ и его сосѣди". № 830. В. Гюго: „Сказка про льва". № 831. Ф. Коппе: „Чудный даръ", № 832. Оскаръ Уальдъ: „Счастливый принцъ". — Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 42. „Безъ вѣсти пропавшій", разсказъ Теодора Шторма. № 189. В. Лукьяновская: „Тысяча лѣтъ тому назадъ". Разсказы изъ исторіи Греціи. № 195. Е. К. Соломинъ: „За работу!". Книжка 3-я. Работы изъ папки и картона. № 208. I. „Джокъ—водяная крыса", разсказъ Бенсюзана. II. „Васька", разсказъ о лангустѣ Н. Михайлова. № 179. Врачъ А. Л. Караваевъ: „Совѣты беременнымъ и бабамъ-повитухамъ".—Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 32-я. Огородничество и садоводство. Составилъ И. Л. Елпинъ. Выпускъ 2-й: Разведеніе плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ.—Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Вып. XLIX. I. Е. Симонъ: „Школа и хлѣбъ". II. П. Б. (По Джону Спарго): „Вопль учащихся дѣтей".—„Маякъ", № 10—11.—„Свободное Воспитаніе", № 2.

— Русскіе учителя заграницей. Сборникъ. Годъ второй. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

— Рѣчи у памятника Гоголя П. А. Заболотскаго, В. Н. Дьяконенко, В. Г. Вербицкаго и П. Е. Петрова. 2-е изд. Нѣжинъ, 1909 г. Цѣна 10 коп.

— Современное значеніе педагогическихъ идей Н. И. Пирогова. Изд. О-ва экспериментальной педагогики. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

— Современное положеніе сельскохозяйственнаго машиностроенія въ Россіи и мѣры къ его развитію въ связи съ интересами сельскаго хозяйства. Спб., 1910 г.

— „Тропинки", или указатель къ ежедневному чтенію библіи на 1911 годъ. Спб., 1910 г.

— Труды коммиссіи по вопросамъ промышленной гигіены при обществѣ врачей въ г. Баку. Баку, 1910 г. Цѣна 60 коп.

— Труды слушательницъ Одесскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Т. I. Вып. I. Подъ редакціей проф. И. А. Линниченко. Одесса, 1910 г.

— Ученическая библіотека. № 1. А. С. Пушкинъ: „Борисъ Годуновъ". Цѣна 20 коп. № 2. А. С. Пушкинъ: „Кавказскій плѣнникъ". Цѣна 10 коп. № 3. М. Ю. Лермонтовъ: „Пѣсня про купца Калашникова". Цѣна 6 к. Спб.

— Христіанинъ. № 12. Декабрь 1910 г. Спб. Цѣна 30 коп.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави прѣзъ третото тримѣсячне отъ 1910 годиие. София.

— Записки наукового товариства імени Шевченка. Кн. IV. У Львові, 1910 р.

— Книжовникъ. Брой 1—3. Плѣвна, 1910 година.

— Демократически Прѣгледъ. Кн. IX. София, 1910 година.

Gauzons, de, Th. — La magie et la Sorcellerie en France. Paris, 1911. Prix 5 fr.

Saint-Yves, D'Alveydre.—Mission de l'Inde en Europe, Mission de l'Europe en Asie. La question du Mahatma et sa solution. Paris, 1911. Prix 5 fr.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Особенности нашей внѣшней политики.—Потсдамское соглашеніе и его послѣдствія.—Справедливыя нареканія на русскую дипломатію.—Парламентскія пренія во Франціи.—Рѣчи Пишона и Жореса. — Конституція Монакскаго княжества. — Анархисты въ Лондонѣ.

Русская внѣшняя политика находится въ особомъ, совершенно исключительномъ положеніи: мы узнаемъ о ней только изъ заграничныхъ газетъ и изъ западно-европейскихъ парламентовъ, гдѣ неожиданно для насъ обсуждаются какія-то невѣдомыя намъ дѣйствія и рѣшенія русской дипломатіи, представляющія крупный практическій интересъ не только для иностранныхъ державъ, но и для Россіи. Свѣдѣнія о нашихъ международныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ доходятъ до русскаго общества помимо русской печати и нашего такъ называемаго народнаго представительства; мы вынуждены довольствоваться отрывочными и случайными отголосками чужихъ министерскихъ рѣчей и парламентскихъ преній по такимъ вопросамъ, которые непосредственно касаются нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. О сущности русско-германскаго соглашенія, состоявшагося въ Потсдамѣ, мы узнали изъ недавней рѣчи германскаго канцлера, фонъ-Бетманъ-Голльвега; фактическое содержаніе этой сдѣлки сообщено намъ одною изъ лондонскихъ газетъ; важныя послѣдствія ея для Европы и для самой Россіи выяснены въ рѣчи французскаго министра Пишона и въ ука-

заніяхъ и отзывахъ компетентной иностранной прессы, особенно англійской и нѣмецкой. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ ничего намъ не сообщаетъ и не разъясняетъ; оно хранитъ молчаніе о своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, предоставляя публикѣ широкій просторъ для всевозможныхъ догадокъ и умозаключеній.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что безотвѣтственная русская дипломатія игнорируетъ русское общественное мнѣніе и не считаетъ нужнымъ интересоваться взглядами русской Государственной Думы по текущимъ вопросамъ внѣшней политики. Русское общество привыкло къ такому систематическому невниманію со стороны руководителей нашего министерства иностранныхъ дѣлъ; но въ иностранной печати все чаще повторяются нареканія на другое, болѣе тревожное качество нашей дипломатіи—на ея пренебреженіе или недостаточно внимательное отношеніе къ существующимъ союзнымъ отношеніямъ и обязательствамъ, при переговорахъ съ посторонними державами. Оказывается, что парижскій и лондонскій кабинеты, съ которыми существуетъ у насъ „тройственное соглашеніе", не были своевременно освѣдомлены о предметѣ потсдамскихъ совѣщаній. Франція въ теченіе многихъ лѣтъ относилась отрицательно или по меньшей мѣрѣ безучастно къ предпринятому Германіею сооруженію малоазіатской или багдадской желѣзной дороги; столь же несочувственно смотрѣла на это предпріятіе русская дипломатія, усматривая въ немъ, не безъ основанія, усиленіе военныхъ средствъ Турціи въ Малой Азіи на случай конфликта съ Россіею. Между тѣмъ, русское правительство измѣнило свое отношеніе къ багдадской дорогѣ, не предупредивъ объ этомъ союзную Францію; оно сблизилось съ Германіею и сдѣлало ей различныя уступки относительно торговыхъ ея интересовъ въ Персіи, не сообщивъ объ этомъ предварительно Англіи. Британская печать не скрываетъ своего недоумѣнія и неудовольствія; наиболѣе авторитетные органы ея откровенно давали понять, что въ виду неустойчивости и ненадежности русской политики англо-русское согласіе не можетъ считаться столь тѣснымъ и прочнымъ, какъ предполагали довѣрчивые британскіе миролюбцы.

Французскіе политическіе дѣятели и публицисты, съ своей стороны, не рѣшаются выражать какія-либо сомнѣнія въ непоколебимости союза, который издавна признается спасительнымъ для Франціи; они стараются убѣдить себя въ совершенной невинности тѣхъ отступленій и вольностей, на которыя указываютъ противники русскаго правительства. Но скрытый протестъ противъ частыхъ „измѣнъ" союзника чувствуется во всѣхъ французскихъ разсужденіяхъ о русскомъ союзѣ. Припоминается цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о нежеланіи или неспособности русской дипломатіи считаться

съ интересами и мнѣніями державъ, съ которыми Россія связана извѣстными формальными соглашеніями. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ не умѣло дѣйствовать солидарно съ Франціею и Англіею въ критскомъ вопросѣ; оно позволяло себѣ устраивать самостоятельныя таинственныя комбинаціи относительно Босніи и Герцеговины, безъ вѣдома и согласія Франціи и Англіи, то допуская аннексію подъ условіемъ территоріальнаго вознагражденія Сербіи и Черногоріи, то настаивая на обще-европейскомъ характерѣ возбужденнаго вопроса, то, наконецъ, подчиняясь категорическому требованію Австро-Венгріи и Германіи. Спрашивается: имѣются ли какіе-нибудь разумные мотивы къ тому, чтобы уклоняться отъ солидарности съ союзниками и друзьями для пользы соперниковъ и враговъ? Почему наша дипломатія какъ будто намѣренно подрываетъ довѣріе иностранныхъ кабинетовъ къ Россіи и колеблетъ основы союзовъ, на которыхъ держится наше независимое международное положеніе въ Европѣ? Неужели трудно избѣгать недоразумѣній и сюрпризовъ при близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ такими государствами, какъ Франція и Англія? Если французы дорожатъ русскимъ союзомъ и готовы оказывать намъ всякія услуги, политическія и финансовыя, то почему намъ не поддерживать въ нихъ это выгодное для насъ настроеніе? Что мѣшало намъ каждый разъ заранѣе уславливаться съ союзными и дружественными кабинетами относительно программы дѣйствій въ томъ или другомъ вопросѣ? Формально мы, можетъ быть, имѣли полное право вести секретные переговоры съ Германіею о багдадской желѣзной дорогѣ и о персидской торговлѣ, безъ предварительнаго соглашенія съ Франціею и Англіею; но было бы несомнѣнно лучше и справедливѣе поступать такъ, чтобы наши союзники и друзья не имѣли повода къ скрытому или явному неудовольствію. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскій, постепенно возстановилъ противъ себя всѣ западно-европейскіе кабинеты своею системою закулисныхъ самостоятельныхъ плановъ, загадочныхъ свиданій, совѣщаній и предположеній, далеко не всегда согласныхъ съ прямыми реальными задачами и обязательствами Россіи. Трудно было ожидать, что новый министръ, гофмейстеръ Сазоновъ, послѣдуетъ примѣру своего предмѣстника и начнетъ свою дѣятельность съ такого акта, который могъ бы быть истолкованъ въ смыслѣ ослабленія связи между Россіею и ея западными союзниками. Въ дѣйствительности, если вѣрить оффиціознымъ газетамъ, въ Потсдамѣ ничѣмъ не затронуты прежнія довѣрчивыя отношенія съ Франціею и Англіею; по всей вѣроятности, это такъ и есть — и потому тѣмъ болѣе страннымъ представляется то обстоятельство, что наша дипломатія не позаботилась заблаговременно сообщить кому слѣдуетъ въ

Парижѣ и Лондонѣ всѣ подробности своихъ потсдамскихъ проектовъ и разсчетовъ.

Французскія министерскія газеты заботливо разъясняютъ исторію русско-германскихъ переговоровъ, завершившихся соглашеніемъ, сущность котораго пока еще оффиціально не установлена. Въ 1907-мъ году, когда обсуждались основы англо-русской конвенціи, министръ А. П. Извольскій вступилъ въ сношенія съ германскимъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шёномъ, чтобы выяснить и оградить тѣ германскіе интересы, которые, по мнѣнію берлинскаго кабинета, могли бы быть задѣты указанною конвенціею. Этотъ „обмѣнъ мыслей" продолжался, съ нѣкоторыми перерывами, съ 1907-го по 1910-ый годъ, въ видѣ нотъ и отвѣтныхъ нотъ. Послѣдняя, заключительная русская нота, текстъ которой былъ напечатанъ въ одной изъ лондонскихъ вечернихъ газетъ, подтверждаетъ признаніе Германіею русскихъ интересовъ въ сѣверной Персіи — интересовъ „политическихъ, стратегическихъ и экономическихъ"; въ этой области Германія сохраняетъ за собою только чисто-торговые интересы, отказывается отъ права искать для себя или для другихъ концессіи желѣзныхъ дорогъ, пароходства, телеграфа или земельныхъ владѣній къ сѣверу отъ опредѣленной черты, или во всякомъ случаѣ обязывается ничего не предпринимать въ этомъ районѣ безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ правительствомъ. Далѣе, германское правительство не будетъ строить никакихъ желѣзныхъ дорогъ „въ предѣлахъ территоріи между багдадской линіей и русскими и персидскими границами, и не будетъ оказывать матеріальную или дипломатическую поддержку подобнымъ предпріятіямъ въ этой области"; соединительная вѣтвь между нѣмецкою багдадской дорогой и персидскою желѣзнодорожною сѣтью должна быть сооружена Россіею, или по ея указаніямъ и при ея ближайшемъ участіи. Россія обязывается не противиться окончанію багдадской желѣзнодорожной линіи и не ставить никакой преграды участію иностранныхъ капиталовъ въ этомъ предпріятіи; сверхъ того, оба правительства постараются облегчить международный транзитный провозъ товаровъ по этой дорогѣ и не будутъ принимать такихъ мѣръ регламентаціи, которыя могли бы быть стѣснительны для этой торговли. Газета „Temps", откуда мы заимствуемъ приведенныя свѣдѣнія, находитъ, что это русско-германское соглашеніе ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ соглашеній, заключенныхъ разными государствами за послѣднее десятилѣтіе. „Франція— говоритъ газета—не можетъ удивляться, что Россія устроила теперь съ Германіею то, что она сама сдѣлала съ Англіею въ 1904-мъ году. Она не можетъ удивляться, что ея союзница поступаетъ съ азіатскими дѣлами такъ же точно, какъ она сама поступила съ дѣлами Африки.

Наши конвенціи относительно Марокко проникнуты тѣми же принципами, какъ и нынѣшняя русско-германская сдѣлка". Нѣкоторая разница однако существуетъ, какъ соглашается косвенно и „Temps". Ни въ центральной Африкѣ, ни въ Марокко Россія абсолютно никакихъ интересовъ не имѣетъ, и она могла интересоваться достигнутыми Франціею соглашеніями исключительно съ точки зрѣнія безспорной выгодности ихъ для союзной страны. Франція же съ давнихъ поръ имѣетъ крупные матеріальные и политическіе интересы въ Малой Азіи, владѣетъ желѣзными дорогами въ Сиріи, заинтересована и въ судьбѣ багдадской желѣзнодорожной линіи, хотя и уклонялась отъ участія въ ея постройкѣ; поэтому она должна была бы, по мнѣнію „Temps", отказаться отъ старой политики пассивнаго выжиданія и дѣйствовать такъ же свободно, какъ и Россія, сойтись съ Германіею относительно малоазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, связать сирійскую желѣзнодорожную сѣть съ Египтомъ и воспользоваться своими финансовыми преимуществами для пріобрѣтенія соотвѣтственныхъ выгодъ. Франція этого не сдѣлала и отстала въ этомъ отношеніи отъ Россіи — быть можетъ, потому, что не была посвящена въ русскіе дипломатическіе планы; а между тѣмъ, при существованіи франко-русскаго союза, было бы вполнѣ естественно, чтобы обѣ державы дѣйствовали въ подобныхъ случаяхъ сообща, по взаимному соглашенію. Какъ бы то ни было, сепаратныя тайныя сдѣлки при такихъ условіяхъ не могутъ признаваться цѣлесообразными, хотя бы оффиціально не возбуждалось сомнѣнія въ ихъ корректности.

Русско-германское соглашеніе по малоазіатскимъ и персидскимъ дѣламъ не исчерпываетъ собою значенія потсдамскаго свиданія. Послѣднее, какъ мы отмѣтили уже въ свое время, имѣло общій политическій характеръ, на который прямо указывалось въ рѣчи германскаго канцлера. Въ какомъ направленіи произошла перемѣна въ общемъ политическомъ положеніи подъ вліяніемъ потсдамскихъ переговоровъ—видно уже изъ того, что съ разныхъ сторонъ вновь подчеркивается необходимость усиленныхъ вооруженій. Объ обязательномъ усиленіи арміи и флота заговорили одновременно и во французской палатѣ депутатовъ, и въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ, и въ англійской печати. О великомъ спасительномъ значеніи военнаго могущества разсуждали и миролюбивый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ, и предпріимчивый австро-венгерскій министръ баронъ Эренталь. Какое-то неопредѣленное чувство тревоги овладѣло умами, вслѣдствіе сближенія Россіи съ Германіею, и эта тревога отразилась и въ заявленіяхъ руководящихъ политическихъ дѣятелей въ Европѣ.

Французская палата депутатовъ посвятила нѣсколько первыхъ своихъ засѣданій въ началѣ года обсужденію вопросовъ внѣшней политики, въ связи съ бюджетомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ засѣданіи 12-го января (нов. ст.) докладчикъ Поль Дешанель высказалъ, между прочимъ, пожеланіе, чтобы Франція упрочила свои союзы и соглашенія, для избѣжанія неожиданныхъ случайностей и для разсѣянія опасеній, тяготѣющихъ надъ Европою. „Нашъ первый долгъ—добавилъ онъ—предоставить къ услугамъ послѣдовательной политики могущественную армію и флотъ и возвратить Франціи ту роль, которую она пріобрѣла пятнадцатью вѣками труда, мужества и славы". Депутатъ Гюберъ обратилъ вниманіе на признаки возрожденія первенства Германіи и тройственнаго союза въ Европѣ; тройственное же соглашеніе, по его словамъ, потерпѣло сильный ударъ со смертью Эдуарда VII. Онъ не думаетъ, что потсдамскіе переговоры заключаютъ въ себѣ угрозу; но они служатъ урокомъ, который надо принять къ свѣдѣнію. „Для того, чтобы вести хорошую политику, нужно прежде всего располагать внушительными вооруженными силами на сушѣ и на морѣ". Дени Кошенъ выразилъ иронически свое удовольствіе по поводу того, что въ Потсдамѣ всего больше говорилось о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, которыя соединятъ Европу съ Персіей и Индіей; но для этихъ крупныхъ предпріятій потребуются, конечно, французскіе капиталы, которые могутъ быть даны только подъ условіемъ расширенія французскаго, а не германскаго вліянія.

Министръ Пишонъ произнесъ, затѣмъ, длинную рѣчь, въ которой подробно разсмотрѣлъ международное положеніе Франціи за послѣдніе годы; онъ доказывалъ, что франко-русскій союзъ блестяще выдержалъ испытаніе во время опаснаго кризиса, вызваннаго боснійскимъ вопросомъ, и остался столь же крѣпкимъ и незыблемымъ послѣ потсдамскаго соглашенія, какъ и до него. „При ясномъ горизонтѣ—говорилъ министръ, — когда господствуетъ миръ и спокойствіе, трудно судить о практической важности и прочности союзовъ; все значеніе этихъ союзовъ проявляется только въ тѣ моменты, когда небо омрачается тучами и положеніе становится критическимъ. И вотъ, когда появились эти тучи и мы очутились передъ труднымъ кризисомъ, Россія знала въ точности, что она можетъ вполнѣ разсчитывать на нашъ союзъ; но въ то же время, какъ и мы, и какъ Англія, она не полагала, что въ данномъ случаѣ можно было рисковать опасностью столкновенія. Въ этотъ моментъ мы, путемъ тройного и общаго соглашенія, поддержали миръ Европы. Быть можетъ, никто не содѣйствовалъ этому болѣе насъ. Положеніе, занятое нами въ этихъ обстоятельствахъ, соотвѣтствовало нашимъ обязанностямъ, какъ и общимъ интересамъ, замѣшаннымъ въ сложномъ вопросѣ, — при чемъ наше соглашеніе съ

Россіею не прекращалось". Пишонъ разсуждаетъ объ этомъ соглашеніи съ необыкновеннымъ оптимизмомъ. Онъ относитъ къ области „чистой легенды" предположеніе о какой-либо перемѣнѣ въ характерѣ и силѣ союза Франціи „съ русскимъ правительствомъ и народомъ". Этотъ союзъ—продолжаетъ онъ—остается болѣе прочнымъ и жизненнымъ, чѣмъ когда-либо. „Ничто не измѣнилось въ его предметѣ и направленіи. Онъ никогда не заключалъ въ себѣ мысли о нападеніи на кого бы то ни было; онъ просто имѣлъ своею цѣлью дать обѣимъ заключившимъ его державамъ способъ охранять свои интересы и свои права отъ всякихъ посягательствъ и содѣйствовать поддержанію мира, который выражаетъ собою волю всѣхъ народовъ. Онъ усиливается, какъ для Франціи, такъ и для Россіи, соглашеніями и дружественными связями, которыя часто позволяютъ имъ дѣйствовать коллективно въ болѣе широкихъ рамкахъ во имя интересовъ общаго мира". Что касается потсдамскаго свиданія, то „первыми словами участниковъ было подтвержденіе вѣрности обѣихъ сторонъ существующимъ союзамъ". Французское правительство хорошо знало, что между Россіею и Германіею ведутся переговоры о персидскихъ дѣлахъ и о соединеніи багдадской желѣзнодорожной линіи съ персидскими дорогами. На дважды повторенный вопросъ Жореса, предупредила ли Россія французское правительство о своемъ обѣщаніи помочь довести до конца багдадскую дорогу, Пишонъ не далъ вполнѣ яснаго и опредѣленнаго отвѣта; онъ только подтвердилъ, что дѣло шло именно о багдадской и персидскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ заключеніе министръ пытался изобразить въ смѣшномъ видѣ идею о мнимомъ одиночествѣ и безсиліи Франціи: по его мнѣнію, Франція никогда не была болѣе уважаема въ культурномъ мірѣ и не пользовалась болѣе значительнымъ вліяніемъ, чѣмъ въ настоящее время. „Не слѣдуетъ только разсчеты внутренней политики примѣшивать къ заботамъ международнаго положенія... Чтобы придать силу нашей дипломатіи, необходимы два условія: прежде всего—согласіе общественнаго мнѣнія, и затѣмъ—могущество нашей арміи. Мы живемъ въ такое время, когда нельзя управлять противъ общественнаго мнѣнія ни въ области иностранной политики, ни въ области дѣлъ внутреннихъ". И такъ какъ рѣчь идетъ объ иностранной политикѣ, то—говорилъ далѣе Пишонъ—„надо имѣть въ виду не только мнѣніе нашей собственной страны, но и мнѣніе общее, международное. Въ наше время голосъ націй господствуетъ надъ совѣтами правительствъ. Теперь нельзя было бы начать войну вопреки волѣ народовъ, и это составляетъ само по себѣ нѣкоторую гарантію мира. Но есть другая гарантія—могущество нашей арміи. Мы сильны, потому что мы внушаемъ уваженіе. Мы имѣемъ союзы и дружественныя связи, потому что къ нашей силѣ

имѣютъ довѣріе. Если вы хотите, чтобы наша внѣшняя политика была достойна Франціи, заботьтесь неустанно о нашей арміи и о нашемъ флотѣ, доставляя намъ средства выполнить, — если понадобится, путемъ войны, — всѣ великія задачи, къ которымъ мы можемъ быть призваны".

Рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ, выслушанная палатою съ большимъ вниманіемъ, была слишкомъ дипломатична по тону и изображала положеніе дѣлъ въ черезчуръ одностороннемъ розовомъ свѣтѣ. Представить оборотную сторону медали взялъ на себя Жорѐсъ, въ засѣданіи 13-го января. Знаменитый вождь французскихъ соціалистовъ говорилъ на этотъ разъ въ довольно умѣренномъ и спокойномъ тонѣ, добросовѣстно излагая многочисленные факты, опровергающіе тенденціозный оптимизмъ Пишона; между прочимъ, онъ заставилъ министра признать, что относительно предмета потсдамскихъ переговоровъ правительство было предупреждено только насчетъ персидскихъ желѣзныхъ дорогъ и не имѣло никакихъ другихъ свѣдѣній; слѣдовательно, оно не предвидѣло русско-германскаго соглашенія о багдадской дорогѣ, которая однако представляетъ большой интересъ для Франціи. Если Россія берется теперь способствовать окончанію багдадской дороги, къ которой она раньше относилась отрицательно, заодно съ Франціею, то—спрашиваетъ Жорѐсъ — совѣтовалась ли она съ своими союзниками и предупредила ли ихъ объ этомъ важномъ дѣлѣ? „Изъ англійскихъ газетъ мы уже знали, что Англія не была спрошена; изъ словъ министра можно видѣть, что и Франція не была извѣщена. Это серьезно. Каково теперь ваше положеніе? Вы поставлены предъ совершившимся фактомъ; будете ли вы теперь возражать, оказывать нѣкоторое противодѣйствіе? Вы окажетесь тогда въ щекотливомъ положеніи: вамъ придется какъ будто противодѣйствовать Германіи въ такомъ предпріятіи, на которое Россія, болѣе заинтересованная, дала уже свое согласіе. Или вы доброжелательно примкнете къ дѣлу, которое вамъ предлагаетъ Россія. Что же тогда выйдетъ? Въ теченіе ряда лѣтъ Франція отстранялась отъ багдадскаго предпріятія только изъ вниманія къ Россіи, которую она считала настроенною враждебно къ этой желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ вы создали натянутое положеніе между Франціею и Германіею, чтобы угодить Россіи, а теперь Россія доставляетъ себѣ моральную выгоду по отношенію къ Германіи, побуждая Францію одобрить багдадскую дорогу, которую она отвергала только ради Россіи". Впрочемъ, Жорѐсъ оговаривается, что онъ вовсе не хочетъ создавать какія-либо затрудненія для французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ желалъ бы только, чтобы въ интересахъ общаго мира Франція никогда не довольствовалась служебною, пассивною, безцвѣтною дипло-

матіею. „Дипломатія можетъ быть солидарна съ другими кабинетами, можетъ опираться на союзниковъ и друзей, но въ общемъ коллективномъ дѣлѣ она должна проявлять свою индивидуальность, свою волю, свое достоинство".

Жоресъ ядовито критикуетъ также политику Франціи въ боснійскомъ вопросѣ. „Въ Бухлау — говоритъ онъ — русскій министръ по своей иниціативѣ поощрялъ барона Эренталя наложить руку на Боснію и Герцеговину; этотъ починъ могъ привести къ самымъ худшимъ столкновеніямъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ заявляетъ теперь, что въ случаѣ возможнаго конфликта Россія имѣла основаніе твердо разсчитывать на помощь Франціи. Такимъ образомъ могла разыграться кровавая драма, способная зажечь пожаръ во всей Европѣ; наша армія могла быть призвана сражаться противъ всѣхъ германскихъ и австрійскихъ силъ, и исходнымъ пунктомъ этой драмы было бы секретное свиданіе вашего русскаго союзника съ австрійскимъ министромъ. Г. Извольскій не предупредилъ Францію, никто не увѣдомилъ наше дипломатическое вѣдомство, что г. Извольскій завелъ по секрету съ барономъ Эренталемъ страшную бесѣду, которая могла вызвать войну, и судьба Франціи рѣшалась бы безъ ея вѣдома. Какое же представленіе имѣютъ о насъ наши союзники?" Съ своей стороны Жоресъ „всегда протестовалъ противъ этой второстепенной роли, финансовой или военной, противъ этой зависимости, въ которую выродился первоначальный союзъ". Въ концѣ своей рѣчи ораторъ указалъ на ненормальность вооруженнаго мира и на необходимость призыва къ общему разоруженію: иниціатива въ этомъ великомъ дѣлѣ должна по праву принадлежать Франціи. Само собою разумѣется, что этотъ призывъ есть только порывъ краснорѣчія, нисколько не вытекающій изъ предшествующихъ разсужденій Жореса. Ни Германія, ни Австро-Венгрія не распустятъ своихъ армій, да и самъ Жоресъ приписываетъ этимъ державамъ слишкомъ легкую готовность создавать кровавыя драмы, отъ которыхъ можетъ зависѣть судьба великихъ націй. Нарисованная имъ картина страшнаго европейскаго пожара, который могъ, будто бы, вспыхнуть послѣ бесѣды двухъ министровъ въ Бухлау, есть также эффектный продуктъ политической фантазіи. Очевидно, предварительные разговоры австрійскаго и русскаго министровъ о боснійскомъ вопросѣ могли только смягчить разногласіе и предупредить конфликтъ, а никакъ не возбудить войну,— особенно когда представитель единственной великой державы, способной активно протестовать противъ аннексіи, самъ предлагаетъ эту аннексію на извѣстныхъ условіяхъ. Если г. Извольскій „поощрялъ" барона Эренталя въ извѣстномъ предпріятіи, то этимъ самымъ онъ лишалъ себя возможности протеста противъ того же предпріятія; а

если аннексія совершилась бы съ согласія Россіи, то некому было бы вступать изъ-за этого въ серьезный конфликтъ съ Австро-Венгріей, и такимъ образомъ опасность общей европейской войны не существовала бы. Но и въ томъ случаѣ, еслибы г. Извольскій не велъ никакихъ „страшныхъ“ бесѣдъ и ничего не предлагалъ барону Эренталю, общая европейская война изъ-за Босніи и Герцеговины была бы мало вѣроятна, такъ какъ судьба этихъ областей была фактически предрѣшена за тридцать лѣтъ до того, съ согласія самой Россіи. Жоресъ воспользовался для своего разсужденія неудачнымъ замѣчаніемъ министра Пишона объ увѣренности русскаго правительства въ активной помощи Франціи въ критическіе моменты боснійскаго кризиса. Министръ иностранныхъ дѣлъ имѣлъ, конечно, въ виду такую комбинацію, при которой Россія подверглась бы нападенію Австро-Венгріи и Германіи: тогда союзныя обязательства Франціи немедленно вступили бы въ дѣйствіе—но Франція не обязана была бы вмѣшаться въ дѣло, еслибы Россія вступилась за Сербію и сама напала бы на Австро-Венгрію: въ такомъ случаѣ вмѣшательство Франціи зависѣло бы всецѣло отъ поведенія Германіи. Франко-русскій союзъ, какъ и австро-германскій, предусматриваетъ только оборонительныя, а не наступательныя войны; поэтому всѣ державы одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы въ случаѣ конфликта не брать на себя роли нападающей стороны, а напротивъ, ожидать нападенія противника; когда же никто не хочетъ нападать и всѣ придаютъ себѣ видъ обороняющихся, то шансы войны естественно сокращаются, благодаря существующей системѣ военно-политическихъ союзовъ. Въ дѣйствительности французамъ не предстояло воевать съ кѣмъ бы то ни было изъ-за увлеченій и ошибокъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, точно такъ же какъ и намъ не грозитъ никакой опасности отъ возможныхъ промаховъ Пишона и его будущихъ преемниковъ.

Монакскій князь, принцъ Альбертъ, даровалъ своему народу конституцію. Конституціонный актъ, выработанный тремя французскими учеными юристами и подписанный 5-го января (нов. ст.) въ Парижѣ, сопровождается вступительнымъ докладомъ, который даетъ любопытныя свѣдѣнія о монакскомъ народѣ и занимаемой имъ территоріи. Монакскихъ гражданъ насчитывается всего 1.482 человѣка; остальные жители княжества, въ числѣ 17.639—иностранцы, преимущественно итальянцы и французы. Больше половины монакскихъ гражданъ—натурализованные иностранцы; туземцевъ считается всего 635 человѣкъ. При системѣ всеобщаго избирательнаго права оказывается 448 полноправныхъ избирателей, въ томъ числѣ 373 натурализованныхъ. Все

Монакское княжество занимаетъ пространство въ 150 гектаровъ, изъ которыхъ 50 застроено домами. Для этого миніатюрнаго государства издана конституція въ 58 параграфовъ, распредѣленныхъ по семи отдѣламъ и подробно опредѣляющихъ политическія права гражданъ, полномочія и составъ правительственныхъ и законодательныхъ учрежденій.

Малочисленность народа была большимъ затрудненіемъ для составителей конституціи; гражданъ—слишкомъ недостаточно для обычной организаціи парламентскаго управленія; иностранцевъ—сравнительно слишкомъ много, чтобы предоставить надъ ними власть туземцамъ. Княжеству дано, поэтому, смѣшанное устройство, съ сохраненіемъ преобладающей распорядительной роли князя. Законодательная власть принадлежитъ князю и національному совѣту, избираемому на четыре года всеобщимъ народнымъ голосованіемъ, въ составѣ двадцати одного члена. Три общины, изъ которыхъ состоитъ вся территорія монакскаго государства, пользуются самоуправленіемъ, подъ контролемъ „государственнаго министра“; во главѣ ихъ стоятъ общинные совѣты, избираемые также путемъ всеобщей подачи голосовъ. Въ конституціи предусмотрѣны и способы составленія бюджета, и условія назначенія новыхъ налоговъ, и правила о расходованіи государственныхъ средствъ, но ничего не сказано о жизненномъ нервѣ княжества, объ основѣ его самостоятельной государственности, его независимости и процвѣтанія: о знаменитомъ игорномъ домѣ въ Монте-Карло.

Царство рулетки составляетъ центральное ядро и сущность монакскаго государства, источникъ всѣхъ его доходовъ и условіе благополучія его жителей. Въ предѣлахъ Франціи подобныя игорныя заведенія запрещены закономъ, и фикція независимости маленькаго уголка на Ривьерѣ сохраняется какъ бы спеціально для того, чтобы обезпечена была свобода губительнаго притона, обогащающаго владѣльцевъ-акціонеровъ, и въ томъ числѣ князя, цѣною разоренія и несчастья множества лицъ. Князь Альбертъ—человѣкъ просвѣщенный, извѣстный натуралистъ, изслѣдователь морскихъ глубинъ; но онъ, повидимому, ничего не можетъ сдѣлать для устраненія или ограниченія зла, облеченнаго въ Монако въ такія блестящія и соблазнительныя формы. Существованіе игорнаго дома доставляетъ столько выгодъ и преимуществъ мѣстному населенію, что всякая попытка борьбы или протеста встрѣчаетъ тамъ неодолимый отпоръ; жители откажутся скорѣе отъ конституціи, чѣмъ отъ рулетки... Обнародованный нынѣ конституціонный актъ долженъ вступить въ дѣйствіе въ апрѣлѣ текущаго года, послѣ производства выборовъ въ національный совѣтъ и въ общинные совѣты.

Удивительная исторія разыгралась въ Лондонѣ, въ началѣ января (нов. ст.). Значительныя полицейскія силы, при участіи отряда шотландской гвардіи, вели правильную аттаку противъ одного изъ домовъ въ центральной части города, гдѣ засѣли два вооруженныхъ преступника и неутомимо отстрѣливались въ теченіе цѣлыхъ семи часовъ. Полиція вынуждена была потребовать содѣйствія артиллеріи, но изъ пушекъ, однако, не пришлось стрѣлять, такъ какъ домъ загорѣлся, и преступники превратились въ обуглившіеся трупы. Это небывалое сраженіе въ центрѣ Лондона, въ недалекомъ разстояніи отъ Англійскаго банка, страшно взволновало англичанъ и сдѣлалось предметомъ оживленныхъ толковъ въ печати, тѣмъ болѣе, что виновные принадлежали къ числу такъ называемыхъ анархистовъ, выходцевъ изъ Россіи. Восемь человѣкъ было ранено при перестрѣлкѣ, изъ нихъ четверо военныхъ. Преступники разыскивались по обвиненію въ тройномъ убійствѣ, совершенномъ на улицѣ ночью, въ половинѣ декабря, при попыткѣ задержать грабителей, занятыхъ взломомъ ограды около ювелирнаго магазина. Грабители и ихъ союзники разбѣжались, убивъ трехъ и тяжело ранивъ двухъ полицейскихъ. На другой день найденъ былъ въ сосѣдствѣ смертельно раненый человѣкъ, за которымъ ухаживала молодая дѣвушка, оказавшаяся русскою; арестъ ея помогъ сыщикамъ попасть на слѣдъ организованной шайки „анархистовъ". Полиція получила приказъ арестовать трехъ молодыхъ „русскихъ"— Петра Маляра, Фрица и Юрка; она выслѣдила ихъ, но никакъ не могла поймать. Они скрывались гдѣ-то въ кварталѣ Истъ-Эндъ; нѣкоторыя улицы были оцѣплены полицейскими, и въ одномъ домѣ при розыскахъ найденъ складъ бомбъ и револьверовъ, при чемъ домовладѣлецъ призналъ по фотографіи скрывшагося жильца, извѣстнаго подъ именемъ Муромцева; это и былъ глава шайки, Петръ Маляръ. За указаніе мѣстопребыванія его назначена была крупная денежная награда, и вскорѣ удалось установить, что „анархисты" находятся въ домѣ на Сидней-стритѣ. Тамъ они и погибли въ огнѣ послѣ продолжительной, безуспѣшной осады со стороны болѣе тысячи полицейскихъ и солдатъ. Упорное сопротивленіе двухъ человѣкъ такому значительному отряду войскъ сдѣлало „русскихъ анархистовъ" героями какой-то фантастической легенды, и ужасъ передъ этими страшными людьми заставляетъ многихъ требовать изгнанія опредѣленныхъ категорій иностранцевъ изъ Англіи.

Нечего и говорить, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ вовсе не объ анархистахъ, а объ убійцахъ и грабителяхъ, хотя и необычайно смѣлыхъ. Что общаго съ анархистами могутъ имѣть люди, стремящіеся къ ограбленію ювелирнаго магазина и убивающіе явившихся по этому поводу полицейскихъ? Анархисты отрицаютъ всякую орга-

низацію власти и вѣруютъ въ возможность мирнаго и спокойнаго человѣческаго общежитія при отсутствіи полиціи, тюремъ и войскъ,— тогда какъ дѣйствующія лица трагедіи на Сидней-стритѣ, напротивъ, наглядно доказывали своимъ поведеніемъ необходимость полиціи, тюремъ и войскъ. Впрочемъ, послѣ перваго возбужденія, вызваннаго этой печальною исторіею, газетные толки о мѣрахъ противъ „русскихъ анархистовъ" улеглись, и серьезные люди перестали связывать подобные вопросы съ мѣрами противъ опасныхъ грабителей и убійцъ.

Нѣкоторыя изъ англійскихъ газетъ нападали на либеральнаго министра внутреннихъ дѣлъ, Винстона Черчилля, за его личное участіе въ распоряженіяхъ, превращавшихъ одну изъ улицъ Лондона въ „какую-нибудь Одессу". Министръ напечаталъ по этому поводу въ „Times" письмо, въ которомъ заявилъ, что полицейской власти была предоставлена въ данномъ случаѣ полная свобода дѣйствій и что онъ, министръ, только покрывалъ эти дѣйствія своимъ авторитетомъ и своею отвѣтственностью. Въ этомъ смыслѣ онъ высказался и на судѣ, 18-го января, при слѣдственномъ разбирательствѣ по дѣлу о найденныхъ подъ сгорѣвшимъ домомъ на Сидней-стритѣ трупахъ. Министръ подвергался при слѣдствіи подробному допросу въ качествѣ „свидѣтеля",—и никто не удивлялся этому въ Англіи; никому не приходило въ голову усматривать въ этомъ колебаніе основъ государственности и подрывъ правительственнаго авторитета.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Забытые въ тюрьмахъ.—Два письма отъ заключенныхъ.—Письмо ссыльнаго изъ Сибири.—Санитарное состояніе минской губернской тюрьмы.—Каторжныя тюрьмы въ Зерентуѣ и Вологдѣ.—Убійство ссыльнаго ради отличія по службѣ.—Двѣ ненависти.—Новая революція, ожидаемая г. Марковымъ 2-мъ.

Общественный сумракъ дѣлаетъ людей не только вялыми и безсильными: онъ прививаетъ глухоту и забывчивость. Въ недавнюю пору — всего пять лѣтъ тому назадъ — на выборныхъ и митинговыхъ собраніяхъ тысячныя массы людей со слезами жалости и дрожью негодованія воспринимали рѣчи ораторовъ, которые сообщали, что въ русскихъ тюрьмахъ томится свыше семидесяти тысячъ человѣкъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ освободительному движенію. Время было такое и чувства людей были такія, что тюремныя стѣны дѣла-

лись какъ бы стеклянными. Блѣдныя лица заключенныхъ, ихъ вздохи и стоны близко придвинулись къ совѣсти обывателя, бередили чувства, требовали поступковъ. Отзывчивость выражалась по разному: избирали въ Думу прогрессивныхъ людей, въ надеждѣ, что они законодательнымъ путемъ снимутъ съ Россіи тюремный кошмаръ; собирали подписи подъ петиціи съ ходатайствомъ о всеобщей амнистіи; давали деньги для помощи заключеннымъ и т. д.

Съ тѣхъ поръ русскія тюрьмы не стали ни мягче, ни малолюднѣе. На оборотъ: заключенныхъ и сосланныхъ насчитываютъ уже далеко свыше ста тысячъ, а внутренній тюремный режимъ сталъ еще болѣе тягостнымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ тюрьма какъ бы отодвинулась отъ сознанія и совѣсти обывателя; тюремныя стѣны снова сдѣлались непроницаемыми. Многіе ли въ нашемъ обществѣ и часто ли вспоминаютъ теперь о десяткахъ тысячъ заключенныхъ, томящихся, оскорбляемыхъ, истощающихся и вымирающихъ вблизи отъ насъ? Глухое время сдѣлало и большинство благополучныхъ гражданъ душевно-глухими. Газеты также рѣдко вспоминаютъ о тюрьмѣ и мало пишутъ о мрачномъ и съ каждымъ годомъ все болѣе омрачающемся режимѣ русскихъ тюремъ. Нѣкоторое оправданіе для газетъ — особенно для провинціальныхъ—можно найти въ общемъ удушливомъ политическомъ состояніи страны. Надъ газетами висятъ штрафы и другія репрессіи за попытки говорить полную истину о тюремныхъ порядкахъ. Но это—частичное оправданіе. Главная причина—все-же во всеобщемъ пониженномъ и унылымъ настроеніи. Газеты—не только руководители общественнаго мнѣнія; въ гораздо большей степени онѣ — послушныя рабы его. Общество стало забывать о томъ, о чемъ нужно вспоминать ежечасно.

Тюрьма никогда не бывала сладка. Нынѣшнія тюрьмы, если не всѣ, то многія—ужасны. То злорадство, та злоба и мстительность, которыя бушуютъ теперь въ лагерѣ „побѣдителей“, словесно проявляясь въ третьей Думѣ и на столбцахъ правой печати, въ тюрьмахъ находятъ ближайшее практическое примѣненіе. Бывшіе враги здѣсь являются плѣнниками. Тюремными стѣнами они закрыты отъ внѣшняго наблюденія. Широкій и свободный просторъ данъ мстительности и злобѣ. Къ тому же и личная жизнь мелкихъ тюремныхъ чиновъ тоже не сладка. Они проводятъ большую часть сутокъ въ тѣхъ же тюремныхъ стѣнахъ, подчиненные высшему взыскательному начальству. Нерѣдко жизнь ихъ мало чѣмъ отличается отъ существованія заключенныхъ. И это, конечно, не способствуетъ мягкости ихъ нравовъ. Здѣсь напрашивается невольно сравненіе съ больницами для душевно-больныхъ. Въ самыхъ образцовыхъ изъ нихъ нерѣдко умираютъ больные отъ тяжкихъ побоевъ. Вскрытіе и обслѣдованіе обыкновенно обнаруживаетъ переломы реберъ, ссадины, кровоподтеки. И всегда при ревизіи

обрисовывается одна и та же картина: низшіе служители, въ нервной, напряженной атмосферѣ больницы, отъ непосильной, ненавистной для нихъ работы звѣрѣютъ и вымещаютъ свое отвратительное настроеніе побоями на несчастныхъ больныхъ. Въ нынѣшнихъ тюрьмахъ есть общее вѣяніе, которое питаетъ и усиливаетъ грубые инстинкты. Вѣяніе идетъ сверху и безъ словъ, краснорѣчиво говоритъ, что нынѣшній арестантъ въ главной своей массѣ бунтовщикъ, экспропріаторъ, разрушитель государственныхъ устоевъ. Ослабляется отвѣтственность, приглушается человѣчность...

Недавно мною получено нѣсколько писемъ, открывающихъ уголокъ тюремной жизни. Одно письмо—изъ тюрьмы въ области Войска Донского. Пишетъ человѣкъ стойкій, сильный. До революціи онъ былъ однимъ изъ цѣнныхъ, рѣдкихъ культурныхъ работниковъ въ провинціи. А потомъ вышибло его, какъ многихъ, изъ колеи—и треплется онъ съ тѣхъ поръ по тюрьмамъ и высылкамъ. И вотъ этотъ мужественный человѣкъ пишетъ теперь: „То, что творится у меня подъ бокомъ, настолько волнуетъ, такъ будоражитъ меня, что молчать нѣтъ силъ. Хочется хоть что-нибудь сдѣлать. Я сейчасъ отбываю свой годичный срокъ крѣпости. Условія, при которыхъ я нахожусь, сравнительно сносны. Почти каждую недѣлю къ намъ и отъ насъ идетъ этапъ. Какъ идущимъ отъ насъ, такъ и приходящимъ къ намъ приходится останавливаться въ —ской пересыльной тюрьмѣ. И вотъ каждый этапъ приноситъ намъ вѣсти о порядкахъ этой тюрьмы. Тотъ человѣкъ, который прислалъ намъ, крѣпостникамъ, прилагаемое при этомъ письмо, приговоренъ на три года. Человѣкъ удивительно тихій, „мухи не обидитъ“, и тотъ, притерпѣвшійся ко всему не можетъ выносить порядковъ этой тюрьмы. Прочтите его письмо — вѣдь это ужасъ. Онъ упоминаетъ тамъ про карцеръ. Мнѣ хочется описать этотъ карцеръ по разсказу одного пострадавшаго тамъ же печника М. Онъ шелъ изъ —ской тюрьмы въ нашу, по назначенію тюремнаго инспектора, строить у насъ печи. Вотъ пришелъ въ N—скъ. „Выстроили насъ. Вышелъ надзиратель и закричалъ нечеловѣческимъ голосомъ: „У кого деньги, приготовь!“ У меня было въ карманѣ два пятиалтынныхъ и они лежали тамъ безъ кошелька. Начали отбирать деньги. Подошли ко мнѣ. Я сунулъ руку въ карманъ и вдругъ получилъ сильный ударъ по лицу... Потомъ меня и подхватили!.. Очутился я какъ-то... ужъ не помню какъ... около какихъ-то дверей. Меня повалили, стащили куртку, сбили шапку, стащили коты, портянки, сняли штаны и въ одномъ бѣльѣ ударами по шеѣ впихнули въ какую-то кромѣшную тьму. Оглядываюсь—хоть глазъ коли. Добрался до стѣны, иду по ней ощупью. Слышу: „Ты куда!.. Ахъ ты, такъ тебя перетакъ!..“ Я такъ и сѣлъ. „Кто ты? Что молчишь?“ Наконецъ я оправился и

вступилъ съ говорившимъ въ разговоръ. „За что тебя посадили?"— Самъ не знаю.—„Ну, разсказывай, какъ тебя сажали, я тебѣ самъ скажу, за что тебя посадили".—Да чего разсказывать... какъ сажали... все въ рыло да по шеѣ.—„Да, такъ каждаго сажали... Ты съ самаго начала разсказывай... съ того, какъ вы изъ вагона вышли". Ну, я сталъ разсказывать. Разсказалъ. Неизвѣстный, какъ адвокатъ какой, говоритъ: „Тебѣ нужно было послѣ команды: „деньги готовь!" вынуть твои пятиалтынные да и держать въ кулакѣ. Какъ подошли бы къ тебѣ: „деньги!" а ты бы разжалъ кулакъ: „На-те..." Эхъ-ты!.." Чувствую, ноги коченѣютъ" (дѣло было въ ноябрѣ и стояли морозы отъ 4 до 12 градусовъ). И вотъ оказывается, что каждый день въ этотъ карцеръ воды подливаютъ, чтобы асфальтовый полъ всегда былъ сырой. Чтобы поддерживать еще бо̀льшую сырость, по угламъ насыпана соль. „Ни лечь на полъ нельзя, ни сѣсть... сѣлъ я, портки... чего тамъ... сразу намокли. Думаю, какъ же спать-то буду?.. До меня тамъ сидѣли трое. Я пришелъ—одинъ обрадовался: „Ну, вотъ,—говоритъ,—и мнѣ пришелъ дружка". Пришла вечерняя повѣрка. Меня и учатъ: „Какъ только,—говорятъ,—въ дверяхъ замкомъ загремятъ, такъ ты держи руки вверхъ и что есть духу бѣги въ дверь, чтобъ, какъ дверь отворилась, такъ и ты вонъ! А то, говорятъ, менты (надзиратели) бить будутъ". Загремѣлъ замокъ. Поднялъ я руки кверху, бѣгу прямо, а самъ трясусь. Какъ дверь отворилась, мы всѣ, какъ сумасшедшіе, и бросились вонъ. Выскочили въ корридоръ. Смотримъ,—стоитъ начальство и на насъ смотритъ, а я трясусь, боюсь и на товарищей посмотрѣть, уперся глазами въ стѣну, стою какъ соляной столбъ. Ну, закричали: „Въ карцеръ!" Товарищи бѣгомъ, и я за ними, руки держимъ вверхъ... вскочили! Ну, славу Богу! Заперли насъ. Пришло время спать. Одинъ товарищъ зоветъ къ себѣ и показалъ, какъ можно заснуть. Свернулись съ нимъ клубкомъ: его голова между моихъ ногъ, а моя голова между его ногъ. Ну, а бока... какъ нибудь... Прижались другъ къ другу и забылись. Пища: фунтъ чернаго хлѣба и кружка холодной воды. Выскочили разъ на повѣрку въ корридоръ, а корридоръ свѣтлый, изъ темноты-то выскочишь сразу на свѣтъ — ничего не разберешь. Ну, разъ выскочили, а товарищъ Б. сидитъ ужъ десятыя сутки, истомился, какъ-то глазами и поведи. Ка-акъ его помощникъ начальника хватитъ! Надзиратели подхватили... и понесли... И какъ онъ только живъ остался. Посадили же его за ложку. Онъ пришелъ изъ вашей тюрьмы и порядковъ не зналъ. Пообѣдали, а онъ возьми да ложку и положи около печки въ стѣну. Въ стѣнѣ такая ямка для чего-то сдѣлана. Пришелъ помощникъ, увидѣлъ ложку и закричалъ: „Чья ложка! Почему дневальному не сдана!" Ну, всѣ молчатъ, а потомъ открылось. И закатали его на четырнадцать сутокъ, а ужъ

что шишекъ ему влетѣло, то нечего и считать. Такъ вотъ меня и продержали до этапа въ вашу тюрьму—четыре дня. А за что?.. Прямо изъ карцера на этапъ и сюда къ вамъ. Э-эзхъ!..“ И вотъ такіе разсказы—продолжаетъ авторъ письма—мы слышимъ каждую недѣлю. Часто въ газетахъ упоминается про каторжныя тюрьмы, а вотъ про такія тюрьмы, какъ —ская, нигдѣ не упоминается. И вѣдь измываются надъ пересыльными, среди которыхъ много слѣдственныхъ. Тѣ же порядки и въ Б-вской тюрьмѣ. „Каждую повѣрку,—разсказываетъ недавно пришедшій къ намъ арестантъ Г.,—ждемъ съ такимъ страхомъ... какъ Бога... Каждую повѣрку идетъ бой... Только стоишь и не знаешь, на кого падетъ „жеребій“ быть съ шишками“. Въ серединѣ октября тамъ избили организатора —ской с.-д. группы Б. только за то, что онъ обратился къ начальнику съ вопросомъ, почему ему не выдаютъ его крѣпостныхъ кормовыхъ денегъ. Думаю, какъ бы и мнѣ не побывать въ этихъ двухъ тюрьмахъ...“

Къ этому письму приложено другое, малограмотное. Это, какъ упоминается въ предыдущемъ письмѣ, писáлъ человѣкъ „удивительно тихій и кроткій“. Онъ проситъ товарищей, сидящихъ въ другой тюрьмѣ, о помощи. „Дорогимъ друзьямъ!.. Во-первыхъ шлю вамъ сердечное привѣтствіе, желаю вамъ всего наилучшаго и быть здравыми, затѣмъ напишу вамъ—прибылъ я на мѣсто 28 ноября. Мнѣ пришлося пробыть въ городѣ N 30 дней. Вотъ не дай Богъ гдѣ пробыть хоть одинъ годъ. Рижимъ, во-первыхъ, бьютъ смертельно и оставляютъ безъ обѣда ни за что. Сажаютъ въ карцеръ тоже за малѣйшій проступокъ. Когда идешь на прогулку, не оглядывайся, не говори, вверхъ не гляди, за все за это наказываютъ и бьютъ молотками деревянными. Повѣрка бываетъ только вечеромъ. Въ 6 часовъ складываютъ платье въ кучу передъ собою посереди камеры, становятся по два въ затылокъ и ждутъ 30 минутъ до прихода помощника. Отворяютъ камеру, шумитъ: „Смирно!“ Помощникъ здоровкается. Отвѣчаютъ: „Здраимъ, желаимъ, ваше благородія!“ Какъ отвѣтили плохо, безъ обѣда. Одинъ фунтъ хлѣба, кружка холодной воды. Оставляютъ на 3 дня, на 5 дней и на 7 дней. Еще оставляютъ безъ обѣда за таракановъ, если увидятъ на стѣнѣ. Увидятъ муху въ камерѣ, тоже безъ обѣда. Это помощникъ одинъ только такія продѣлки дѣлаетъ. Фамилія его А. Другой помощникъ—тотъ ни дурного, ни хорошаго, больше молчкомъ. Еще напишу: оправляться выходятъ на корридоръ по два. Не успѣешь снять кальсонъ, шумитъ: „Скорѣй!“ Какъ вечеръ подходитъ, такъ окны мы отворяемъ, потому что вонь невозможная... Ожидаютъ боя... Помощникъ входитъ и начинаетъ кричать: „Какъ ты стоишь!..“ И поливаетъ... Лещами кормитъ, бьетъ гдѣ попало паламомъ. Меня тоже разъ вдарилъ по шеѣ. Просто напросто невыносимо...

Затѣмъ, дорогіе товарищи, прошу васъ всѣхъ не оставьте моей просьбы, попросите начальника тюрьмы, чтобы онъ потребовалъ меня чрезъ инспектора, какъ мастера по сапожной части. Получите письмо, пишите отвѣтъ. Я, кажется, для васъ никому зла не сдѣлалъ. Извините меня, что безъ марки, потому что по прибытью не имѣлъ денегъ на марку, занять не у кого было. Здоровья моя незавидна. Болитъ грудь".

Истязанія, побои представляютъ, конечно, послѣднюю степень тюремнаго издѣвательства надъ заключенными. Надо надѣяться, что примѣняются эти безчеловѣчныя мѣры далеко не во всѣхъ тюрьмахъ. Но есть иные способы изводить заключенныхъ, способы болѣе тонкіе, разсчитанные на постоянные уколы самолюбія и достоинства интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ арестантовъ. Этими средствами всѣ тюрьмы всегда были богаты, а въ настоящее время стали еще изысканнѣе и богаче. Незнакомый мнѣ ссыльный, повидимому молодой еще человѣкъ, такъ какъ подписался „бывшимъ студентомъ московскаго университета", прислалъ мнѣ изъ Сибири письмо, въ которомъ приводитъ нѣсколько штриховъ, характеризующихъ нынѣшнюю тюрьму въ Россіи и въ Сибири. „Только лѣтомъ этого года—пишетъ онъ—я освободился изъ тюрьмы, просидѣвъ почти непрерывно четыре года. На моихъ глазахъ эволюціонировалъ тюремный режимъ, переходя отъ болѣе или менѣе сносныхъ условій къ условіямъ прямо невозможнымъ. И такъ какъ этотъ переходъ свершается при тебѣ же, непосредственно касается тебя, товарищей, создавшихся традицій, то, естественно, на все это такъ или иначе реагируешь. Вѣчно напряженный, въ ожиданіи, что завтра опять придется защищать свое достоинство политическаго заключеннаго... такъ какъ тюрьма въ своемъ развитіи стремится стереть всякую грань между политическимъ и уголовнымъ заключеннымъ. Къ первымъ предъявляютъ тѣ же требованія, которыя для послѣднихъ стали уже явленіемъ обыденнымъ. Къ первымъ хотятъ привить ту мерзость, которую уголовные, менѣе или совсѣмъ безпринципные, уже почти вездѣ, если не повсюду, практикуютъ. Не скажу, конечно, за совѣсть, скорѣе за страхъ: они болѣе податливы. Пѣть вечернія и утреннія молитвы, ложиться обязательно въ девять часовъ вечера по звонку, титуловать начальство вплоть до настаршаго надзирателя „Ваше благородіе", снимать шапки передъ начальствомъ по командѣ: „Смирно! Шапки долой!" Вотъ что хочется ввести администраціи и въ жизнь политическихъ. Но... политическій безъ ковычекъ живъ еще въ тюрьмѣ. И не бываетъ худа безъ добра—вотъ это-то самое обстоятельство дифференцируетъ политическихъ заключенныхъ. Болѣе слабые, малодушные и случайные отходятъ отъ борьбы за свое достоинство политическаго, оставляя товарищамъ, болѣе сильнымъ, выдерживать натискъ администраціи. Тѣмъ трагич-

нѣе и безвыходнѣе ихъ положеніе, и уже на тюремномъ діалектѣ появился техническій терминъ: подчинившійся, т.-е. признавшій тюремный режимъ полностью. Алгачинская каторга, какъ мнѣ передавали отбывшіе за Байкаломъ каторгу товарищи, почти полностью состоитъ изъ такихъ „подчинившихся“,—почти, потому что тамъ есть еще группа политическихъ, которые удивительно стойко выносятъ напоръ администраціи. Они претерпѣваютъ всякія лишенія, физическія „воздѣйствія“ и пр. при равнодушіи товарищей, если не сказать бо̀льшаго. Но Алгачи потому-то за Байкаломъ и называютъ политической ссылкой. Со всѣхъ каторжныхъ тюремъ „подчинившихся“ политическихъ сосредоточиваютъ здѣсь, обычно подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ самихъ же политическихъ. Такъ здѣсь—въ Сибири. Въ Россіи, насколько мнѣ извѣстно по разсказамъ товарищей, еще хуже. Самъ я оттуда скоро ужъ три года. И вотъ, принимая въ этой эволюціи непосредственное участіе, я страшно изнервничался. Даже порой удивляюсь, какъ я уцѣлѣлъ. Разумѣется, я не исключеніе. Все это, въ связи съ постоянными матеріальными лишеніями, издергало меня. Я издергался, потрепался. Но объ усталости, надломѣ... Нѣтъ, есть еще порохъ въ пороховницахъ!.. Что же касается ссыльной жизни, то нужно сознаться, что настоящая политическая ссылка, главнымъ образомъ ссылка по суду, поставлена въ ужасно неблагопріятныя условія и крайне бѣдна своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Безъ пособія, безъ права свободнаго передвиженія загоняютъ въ глушь. Что хочешь, въ предѣлахъ, конечно, дозволеннаго,—а какъ мизерно это дозволенное!—то и дѣлай. И я знаю многихъ хорошихъ, достойныхъ товарищей, но экономически необезпеченныхъ, которые, забредая въ погонѣ за кускомъ хлѣба въ глушь, обливаютъ неприглядность своей жизни алкоголемъ... Обидно, досадно и грустно. Но это фактъ. Не знаю, но думаю, что насущная задача современной ссылки—это предохранить себя отъ разложенія, сохранить въ себѣ „живу душу“, бодрость. Не вѣчны нынѣшніе сумрачные дни... Когда-нибудь да вернешься къ жизни! Но не хотѣлъ бы я возвращаться къ ней, потерявши свою „живу душу“ и бодрость, т.-е. инвалидомъ. Нѣтъ, этакъ лучше не возвращаться“.

Для нѣкотораго расширенія и углубленія картины тюремной жизни приведемъ нѣсколько газетныхъ извѣстій о порядкахъ въ различныхъ тюрьмахъ Россійской имперіи. Извѣстій этихъ, къ сожалѣнью, весьма немного. Немного не потому, что соотвѣтствующихъ фактовъ мало,—тогда можно было бы сказать не „къ сожалѣнью“, а „къ счастью“,—но потому, что тюремная жизнь, по разнымъ причинамъ, почти не доступна газетному изобличенію. Изъ Минска сообщаютъ въ „Рѣчь“: „Губернскимъ врачебнымъ инспекторомъ Урванцовымъ собраны инте-

ресныя данныя о санитарномъ состояніи г. Минска. Между прочимъ, вотъ характеристика санитарнаго положенія губернской тюрьмы. „Полы главнаго зданія тюрьмы—сгнившіе и съ большими щелями, такъ что при мытьѣ половъ вода протекаетъ черезъ всѣ этажи. Тяжелый и спертый воздухъ особенно бываетъ невыносимъ ночью, когда арестантовъ не выпускаютъ изъ камеръ и для естественной надобности выставляютъ въ камеры „параши", издающіе сильное зловоніе. Зимою камеры закрываются съ $4^1/_2$ часовъ пополудни, такъ что среди арестантовъ особенно распространены заболѣванія органами дыханія, малокровіемъ и т. п. Прогулка на тюремномъ дворѣ разрѣшается арестантамъ ежедневно въ теченіе сорока минутъ. Пищевое довольствіе недостаточное. Благодаря наплыву арестантовъ, кухонные котлы оказались слишкомъ малы, и единственная пища арестантовъ—супъ, получаемый разъ въ день, разбавлялся кипяткомъ. Съ переходомъ минской тюрьмы на положеніе каторжной, выписка на собственныя деньги пищевыхъ продуктовъ почти воспрещена. Такимъ образомъ, арестантамъ приходится питаться однимъ хлѣбомъ, вслѣдствіе чего появились желудочно-кишечныя заболѣванія и цынга. Многіе арестанты жалуются, что имъ не выдаютъ одѣялъ и что они ночью мерзнутъ. Зимою во время прогулокъ по тюремному двору въ трескучій морозъ можно видѣть арестантовъ безъ теплой верхней одежды. Этимъ объясняется огромное количество заболѣваній инфлюэнцей (около 30% всѣхъ больныхъ). Баня и смѣна бѣлья—разъ въ двѣ недѣли".

Въ этой довольно мрачной санитарно-тюремной картинѣ ни однимъ словомъ не намекается на отношеніе тюремщиковъ къ заключеннымъ. Но тамъ, гдѣ не хотятъ замѣчать, что арестанты задыхаются въ грязи и вони, что они массами заболѣваютъ отъ холода и недоѣданія,—тамъ, очевидно, не можетъ быть мягкаго, человѣчнаго обхожденія.

Двѣ тюрьмы—въ Зерентуѣ и въ Вологдѣ—пріобрѣли недавно печальную извѣстность на всю Россію. Ихъ мрачную репутацію обсуждали въ Думѣ, при чемъ, разумѣется, третья Дума осталась вѣрна себѣ, и кромѣ злорадныхъ выкриковъ справа мученики каторги никакихъ практическихъ результатовъ не увидѣли для себя со стороны русскаго парламента. Позднѣйшія корреспонденціи изъ этихъ двухъ каторжныхъ мѣстъ даютъ потрясающія подробности. „Только теперь—пишетъ вологодскій корреспондентъ „Рѣчи"—понемногу начинаютъ выясняться нѣкоторыя подробности массоваго примѣненія тѣлеснаго наказанія въ вологодской каторжной тюрьмѣ. Всѣхъ подробностей мы еще не знаемъ, потому что свиданій съ заключенными до сихъ поръ не даютъ, дабы соръ изъ избы не былъ вынесенъ. Поводомъ къ наказанію послужило недовольство заключенныхъ постной пищей, которую главное тюремное управленіе отказалось замѣнить обычной,

слѣдствіемъ чего былъ отказъ отъ работъ въ мастерскихъ. Къ наказанію было предназначено, по однимъ свѣдѣніямъ, 161, по другимъ—179 человѣкъ, изъ которыхъ тюремнымъ врачомъ Баженовымъ было признано невозможнымъ подвергнуть наказанію только 15 человѣкъ, а остальныхъ врачъ призналъ способными вынести наказаніе. Въ числѣ послѣднихъ былъ и пятнадцатилѣтній юноша Альтрушайтисъ, у котораго уже во время врачебнаго освидѣтельствованія пульсъ показывалъ 132. Не смотря на это, его наказали, при чемъ, вмѣсто присужденныхъ ему десяти ударовъ, дали до шестидесяти ударовъ. Поводъ для массоваго наказанія былъ настолько ничтоженъ даже въ глазахъ строгаго начальства, что, перепоровъ 59 человѣкъ, администрація сама, по своей инціативѣ, прекратила наказаніе, хотя оставались ненаказанными еще 100 человѣкъ. Эти заключенные и до сихъ поръ находятся на карцерномъ положеніи. О событіяхъ въ тюрьмѣ было произведено разслѣдованіе командированнымъ отъ главнаго тюремнаго управленія г. Беттихеромъ и однимъ изъ товарищей прокурора московской судебной палаты. Заключенные жаловались на грубое обращеніе прокурора".

Еще трагичнѣе въ Зерентуѣ. Въ „Вятской Рѣчи" напечатано такое частное письмо: „Пишу съ дороги. Какъ тебѣ извѣстно, у насъ въ Зерентуѣ была жизнь весьма сносная. Но вотъ назначили къ намъ другого начальника, а именно, изъ пермскихъ арестантскихъ ротъ, нѣкоего Высоцкаго. Онъ пріѣхалъ и сталъ принимать отъ стараго начальника насъ, т.-е. тюрьму. Уголовныхъ принялъ благополучно, затѣмъ приступилъ къ пріемкѣ политическихъ, при чемъ обращался къ каждому изъ насъ на „ты". Мы, не привычные къ такому обращенію, не стали отвѣчать. Когда онъ спрашивалъ, почему не отвѣчаемъ, то получился отвѣтъ: на „ты" не отвѣчаемъ. Послѣ этого сразу человѣкъ 30 взялъ въ карцеръ. Окончивъ пріемку, г. Высоцкій пришелъ въ камеру; надзиратели скомандовали: „Смирно, встать!" По такой командѣ мы не встали, а всѣ сѣли на нары. Тогда Высоцкій приказалъ надзирателямъ поднять насъ и поставить на ноги. Надзиратели стали поднимать и ставить. Одного поднимутъ, поставятъ, идутъ къ слѣдующему, а тотъ, котораго раньше подняли, уже опять сѣлъ. На другой день г. Высоцкій взялъ изъ карцера одного заключеннаго, чтобы наказать розгами, но когда его вели, онъ вынулъ изъ кармана азотную кислоту, выпилъ ее и тутъ же упалъ. Несчастнаго схватили и отнесли въ больницу. Благодаря не очень крѣпкому раствору, онъ остался въ живыхъ, хотя надежда на выздоровленіе плохая. Изъ карцера взяли другого и подвергли тѣлесному наказанію. Затѣмъ Высоцкій снова пришелъ въ камеру, гдѣ повторилась та же самая исторія съ командой и вставаніемъ. Затѣмъ еще былъ

взятъ изъ камеры одинъ заключенный и тоже подвергнутъ тѣлесному наказанію. Послѣ этого мы всѣ, политическіе, объявили голодовку. Это было 27-го ноября утромъ. Сазоновъ въ ту же ночь, съ 27-го на 28-е, отравился ядомъ, въ другой камерѣ двое зарѣзались (порѣзали себѣ вены). На третій день еще трое покушались на самоубійство. Послѣ этого съѣхалось все начальство. Порка прекратилась. Вскорѣ послѣ прибытія начальства, началась разсылка насъ по всѣмъ тюрьмамъ. 29-го ноября 30 человѣкъ отправили въ Кутамару, на другой день столько же въ Катаю, а 1-го декабря — еще 30 человѣкъ въ Алгачи. Голодовка этихъ послѣднихъ продолжалась до 1-го декабря, т.-е. $4^1/_2$ сутокъ".

Вотъ къ какимъ ужаснымъ результатамъ могутъ приводить „мелочи" (въ родѣ вставанія при начальствѣ и обращенія на „ты"), которыя теперь, видимо, вводятся ретивыми начальниками и ихъ помощниками во многихъ тюрьмахъ и отъ которыхъ политическіе заключенные готовы защищать свое достоинство самыми героическими средствами.

Конечно, ближайшую мечту всякаго политическаго каторжанина составляетъ надежда выйти поскорѣе въ ссылку. Ссылка вообще не считается въ разрядѣ очень суровыхъ наказаній. Ссылку многіе даже предпочитаютъ срочному тюремному заключенію внутри Россіи. Тюрьма унижаетъ, разслабляетъ, надѣляетъ болѣзнями. А ссылка все-же нѣчто въ родѣ полусвободы. Но, помимо того, что эта полусвобода заставляетъ многихъ влачить полуголодное существованіе въ далекихъ, дикихъ и безлюдныхъ захолустьяхъ, не застрахованы ссыльные и отъ тѣхъ или другихъ воздѣйствій администраціи. Слѣдующая корреспонденція изъ Енисейской губерніи говоритъ объ этомъ довольно краснорѣчиво. „Ссыльными, живущими въ с. Чадобецъ, Пинчугской волости, Енисейской губерніи, Д. А. Васильевымъ и Ф. В. Шумятскимъ, подано прокурору красноярскаго окружнаго суда такое заявленіе: „27-го ноября 1910-го года въ деревнѣ Юроктѣ, Пинчугской волости, было совершено стражникомъ-надзирателемъ убійство политическаго ссыльнаго Іосифа Буколяка и тяжкое пораненіе политическаго ссыльнаго Николая Ефимова. Убійство и пораненіе совершены якобы при защитѣ отъ нападенія, но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, что Селивановъ былъ пьянъ, что, во-вторыхъ, безоружные ссыльные не могли напасть на Селиванова, вооруженнаго револьверомъ и шашкой, въ-третьихъ, что на мѣстѣ происшествія не найдено никакой стамески, которою якобы ранили стражника, по его словамъ,—ясно, что желаніе отличиться заставило стражника совершить убійство и тяжкое пораненіе. И дѣйствительно, онъ получилъ переводъ, по распоряженію г-на исправника, на лучшее мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-номъ исправ-

никомъ, производившимъ дознаніе по настоящему дѣлу, были приняты всѣ мѣры для „успокоенія“ Селиванова, опасавшагося, не пересолилъ ли онъ въ служебномъ усердіи. А именно, г-нъ исправникъ заявилъ ему: „Не бойся, тебѣ ничего не будетъ“. И немедленно отдалъ распоряженіе о переводѣ Селиванова на лучшее мѣсто, въ деревню Заимку, Пинчугской волости. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. исправникъ арестовалъ пять человѣкъ ссыльныхъ, якобы нападавшихъ на Селиванова. Просимъ ваше превосходительство, въ цѣляхъ раскрытія преступленія, немедленно назначить судебное слѣдствіе“.

Вотъ онѣ — двѣ самыя ужасныя, самыя яркія черты нынѣшняго тюремно-ссыльнаго режима. Съ одной стороны, мелкій чинъ жаднымъ нутромъ чувствуетъ, что онъ можетъ „отличиться“, выслужиться, получить награду, повышеніе, если проявитъ жестокость къ политическому заключенному и политическому ссыльному. А съ другой стороны, если та или иная тюремная душа поколеблется, покоробится передъ жестокостью надъ политическимъ плѣнникомъ, то откуда-то сверху дохнетъ на него поощреніемъ: „Не бойся, ничего не будетъ“. Не важно, скажетъ или не скажетъ эту фразу ближайшее къ низшему тюремщику начальство. Несравненно значительнѣе, что такого рода внушеніе безъ словъ понятно; оно виситъ въ воздухѣ каждой тюрьмы, виситъ надъ ссылкой въ Сибири и явственно ощутимо какъ для администраціи, такъ и для политическихъ заключенныхъ или политическихъ ссыльныхъ. Злобно-мстительныя и злорадно-торжествующія рѣчи не даромъ звучатъ съ правыхъ скамей въ третьей Думѣ. Мстительная система воздѣйствія на населеніе, подъ именами „успокоенія“, „ликвидаціи революціи“, „укрѣпленія устоевъ“ и т. д., вотъ уже пятый годъ пронизываетъ внутреннюю жизнь Россіи. И нигдѣ, можетъ-быть, она не проявляется такъ открыто и такъ прямолинейно-жестоко, какъ въ мірѣ заключенныхъ и ссыльныхъ.

Въ тюрьмахъ и ссылкѣ гибнутъ сейчасъ тысячи молодыхъ людей, уже въ значительной степени прикоснувшихся къ наукѣ и культурѣ. Гибнутъ не только безъ всякой пользы для нынѣшней Россіи, но и со значительнымъ вредомъ для ея будущности. Элементарна истина, что ненависть порождаетъ ненависть и мстительность вызываетъ отвѣтную мстительность. Когда-то было сказано въ этомъ смыслѣ еще сильнѣе: „Кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю“. Нынѣшняя система мстительнаго „успокоенія“ усердно и безъ оглядки сѣетъ вѣтеръ. Много въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ теперь смирившихся и ослабшихъ. Но эти кроткіе и слабые люди и безъ того не были бы страшны защитникамъ „устоевъ“. Это по большей части мирные работники, случайно попавшіе въ тюремные капканы. Сильныхъ людей тюрьма не успокоитъ, не смиритъ, не примиритъ. Скорѣе всего нынѣшняя тюрьма

сплотить ихъ внутреннія силы и чувства на узкомъ пути отвѣтной ненависти и злобы. Такъ или иначе, многіе изъ этихъ сильныхъ людей вернутся къ жизни. Вернутся съ фанатической, узкой мечтой. Для государственнаго и общественнаго строительства ихъ энергія не будетъ допущена. Все будетъ ихъ толкать къ одной опредѣленной точкѣ. И колесо народной жизни тяжело начнетъ поворачиваться по недавно пройденному кругу... Въ бурные дни 1905-1906-го гг. революціонныя крайности оправдывались въ лѣвыхъ слояхъ такими словами: „Репрессіи правительства и весь старый режимъ къ этому привелъ". Въ нынѣшнюю пору усердствующаго „успокоительства" крайности администраціи извинялись въ правомъ лагерѣ приблизительно такими же словами: „Революціонеры своими звѣрствами до этого довели". Не предчувствуютъ ли правые, что въ туманномъ будущемъ снова возможна пора, когда теперешнія крайности „успокоительной" системы вызовутъ и воскресятъ жестокій фанатизмъ слѣва? И кажется, какъ будто подобное предчувствіе имѣется у нѣкоторыхъ крайнихъ правыхъ. Хотя въ третьей Думѣ они и вопіютъ торжествующе: „Сегодня мы и завтра мы!...", однако, у себя на мѣстахъ они же издаютъ и другіе звуки. Курскій корреспондентъ „Южнаго Края" дѣлаетъ слѣдующее любопытное сообщеніе: „18-го декабря, въ засѣданіи курскаго губернскаго земскаго собранія, большую бурю возбудилъ докладъ управы о принятіи участія въ предстоящемъ въ Москвѣ общеземскомъ съѣздѣ по народному образованію. Марковъ 2-й, ужаленный однимъ напоминаніемъ о съѣздѣ, истерично кричалъ: „Господа, начинается революція, нужно скорѣе задушить ее, иначе пѣсня наша будетъ спѣта—мы будемъ уничтожены!"—„Нужно заявить правительству протестъ за разрѣшеніе революціоннаго съѣзда",—вторитъ Маркову г. Шечковъ. Послѣ рѣчи Говорухи-Отрока (члена Государственнаго Совѣта) собраніе постановило: отъ участія въ съѣздѣ отказаться и довести до свѣдѣнія правительства, что „съ земской точки зрѣнія" съѣздъ этотъ безполезенъ и, кромѣ того, имѣетъ „государственную вредность".

Вздорность словъ г. Маркова, увидѣвшаго въ невинномъ земскомъ съѣздѣ вылазку новой революціи, очевидна—но этотъ страхъ передъ революціей весьма характеренъ для нынѣшнихъ побѣдителей. Еще вся Россія въ безсильной апатіи, а имъ уже мерещатся грозные призраки... Это знаменательно въ томъ смыслѣ, что если не сознаніе, то хоть темное предчувствіе подсказываетъ имъ о возможныхъ результатахъ „успокоительной" системы. Ихъ собственная ненависть тайно подсказываетъ имъ, что гдѣ-то растетъ отвѣтная ненависть и что она не можетъ не расти. Страхъ, конечно, будетъ, какъ всегда, преувеличивать

близость и величину опасности. Но не имѣетъ ли этотъ смутный страхъ крупинку дѣйствительнаго предвидѣнія?

Марковы, Пуришкевичи и К° могутъ въ своей преувеличенной тревогѣ пойти по такому пути размышленія: „Революція пять лѣтъ назадъ имѣла глупость въ лицѣ своихъ главныхъ представителей выйти наружу. Правительству ничего не стоило перехватать и обезвредить главарей революціи. Старой революціи нѣтъ. Но уже пять лѣтъ вся лѣвая оппозиція снова юркнула въ подполье. Какія силы зрѣютъ въ таинственной глубинѣ? И какіе сюрпризы насъ ожидаютъ? А съ другой стороны вся реакція оказалась теперь въ положеніи старой революціи. Всѣ главари реакціи вышли на поверхность жизни. Ихъ немного и всѣ они наперечетъ. А что если снова наступятъ другіе дни? Куда мы дѣнемся? Что будетъ съ нами?..“

Для подлинной Россіи грусть заключается въ томъ, что мы попрежнему далеки отъ внутренняго строительства. И если колесо исторіи будетъ дѣйствительно дѣлать такіе крутые размахи, выбрасывая побѣдительницей то одну крайнюю ненависть, то другую,—не скоро страна дождется мирнаго, прогрессивнаго переустроенія.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Изъ новогоднихъ пожеланій.—Кризисъ партійности.—129 казней.—Какъ понимаютъ „въ крайнихъ случаяхъ“?—Министерскій циркуляръ о примѣненіи смертной казни проектъ принудительнаго оздоровленія Петербурга и проектъ, выработанный думскими коммиссіями.—Рѣчь П. А. Столыпина.—Рѣшеніе Думы.—Къ тюремному вопросу.—„Ягода правительственнаго сада“.—В. С. Голубевъ и А. П. Плетневъ †.

В. А. Маклаковъ пожелалъ на Новый годъ, „чтобы всѣ русскіе люди, проснувшись 1-го января, забыли, какія существуютъ въ Россіи партіи и къ которой каждый изъ нихъ принадлежалъ“. Въ устахъ члена Государственной Думы, гдѣ все построено на партійности, т.-е. на партійномъ обособленіи, съ одной стороны, и на партійномъ поглощеніи индивидуализма—индивидуальной иниціативы и индивидуальной воли,—съ другой, это пожеланіе чрезвычайно знаменательно. Не менѣе того оно знаменательно въ устахъ члена партіи народной свободы, — партіи, не менѣе другихъ повинной въ насажденіи у насъ партійности. Правда, В. А. Маклаковъ и какъ членъ Думы, и какъ членъ партіи народной свободы, никогда не былъ крайнимъ выразителемъ партійной замкну-

тости. Но его пожеланіе все же свидѣтельствуетъ о весьма многомъ. Оно свидѣтельствуетъ о сознаніи, что, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, упорное дробленіе русскихъ прогрессивныхъ политическихъ теченій есть пережитокъ эпохи несбывшихся надеждъ, и потому—показатель политической юности общества, а отнюдь не его зрѣлости.

Что В. А. Маклаковъ формулировалъ, какъ желаніе, — то самое П. Н. Милюковъ отмѣтилъ, какъ фактъ. Онъ посвятилъ новогодній обзоръ въ „Рѣчи" партійнымъ побѣдамъ, пораженіямъ и думскимъ „комбинаціямъ" за прошлый годъ; но теперь и онъ говоритъ о сложившемся „*какъ будто* общемъ чувствѣ, что русло общественной жизни отошло *куда-то* въ сторону отъ третьей Думы и вообще отъ законодательныхъ учрежденій". „Характерную черту момента" онъ видитъ въ томъ, что въ странѣ „партіи и ихъ границы какъ-то вообще начинаютъ перепутываться и стушевываться".

Пожелалъ на Новый годъ прекращенія партійной розни также П. Н. Крупенскій. Но его пожеланіе—боевая мечта упоеннаго успѣхомъ бессарабскаго дворянина изъ отставныхъ военныхъ, игрою судьбы и „комбинацій" оказавшагося въ совершенно несоотвѣтственномъ ему положеніи политической величины. „Только національная Дума — написалъ онъ — подвинетъ Россію на прогрессивно-культурное развитіе всѣхъ національностей и сословій. Вотъ почему я желаю побѣды національной партіи надъ враждебной ей оппозиціонной группой, для чего бы считалъ необходимымъ объединеніе всѣхъ правыхъ, до прогрессистовъ включительно, въ одинъ блокъ, дабы на голову разбить врага. Думаю, что это—завѣтъ мудрой политики. А побѣдивши будемъ торжествовать!" Было бы, конечно, безполезнымъ занятіемъ искать послѣдовательность и логику въ этой тирадѣ, или раскрывать ея непослѣдовательность и нелогичность. Если вдохновитель національной партіи, г. Меньшиковъ,—отъ котораго націоналисты, въ лицѣ гр. Стембокъ-Фермора, едва ли справедливо нѣсколько мѣсяцевъ назадъ открещивались, — писалъ, что „безпартійность" даже въ отношеніи носителей власти есть „масонская" хитрая выдумка и что, напротивъ, власть есть „сама партія",—то чего ждать отъ главы „всероссійскаго національнаго клуба"? Онъ слышалъ слова: „прогрессивно-культурное развитіе", „блокъ" и т. п. и, не вдаваясь въ смыслъ этихъ словъ, включилъ ихъ въ свой призывной партійный кличъ. Для г. Крупенскаго партійное объединеніе рисуется весьма просто: всѣ представители правыхъ политическихъ теченій должны вступить въ союзъ націоналистовъ. Цѣль такого „объединенія" еще проще: искоренить безъ остатка „инакомыслящихъ".

Ни В. А. Маклаковъ, само собою разумѣется, ни мы, вслѣдъ за

нимъ, не продолжаемъ пожеланія вплоть до отказа русскихъ недавнихъ гражданъ, настойчиво возвращаемыхъ въ положеніе обывателей,— т.-е. въ положеніе отдѣльныхъ объектовъ начальственнаго попеченія и воздѣйствія,—отъ формулированныхъ политическихъ идеаловъ и стремленій. „Достигнутое", какъ основательно замѣчаетъ П. Н. Милюковъ— не должно быть утеряно. Но партійная „организація" русской общественной жизни — развѣ она „достигнута"? Если такая организація фактически существовала, то сейчасъ отъ нея ничего не осталось. Въ Думѣ есть оппозиціонныя партійныя фракціи, а оппозиціонныхъ партій въ странѣ нѣтъ. Центральные комитеты — не партіи. Центральные партійные комитеты оказались военачальниками безъ войска. Могутъ жить, при создавшихся условіяхъ, партійной жизнью—и если не живутъ, то стараются ею жить,—только разновидности реакціи вообще, черносотенства и неоцѣненнаго послушанія. Пусть они и строятъ между собою перегородки,—пусть дробятся на дубровинцевъ, коновницынцевъ, меньшиковцевъ, восторговцевъ, правовѣрныхъ октябристовъ и неправовѣрныхъ. Пусть они и „сосчитываются" между собой, какъ сосчитывается третья Дума съ Государственнымъ Совѣтомъ. Партійные ручьи лѣвѣе октябристскаго третьей Думой и „успокоеніемъ" слиты въ одно общее широкое оппозиціонно-прогрессивное теченіе. Отдѣльныя струи этого теченія имѣютъ глубокія теоретическія различія. Различія, разъ сознанныя и формулированныя, останутся. Но служить помѣхой въ стремленіи къ тому, что составляетъ ихъ общую цѣль, различіе теоретическихъ отправныхъ положеній не можетъ и не должно.

На 1910-ый годъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" былъ цѣлый рядъ пожеланій, „чтобы прекратились казни". На 1911-ый годъ никто о смертной казни не вспомнилъ. Почему?

Отвѣтъ простъ—но въ немъ еще болѣе общественно-психологическаго трагизма, чѣмъ простоты. Въ 1910-мъ году погибло на висѣлицѣ гораздо меньше человѣческихъ жизней. Въ 1909 г. было 537 казней, а въ 1910 г. — *только* 129. Сто двадцать девять казней въ теченіе года послѣ пятисотъ тридцати семи сдѣлали то, что въ новогоднихъ пожеланіяхъ смертная казнь оказалась забытой! Мысль ко всему привыкаетъ. Чувство во всемъ притупляется. Мы такъ привыкли къ казнямъ, мы такъ утомились, слыша и читая ежедневно въ продолженіе пяти лѣтъ о смертныхъ приговорахъ, что на 129 казней за одинъ годъ наше сознаніе уже не реагируетъ. Впрочемъ, нѣтъ—оно реагируетъ, но реагируетъ такъ, что морозъ подираетъ по кожѣ, если вдуматься въ уродливость того отклика, который вызываетъ въ насъ цифра 129. Въ 1910 г. состоялось *только* 455 смертныхъ пригово-

ровъ и *только* 129 приговоровъ было приведено въ исполненіе! Не ужасомъ уже вѣетъ на насъ отъ этихъ цифръ. Мы принимаемъ ихъ со вздохомъ облегченія...

Что представляетъ, сама по себѣ, цифра 129 въ приложеніи къ погодичному числу воздвигнутыхъ висѣлицъ—независимо отъ числа повѣшенныхъ въ 1906—1909 гг.—о томъ краснорѣчиво говоритъ слѣдующая справка. Во Франціи, начиная съ 1826 г., число подвергнутыхъ въ теченіе одного года смертной казни ни разу не превышало 72-хъ въ Англіи, начиная съ 1813 г.,—120-ти. Такимъ образомъ, въ Россіи, законы которой уже болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ не знаютъ смертной казни за общеуголовныя преступныя дѣянія, въ десятый годъ XX-го столѣтія было казнено больше преступниковъ, нежели казнили въ классическихъ для смертной казни странахъ и въ все еще классическое для нея время—въ началѣ XIX столѣтія. И всѣ эти 129 казней приходятся не на политическія посягательства, а именно на общеуголовныя. Мы не помнимъ ни одного случая совершенія въ 1910-мъ году террористическаго акта политическими организаціями и съ политической цѣлью. Если мы ошибаемся, если акты политическаго террора были, то, во всякомъ случаѣ, не виновники ихъ создали цифру 129. Они вошли въ нее, какъ отдѣльныя единицы. Десятки же и сотню образовали виновные въ обычныхъ убійствахъ, разбояхъ и грабежахъ. Напомнимъ два-три яркихъ примѣра. Въ Петербургѣ, въ народномъ домѣ, карманный воръ, выручая попавшагося товарища, ударилъ кинжаломъ солдата и лишилъ его жизни. Никакой политики въ дѣлѣ не было и слѣда. По юридической номенклатурѣ дѣяніе не было наиболѣе тяжкой формой убійства, ибо это не было убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Виновный имѣлъ всего 18 лѣтъ отъ роду, т.-е. въ дѣлѣ было обстоятельство, устранявшее примѣненіе высшей кары. Но волею гражданской власти дѣло было изъято изъ общей подсудности, волею власти военной—смертный приговоръ былъ утвержденъ, и убійца солдата повѣшенъ. Въ Тифлисѣ осенью казненъ ученикъ гимназіи, убившій учителя. Тамъ же, въ Тифлисѣ, повѣшенъ въ первые дни 1911-го года Мартирузовъ, убившій съ цѣлью грабежа бывшаго любовника своей жены. Не общему, а военному суду былъ преданъ и убійца пяти человѣкъ въ квартирѣ портного Лебенштейна, въ Петербургѣ. Въ порядкѣ помилованія жизнь виновному сохранена, но онъ ощущалъ уже на шеѣ веревку.

А другихъ убійцъ и разбойниковъ судили и судятъ въ военныхъ и общихъ судахъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства, т.-е. безъ возможности назначенія смертной казни. Судъ присяжныхъ въ 1910-мъ году не вовсе былъ упраздненъ. Ему предавались и обвиняемые въ предумышленномъ убійствѣ, и обвиняемые въ разбоѣ. 10-го января въ петер-

бургскомъ окружномъ судѣ слушалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей дѣло нѣкоего Барколая. Обстоятельства предъявлявшагося ему обвиненія не сложны. Ночью неизвѣстные, войдя во дворъ одного изъ домовъ по Невскому проспекту, стали стучаться въ техническую контору, и когда сторожъ спросилъ: „кто тамъ?" ему отвѣтили, что есть письмо и не можетъ ли онъ его принять. Лишь только сторожъ пріоткрылъ дверь, неизвѣстные, со словами: „гдѣ деньги?" бросились на него и нанесли ему шесть колотыхъ ранъ. Однимъ изъ неизвѣстныхъ оказался Барколай. Чѣмъ совершенное имъ дѣяніе отличается отъ типичнаго „экса"? Конечно, мы можемъ только радоваться, что Барколай не былъ и не могъ быть повѣшенъ и что для его сужденія не были нарушены правила устава уголовнаго судопроизводства. Но гдѣ отвѣтъ на напрашивающійся самъ собою вопросъ: почему въ отношеніи его не было сдѣлано того изъятія, которое имѣло мѣсто въ отношеніи 455 убійцъ и экспропріаторовъ, выслушавшихъ въ 1910 г. смертный приговоръ? Отвѣтъ фактическій — въ „свободномъ" усмотрѣніи административной власти. Но гдѣ отвѣтъ логическій и юридическій?.. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ выѣздной сессіи петербургскаго военно-окружнаго суда разсматривалось дѣло о нижнихъ чинахъ, которымъ было предъявлено обвиненіе въ предумышленномъ убійствѣ начальника-офицера, совершенномъ по предварительному соглашенію и съ революціонной цѣлью. Всѣ подсудимые, по фактической недоказанности обвиненія, были оправданы. Но съ той точки зрѣнія, съ которой мы отмѣчаемъ это дѣло, результатъ его разсмотрѣнія безразличенъ. Къ моменту преданія суду была наличность обвиненія въ самой тяжкой формѣ одного изъ тягчайшихъ воинскихъ правонарушеній. И, не смотря на это, подсудимымъ смертная казнь не угрожала: они были преданы суду для сужденія въ общемъ порядкѣ военнаго процесса и по нормальнымъ законамъ мирнаго времени. А для солдата, который въ пьяномъ видѣ нанесъ ударъ офицеру, было сдѣлано изъятіе, и онъ былъ подвергнутъ смертной казни. Объ этомъ недавно сообщали газетныя телеграммы.

П. А. Столыпинъ прошлой весной говорилъ въ Думѣ о послѣдовавшемъ въ циркулярномъ порядкѣ распоряженіи примѣнять смертную казнь „лишь въ крайнихъ случаяхъ". Помощникъ командующаго войсками петербургскаго военнаго округа осуществилъ это распоряженіе тѣмъ, что въ 1910 г. изъ 41 смертнаго приговора былъ приведенъ въ исполненіе одинъ [1]). А въ Одесскомъ округѣ изъ 37 осужденныхъ на казнь казнено 32. Въ Московскомъ изъ 25—15. Въ Кавказскомъ

---

[1]) Всѣ цифры заимствованы изъ подсчетовъ г. Могилянскаго („Право" 1911 г., № 1).

изъ 59—11. Въ области войска Донского были 23 казни и, судя по подсчетамъ г. Могилянскаго, кажется ни одного случая смягченія приговора. Въ то же время въ Варшавскомъ округѣ было 14 смертныхъ приговоровъ, а палачъ не „работалъ“ вовсе. Въ чемъ, кромѣ личнаго темперамента, можно найти объясненіе этому разнообразію? Мы не разъ говорили и не можемъ не повторить: вопросъ о тюремномъ заключеніи по суду, объ арестѣ, о денежномъ штрафѣ—рѣшаетъ въ Россіи законъ, а вопросъ о жизни или смерти — полностью переданъ усмотрѣнію и темпераменту органовъ исполнительной власти...

Проектъ принудительнаго оздоровленія Петербурга, начатый разсмотрѣніемъ въ Государственной Думѣ въ декабрѣ и законченный въ январѣ, имѣлъ три различныя редакціи. Во-первыхъ — редакцію представленія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 15 ноября 1909 года. Во-вторыхъ — редакцію, выработанную думскими коммиссіями по городскимъ дѣламъ и финансовой. Въ-третьихъ — редакцію согласительную, предложенную въ засѣданіяхъ думскихъ коммиссій представителями министерства внутреннихъ дѣлъ.

Мотивы и сущность первоначальнаго законопроекта, внесеннаго министромъ, сводятся къ слѣдующему. Санитарное состояніе Петербурга таково, что необходимо немедленно принять самыя энергичныя мѣры для оздоровленія города. Мѣры эти, прежде всего, состоятъ въ сооруженіи канализаціи и въ переустройствѣ водоснабженія, ибо детальное изученіе вопроса свидѣтельствуетъ, что причины чрезмѣрной заболѣваемости и смертности столичнаго населенія коренятся, главнымъ образомъ, въ загрязненіи почвы, воздуха и водоемовъ и въ томъ, что населеніе получаетъ недоброкачественную воду. Почти пятидесятилѣтній опытъ, съ другой стороны, завѣрилъ, что петербургское городское общественное управленіе частью не можетъ справиться съ задачей,—по причинамъ, не во всемъ отъ него зависящимъ,—частью намѣренно уклоняется отъ ея практическаго разрѣшенія. А потому, отправляясь отъ этихъ положеній, министръ предлагалъ изъять сооруженіе канализаціи и переустройство водоснабженія въ Петербургѣ изъ вѣдѣнія городского общественнаго управленія и передать производство работъ за счетъ города въ непосредственное распоряженіе правительства, съ образованіемъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особой правительственной коммиссіи, подчиненной, на общихъ основаніяхъ, министру. Въ составъ коммиссіи проектъ включалъ четырехъ членовъ, избираемыхъ городской думой. Коммиссіи предлагалось предоставить право производить, въ цѣляхъ сооруженія канализаціи и переустройства водоснабженія, принуди-

тельное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ и временное ихъ занятіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ законопроектъ устанавливалъ обязательное для владѣльцевъ всѣхъ безъ изъятія недвижимыхъ имуществъ присоединеніе ихъ владѣній къ канализаціонной сѣти за плату, опредѣляемую коммиссіей. Строительный капиталъ въ суммѣ до ста милліоновъ рублей образуется, по проекту, изъ займа, заключаемаго правительствомъ „въ порядкѣ, для заключенія государственныхъ займовъ установленномъ“, но „отъ имени и за отвѣтственностью города С.-Петербурга“.

Такимъ образомъ, первоначальный министерскій проектъ примѣнялъ къ городскому самоуправленію начало принужденія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно примѣняется общественными учрежденіями и полиціей къ частнымъ лицамъ. Если домовладѣлецъ не чинитъ мостовой, ее имѣетъ право и обязанъ починить, за счетъ домовладѣльца, городъ. Городъ не сооружаетъ канализаціи и не перестраиваетъ водоснабженія — правительство, т.-е. общегосударственная исполнительная власть, берется, за счетъ города, произвести работы, вмѣстѣ съ тѣмъ устраняя для себя въ законодательномъ порядкѣ тѣ внѣшнія препятствія, которыя встрѣчало городское самоуправленіе.

Проектъ думскихъ коммиссій построенъ не на столь упрощенномъ началѣ. Принципъ принужденія имъ непосредственно примѣненъ къ петербургскому городскому самоуправленію въ смыслѣ ограниченія его самостоятельности. Проектъ изъемлетъ дѣло сооруженія канализаціи и переустройства водоснабженія изъ категоріи дѣлъ, предоставленныхъ свободному распоряженію города, и возлагаетъ на городъ обязанность: „а) устроить въ С.-Петербургѣ канализацію для отвода какъ домовыхъ и промышленныхъ водъ, такъ и водъ атмосферныхъ осадковъ, и б) переустроить водоснабженіе, въ видахъ доставленія населенію въ надлежащемъ количествѣ воды, удовлетворяющей современнымъ требованіямъ общественной гигіены“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненіе этой обязанности обставлено рядомъ разнообразныхъ и чрезвычайно дробныхъ сроковъ. Права занятія подлежащихъ принудительному отчужденію недвижимыхъ имуществъ проектъ городу не предоставляетъ, но даетъ широкое право производить осмотры и изысканія на владѣніяхъ частныхъ лицъ и учрежденій. Присоединеніе къ канализаціонной сѣти по думскому проекту также обязательно. Правительственная коммиссія осуществляетъ функціи надзора и въ опредѣленныхъ случаяхъ отъ нея зависитъ утвержденіе предположеній городского управленія. Слѣдовательно, по думскому проекту, хозяиномъ дѣла остается, всетаки, городъ, но онъ ставится въ положеніе хозяина, во-первыхъ, подначальнаго въ отношеніи существа

своихъ распоряженій и, во-вторыхъ,—обязаннаго соорудить канализацію и переустроить водоснабженіе по плану и въ сроки, опредѣленные въ законодательномъ порядкѣ. Если же хоть одинъ изъ сроковъ не будетъ съ точностью соблюденъ, то и по думскому проекту вступаютъ въ силу предположенія первоначальнаго проекта, т.-е. правительственная коммиссія и министръ внутреннихъ дѣлъ получаютъ всѣ предусмотрѣнныя этимъ проектомъ полномочія. Третья, согласительная редакція въ основахъ конструкціи совпадаетъ съ думскимъ проектомъ.

Въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ съ исчерпывающей убѣдительностью доказана запущенность Петербурга въ санитарномъ отношеніи. Столь же убѣдительно аргументированы обвиненія, предъявленныя въ мотивахъ петербургскому общественному управленію. Попытка снять эти обвиненія, сдѣланная городской канализаціонной коммиссіей въ запискѣ, разосланной членамъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, одинаково сильнаго впечатлѣнія съ представленіемъ отнюдь не производитъ. Дѣйствительно, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что нечистоты и всякаго рода болѣзнетворныя начала совершаютъ въ Петербургѣ непрерывный кругооборотъ: человѣкъ—выгребъ—сточныя трубы—р. Нева—вода на водопроводныхъ станціяхъ—квартирный водопроводный кранъ—и опять человѣкъ. Почва—говорится въ представленіи—заражена въ такой мѣрѣ, что „химическій анализъ почвы, вынутой на дворовомъ мѣстѣ Николаевскаго военнаго госпиталя, далъ содержаніе азота въ семь разъ болѣе, чѣмъ анализъ почвы, взятой изъ кладбищенскихъ могилъ". Каналы и другіе городскіе протоки превращены „въ движущіяся клоаки"; при землечерпательныхъ работахъ изъ нихъ „нерѣдко вмѣсто грунта вычерпываются однѣ фекальныя массы". Все это несомнѣнные факты, безспорно объясняющіе существующую заболѣваемость и смертность, во-первыхъ, и обосновывающіе настоятельную необходимость устройства канализаціи и переустройства водоснабженія,—во-вторыхъ.

Представленіе министра шагъ за шагомъ прослѣдило безъ малаго полувѣковую дѣятельность—вѣрнѣе, „бездѣятельность"—петербургской городской думы по санитарному благоустройству столицы и справедливо отмѣтило отсутствіе планомѣрности и послѣдовательности, особенно характерную для петербургскаго самоуправленія „чрезвычайную медленность" и полную безрезультатность образованія безчисленнаго количества городскихъ подготовительныхъ и исполнительныхъ коммиссій. Въ представленіи вѣрно подчеркнутъ тотъ разладъ, который рѣзко обнаружился на вопросѣ о санитарномъ положеніи Петербурга между городской думой и общественнымъ мнѣніемъ, между

интересами массы населенія и класса домовладѣльцевъ. „Для оцѣнки дѣятельности городского управленія—писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ—особенно характерно отношеніе его къ разсматриваемымъ вопросамъ въ теченіе переживаемой нынѣ (въ 1909 г.) холерной эпидеміи, когда, въ виду такого народнаго бѣдствія и подъ вліяніемъ возмущеннаго общественнаго мнѣнія, оно, казалось бы, должно было напрячь всѣ усилія съ цѣлью наиболѣе быстраго и цѣлесообразнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ. Въ дѣйствительности же дѣятельность городского управленія въ отношеніи устройства канализаціи выразилась лишь въ образованіи, спустя годъ послѣ начала эпидеміи, исполнительной коммиссіи для окончательнаго разрѣшенія вопросовъ о канализаціи и водоснабженіи. Равнымъ образомъ потребовался годъ отъ начала эпидеміи для принятія городскимъ управленіемъ, и притомъ отчасти въ виду настояній администраціи, нѣкоторыхъ мѣръ палліативнаго характера въ области улучшенія водоснабженія". Останавливаясь, между прочимъ, на подсчетѣ существующихъ средствъ для вывоза нечистотъ и указывая на ихъ „несоотвѣтствіе", министръ отмѣчалъ, что это несоотвѣтствіе имѣетъ объясненіе. А именно въ томъ, „что не только жидкія нечистоты, но и значительная часть твердыхъ не удаляются вовсе вывозомъ, а проникаютъ частью въ почву, частью же спускаются въ рѣки и каналы черезъ городскія сточныя трубы безъ всякаго расхода для домовладѣльцевъ". Обстоятельство это—заключало представленіе—„должно быть учтено при предстоящемъ въ связи съ устройствомъ канализаціи увеличеніи расходовъ домовладѣльцевъ".

Такая краснорѣчивая аргументація съ несомнѣнностью убѣждаетъ въ томъ, что главная причина пассивности, проявленной петербургской городской думой въ дѣлѣ оздоровленія столицы, коренится въ организаціонной непригодности аппарата, которому ввѣрена забота о мѣстныхъ „пользахъ и нуждахъ". Городская дума теперь только стала подчеркивать внѣшнія препятствія—отсутствіе права отчужденія частновладѣльческихъ имуществъ, отсутствіе закона объ обязательномъ присоединеніи къ канализаціонной сѣти и т. п. Въ теченіе же долгихъ десятилѣтій, пока городское управленіе ходило вокругъ и около вопроса о канализаціи, оно значенія этихъ препятствій не выдвигало. Мы не помнимъ, возбуждалось ли хоть разъ ходатайство о законодательномъ ихъ устраненіи. Но принципа самоуправленія аргументація представленія отъ 15 ноября 1909 г. ничуть не колеблетъ. А потому мотивы министерскаго проекта, казалось бы, могли служить предпосылкою лишь для одного вывода, давно сдѣланнаго общественнымъ мнѣніемъ и указомъ 12-го декабря 1904 г. оффиціально признаннаго: о реформѣ городского самоуправленія на началахъ измѣненія избирательной системы и

снятія съ органовъ, вѣдающихъ городское хозяйство, тѣхъ путъ административной опеки, которыя никогда не сглаживали разлада между городской думой и населеніемъ, а, напротивъ, всегда и „планомѣрно“ его обостряли. Составители же проекта отнесли „бездѣятельность“ петербургской городской думы по оздоровленію столицы цѣликомъ на счетъ основъ самоуправленія. Они не прибѣгли даже къ избитому доводу о томъ, что реформа городского самоуправленія—дѣло долгое, а сооруженіе канализаціи—потребность, не терпящая отлагательства. Надо думать, они сознавали, что въ теченіе тѣхъ полутора лѣтъ, пока вырабатывался проектъ принудительнаго оздоровленія Петербурга, и того года, пока онъ отлеживался въ коммиссіяхъ Государственной Думы, было вполнѣ достаточно времени для исполненія предначертаній указа 12-го декабря. Нежеланіе домовладѣльцевъ создавать для себя крупные новые расходы въ томъ, на что они въ настоящее время тратятъ гроши, составители проекта признали достаточнымъ основаніемъ для вывода о безсиліи городского самоуправленія справиться съ задачей. Но окажется ли она по силамъ правительственной власти? Въ глазахъ послѣконституціоннаго правительства, справившагося съ революціей, этотъ вопросъ вызываетъ еще меньше сомнѣній, чѣмъ онъ вызывалъ въ глазахъ Д. С. Сипягина и В. К. Плеве.

Думскія коммиссіи раздвоили, такъ сказать, начало принудительности въ министерскомъ проектѣ. Принужденіе физическое—отобраніе дѣла изъ рукъ города и отобраніе денегъ на его осуществленіе—думскій проектъ построилъ, какъ возможность. Какъ фактъ, онъ выдвинулъ психическое принужденіе: подкрѣпленную угрозой отобранія и дѣла, и денегъ обязанность города въ установленные сроки соорудить канализацію и переустроить водоснабженіе. Къ этому проекту, въ согласительной редакціи, присоединилось министерство. И рѣчь П. А. Столыпина, сказанная въ засѣданіи Государственной Думы 19-го января, имѣла цѣлью оправдать и поддержать не первоначальный проектъ, а думскій. Эта рѣчь заслуживаетъ полнаго вниманія. П. А. Столыпинъ—выдающійся ораторъ, и его рѣчи всегда производятъ впечатлѣніе. Обыкновенно онъ съ выпуклой яркостью формулируетъ соображенія своихъ противниковъ и умѣло ихъ парируетъ. Той же системы конструкціи рѣчи онъ держался и въ защитѣ воздѣйствія на петербургскую городскую думу путемъ принужденія психическаго, съ детально разработанными формами условнаго физическаго принужденія. Но, какъ общее впечатлѣніе, осталось, что для опровергенія доводовъ противниковъ у П. А. Столыпина нѣтъ и не можетъ быть достаточно вѣскихъ аргументовъ.

„Подумало ли правительство—такъ формулировалъ П. А. Столы-

пинъ мысли оппозиціи,—что цѣлыя группы населенія, можетъ быть наиболѣе пригодныя для этого, устранены отъ дѣла городского управленія? Подумало ли оно о томъ, что городское управленіе обрѣзано въ своихъ средствахъ, что оно не имѣетъ права облагать оцѣночнымъ сборомъ земли дворцовыя, казенныя и удѣльныя? Предъявило ли оно когда-либо городскому управленію категорическое требованіе объ оборудованіи канализаціи и улучшеніи водопровода? Наконецъ, подумало ли оно объ освобожденіи городского самоуправленія отъ тѣхъ тормозовъ, отъ тѣхъ рогатокъ, которые поставлены на его пути самимъ закономъ, такъ какъ городское управленіе, какъ извѣстно, не имѣетъ права иначе, какъ въ путяхъ закона, не только отчудить нужное имущество, но даже временно его занять въ цѣляхъ работъ по оздоровленію города, не имѣетъ права установить обязательнаго присоединенія домовладѣльцевъ къ общей канализаціонной сѣти, не имѣетъ даже права обложить обывателей уравнительнымъ канализаціоннымъ сборомъ? Если бы правительство объ этомъ подумало, если бы оно своевременно расширило компетенцію города соотвѣтственно обширности возложенныхъ на него задачъ, тогда другое дѣло—правительство имѣло бы право возбудить вопросъ о понудительныхъ противъ города мѣропріятіяхъ; но при отсутствіи этихъ условій всякое вмѣшательство правительства въ городскую компетенцію является доказательствомъ недовѣрія къ общественнымъ силамъ, болѣе того, является ударомъ, наносимымъ самому принципу городского самоуправленія. Вотъ, насколько я понялъ, тѣ возраженія, на которыя мнѣ придется отвѣчать" [1]).

„О необходимости составленія проекта новаго городового положенія я говорить не буду". Это были первыя слова отвѣта. „Кромѣ того — говорилъ затѣмъ П. А. Столыпинъ — я полагаю, что попутно разрѣшать крупный вопросъ о новомъ способѣ комплектованія городскихъ гласныхъ было бы въ настоящее время неудобно. Я точно также оставляю въ сторонѣ вопросъ объ обложеніи оцѣночнымъ сборомъ земель дворцовыхъ, казенныхъ и удѣльныхъ". Такимъ образомъ, П. А. Столыпинъ съ первыхъ же словъ, въ сущности, отказался отвѣчать на то, что составляетъ основной предметъ спора. Переходъ отъ физическаго принужденія первоначальнаго проекта къ психическому—думскаго проекта, и согласіе правительства, не взирая на „рискъ", съ предположеніями коммиссій Думы онъ отмѣтилъ, какъ признакъ „уваженія къ принципу городского самоуправленія" и какъ актъ „довѣрія городу со стороны высшихъ законодательныхъ учрежденій". Требуя отъ Государственной Думы, чтобы она въ рѣшеніи вопроса

[1]) Эта и послѣдующія цитаты взяты изъ стенографическихъ отчетовъ „Россіи".

руководствовалась практической цѣлесообразностью, не вдаваясь въ оцѣнку политической окраски законопроекта, — П. А. Столыпинъ, въ объясненіе возможности осуществленія черезъ посредство чиновниковъ того, что „оказалось недостижимымъ“ для городского самоуправленія, говорилъ: „государство обладаетъ бо̀льшими техническими средствами, имѣетъ бо̀льшій кругъ людей къ своимъ услугамъ“. Указанію на недопустимость законодательной угрозы по адресу органовъ самоуправленія онъ противопоставлялъ допущенное въ принятой Думою первой половинѣ проекта вмѣшательство и ограниченіе самостоятельности городского общественнаго управленія.

Большинствомъ одного голоса (131 противъ 130) Государственная Дума всю вторую часть законопроекта отвергла. Законопроектъ, слѣдовательно, должно считать похороненнымъ. Съ меньшинствомъ, правда, голосовали въ Думѣ соціалъ-демократы и трудовики. Но въ меньшинствѣ же были крайніе правые, кромѣ одного гр. А. Бобринскаго, и націоналисты. И этого совершенно достаточно для утвержденія, что Государственный Совѣтъ не пропуститъ проекта въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ Думою. Что̀ же сталось съ вопросомъ объ оздоровленіи Петербурга? Приблизило или отдалило его практическое разрѣшеніе голосованіе Думы, отказавшей въ „послушаніи“ П. А. Столыпину? Мы твердо увѣрены, что правительственная коммиссія, дѣйствующая за счетъ города, не справилась бы съ задачей. Хуже казны хозяина у насъ нѣтъ. Это засвидѣтельствовалъ вѣковой опытъ. Обращеніе устройства канализаціи и переустройства водоснабженія въ обязательную для города повинность, само по себѣ, не могло бы существенно измѣнить положенія дѣла. Все равно дѣло не выиграло бы. Нужна реформа самоуправленія. Нуженъ законодательный отвѣтъ на тѣ вопросы, которые П. А. Столыпинъ оставилъ безъ отвѣта. Если за исходную точку брать „неудобство“ говорить „о новомъ способѣ комплектованія городскихъ гласныхъ“, то немыслимо задаваться приведеніемъ Петербурга въ состояніе санитарнаго благоустройства. Если „довѣріе“ къ общественнымъ силамъ усматривать въ палкѣ, которая должна быть на-готовѣ для удара, то отъ такихъ силъ нельзя ожидать бо̀льшаго, чѣмъ даютъ Петербургу Глазуновы, Казицыны, Унковскіе и Леляновы...

На всѣ жалобы, доходящія до русскаго общества изъ-за тюремныхъ стѣнъ, правительственныя сообщенія всегда и неизмѣнно отвѣчаютъ одно: въ тюрьмахъ соблюдается законъ. Касаются ли жалобы примѣненія розогъ, касаются ли онѣ карцеровъ или неудовлетворительной пищи—всякій разъ главное тюремное управленіе даетъ ссылку на соотвѣтственныя статьи устава о ссыльныхъ или устава о содер-

жащихся подъ стражей, и этими ссылками ограждаетъ себя и непосредственное начальство тюремъ отъ „явно неосновательныхъ“ жалобъ. И, все-таки, жалобы продолжаются и продолжаютъ вызывать сочувственное отношеніе къ заключеннымъ.

Относить это сочувствіе на счетъ сентиментализма несправедливо. Оно коренится въ томъ, что во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ ясно чувствуется отсутствіе отвѣта на больные вопросы тюремной жизни. Въ тюрьмахъ неизбѣжна дисциплина. А гдѣ создаются между людьми дисциплинарныя отношенія, тамъ фактически не столько отъ рамокъ закона зависитъ повседневная жизнь, сколько отъ личности носителей дисциплинарной власти. Съ другой стороны, въ тюрьмахъ не можетъ быть неравенства въ положеніи заключенныхъ—въ пищѣ, въ одеждѣ, въ пріемахъ и формахъ обращенія. И равенство въ нашихъ тюрьмахъ существуетъ. Но оно и юридически, по закону, ниже привычекъ культурнаго человѣка, а фактически обставлено невыносимою для него грубостью и поминутными оскорбленіями его человѣческаго достоинства. Русская тюрьма держитъ культурнаго заключеннаго, если онъ лишенъ правъ, въ постоянномъ нервномъ напряженіи, и причина этого лежитъ не въ законѣ, а въ личныхъ свойствахъ тюремной администраціи. Кому у насъ ввѣряется сложное и трудное дѣло поддержанія „законнаго режима“ въ тюрьмахъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо въ редакцію кишиневской газеты „Другъ“ начальника мѣстной тюрьмы г. Обольянинова. Письмо это мы прочли въ „Рѣчи“ (№ 6).

Хотя письмо написано съ требованіемъ напечатать его „на основаніи 138 ст. уст. о ценз. и печати“, но понять, противъ чего возражаетъ авторъ, невозможно. По содержанію оно представляетъ собою сплошной наборъ безграмотныхъ фразъ, вродѣ слѣдующихъ: „Какъ личность, носящая фамилію Обольяниновъ, я никогда не искалъ популярности газетной и похвалы или укора репортеровъ, равно отзыва въ газетахъ лицъ не занимающихъ служебное или общественное положеніе для меня одно пренебреженіе съ полной гордостью своего достоинства и въ данномъ случаѣ еще больше, ибо подобную гнусную сплетную небылицу возможно ожидать только отъ людей безнравственныхъ, испорченныхъ и грязно обрягшихъ себя житейской погибели. Обольяниновъ вѣрноподданный своему Царю и родинѣ, но не полыгачь жидовствующимъ и лѣвымъ и красной пожизненной обложки, почему радуется невозможности примѣненія пословицы: „скажи съ кѣмъ ты знакомъ, скажу кто ты таковъ“. Отсюда благодаренъ успѣвшимъ понять во мнѣ ягоду Царскаго Правительственнаго сада и уже созрѣвшую настолько, проглотить не придется обыкновенному дурню и обыденной жидовствующей партіи красно-

перыхъ гусей"... „Службу держу царскую всей исполнительностью не играясь и не заигрываясь и всякій мой подчиненный долженъ идти службой всей правдой и вѣрностью Царю, отечеству, правительству, а нѣтъ уходи вонъ и тюрьма не богадѣльня, а здѣсь именно нужны твердость и сила воли, при умѣніи владѣть собой".

„Рѣчь" снабдила письмо г. Обольянинова вѣрной замѣткой: „Конечно, надъ нимъ можно посмѣяться, конечно, письмо достойно того, чтобы попасть въ букетъ „волчьихъ ягодъ" „Сатирикона". Но когда подумаешь о томъ, что въ рукахъ автора подобнаго письма—судьба и жизнь десятковъ заключенныхъ, уголовныхъ и политическихъ, которымъ онъ можетъ въ какой ему угодно мѣрѣ дарить „одно пренебреженіе съ полной гордостью своего достоинства" и прочее въ томъ же родѣ—тогда становится не до смѣха"...

Покойный Василій Семеновичъ Голубевъ отдалъ большую часть своей жизни служенію земству. Онъ служилъ ему въ качествѣ „представителя „третьяго элемента", затѣмъ — въ качествѣ публициста. Онъ завѣдывалъ мѣстнымъ отдѣломъ въ „Нашей Жизни" и „Товарищѣ", а потомъ въ „Словѣ". Послѣдніе годы В. С. былъ фактическимъ редакторомъ журнала „Земское Дѣло". Въ „Вѣстникѣ Европы" онъ помѣстилъ, въ 1909 г. (апрѣль), статью: „Прошедшее нашего земства".

Большая публика не знала Александра Петровича Плетнева. Сынъ современника и друга Пушкина, извѣстнаго ректора петербургскаго университета, Петра Александровича Плетнева, онъ отдавался общественности въ тѣхъ ея проявленіяхъ, которыя не создаютъ извѣстности. А. П. знали только непосредственно соприкасавшіеся съ нимъ люди. Въ 1904—1909 гг. онъ былъ гласнымъ петербургской городской думы, избраннымъ по цензу министерства, въ которомъ онъ служилъ, но не принадлежавшимъ къ стародумскому большинству.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

Поправки. Въ повѣсти „Прорывъ въ вѣчность" П. Д. Боборыкина (въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы"), стр. 49-я, строка 6-я снизу, вмѣсто „печатное слово", набрано: „платное слово"; стр. 70-я, строка 10-я снизу: „мятежной", вмѣсто: „ничтожной".

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 18-ый день прошлаго іюня, Высочайше соизволилъ разрѣшить Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Симбирскѣ памятника писателю И. А. Гончарову. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже сдѣлано сношеніе съ министерствомъ финансовъ относительно пріема казначействами жертвуемыхъ суммъ для перевода таковыхъ въ распоряженіе Симбирской Архивной Коммиссіи.—Предсѣдатель Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи гофмейстеръ Высочайшаго Двора *В. Поливановъ.*

P. S. Пожертвованія Коммиссія проситъ съ извѣщеніемъ ея вносить въ казначейство или переводить на ея условный текущій счетъ № 1402 въ Симбирское Отдѣленіе Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.—ФЕВРАЛЬ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

Седьмое, совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

Около 40 томовъ по **2 р. 50 к.** въ изящн. полукожан. перепл. по рисунк. акад. жив. Л. О. Пастернака— 3 р. За перес.—по дѣйствит. стоимости.

Изъ содержанія I тома: Абиссинія. Прив.-доц. А. А. Крубера.—Абсолютизмъ. А. К. Дживилегова.—Абсорбція. Прив.-доц. А. І. Бачинскаго.—Аварія. Доц. В. Р. Идельсона. — Авенаріусъ. Прив.-доц. Д. В. Викторова.— Австралія. Б. В Авилова.—Австрія. С. М. Бенклова.—Австро-Венгрія. А. И. Смирнова, доц. А. Р. Свирщевскаго, Л. С. Зака и А. К. Дживилегова.—Автомобиль. Инжен. П. К. Энгельмейера. — Автономія. В. В. Водовозова.— Адвокатура. Проф. М. П. Чубинскаго.—Административныя наказанія. В. В. Водовозова.—Азія. Прив.-доц. А. А. Крубера и Л. Крживицкаго.—Азокраски. Прив.-доц. Г. Н. Гулинова.—Акклиматизація. Проф. Г. А. Кожевникова.—Акмолинская область. В. И. Анисимова.

СЛОВАРЬ будетъ законченъ приблизительно **Въ четыре года.**

По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа.

Изъ содержанія II тома: Акціонерное Общество. Прив.-доц. А. Э. Вормса и Л. Б. Кафенгауза.—Албанцы. Проф. А. Л. Погодина.—Алгебра. Прив.-доц. В. Ф. Кагана.— Александръ I. М. Н. Покровскаго. — Александръ II. Н. И. Аммона.—Александръ III. Н. И. Аммона. — Алексины. Прив.-доц. Л. А. Тарасевича.— Алжирія. Н. С. Русанова.— Ализаринъ. Проф. А. П. Лидова. — Алкалоиды. Проф. И. А. Каблукова.— Аллювіи. Прив.-доц. В. Д. Соколова. — Алмазъ. Проф. Я. В. Самойлова.— Алтай. Д-ра геогр. Л. С. Берга. — Альбуминъ. Проф. А. П. Лидова.— Альпы. Д-ра геогр. Л. С. Берга. — Амебы. Проф. Г. А. Кожевникова.—Америка. Прив.-доц. А. А. Крубера и проф. Д. Н. Анучина. — Аналитическая химія. Проф. И. А. Каблукова.—Анархизмъ. Доц. М. В. Бернацкаго.— Анатомія. Проф. В. В. Завьялова.

Изъ содержанія III тома: Анафилаксія. Прив.-доц. Л. А. Тарасевича.—Англійская литература. Прив.-доц. В. М. Фриче.—Англійское искусство. Н. Г. Тарасова.—Англо-саксонская литература. Прив.-доц. Ю. Ю. Формана.—Анилинъ. Прив.-доц. Г. Н. Гулинова.—Антильскіе острова. Проф. А. Н. Краснова —Антропологія. Л. Кржививцкаго.—Анфантенъ. С. Н. Прокоповича.—Арабская литература. Проф. А. Е. Крымскаго.—Аргентинская республика. Проф. А. Н. Краснова.— Аргонъ. Проф. И. А. Каблукова.— Аристотель. Ю. И. Айхенвальда.— Ариѳметика. Прив.-доц. В. Ф. Кагана. — Армія. В. П. Обнинскаго.—Ароматическія соединенія. Прив.-доц. Г. Н. Гулинова.— Арсено-бензолъ. Д-ра І. С. Идельсона.—Артель. Прив.-доц. В. А. Краснокутскаго и С. А. Шуманова. — Артеріосклерозъ. Д-ра І. С. Идельсона.

Изъ содержанія IV тома: Архитектура Н. Г. Тарасова. — Ассигнаціи (въ Россіи) — Доц. М. В. Бернацкаго.—Ассимиляція азота. Проф. Е. Ф. Вотчала.—Ассиро-Вавилонія. Проф. А. Е. Крымскаго. —Ассоціація (въ психологіи). Прив.-доц. В. Н. Ивановскаго.— Астраханская губернія. В. И. Анисимова.—Астрономія. Прив.-доц. С. Н. Блажко. — Асфальтъ. Проф. А. П. Лидова.— Атмосфера. Проф. Э. Г. Лейста.—Атомъ. Прив.-доц. А. И. Бачинскаго.— Африка. Прив.-доц. А. А. Крубера и проф. Д. Н. Анучина. — Ацетилинъ. Проф. А. П. Лидова. — Аэрологія. Прив.-доц. А. А. Сперанскаго.—Бабефъ. С. Н. Прокоповича.—Бабочки. Проф. Г. А. Кожевникова.—Байронъ. Прив.-доц. В. М. Фриче.—Бактеріи. Прив.-доц. Л. А. Тарасевича.—Бакунинъ. М. Н. Покровскаго. — Баптисты. В. Д. Бончъ-Бруевича.—Балтійскіе славяне. Проф. А. Л. Погодина.

См. слѣд. страницу.

XVIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

„Сибирская Жизнь“

ИЗДАВАЕМУЮ въ г. ТОМСКѢ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ, и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакція будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея о вседневной жизни и давая имъ освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адріановъ, Д. В. Алексѣевъ, В. И. Анучинъ, Г. Б. Баитовъ, М. Р. Бейлинъ, Ин. Бійскій, А. Н. Букейхановъ, Борисъ Ф. (псевд.), прив.-доц. П. В. Бутягинъ, Г. А. Вяткинъ, членъ Государ. Думы Герасимовъ, Ю. О. Горбатовскій, Г. Гребеньщиковъ, В. Ю. Григорьевъ, И. П. Гавровскій, Е. Г. (псевд. П. Юж—инъ), В. С. Ефремовъ, проф. Е. Л. Зубашевъ, Ф. К. Зобнинъ, А. С. Кочаровская, А. Б. Клюге, Е. А. Колтоновская, В. М. Крутовскій, М. О. Курскій, Д. Е. Лаппо, И. П. Лаптевъ, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, Митричъ (псевд.), членъ Госуд. Думы проф. Н. В. Некрасовъ, Пав. Николаевъ (псевд.), проф. В. А. Обручевъ, Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, М. М. Сіязовъ, членъ Госуд. Думы Н. Л. Скалозубовъ, проф. М. Н. Соболевъ, Н. В. Соколовъ, И. И. Тачаловъ, проф. В. А. Уляницкій, А. Н. Ушаковъ, Ф. Ф. Филимоновъ, Н. Б. Шерръ, А. Н. Шипицынъ и др.

Редакція газеты имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ Государственной Думы: Н. Л. Скалозубова, А. М. Колюбакина, Вергежскаго, Герасимова и Изгоева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылкой въ гор. Россіи .	6 р.	4 р. 75 к.	3 р. 50 к.	1 р. 80 к.	— р. 60 к.
За границу . . .	10 „	8 „ — „	6 „ — „	3 „ 50 „	1 „ 20 „

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы и Ямского пер., собств. домъ) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторъ **Г. Б. Баитовъ.**
Издатель **Сибирское Товарищество Печ. Дѣла.**